

№ 2 (145) 2013
Выпуск 23

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:
НИУ «БелГУ».

Издательский дом «Белгород».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

О.Н. Подухин,

и.о. ректора НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,

и.о. проректора по научной и инновационной работе НИУ «БелГУ», доктор технических наук, профессор

Ответственные секретари:

В.М. Московкин,

профессор кафедры мировой экономики НИУ «БелГУ», доктор географических наук

О.В. Шевченко

зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

В.П. Римский

доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Заместители главного редактора

В.П. Бабинцев

доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Е.Е. Тонков

доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Ответственный секретарь

С.Н. Борисов

кандидат философских наук (НИУ «БелГУ»)

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета**

Философия Социология Право

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philosophy Sociology Law

СОДЕРЖАНИЕ

**К Первой Всероссийской конференции «Глобальное будущее 2045:
Антропологический кризис, конвергентные технологии,
трансгуманистические проекты»**

Тертулиан, медиа и трансгуманизм: онтология свободы и антропология насилия в постсекулярном мире. **С.Н. Борисов,**
В.П. Римский 5

Трансгуманизм и деонтология бессмертия Николая Федорова.
И.А. Майданская 18

Философско-антропологические идеалы в наследии основных представителей русского космизма. **В.В. Лыткин 24**

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Роль псевдонимов в философии С. Кьеркегора. **В.В. Лашов,**
Н.Б. Тетенков 31

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Духовно-нравственные искания в дворянском обществе России.
О.А. Радугина 37

Об истинности мировоззрения: постановка проблемы.
В.Н. Финогентов 46

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Солидарность как основа социального капитала сельского социума: перспективы возрождения. **Г.В. Бражник 57**

Реклама лекарственных средств как фактор формирования самосохранительного поведения населения России. **С.А. Вангородская 63**

Участие детей в принятии решений, затрагивающих их интересы: опыт измерения. **Н. В. Васильева, С. В. Кочнев 71**

Имитации как способ адаптации муниципальных образований к модернизационному развитию. **Д.Г. Васильченко, О.В. Быхтин,**
Г.А. Борисов 76

Имитационные и конструктивные практики в семейной политике.
Т.Н. Каменова, М.Н. Реутова, В.А. Калугин 81

Имитационные и конструктивные проекты в приграничном сотрудничестве постсоветских государств. **А.Н. Леонтьева, В.А. Сапрыка,**
С.М. Ягуткин 88

Имитации как технология манипулирования массовым молодежным сознанием. **Е.В. Панкратова, Л.Н. Шмигирилова 93**

Структурная модель управленческой компетентности государственного гражданского служащего. **Ю.А. Турчанина 104**

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Философская танатология или апофатическая философия?
В.В. Варава 112

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Регулирование лесных отношений в период формирования русского государства. **С.В. Анохина, В.Е. Левченко, А.И. Ревин 119**

Отраслевые правовые режимы: состав и особенности. **Г.С. Беляева 124**

Члены редколлегии

- Г.А. Борисов**, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
О.А. Волкова, доктор социологических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
С.А. Никольский, доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)
Ю.А. Зубок, доктор социологических наук, профессор (ИСПИ РАН)
С.М. Климова, доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
Е.А. Кожемякин, доктор философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)
Л.Г. Королева, доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)
Г.В. Мальцев, доктор юридических наук, профессор (РАНХ иГС при Президенте РФ)
А.Д. Майданский, доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
М.В. Мархгейм, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
П.И. Орлов, кандидат юридических наук, профессор (Харьковский экономико-правовой университет)
М.Д. Розин, доктор философских наук, профессор (СКНЦ ВШ при ЮФУ)
В.Б. Тарабаева, доктор социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)
С.В. Тычинин, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
С.Ф. Шумилин, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Статьи представлены в авторской редакции.

Оригинал-макет *Н.А. Гапоненко, С.Н. Борисов*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 11.03.2013.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 35,80
Тираж 1000 экз.
Заказ 150

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 81462

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в издательском доме «Белгород»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

«Правовые основы сотрудничества генеральных прокуратур Украины и Российской Федерации». **А.В. Бозуцкая 129**

Возникновение обязательства из публичного обещания награды по результатам конкурса. **В.Н. Игнатенко 134**

Пути предотвращения недружественных поглощений (рейдерства) в контексте правового обеспечения безопасности предприятий в Украине. **И.И. Килимник 140**

Определение понятия «предприятие» в законодательстве Украины. **А.В. Науменко, Т.А. Курмаз 151**

Генезис и содержание института политического убежища в Российской Федерации. **А.Е. Новикова, А.М. Жорник 163**

Достоинство личности и политико-правовое регулирование его гарантирования в условиях модернизации. **Е.Е. Тонков, Л.А. Пожарова 170**

Развитие законодательного закрепления гарантий физкультуры и спорта. **Е.Е. Тонков, Р.В. Донец 181**

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

Некоторые проблемы научной классификации судебных экспертиз. **Д.В. Артюшенко 189**

Типичные механизмы преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами. **Е.В. Иванова 201**

Ситуационный подход к собиранию доказательств посредством проведения следственных действий и тактических операций на стадии предварительного расследования. **С.М. Коцюмбас 212**

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Коммуникативное взаимодействие власти и общества как фактор демократизации. **Е.А. Бажинова 221**

Гендерный потенциал женской и мужской идентичности. **Н.А. Грошовкина 228**

Факторы влияния на процесс управления музыкальным образованием. **Т.Л. Дорош 234**

Мифологизация славянофильства: «за» и «против». **Ю.С. Заложных 242**

Роль священных текстов в становлении и идентификации феномена веры в христианской религии. **Д.С. Марциновская 247**

Музыкальные практики в дискурсе современной городской культуры: аксиологический аспект. **А.Н. Прокофьева 252**

Семантические инновации постнеклассической науки. **Е.В. Решетникова 260**

«Своеобразие художественного преломления времени и пространства в творческом сознании Л. Н. Толстого: от ранних дневников к первым литературным опытам». **И. Ф. Салманова 267**

Язык и экологическое сознание: практическое исследование. **О.С. Хряпченкова 273**

ГЛАВЫ ИЗ МОНОГРАФИИ

Голоса Троицы, звучащие в классике (Гл.3-4). **П.И. Симуш 288**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

Обзор встречи с доктором философии Т. Оболевич (Польша). **Н.М. Мурадова, М.П. Шарковайте 303**

Сведения об авторах 309

Информация для авторов 312

**№ 2 (145) 2013
Issue 23**

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University.
Belgorod National Research University Press
The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media
ПН № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,

Acting Rector of Belgorod National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,

Acting Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Assistant Editors

V.M. Moskovkin,

Professor of World Economy Department of Belgorod National Research University, Doctor of Geographical Sciences

O.V. Shevchenko,

Deputy Head of Department of Scientific and Innovative Activity of Belgorod National Research University, Candidate of Historical Sciences

Chief editor

V.P. Rimskiy

Doctor of philosophy, professor
(Belgorod National Research University)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev

Doctor of philosophy, Professor
(Belgorod National Research University)

E.E. Tonkov

Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Responsible secretary

S.N. Borisov

Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Philosophy Sociology Law

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета
Философия Социология Право**

CONTENTS

Toward the First Russian conference “Global future 2045: anthropological crisis, convergent technologies, transhumanistic projects”

Tertullian, media and transhumanism: ontology of freedom and anthropology of violence in post-secular world. **S.N. Borisov, V.P. Rimskiy 5**

Transhumanism and deontology of immortality by Nikolai Fedorov.
I.A. Maidanskaya 18

Philosophical – anthropological ideals at the legacy of the main representatives of Russian cosmism. **V.V. Lytkin 24**

**HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES**

Pseudonyms in S. Kierkegaard’s philosophy. **V.V. Lashov,
N.B. Tetenkov 31**

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

Moral quests of the Russian noble society. **O.A. Radugina 37**

About the verity of the worldview: statement of the problem.
V.N. Finoghentov 46

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Solidarity as the basis of the social capital of the society: prospects of revival.
G.V. Brazhnik 57

Advertising of medical products as the factor of formation of self-saving behaviour of the population of Russia. **S. A. Vangorodskaya 63**

Children’s participation in decision-making on their interests: experience evaluation. **N.V. Vasilyeva, S.V. Kochnev 71**

Imitations as a way of adapting to the municipal modernization development.
D.G. Vasilchenko, O.V. Bykhtin, G.A. Borisov 76

Imitation and constructive practices in family policy. **T.N. Kameneva,
M.N. Reutova, V.A. Kalugin 81**

Imitation and positive projects in cross-border cooperation of post-soviet states.
A.N. Leontieva, V.A. Sapryka, S.M. Yagutkin 88

Imitation as the technology of manipulation of mass youth consciousness.
E.V. Pankratova, L.N. Shmigirilova 93

Structural model of managerial competence of the state civil employee.
Y.A. Turchanina 104

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

Philosophical thanatology or apophatic philosophy? **V.V. Varava 112**

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Legal regulation of forest relations in the period of Russian state formation.
S.V. Anokhina, V.E. Levchenko, A.I. Revin 119

Branch legal regimes: the composition and peculiarities.
G.S. Belyaeva 124

Legal basis of cooperation between the general prosecutors of Ukraine and the Russian Federation. **A.V. Bogutska 129**

Obligations concerning the public promise for the reward for the competition results. **V.N. Ignatenko 134**

Members of editorial board

G.A. Borisov, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

O.A. Volkova, Doctor of sociology, Professor (Belgorod National Research University)

S.A. Nikolskiy, Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

E.A. Kozhemyakin, Doctor of philosophy, associate Professor (Belgorod National Research University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy, Professor (Kursk State University)

G.V. Maltsev, Doctor of law, Professor (Russian Academy of National Economy)

A.D. Maydanskiy, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

M.V. Marhgeim, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

P.I. Orlov, Candidate of Law, professor (Kharkiv University of Economics and Law)

M.D. Rozin, Doctor of philosophy, Professor (North-Caucasian Science Centre of High School, South Federal University)

V.B. Tarabaeva, Doctor of sociology, Associate professor, Dean of the faculty of management and entrepreneurship (Belgorod National Research University)

S.V. Tychinin, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

S.F. Shumilin, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

The articles are given in authors' editing.

Dummy layout by *N.A. Gaponenko*,
S.N. Borisov
e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Passed for printing 11.03.2013
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 35,80
Circulation 1000 copies
Order 150

Subscription reference
in Rospechat' agency catalogue – 18078
Dummy layout is replicated at Belgorod National Research University Publishing house "Belgorod"
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015

Ways to predict hostile takeovers (corporate raiding) and the legal background for the corporate safety in Ukraine. **I.I. Kilimnik 140**

The definition of "enterprise" in the Ukrainian legislation. **A.V. Naumenko, T.A. Kurmaz 151**

Genesis and maintenance of the institute of political asylum in the Russian Federation. **A.E. Novikova, A.M. Zhornik 163**

Dignity of the individual and the political and legal regulation of its warranty in the context of modernization. **E.E. Tonkov, L.A. Pozharova 170**

Development of the legal entrenched guarantee for physical education and sport. **E.E. Tonkov, R.V. Donec 181**

PROBLEM ASPECTS OF CRIMINAL LAW AND CRIMINAL TRIAL

Some issues of forensic inquiries scientific classification. **D.V. Artyushenko 189**

Typical crime mechanisms concerning the hazardous materials. **E. V. Ivanova 201**

The organization of investigation crimes committing by deputies of a legislature in the government of the subject of the Russian federation and local government. **S.M. Kotsumbas 212**

THESIS

Communicative interaction between the authorities and society as a factor of democratization. **E.A. Bazhinova 221**

Gender potential of female and male identities. **N.A. Groshovkina 228**

Features of music education at the local level. **T. L. Dorosh 234**

Mythologizing the slavophilism: "for" and "against". **J.S. Zalozhnykh 242**

Role of sacred texts in the development and identification of phenomenon of belief in the Christian religion. **D.S. Martsinovska 247**

Musical practice in the discourse of modern urban culture: valuable aspect. **A.N. Prokofiev 252**

Semantic innovation of post-nonclassical science. **E.V. Reshetnikova 260**

Peculiarities of artistic transformation of time and space in the creative mind of Lev Tolstoy: from the early diaries to the first literary experiments. **I.F. Salmanova 267**

Language and ecological worldview: practical observation. **O.S. Khryapchenkova 273**

MONOGRAPH CHAPTERS

Trinity voices sounding in the classics (Ch.3-4). **P.I. Simush 288**

SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATION

"Russians in Europe": Review of the meeting with the Doctor of philosophy T. Obolevich (Poland). **N.M. Muradova, M.P. Sharkovayte 303**

About authors 309

Information for authors 312

К Первой Всероссийской конференции «Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис, конвергентные технологии, трансгуманистические проекты»

ПЕРВАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ГЛОБАЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ 2045: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС. КОНВЕРГЕНТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ. ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ»

Научный совет РАН по методологии искусственного интеллекта, Институт философии Российской академии наук, Общественное движение «Россия 2045» совместно с Белгородским государственным национальным исследовательским университетом 11–12 апреля 2013 года проводят первую Всероссийскую научную конференцию: ГЛОБАЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ 2045: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС. КОНВЕРГЕНТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ. ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ.

Проблематика и цели конференции:

Неуклонное углубление и обострение глобальных проблем нашей цивилизации (экологической, энергетической, демографической и др.) – следствие потребительской направленности ее развития. Не случайно современный этап цивилизации сравнивают «с тем переломом, какой имел место, когда человечество, как совокупность разумных существ, вообще возникло» (А. Зиновьев). Наша цивилизация быстро движется в тупик: по расчетам экспертов уже к середине века может наступить фаза «динамического хаоса» (В.С. Степин); за ней – либо деградация и гибель, либо выход цивилизации на качественно новый уровень развития. В этом ярко проявляется то, что именуют антропологическим кризисом.

Несмотря на мрачные предвидения мыслителей прошлого и настоящего, основания для реализации оптимистического сценария будущего существуют.

Каковы пути выхода из антропологического кризиса? Вот главные вопросы нашего времени.

Надо признать, что пока не видно какой-либо достаточно мощной и единой реальной силы, способной переломить гибельную траекторию развития цивилизации. Но она должна быть создана из тех раздробленных ныне, разобщенных факторов и процессов социальной самоорганизации, достижений технауки, экономических и духовных ресурсов, которые создают возможность перехода на качественно новый этап развития.

Эти вопросы были остро поставлены в Москве в феврале 2012 года на Международном конгрессе «Глобальное будущее 2045», в котором приняли участие ученые, эксперты и общественные деятели из России, США, Канады, Великобритании, Голландии, Австралии и других стран мира. Его организаторами выступили Евро-азиатский Центр мегаистории и системного прогнозирования Института востоковедения РАН и Общественное движение «Россия 2045», представившее в рамках конгресса свои программы и концепцию технопроекта «Аватар». В июне 2013 г. состоится второй Международный конгресс «Глобальное будущее 2045». Его инициатором и организатором также выступает Общественное движение «Россия 2045», конгресс пройдет в Нью-Йорке (США).

Белгородский национальный университет выступает в качестве пионера в проведении первой всероссийской конференции на столь актуальную тему; она направлена на консолидацию творческих и целеустремлённых исследований этой проблематики представителями различных регионов России. В ее обсуждении и осмыслении важная роль

принадлежит не только философам и гуманитариям, но и специалистам в области биологии и медицины, физики и математики, проблем искусственного интеллекта, информационных и когнитивных технологий, особенно тех, кто занимается широкими междисциплинарными вопросами современного научного знания.

Мы предлагаем вниманию наших читателей статьи, которые легли в основу на докладов, представленных на конференцию. В следующем номере будет продолжена публикация материалов конференции.

УДК 130.2

ТЕРТУЛЛИАН, МЕДИА И ТРАНСГУМАНИЗМ: ОНТОЛОГИЯ СВОБОДЫ И АНТРОПОЛОГИЯ НАСИЛИЯ В ПОСТСЕКУЛЯРНОМ МИРЕ

С.Н. БОРИСОВ¹⁾

В.П. РИМСКИЙ²⁾

¹⁾ Белгородский государственный институт искусств и культуры

e-mail: SBorisov@bsu.edu.ru

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

В статье осуществлена критическая интерпретация радикально-атеистической версии трансгуманизма. Отмечается, что в основе всех вариантов трансгуманизма лежит стратегия перекодирования магического понимания смерти и сакрального бессмертия в техно-метафизический проект преодоления смерти. Современное человечество «подготовлено» массовой культурой, медиа-техникой и новейшими технологиями к переконструированию собственной телесности и сознания в перспективе «обретения бессмертия». Абсолютизация/апология смерти или ее демонизация/отрицание при всей их видимой противоположности сходятся в придании смерти метафизического статуса и модуса тотальной необходимости, т.е. в забвении свободы.

Ключевые слова: Тертуллиан, Августин, христианство, свобода, смерть, бессмертие, насилие, трансгуманизм, медиа, техника.

В основании нашего «христианского мира», полагаемого в пространстве и времени многообразием культурно-цивилизационных систем, в том числе и не-христианских, втянутых в его орбиту (иудейский и исламский миры, а потом вся *колониальная ойкумена* вплоть до «остывших первобытных культур»), лежало *парадоксальное/абсурдное Событие* – добровольная, свободная **Смерть и Воскресение Богочеловека**, – полагающее дорогу спасению и возможному воскресению и бессмертию человека, причем не «человека вообще», а каждого грешного, *эмпирического человека*. Парадоксальность/абсурдность (как потусторонность «здравым смыслом» и логическому разуму) этого события сформулировал Тертуллиан: «Сын Божий пригвожден ко кресту; я не стыжусь этого, потому что этого должно стыдиться. Сын Божий и умер; это вполне вероятно, потому что это безумно. Он погребен и воскрес; это достоверно, потому что это невозможно» («О плоти Христовой»).

Религиозно-метафизические смыслы мысли Тертуллиана затерли до пошлости афоризма, который и утратил само понимание парадоксальности как *запредельного смысла*, полагающего любые смыслы. Пытаться их обнаружить и понять – задача неисполнимая, как и возврат во времена первохристианства. Мы можем лишь попытаться соотносить парадоксальность/абсурдность истинной веры с контекстами нашего существования в перспективе прорыва к мгновенным/свободным озарениям в постижении смысла бытия. Но надо признать, что в нашем ограниченном «современном» осмыслении трансцендентного и абсурдного События (свободной Смерти и воскресения Богочеловека), тем не менее, присутствуют вполне рационализируемые концепты Бога и человека, свободы и насилия, жизни, смерти и бессмертия.

Не следует преувеличивать и метафизическую сложность высказанного тезиса Тертуллиана, который был направлен, прежде всего, против «языческой» философии и «лукавой мудрости». Разумеется, Тертуллиан отрицал не разум, а чрезмерный интеллектуализм древних греков. Истину Тертуллиан призывал видеть в глубинах души, которая «по природе христианка» (еще один его афоризм!) и которую надо упростить, лишив ее мудрствования (будьте как дети!). В вопросах антропологии Тертуллиан оставался в рамках достаточно традиционной (античной!) *дуальной парадигмы* «душа – тело». Мучения и наслаждение не могут испытывать те, кто не наделен телесной природой, отмечал Тертуллиан. Это не только было направлено против гностико-манихейского дуализма и пренебрежения телесностью, но и против *устранения телесности*, «тварной плоти» *из перспективы человеческой свободы*, выбирающей между добром и злом.

Исходным для христианской антропологии¹ выступает библейское учение о творении Богом мира и человека: грехопадение человека явилось причиной замутнения образа Божия в человеке, навлекло на него смертные страсти телесные. Но грехопадение человека было не столько последствием соблазненности Сатаной, сколько неправильным употреблением творческой воли, данной человеку Богом по своему подобию, неготовностью «незрелого» Адама созерцать и «вкушать» плоды с древа познания добра и зла. Греховное отпадение от «образа» Бога, от созерцания древа жизни в раю (т.е. от созерцания Самого Бога, от Богообщения и Богопознания) и утрата «подобия», повлекли последующее «наказание» в муках рождаемой телесностью, тяготами повседневного труда и смертностью. Ветхозаветная антропология была органично воспринята новозаветной. Соответственно, первичная антропологическая интуиция христианства вписывалась и в споры о троичной природе Бога, и в учение о Богочеловеке Иисусе, и в учение о попрании смерти в Воскресении Спасителя и спасении человека от первородного греха, о телесном воскресении мертвых (в новой телесности) и об обетовании Царства Небесного, о преобразении «ветхого человека» в «нового» и жизни будущего века...

Основы западной версии христианской антропологии закладывает Августин. В первой книге своего главного, итогового трактата «О граде Божием», размышляя над онтологическими контекстами времени, Августин выходит на дилемму жизни и смерти человека, когда утверждает, критикуя античные концепции метемпсихоза и бессмертия души, христианский принцип свободы человека: «А конец жизни один: как жизни долгой, так и короткой. Одно не лучше, а другое не хуже, или: одно не больше, а другое не меньше, коль скоро то и другое в равной мере уже не существует. И что за важность, каким видом смерти оканчивается эта жизнь, коль скоро тот, для кого она оканчивается, не вынужден будет умирать снова?... Та смерть не должна считаться злой, которой предшествовала жизнь добрая. Смерть делает злым только то, что следует за смертью. Поэтому, кому предстоит умереть, те не должны много заботиться о том, что именно с ними произойдет, от чего они умрут, а должны заботиться о том, куда, умирая, они вынуждены будут идти... Поэтому человек добродетельный, даже если он и находился в рабстве, свободен; напротив, злой, даже если он и царствовал, раб, и раб не одного человека, а что гораздо хуже – столько господ, скольким порокам он подвержен (не здесь ли исток прекрасной диалектики «раба и господина» в гегелевской «Феноменологии духа»? – авт.)»². И далее следуют классические рассуждения Августина о Божественном провидении, судьбе, свободе воли человека, об истинной философии, которая и есть богословие.

Именно в смерти (Хайдеггер здесь не первооткрыватель!), по мысли Августина, и *присутствуют* истинные экзистенциальные (парадоксальные!) смыслы времени и свободы, жизни и смерти человека: «Итак, момент, в который он является умирающим или в смерти, теряется между тем и другим; потому что если он еще живет, то находится до смерти, а если перестает жить, то находится уже после смерти. Следовательно, он никогда не представляется умирающим, то есть находящимся в смерти. Точно так же и в течение времен мы ищем настоящее и не находим его; потому что безо всякого промежутка со-

¹ Подробнее см.: Бухтина Т.П., Римский В.П. Философская антропология и воспитательно-образовательные парадигмы: от античной Пайдеи к Просвещению. – Волгоград, 2004. – С. 51-110.

² Августин Блаженный. О Граде Божием. – Мн., М., 2000. – С. 16, 164.

вершается переход от будущего к прошедшему»³. Экзистенциальная Тайна жизни и смерти, вечности и времени, свободы и предопределения заключена в живом, триипостасном едином Боге (а не в Едином как боге неоплатонизма и даже не в живом Боге «богоизбранного народа» иудеев), в котором онтология Бога, природы и человека сопряжены энергийно в сотворчестве: Богом природы и человека, и человеком – в познании (и признании!) Бога и природы. Христос искупительной жертвой восстановил первоначальную *гармонию души и тела* (здесь явно античные интуиции человека!), в которой тело должно служить душе (а это уже мотив всецело христианский!). И это в реальной истории «града земного» выступает как *практическая задача* духовно-воспитательного усилия христианина, как «ученика Христова», в свою очередь становящегося «учителем» в земном измерении. Человек как образ Божий несет в себе потенции возвышенной духовности, но как существо греховное, не совершенен, требует постоянного воспитательного воздействия извне.

Вот здесь, в реформационной перспективе протестантизма (Лютер – монах-августинец!) и возникает образ «дисциплины разума», «научной аскезы», которая создала позже в средневековых университетах своеобразную парадигму ученого-монаха, ученого-аскета, которая в обыденном сознании присутствует до сих пор, когда речь заходит об академическом ученом и образовании. Не отсюда ли ведет само название преподаваемых в университетах предметов – «научные дисциплины», «учебные дисциплины»?

Не здесь ли лежит тайна перекодирования христианского понимания смерти и сакрального бессмертия, чаемого в эсхатологической перспективе в формах «новой телесности», во вполне земной проект научно-технического преодоления старения плоти человеческой и обретения ею «бессмертия»? Каким образом, фигура сакрального насилия/смерти и Событие сакрального Бессмертия на два тысячелетия определила действительно парадоксальный взлет рациональной мысли и поисков свободы, которые заканчиваются уже в «постхристианском/постсекулярном мире»^{*} совершенно *асимметричной фигурой профанного бессмертия человека* и биотехнологического *освобождающего насилия* над «грешной плотью и душой человеческой»?

В последнем случае мы имеем в виду различные *трансгуманистические проекты конструирования «бессмертного человека»*. Это не просто девиантные медийные конструкты, создаваемые на грани интернетовской паранауки и субкультурной религиозности, а вполне уважаемые проекты, которые не только интеллектуально инвестируют институализированные известные ученые (уважаемые всеми нами), но они же создают на основе этих проектов реальные политические партии, претендующие на участие в парламентской борьбе в России и за рубежом. Это партия «Эволюция 2045»⁴ и Партия за продление жизни (вернее, партии, которые практически одновременно возникли летом в 2012 году в России, Израиле, Франции и других странах)⁵.

На первый взгляд, перед нами типичный научно-технологический проект, из области футурологии на грани с «научной фантастикой»: «Мы предлагаем и будем широко пропагандировать новую идеологию управляемой эволюции человека на основе технологий кибернетического бессмертия, постоянного и целенаправленного движения вперед, выращивания будущего высокоэтичного нечеловечества, непрерывного самосовершен-

³ Августин Блаженный. О Граде Божиим. – Мн., М., 2000. – С. 624.

^{*} Мы не рассматриваем «постхристианское» как конец христианства (или хотя бы «традиционного христианства») и «торжество свободы совести», а «постсекулярность» – как некое «возрождение» религии и религиозности. Для нас эти концепты-метафоры – просто свидетельство современной ситуации (не события!) перманентного «чрезвычайного положения» (Агамбен) и глобального антропологического и культурно-цивилизационного кризиса «христианского проекта», положенного Событием Смерти Богочеловека, *неразличности* языческого и христианского, сакрального и секулярного, традиционного и нетрадиционного, модерна и постмодерна, свободы и насилия, жизни и смерти...

⁴ «Эволюция 2045» – партия интеллектуального, технологического и духовного прорыва. Манифест. 23.08.2012 // <http://evolution.2045.ru>.

⁵ Старение – это болезнь // Expert Online. – 01 марта 2013 г. // <http://expert.ru/2013/03/1/starenie-eto-bolezn/?n=172>; Чего нам ждать и на что надеяться (онлайн-интервью с соавторами книги «Футурология» Алексеем Турчиным и Михаилом Батыным) // Expert Online. – 17 декабря 2012 г. // <http://expert.ru/2012/12/17/chego-nam-zhdai-na-chto-nadeyatsya>.

ствования общества, человека, его разума и тела... Мы сделаем человечество умным, сильным, уверенным, оптимистичным, процветающим, бессмертным и устремленным к новым высотам. Мы ставим целью не только *догнать и перегнать* (выделено нами: что-то знакомое! – авт.) другие страны в науке, экономике, культуре, спорте и политике, но и превзойти самую ограниченную природу человека как вида, чтобы вырваться из оков земного тяготения – к неочеловечеству»⁶. Вроде бы все вполне рационально, даже рассудочно, но не оставляет ощущение дежавю: где-то мы это уже слышали – не в СССР ли двадцатых или шестидесятых годов? Может фильмы какие голливудские смотрели?

А вот еще более радикально (ибо это воинственная и атеистическая версия трансгуманизма, опять в духе «двадцатых»!): «Мы неоднократно слышали, что не надо пугать людей и говорить о бессмертии, о радикальном продлении жизни, о трансгуманизме... Только понимание, что смерть есть нечто ужасное, может объединить людей... Цель трансгуманистов – *приход к власти* (выделено нами: ни больше, ни меньше – и это мы уже проходили... – авт.) для реализации позитивного сценария будущего, то есть достижения физического бессмертия большинства людей... Только изменив свою природу, мы сможем жить гораздо дольше. А те, *кто не изменится, – те умрут* (выделено нами: вот опять начинается тоталитарное дежавю... – авт.)». И при этом авторы радикальной версии трансгуманизма сравнивают человека с простейшими микроорганизмами: «Что касается чрезмерной оптимистичности, можно напомнить, что ученые уже смогли увеличить продолжительность жизни нематоды в десять раз. Исходя из общности биологических законов это представляется возможным и для человека»⁷. Ох, как не хочется быть нематодой...

Любой мало-мальски профессиональный философ, разумеется, покоробится и вспомнит Бюхнера-Молешотта, милый «первый» позитивизм и все прелести «классического сциентизма». Но в том-то и дело, что перед нами не «наивные естествоиспытатели», постоянно, по верному замечанию В.И. Ленина, набивающие «философские шишки», или играющие в политику и философию «интеллектуальные мальчишки (хотя есть и такие), а вполне «продвинутые» профессионалы: ученые, философы, бизнесмены, политики, писатели, религиозные деятели...

Поэтому у нас есть подозрение, что за этой «сциентистской футурологией» скрывается вполне уважаемый *техно-метафизический проект*, тот «метафизический осадок», по выражению К. Поппера, который «большая наука» («официальная», «господствующая»?) просто не желает замечать и игнорирует. Этот «осадок» – тоска современного человека по *запредельным смыслам бытия*, утраченным или растроченным в постхристианском/постсекулярном мире.

Да, перед нами вновь *парадоксально-абсурдный проект*, только не религиозно-метафизический, а техно-метафизический, понимая под абсурдностью опять же *невозможность полагания* обыденного, профанного, в том числе и научно-прикладного, *смысла в перспективе смерти и бессмертия человека*. Абсурдность здесь присутствует как с позиций обыденного рассудка, так и с «точки зрения» рации «господствующей» (в прямом смысле!) науки.

Но это парадоксальные смыслы, восходящие не столько к онтологическим основаниям христианства или других религий, как бы некоторым этого не хотелось, и не только к научно-метафизическим проектам «русского космизма», понимаемого нами как неклассическая версия *отечественной философии жизни*⁸. Где-то там, в далеком прошлом Средневековья и Возрождения, на периферии иудео-христианского и иудео-исламского миров, мы находим гностико-кабалистические мифы об Адаме Кадмане и Големе, алхимические легенды о гомункулусе и магические практики получения «элик-

⁶ «Эволюция 2045» – партия интеллектуального, технологического и духовного прорыва. Манифест. 23.08.2012 // <http://evolution.2045.ru>.

⁷ Чего нам ждать и на что надеяться (онлайн-интервью с соавторами книги «Футурология» Алексеем Турчиным и Михаилом Батыным) // Expert Online. – 17 декабря 2012 г. // <http://expert.ru/2012/12/17/chego-nam-zhdai-i-na-chto-nadeyatsya>.

⁸ См.: Римский В.П., Трошихин В.В., Филенко Л.П. Русский космизм между культурно-идеологическим конструированием и философско-теоретической реконструкцией // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №14 (133). – Вып. 21. – Белгород, 2012. – С. 16-31.

сира вечной молодости (здоровья, бессмертия)». Эти мифологические образы и магические практики получили художественную и философско-литературную легитимацию не только в классической прозе и поэзии романтизма (Гете, М. Шелли, Гофман, Гейне и др.), но и в современной интеллектуальной литературе (Х.Л. Борхес, М. Павич, У. Эко).

Вряд ли создатели трансгуманистических проектов задумываются над своими предшественниками, ибо их помыслы устремлены исключительно в будущее, даже в настоящем они не желают застревать. А зря...

На наш взгляд, не столько в магических практиках, религиозно-мистических учениях и художественной литературе, сколько в *медийном планктоне* культуры модерна/постмодерна следует искать интуиции современного трансгуманизма. Фильмы «Франкенштейн» (режиссер Дж. Сирл Доули, 1910) и «Гомункулус» (режиссер Отто Рипперт, 1916) только зачинают череду экранных версий «медийного трансгуманизма»: посмотрите все эти «франкенштейновские вариации» и «големовские фэнтези» Голливуда и вы поймете, что человечество и человек в XX веке уже подготовлены массовой культурой к переконструированию собственной телесности и сознания в перспективе «обретения бессмертия». Не случайно и один из пионеров трансгуманистического проекта, очень авторитетный ученый в сфере искусственного интеллекта и реальный родоначальник «информационного общества» Марвин Мински консультировал Стэнли Кубрика при создании культового фильма Голливуда в жанре научной фантастики «Космическая одиссея 2001 года»* и имеет одно из званий «профессор медиаискусств и наук». Есть только одна незадача...

Медийное и выступает *символическим посредником* между реальным, живым человеком нашего мира, живущим в выморочном «обществе спектакля» (Ги Дебор), и всевозможными проектами, политическими, научными или культурными, предлагающими сделать его «счастливым» в новом «блистательном мире», который всегда оказывается не пространством счастья и временем свободы, а новым тоталитаризирующим хронотопом.

Нас меньше всего интересуют перспективы трансгуманизма как политического проекта. А.В. Турчин, один из зачинателей «радикального» трансгуманизма, так нарисовал его положение в российском политическом пространстве на примере своих «свободолюбивых акций»: «Я убедился, что никто нас расстреливать на месте не собирается, наоборот, нас скорее игнорирует окружающая публика. Единственный охранявший нас милиционер отогнал сумасшедшую тетку, которая вдруг ринулась к трибуне из глубин сквера»⁹. Комментарии излишни...

Но надо серьезнее отнестись к техно-метафизическим смыслам трансгуманизма, не подвергая его с порога огульной критике в духе «либерального» или «коммунистического», «идеалистического» или «материалистического» радикализма, всегда выводящего нас, в конечном итоге, в пространство *тотального насилия*.

Во-первых, трансгуманистическое «бессмертничество», на первый взгляд абсурдистское, позволяет нам глубже постичь тот факт, что последние культурно-цивилизационные тенденции не столько увеличили пространство свободы современного человека в сфере культуры, информации и коммуникации, сколько показали *атавистичность старых механизмов власти и господства*, законсервированных «ценностями» правящей элиты *во всех без исключения странах*. В этом контексте тотального онтологического и антропологического кризиса трансгуманизм, на первый взгляд, предлагает человеку *новый трансцендентный смысл*, которого человек лишен в повседневной жизни в силу распада традиционных (сюда можно отнести и «традиции модерна») духовных ценностей и социокультурных институтов, прежде всего таких, как этнос, семья, религия, государство (в ситуации глобального постиндустриализма уже разрушены структуры суверенного государства-нации). Человек в условиях постмодернистского распада устойчивых социальных и культурных стратификаций оказался не только в ситуации тотального отчуждения (и в этом оказались правы и Маркс, и неомарксисты, и экзистенциалисты, и постмарксисты),

* Правда, человечество в 2001 г. волновало вполне земное нелегитимное насилие – теракты в США, война в Чечне и т.п., но не «искусственный интеллект» или «крионика».

⁹ Турчин А. Как я делал революцию в Брюсселе // Expert Online. – 22 января 2013 г. // <http://expert.ru/2013/01/22/kak-ya-delal-revoljutsiyu-v-brjussеле>.

но и *полной утраты идентичности, глубинных онтологических оснований* собственной жизнедеятельности (утрата телесности, психического здоровья, семьи, этничности, веры, любви и, наконец, свободы).

Реальный человек, разумеется, продолжает жить в пространстве повседневности, существовать, сопротивляясь *мягким дисциплинарным технологиям* все той же *биополитики* (Фуко-Агамбен) уже в постиндустриальном обществе, которые через медийные нарративы и транскомуникативные дискурсы (интернет), медицину и социальные службы, школу и вузы порождают столь невиданную ранее *манипуляцию* не только сознанием, но и всей жизнедеятельностью человека, его *биос* как глубинным онтологическим основанием. Поэтому, на наш взгляд, не исключая важности исследований в сфере искусственного интеллекта, биотехнологий, геной инженерии и продления жизни, мы должны понимать, что их результаты могут реально превратиться в технологии *негативных манипуляций* человеком, прежде всего молодежью. И возникает вопрос: трансгуманизм, предлагая альтернативные, инновационные и парадоксальные жизненные стратегии, культурные программы и ценностные ориентации, не усиливает ли нигилистические тенденции в сфере личностной идентичности, телесности, сознания и духовной жизни? Не становится ли он сам со своим метафизическим проектом *составляющей* того антропологического кризиса, который и фиксирует в своих теоретических постулатах и пытается преодолеть?

Во-вторых, *стабилизирующее воздействие на психику и телесность*, разрушенные индустриальным и постиндустриальным «прогрессом», одним из «достижений» которого стала «государственная» и «страховая» медицина с ее медикаментозными технологиями «залечивания», современный человек порой ставит выше некоторых «спасительных вечных истин». И для осязаемого телесного и психического облегчения в повседневной жизни проект трансгуманизма может дать человеку больше, чем все «нетрадиционные» и «традиционные» религии, как и «традиционная» и «нетрадиционная» медицина вместе взятые, также претендующие на выход из «антропологического кризиса». Разумеется, здесь нет подлинного, экзистенциального обретения отчужденной онтологии «тела и души», а *лишь онтические*, превращенные формы снятия телесных и психических страданий в технологических формах. Но иногда протез лучше утраченной ноги...

В этом плане трансгуманизму следует отразуметь ту дилемму свободы и насилия, человека и техники, которую столь остро поставил когда-то К. Маркс, а в минувшем веке осмыслил в мифологизированном философском мышлении М. Хайдеггер.

Историю взаимоотношений человека и техники в разрезе проблемы свободы и насилия можно зафиксировать двояким образом, поскольку уже у Платона в «Политике» мы можем найти на нее намек, а в полном смысле этого слова концептуализацию связи всех составляющих (человек – свобода/насилие – техника) обнаружим в алармистских настроениях первых теоретиков философии техники в XIX веке. В самом общем виде результат концептуализации человека и техники может быть сведен к нескольким вариантам. Техника как *восполнение* неполноты человека, компенсация его несовершенства, и техника как *продолжение* его органов, столь же естественное, сколь и необходимое. Но также понимание техники как чужого, *искажающего природу человека*, некое угрожающее «неживое». Момент насилия здесь очевидным образом исходит из самой *природы* человека, поскольку техника дает преимущество, инструмент для исправления «дурной» природы человека («исправление» – превращенная форма свободы воли человека); – и из процесса объективации и отчуждения, самостоятельности техники, которая настолько совершенствуется и становится автономной, что начинает угрожать создателю. Насилие здесь созвучно метафорам потери свободы и контроля над созданным, которое превышает самого создателя, что не раз было обыграно все в том же классической литературе и современном медиаискусстве.

Техника не только дает преимущество или является средством, но раскрывает сущность человека, оказываясь его онтологическим основанием и пространством реализации свободы. Но уже в этом смысле она действительно не является «просто» средством, а уже несет некую «печать» и свободы, и насилия¹⁰. Как показывает Л. Мамфорд, генети-

¹⁰ О технике как потенциальной угрозе человеку, не/нейтральности техники как средства см.: Тавризян Г.М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации». – М., 2009.

чески возникновение человека и возникновение техники неразрывны, поскольку сублимация психической энергии вела к возникновению культуры через разнообразные «биотехники», из которых собственно изготовление технических приспособлений было лишь частью обширного комплекса¹¹. Человек через присвоение энергии, создание принципиально новых механизмов, которые Мамфорд определяет как «биотехники», *создает себя*. Этот сложный процесс затрагивал не только символизацию реальности, изобретение таких техник или практик символизации, но и собственно техники.

Ж. Делез и Ф. Гваттари в «Анти-Эдипе» достаточно рассмотрели этот аспект. Но также следует отметить, что существует и еще один важный момент восприятия техники, касающийся проблемы свободы человека и насилия уже не столь очевидным образом. Это сфера так называемых «технических медиа» – информационных технологий, масс-медиа, медиаискусства, – которая пока скорее периферийна для традиционных размышлений о технической угрозе свободе человека и насилия над ним. Медиа-техника может определять как вся совокупность технических устройств для передачи информации. Именно в передаче информации состоит ее основная *функция посредничества*, и этим она отличается от всей остальной техники*. М. Маклюэн в своих работах¹² акцентировал именно эту сторону, говоря о посредничестве как *подавляющей* характеристике медиа, что в своей «сильной» форме отражено в его известном выражении «медиум есть сообщение». «Сильным» здесь представляется некая абсолютизация функциональности медиа, сведенной к передаче сообщения. Это представляется некоей единственно возможной поверхностью медиа-техники и лишением ее содержательного плана, самого содержания сообщения, значение которого в расчет не берется. Кроме того, Ф. Киттлер¹³ фиксирует еще один возможный вывод из формулы Маклюэна, говоря о соотносительности медиа с другими медиа, как содержанием друг друга и, отметим, тем самым *исключающим человека*, ведь именно последний связан с *необходимостью смысла*.

Если принять это положение, дополнив его тезисом о том, что развитие техники происходит вне собственно необходимых и естественных потребностей человека, которые давно были удовлетворены на ранних ступенях развития техники, а усложняясь в соотношении с самой собой, то *элиминация человека* как значимого элемента системы выглядит вполне логичной. Роль человека как создателя или генератора информации здесь не отрицается, но само внимание *на внешнем* для человека характере техники является концептуально продуктивным¹⁴. Тем самым человек не является *субъектом* техники, но соотносится с ней как испытывающий воздействие на свои органы чувств, т.е. как *объект*. Медиа-технологии действительно носят характер мягкого *манипулятивного* воздействия на органы чувств, телесность и сознание человека. Сюда же следует отнести и все технологии по созданию искусственного интеллекта, особенно в перспективе конструирования «бессмертного сверхинтеллекта» трансгуманистов*.

В более общем виде Киттлер говорит об исторически существующем отношении между *медиа и телом*, причем совершенно необходимом человеку уже не с позиции органопроекции, как продолжение его тела, а как модели самопонимания. Причем самопонимание осуществляется посредством «подмены», «подтасовки самопонимания», по-

¹¹ См.: Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. – М., 2001. – С. 14-15.

* Собственно название «медиа» и раскрывает этот смысл, говоря о *передаче* или *посредничестве* – «медиа» и выступают своеобразным «*медиумом*», вещающим человеку в «обществе спектакля» голосами симулякров.

¹² Маклюэн М. Средство само есть содержание // Информационное общество. – М., 2004. – С. 341-348.

¹³ Киттлер Ф. Оптические медиа. Берлинские лекции 1999г. – М., 2009. – С. 25.

¹⁴ См.: Там же. – С. 24.

* Нам даже не хочется обсуждать примитивные пассажи, в которых «личность – это информация, и эту информацию можно пытаться сохранить даже после смерти тела – например, заморозив мозг или произведя его химическую фиксацию – с тем, чтобы в будущем вернуть личность к жизни. И тут еще много можно чего сказать, как это можно было сделать, как клонировать тело, как собрать рассеянную информацию и реконструировать на ее основе личность, как обеспечить идентичность восстановленного человека...», и т.д., и т.п. // Турчин А. Пятьдесят оттенков и методы рациональности // Expert Online. – 09 января 2013 г. // <http://expert.ru/2013/01/9/pyatdesyat-ottenkov-i-metodyi-ratsionalnosti>. Да нет, тут уже «нечего сказать»...

сколькx медиа воспроизводят мир *искаженно*. В этом положении Киттлера открываются две перспективы: одна собственно *антропологическая*, состоящая в вопросе о необходимости для человека *техники как модели человека* через «ниспровержение чувств»; а вторая, которую можно назвать скорее *онтической*, поскольку она связана с мнимым, симулятивным характером «продуктов» и результатов работы медиа-технологий. Собственно Киттлер останавливается на первой, привлекая для ее объяснения понятийный аппарат структурного психоанализа Ж. Лакана. Причем лакановская трактовка образа в стадии зеркала имеет значения *ложного образа целостности*, которой еще нет, тем самым это *искажение*, даваемое медиа. Так образы, рождаемые кино, наиболее полно подходят для иллюстрации этой идеи в том смысле, что зритель не сталкивается с реальностью в виде самого актера как человека, а видит именно образ. Еще более мнимый характер подобная визуализация обнаруживается в виртуальной реальности интернета. Другой регистр – *символическое* – связан с построением *более фундаментального опыта* человека, вовлеченного в символический порядок реальности в дальнейших многообразных процессах вхождения в культуру в ее широком смысле. Медиа, прежде всего в своей ипостаси кинематографа, телевидения и интернета, предстает перед нами средством трансляции, передачи этого символического порядка. Но также дает возможность его изменения, воздействия на человека. Наиболее очевидно, что это может быть изменение содержания символического, что и есть *манипуляция*.

В. Беньямин раскрывал этот эффект через понятие «ауры объекта». Техническая воспроизводимость объектов в современном искусстве (теперь и в информационных технологиях), то есть медиа, «выводят редуцируемый предмет из сферы традиции», то есть сложившегося порядка символического, а также «приближают репродукцию к воспринимаемому ее человеку»¹⁵. В этих двух аспектах взгляд человека принципиально отличается от взгляда кинокамеры, как показывает Беньямин, именно в отношении к традиции. Медиа деструктивны, *сущностно насильственны* в своем воспроизведении, то есть функционировании, построении образа реальности. Эти же трансформации открывают *возможность манипуляции*, как пишет об этом Беньямин, в искусство (добавим и технику как ее материальный носитель и инструмент) *вторгается политика* «в тот момент, когда мерило подлинности перестает работать в процессе создания произведения искусства, преобразуется вся социальная функция искусства. Место ритуального основания занимает другая практическая деятельность: политическая»¹⁶.

Возвращаясь к идеям Киттлера и регистрам лакановской концепции психики, остается еще один уровень, а именно *реальное*, которое вовсе не гарантирует нам уровня «подлинного бытия», онтологичности. Статус реального в соотношении с медиа мы не беремся пересказывать, так как необходимо уточнить понятие реального у Ж. Лакана, а потом сделать вывод о возможности его «запоминания» и «обработки» медиа-техникой. Поскольку *опыт реального* определяется Лаканом как *травматичный*, то реальное, которое фиксируется кинематографом, также должно носить такой характер. По этому поводу уместно снова привести слова Беньямина о том, что кинематограф создал область *визуального бессознательного*, которое открывается человеку, не знающего самого себя в силу ограниченности естественного восприятия, ограниченности своих органов чувств: «... природа, открывающаяся камере – другая, чем та, что открывается глазу. Другая прежде всего потому, что место пространства, проработанного человеческим сознанием, занимает бессознательно освоенное пространство... Сюда-то и вторгается камера со своими вспомогательными средствами...»¹⁷. И такое открытие *шокирующе* действует на человека, это определенная *демистификация человека*, как раскрытие его тайны, показ его «обнаженным», освобожденным от «одежд» не только воображаемого, собственно естественного зрения, но и в определенной мере символического, внешнего как оно есть.

¹⁵ Мы закавычили несколько измененные формулировки Беньямина поскольку они изменены только в окончаниях. См.: Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. – М., 2012. – С. 196.

¹⁶ Там же. – С. 201-202.

¹⁷ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. – М., 2012. – С. 222.

Именно таким человек предстает через объектив уже не игрового кино, а на мониторах камер наблюдения, ставших неотъемлемым атрибутом повседневности, рентгеновском аппарате, отсылающем к фукианскому *знанию-власти*, или сканирующей аппаратуре таможенных служб, а также в интернете и социальных сетях, хотя в последнем случае человек часто *симулирует свободу через анонимность* или *остраненность* своего дискурса в сети¹⁸. В терминах Дж. Агамбена это столкновение с *homo sacer*, локализованном не только в пространстве лагеря, но и в перманентном хронотопе «чрезвычайного положения»¹⁹, уже безраздельно господствующего в современной, глобальной биополитике после 11 сентября 2001 г., чеченских войн и «арабских революций».

Но также в практически диалектическом единстве противоположностей «реальное» техники, травматический опыт столкновения с «голой жизнью» в пространстве медиа сопрягается с символизацией в ее гипертрофированной форме *симулятивной реальности*. Понимание последней было бы неполным без осознания этой связи, равно как и природы насилия. С. Жижек раскрывая эту связь, говорит о сложном соотношении фантазии и Реального, что «соотношение между фантазией и ужасом Реального намного более двусмысленное, чем это может показаться: фантазия призвана скрыть ужас, в то же время она и создает то, что предназначено спрятать, именно ту базисную точку, которую пытаются подавить в сознании»²⁰. Потому рост техники неразрывно связан с *ростом символической реальности*, что отражает, пусть и наиболее наглядно, общий процесс структурной экономии желания, которое инвестируется в объекты как объекты желания при посредничестве символического универсума.

В современной философии мы можем встретить и более онтологическое следствие, предложенное Ж. Бодрийяром и выводимое из вышеназванного процесса, связанного с линией рассмотрения *симулятивного*. В целом ряде работ им развивается *концепт симулякра*²¹. Порядок функционирования симулякра вырастает из общей логики надстраивания символа над вещью, бинарности означаемого и означающего. Основной тезис Бодрийяра состоит в изменении этой конструкции, поскольку современность характеризуется «одержимостью символическим» в патологической форме *стремления к смерти*. Первое значение смерти у Бодрийяра включает противоположное значение: «Смерть всегда есть одновременно и то, что ждет нас *в конце* системы, и символический *конец*, подстерегающий самое систему. Чтобы обозначить финальность смерти, внутренне принадлежащую системе, повсюду вписанную в ее операциональную логику, и радикальную контрфинальность, вписанную вне системы как таковой, но всюду преследующую ее, у нас нет двух разных терминов – в обоих случаях с необходимостью выступает одно и то же слово «смерть»»²². Смерть Бодрийяр предлагает понимать двояко, как структурное завершение бинарного кода, стремящегося к тотальности и в этом движении преодолевающего саму бинарность. Стремление к *унификации*, элементарности кода ради его всеобщности, универсальности в простоте самотождественности. И одновременно это *конец самой системы* – Закона, структур «захвата» субъектов, смысла, потоков желания, то есть *смерть*. Она следствие «обратимости», которая лежит в основе символического. Обратимость как принцип применима к достаточно большому или, по Бодрийяру, ко всему существующему, поглощенному кодом. При этом обратимость *не означает упразднение насилия*, но скорее его новую, принципиально иную, *революционную форму*.

В терминах Фуко и Агамбена – это переход к биополитике и управлению «голой жизнью», для Делеза и Гваттари – раскодирование потоков желания. Бодрийяр толкует

¹⁸ См.: Антропология насилия: свобода и принуждение в пространстве современности: Монография / под ред. В.П. Римского. – Белгород, 2013.

¹⁹ См.: Агамбен Дж. *Homo sacer*. Суверенная власть и голая жизнь. – М., 2011; Агамбен Дж. *Homo sacer*. Чрезвычайное положение. – М., 2011; Агамбен Дж. *Homo sacer*. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. – М., 2012.

²⁰ Жижек С. Чума фантазий. – Харьков, 2012. – С. 39.

²¹ См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2000; Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. – М., 2007; Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М., 2000; Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. – Екатеринбург, 2000; Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / <http://exsistencia.livejournal.com>.

²² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2000. – С. 48.

это как смену режимов насилия, когда структурное насилие сменяется символическим. Режим Закона сменяется режимом управления. Принцип бинарности, противостояния сменяется принципом «обратимости». Зримые метаморфозы насилия касаются его сущностных координат, таких как легитимность и территориализация. Можно указать на принципиальные изменения, касающиеся утраты самоочевидности законного насилия в феноменах терроризма и размывании территориализации, как четкой определенности пространства насилия в современных феноменах локальных конфликтов, «миротворческих» и «гуманитарных» операций, а также революций стран третьего мира, пришедших на смену традиционной войне.

При этом речь идет не столько о смене одной «формации» другой, структурного насилия символическим, поскольку символическое насилие всегда уже присутствовало во всех других формах как их сущностное основание, сколько все большей явности последнего. В этом пространстве всеобщей обратимости и автономности знака насилие приобретает совершенно иные координаты, поскольку насилие уже не выстраивается в оппозиции легитимного и нелегитимного, а значит, на что указывает Бодрийяр, революция не имеет шансов на победу, она уже включена в код, поскольку вступает в игру обмена или симуляции знаков. Иначе говоря, возникает коммуникация, оперирующая простейшим кодом угрозы насилия или насилия в модусе своей потенции, в своей неопределенности, транзитивности (что, кстати, и происходит с терроризмом). При этом Бодрийяр фиксирует важный момент, касающийся символического насилия. Знак не только осуществляет захват реальности, но в своей симулятивной игре соотносительности с самим собой её отрицает. В этом еще раз раскрывается имманентный характер символического насилия, поскольку единственной альтернативой ему служит смерть, ибо «единственным выходом оказывается обратиться против системы сам же принцип ее власти: невозможность ответа и возражения. Бросить системе такой вызов, на который она не сможет ответить ничем кроме своей гибели и крушения... Ибо тот дар, на который она должна ответить, чтобы не потерять лицо, – этот дар, конечно, может быть только даром смерти. Пускай система сама убьет себя, отвечая на многократный вызов смерти и самоубийства»²³. Прекращение существования есть максимум насилия и одновременно его предел, поскольку это «дар», который разрывает логику воспроизводства знаков. Насилие в своем пределе предстает как изъятие субъекта из пространства символического универсума, но на границе этого предела достигается максимум символизации.

Эту ситуацию ранее и зафиксировал М. Фуко: «В наше время – причем Ницше уже давно указал на этот поворотный момент – утверждается не столько отсутствие или смерть бога, сколько конец человека (то маленькое, едва заметное смещение, сдвиг внутри тождества, которое и превращает конечное человеческое бытие в конец человека)... Мысль Ницше возвещает не только о смерти бога, но и (как следствие этой смерти и в глубокой связи с ней) о смерти его убийцы. Это человеческое лицо, растерзанное смехом; это возвращение масок; это рассеивание глубинного потока времени, который ощутимо увлекло человека и силу которого человек угадывал в самом бытии вещей; это тождество Возврата Тождественного и абсолютного распыления человека. В течение всего XIX века конец философии и предвзвешивание будущей культуры были, несомненно, едины с мыслью о конечном человеческом бытии и с самим появлением человека в знании; в наше время тот факт, что философия извечно и поныне находится на пути к завершению, что, быть может, именно в ней, а еще того более за ней и вопреки ей – в литературе и формальной рефлексии – возникает вопрос о языке, несомненно, уже доказывает, что человек находится на пути к исчезновению»²⁴. Разумеется, здесь речь идет о символической смерти человека, вернее, о смерти человека в символическом, но в «обществе спектакля» это может означать и фактическую смерть – от символического самоубийства до символических убийств (терроризм религиозный, политический, бытовой).

Ги Дебор, совершивший одно из значимых самоубийств прошлого века, писал, будто предчувствуя приход трансгуманистических проектов в «обществе спектакля»: «Сознание зрителя засосало в воронку фальшивого мироощущения, и теперь он уже не

²³ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2000. – С. 99.

²⁴ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб., 1994. – С. 402-403.

воспринимает жизнь ни как стремление к самореализации, ни как стремление к смерти. Тот, кто однажды уже отказался от потребления своей собственной жизни, уже не в состоянии допускать возможность своей смерти. Реклама страхования жизни внушает такому человеку то, что он будет сам виноват в своей смерти, если заранее не обеспечит нормальное функционирование системы после такой «невыполнимой экономической утраты». Реклама the American way of death, в свою очередь, настаивает на том, что система способна обеспечить подобные условия существования для большинства человеческих *видимостей* жизни. На всех фронтах рекламного наступления категорически запрещено стареть. Однако даже если бы для всех и каждого был выдуман некий «капитал молодости», его всё равно можно было использовать лишь посредственно, и он никогда бы не стал таким же устойчивым и накапливающимся, как финансовый капитал. Таким образом, социальное отсутствие смерти равнозначно социальному отсутствию жизни»²⁵.

Вот и обозначился поворот от стоического пессимизма и анархо-индивидуализма постмодернистов с их *апологией смерти человека* к технократическому оптимизму трансгуманизма с *проповедью бессмертия и отрицанием смерти*. Но мы хотели бы отметить, что здесь кажущееся, *симулятивное противоречие*.

Трансгуманизм, ориентированный на естественные науки и технику провозглашает как бы в пику «культурно-гуманитарному» постмодерну: «Трансгуманизм предлагает этический выбор между добром и злом как выбор между жизнью и смертью... Сам по себе трансгуманизм – это этический выбор. Смерть – это зло. Жизнь – добро»²⁶. Для неискушенного человека здесь не видно религиозно-метафизического подвоха. А он есть. Трансгуманисты-атеисты не стесняются псевдорелигиозных концептов: «Футурология – это научно обоснованная благая весть, то есть исследование перспектив человечества с точки зрения известных методов прогнозирования... Кроме того, структурной особенностью «благой вести» является наличие дьявола, и в футурологии – это глобальные риски, связанные с развитием сверттехнологий»²⁷. И здесь при всей внешней противоположности они вполне сходятся с постмодернистами в *фактическом отрицании свободы человека и аполгии насилия*.

Абсолютизация/апология смерти или ее демонизация/отрицание при всей их видимой противоположности сходятся в придании смерти метафизического статуса и модуля *тотальной необходимости*, т.е. в *забвении свободы*. Уничтожив или абсолютизовав смерть, мы разрушим онтологические основания и ценностные ориентиры жизни. Ибо именно смерть делает возможной и жизнь, и свободу человека. В этом парадоксе – не только суть философии Хайдеггера, одного из философских авторитетов в проблематизации смерти, но и весь смысл Воскресения Христа: «Смертию смерть поправ, и мертвым во гробе живот даровав», – провозглашается в пасхальных песнопениях. Проекты уничтожения/преодоления смерти, на первый взгляд, дают постчеловеку «перспективу счастливого вечного». Но при ближайшем рассмотрении они просто снимают любые программы «временения будущим», становятся новым механизмом угнетения человека «здесь и сейчас», в «вечном настоящем», отрицанием не смерти, но свободы человека.

Свобода человека превыше всего: денег и здоровья, благополучия и власти, знания и бессмертия. Свобода – это и есть право человека жить и умирать.

Только любовь превыше свободы, ибо любовь и есть высшее проявление свободы! Высшее состояние в промежутке между жизнью и смертью. Но ее не создашь путем «пересадки сознания» или конструирования «бессмертной телесности»...

Список литературы

1. Августин Блаженный. О Граде Божием. – Мн., М., 2000.
2. Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. – М., 2012.

²⁵ Дебор Ги. Общество спектакля. – Опустошитель, 2012. – С. 87.

²⁶ Чего нам ждать и на что надеяться (онлайн-интервью с соавторами книги «Футурология» Алексеем Турчиным и Михаилом Батыным) // Expert Online. – 17 декабря 2012 г. // <http://expert.ru/2012/12/17/chego-nam-zhdai-i-na-chto-nadeyatsya>.

²⁷ Турчин А. Библия трансгуманизма // Expert Online. – 25 января 2013 г. // <http://expert.ru/2013/01/25/bibliya-transgumanizma>.

3. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. – М., 2012.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. – Екатеринбург, 2000.
5. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. – М., 2007.
6. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М., 2000.
7. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2000.
8. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / <http://exsistencia.livejournal.com>.
9. Бухтина Т.П., Римский В.П. Философская антропология и воспитательно-образовательные парадигмы: от античной Пайдеи к Просвещению. – Волгоград, 2004.
10. Дебор Ги. Общество спектакля. – Опустошитель, 2012.
11. Жижек С. Чума фантазий. – Харьков, 2012.
12. Китлер Ф. Оптические медиа. Берлинские лекции 1999 г. – М., 2009.
13. Маклюэн М. Средство само есть содержание // Информационное общество. – М., 2004. – С. 341-348.
14. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. – М., 2001
15. Римский В.П., Трошихин В.В., Филенко Л.П. Русский космизм между культурно-идеологическим конструированием и философско-теоретической реконструкцией // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №14 (133). – Вып. 21. – Белгород, 2012. – С. 16-31.
16. Старение – это болезнь // Expert Online. – 01 марта 2013 г. // <http://expert.ru/2013/03/1/starenie-eto-bolezn/?n=172>; Чего нам ждать и на что надеяться (онлайн-интервью с соавторами книги «Футурология» Алексеем Турчиным и Михаилом Батиным) // Expert Online. – 17 декабря 2012 г. // <http://expert.ru/2012/12/17/chego-nam-zhdai-i-na-cto-nadeyatsya>.
17. Тавризян Г.М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации». – М., 2009.
18. Турчин А. Библия трансгуманизма // Expert Online. – 25 января 2013 г. // <http://expert.ru/2013/01/25/bibliya-transgumanizma>.
19. Турчин А. Как я делал революцию в Брюсселе // Expert Online. – 22 января 2013 г. // <http://expert.ru/2013/01/22/kak-ya-delal-revoljutsiyu-v-bryussele>.
20. Турчин А. Пятьдесят оттенков и методы рациональности // Expert Online. – 09 января 2013 г. // <http://expert.ru/2013/01/9/pyatdesyat-ottenkov-i-metodyi-ratsionalnosti>.
21. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб., 1994.
22. Чего нам ждать и на что надеяться (онлайн-интервью с соавторами книги «Футурология» Алексеем Турчиным и Михаилом Батиным) // Expert Online. – 17 декабря 2012 г. // <http://expert.ru/2012/12/17/chego-nam-zhdai-i-na-cto-nadeyatsya>.
23. «Эволюция 2045» – партия интеллектуального, технологического и духовного прорыва. Манифест. 23.08.2012 // <http://evolution.2045.ru>.

TERTULLIAN, MEDIA AND TRANSHUMANISM: ONTOLOGY OF FREEDOM AND ANTHROPOLOGY OF VIOLENCE IN POST-SECULAR WORLD

S.N. BORISOV¹⁾
V.P. RIMSKIY²⁾

*¹⁾ Belgorod State Institute
of Arts and Culture*

e-mail:SBorisov@bsu.edu.ru

*²⁾Belgorod State National
Research University*

e-mail:rimskiy@bsu.edu.ru

The authors critically interpret the radical atheistic version of transhumanism. It is claimed in the paper that all versions of transhumanism are grounded with the strategy of recoding the magical concern of death and sacral immortality to the the techno-metaphysical project of overcoming the death. The modernity is “prepared” by the mass culture, media techics and newest technologies for the reconstruction of human body and mind in the perspective of “immortality attaining”. Absolutization / apology of the death or demonization / negation of it coincide in affiliation of the death with metaphysical status and modus of temporal necessity, e.g. oblivion of freedom.

Key words: Tertullian, Augustus, Christianity, freedom, death, immortality, violence, transhumanism, media, technics.

УДК 130.2

ТРАНСГУМАНИЗМ И ДЕОНТОЛОГИЯ БЕССМЕРТИЯ НИКОЛАЯ ФЕДОРОВА

И.А. МАЙДАНСКАЯ*Таганрогский институт
управления и экономики**e-mail: caute@rambler.ru*

В статье критически освещается теория «воскрешения отцов» Н.Ф. Федорова в ее связи с трансгуманистическим проектом достижения бессмертия. Специальное внимание уделяется полемике, которую ведут с трансгуманистами защитники «природной идентичности» человека.

Ключевые слова: трансгуманизм, деонтология, Николай Федоров, сознание, душа, постчеловек, бессмертие, воскрешение, братство, техника.

На рубеже тысячелетий мы получили возможность воочию наблюдать, как футуристическая фантазия превращается в общественно-политическое движение. Всемирная ассоциация трансгуманистов, Всемирный культурный центр трансгуманизма, Российское трансгуманистическое движение – наконец, прошлым летом в Министерство юстиции РФ поступила заявка о создании оргкомитета по проведению первого съезда партии трансгуманистов «Эволюция 2045» с впечатляющими программными целями: преодоление глобальных кризисов и продление человеческой жизни вплоть до «практического бессмертия»¹. В самом деле, не пора ли нам, люди, замахнуться техникой на злого Танатоса?

Задумка эта родилась еще в XIX столетии на нашей отечественной почве. Возвестивший о ней городу и миру русский философ-космист и «супраморалист» Николай Федоров в очерках предыстории трансгуманизма занимает одно из первых мест. В этом нетрудно убедиться, открыв свежую монографию «Трансгуманизм и трансценденция»² или заглянув на страницы английской и французской Википедии (статьи «Transhumanism» и «Transhumanisme», соответственно). Если, вслед за Майклом Бёрдэттом, определять трансгуманистическое движение как использование технологий – биотехнологий или информационных технологий – с целью превзойти «человеческое» в привычном смысле этого слова³, то Федоров, безусловно, первый трансгуманист в истории человеческой мысли. Во всяком случае, никто до него не ставил перед наукой и техникой задачу преодоления «природности» в смысле снятия биохимических ограничителей человеческого бытия.

Правда, современные трансгуманисты мало озабочены воскрешением предков и, вообще, каким бы то ни было «общим делом» космического масштаба. Гораздо больше их волнует *наличный человеческий индивид* – как бы продлить, желательно до бесконечности, его персональную, частную жизнь. Трансгуманизм представляет собой высокотехнологичное *раестроение*, «инженерию рая» (paradise-engineering), по определению Дэвида Пирса.

Русские философы-космисты – от Федорова до Ильенкова, с его грандиозной «космологией духа», – решали проблему смысла существования человечества во Вселенной. Они преисполнены сознанием вселенской миссии человечества, не останавливающегося даже перед самопожертвованием ради воскрешения матери-природы. Природа

¹ Страница партии в интернете: <http://evolution.2045.ru>.

² Transhumanism and transcendence: Christian hope in an age of technological enhancement. Ed. by Ronald Cole-Turner. Georgetown University Press, 2011.

³ Данным определением открывается вторая глава «Трансгуманизма и трансценденции»: «Transhumanism is the contemporary movement that advocates the use of technologies – biotechnology or information technology – to transcend what it means to be human» (Transhumanism and transcendence. – P. 19).

некогда породила мыслящий дух, и придет время, когда тот должен будет вернуть жизнь гбнущей от «тепловой смерти» природе⁴.

Воскрешение предков и спасение природы есть, несомненно, трансгуманистические задачи, но они явно не из числа тех, которые декларируются Всемирной ассоциацией трансгуманистов. В своем видении конечных целей человеческой деятельности русский космизм с его обостренным чувством долга скорее *альтернативен* «гедонистическому императиву» Пирса (хотя и последнему отнюдь не чужды альтруистические мотивы: в частности, стремление к «избавлению от страданий всех сознательных форм жизни», – для начала сойдет и вегетарианство). При этом прочерченный Федоровым вектор развития человечества вполне отвечает канонам современного трансгуманизма. Стихийная биологическая эволюция сменится научно-техническим процессом конструирования «новых тел», благодаря чему рано или поздно человек сумеет одолеть своего «последнего врага» – смерть, т.е. достичь практического бессмертия. С биологической точки зрения это будет новый вид разумных существ – некий *постчеловек*, говоря современным языком. Жилищем и местом действия таких людей станет космос, а отношения между ними из своеобразных – «экономических и юридических» – превратятся в «братские».

«Порожденный крошечною землею, *зритель* безмерного пространства, зритель миров этого пространства должен сделаться их обитателем и *правителем*»⁵. Космический долг бессмертных правителей космоса Федоров видит в противостоянии энтропии. Мы, люди, призваны обращать вспять процессы разрушения Вселенной, вплоть до «противодействия падению звезд». Однако Федоров почему-то не задает себе естественный вопрос: *по силам ли* человеку остановить или хотя бы на миг замедлить «миропадение» (энтропию)? С тем же успехом можно противодействовать всемирному тяготению или выпрямлять кривизну пространства-времени.

Логичнее вместе с Ильенковым предположить, что какое-нибудь «постчеловечество» окажет умирающей Вселенной последнюю услугу, нанеся ей (а с ней и самому себе) искусственный *coup de grâse*, благодаря которому природа сможет возродиться заново из «первоогня» Большого взрыва. Федоров вряд ли одобрил бы подобную гипотезу. Ведь этим лишается смысла вся его концепция «воскрешения предков». Зачем трудиться, собирая рассеянные по космосу атомы своих предков, вплоть до питекантропов, если они все равно обречены сжечь себя и все вокруг ради воскрешения природы? И о каком бессмертии, в таком случае, может идти речь?

Трансгуманисты как правило отбрасывают или, во всяком случае, игнорируют подобного рода деонтологию (от греч. *déontos* – «должного»). В истории науки фигуры умолчания подчас бывали вполне оправданы. Так, Ньютон обходил стороной вопрос о природе всемирного тяготения, предпочитая «не измышлять гипотез» на сей счет. Создатель классической механики вообще рекомендовал физикам держаться подальше от метафизики. Так обычно и поступают в наши дни создатели трансгуманистических теорий, не говоря уже о практиках, таких как Хироши Ишигуро. При этом последний постоянно подчеркивает, что создание андроидов для него – способ разобраться *в самом себе, в человеке*.

В основе подобных деклараций лежит старый «конструктивистский» постулат: познание есть мысленное построение предмета; разум способен познать лишь то, что создал сам. «Мы не летаем, мы поднимаемся только на те башни, какие сами можем построить» (Осип Мандельштам). Конструирование андроидов – это форма самопознания человека, современная технология осуществления дельфийского, сократовского императива: «познай самого себя». А значит – *создай, построй* самое себя. То же самое касается и всех прочих трансгуманистических технологий моделирования «постчеловека» – как тех, что уже сегодня осуществляются на практике, так и «форсайтов» с прицелом на 2045 год.

Когда технологическая сторона дела выяснится, вот тогда, видимо, и настанет время вернуться к забытой, так напугавшей физика метафизике, в том числе и федоровской. Ибо *построить* себя можно лишь при условии понимания, чем ты, человек, *должен быть/стать*. То есть лишь при наличии ясно осознаваемой, или хотя бы

⁴ См.: Космология духа, в кн.: Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. – С. 431.

⁵ Федоров Н.Ф. Собрание сочинений, в 4-х тт. М.: Прогресс, 1995, т. 2. – С. 243.

туманно представляемой, деонтологии. В противном случае андроидный автопортрет человека рискует оказаться неадекватным или, хуже того, «небратским», в терминологии Федорова.

«Высшее благо, как и свобода, составляет проект, – говорится в «Философии общего дела». – В настоящее время под свободой разумеется полное подчинение природе и такая же полная независимость друг от друга, от общего дела, от долга, если понимать его в надлежащем смысле, т.е. измена общему союзу, союзу на жизнь и смерть, каким он должен быть. Не видят зла в отчуждении друг от друга и видят даже благо в подчинении слепой силе, считая все это естественным и необходимым... Человек – крепостной земли, праздный пассажир, паразит, захребетник ее и совершает с нею невольные рейсы вокруг солнца, которое тоже не свободно в своих движениях...»⁶

Именно такой «идеал» (а на самом деле, натуралистический идол) человека – паразита и захребетника природы – лежит в основе *псевдогуманистической* критики трансгуманизма. Мать-Природа (или Отец Небесный) *дала, подарила* человеку некую «идентичность», которую мы должны холить и оберегать, а «без(д)умные» трансгуманисты ломают при помощи своих «дьявольских» технологий (В.А. Кутырёв). Тем самым рискуют обрушить и похоронить вечные моральные ценности, начиная с идеи свободы и равноправия (Ф. Фукуяма).

«Первой жертвой трансгуманизма может быть равенство... В основе идеи равноправия лежит вера в то, что мы обладаем человеческой сущностью, затмевающей наглядные различия в цвете кожи, красоте и даже разумности (intelligence). Эта сущность, а с нею и взгляд, что индивиды обладают врожденной ценностью (inherent value), есть душа политического либерализма. Но изменение этой сущности является стержнем трансгуманистического проекта»⁷.

Для Федорова политический либерализм – проект глубоко «небратский», исключая возможность солидарной работы над «общим делом» и отдающий человека в вечное рабство природе. Но ведь *сама природа* и принуждает человека освобождаться от этого рабства, говорит Федоров: «Она непосредственно не кормит и не одевает его, заставляя добывать все это трудом. “Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день их должен добывать”»⁸.

Способность трудиться, изменяя и внешний мир, и свою человеческую натуру, – вот истинный дар природы человечеству. В труде Федоров усматривает нашу единственную, подлинную «идентичность». До тех пор, пока в человеке остается хоть что-то, полученное от природы на дармовщину, он не может считаться *свободным* существом. «Тот еще захребетник земли, солнца, своих предков, тот еще недостоин жизни и свободы, кто не воспроизвел в своем организме всю историю земной планеты и солнечной системы, в *коем остается еще хотя одна клеточка, не своим трудом построенная*, тот еще не свободен, не может жизнь назвать своею»⁹.

По всей вероятности, Федоров и трансгуманистическое бессмертие расценил бы как идеал в основе своей «небратский», как еще одну «измену общему долгу», – ибо «нет достоинства добывать жизнь для себя, для своей драгоценной личности, и защищать свою личную свободу, всякий зверь так поступает... Тот не достоин жизни и свободы, кто не возвратил жизни тем, от коих ее получил»¹⁰. Либерализм и трансгуманизм – плоды одного и того же корня, две разновидности «западного» индивидуализма, враждебного нашему «общему делу». И все же, в полемике либералов с трансгуманистами Федоров, несомненно, отдал бы предпочтение последним.

Фукуяма, тонко чувствуя «метафизическую» уязвимость трансгуманизма, переводит спор в плоскость проблемы блага: «Защитники трансгуманизма думают, что понимают, в чем состоит благо человека; они жаждут оставить в прошлом ограниченное, смертное, природное бытие, их окружающее, ради чего-то лучшего. Но постигают ли они первичные блага

⁶ Федоров Н.Ф. Собрание сочинений, в 4-х тт. М.: Прогресс, 1995, т. 2. – С. 296.

⁷ Francis Fukuyama. Transhumanism // Foreign Policy, September 1, 2004.

⁸ Федоров Н.Ф. Собрание сочинений, т. 1. – С. 296. Цитата из «Фауста» Гёте.

⁹ Там же. Курсив наш. – И.М.

¹⁰ Там же. – С. 297.

человека (ultimate human goods)?... Наши хорошие качества внутренне связаны с плохими: не будь мы жестокими и агрессивными, мы не смогли бы защитить себя; не чувствуя мы своей исключительности, у нас не было бы верности своему ближнему; если бы мы не ревновали, мы не могли бы испытывать и любовь. Даже наша смертность критически важна, ибо позволяет виду в целом выживать и приспосабливаться (а трансгуманисты – последние, кого я хотел бы видеть живущими вечно). Изменение любой нашей ключевой характеристики неизбежно влечет за собой целый комплекс перемен в связанных с ней чертах, и нам не дано предугадать, во что все это в итоге выльется»¹¹.

Последний аргумент от невежества не делает чести автору. Такое *asylum ignorantiae* (лат. убежище незнания) ничуть не лучше любимых идеологами трансгуманизма гаданий на гуще высоких технологий. Однако вопрос Фукуяма ставит по существу: стоит ли увековечивать жизнь *существующего, наличного индивида* – скажем, того же Пирса или Ишигуро? Действительно ли это пойдет на пользу человечеству, в интересах истории рода человеческого?

Аналогичный вопрос стоило бы адресовать и Федорову: зачем, чего ради (будь то возможно хотя бы теоретически) воскрешать всех без разбору «отцов», включая и отцеубийц, безумных садистов, геростратов, калигул и прочих чудовищ в человеческом облике? И оправданы ли надежды на «братство» и «общее дело» с *такими* людьми? Об этом молчит деонтология «имманентного воскрешения».

Быть может, техника в состоянии решить и эту проблему? Если смотреть на человека глазами Федорова – взором инженера, ремонтирующего машину, – тут нет ничего невозможного. Перевоспитать оживших никак не труднее, чем воскресить мертвых. Может, сделать им прививку от «небратского» поведения.

В «Вопросе о братстве» русский космист формулирует основоположение своей «философской антропологии» с шокирующей прямотой: *наше сознание есть выделение машины тела*. «Приходится, однако, напомнить кому следует, что... организм – машина и что сознание относится к нему, как желчь к печени; соберите машину – и сознание возвратится к ней!»¹²

Под этими строками без колебаний подпишется любой вульгарный материалист – от Ламетри до Джона Сёрла, от автора «Человека-машины» до нашего современника, «переоткрывшего сознание». Для медика и естествоиспытателя подобный взгляд на человека естествен, как утренний зов природы. В устах же страстно верующего христианина такой пассаж звучит странно, чтобы не сказать дико. Как возможна ли жизнь души после смерти тела, если она со всем своим содержимым (включая идею Бога) есть натуральное отправление тела? Очевидно, никак. Тогда рассуждения отцов христианской церкви о бессмертии и загробной жизни человеческих душ имеют не больше смысла, чем гипотеза о вечном бытии желчи после гибели печени.

Пионеры трансгуманизма решают психофизическую проблему с позиций еще более радикального натурализма. Ник Бостром, например, считает вполне реальной перспективу переселения душ в электронно-вычислительные машины. Для этого, по его мнению, необходимо и достаточно смоделировать нейронную сеть, формирующую ту ментальную реальность, которую индивид воспринимает как своё «я». Судя по всему, Бостром, как и Федоров, видит в душе некий эпифеномен материальных процессов, протекающих в человеческом теле. Если так, почему бы не воспроизвести те же самые процессы искусственно при помощи ЭВМ? В XIX столетии такая гипотеза, конечно, не могла прийти в голову, но, живи Федоров в наши дни, он, скорее всего, ее поддержал бы.

«Гипотетическая технология загрузки, переноса человеческой души в компьютер» представляется Бострому следующим образом: «Первым делом создается достаточно детальный скан мозга конкретного человека, возможно с помощью деконструирующих его наноботов или помещения тонких срезов мозговой ткани под мощные микроскопы для автоматического анализа изображения. Вторая задача – реконструировать на основе этого скана осуществляемую мозгом нейронную сеть и соединить ее с компьютерными моделями различных типов нейронов. Третья – эмулировать всю вычислительную структу-

¹¹ Francis Fukuyama. Op. cit.

¹² Федоров Н.Ф. Собрание сочинений, т. 1. – С. 258.

ру на мощном суперкомпьютере. В случае успеха данной процедуры получится исходная душа, с памятью и неповрежденной личностью, перенесенная в компьютер, где она будет существовать как программное обеспечение (software); и сможет либо вселиться в тело робота, либо жить в виртуальной реальности»¹³.

Исходной, хотя и явно не формулируемой, посылкой этой высокой технологии метемпсихоза является представление о душе-программе, записанной в коре головного мозга. Душа есть, так сказать, нейронный «софт», *softmind* (англ. буквально: «мягкий ум»). Информационная картина души сформировалась в последней трети XX века на гребне очередной волны позитивизма, захлестнувшей науки о человеке. В Советском Союзе «информационный позитивизм» продвигали В.С. Готт, А.Д. Урсул, Д.И. Дубровский и др. Много статей данного направления публиковал журнал «Философские науки».

В настоящее время в нашей стране, особенно в стенах философского факультета МГУ, одним из самых популярных направлений является «аналитическая философия сознания», особенно в версиях упомянутого выше Дж. Сёрла (John R. Searle) и Д. Деннета (Daniel C. Dennett). Последний рассматривает информацию фактически как субъект эволюции. Душа, психика для него есть не что иное, как «воплощенная в теле информация» (*embodied information*). «Эта информация организована таким образом, что может иногда казаться чем-то относительно самостоятельным, что проводит различия, учитывает предпочтения, принимает решения, предпринимает меры, соперничая в этом с *вашим* сознанием»¹⁴. Очевидно, это совсем не та «пассивная» информация, которую изучал отец кибернетики Норберт Винер и о которой мы читаем в учебниках информатики.

Федоров, естественно, не пользовался термином «информация», но положение о *машинной* природе сознания было высказано им предельно ясно: «соберите машину – и сознание возвратится к ней». Заменяв в этом императиве органическую машину тела *электронной машиной*, мы получим трансгуманистический идеал Ника Бострома. В общих чертах федоровский проект конструирования отцовских тел из элементарных частиц представляет собой прямой аналог «гипотетической технологии» Бострома. Разница между ними сводится к тому, в каком именно теле предполагается «эмулировать» человеческую личность. Но и федоровское «воскрешенное тело», и «электронное тело» Бострома являются телами *искусственными, конструируемыми*, а не доставшейся людям от природы смертной машиной души. Последней, конечно, не по силам перемещаться в межзвездных пространствах и сражаться с вторым началом термодинамики, обуславливающим «миропадение».

Обе концепции – федоровская, и трансгуманистическая, – стремятся быть на высоте современных достижений естествознания и техники, но при этом разделяют самый примитивный, натуралистический взгляд на работу души. Обе не имеют понятия о *культурно-исторической, общественной* природе сознания, которую начал исследовать еще Сократ. Не замечают реально совершающегося в культуре, повседневного «переселения душ» через рукотворные вещи, создаваемые человеком для человека.

С самого первого для всемирной истории люди «эмулируют» свои личности в веществе внешней природы и в телах своих ближних. *Труд* сохраняет наши душевные состояния – эмоции и идеи – в общечеловеческой копилке «трансгенов», каковой является *мировая культура*. Человеческое тело и психика никогда действуют не сами по себе, не индивидуально, но всегда в качестве элементов гораздо более мощной «суперсистемы» – общества. Сознание вырабатывается не «машиной тела», как думают Федоров и трансгуманисты. Светом разума и сознания наделяет нашу природную психику *общество*. Сознание возникает в процессе общения человека с себе подобными существами и необходимо для выполнения надорганических, социальных функций и программ, не имеющих ничего общего с природными потребностями тела. С органическими же функциями успешно справляется и дикое животное, при помощи

¹³ Nick Bostrom, "A History of Transhumanist Thought", in: Journal of Evolution and Technology, vol. 14, April 2005. – P. 9.

¹⁴ Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс, 2004. – С. 86.

записанных в ДНК наследственных программ жизнедеятельности. Сознание ему ни к чему.

Для реконструкции сознания нужно, стало быть, эмулировать не только и не столько нейронные, сколько социальные «сети» – *структуры общественной жизни*. Это – работа иного порядка, выходящая далеко за рамки возможностей естественных и технических наук. Отчасти и Федоров это понимал. Решение проблемы реанимации предков он прочно увязывал с вопросом о «братстве и небратстве», т.е. с далекоидущей реформой общественной жизни. Меж тем, за истекшее с тех пор время общество не слишком продвинулось, если продвинулось вообще, в направлении «братского» идеала федоровской деонтологии.

Список литературы

1. Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс, 2004.
2. Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.
3. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений, в 4-х тт. М.: Прогресс, 1995, т. 2.
4. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений, Т. 1. – С. 296.
5. Francis Fukuyama. Transhumanism // Foreign Policy, September 1, 2004.
6. Nick Bostrom, “A History of Transhumanist Thought”// Journal of Evolution and Technology, vol. 14, April 2005. – P. 9.
7. Transhumanism and transcendence: Christian hope in an age of technological enhancement. Ed. by Ronald Cole-Turner. Georgetown University Press, 2011.

TRANSHUMANISM AND DEONTOLOGY OF IMMORTALITY BY NIKOLAI FEDOROV

I.A. MAIDANSKAYA

**Taganrog Institute
of Economy and Management**

e-mail: caute@rambler.ru

The article elucidates N.F. Fedorov's theory of “resurrection of fathers” in connection with the transhumanist project of making human beings immortal. The special attention is given to polemics against transhumanism on the part of those who defend the “natural identity” of mankind.

Key words: transhumanism, deontology, Nikolai Fedorov, mind, psyche, posthuman, immortality, resurrection, brotherhood, technology.

УДК 1.091.470

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ В НАСЛЕДИИ ОСНОВНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОГО КОСМИЗМА

В.В. ЛЫТКИН*Калужский государственный
университет
им.К.Э.Циолковского**e-mail: vlad-lytkin@yandex.ru*

В статье анализируются философские антропологические идеалы, представленные в творчестве русских космистов. Основных представителей русского космизма, и, прежде всего, К.Э.Циолковского можно считать основоположниками космической антропологии, предметом которой является изучение вероятных форм жизни во вселенной, изучение космического будущего человечества. Объектом космической антропологии является эволюционирующий человек и интеллектуальные формы жизни, в том числе вероятные космические формы разума. Космическая антропология К.Э.Циолковского является оригинальным разделом его Космической философии и яркой составляющей частью русского космизма, направленной на изучение вероятных этапов развития человечества, изучение космоса.

Ключевые слова: антропологические идеалы, русский космизм, Космическая философия, К.Э.Циолковский, эволюция человечества, космическая эволюция, освоение космоса.

"Русский космизм" как философское учение оформился в России на рубеже XIX-XX вв., т.е. в то самое время, когда Россия в мировоззренческом, идейном и философском плане представляла собой кипящий котел мнений, учений и школ.¹ Творчество таких его ярчайших представителей, как Н.Ф.Федоров, К.Э.Циолковский, В.И.Вернадский, включало не только поразительные эвристические находки, но и своеобразно преломляло в себе широчайший спектр того, что создавалось не одним поколением выдающихся мыслителей в разных странах, в разные исторические эпохи.² Вот почему можно с полным правом говорить о том, что "русский космизм", как явление национальное, базировался на богатейшей духовной культуре всей человеческой цивилизации. Он заимствовал и творчески интерпретировал многие выдающиеся достижения мысли и духа, обогащая, в свою очередь, мировую культуру новыми идеями, даруя жизнь принципиально новым сферам человеческой деятельности, в том числе и новым подходам в поиске антропологических и социальных идеалов.

Одну из первых попыток нарисовать мир будущего с точки зрения космизма предпринял В.Ф.Одоевский, замечательный писатель, философ, педагог, музыкальный критик. Его главной страстью были философия и литературная деятельность. Они счастливо соединились, породив в 1837-1839 гг. незаконченный роман "4338-й год. Петербургские письма", где яркие идеи космизма сопровождаются не менее интересными и значимыми для России предвидениями естественнонаучного характера. В этом произведении Одоевский высказывает идею о том, что космонавтика может стать средством разрешения проблем перенаселения Земли. В описываемый им период далекого будущего преобразованное человечество нашло "...способ сообщения с Луной - она необитаема и служит только источником снабжения Земли разными житейскими потребностями, чем отвращается гибель, грозящая Земле по причине ее огромного народонаселения", писал В.Ф.Одоевский в 1837г.³ Уже на начальных стадиях оформления определилась характерная черта космизма, идея возможности достижения космического пространства и раз-

¹ Лыткин В.В. Социально – антропологические и философские проблемы русского космизма. Гл.6. – Калуга: Калужский государственный университет им.К.Э.Циолковского, 2003. - С.128 -140.

² Маров М.Я. Предисловие ко второму изданию./ Циолковский К.Э. Избранные труды. К.Э.Циолковский; отв.ред. акад.М.Я.Маров. 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Наука, 2007. - С. 5.

³ Одоевский В.Ф. Романтические повести. 4338-й год. Петербургские письма. - Л.,1929. - С.343.

личных объектов Вселенной, возможность решения социальных и гуманитарных проблем за счет научно-технического прогресса.

В.С.Соловьев понимал эволюцию природы как постепенное развитие мирового единства, являющегося необходимым условием для достижения божественного добра. Эволюция природы создает условия для развития высшего аспекта мира.⁴ Уже в «Чтениях о Богочеловечестве» Соловьев отмечал, что человеческая личность безусловно отрицательна: «Она не хочет и не может удовлетвориться никаким условным, ограниченным содержанием». Однако это еще не все, ибо человеческая личность убеждена, что она «может достигнуть и положительной безусловности, т.е. что она может обладать всецелым содержанием, полнотою бытия».⁵ Нравственный смысл жизни человека «состоит в служении Добру - чистому, всестороннему и всеильному».⁶ В.С.Соловьев полагал, что заповедь Христа о любви к ближнему должна распространяться на отношения между народами, ибо каждый народ «оказывается на деле лишь особою формой всемирного содержания, живущего в нем, наполняющегося им и воплощающего его не для себя только, а для всех».⁷ По мнению Соловьева, христианская культура и свободная теократия должны быть созданы на основе органического соединения положительных элементов духовной культуры Востока и Запада. Первый шаг в этом направлении должен заключаться в воссоединении восточной и западной церкви. Основой вселенской теократии является союз государства и церкви, опирающийся на нравственную власть последней. Следовательно, Соловьев надеялся, что именно славянские страны, и в частности Россия, первыми заложат фундамент свободной теократии. Все это приведет к возникновению новой генерации человечества, богочеловечеству.⁸

Н.Ф.Федоров предлагает новый, «космический», взгляд на человека. Человек-землянин, далеко не совершенное, но уникально организованное природное существо. Люди, уничтожая друг друга, забывают о своем главном враге — смертоносных силах природы. «Она — сила, пока мы бессильны, — пишет Федоров, — пока мы не стали ее волей. Сила эта слепа, пока мы неразумны, пока мы не составляем ее разума... Природа нам враг временный, а друг вечный, потому что нет вражды вечной, а устранение временной есть наша задача».⁹ Следовательно, необходимо сознательное управление эволюцией, преобразование природы исходя из потребностей нравственности и разума человека. Регуляция природы выступает как новая ступень эволюции, сознательный этап развития мира. Идея регуляции многосторонне разработана Федоровым: тут и овладение природой, и переустройство организма человека, и выход в космос с последующими управлениями космическими процессами. Вершина регуляции — победа над смертью, воскрешение предков. В процессе регуляции должен измениться сам организм человека. Ведь человек не может стать бессмертным, сохраняя свой теперешний вид жизнедеятельности, принципиально конечный. Патрофикация предполагает возвращение к жизни отцов в новом, хотя и телесном, но преображенном виде, обладающем возможностью самосозидания своего тела из неорганических веществ. Человечество в перспективе должно научиться управлять не только движением Земли, ее атмосферой, но и Солнечной системой, Вселенной.¹⁰

Наиболее развернутое учение космизма в контексте социальных преобразований и совершенствования человечества представил К.Э.Циолковский. Над вопросами социально — философского характера он начал работать с 1902 года и занимался этим до конца своих дней. В 1920 году в одном из своих писем К.Э. Циолковский писал: «Трудно решить, какие открытия важнее: технические или по устройству общества. Склоняюсь, сам

⁴ Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. Краткая повесть об Антихристе. Сост. и примечания А.Б.Муратов. - СПб.: Художественная Литература, 1994. - С.302.

⁵ Там же.

⁶ Соловьев В.С. Оправдание добра. Соловьев В.С. Сочинения в 2т. Т.2. - М.: Мысль, 1988. - С.18.

⁷ Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. Краткая повесть об Антихристе. Сост. и примечания А.Б.Муратов. - СПб.: Художественная Литература, 1994. - С.301.

⁸ Лосев А. Владимир Соловьев и его время. - М.: Прогресс. 1990. - С.231-232.

⁹ Федоров Н.Ф. Сочинения. - М.: Наука, 1982. - С.521.

¹⁰ Федоров Н.Ф. Философия общего дела. Т.1. Верный, 1906. - С.236.

без колебания, к последнему».¹¹ Собственно, социально - философская часть его «Космической философии» и дает возможность говорить об антропокосмической позиции ученого, определять К.Э. Циолковского как создателя, основоположника принципиально нового направления в антропологии, космической антропологии.

Вопрос об антропологических взглядах ученого имеет определенную историографию. Уже на II и III Чтениях К.Э. Циолковского И.А.Кольченко начинает затрагивать вопрос о космическом будущем человечества, приходя к выводу о том, что это наиболее оригинальная часть философии К.Э. Циолковского.¹² В своих работах А.П. Огурцов пишет об антропологизме у К.Э. Циолковского, как «неадекватной части мировоззрения ученого» и считает, что этот раздел его философии надо называть как-то иначе.¹³ Определяющий вклад в понимание и оценку антропологических взглядов К.Э. Циолковского внес своими работами академик Д.А. Урсул, который вполне справедливо полагал, что противоречивые философские взгляды К.Э. Циолковского несли в себе огромный эвристический заряд, принципиально новые идеи, в частности, в постановке проблемы космического будущего человечества.¹⁴ Безусловно значимыми были исследования Е.Т. Фадеева, считавшего идеи К.Э. Циолковского в области космической эволюции разума безусловно важными с точки зрения попытки объяснить проблему саморазвития материи.¹⁵

В 80-е годы XX века начинаются определенные переосмысления антропологических взглядов К.Э. Циолковского. С одной стороны это было связано с развитием пилотируемой космонавтики, увеличением длительности полетов космонавтов. Космическая биология и медицина стала получать новые данные, позволившие говорить об изменении наших представлений о возможности дальнейшей биологической эволюции человека в космосе. В связи с этим начали изменяться и взгляды на антропологические идеи К.Э. Циолковского. К ним стали относиться со все большим и большим вниманием.¹⁶ Изменилась и общефилософская оценка взглядов К.Э. Циолковского на проблему космического будущего человека. Она стала рассматриваться в двух основных аспектах: общефилософском и антропо-эволюционном. Здесь необходимо отметить яркие работы Л.В. Лескова, где особо отмечается эволюционный оптимизм К.Э. Циолковского, антифиналистские оценки им перспектив цивилизационного развития, все возрастающую активную роль человека и разума во вселенной.¹⁷ Необходимо высоко оценить направление исследований В.М. Мапельман, постоянно и адекватно анализировавшей этические взгляды К.Э. Циолковского и полагавшей, что в антропологической составляющей философии К.Э. Циолковского видна попытка ученого определить место человека в объективном и неизбежном процессе освоения им космического пространства.¹⁸

Особое значение для понимания философии К.Э. Циолковского в настоящее время имеют работы В.В. Казютинского. Глубоко, критически и объективно анализируя антропологические взгляды ученого, В.В. Казютинский приходит к нескольким принципиальным выводам. С течением времени он все более и более высоко оценивает место К.Э. Циолковского среди русских космистов, отмечая в тоже время, что для К.Э. Циолковского характерно было рассматривать современного человека как средний

¹¹ Циолковский К.Э. Письмо К.Э. Циолковского В.М. Вишневу. Архив РАН, ф. 555, оп. 4, д. 4. л.3.

¹² Кольченко И.А. К.Э. Циолковский о судьбе человечества в космосе. / Труды II Чтений К.Э. Циолковского. Исследование научного творчества К.Э. Циолковского. – М.: ИИЕиТ АН СССР, 1969. – С.17-29.

¹³ Огурцов А.П. К.Э. Циолковский и В.И. Вернадский. Сравнительный анализ философских идей. / Труды X Чтений К.Э. Циолковского. Исследование научного творчества К.Э. Циолковского. – М.: ИИЕиТ АН СССР, 1977. – С.5.

¹⁴ Урсул А.Д. Человечество, Земля, Вселенная. М., 1977, – С.17-18.

¹⁵ Фадеев Е.Т. Проблема бессмертия человечества у К.Э. Циолковского и в марксизме. / Труды IX Чтений К.Э. Циолковского. К.Э. Циолковский и философия проблемы освоения космоса. – М.: ИИЕиТ АН СССР, 1975. – С. 7-10.

¹⁶ Коробков А.В., Космолинский Ф.П., Хазен И.М. Проблема адаптации в космической биологии и медицине. Труды XIV Чтений К.Э. Циолковского. К.Э. Циолковский и философские проблемы освоения космоса. – М.: ИИЕиТ АН СССР, 1980. – С. 80-90.

¹⁷ Лесков Л.В. Феномен человека по Циолковскому. Труды XXX – XXXI Чтений К.Э. Циолковского. Циолковский и философские проблемы освоения космоса. – М.: ИИЕиТ РАН, 1998. – С. 12-18.

¹⁸ Мапельман В.М. К.Э. Циолковский о будущем человечества. XXXV Чтения К.Э. Циолковского. Тезисы докладов. – М.: ИИЕиТ РАН, 2000. – С. 116-117.

вариант его развития – от первобытного к человеку совершенному (будущему), имеющему иную биологию.¹⁹ Принципиальной позицией В.В.Казютинского является признание того, что философия К.Э. Циолковского не носила антропоцентрического характера, ибо была направлена не на человека, а на «атом-дух», поэтому антропокосмизм К.Э. Циолковского не имел антропоцентрического значения.²⁰ С нашей точки зрения, в центре этики и философии К.Э.Циолковского находится человек и счастье человека. Идеалом социальным и антропологическим для К.Э. Циолковского является совершенный, идеальный человек и совершенное общество. Возможно, термин «антропоцентризм» не вполне точен по отношению к антропокосмизму К.Э.Циолковского. Может быть, позиции К.Э.Циолковского было бы более разумно назвать «интеллектоцентризмом» (разумоцентризмом), подразумевая, что ученый не отрывал земную цивилизацию от других вероятных цивилизаций космоса. Он полагает, что в будущем они объединятся, образовав «космический разум», который и станет той «волей вселенной», определяющей космический порядок силы, которая всем и будет распоряжаться. Нам представляется подобная позиция рациональной и учитывающей взгляды и К.Э. Циолковского и большинства представителей русского космизма.

К.Э.Циолковский критически относился к современному человечеству, как с точки зрения его социальной организации, так и с точки зрения уровня развития цивилизации, а значит и уровня развития людей, как отдельных личностей. В целом он приходил к выводу, что современное человечество очень далеко от идеала, как по интеллектуальным, так и по нравственным качествам, включая и их физический облик.²¹ Низкий уровень развития цивилизации и людей приводит к тому, что в людях сохраняются низменные, первобытные инстинкты и суеверия, их невежество приводит к тому, что они не обращают внимания на людей выдающихся, не понимают их, а зачастую и преследуют: «История учит нас, сколько гениев было не оценено и погублено в зачатии – жизнью и ограниченностью окружающих средних, совершенно невинных людей».²² Но человечество находится еще в самом начале своего цивилизационного пути. Земля, по мнению ученого, еще очень молодой мир. Эволюция человечества, как социальная, так и антропологическая, еще только начинается. К.Э.Циолковский пишет о том, что человек, являясь результатом эволюции, лишь недавно выделился из царства животных.²³ Подходя к проблеме антропогенеза, К.Э. Циолковский приходит к выводу о том, что человечество не завершило свою эволюцию, более того настоящее состояние человека – состояние начальное, с точки зрения его эволюции. С другой стороны, рассматривая человека, как продукт эволюции, продукт антропогенеза, он отмечает, что за время своего эволюционного развития люди совершенствовались значительно.²⁴ Генетически отбираются и закрепляются те свойства организма, которые в наибольшей степени способствуют адаптации человека в данных природно-климатических условиях. К.Э. Циолковский делает обоснованный вывод о том, что в изменяющихся внешних условиях среды обитания эволюция будет продолжаться, а на тех планетах, на которых потенциально возможна жизнь, она будет адаптироваться к изменяющимся там условиям.²⁵ К.Э.Циолковский анализирует проблему космической эволюции по нескольким направлениям: прежде всего это условия эволюции (общие) на планетах; возможные типы живых существ, способные населить иные планеты; и, наконец, возможные направления эволюции человечества, связавшего свою судьбу с жизнью в космическом пространстве. Главным факто-

¹⁹ Казютинский В.В. Ценностные ориентации современного космизма и прогнозы будущего техногенной цивилизации. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 337, 345.

²⁰ Казютинский В.В. Космическая философия К.Э.Циолковского в контексте русского космизма. / К.Э. Циолковский. Космическая философия. – М.: УРСС, 2001. – С. 418.

²¹ Циолковский К.Э. Горы и гений. / К.Э.Циолковский. Общественная организация человечества. Горы и гений. – М.: МИП «Память», ИПЦ РАН, М., 1992. – С. 27.

²² Циолковский К.Э. Горы и гений. / К.Э.Циолковский. Общественная организация человечества. Горы и гений. – М.: МИП «Память», ИПЦ РАН, М., 1992. – С. 27.

²³ Циолковский К.Э. Животное космоса. / К.Э.Циолковский. Очерки о вселенной. – Калуга: Золотая аллея, 2001. – С. 136.

²⁴ Там же. – С. 136 – 137.

²⁵ Там же. – С. 139.

ром общей эволюции живых организмов являются условия их существования, а именно, окружающая среда: температурные условия, климат, атмосфера и ее состав и т.д.²⁶

Таким образом, К.Э. Циолковский впервые, с точки зрения антропологии, рассматривает вопрос о вероятных формах жизни в иных (не земных) условиях существования. Он приходит к выводу о том, что можно предвидеть возможные пути развития жизни и живых организмов исходя из данных естественных наук. А, зная общие параметры, прежде всего физические, среды обитания мы можем гипотетически представить облик того или иного животного, населяющего тот гипотетический мир. К.Э. Циолковский пишет о том, что: «На холодных планетах преобладал бы водород, на близких – водяной пар или другие жидкости, обращенные в жидкости, благодаря теплу. Из этого сделаем новый вывод: и на холодных, и на горячих планетах возможны существа, составленные из тех морей, атмосфер и почв, которые существуют на планетах».²⁷ К.Э. Циолковский анализирует варианты жизни существ, находящихся на планетах, или в среде с пониженной силой тяжести: «1. Чем меньше радиус планеты или ее тяжесть, тем больше рост организма. 2. Если нет этого, то органы движения (ноги и прочее) становятся очень слабы или тонки. 3. Если нет этого, то увеличиваются прыжки животных или скорость их передвижения. 4. Может быть комбинация всех трех случаев,...могут быть самые разнообразные сочетания трех крайних случаев».²⁸ Таким образом, ученый рассматривает возможность существования различных видов живых существ на других планетах, в зависимости от среды их обитания. При этом, признавая огромную их вариабельность, он приходит к выводу, что функции их органов, их строение, будут зависеть напрямую от внешних условий, к которым эти животные будут адаптироваться в процессе своей эволюции.

К.Э. Циолковский в своих произведениях приходит к выводу, что человеческая эволюция не завершилась. Более того, в самом недалеком (относительно) будущем, наша эволюция продолжит свое бурное развитие. Причем это будет эволюция и антропологическая, и социальная. Связано это будет с началом эры освоения космоса. К.Э. Циолковский был убежден в том, что освоение космического пространства является неизбежным этапом развития любой цивилизации в космосе, включая и земную цивилизацию. При этом ученый полагал, что часть человечества останется жить на Земле. Но большая часть переселится в искусственные космические жилища, будет жить в среде без тяжести, развиваясь и совершенствуясь свободно, достигая совершенства в плане индивидуальном и социальном.²⁹ С момента поселения в космосе кардинально меняются условия жизни людей. При этом изменяется главный и основной параметр – меняется сила тяжести. Люди начинают жить в условиях микрогравитации, или при условиях значительно пониженной тяжести (по сравнению с Землей). Невесомость окажет решающее влияние на все органы и системы организма человека. Это научное предвидение подтверждается в настоящее время. Практика длительных космических полетов показывает, что в организме человека в условиях невесомости происходят заметные изменения.³⁰ Наблюдения за космонавтами во время длительных космических полетов выявили следующую картину: через 10-14 суток пребывания в невесомости начинается атрофия мышц, прежде всего уменьшается мышечная масса голеней, а затем и бедер ног (в случае отсутствия специального комплекса упражнений); через 1 месяц – начинается активный вывод калия и кальция из организма, уменьшается масса скелета, он становится более хрупким; через 6 – 8 месяцев меняется структура крови, в частности, эритроциты принимают сферическую форму.³¹

Отталкиваясь от вполне логичного постулата о неизбежности биологической эволюции организма, в случае его переселения в иную физическую среду, в среду с микро-

²⁶ Циолковский К.Э. Свойства человека./ К.Э. Циолковский. Космическая философия. Ред. В.С. Авдудевский. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - С.116.

²⁷ Циолковский К.Э. Животное космоса / Циолковский К.Э. Собрание сочинений. т.IV. – М.: Наука, 1964. - С.298.

²⁸ Там же. - С.302.

²⁹ Циолковский К.Э. Живая вселенная. Архив РАН. ф.555. оп.1, ед.хр.428, л. 37.

³⁰ Космолинский Ф.П., Кузнец Е.И. Проблемы космической биомедицины в трудах К.Э. Циолковского. – Тула: Приокское книжное издательство, 1990. - С. 36-62.

³¹ Космическая биология и медицина. Под ред. акад. О.А. Газенко. – М.: Наука, 1987. - С. 52-59.

гравитацией, К.Э. Циолковский развивает свою мысль далее и приходит к выводу, что эволюция породит новый вид человечества. Мы можем назвать его условно *Homo Cosmicus*. В предельном виде, это абсолютное физическое существо живет вечной бессмертной, блаженной и счастливой жизнью. Оно существует в открытом космосе, путешествуя из одной звездной системы в другую и имеет идеальную шарообразную форму.³² *Homo Cosmicus* К.Э. Циолковского, это идеальное, метафизически абсолютное существо будущего, его утопический идеал, антропологический императив. Он помещен К.Э. Циолковским в бездны космоса и бесконечность времени, ибо сам ученый рассматривал этот вариант идеала как вероятный и, поэтому, гипотетический.

Таким образом, К.Э. Циолковский, говоря об идеалах космического человека, приходит к выводу о том, что будущая эволюция человечества неизбежно будет связана с его выходом в космос, и с его постоянным расселением там. Это приведет к радикальной биологической, персональной и социальной эволюции человечества. Возникнет новый вид людей, которых мы можем условно назвать *Homo Cosmicus*. Этот вид человека космического и является тем антропологическим идеалом человека, который К.Э. Циолковский размещает в актуальной бесконечности времени и пространства, как предельный и поэтому недостижимый вариант развития разумной космической жизни, как нравственный и физический идеал человека, который во многом носит характер антропологической утопии.³³

По нашему мнению, основных представителей русского космизма, и, прежде всего, К.Э. Циолковского можно считать основоположниками космической антропологии, предметом которой становится изучение вероятных форм жизни во вселенной, изучение космического будущего человечества. Объектом космической антропологии является эволюционирующий человек и интеллектуальные формы жизни, в том числе вероятные космические формы разума. Космическая антропология К.Э. Циолковского является оригинальным разделом его Космической философии и яркой составляющей частью русского космизма, направленной на изучение вероятных этапов развития человечества, изучение космоса.

Список литературы

1. Лыткин В.В. Социально – антропологические и философские проблемы русского космизма. Гл.6. – Калуга: Калужский государственный университет им.К.Э.Циолковского, 2003. – 196 с.
2. Маров М.Я. Предисловие ко второму изданию./ Циолковский К.Э. Избранные труды. К.Э.Циолковский; отв.ред. акад.М.Я.Маров. 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Наука, 2007. – С.5 - 15.
3. Одоевский В.Ф. Романтические повести. 4338-й год. Петербургские письма. Л., 1926. – С.346 - 390.
4. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. Краткая повесть об Антихристе. Сост. и примечания А.Б.Муратов. - СПб.: Художественная Литература, 1994. – 528с.
5. Соловьев В.С. Оправдание добра. Соловьев В.С. Сочинения в 2-х тт. Т.2 - М.: Мысль, 1988. – 892 с.
6. Лосев А. Владимир Соловьев и его время. – М.: Прогресс. 1990. – 720с.
7. Федоров Н.Ф. Сочинения.- М.: Наука, 1982. – 711с.
8. Федоров Н.Ф. Философия общего дела. Т.1. - Верный, 1906. – 514с.
9. Циолковский К.Э. Письмо К.Э. Циолковского В.М. Вишневу. Архив РАН, ф. 555, оп. 4, д. 4.
10. Кольченко И.А. К.Э. Циолковский о судьбе человечества в космосе./ Труды II Чтений К.Э. Циолковского. Исследование научного творчества К.Э. Циолковского. – М.: ИИЕиТ АН СССР, 1969. С.17-29.
11. Огурцов А.П. К.Э.Циолковский и В.И.Вернадский. Сравнительный анализ философских идей./ Труды X Чтений К.Э.Циолковского. Исследование научного творчества К.Э.Циолковского. – М.: ИИЕиТ АН СССР, 1977. - С.3-19.
12. Урсул А.Д. Человечество, Земля, Вселенная. М., 1977. – 264 с.

³² Циолковский К.Э. Животное космоса./ Циолковский К.Э. Собрание сочинений. т.IV. – М.: Наука, 1964. - С.302 – 303.

³³ Лыткин В.В. Социально – антропологические и философские проблемы русского космизма. Гл.6. – Калуга: Калужский государственный университет им.К.Э.Циолковского, 2003. - С.187.

13. Фадеев Е.Т. Проблема бессмертия человечества у К.Э. Циолковского и в марксизме./ Труды IX Чтений К.Э. Циолковского. К.Э. Циолковский и философия проблемы освоения космоса. – М.: ИИЕиТ АН СССР, 1975. С. 7-10.
14. Коробков А.В., Космолинский Ф.П., Хазен И.М. Проблема адаптации в космической биологии и медицине. Труды XIV Чтений К.Э. Циолковского. К.Э. Циолковский и философские проблемы освоения космоса. – М.: ИИЕиТ АН СССР, 1980. С. 80-90.
15. Лесков Л.В. Феномен человека по Циолковскому. Труды XXX – XXXI Чтений К.Э. Циолковского. Циолковский и философские проблемы освоения космоса. – М.: ИИЕиТ РАН, 1998. С. 12-18.
16. Мапельман В.М. К.Э. Циолковский о будущем человечества. XXXV Чтения К.Э. Циолковского. Тезисы докладов. – М.: ИИЕиТ РАН, 2000. С. 116-117.
17. Казютинский В.В. Ценностные ориентации современного космизма и прогнозы будущего техногенной цивилизации. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. - С. 337 - 348.
18. Казютинский В.В. Космическая философия К.Э. Циолковского в контексте русского космизма. / К.Э. Циолковский. Космическая философия. – М.: УРСС, 2001. - С. 403 - 428.
19. Циолковский К.Э. Горе и гений./ К.Э. Циолковский. Общественная организация человечества. Горе и гений. - М.: МИП «Память», ИПЦ РАУ, М., 1992. – С.23 - 31.
20. Циолковский К.Э. Животное космоса./ К.Э. Циолковский. Очерки о вселенной. – Калуга: Золотая аллея, 2001. - с. 130 - 146.
21. Циолковский К.Э. Свойства человека./ К.Э. Циолковский. Космическая философия. Ред. В.С. Авдучевский. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - С.111 - 167.
22. Циолковский К.Э. Животное космоса./ Циолковский К.Э. Собрание сочинений. т.IV. – М.: Наука, 1964. – 460 с.
23. Циолковский К.Э. Живая вселенная. Архив РАН. ф.555. оп.1, ед.хр.428.
24. Космолинский Ф.П., Кузнец Е.И. Проблемы космической биомедицины в трудах К.Э. Циолковского. – Тула: Приокское книжное издательство, 1990. – 159 с.
25. Космическая биология и медицина. Под ред. акад. О.А. Газенко. – М.: Наука, 1987. – 217 с.

PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL IDEALS AT THE LEGACY OF THE MAIN REPRESENTATIVES OF THE RUSSIAN COSMISM

V.V. LYTGIN

*Kaluga State University
by K.E. Tsiolkovsky*

e-mail: vlad-lytkin@yandex.ru

The article analyzes the anthropological and philosophical ideals represented in the works of the Russian cosmism. The main representatives of the Russian cosmism and K.E. Tsiolkovsky, above all, can be considered the founders of The Space anthropology, which is to examine the likely subject of life forms in the Universe, exploring the space future of mankind. The object of The Space anthropology is an evolving person and intelligent forms of life including the apparent intellectual space forms. The Space anthropology of K.E. Tsiolkovsky is the original part of his Cosmic philosophy and the bright part of the Russian cosmism aimed at exploring the potential stages of mankind development and the exploration of space.

Keywords: anthropological ideals, Russian cosmism, Cosmic philosophy, K.E. Tsiolkovskiy, evolution of mankind, cosmic evolution, space exploration.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 1(091)(489)«18»+140.8(045)

РОЛЬ ПСЕВДОНИМОВ В ФИЛОСОФИИ С. КЬЕРКЕГОРА

В.В. ЛАШОВ¹
Н.Б. ТЕТЕНКОВ²

¹Московский государственный университет

e-mail: l_vv@me.com

²Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

e-mail: tenibo@yandex.ru

Роль псевдонимов в философии С. Кьеркегора важна, потому что интерпретация псевдонимов определяет понимание его философии. В статье рассматриваются эстетические, биографические, психологические, экзистенциальные интерпретации псевдонимов С. Кьеркегора, интерпретация псевдонимов как способа не прямой коммуникации и т.д.

Ключевые слова: Кьеркегор, Шестов, псевдоним, концептуальный персонаж, литературный герой.

Каждый, кто обращается к философскому наследию С. Кьеркегора, сталкивается с его многочисленными псевдонимами, которые ведут оживлённый диспут между собой. Здесь закономерно возникает вопрос: какое значение имеют все эти псевдонимы? Этот вопрос невозможно игнорировать, потому что ответ на него определяет, какую интерпретацию в дальнейшем получают философские взгляды С. Кьеркегора.

Существует широкий спектр мнений комментаторов философии С. Кьеркегора по поводу значения его псевдонимов, основные из которых мы представим в данной статье и постараемся указать, почему мы считаем, что эти мнения не отвечают на поставленный вопрос и, в свою очередь, предложим собственный ответ на этот вопрос.

В. Долгов предлагает самое радикальное решение этой проблемы: он полностью отождествляет С. Кьеркегора с псевдонимами: «субъективный мыслитель Кьеркегора не меняет маски – выстрадан и оплачен каждый эпизод реализации жизненного принципа»¹. Данное мнение представляется нам ошибочным по следующим основаниям:

1) подобное отождествление псевдонимов и С. Кьеркегора чрезмерно упрощает и огрубляет идеи С. Кьеркегора, в данном случае вместе с водой выплёскивается и ребёнок. Каждый псевдоним экзистенциально выражает мировоззрение определённой формы человеческого бытия, имеющей строгие, определённые границы. Соответственно, уже по этой причине невозможно просто отмахнуться от псевдонимов, они необходимое звено в замысле С. Кьеркегора. Всего таких форм, по С. Кьеркегору, пять: эстетическая, ирониче-

---

¹ Долгов К. От Кьеркегора до Камю: Философия. Эстетика. Культура. – М.: Искусство, 1990. – С.7.

ская, этическая, юмористическая и религиозная – так что один человек не в состоянии прожить все пять форм человеческого бытия. Ведь одна из основных тем философии С. Кьеркегора – тема самоопределения, необходимость принять ценности одной из форм и сделать осознанный выбор в её пользу.

2) Данная точка зрения игнорирует мнение самого С. Кьеркегора, который неоднократно подчёркивал, что ошибочно отождествлять его с псевдонимами. В доказательство приведём несколько цитат из работ С. Кьеркегора. Например, в «Заключительном ненаучном постскрипуме» он пишет: «Моя псевдонимность или полинимия не имеет причинного основания в моей личности..., но она имеет сущностное основание в характере творчества, которое ради строк, приписываемых авторам и психологически разнообразным различиям в индивидуальности, требует полного равнодушия к добру и злу, раскаянию и высокому духу, отчаянию и самонадеянности, страданию и ликованием и т.д. Творчество, которое ограничено исключительно идеально, благодаря психологическому постоянству и тому, что настоящие личности не отважатся себе позволить в действительных моральных ограничениях реальности..., не могут желать»². В «Точке зрения на мою деятельность как писателя» С. Кьеркегор отличает себя от псевдонимов и принадлежности к различным формам бытия: «Я религиозный субъект, и псевдонимы мне чужды»³. И наконец, в «Дневниках» он пишет: «Автором псевдонимов я являюсь лишь во вторичном значении слова.... У моих псевдонимных авторов своё, личное, определённое мировоззрение.... Тот, кто не понял отстраняющей роли псевдонимов и в заблуждении подменил их моим существующим «я», тот не понял идеи моего творчества и сам себя обманул»⁴. Ряд комментаторов пытаются решить проблему псевдонимии С. Кьеркегора в рамках литературных категорий, так, например, Т. Кроксалл считает, что: «Именно потому, что С. Кьеркегор был высокого мнения об искусстве, он пытался представить и искусство, и жизнь эстета, кто может заниматься искусством, вот почему он все свои эстетические произведения написал псевдонимно. Он пытался, подобно Броунингу или Шекспиру, показать изнутри эстетическую жизнь и говорить её устами»⁵. На наш взгляд, применение литературоведческих понятий «псевдоним» и «литературный герой» к философии С. Кьеркегора вносит путаницу, так как считается, что за псевдонимом скрывается реальный автор, а литературный герой – фигура вымышленная. Псевдоним используется в качестве автора или редактора книги, в которой действуют литературные герои. С. Кьеркегор не следует этой традиции: у него один и тот же персонаж может в одном случае быть редактором книги, в другом – действовать как литературный герой. В качестве примера можно назвать Виктора Эремиту – редактора «Или-или» и героя симпозиума в «Стадиях жизненного пути». Выход из данного затруднения мы видим в том, что С. Кьеркегор, скорее всего, использовал понятие «псевдоним» в ином, отличном от литературоведческого, значении. По этой причине проблему использования псевдонимов невозможно решить в терминах литературы, по этой же причине псевдонимы являются данью литературной моде, ни эстетическими фигурами.

Именно как эстетические, репрезентативные фигуры рассматривает псевдонимы Т. Адорно⁶, задачу которых он видит в том, что они указывают на границы эстетической, этической и религиозных экзистенциальных сфер бытия и дать им комментарий. Схожей точки зрения придерживается Р. Хейсс⁷, с его точки зрения, С. Кьеркегор уклонялся от любого общения и хотел говорить только с самим собой и с миром своих фантазий. Из-за этой особенности в мировой литературе было создано единственное в своём роде достижение: творчество С. Кьеркегора разыгрывается на сцене, где автор, режиссёр, исполнитель и одновременно он же комментатор, критик и публика. Из отечественных философов подобных взглядов придерживается В. Подорога, в «Метафизике ландшафта: коммуникативные стратегии в философской культуре 19 – 20 вв.» он определяет псевдонимы

² Kierkegaard S. Concluding Unscientific Postscript. Princetont. 1944, p. 8.

³ Kierkegaard S. Gesammelte Werke. Köln. 1950 Bd. 5, s. 61.

⁴ Thulstrup N. Søren Kierkegaards Papir. 1968. bd. 1, s. 69.

⁵ Croxall T. Kierkegaard studies with special reference to a) the Bible b) our own age London, 1948, p. 69.

⁶ Adorno T. Kierkegaard. Konstruktion des Aestetischen mit einer Beilage. Frankfurt a M. 1962, pp. 22-25.

⁷ Heiss R. Die großen Dialektiker des 19 Jahrhunderts: Hebel, S. Kierkegaard, Marx, 1963 pp. 236-238.

С. Кьеркегора как марионеток, лишённых сознания. Марионетка-псевдоним способна осуществлять любые движения, недоступные человеческому телу, с любой скоростью, она механизмирует человеческий жест, отчуждает его, делает жестом не «внешнего», а «внутреннего» тела. И движение это может быть выполнено на пределе определённого типа существования, потому что: «...только Бог или марионетка могут выполнить подобный род движения, первый в силу того, что одарён бесконечным сознанием, вторая – в силу того, что не одарена никаким»⁸. Данная точка зрения содержит внутреннее противоречие: если марионетка в силу отсутствия сознания может выполнить любое движение, то зачем С. Кьеркегору так много марионеток? Теоретически для выполнения всех движений достаточно всего одной, то есть, эта точка зрения не объясняет множественности псевдонимов у С. Кьеркегора.

Ранее, в этой же книге, даётся ещё одно определение псевдонимов – это «марионетка – комментатор – это всегда знак определённой сферы»⁹, задача которой учреждать и охранять сферы, которые они представляют. Так как марионетка прочерчивает границу сферы, которую она представляет, то всё её движение сводится к поперечному движению. И здесь возникает вопрос: любое или только поперечное движение могут выполнять марионетки? Если только поперечное, то в этом случае более-менее становится понятным необходимым, почему псевдонимов несколько: псевдонимы очерчивают несколько сфер, но в этом случае достаточно было бы трёх, по числу сфер, максимум пять, так как С. Кьеркегор промежуточными сферами называл ироническую и комическую сферы, но псевдонимов гораздо больше. Многочисленность псевдонимов можно объяснить только тем, что каждая их сфер внутри себя имеет определённую градацию, которую и выявляют псевдонимы, а это возможно, когда взгляд даётся не только извне, но и изнутри. Значит, они не лишены сознания и в силу этого ограничены в движении, так как выражают изнутри, субъективно идею формы человеческого бытия, которую они представляют.

Как эстетические интерпретации, недостаточными для решения проблемы псевдонимии у С. Кьеркегора нам представляются и биографические, психологические интерпретации. Так Х. Фенгер в книге «Кьеркегор: мифы и их источники» многочисленность псевдонимов объясняет любовью С. Кьеркегора к игре: «он разыгрывал партии своих псевдонимов, когда писал их»¹⁰. Х. Фенгер приписывает С. Кьеркегору роль Гамлета в семье, роль злодея по отношению к Регине Ольсен, сравнивая её с Офелией, роль циника в копенгагенском обществе и т.д.: «Драматург Кьеркегор был не способен остановиться в своей игре, так, чтобы занавес, наконец, мог упасть. Актёр, проваливший свой выход, грех, который Бог не склонен прощать»¹¹. Страсть к игре в данной точке зрения сильно преувеличена: так не играл С. Кьеркегор роли злодея. Согласно правилам этикета принятым в то время именно девушка может разорвать помолвку, не нанося ущерба при этом своей репутации, разрыв же со стороны жениха толковался дурно, по этой причине С. Кьеркегор и хотел, чтобы Регина Ольсен воспользовалась этим правом. Она же настаивала на том, чтобы свадьба состоялась, в конце концов, Регина Ольсен смирилась и освободила С. Кьеркегора от данного слова. Утверждение, которое присутствует у многих комментаторов творчества С. Кьеркегора, что псевдонимы – это желание объясниться с Региной Ольсен, не выдерживает критики: псевдонимами он начал пользоваться до знакомства с Региной Ольсен, использовал он их и после разрыва помолвки и женитьбы Регины Ольсен на Ф.Шлегеле.

Не были псевдонимы и спасением от одиночества и психотерапевтической защитой. Эту точку зрения также представлена В.А. Подорогой, который считает, что С. Кьеркегор нападкам «Корсара» противопоставил дендизм: быть элегантным вопреки всему, вопреки одиночеству и мужской импотенции, вопреки уродливому телесному образу, и

⁸ Подорога В.А. Метафизика ландшафта: коммуникативные стратегии в философской культуре 19 – 20 вв. М.: Наука, 1993.

⁹ Там же. С. 46.

¹⁰ Fenger H. Kierkegaard: the myths and their origins New Haven, 1980 p. 23.

¹¹ Там же. С. 23.

слабости физических сил, вопреки домыслам и слухам»¹², так как одиночество С. Кьеркегора – это миф, создаваемый комментаторами, желающими сделать из С. Кьеркегора «певца одиночества».

Более правильными представляются экзистенциальные интерпретации причин использования псевдонимов, в которых признаётся их автономность по отношению к автору. В данных трактовках они выражают отличные от автора формы человеческого бытия или определяются как возможности, которые С. Кьеркегор обнаружил в своей личности, подобная точка зрения была высказана В. Лурье¹³.

Как правило, с экзистенциальной интерпретацией сочетается и точка зрения, что псевдонимы С. Кьеркегор – это одна из форм не прямой коммуникации. Л. Шестов считал, что У.С. Кьеркегора не хватало мужества прямо изложить свои взгляды, так как он чувствовал бессилие человека перед необходимостью, перед которой бессильна и вера, и Бог. С другой стороны, он не мог и молчать, отсюда метод косвенного изложения: «то он прикрывается псевдонимами (большинство его книг подписано не его именем, а самыми разнообразными псевдонимами) или фабулами вымышленных историй, которые всегда сводятся к рассказу о борьбе живого человека с бзмержно могущественной и ко всему безразличной силой, то воспевае христианство, столь разрушительное и столь же беспощадное, как и сама необходимость»¹⁴. Среди многочисленных комментаторов, отстаивающих эти точки зрения, необходимо выделить П.П. Гайденко, чьи книги «Трагедия эстетизма»¹⁵ и «Прорыв к трансцендентному: новая онтология 20 века»¹⁶ во многом определили отношение к философии С. Кьеркегора в России.

Опираясь на две последние интерпретации, мы считаем, что псевдонимы С. Кьеркегора – это концептуальные персонажи. Под концептуальным персонажем мы подразумеваем персонаж, наделённый личностными чертами, который в диалоге и во взаимодействии с другими персонажами выявляет идею, заложенную в него философом, позволяя увидеть её глазами Другого. Методологической основой данного определения являются идеи концепта и концептуального персонажа Ж. Делёза и Ф. Гваттари, изложенные ими в книге «Что такое философия?»¹⁷.

Понятие «концептуальный персонаж» наиболее точно выражает тот смысл, который вносит С. Кьеркегор в литературоведческое понятие «псевдоним» и позволяет отказать от отождествления С. Кьеркегора с персонажами, что неизбежно возникает при использовании понятия «псевдоним». В подтверждение нашей мысли обратимся к примечанию, которое С. Кьеркегор написал на рецензию Шлейермахера к «Люсинде» Ф. Шлегеля: «Она (рецензия) должна стать образцом для рецензий, и особенно, как пример как рецензия может быть в высшей степени плодотворна. Как рецензент этой книги создает множество личностей и посредством их разъясняет и саму книгу, и их индивидуальность. Кроме того, вместо рецензента, представляющего множество личностей, нам представлено множество личностей, кто высказывает эти различные точки зрения. Каждая личность – законченная сущность, так что мы имеем возможность взглянуть на индивидуальность каждой личности и, узнав множество их мнений (каждый прав только относительно) прийти к собственному выводу. Таким образом, это истинное произведение искусства»¹⁸.

Каждый из концептуальных персонажей автономен, сам философ, по Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, лишь телесная оболочка главного концептуального персонажа и всех остальных – истинных субъектов его философии, поэтому важна роль каждого персонажа в общей структуре персонажей, и нельзя игнорировать ни одного из них. В философии

¹² Подорога В.А. Метафизика ландшафта: коммуникативные стратегии в философской культуре 19 – 20 вв. М.: Наука, 1993. - С. 113.

¹³ Lowrie W. A short life of Kierkegaard. Princrnton, 1941, p. 127-129.

¹⁴ Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия. М.: «Прогресс» - «Гнозис», 1992. – С.156.

¹⁵ Гайденко П.П. Трагедия эстетизма: о мирозерцании Сёрена Киркегора Изд 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. - С. 248.

¹⁶ Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология 20 века. М.: Республика, 1977. – 495 с.

¹⁷ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Алетейя, 1998. – С.288.

¹⁸ Цит. по Croxall T. Kierkegaard studies with special reference to a) the Bible b) our own age London, 1948, p. 7.

С. Кьеркегора важно не только «что» сказано и «как» сказано, но и «кто» сказал. Можно сказать, что С. Кьеркегор был одним из творцов нового способа философствования – философствования при помощи концептуальных персонажей. Принадлежность концептуального персонажа к одной из сфер человеческого бытия изначально задаёт определённое видение действительности, и это необходимо учитывать, когда цитируется кто-либо из персонажей: идея, вырванная из контекста мировоззрения персонажа, «озвучивающе» её, получает искажённый вид.

Обычно считается, что человек в течение своей жизни проходит эстетическую, этическую и религиозную сферы человеческого бытия, у самого С. Кьеркегора этого нет. Более того, он утверждает, что человек может перейти из одной сферы в другую, но этот переход не обязателен: человек может прожить всю жизнь в одной сфере, лишь отчаяние вынуждает его выбрать иную сферу человеческого бытия. Момент перехода из одной сферы в другую – это «прыжок», «скачок», который невозможно выразить в слове, «скачок» не является процессом, он одномоментен.

Таким образом, все три сферы человеческого бытия: эстетическая, этическая и религиозная – присутствуют изначально, и каждое из больших по объёму произведений С. Кьеркегора воспроизводит эту структуру. Данные сферы контингентны по отношению друг к другу, логически непротиворечивые внутри себя, они противоречат друг другу. Благодаря этому каждая из сфер человеческого бытия и каждый концептуальный персонаж взаимно ограничивают друг друга, так становятся явными границы каждой сферы. Как правило, один из концептуальных персонажей даёт субъективный взгляд изнутри, другой объективизирует первый, показывая, как первый выглядит извне, в свою очередь, объективизируясь в первом. Это можно показать на примере «Или-или»: эстет А в своих афоризмах и фрагментарных исследованиях даёт читателю представление о эстетической форме человеческого бытия и показывает, как этическая сфера выглядит в глазах эстета. Судебный чиновник Вильгельм отстаивает достоинства этической формы и критикует эстетическую форму человеческого бытия. Здесь следует ещё раз подчеркнуть, что взгляд на иную форму существования при объективизации последнего не остаётся беспристрастным: он задан мировоззрением, к которому принадлежит концептуальный персонаж.

Принадлежность концептуального персонажа к одной из сфер человеческого бытия не позволяет нам говорить о нём, как о марионетке, лишённой сознания. Эстетические персонажи несут в себе уникальность и непосредственность дорефлексионной чувственности (здесь и возникает парадокс: рефлектируя, эстет теряет непосредственность, но это неизбежно, так как слово в качестве коммуникативного средства принадлежит этической форме бытия, а другой формы коммуникации с другими сферами нет); этические персонажи мыслят в рамках категорического императива, который и определяет их отношение к персонажам, демонстрирующим иные формы человеческого существования; религиозные персонажи, соответственно, несут в себе религиозное сознание, потому снова возникает тема молчания: отношение с Богом – тайна, невыразимая в слове.

Отдельно следует отметить роль концептуальных персонажей, выступающих в качестве «редакторов» произведений. Они необходимы для того, чтобы придать произведению единство и завершённость. Вместе взятые, они соединяют в единое целое все произведения. Достигается это несколькими путями: противопоставлением концептуальных персонажей, которое уже заявлено в их «фамилиях», этот приём использован в работах Климакуса и Анти-климакуса, ссылкой или цитированием персонажей ранее изданных произведений, так В. Хауфниенсий – автор «Понятия страха» ссылается на В. Эремиту – редактора «Или-или», Йоханнеса де Силенцио – автора «Страха и трепета», Константина Константина – автора «Повторения» и Николауса Нотабене – автора «Предисловия». Кроме того, есть концептуальные персонажи, которые проходят «красной нитью» почти через все произведения: это Сократ – трагический герой, Мефистофель, философ (Гегель), женщина-мужчина и т.д.

Важно для нас здесь также и то, что С. Кьеркегор лишает себя как автора точки абсолютного наблюдателя, приравняв себя к собственным персонажам. Таким образом, ни он как автор, ни один из концептуальных персонажей не имеет приоритета перед другими, ни один из них не обладает истиной в последней инстанции. Читателю предстоит осознать, к какой из сфер принадлежит он сам и сделать собственный выбор «или-или».

Не случайно периодически персонажи апеллируют к читателю, для них он равноправный участник диалога, который ведут концептуальные персонажи друг с другом.

Отсутствие привилегированности у какой-либо из сфер приводит к тому, что важен не только концептуальный персонаж сам по себе, на первый план выходят и отношения между персонажами, их взаимодействие и взаимосвязь помогают более ясное представление о самих персонажах. Не случайно в «Повторении» указывается на необходимость исключения: «исключение выясняет и общее, и самое себя, поэтому если хотя бы основательно изучить общее, стоит только поискать хорошо обоснованное исключение, оно продемонстрирует всё яснее, чем само общее»¹⁹.

При этом необходимо учитывать, что концептуальные персонажи у С. Кьеркегора не являются неизменными, они являются вымышленными личностями, но действуют в исторической реальности, то есть персонажи изменяются, и мы имеем дело с «плавающей субъективностью». Продemonстрируем это на примере эстета Йоханнеса Обольстителя, свой дневник он заканчивает следующими словами: «нельзя ли так поэтически выбрать из сердца девушки, чтобы оставить её в горделивой уверенности, что её надоели отношения»²⁰. Иными словами, персонаж изменяется в рамках той идеи, которую он представляет.

Список литературы

- Adorno T. Kierkegaard. Konstruktion des Astetieschen mit einer Beilage. Frankfurt a M. 1962.
- Croxall T. Kierkegaard studies with special reference to a) the Bible b) our own age London, 1948.
- Fenger H. Kierkegaard: the myths and their origins New Haven, 1980.
- Heiss R. Die grosen Dialektiker des 19 Jahrhunderts: Hehel, S. Kierkegaard, Marx, 1963.
- Kierkegaard S. Concluding Unscientific Postscript. Princenton. 1944.
- Kierkegaard S. Gesammelte Werke. Köln. 1950 Bd. 5.
- Lowrie W. A short life of Kierkegaard. Princrnton, 1941.
- Thulstrup N. Søren Kierkegaards Papier. 1968. bd. 1.
- Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология 20 века. М.: Республика, 1977.
- Гайденок П.П. Трагедия эстетизма: о мирозерцании Сёрена Киркегора Изд 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Алетейя, 1998.
- Долгов К. От Киркегора до Камю: Философия. Эстетика. Культура. – М.: Искусство, 1990.
- Керкегор С. Повторение М.: Лабиринт, 2008.
- Кьеркегор С. Несчастнейший М.: ББИ св. апостола Андрея 2002.
- Подорога В.А. Метафизика ландшафта: коммуникативные стратегии в философской культуре 19 – 20 вв. М.: Наука, 1993.
- Цит. по Croxall T. Kierkegaard studies with special reference to a) the Bible b) our own age London, 1948.
- Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия. М.: «Прогресс» - «Гнозис», 1992.

PSEUDONYMS IN S. KIERKEGAARD'S PHILOSOPHY

V.V. LASHOV¹⁾
N.B. TETENKOV²⁾

¹⁾ *Moscow State University*

e-mail: l_vv@me.com

²⁾ *Pomor State University n.a. M.V. Lomonosov*

e-mail: tenibo@yandex.ru

The importance of pseudonyms in S. Kierkegaard's philosophy is obvious, because his philosophy can be understood by means of interpretation of the very pseudonyms. The authors focus on aesthetic, biographical, psychological, existential types of S. Kierkegaard pseudonyms' interpretation, and view pseudonyms interpretation as a means of indirect communication.

Key words: Kierkegaard, Shestov, pseudonym, conceptual figure, character.

¹⁹ Керкегор С. Повторение М.: Лабиринт, 2008. - С. 148

²⁰ Кьеркегор С. Несчастнейший М.: ББИ св. апостола Андрея 2002. - С.356

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 130.2

ДУХОВНО - ПРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ В ДВОРЯНСКОМ ОБЩЕСТВЕ РОССИИ

О.А. РАДУГИНА*Воронежский государственный
архитектурно-строительный
университет**e-mail: radugina@yandex.ru*

В статье показано, что основная направленность духовно- нравственных исканий в дворянском обществе состоит в поисках путей обретения «Царства Божия». Эта проблема встает в религиозном сознании как поиск идеала, к которому должен стремиться христианин. Широкое распространение в среде дворянства получила спиритуалистическая интерпретация « Царства Божия»: «Царство Божие внутри нас». В установке - «Царство Божие внутри нас», главным является акцент на самосовершенствование человека, его нравственное и духовное развитие.

Ключевые слова: духовность, духовно - нравственные искания, Божье царство, идеалы, исиахазм, масонство, «умное делание», святость.

Современная социокультурная ситуация, для которой характерны синдром отставания духовного развития человечества от научно-технического прогресса, доминирование технократического и прагматично-потребительского мироотношения, процессы отчуждения и утраты культурной памяти, разрушение классических ценностных иерархий, неустойчивость информационного поля культуры, многообразие проявлений деструктивных процессов, среди которых особое значение имеет значительный упадок нравственности, обуславливает повышенный интерес к проблемам духовности. Проблемы духовности волновали российское общество на протяжении всей истории его существования. По нашему мнению, в поисках ответов на волнующие нас вопросы полезно осмыслить опыт духовно - нравственных исканий, которые происходили в дворянской среде российского общества в досоветский период его существования.

Цель данной статьи - проанализировать духовно- нравственные искания в российском обществе в пространстве повседневного бытия личности и общества. В философской литературе духовность зачастую определяется как специфически человеческое качество, характеризующее мотивацию и смысл на основе установлении связи человека с высшими силами бытия, с трансцендентным, с Богом. Основная направленность духовно- нравственных исканий в дворянском обществе состоит в поисках путей обретения «Царства Божия» как цели и пути человеческого развития. « Царство Божье» рассматривается как духовно-нравственный и социальный идеал. Царство Божье как духовно-нравственный и социальный идеал - это произвольно сконструированный образ желаемого и в этом смысле идеального состояния человечества. Этот идеал не опирается на

знание объективных закономерностей функционирования и развития общества, а, скорее наоборот, сознательно игнорирует действие этих закономерностей. Христианские представления о Царстве Божьем как идеальном мире с вечным блаженством и вечной жизнью тесно связаны с принципиальным религиозным раздвоением мира на реальный материальный мир и потусторонний мир, а также с убеждением в возможном существовании человека в иных, трансцендентных измерениях и состояниях.

В религиозном сознании существуют определенные характеристики этого Царствия, практически совпадающие с характеристиками Рая. При этом встает чрезвычайно важный вопрос, как трактовать Царство Божие: как идеальное устройство внешнего или внутреннего мира. В обществе существовала и существует сильная тенденция интерпретации Царства Божия как идеального устройства внешнего мира. При такой интерпретации Царство Божие выступает как социальный идеал. Эта тенденция находит яркое воплощение в различных идеологиях. Трактовка Царства Божия как идеального устройства внешнего мира в яркой форме выражается в идеологии клерикализма, с ее ориентацией на идеалы теократии, господствующее положение в обществе Церкви.

Широкое распространение в православной культуре получила спиритуалистическая трактовка Царства Божия, выраженная в Евангелиях от Матфея, Луки, Послании Павла Римлянам. И в этой трактовке решающую роль играет нравственная составляющая. Царство Божье в ней рассматривается, прежде всего, как духовное образование. Оно не от мира сего и не для мира сего. Это особое духовно-нравственное состояние человека, состояние святости. «Ибо Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость в Святом духе»². Установление царства Божьего в этой концепции не связывается с определенными временем и местом. Путь к нему лежит через нравственное самосовершенствование. В Евангелии от Луки рассказывается о том, что на вопрос фарисеев, когда придет Царство Божье, Христос ответил: «Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: «вот, оно здесь», или: «вот, там»¹. «Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть». В установке - «Царство Божие внутри нас», без сомнения главным является акцент на самосовершенствование человека, его нравственное и духовное развитие. Человек, таким образом, сформулировав идеал, отсекает от себя такие ценности как богатство, престиж и иные внешние блага. Царство Бога как внутреннее состояние души, согласие с самим собой, ощущение внутреннего душевного комфорта.

В спиритуалистической традиции довольно сильно выражена тенденция на упразднение субстанциального различия между двумя мирами. Не подвергая сомнению трансцендентный характер божественного бытия, сторонники спиритуалистической интерпретации Царства Божия переносят акцент на внутреннюю близость сверхъестественного и естественного, Бога и мира, Бога и человека. В связи с этим, для спиритуалистической традиции характерным является стремление тесно увязать религиозную и светскую сферы деятельности человека, представить религиозные ценности как имеющие непосредственное отношение к жизненным проблемам. Эсхатологическая надежда, по их мнению, не уменьшает значения земных интересов, а, напротив, придает человеку новую силу, помогает их осуществлению. Отношения Бога и человека представляются сторонниками этой тенденции как опосредованные отношениями к другим людям, рождаются в различных формах деятельности и общения.

Сторонники спиритуалистической традиции в христианском богословии выступают против обмирщения, заземления религиозных понятий. Они стремятся подчеркнуть их «вертикальный» аспект, религиозное значение. Благотворительность, по их мнению, не является простым служением людям, а имеет чисто сверхъестественный источник и сверхъестественное содержание. «Грех» — это не моральная, а религиозная категория. Термин «грех» используется в Священном писании не для удобства разъяснения каких-то чисто житейских проблем, а в подлинно религиозном смысле — как отпадение от Бога. Любовь и милосердие в Священном писании отождествляются с набожностью. Поэтому любовь к ближним нельзя ставить рядом с любовью к Богу, ибо она вторична, хотя и подобна. Практиковать милосердие, сострадание означает, с точки зрения Священного писания, реальную, а не формальную набожность — быть серьезным в поклонении

¹ Евангелие от Луки / под ред. Алексеева А.А. Новосибир.: Сибирская Благозвонница, 1997. – С.20.

нии Богу. Иисус ориентирует христиан на служение именно Богу, а не человеку. Во всех текстах Священного писания красной нитью проходит мысль, пишет он, что не может быть любви для других, сострадания, служения, если нет почитания Бога, молитвы, действия благодати³⁰. Таким способом сторонники трансцендентно-спиритуалистической традиции стремятся активность верующих направить в чисто религиозное русло: на соблюдение религиозных обрядов, благотворительную деятельность, пожертвования в пользу церкви и другие так называемые «добрые дела». Апогеем осуществления Царства Божия как духовно- нравственного идеала является обретение человеком святости. В общехристианском смысле святость можно определить как существенное, необходимое условие богообщения, предполагающего свободную деятельность человека по совершенствованию в добродетелях, достигаемому в аскетическом подвижничестве. Ее содержание составляют следующие признаки: чистота сердечная, стяжание благодати как силы Бога, его энергии божественной и обожающей; исполнение надежды, свершение веры, преисполненная любовь к Богу в Духе Его, последний дар Бога - наивысший и совершенный; это полнота благодати Божией, преобразующая святого подвижника, преодолевающая законы тварного бытия, раздвигающая пределы времени и пространства; переизбыточная сила Божия, воссоздающая первозданную неповрежденность человеческой природы, отпущение грехов и исцеление телесных недугов; это видимое звено между земным, нашим миром и небесным Царством Божиим, это ангельские люди и человеческие ангелы².

Святость, по православному вероисповеданию, - это свойство, присущее Богу, которым он наделяет конкретных людей и предметы. Святость не означает безгрешность людей, но подчеркивает устремление их к безгрешности и совершенству. Святой человек - угодник Богу, обладающий вечным божественным блаженством. Философско-этическое понимание святости предлагает В.Н. Назаров. Святость, отмечает он, - неопределимое единство абсолютных ценностных качеств; совокупность онтологических и нравственных совершенств; особый вид творчества, направленный на духовное преобразование личности; высший, героический идеал духовного подвига, ведущего к богоуподоблению³. Нравственный дух святости проявляется в первую очередь в человеке, в личности святого. Но он теснейшим образом связан с национальной культурой, выражает существенные черты духовного (религиозно-христианского) самосознания. Е.Д. Мелешко, считает, что «древнерусский тип святости, образ святого, «божьего» человека, не имеет подобия ни в западном христианстве, ни в византийской духовной традиции, своеобразие русского типа, на ее взгляд, - в углублении нравственного начала, в раскрытии нравственного смысла христианства, в полном непосредственном осуществлении нравственных заповедей Христа, наконец, в гармоничном сочетании духовного самоуглубления и служения миру, людям. Это служение осуществляется через самоотвержение любви, высшим выражением которого является положение души своей «за други своя»⁴. По мнению исследователей русской православной культуры, особенностями русской святости выступают «светлая мерность», отсутствие крайней аскезы, гармоничность соединения у личности святого внутреннего подвига единения с Богом и деятельного милосердия к ближним, нравственного участия в духовном преобразении бытия. Для русского типа святости не характерны радикальный, героический аскетизм древневосточной (египетской и сирийской) традиции, возвышенный мистицизм греческой или католической святости. Русский святой выражает себя преимущественно через действенную любовь к миру, кроткое смирение и сострадание. В этом уничижении и кроткости для него раскрывается, и здесь самая глубокая печать русской святости, образ уничиженного Христа»⁵.

Духовно-нравственные искания по построению и обретению Царства Божия в православной культуре наиболее яркое выражение нашли в институте монашества. В монашеском движении тесно переплетаются и уживаются интерпретации Царства Божьего как внешнего бытия, так и внутреннего состояния души, хотя, без сомнения, доминант-

² Концевич И.М. Стяжание Духа святого на путях Древней Руси / Отв. ред. О.А. Платонов. - М.: Институт русской цивилизации, 2009. - С. 397.

³ Назаров В.Н. Святость // Этика. Энциклопедический словарь. М. Гардарики. 2001. - С.430-431.

⁴ Мелешко Е.Д. Христианская этика Л. Н. Толстого. М.: Наука, 2006. - С. 220.

⁵ Федотов Г.П. Святые древней Руси. М., 1990. - С. 236.

ной является вторая интерпретация. Проникнутая самоограничением и преодолением мирских соблазнов, аскетическая жизнь монахов становилась убедительным примером победы христианской аксиологии над человеческим эгоизмом, корыстолюбием и стяжательством. Они давали пример духовной стойкости и надежды на помощь Бога.

Значительное влияние на содержание и направление духовно- нравственных исканий в российском обществе оказала православно-греческая традиция исихазма. Слово «исихия» (hesychia) – «покой», «безмолвие» – указывает на идеал индивидуального отшельничества, по своему принципу отличного от общежитного монашества, основанного Пахомием Великим, и предполагающего строгую внешнюю дисциплину труда и жизни. Исихазм предполагает установление непосредственной связи человека с Богом. Не исключая внешних правил монашеского общежития сторонники исихазма главный акцент переносили на внутреннюю молитву, «умное делание», стремление к личному «обожеанию» как началу преображения других людей и всего мира. В научной литературе выдвигается мысль, что в лоне самого исихазма имелись два течения: существовали будто бы «истинные исихасты», вроде Григория Синаита, которые отказывались принимать участие в догматических спорах, и схоласты-паламиты. Исихазм представляет собой духовный путь единения с Богом, практику выявления и очищения внутреннего божественного начала в человеке. На Руси этот духовный опыт получил название «умного делания», традиция исихазма стала сердцевинной подлинного «внутреннего» образования, что в наибольшей полноте было воспринято и разработано древнерусской святоотеческой традицией.

Наиболее последовательно развивал мистико-аскетические идеи в духе исихазма Григория Синаита в своих сочинениях Нил Сорский, требуя сосредоточения верующего на своем внутреннем мире, личного переживания веры, как непосредственного единения верующего с Богом. Нил Сорский оставил ряд бесценных богословских произведений: «Предание ученикам, Устав», «Покаянная молва», несколько Посланий, и Завещание, написанное им перед смертью. В этих произведениях он создает целостную систему духовно-нравственного воспитания. В этой системе, обучая духовному подвигу, состоящему не только в трудах по умерщвлению плоти, преподобный Нил призывает своих учеников к глубокому внутреннему духовному совершенствованию. В стремлении к целостному христианскому видению человеческой личности, он утверждал, что в человеке «повреждены» не только тело, но и душа, и поэтому, духовное преображение невозможно без телесного. Условием гармоничного существования должно стать не насилие духа над телом, а их союз, возможный при соподчинении тела и души с помощью духовных практик исихазма, почерпнутых старцем на Святой горе Афон.

В центре системы духовно-нравственного воспитания преподобного Нила Сорского располагается концепция евангельской духовности. По учению Нила, Евангельская духовность, взятая в самом широком и общем смысле, представляет собой укорененность человека в мире библейских и в, первую очередь, новозаветных ценностей, смыслов и норм. Она не предзадана человеку в качестве некоего субстрата, а представляет собой чистую возможность. В осуществлении, реализации этой возможности определяющую роль играет соответствующая церковно-христианская среда.

Суть евангельской духовности наиболее отчетливо проступает в учении Нила Сорского об «умном делании», под которым он понимал сложную внутреннюю работу человеческого духа. Эта работа, составляющая главный смысл иноческого подвига, предполагает три формы, три восходящие ступени духовного труда. Первая – это безмолвие, дисциплина молчания. Вторая – «умная молитва». Третья – созерцание («видение») Бога, внутреннее единение с Ним. По этим ступеням дух восходит все выше и выше, отдаляясь при этом от мирской суеты все дальше и дальше.

Значительное влияние на духовную жизнь российского общества оказал Иосиф Волоцкий. В мировоззрении Иосифа Волоцкого и в его практической деятельности в значительной степени выражена установка на возможность и необходимость создания Царства Божия на Земле. Иосиф Волоцкий стремился к преобразованию мира путем внешней работы в нем. Его мировоззрение определяется идеей социального служения Церкви. В связи с этим, и саму монашескую жизнь он рассматривал как «некое социальное тягло, как особого рода религиозно-земскую службу». Его заботы о хозяйстве монастыря, о

превращении его в могущественный и богатый духовно-религиозный и культурный центр объяснялись стремлением игумена Волоцкого организовать в монастыре приюты, странноприимные дома и больницы, помогать людям во время неурожая. Именно эта сторона мировоззрения и деятельности Иосифа Волоцкого сделала его знаменем общественного движения «иосифлян» противостоящего «нестяжательству», знаменем которого были мировоззрение и деятельность Нила Сорского.

Иосиф Волоцкий оставил большое творческое наследие. Он был один из самых плодovitых авторов своего времени. До и после него, среди русских духовных писателей мало было людей столь начитанных, как он, и — что еще важнее — так умевших пользоваться своей начитанностью для себя и для других. Главное богословское сочинение Иосифа Волоцкого — «Просветитель». Составление «Просветителя» было обусловлено потребностями тогдашнего русского общества, и поэтому этот труд, как единственный в своем роде и полностью соответствовавший своему назначению, с неизбежностью оказал огромное влияние на мышление и нравы Московской Руси. Труд содержит множество изречений, полных здравого смысла, он весь пропитан благочестием и твердостью убеждений. Изложенный им свод обязанностей в отношениях людей между собой (в седьмом «Слове») и с Богом отличается простотой, ясностью и сжатостью формулировок. «Просветитель» представляет собой значительное явление в истории русской духовной письменности. Можно сказать, что в нем собрано все русское духовное просвещение того времени. «Просветитель» содержит почти все, что христианин должен знать о своей вере. Его построение таково, что достаточно прочесть его внимательно, чтобы быть в состоянии дать ответ на любой вопрос, могущий смутить верующего христианина.

Вершиной духовно-нравственных исканий в дворянском обществе России являются искания подлинной веры, ее глубоких духовно-нравственных оснований, потомком старинных дворянских родов, великим русским писателем и мыслителем, графом Львом Николаевичем Толстым. Мы определяем эти искания как «вершину» не только как оценку их глубины и последовательности, стремления «идти до конца» и реализовать результаты поисков в своей личной жизни и в социальных практиках человечества. Но и реальным влиянием на духовно-нравственную жизнь российского общества и мирового сообщества в целом, связанную с масштабом личности Толстого, который признавали даже его идейные противники: «какой матерый человецище», характеризовал Толстого В.И. Ленин. А Русская Православная Церковь решением Священного Синода, отлучила его от Церкви, предала анафеме.

В центре духовно-нравственных исканий Л. Н. Толстого находятся, как и во всей предшествующей традиции, поиски путей построения Царства Божия и обретения святости. Теме поиска и построения Царства Божия в тех или иных проекциях посвящены многие художественные, религиозно- философские и педагогические произведения Л.Н. Толстого. обстоятельный анализ этого направления поисков Л.Н. Толстого — отдельная тема исследования и выходит за рамки нашей темы. Эта работа проделана в других исследованиях, лучшим среди которых мы считаем докторскую диссертацию и выпущенную на ее основе монографию Е.Д. Мелешко⁶.

Мы хотели бы сконцентрировать внимание на статье Л.Н. Толстова «"ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ ВАС, ИЛИ ХРИСТИАНСТВО НЕ КАК МИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ, А КАК НОВОЕ ЖИЗНЕПОНИМАНИЕ", написанной в 1893 году⁷.

Толстой рассматривает учение Христа о Царстве Божием как — духовно нравственный идеал. Он цитирует слова Христа в Евангелии от Луки: «Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: «вот, оно здесь», или: «вот, там». Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть»⁸. Ищите Царствия Божия и правды его, а остальное приложится вам. Единственный смысл жизни человека, по Толстому, состоит в служении миру содействием установлению Царства Божия. Служение же это может совершиться только через признание истины и исповедание ее каждым отдельным человеком. По мнению Толстого, учение Христа отличается от прежних учений тем, что оно руководит людьми не

⁶ Мелешко Е.Д. Христианская этика Л. Н. Толстого. М.: Наука, 2006. - С.306.

⁷ Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двадцати томах. Т.16. М., 1964. - С. 383.

⁸ Там же. С.364.

внешними правилами, а внутренним сознанием возможности достижения божеского совершенства. И в душе человека находятся не умеренные правила справедливости и филантропии, а идеал полного, бесконечного божеского совершенства. Только стремление к этому совершенству отклоняет направление жизни человека от животного состояния к божескому настолько, насколько это возможно в этой жизни. Для того, чтобы пристать к тому месту, к которому хочешь, надо всеми силами направлять ход гораздо выше. Спустить требования идеала значит не только уменьшить возможность совершенства, но уничтожить самый идеал. Идеал, действующий на людей, есть не выдуманный кем-то идеал, но идеал, носимый в душе каждым человеком. Только этот идеал полного бесконечного совершенства действует на людей и подвигает их к деятельности. Умеренное совершенство теряет свою силу воздействия на души людей.

Учение Христа только тогда имеет силу, когда оно требует полного совершенства, т.е. слияния божеской сущности, находящейся в душе каждого человека, с волей Бога, — соединения сына с Отцом. Только это освобождение сына Божия, живущего в каждом человеке, из животного и приближение его к Отцу и составляет жизнь по учению Христа.

Жизнь, по учению христианскому, есть движение к божескому совершенству. Ни одно состояние по этому учению не может быть выше или ниже другого. Всякое состояние, по этому учению, есть только известная, сама по себе безразличная ступень к недостижимому совершенству и потому само по себе не составляет ни большей, ни меньшей степени жизни. Увеличение жизни, по этому учению, есть только ускорение движения к совершенству. И потому движение к совершенству мытаря Закхея, блудницы, разбойника на кресте составляет высшую степень жизни, чем неподвижная праведность фарисея. И потому-то для этого учения не может быть правил, обязательных для исполнения. Человек, стоящий на низшей ступени, подвигаясь к совершенству, живет нравственнее, лучше, более исполняет учение, чем человек, стоящий на гораздо более высокой ступени нравственности, но не подвигающийся к совершенству.

В этом-то смысле заблудшая овца дороже Отцу незаблудшихся. Блудный сын, потерянная и опять найденная монета дороже тех, которые не пропадали. Исполнение учения — в движении от себя к Богу. Очевидно, что для такого исполнения учения не может быть определенных законов и правил. Всякая степень совершенства и всякая степень несовершенства равны перед этим учением; никакое исполнение законов не составляет исполнения учения; и потому для учения этого нет и не может быть обязательных правил и законов.

Христианское учение возвращает человека к первоначальному сознанию себя, но только не себя животного, а себя — Бога, искры Божьей, себя — сына Божия, Бога такого же, как и Отец, но заключенного в животную оболочку. И сознание себя этим сыном Божьим, главное свойство которого есть любовь, удовлетворяет и всем тем требованиям расширения области любви, к которой был приведен человек общественного жизнепонимания. Так, при все большем и большем расширении области любви для спасения личности, любовь была необходимостью и приурочивалась к известным предметам: к себе, семье, обществу, человечеству; при христианском мировоззрении любовь есть не необходимость и не приурочивается ни к чему, есть существенное свойство души человека. Человек любит не потому, что ему выгодно любить того-то и тех-то, а потому, что любовь есть сущность его души, потому что он не может не любить.

Служение миру содействием установлению Царства Божия, по Толстому, может совершиться только через признание истины и исповедание ее каждым отдельным человеком. Истина не только указывает путь жизни человеческой, но открывает тот единственный путь, по которому может идти жизнь человеческая. И потому все люди неизбежно, свободно или несвободно пойдут по пути истины: одни — сами собою, совершая предназначенное им дело жизни, другие — невольно подчиняясь закону жизни. Свобода человека в этом выборе. По учению Христа, указывает Толстой, человек, который видит смысл жизни в той области, в которой она несвободна, в области последствий, т.е. поступков, не имеет истинной жизни. Истинную жизнь, по христианскому учению, имеет только тот, кто перенес свою жизнь в ту область, в которой она свободна, — в область причин, т.е. познания и признания открывающейся истины, исповедания ее. Свобода человека не в том, что он может независимо от хода жизни и уже существующих и влияющих

на него причин совершать произвольные поступки, а в том, что он может, признавая открывшуюся ему истину и исповедуя ее, сделаться свободным и радостным делателем вечного и бесконечного дела, совершаемого Богом или жизнью мира, может, и не признавая эту истину, сделаться рабом ее и быть насильно и мучительно влекомым туда, куда он не хочет идти. Велика ли, не велика ли эта свобода в сравнении с той фантастической свободой, которую мы бы хотели иметь, свобода эта, однако, несомненно существует и свобода эта есть свобода, и в этой свободе заключается благо, доступное человеку.

И мало того, что свобода эта дает благо людям, она же есть и единственное средство совершения того дела, которое делается жизнью мира. Царство Божие усилием берется и только делающие усилие восхищают его, и это-то усилие отречения от изменений внешних условий для признания и исповедания истины и есть то усилие, которым берется Царство Божие и которое должно и может быть сделано в наше время. Стоит людям только понять это: перестать заботиться о делах внешних и общих, в которых они не свободны, а только одну сотую той энергии, которую они употребляют на внешние дела, употребить на то, в чем они свободны, на признание и исповедание той истины, которая стоит перед ними, на освобождение себя и людей от лжи и лицемерия, скрывавших истину, для того, чтобы без усилий и борьбы тотчас же разрушился тот ложный строй жизни, который мучает людей и угрожает им еще худшими бедствиями, и осуществилось бы то Царство Божие или хоть та первая ступень его, к которой уже готовы люди по своему сознанию.

Главы вывод, к которому Толстой приходит в этой работе, - абсолютный приоритет первой заповеди Христа в Нагорной проповеди – заповеди Любви, полной, всеобъемлющей, доходящей до непротивления злу насилеием. Заповедь любви, по Толстому, не есть заповедь в тесном смысле слова, а выражение самой сущности учения Христа. Смысл этой заповеди в том, чтобы не иметь зла ни на кого, не вызвать недоброжелательства ни в ком, любить всех. Следование этой заповеди, как и всем остальным, провозглашенным Христом, является путем нашего и стремления к совершенству тем, над чем мы должны работать теперь, тем, что понемногу мы должны переводить в область привычки, в область бессознательного. Движение по этому пути это движение в сторону обретения святости. И это движение, с точки зрения Толстого, не требует создания специальных условий, оно осуществляется в повседневности. В одном из писем Толстой отмечал: » По моему мнению, жизнь человека, следующего заповедям Христа, никак не может проявляться в особом внешнем положении – жизни в общине, жизни пустычника и т.п. Все дело в духовном состоянии, в той духовной работе, которую проводит над собой человек, чтобы осуществить в жизни ту истину, ради которой он живет»⁹.

Духовно- нравственные искания в этом направлении Л.Н. Толстой продолжил в « Отце Сергии». Как справедливо отмечает Е.Д. Мелешко, в «Отце Сергии» Толстой провозглашает новый «чин мирской святости», своего рода святость нравственно - бытового подвижничества. Героиня его повести, истинно святая русская женщина, к которой падший отец Сергий идет учиться жизни, являет собой совершенный образ исполнения должного, на фоне которого меркнут последние следы церковного величия отца Сергия. Сама того не ведая, эта женщина, пребывающая в самой гуще жизни, взвалившая на себя бремя повседневных забот и обязанностей, достигает высших ступеней совершенства. Отец Сергий с удивлением замечает, что в своей столь неудавшейся жизни она научилась никого не винить и всем прощать, что она свободна от людского мнения и что ее жизнь есть исполнение воли всевышнего. Но главное качество, определившее ее подвиг заключается в способности смягчать и погашать зло. Она не могла физически переносить недобрые отношения между людьми, Ей так ясно было, что от этого ничего не может стать лучше, а все будет хуже. Да она этого даже не думала; она просто страдала от вида злобы, как от дурного запаха, резкого шума, ударов по телу. «Страдание от одного вида злобы – вот то святое чувство, которое способно подвигнуть к великому подвигу терпения в исполнении должного, к несению креста повседневной жизни проявлению действенной любви к людям, состраданию к ним, Именно такая жизнь и является примером подлинно

⁹ Мелешко Е.Д. Христианская этика Л. Н. Толстого. М.: Наука, 2006. - С.235.

служения Богу и претворения закона любви и заповеди непротивления в норму повседневного существования человека»¹⁰.

Итак, духовность - это специфически человеческое качество, характеризующее мотивацию и смысл на основе установления связи человека с высшими силами бытия, с трансцендентным, с Богом. Основная направленность духовно- нравственных исканий в дворянском обществе состоит в поисках путей обретения «Царства Божия». Эта проблема встает в религиозном сознании как поиск идеала, к которому должен стремиться христианин. Широкое распространение в среде дворянства получила спиритуалистическая интерпретация «Царства Божия»: «Царство Божие внутри нас». В установке - «Царство Божие внутри нас», без сомнения, главным является акцент на самосовершенствование человека, его нравственное и духовное развитие. Человек, таким образом сформулировав идеал, отсекает от себя такие ценности как богатство, престиж и иные внешние блага. Царство Бога как внутреннее состояние души, согласие с самим собой, ощущение внутреннего душевного комфорта. Апогеем осуществления Царства Божия как духовно- нравственного идеала является обретение человеком святости. В общехристианском смысле святость можно определить как существенное, необходимое условие богообщения, предполагающего свободную деятельность человека по совершенствованию в добродетелях, достигаемому в аскетическом подвижничестве. Ее содержание составляют следующие признаки: чистота сердечная, стяжание благодати как силы Бога, его энергии божественной и обожающей; исполнение надежды, свершение веры, преисполненная любовь к Богу в Духе Его, последний дар Бога - наивысший и совершенный; это полнота благодати Божией, преображающая святого подвижника, преодолевающая законы тварного бытия, раздвигающая пределы времени и пространства; Для русского православия характерны гармоничность соединения у личности святого внутреннего подвига единения с Богом и деятельного милосердия к ближним, нравственного участия в духовном преображении бытия. Значительное влияние на содержание и направление духовно- нравственных исканий на первом, доклассическом этапе существования дворянского общества оказала православно-греческая традиция исихазма.

В классический период дворянского сословия с ростом критических воззрений дворянства, связанных с изменением самооценки сословия, меняется и отношение к религии. Вера из традиционной, по мнению многих нравственно озабоченных дворян, должна была стать осознанной. На этой почве во второй половине ХУШ века формируется конфликт между церковью, ставшей частью государственного аппарата и личностным сознанием. Неприятие церкви как бюрократической единицы привело к полному или частичному отходу от ортодоксального православия наиболее образованной части дворянства. Духовный вакуум, возникающий при отказе от традиционного православия, необходимо было чем-то заполнить. Одним из способов этого заполнения стало масонство. Вершиной духовно-нравственных исканий в дворянском обществе России являются искания подлинной веры, ее глубоких духовно-нравственных оснований, потомком старинных дворянских родов, великим русским писателем и мыслителем, графом Львом Николаевичем Толстым.

Список литературы

1. Словарь по этике. – М., 2006. – С.87.
2. Евангелие от Матфея / под ред. Алексеева А. А. – Новосибир.: Сибирская Благовонница, 1997. – С.17.
3. Евангелие от Луки / под ред. Алексеева А. А. – Новосибир.: Сибирская Благовонница, 1997. – С.20.
4. Концевич И.М. Стяжание Духа святого на путях Древней Руси / Отв. ред. О.А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2009. – С. 397.
5. Назаров В. Н. Святость // Этика. Энциклопедический словарь. – М. Гардарики. 2001. – С.430-431.
6. Мелешко Е. Д. Христианская этика Л. Н. Толстого. – М.: Наука, 2006. – С. 220.
7. Федотов Г. П. Святые древней Руси. – М., 1990. – С. 236.

¹⁰ Мелешко Е.Д. Христианская этика Л. Н. Толстого. М.: Наука, 2006. – С. 226.

8. Осоргин М. А. Русские эмигранты и "римский съезд" // Вестник Европы. – 1913. – № 7. – С. 298.
9. Мелешко Е. Д. Христианская этика Л. Н. Толстого. – М.: Наука, 2006. – С.306.
10. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в двадцати томах. – Т.16. М.,1964. – С. 383.

MORAL QUESTS OF THE RUSSIAN NOBLE SOCIETY

O.A. RADUGINA

*Voronezh State University
of Civil Engineering*

e-mail: radugina@yandex.ru

The article shows that the main idea of moral quests of the Russian noble society is to find ways of attaining «the kingdom of God». This problem arises in the religious consciousness as the search for the ideal which the Christian must strive to. Spiritualistic interpretation of the «the kingdom of God», which means «the kingdom of God in us» was widespread among the nobility. The main thing of the «the kingdom of God in us» is the emphasis on self-improvement, moral and spiritual development of man.

Key words: morality, moral and spiritual, «the kingdom of God», ideals, hesychasm, Freemasonry, «smart action», sanctity.

УДК 140.8

ОБ ИСТИННОСТИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В.Н. ФИНОГЕНТОВ*Орловского государственного
аграрного университета**e-mail: v_fn@mail.ru*

В предварительном плане обсуждается проблема истинности мировоззрения. Предлагается дифференцированный подход к рассмотрению истинности различных составляющих мировоззрения. Обосновывается предположение, согласно которому оценке мировоззрения на предмет его истинности должна предшествовать процедура рациональной реконструкции этого мировоззрения.

Ключевые слова: мировоззрение, истинность, структура мировоззрения, мера, многомерность человека, многомерность универсума, рациональная реконструкция мировоззрения.

Значение мировоззрения в жизни личности и общества трудно переоценить. Об этом глубоко и убедительно писали многие выдающиеся исследователи. На величайшую значимость мировоззрения в жизни личности и общества многократно указывал, например, А. Швейцер. Он писал в связи с этим о «мировоззренческих основах культуры», о «культуротворческой» роли мировоззрения. А. Швейцер подчеркивал также «пагубность нынешнего безмировоззренческого состояния»¹. В. Дильтей писал о «практической энергии» мировоззрения, о внедрении мировоззрения в человеческую жизнь и в глубины человеческой души. Немецкий мыслитель говорил также о созидательной и реформирующей роли мировоззрения². Для выражения высокой значимости мировоззрения в жизни человека и общества я ввел в своих предшествующих исследованиях понятие «мировоззренческий детерминизм»³. Разумеется, не следует отождествлять мировоззренческий детерминизм с «диктатурой мирозерцания»⁴, с навязыванием человеку того или иного мировоззрения. Понятие «мировоззренческий детерминизм» введено для того, чтобы подчеркнуть фундаментальную роль, которую мировоззрение (личности, социальной группы, сообщества в целом) играет в общественной и частной жизни человека. Иначе говоря, с помощью этого понятия фиксируется то обстоятельство, что образ жизни некоторого субъекта в значительной мере, а в некоторых отношениях, по сути, полностью определяется мировоззрением данного субъекта.

Осмысливая значимость феномена мировоззрения для жизни современного общества, следует принять во внимание то фундаментальное обстоятельство, что мы живем в эпоху мировоззренческих поисков, мировоззренческих дискуссий и, увы, в эпоху острых мировоззренческих конфликтов. В связи с этим поистине судьбоносное значение приобретает вопрос: возможны ли конструктивные и плодотворные мировоззренческие дискуссии или спор представителей различных мировоззренческих позиций – это всегда полемика? В свою очередь, данный вопрос актуализирует еще одну очень серьезную проблему: правомерно ли применение определений «истинный» и «неистинный» (ошибочный, ложный) к мировоззрению. И, наконец, если предположить, что к феномену мировоззрения применимы (в том или ином смысле) определения «истинный» и «неистинный», то мы неизбежно приходим к вопросу: каким образом отличить истинное мировоззрение от мировоззрения ложного (ошибочного)?

¹ См.: Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М., 1993. - С. 194, 272, 283 и др.

² См.: Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век: Антология. М., 1995. - С. 222.

³ См. об этом подробнее в кн.: Финогентов В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М., 2009. - С. 97-111.

⁴ Данный термин принадлежит Н.А. Бердяеву. См.: Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире // Русская идея. М., СПб., 2005. - С. 501 и далее.

Приступая к краткому обсуждению поставленных вопросов, прежде всего, необходимо отметить, что требует осмысления и уточнения сама постановка проблемы истинности мировоззрения.

Действительно, мировоззрение весьма неоднородно по своему составу. Какие именно компоненты входят в его состав – это вопрос, достойный отдельного рассмотрения. Так, многие авторы вполне правомерно включают в состав мировоззрения такие его уровни как миропонимание, мировосприятие и мироощущение. Очевидно, что в составе мировоззрения присутствуют убеждения, верования, идеалы, ценностные ориентации. Немного ниже мы будем говорить о таких подсистемах мировоззрения как онтологическая подсистема, аксиологическая подсистема, антропологическая подсистема. Разумеется, в составе развитого мировоззрения следует выделять также гносеологическую подсистему, социально-философскую подсистему, теологическую подсистему. Многообразие составляющих, подсистем и уровней мировоззрения, неоднородность его состава, несомненно, усложняют проблему истинности мировоззрения. Это многообразие требует, очевидно, дифференцированного подхода к оценке истинности различных составляющих мировоззрения.

Сейчас нам важнее всего подчеркнуть, что в состав мировоззрения входят знаниевая составляющая и составляющая ценностно-смысловая.

Знаниевая составляющая мировоззрения включает в свой состав принципиально важные сведения о мире, в котором мы живем, о месте человека в мире, о познавательных и преобразовательных возможностях человека. Например, знаниевая составляющая мировоззрения современного человека в той или иной мере опирается на максимально обобщенные и схематизированные научные знания о мире, о человеке и их взаимоотношениях.

Соответственно, ценностно-смысловая составляющая мировоззрения содержит фундаментальные правила и нормы деятельности человека, представления о должном и недолжном в жизни человека и общества, а также индивидуальные и социальные идеалы. Значительное место в ценностно-смысловой составляющей занимают также убеждения, верования, ценностные ориентации субъекта данного мировоззрения.

Понятно, что между этими составляющими мировоззрения нет непреодолимой границы. Они теснейшим образом связаны друг с другом. Так, например, ценностно-смысловая составляющая мировоззрения, очевидно, выражается некоторой системой знаний, подсистемами которой являются, в частности, этические и эстетические представления субъекта мировоззрения. Тем не менее, указанные составляющие существенно отличаются друг от друга и по содержанию и по форме. Поэтому, разумеется, к вопросам об истинности (неистинности) этих составляющих мировоззрения необходимо подходить различным образом.

Как известно, проблема истинности знания при всей ее сложности, несомненно, может быть достаточно корректно сформулирована, и попытки ее философского решения принесли множество ценных результатов. По нашему мнению, эти результаты в значительной мере могут быть использованы при обсуждении проблемы истинности знаниевой составляющей мировоззрения. Ниже мы попытаемся это сделать.

Здесь следует принять во внимание то обстоятельство, что многие современные исследователи предпочитают обходиться без понятия «истина» и при характеристике различных форм знания. Более того, о многочисленных трудностях, связанных с употреблением понятия истинного знания, или даже о недостижимости истинного знания различные авторы говорили на протяжении, по сути, всей истории философии. Соответствующие аргументы скептиков, релятивистов и агностиков хорошо известны. Эти аргументы достаточно серьезны и заслуживают столь же серьезного обсуждения. Среди них – указание на бесконечность, неисчерпаемость универсума, с одной стороны, и конечность опыта человека и человечества на любой стадии его развития, с другой. Среди них – подчеркивание исторической изменчивости и социокультурной обусловленности знаний, которыми располагает человек. Здесь же – констатация того факта, что познание и знание всегда субъектно, субъективно нагружено. То есть, указание на то, что познание и знание неизбежно несут на себе печать персональных и социокультурных особенностей субъекта познания. Поэтому и многие современные философы считают, что философия и

наука должны отказаться от претензий на достижение истинного знания и быть всего лишь мировоззренческой проповедью. Речь идет в частности о некоторых представителях постпозитивизма и, по сути, обо всех представителях постмодернизма.

Думается все же, что такая позиция является излишне категоричной, односторонней и прямолинейной. Ее фундаментом, по моему мнению, является недопустимое отождествление истины с абсолютной истиной, понимаемой в контексте гносеологии как в полной мере адекватное, исчерпывающее и окончательное знание о мире и человеке. Недостижимость такой – абсолютной – истины представляется несомненной в свете признания бесконечности, неисчерпаемости универсума. Абсолютная истина – это представитель того ряда, в который входят также другие абсолюты: абсолютная свобода, абсолютное добро, абсолютная справедливость, абсолютный смысл... Нетрудно убедиться, что на достижение этих абсолютов можно надеяться, по сути, только в рамках религиозного (или квазирелигиозного) мировоззрения. Можно сказать, что достижение их человеком означало бы, что он перестал быть человеком и, по сути, стал Богом. Если же не отождествлять истину с абсолютной истиной и считать, что истина всегда соразмерна с человеком, что она является атрибутом именно человека, то притязания человека (человечества) на достижение истинного знания, на обладание им вполне правомерны. Тогда вполне правомерно говорить, что человек может не только искать, находить и творить истинное знание, но и том, что человек обладает истинными знаниями. Он обладает ими, хотя бы потому, что живет, более или менее удачно адаптируется к характеристикам природных и социальных систем, нередко добивается практических успехов в преобразовании этих систем.

Разумеется, истины, которыми обладает человек (человечество), должны быть охарактеризованы как исторически и социокультурно обусловленные и ограниченные, как относительные, частичные и даже субъективные. На первый взгляд, эти характеристики – историческая и социокультурная обусловленность, ограниченность, относительность, частичность, субъективность – не могут быть свойственны истинному знанию. Разве независимость от субъекта, объективность не является сущностным признаком истины? Разве истина не является в равной степени истиной для человека, ангела, Бога? – Не будем спешить с выводами. Рассмотрим, совместима ли субъективность знания с его объективностью.

Обсуждая этот вопрос, следует учитывать, во-первых, что субъект познания является многоуровневым и многообразно укорененным в универсуме.

На мой взгляд, несомненным, является то, что обосновать познаваемость универсума и, соответственно, правомерность притязаний человека на достижение истинного знания можно, только рассматривая познание и знание как онтологические феномены. В соответствии с таким подходом, знание есть особая форма самораскрытия универсума, осуществляющаяся через познавательную способность человека. Иначе говоря, в определенном смысле познание универсума человеком есть осуществление самопознания универсума. Познание универсума человеком, таким образом, является онтологическим, объективным процессом. Этот процесс имеет глубочайшие (дочеловеческие, в том числе) истоки и вплетен во множество других (индивидуальных и социальных) процессов, которые осуществляет человек.

Для раскрытия сущности истины и для обоснования возможности достижения человеком истинного знания представляется полезным и даже необходимым использование категории меры.

Хорошо известно, что в истории философии (в системе Гегеля, например) категория меры теснейшим образом связывалась с категориями качества и количества. Мера, следовательно, фиксирует единство, взаимозависимость качественных и количественных характеристик интересующего нас предмета. Можно сказать, что она есть выражение сущности, определенности этого предмета. Другими словами, для того чтобы поистине познать предмет, нам необходимо постигнуть собственную меру этого предмета. Необходимо, как указывал в свое время К. Маркс, подходить к каждому предмету в соответствии с его собственной мерой. Можно сказать также, что истинным будет тот подход (теоретический или практический) человека к объекту (предмету), который основан на учете как меры человеческой (меры субъекта), так и меры этого объекта.

Очень важно при этом не приписывать, не навязывать изучаемому предмету меры, свойственной данному субъекту познавательной деятельности. Опасность такого приписывания и навязывания вполне реальна. Уже Протагор, как мы помним, утверждал антропоцентрический взгляд на процесс познания. «Мера всех вещей человек!» – гордо провозглашал он. Макс Штирнер в своей напумевшей книге «Единственный и его собственность» пошел еще дальше. «Не человек, а я есть мера всех вещей», – писал немецкий философ, развивая сугубо субъективистскую, откровенно эгоцентрическую позицию⁵.

К чему привело человечество движение по антропоцентрическому пути, хорошо известно современному человеку. Попытки насильственного навязывания субъективистски искаженной человеческой меры земной природе – не это ли главная причина нынешнего глубочайшего экологического кризиса.

Кстати, в рассматриваемом плане не является, на мой взгляд, более предпочтительным подход, истоки которого можно было бы связать с именем Платона. Согласно этому подходу, «Бог есть мера всех вещей». Действительно, как показано Л. Фейербахом, З. Фрейдом и многими другими мыслителями, теоцентризм – это своего рода скрытый антропоцентризм, это, так сказать, превращенная форма антропоцентризма. В любом случае подходы Протагора (Штирнера) и Платона могут быть охарактеризованы как разновидности монистической точки зрения, утверждающей наличие некоторой единой, универсальной (человеческой у Протагора или божеской у Платона других религиозных мыслителей) «для всех вещей» меры.

Такая – монистическая – точка зрения, как уже сказано, ведет к «навязыванию» некоторой частной меры всему универсуму. Она пытается представить частное (или особенное) в качестве всеобщего. Именно она служит осознанным или не осознанным основанием отождествления истины с абсолютной истиной. Именно она служит также основанием узко прагматического, «хозяйского» отношения человека к природе. Монистическая (в указанном смысле) точка зрения не соответствует ни требованиям современного познания, ни требованиям современной практики. На смену ей, очевидно, должна придти плюралистическая точка зрения, основывающаяся на признании многомерности (чтобы не сказать «бесконечномерности») любого фрагмента действительности. Такой – плюралистический – подход подчеркивает многоуровневость и многоформенность (многомерность, бесконечномерность) каждого объекта, а также многоуровневость и многоформенность (многомерность, бесконечномерность) человека. Признание многомерности (и, тем более, – бесконечномерности) универсума ведет к признанию относительности, ограниченности и изменчивости всех человеческих истин. Можно сказать, что в рамках плюралистического подхода истина предстает как принципиально не завершаемый процесс гармонизации многообразия мер, свойственных человеку, и многообразия мер, свойственных универсуму. Такая гармонизация, разумеется, может осуществляться только на основе синтеза самых различных – научных и вненаучных – видов когнитивной деятельности человека (человечества).

Вернемся к обсуждению проблемы истинности мировоззрения. В отличие от проблемы истинности знаниевой составляющей мировоззрения проблема истинности ценностно-смысловой составляющей мировоззрения (проблема истинности идеалов, верований, убеждений и ценностных ориентаций) представляется не только далекой от ее решения, но и весьма неясной по своей сути. Поэтому вполне естественной представляется точка зрения, согласно которой понятие истинности просто неприменимо к перечисленным компонентам мировоззрения.

На мой взгляд, более адекватной представляется другая точка зрения. Согласно этой точке зрения, проблема истинности мировоззрения для своего более или менее корректного обсуждения требует особой методологии. Центральным основоположением такой методологии должна быть уже упомянутая установка на осуществление дифференцированного подхода к осмыслению истинности различных уровней и разных составляющих мировоззрения.

В рамках такого – дифференцированного – подхода проблема истинности мировоззренческого знания, с одной стороны, и проблема истинности мировоззренческих

⁵ Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков. 1994. - С. 340 и др.

убеждений, верований и т.п., с другой стороны, требуют существенно отличающихся друг от друга концепций.

В частности, для оценки истинности знаниевой составляющей мировоззрения, на мой взгляд, вполне уместно применить классическую (корреспондентскую) концепцию истины. Так, например, Г. Галилей в полемике со сторонниками геоцентрического мировоззрения мог подтвердить истинность важного для его мировоззрения утверждения, согласно которому в центре мира находится Солнце, а не Земля. Он мог это сделать, демонстрируя соответствие между результатами его астрономических наблюдений (в частности, – открытие системы спутников у Юпитера, наличие фаз у Венеры) и указанным утверждением. Аналогично следует рассуждать применительно к существенному для эволюционистского мировоззрения утверждению, согласно которому человек сформировался в результате длительного процесса развития определенных видов обезьяноподобных существ. Истинность или ложность этого мировоззренческого знания может быть установлена с помощью его сопоставления с результатами изучения останков древних человекоподобных и человеческих существ, найденных современными антропологами. Так же дело обстоит с оценкой важного в мировоззренческом плане возраста тех или иных космических структур (Земли, Солнечной системы и т.д.): истинность различных оценок возраста названных объектов может быть весьма надежно установлена путем сравнения этих оценок с результатами соответствующих измерений и расчетов.

Конечно, корреспондентская концепция истинности сталкивается со многими, в том числе принципиальными, проблемами. Но, в общем, по моему мнению, в каждом конкретном случае оценки тех или иных элементов знаниевой составляющей мировоззрения эта концепция может быть достаточно корректно сформулирована и применена.

Скорее всего, оценка истинности ценностно-смысловой составляющей мировоззрения с помощью корреспондентской концепции истины осуществлена быть не может. Точнее, при решении этой задачи указанная концепция может сыграть лишь вспомогательную роль. Она не может быть применена для оценки истинности названной составляющей мировоззрения «напрямую», непосредственно. Но поскольку между знаниевой составляющей мировоззрения и ценностно-смысловой его составляющей должна быть определенная связь, постольку проверка знаниевой составляющей мировоззрения посредством применения корреспондентской концепции истины является в то же время косвенной (опосредованной) проверкой истинности ценностно-смысловой составляющей этого мировоззрения.

Можно предположить, что для оценки истинности убеждений, верований, идеалов и ценностных ориентаций, свойственных некоторому мировоззрению, следует использовать прагматистскую концепцию истины. Напомню, что в соответствии с этой концепцией, верования или убеждения (да и знания) человека являются истинными, если обладание ими ведет этого человека к успеху, если они (верования и убеждения) полезны и эффективны в качестве инструментов для решения жизненных проблем данного человека. По всей видимости, прагматистская концепция действительно является релевантной (в определенной мере подходящей) для определения истинности (ложности) ценностно-смысловой составляющей мировоззрения.

Думается, однако, что эта концепция в данном случае нуждается в значительном ограничении и конкретизации. Дело здесь в том, что ключевые понятия прагматистской концепции истинности слишком неопределенны, широки и абстрактны. Речь идет, в том числе, о понятиях успешности, полезности и эффективности. Более определенными эти понятия могут стать, если их погрузить в некоторый ценностно-смысловой контекст.

Например, их можно погрузить в теистический ценностно-смысловой контекст. В таком случае религиозные верования человека, в частности его вера в бессмертие души или в грядущее воскресение людей, будут эффективными средствами для преодоления человеком ужаса смерти и т.п. Соответственно, такие верования в данном контексте следует оценивать как истинные. Можно еще более конкретизировать мировоззренческий ценностно-смысловой контекст. Мы помним, например, что в Новом завете Иисус говорит: «Я есть истина...». Таким образом, в этом контексте качества Иисуса, осуществленные данным человеком, свидетельствуют об истинности этого человека и, следовательно, об истинности ценностно-смысловой составляющей его мировоззрения.

Понятно, что если указанные понятия погрузить в другой ценностно-смысловой контекст, к примеру, в ценностно-смысловой контекст трагического гуманизма⁶, то ситуация радикально изменится: в качестве истинных должны будут рассматриваться совсем иные убеждения и верования человека.

Очевидно, что на этом пути легко попасть в логический круг, выход из которого, по крайней мере, не очевиден. Действительно, здесь получается, что некие ценности и смыслы выступают основой или мерой истинности других ценностей и смыслов. В таком случае невозможно оценить истинность этих «неких» (исходных в том или ином смысле) ценностей и смыслов.

Конечно, можно предположить, что существует некая привилегированная (изначально истинная) система ценностей и смыслов. Например, в качестве таковой можно рассматривать систему ценностей и смыслов, соответствующую сущности (природе) человека. Таким образом, если представителям различных мировоззрений удастся придти к единому пониманию сущности (природы) человека, то появится возможность для формулировки истинной системы ценностей и смыслов. Тогда, вроде бы, получается, что мы придем к единственно истинному (для данной стадии развития человечества) мировоззрению. Но не судим ли мы о сущности, о природе человека с позиций данного, конкретного мировоззрения (натуралистического, теистического, гуманистического и др.)? – Именно так! Дело в том, что о сущности, о природе человека невозможно судить, основываясь только на знаниях (на научных знаниях, прежде всего). Суждения о сущности, о природе человека обязательно включают в себя верования, гипотезы и постулаты, которые, в свою очередь, детерминируются, в том числе ценностно-смысловой составляющей мировоззрения субъекта соответствующих суждений. Поэтому основоположения ценностно-смысловой составляющей мировоззрения в определенной мере носят характер постулатов, антропологические и социокультурные следствия из которых поверяются качеством жизни человека и общества.

К проблеме истинности мировоззрения, на мой взгляд, можно подойти еще с иной стороны. Для этого следует принять во внимание, что, осуществляя анализ мировоззрения, его можно по-разному определять и структурировать. Выше мы исходили из того, что мировоззрение включает в свой состав подсистемы различного рода. В частности, мы указывали на наличие в мировоззрении знаниевой и ценностно-смысловой составляющих. Сейчас мы обратим внимание на то, что в качестве важнейшей составляющей мировоззрения вполне правомерно рассматривать мировоззренческие проблемы. В связи с этим может быть предложен достаточно эвристичный, как мне представляется, вариант определения мировоззрения. Согласно этому определению, мировоззрение – это система мировоззренческих проблем и подходов к их решению.

Если рассматривать мировоззрение в качестве системы мировоззренческих проблем и подходов к их решению, то рассуждения об истинности мировоззрения в духе прагматистской концепции можно несколько конкретизировать. А именно: об истинности (или неистинности) некоторого мировоззрения можно судить по его успешности (или безуспешности) в решении тех или иных мировоззренческих проблем.

При этом, правда, вновь возникают значительные сложности. Во-первых, пытаясь продвигаться по этому пути, мы, скорее всего, убедимся в том, что данное мировоззрение является успешным при решении некоторых мировоззренческих проблем и в то же время неуспешным в решении других мировоззренческих проблем. Во-вторых, попытки применения такого подхода сразу же приводят к вопросу: как определить степень успешности мировоззрения в решении той или иной мировоззренческой проблемы? В-третьих, в рамках такого подхода неизбежно возникает вопрос: как сопоставить «веса» различных мировоззренческих проблем в составе мировоззрения, как сопоставить «веса» вкладов успешных (и неуспешных) решений тех или иных мировоззренческих проблем в обоснование истинности данного мировоззрения?

К указанным трудностям тесно примыкает также вопрос: можно ли, вообще, говорить об истинности того или иного решения данной мировоззренческой проблемы? Пы-

---

⁶ О трагическом гуманизме см. в книге: Финогентов В.Н. Трагический гуманизм: Очерки онтологические, антропологические и аксиологические. Орел. 2012.

таясь ответить на него, мы, видимо, в конце концов, вновь вернемся к вопросу об истинности мировоззрения, которое мы пытаемся оценить на истинность в конкретном ее проявлении. По сути, мы сталкиваемся здесь с определенным вариантом герменевтического круга. Иначе говоря, с одной стороны, истинность некоторой части мировоззрения проверяется истинностью мировоззрения как целого. С другой стороны, истинность мировоззрения как целого определяется истинностью его частей. В действительности, скорее всего, в этом случае точнее говорить не о герменевтическом круге, а о «герменевтической спирали»: о процессе, в котором через взаимную проверку частей и целого происходит совершенствование и частей мировоззрения и мировоззрения как целого.

Еще один существенный момент, связанный с пониманием мировоззрения как системы мировоззренческих проблем и подходов к их решению, состоит в том, что различные мировоззрения включают в свой состав, так сказать, разные наборы мировоззренческих проблем.

Как следует рассуждать в этой связи об истинности (неистинности) того или иного мировоззрения? В сугубо предварительном плане в связи с этим можно сказать следующее. Во-первых, необходимо оценить полноту набора мировоззренческих проблем, сформулированных в рамках данного мировоззрения. Такую оценку можно осуществить, сравнивая этот набор с наборами мировоззренческих проблем, сформулированных в рамках других мировоззрений. Так, например, очевидно, что в большинстве философских мировоззрений гносеологические проблемы представлены гораздо более весомо и полно, чем в мировоззрениях религиозных. К этому же моменту примыкает отчетливость, ясность формулировок проблем, входящих в рассматриваемый набор. Несомненно, особое внимание при этом необходимо обратить на преднамеренные или непреднамеренные «умолчания», пропуски «неудобных» для данного мировоззрения проблем. Речь идет о таких принципиально важных проблемах, которые невозможно или чрезвычайно трудно решить в рамках данного мировоззрения. Здесь необходимо подчеркнуть впрочем, что само по себе «богатство» набора мировоззренческих проблем, свойственного некоторому мировоззрению не есть аргумент в пользу истинности этого мировоззрения. Действительно, с точки зрения представителя другого мировоззрения, многие проблемы из этого набора могут выглядеть как своего рода псевдопроблемы. В частности, для субъекта атеистического мировоззрения такими псевдопроблемами являются многие важнейшие для сторонников теистического мировоззрения проблемы. Для этого субъекта к проблемам такого рода относятся вопрос о взаимоотношениях Творца и сотворенного мира, вопрос о взаимоотношениях Бога и человека и т.п.

Проблематичность достижения адекватной оценки некоторого мировоззрения на предмет его истинности проистекает из того, что любая оценка мировоззрения есть, по сути, или его самооценка, или его оценка с позиций другого мировоззрения. Мы должны, разумеется, признать, что истолкования и оценки некоторого мировоззрения будут принципиально различны в зависимости от того, истолковывается и оценивается это мировоззрение «изнутри» или «извне». Так, истолкование и оценка мировоззрения, осуществляемые «изнутри», то есть осуществляемые сторонниками данного мировоззрения, скорее всего, будут апологетическими и завышенными. Ведь для создателей и сторонников некоторого мировоззрения их мировоззрение всегда является истинным или, по крайней мере, предпочтительным. В противном случае они не были бы субъектами этого мировоззрения. Если же истолкование и оценка некоторого мировоззрения будут осуществляться «извне», то есть будут осуществляться сторонниками (или создателями) иного мировоззрения, то реальна опасность непонимания или, как минимум, недопонимания, недооценки ими этого чуждого им мировоззрения. Получается, как видим, что оценка мировоззрения (и своего и чуждого) на предмет истинности всегда субъективны, всегда «мировоззренчески нагружены».

Такой вывод проистекает из весьма распространенного представления, согласно которому каждое мировоззрение является образованием не проницаемым для субъектов другого мировоззрения, несравнимым с другими мировоззрениями.

По мнению сторонников такой точки зрения, «самодостаточность» каждого мировоззрения (здесь имеются в виду, конечно, достаточно развитые мировоззренческие системы) может быть обоснована следующим образом. Любое (развитое, зрелое) миро-

воззрение образует целостность и, будучи целостностью, в принципе способно своими собственными, внутренними средствами сформулировать и решить основные для данного мировоззрения проблемы. Для этого оно, так сказать, «не нуждается в помощи других мировоззрений». Предлагаемые им решения мировоззренческих проблем могут представляться спорными, неубедительными, необоснованными, нелогичными сторонникам других мировоззрений. Однако эти решения вполне удовлетворяют тех людей, которые сформировались и живут в лоне данного мировоззрения. То есть они удовлетворяют носителей, субъектов соответствующего мировоззрения. Вполне возможно при этом, что некоторые проблемы, существенные для других мировоззрений, не решаемы в принципе с позиций данного мировоззрения. Однако это обстоятельство не рассматривается субъектами данного мировоззрения в качестве свидетельства его ущербности и неполноты, поскольку такие проблемы просто не являются для носителей данного мировоззрения мировоззренческими; такие проблемы, можно сказать, не существуют для субъектов данного мировоззрения. Самодостаточность некоторого мировоззрения состоит, следовательно, в том, что его носители не нуждаются в других мировоззренческих системах. С помощью этого (своего) мировоззрения они формулируют и решают главные для них вопросы, прежде всего, – вопросы экзистенциальные: вопросы о смысле жизни человека, о его счастье и несчастье, о смысле страдания и смерти, о свободе, о любви, об истине... Сквозь призму этого мировоззрения они воспринимают Бога, природу, общество, других людей, себя. Они живут в мире, заданном их мировоззрением. Они воспринимают этот мир как реальный, действительный, истинный, а все остальные миры – миры, задаваемые другими мировоззрениями – как вымышленные, искусственно сконструированные, иллюзорные.

«Непроницаемость» определенного мировоззрения для другого мировоззрения, в рамках обсуждаемого представления, состоит в том, что данное мировоззрение в целом и его существенные составляющие в принципе не могут быть адекватно поняты представителями другого мировоззрения. Обосновать это положение пытаются следующим образом. Известно, что понимание (чего-либо, кого-либо) всегда осуществляется в некотором контексте. Контексты, определяющие соответствующее понимание, могут быть, как показывает опыт герменевтики, принципиально различными по своему типу и масштабу. Так, например, понимание некоторого высказывания может быть достигнуто в контексте раздела, в который это высказывание включено, в контексте книги, в которую входит соответствующий раздел, в контексте всех произведений данного автора и т.д. Рассматривая некоторое мировоззрение как контекст понимания, можно утверждать, что оно представляет собой широчайший контекст, то есть такой контекст, который не может быть расширен. В таком случае каждое мировоззрение представляет собой для его субъектов широчайший контекст во всем множестве контекстов, в которых может осуществляться этими субъектами процесс понимания. Таким образом, получается, что каждое мировоззрение, являясь «широчайшим контекстом», в некотором смысле «охватывает все». С другой стороны, – ни одно мировоззрение не охватывает, не содержит в себе другое мировоззрение (другие мировоззрения). Мировоззрения в этом плане могут быть уподоблены субстанциям, поэтому взаимная непроницаемость различных мировоззрений может быть пояснена формулировкой Лейбница: «монады не имеют окон». Субстанции (роль которых у Лейбница играют монады), как известно, самостоятельны, самодетерминированы, они не могут действовать друг на друга, представляют собой своего рода «параллельные миры». Аналогичными качествами, с обсуждаемой точки зрения, обладают и мировоззрения: они самостоятельны, самоистолковываемы, они не могут быть постигнуты извне, то есть не могут быть адекватно оценены на предмет их истинности (или неистинности) с позиций других мировоззрений.

Достижимы ли в таком случае объективность и адекватность в истолковании и оценке мировоззрений? Признавая сложность этого вопроса, отмечу, что постановка задачи достижения более или менее объективной и адекватной оценки различных мировоззрений все-таки правомерна.

При этом процедуре рассмотрения некоторого мировоззрения на предмет его истинности, на мой взгляд, должна предшествовать процедура рациональной реконструкции этого мировоззрения. Дело в том, что многие мировоззрения неотчетливы, смутны,

нередко содержат в себе противоречащие друг другу фрагменты и т.п. Я имею в виду, прежде всего, различные варианты мифологического мировоззрения, а также различные виды религиозного мировоззрения. Стоит подчеркнуть, впрочем, что в рациональной реконструкции нуждаются и многие формы философского мировоззрения.

В свою очередь проблема рациональной реконструкции мировоззрения требует отдельного рассмотрения и детальной проработки. На данной – предварительной – стадии обсуждения данной проблемы отмечу, что эта процедура предполагает, во-первых, структурирование мировоззрения, то есть выделение разного рода ее составляющих (подсистем, уровней и т.п.), а также прояснения особенностей связей между этими составляющими. Во-вторых, процедура рациональной реконструкции мировоззрения предполагает выявление и отчетливую формулировку ключевых проблем, входящих в те или иные составляющие анализируемого мировоззрения, а также выявление и отчетливую формулировку попыток решения этих проблем, содержащихся в интересующем нас мировоззрении. В-третьих, данная процедура предполагает выявление возможных несоответствий и противоречий между самыми различными элементами рассматриваемого мировоззрения. Как видим, процедура рациональной реконструкции является весьма непростой и требует для своего осуществления деликатного подхода. Но, думается, без осуществления этой процедуры ни сравнить друг с другом разные мировоззрения, ни более или менее объективно оценить некоторое мировоззрение на предмет его истинности невозможно.

С другой стороны, ясно, что осуществление рациональной реконструкции некоторого мировоззрения может быть оценено его субъектами как своего рода насилием над этим мировоззрением, как искажение и деформация этого мировоззрения. Действительно, не вызывает сомнений тот факт, что мировоззрение до рациональной реконструкции и «то же самое» мировоззрение после его рациональной реконструкции нетождественны друг другу. Причем, по всей видимости, различия между реконструированным мировоззрением и мировоззрением исходным (первичным) могут быть значительными. Тогда, очевидно, что вывод об истинности или неистинности реконструированного мировоззрения лишь опосредованно характеризует «первичное» (нереконструированное) мировоззрение.

Очевидно также, что в реконструированном мировоззрении будет существенно присутствовать мировоззрение и методология того исследователя, который осуществлял эту реконструкцию. Другими словами, возможны различные рациональные реконструкции исходного мировоззрения. На мой взгляд, сама постановка проблемы рациональной реконструкции мировоззрения указывает на то, что наиболее успешно такую реконструкцию можно осуществлять на основе именно философского мировоззрения, поскольку философия в большинстве своих проявлений гораздо более рациональна, сравнительно с иными типами мировоззрения.

Любопытно, что при этом возможны своего рода итерации: неоднократные повторения процедур рациональной реконструкции мировоззрения. Осуществление такого процесса будет делать исходное мировоззрение все более рациональным, будет все более приближать его структуру и характер к структуре и характеру философского мировоззрения.

В связи со сказанным можно выдвинуть предположение, согласно которому становление философии (и как социокультурного феномена и как формы персонального мировоззрения) может рассматриваться как результат осуществления множества рациональных реконструкций некоторого «исходного» мировоззрения. Несомненно, что особенности этого результата, с одной стороны, зависят от характеристик исходного («первичного») мировоззрения. С другой стороны, особенности этого результата в значительной мере зависят от специфики осуществляемых неоднократно процедур рациональной реконструкции этого исходного мировоззрения. Поэтому, конечно, требуется детальное осмысление и описание этой процедуры.

Понимание мировоззрения в качестве системы мировоззренческих проблем и попыток их решения может быть уточнено и детализировано, если принять во внимание то обстоятельство, что мировоззренческие проблемы и подходы к их решению естественным образом группируются тематически. Одна группа мировоззренческих проблем и попыток их решения может быть названа онтологической составляющей мировоззрения.

Другая группа мировоззренческих проблем и подходов к их решению образует антропологическую составляющую мировоззрения. Третья группа мировоззренческих проблем и подходов к их решению образует аксиологическую составляющую мировоззрения. Четвертая группа мировоззренческих проблем и возможных способов их решения конституирует гносеологическую составляющую мировоззрения. Пятая группа мировоззренческих проблем и подступов к их решению образует теологическую составляющую мировоззрения. И т.д.

Я исхожу здесь из вполне естественного предположения, согласно которому различные подсистемы целостного мировоззрения, с одной стороны, относительно самостоятельны, автономны. С другой стороны, они, так или иначе, связаны друг с другом. Они в определенной мере соответствуют друг другу. Между ними существуют отношения взаимной детерминации и т.д.

Относительная автономность различных подсистем целостного мировоззрения проявляется в частности в том, что эти подсистемы не могут быть дедуцированы друг из друга. Иначе говоря, каждая из этих подсистем содержит свое собственное содержательное «ядро», которое и позволяет истолковывать соответствующую подсистему в качестве фундаментального, самоценного блока мировоззрения. Если некоторые из указанных составляющих могли бы быть логически выведены из других составляющих мировоззрения, то, очевидно, их следовало бы исключить из перечня фундаментальных, самоценных блоков мировоззрения.

В то же время между этими составляющими существует явное или неявное соответствие. Проявление связей между различными блоками данного мировоззрения, уточнение характера их взаимоотношений, несомненно, является принципиально важной формой проверки этого мировоззрения на предмет его целостности и самосогласованности (когерентности). В свою очередь, цельность и когерентность мировоззрения, несомненно, может рассматриваться как серьезный аргумент в обосновании истинности данного мировоззрения.

До сих пор я говорил о некоем «целостном» мировоззрении. Я говорил, так сказать, о «должном». В реально представленных в истории духовной культуры мировоззрениях имеют место самые разные сочетания их составляющих и различные взаимоотношения этих составляющих.

Так, например, широко представлены мировоззрения, в которых ведущую, доминирующую роль играет антропологическая составляющая. Она является в таких мировоззрениях своеобразной матрицей, в соответствие с которой выстраивается, конструируется онтологическая составляющая. В таких мировоззрениях, как правило, миру (универсуму) приписывается та или иная степень антропоморфности. Аналогично доминирующую роль может играть аксиологическая составляющая мировоззрения. В таких мировоззрениях универсум предстает как «ценностно нагруженный»: ему приписываются ценности и смыслы.

Мировоззренческим системам этого типа противостоят мировоззрения, в которых ведущую, определяющую роль играет онтологическая составляющая. В них человек рассматривается в качестве специфического уровня (формы) бытия универсума, в качестве своеобразной индивидуации некоторого мирового начала.

Существуют также весьма авторитетные мировоззрения, в которых доминирующую роль играет теологическая составляющая. В таких мировоззрениях все остальные составляющие (онтологическая, антропологическая, аксиологическая) являются вторичными и служебными по отношению к теологической компоненте.

На мой взгляд, подобное «неравенство» различных (фундаментальных) составляющих мировоззрения является свидетельством определенной дисгармоничности этого мировоззрения.

Наиболее предпочтительными в анализируемом плане мне представляются такие мировоззренческие системы, в которых онтологическая, антропологическая и аксиологическая составляющие, с одной стороны, обладают определенной степенью автономности, с другой стороны, гармонируют друг с другом (и другими составляющими мировоззрения). Автономность указанных составляющих состоит в частности в том, что качества, свойственные человеку (разум, воля, целеполагание), а также ценности и смыслы не пе-

реносятся на универсум, не приписываются ему. Соответствие, гармония между этими составляющими мировоззрения состоит, прежде всего, в том, что онтологические понятия (конечность и бесконечность, космос и хаос, время и вечность и т.д.) должны быть последовательно и честно применены к бытию человека, к каким бы «ужасным» выводам это ни привело.

Добавим в заключение, что говоря о проблеме истинности мировоззрения как целого, следует также иметь в виду также взаимосвязь, гармонию между различными составляющими мировоззрения. Речь идет, в частности, о взаимосвязи знаниевой составляющей мировоззрения, с одной стороны, и ценностно-смысловой составляющей этого мировоззрения, с другой стороны. Иными словами, в качестве необходимого условия истинности мировоззрения следует указать на отсутствие в нем внутренних противоречий, на самосогласованность (когерентность) этого мировоззрения. Таким образом, на этом уровне к проблеме истинности правильнее всего подходить с позиций концепции когерентности, согласно которой, как известно, быть истинным, значит быть элементом непротиворечивой системы.

И если поверять ценностно-смысловую составляющую мировоззрения еще и логикой и знаниевой составляющей этого мировоззрения, то, на мой взгляд, логический круг, упомянутый выше, размыкается. Действительно, логика очень редко подводит человека. А знаниевая составляющая мировоззрения, как уже отмечено, может быть достаточно надежно удостоверена многообразным опытом человечества и, прежде всего, достижениями современной науки.

Таким образом, «отшлифованные» опытом осуществления человеческой жизни ценностно-смысловые основоположения и следствия из них в единстве с надежно удостоверенной знаниевой составляющей в принципе могут образовать мировоззрение, которое можно охарактеризовать как в целом адекватное и природе человека и радикальным вызовам современной эпохи.

Список литературы

1. Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М., 1993.
2. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век: Антология. М., 1995.
3. Финогентов В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М., 2009.
4. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире // Русская идея. М., СПб., 2005.
5. Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков. 1994.
6. Финогентов В.Н. Трагический гуманизм: Очерки онтологические, антропологические и аксиологические. Орел. 2012.

ABOUT THE VERITY OF THE WORLDVIEW: STATEMENT OF THE PROBLEM

V.N. FINOGHENTOV

Orel State Agrarian University

e-mail: v_fn@mail.ru

The paper discusses the problem of the verity of the worldview. It proposes a differentiated approach to the consideration of the verity of the different components of a worldview. The author justifies the assumption, according to which the assessment of the worldview of the subject of his truth must be preceded by the procedure of rational reconstruction of this worldview.

Key words: worldview, the truth, the structure of world view, measure, multidimensionality of human, multidimensionality of the universe, the rational reconstruction of worldview.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 316.334.55:316.7

СОЛИДАРНОСТЬ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА: ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Г.В. БРАЖНИК*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: bsaa-brazhnik@mail.ru*

В статье дается определение социальной солидарности и социального капитала, рассматривается роль последнего в развитии сельского социума. Выявляются характерные черты социокультурного пространства современного российского села. Актуализируется вопрос о возможности наращивания социального капитала села. Определяется необходимый комплекс мер, обеспечивающих возврат к традициям солидарности и воспроизводства социального капитала современного крестьянства.

Ключевые слова: социальный капитал, солидарность, социум, социокультурное пространство, сельское общество, воспроизводство социального капитала.

К числу характерных черт современного состояния сельского социума России является распад традиционных связей и отношений между людьми, кризис взаимного доверия, массовое социальное дезертирство, заключающееся в отказе выполнять детерминированные статусом роли. В результате происходит разрушение социального капитала, капитала, который во все времена воплощал реальные потенциальные возможности сельских жителей, используемые ими для повышения качества собственной жизни и жизни всего общества и формирующиеся как следствие включения человека в прочные коллективистские связи, установления и выполнения взаимных обязательств между гражданами, укрепления между ними отношений ответственности и сотрудничества. Объем социального капитала сельского сообщества прямо зависит от степени взаимной поддержки, сотрудничества и доверия его граждан друг к другу. Чем этот уровень был выше, тем большими ресурсами обладали его носители.

П. Бурдьё, как известно, определял социальный капитал как «агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институционализированные отношения взаимных обязательств или признаний»¹. Его видение сосредоточено на пользе, которую индивиды накапливают, постоянно участвуя в группах с целью создания некоторого ресурса. «Выгода, которая аккумулируется

---

¹ Bourdieu P. The Forms of Capital, in John Richardson, ed., Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York, 1985. P. 248.

ется благодаря членству в группе, является базисом возможной солидарности»². Допустимо утверждать, что солидарность, в свою очередь, стимулирует воспроизводство постоянное социального капитала. В стабильном социуме оно носит расширенный характер и увеличивает количество и качество социальных коммуникаций участников.

В условиях России, для которой органичными являлись общинные традиции самоорганизации сельского сообщества, воспроизводство социального капитала значило особенно много, поскольку объем его определял потенциал человека, его возможности достижения жизненного успеха и реализации жизненной стратегии. Социальный капитал выступал в качестве одной из ключевых ценностно-смысловых единиц субкультуры села, представлявшей собой ценностный локальный мир крестьян, отличающийся от базовой – «большой», «материнской» – культуры и находящий свое выражение в индивидуальных и коллективных стереотипах поведения и их деятельности, воплощенных в специфических знаково-символических манифестациях, социокодах, формах сознания и структурах личностной идентичности; подсистемах стилей и стилового поведения; групповых формах культурных стандартов и специфических продуктов духовного производства³.

Однако социальные процессы XX и начала XXI столетий, фактически, уничтожили основы сельской солидарности, и их негативное влияние продолжает сохраняться до настоящего времени. На протяжении, практически, ста лет процесс их деструкции развивался последовательно, прерываясь относительно короткими периодами социальной стабильности. Особенно активно он идет в настоящее время в ситуации культурно-цивилизационного кризиса, затронувшего в числе первых объектов социокультурное пространство села.

Наиболее характерными чертами социокультурного пространства современного российского села, оказывающими деструктивное воздействие на процесс воспроизводства социального капитала, являются следующие:

– разрушение инфраструктуры социальной сфере, что существенно ограничивает для сельских жителей возможности образования и культурного развития, следовательно, расширения собственного кругозора, шанса выйти за узкий горизонт повседневности и подняться от сугубо материальных потребностей и забот к духовным. Однако это, довольно часто фиксируемое обстоятельство будет неполным, если не учитывать, что разрушение инфраструктуры крайне негативно влияет на восприятие людьми своих жизненных перспектив, как перспектив, реализуемых в рамках социума, совместно с другими людьми, в коллективе. Деграция социальной сферы оборачивается крушением веры людей в возможности коллективистских (общинных) способов жизнедеятельности;

– постепенный переход от монокультурности к поликультурности сельского социума, прежде всего, под влиянием миграционных процессов. Село все более становится «местом встречи» различных этносов. Казалось бы, данное обстоятельство создает новые, не действующие ранее, предпосылки воспроизводства социальных связей, на что обращают внимание многие авторы. В частности, И.Я. Мурзина подчеркивает: «Региональную культуру можно рассматривать как особую общность: в ее поле сосуществуют как равнозначные и равноценные элементы, свойственные различным национальным культурам и освоенные в ходе межэтнической коммуникации на определенной территории. Региональная культура становится, таким образом, интегратором этнически разнородных элементов, реализуя на практике модель поликультурного единства. Она становится тем «адаптивным механизмом», который объединяет национальные и наднациональные ценности, обеспечивая идентификацию россиянина». Но в условиях, когда личность все более, как правило, вынужденно, «концентрируется» на материальном, межкультурные связи превращаются в фикцию;

– нестабильность, проявляющаяся в комплексе рисков и угроз, превращающая село в наиболее типичный сегмент общества риска, в котором он становится «имманентной

² Ibidem. P. 249.

³ В основе предложенного определения лежит концепция субкультуры, представленная в диссертационном исследовании О.Н. Римской - Римская О.Н. Феноменология субкультурных религий. Диссертация ... канд. филос. наук. 09.00.14. Тула, 2011.

частью взаимодействия индивидов и групп»⁴. Более того, можно утверждать, что ощущение риска превращается в постоянный фактор, характеризующий индивидуальное бытие большинства людей, оказывающий огромное и пока мало изученное влияние на их самоопределение и самореализацию. Ощущение риска побуждает людей к отказу от прочных связей, разрушая веру в возможность обретения помощи и поддержки референтного окружения в критических ситуациях.

В этих условиях вполне естественно актуализируется вопрос о возможности наращивания социального капитала села на основе возвращения к идее солидарности. Очевидно, что решение данной задачи представляет исключительную сложность в силу ряда причин:

- разрыв культурной традиции на селе не позволяет использовать исторически сформировавшиеся «образы солидарности» в качестве эталонных образцов поведения;
- утверждение в массовом сознании философии и психологии индивидуализма искусственно разобщает людей, а хроническая бедность большинства сельского населения девальвирует большинство духовных ценностей;
- взаимное отчуждение власти и населения сводит к минимуму возможности диалога и достижения консенсуса между ними;
- широкое распространение социальных девиаций ставит под сомнение возможность существования социальных норм, порождая и усиливая ситуацию социальной аномии;
- осуществлявшаяся в течение длительного времени неадекватная характеру проблем и перспективным целям развития села социальная политика ведет к распространению пессимизма сельских жителей относительно возможностей существенного улучшения в перспективе их жизненных условий.

Солидарность в течение длительного исторического периода была одним из основных принципов самоорганизации сельского общества. Крестьянское мирозерцание базировалось на идее общинности, логическими следствиями которой были постоянная взаимная поддержка, сотрудничество, готовность и способность к диалогу. Основанная на крестьянской культуре российская (в сущности, русская, православно-христианская) цивилизация превращала страну в единый организм, который был первичен по отношению ко всем реально существующим социальным противоречиям и конфликтам. И. Ильин писал: «Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственный слаженный «механизм» «областей», но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся ОРГАНИЗМ, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопониманием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национальными младшими братьями духовным взаимопитанием; он есть государственное и стратегическое единство, показавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому вселенского мира и равновесия»⁵.

Солидарность, под которой следует понимать духовную и предметную практику взаимоотношений сограждан, выражающуюся деятельном сочувствии интересам, мнениям сограждан, коллег, близких людей, единодушии с ними, представляла собой основу социального капитала селян. Сегодня с утратой традиций солидарности рушатся межличностные связи, начиная с семьи и заканчивая взаимоотношениями человека и государства.

В значительной мере это результат сознательной ультралиберальной политики, акцент в которой сделан на вестернизацию российского социума путем принудительного внедрения в массовое сознание ценностей западной (индустриальной) цивилизации. К ним относятся: взгляд на человека как на деятельностное существо, рационализм, установка на инновации и прогресс, понимание власти не только как власти над человеком,

⁴ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М., 2008. - С. 44.

⁵ Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. М., 1992. Т. 1. - С. 254.

но и над другими объектами⁶. К числу этих ценностей сегодня добавляются ценности эффективного (то есть обеспечивающего достижение запланированного результата) знания⁷, технологий, особенно информационных. Они и находят свое концентрированное воплощение в идее технологической модернизации, вызывающей все больший интерес в конце XX века в качестве альтернативы неоклассической парадигме развития⁸.

Несмотря на очевидный кризис ультралиберализма, в России его позиции остаются доминирующими, одним из следствий чего и является системный распад сельского мира. Ситуация осложнилась настолько, что даже простые упоминания о солидарности и взаимной лояльности считаются почти неприличными и выступают основанием для обвинений использующих их авторов в утопизме. Безусловно, элемент фантастичности в этом имеется, если объективно оценивать ситуацию в обществе в целом. Так, в ходе мониторинга оценки эффективности органов власти и управления Белгородской области по методике «Роза качества» в 2009 году выяснилось, что 22% белгородцев убеждены: в обществе стало меньше доверия; 33% - меньше справедливости; 31% - больше жестокости; 45% - больше безразличия. При этом 39% постоянно сталкиваются с безразличием по отношению к себе, 33% - с проявлениями лжи⁹. Довольно естественной реакцией на эти явления выступает распространение социальных аддикций. Так в ходе исследования общественного мнения сельских мужчин в 2009 году¹⁰, проведенного этим же коллективом авторов, было установлено, что доля респондентов, систематически употребляющих спиртные напитки, в общей численности опрошенных мужчин от 20 до 40 лет, существенно превысила стартовое значение («не более 40%») и составила 49.30% (в 2009 году этот показатель был равен 38.1%).

Тем не менее, политика возрождения сельской солидарности не имеет разумной альтернативы. Отказ от нее под предлогом исключительной трудности решения задачи равносильна установке на крах сельского социума, особенно вероятный в условиях обострения глобальной конкуренции производителей сельскохозяйственной продукции.

Именно поэтому необходим комплекс мер, обеспечивающих возврат к традициям солидарности (социетальности) и воспроизводства социального капитала современного крестьянства. К ним относятся:

– приоритетное развитие сельского социального кластера и последовательное улучшение условий жизни селян. При этом социальный кластер представляет собой интеграцию учреждений и организаций социальной сферы независимо от организационно-правовых форм и форм собственности на основе стратегии социального развития, единых нормативов и стандартов и применения инновационных информационно-коммуникационных технологий. Это сложная и многоуровневая, внутренне дифференцированная открытая система, посредством которой формируется благоприятная социокультурная среда и предоставляются социальные услуги населению¹¹;

⁶ Степин В.С. Россия в контексте глобальных цивилизационных перемен // Вторая научно-практическая конференция «Россия – XXI век». М., 1999.

⁷ Отметим, что, по мнению Ж. Лиотара, в современных условиях любое производство знания и образовательная деятельность приобретают смысл в отношении их востребованности и эффективности. См.: Lyotard J.F. *Political Writings*. University of Minnesota Press. 1993.

⁸ См. об этом: Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993; Глазьев С.Ю. Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике. М., 2008; Львов Д.С., Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М., 1992; Дементьев В.Е. Длинные волны экономического развития и финансовые пузыри. М., 2009; Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М., 2011; Беляева Л.М. Социальная модернизация в России конца XX века. М., 1997.

⁹ Исследование проведено специалистами Белгородского государственного исследовательского университета (n = 6800).

¹⁰ Исследование включало в себя опрос сельских мужчин в возрасте 20 – 40 лет (n = 1000).

¹¹ Перспективность внедрения кластерных технологий в процесс управления отмечают многие исследователи. Так, В.П. Бабинцев и В.М. Захаров полагают, что оно является одним из условий повышения эффективности организации управленческих процессов на уровне региона, а их применение предполагает рассматривать основные составляющие регионального управления – государственную, муниципальную, хозяйственную и общественно-политическую как единую систему (самостоятельный

– возрождение позитивных традиций соседской сельской общины, к числу которых относятся взаимопомощь, благотворительность, попечительство лиц, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, коллективное участие в решении форс-мажорных жизненных проблем;

– стимулирование честного производительного труда, организованного в рамках различных артельных форм, разумеется, с учетом современных реалий;

– обеспечение участия населения в оценке эффективности и безопасности государственного и муниципального управления и принятии на основе такой оценки организационных решений;

– поощрение создания общественных формирований, отказ от попыток манипулирования ими и от образования «псевдообъединений»;

– проведение реальных антикоррупционных мероприятий под общественным контролем; при этом общественности должна быть доступна информация о результатах данной деятельности;

– развитие интеллектуального потенциала села на основе модернизации системы образования, интенсификации информационного и межличностного взаимодействия.

Особая роль отводится сегодня формированию позитивно ориентированных социальных сетей, интегрированных в процесс социально-экономического развития. Сетевые формы самоорганизации должны применяться для выстраивания конкурентоспособных экономических структур (банковских систем, кредитных союзов, страховых обществ).

Для реализации этих и других мер необходима, прежде всего, политическая воля руководства страны и субъектов РФ. Кроме того, крайне важно воссоздать конструктивно мыслящую сельскую элиту, которая на примере собственных жизненных стандартов будет возрождать традиции крестьянской солидарности, благотворительности и справедливости.

Очевидно, следует учитывать, что конструкция сельской солидарности может быть выстроена только «снизу», начиная с семьи и соседской общины. Именно здесь должны формироваться социальные сети, необходимым условием формирования которых, с точки зрения М. Грановеттера и других социологов, в первую очередь, является доверие между участниками, развитые межличностные отношения¹². И именно на этом уровне, в первую очередь, должен формироваться и воспроизводиться социальный капитал сельского сообщества.

Список литературы

1. Bourdieu P. The Forms of Capital, in John Richardson, ed., Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York, 1985. P. 248.
2. Ibidem. P. 249.
3. Римская О.Н. Феноменология субкультурных религий. Дис. ... канд. филос. наук. 09.00.14. Тула, 2011.
4. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М., 2008. С. 44.
5. Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. М., 1992. Т. 1. С. 254.
6. Степин В.С. Россия в контексте глобальных цивилизационных перемен // Вторая научно-практическая конференция «Россия – XXI век». М., 1999.
7. Отметим, что, по мнению Ж. Лиотара, в современных условиях любое производство знания и образовательная деятельность приобретают смысл в отношении их востребованности и эффективности. См.: Lyotard J.F. Political Writings. University of Minnesota Press. 1993.
8. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993; Глазьев С.Ю. Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях

кластер), целостность которой поддерживается общими целями, единством нормативной базы, кадровой ротацией. - Бабинцев В.П., Захаров В.М. Совершенствование институциональных оснований регионального управления в Белгородской области // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика». 2008. №5(45). Вып. 7. - С. 190.

¹² См.: Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Том VII. № 1.

структурных изменений в мировой экономике. М., 2008; Львов Д.С., Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М., 1992; Дементьев В.Е. Длинные волны экономического развития и финансовые пузыри. М., 2009; Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М., 2011; Беляева Л.М. Социальная модернизация в России конца XX века. М., 1997.

9. Исследование проведено специалистами Белгородского государственного национального исследовательского университета (n = 6800).

10. Исследование включало в себя опрос сельских мужчин в возрасте 20 – 40 лет (n = 1000).

11. Перспективность внедрения кластерных технологий в процесс управления отмечают многие исследователи. Так, В.П. Бабинцев и В.М. Захаров полагают, что оно является одним из условий повышения эффективности организации управленческих процессов на уровне региона, а их применение предполагает рассматривать основные составляющие регионального управления – государственную, муниципальную, хозяйственную и общественно-политическую как единую систему (самостоятельный кластер), целостность которой поддерживается общими целями, единством нормативной базы, кадровой ротацией. - Бабинцев В.П., Захаров В.М. Совершенствование институциональных оснований регионального управления в Белгородской области // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика». 2008. №5(45). Вып. 7. С. 190.

12. Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Том VII. № 1.

SOLIDARITY AS THE BASIS OF THE SOCIAL CAPITAL OF THE SOCIETY: PROSPECTS OF REVIVAL

G.V. BRAZHNIK

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: bsaa-brazhnik@mail.ru

The article gives a definition of social solidarity and social capital, examines the role of the latter in the development of the rural society. It identifies the characteristic features of the socio-cultural space of the modern Russian village. The author updates the question about the possibilities to increase the social capital of the village. The paper determines the set of necessary measures to ensure the return to the traditions of solidarity and reproduction of social capital of modern peasantry.

Key words: social capital, solidarity, society, socio-cultural space, rural society, reproduction of social capital.

УДК 659.1:615.2:614.1

РЕКЛАМА ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

С. А. ВАНГОРОДСКАЯ

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:

Vangorodskaya@bsu.edu.ru

В статье раскрывается влияние рекламы лекарственных средств на формирование самосохранительного поведения населения России. Представлены результаты исследований, демонстрирующих противоречие между высокой декларируемой ценностью здоровья и низкой поведенческой активностью россиян. Рассмотрены содержательные аспекты рекламы лекарственных средств и ее воздействие на различные категории населения России. Описана законодательная база, регламентирующая вопросы рекламы лекарственных средств на территории России и стран Европы. Показано, что при наличии достаточного количества нормативных актов, в России отсутствуют механизмы исполнения основных положений этих законов. Предложены пути преодоления негативного влияния рекламы лекарственных средств на сознание и поведение населения России.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, реклама, лекарственные средства, поведенческая активность, ценность здоровья, законодательство в сфере рекламы.

Проблемы сохранения, восстановления и укрепления здоровья различных категорий населения России становятся в последние годы все более актуальными. Это обусловлено не только негативными изменениями окружающей среды и усилением воздействия на здоровье различных неблагоприятных биологических, социально-экономических и психологических факторов, но и тем, что в настоящее время все большую роль в детерминации заболеваемости и смертности играет поведенческий фактор, отношение людей к собственному здоровью и продолжительности жизни.

В этих условиях особую значимость приобретают вопросы изучения самосохранительного поведения, под которым принято понимать систему действий и отношений, направленных на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла, на установку продления срока жизни в пределах данного цикла¹.

С понятием самосохранительного поведения связано понятие культуры самосохранения. По словам Л.С. Шиловой, культура самосохранения ставит здоровье на высочайший уровень в личностной структуре жизненных ценностей, определяет активность в отношении к здоровью; исключение из жизни факторов риска заболеваний через грамотность и информированность позволяет нейтрализовать генетическую предрасположенность к заболеваниям, снабжает человека навыками поддержания здоровья и максимальной продолжительности жизни². Таким образом, ценности образуют каркас, который хотя и формируется обществом, но обретает независимость и становится механизмом саморегуляции поведения через активную жизненную позицию личности.

Результаты многочисленных исследований неизменно демонстрируют два устойчивых, но, в какой-то мере противоположных показателя: высокую декларируемую ценность здоровья в сознании россиян, с одной стороны, и низкую активность по сохранению и укреплению здоровья – с другой.

Так, по данным выборочного обследования на тему «Влияние поведенческих факторов на состояние здоровья населения», проведенного Федеральной службой государственной статистики в июне-июле 2008 г. в 24 субъектах Российской Федерации, в сознании подавляющего большинства людей всех возрастных групп здоровье как ценность

¹ Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). М., 1998. - С. 313.

² Шилова Л.С. Трансформация самосохранительного поведения // Социологические исследования. 1999. № 5. - С. 84.

вместе с ценностью семьи занимает 1-2 место среди других важнейших социальных ценностей – материального благополучия, работы, образования.

Вместе с тем, по данным того же исследования, основная масса опрошенных на практике относится к собственному здоровью достаточно небрежно, а доля тех, кто в повседневной жизни предпринимает практические шаги по его сохранению и укреплению, не превышает 25%³.

Кроме того, в противоположность сформулированному Всемирной организацией здравоохранения определению здоровья как состояния полного психического, физического и социального благополучия, половина жителей России определяет это состояние лишь через негативные понятия – как отсутствие или наличие серьезного заболевания. Считая здоровье основой благополучия, большая часть населения, тем не менее, обращает на него внимание лишь в случае недомогания, а вероятность обращения в медицинские учреждения с профилактической целью с возрастом только уменьшается⁴.

Почему декларативная ценность здоровья никак не связана с соответствующим самосохранительным поведением населения? Безусловно, причин тому немало, и одной из них, на наш взгляд, является содержание информации, касающейся восстановления и поддержания здоровья и транслирующейся в средствах массовой информации.

Само по себе появление такой информации в СМИ характеризует процесс «медикизации», под которым принято понимать расширение границ влияния медицины на новые сферы общественной жизни, ранее не связывавшиеся со здоровьем человека⁵. Одной из таких сфер является и сфера масс-медиа, в целом, и рекламная индустрия, в частности.

Не подлежит сомнению тот факт, что, распространяя большие объемы информации на колоссальные по численности аудитории, именно масс-медиа играют огромную роль в процессе социального познания и формирования образцов поведения. Это во многом связано с тем, что в процессе жизнедеятельности человек «включен в два процесса: во-первых, он выступает как потребитель материальных, вещных ценностей, во-вторых, – как аккумулятор информации. Обе эти стороны жизненно необходимы. Если для человека как биологической особи достаточно первой, то социальное бытие подразумевает наличие обеих»⁶.

Качество циркулирующей в обществе информации, в основном, обуславливается наличием в ней «культурных свойств», которые обычно сводятся к объективности, полноте, достоверности, оперативности, новизне, ценности⁷. Именно присутствие или отсутствие этих свойств в различных пропорциях, по мнению П.Н.Киричек, фактически делит массмедийную информацию на три качественные ее разновидности: а) конструктивную (полезную); б) нейтральную (бесполезную); в) деструктивную (вредную) – сообразно критериям их соответствия или несоответствия вышеназванным целям самосохранения и развития общества⁸.

Неотъемлемой частью современного информационного поля является информация рекламного характера, выполняющая наряду с традиционными социальными институтами функцию социализации индивидов. Нельзя не согласиться с мнением ряда авторов, считающих, что «институт современной рекламы стал важнейшим механизмом формирования образа жизни большинства людей, способом воспитания и образования

³ Влияние поведенческих факторов на состояние здоровья населения: краткие итоги выборочного обследования // http://www.gks.ru/free_doc/2008/demo/zdro8.htm

⁴ Назарова И.Б. Доступность медицинской помощи и самосохранительная активность граждан // <http://www.socpolitika.ru/rus/conferences/9970/9998/10000>

⁵ Более подробно об этом см.: Колесникова И.С. Новации в социологии медицины и здоровья. Заметки участника VIII конференции ЕСА // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 89-91; Бурганова Л.А., Савельева Ж.В. Медикизация и эстетизация здоровья в рекламной коммуникации // Социологические исследования. 2009. № 8. - С. 100-107.

⁶ Лотман Ю.М. Культура и информация // Семиосфера. СПб, 2000. - С. 395.

⁷ Воробьев Г. Г. Твоя информационная культура. М., 1988. - С. 16-18.

⁸ Киричек П.Н. Информационная политика и информационная культура общества // <http://ural-yeltsin.ru/usefiles/media/Kirichek.doc>

подрастающего поколения, а также методом воздействия на психику, вкусовые предпочтения и систему ценностей общества в целом»⁹.

Сочетая в себе все три качественные разновидности информации, реклама сегодня не ограничивается реализацией своей основной функции, которая заключается в информировании о товарах и услугах, а становится средством управления, манипулирования и психологического воздействия на человека.

Все вышесказанное с полным основанием можно отнести к рекламе лекарственных средств, оказывающей воздействие на формирование самосохранительного поведения определенной части населения России. Повышение роли данного вида рекламы происходит на фоне и под влиянием неуклонного превращения здоровья в выгодный бизнес параллельно с ограничением доступа значительной части населения России к качественным медицинским услугам.

Содержание большинства роликов, содержащих рекламу различных лекарственных средств, включает в себя три основных взаимосвязанных тезиса: 1) здоровье – это главное в жизни каждого человека, 2) с возрастом здоровье неизменно ухудшается и 3) восстановление здоровья напрямую связано с необходимостью приобретения рекламируемых лекарственных средств.

Тот факт, что подавляющее число роликов, связанных с рекламой лекарственных средств, начинаются с утверждения о ценности здоровья, безусловно, может быть оценен положительно. Более того, с полным основанием говорить о том, что сформировавшаяся в сознании россиян высокая декларируемая ценность здоровья в определенной степени стала результатом воздействия данного тезиса.

Что касается второго тезиса, то его воздействие, в отличие от предыдущего, на наш взгляд, может быть оценено скорее как деструктивное. Как известно, одним из условий формирования самосохранительного поведения, и как следствие, установок на продолжительную жизнь является существование у человека привлекательного образа старости и всего того, что связано с этим периодом в жизни человека. То, что реклама лекарственных средств подчеркивает взаимосвязь между увеличением возраста и ухудшением здоровья связывает ухудшение здоровья с переходом в старшие возрастные группы, вполне закономерно. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, чем старше респонденты, тем более актуальна для них «лекарственная тема»: если среди опрошенных молодого и среднего возраста 6–8% постоянно «живут на лекарствах», то среди респондентов 45–59 лет их 15%, а старше 60 лет – уже 31%. В группе 18–24 лет 36% говорят, что никогда не покупают лекарства, в группе старше 60 лет – только 8%¹⁰.

Беспокойство вызывает тот факт, что в сознании населения современной России пожилой возраст представляется наименее ресурсным периодом человеческой жизни, сопряженным с социальными, физиологическими, психологическими проблемами, совершенно беспросветным и практически не имеющим никаких «положительных» сторон. Так, согласно результатам исследования, проведенного Фондом «Общественное мнение», в ответах на открытый вопрос о том, с чем у них ассоциируется старость, почти четверть респондентов (23%) говорили о болезнях, дряхлости, немощи, почти столько же – о чувстве беспомощности, одиночестве, утрате интереса к жизни, негативных эмоциях, сопровождающих этот жизненный этап; каждого шестого респондента беспокоит материальная неустроенность. В целом же негативно окрашенные ассоциации характерны для подавляющего большинства ответов респондентов, тогда как позитивные встречаются лишь в 7% ответов, а нейтральные – в 9%¹¹.

⁹ Дашицыренова Т.Г. Институт рекламы как форма социальной коммуникации региона (на материалах Республики Бурятия): дис. .... канд. социол. наук : 22.00.04. Улан-Удэ, 2009. - С. 4.

¹⁰ Высокие цены на медицинские препараты и скудный ассортимент аптек – главные проблемы для тех россиян, кто «сидит на лекарствах» : Пресс-выпуск ВЦИОМ № 173 от 17 марта 2005 г. // <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=1134>

¹¹ Преснякова Л. Социальный, материальный и эмоциональный климат старости в России // Отечественные записки. 2005. № 3 (23). // <http://www.strana-oz.ru/?numid=24&article=1068>

Безусловно, существующий в сознании россиян образ старости во многом связан с теми социально-экономическими условиями, в которых находится значительная часть населения России, переступившая порог пенсионного возраста. Однако, в значительной мере негативные представления о старости являются следствием социальных стереотипов, проявляющихся не только в повседневной жизни, но и активно тиражируемых как средствами массовой информации в целом, так и рекламой лекарственных средств, в частности¹².

Этому в немалой степени способствует тот факт, что подавляющее число рекламных роликов фактически ставит знак тождества между понятиями «преклонный возраст» и «болезнь». Тем самым создатели рекламы преследуют вполне определенную цель – представить пожилой возраст как период, неотвратимо связанный с болезнями, побороть которые можно только одним – покупкой соответствующих лекарственных средств.

Результатом подобного воздействия рекламы становится тот факт, что ухудшение здоровья воспринимается исключительно как атрибут пожилого возраста, а сохранение и укрепление здоровья в сознании населения связывается скорее не с собственными усилиями, а с материальными расходами на приобретение дорогостоящих лекарственных средств при сохранении того образа жизни, который человек вел до болезни. Недаром, согласно результатам исследований, среди факторов, в принципе способствующих повышению продолжительности жизни, чаще всего фигурирует «материальное благосостояние» (33%)¹³, а более здоровыми считают себя и являются более обеспеченные категории населения.

Еще одним негативным последствием рекламы является тот факт, что при наличии соответствующих симптомов человек предпочитает начать лечиться самостоятельно, нежели обращаться к врачу.

По данным Всероссийского опроса, проведенного по инициативе ВЦИОМ 4-5 апреля 2009 г., каждый третий житель страны (33%) в случае болезни предпочитает заниматься самолечением¹⁴.

Подобную информацию представил и депутат Госдумы, лидер движения «Наш проект Здоровье» А. Беляков. Ссылаясь на результаты опроса Nielsen, он сообщил, что чаще всего россияне в случае болезни просто покупают лекарства в аптеке (48%) либо могут воспользоваться ранее купленным лекарством из домашней аптечки (45%), 36% ответили, что лечатся народными средствами, и лишь 17% сообщили, что со своей проблемой обязательно отправляются к врачу¹⁵.

По словам А. Белякова, около 5% больных, поступающих в медицинские заведения, оказываются жертвами самовольного приема лекарств¹⁶. Это подтверждают данные Минздравсоцразвития РФ, согласно которым в 2008 г. в России было официально зарегистрировано 1625 смертей из-за отравления лекарственными веществами¹⁷. И хотя было бы опрометчиво утверждать, что не все эти случаи явились следствием употребления лекарственных средств, рекламируемых в СМИ, однако, несомненно, большая часть этих смертей явилась прямым следствием самовольного употребления лекарств, что спровоцировано, в том числе и воздействием рекламы лекарственных средств на общественное сознание.

¹² Более подробно об этом см.: Краснова О. Порождение заблуждений: пожилые люди и старость // Отечественные записки. 2005. № 3 (23) // <http://www.strana-oz.ru/?numid=24&article=1070>

¹³ Продолжительность жизни в России : Опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России : Интервью по месту жительства 10-11 марта 2007 г. // <http://bd.fom.ru/report/cat/socium/demo/do71122>

¹⁴ Бесплатная медицина и самолечение – российский рецепт спасения от болезней : Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1211 от 28 апреля 2009 г. // <http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/11795.html>

¹⁵ Реклама опасна для вашего здоровья // <http://slon.ru/articles/155365/>

¹⁶ Рекламу лекарств хотят запретить // Санкт-Петербург.ру : ежедневное Интернет-издание // http://saint-petersburg.ru/m/230241/reklamu_lekarstw_hotyat_zapretity.html

¹⁷ Невинная И. Рекламная кляуза // Российская газета. 2009. 14 октября. № 5018 (194) // <http://www.rg.ru/2009/10/14/klauza.html>

Признавая актуальность этой проблемы в рамках всего мирового сообщества, эксперты ВОЗ сформулировали основные признаки, наличие которых должно вызвать у потребителя сомнения в достоверности информации о медицинских товарах или лекарственных средствах. К их числу относятся:

- рекламные призывы либо статьи, использующие выражения вроде «научный прорыв», «чудесное лечение», «исключительный продукт», «секретная формула», «старинный рецепт», «исключительно естественные (природные, экологически чистые) компоненты» и т.п.;
- рассказы о случаях чудесного исцеления безнадежно больных пациентов, от которых «отказалась официальная медицина»;
- обширный список симптомов или заболеваний, которые излечивает предлагаемый продукт или препарат;
- рекламные сообщения, в заголовке которых звучат названия «новейших патентованных средств»;
- предупреждения, что данный продукт или товар можно купить в определенном месте либо в течение ограниченного времени;
- рекомендации «знаменитых» медицинских экспертов, врачей и иных специалистов;
- сообщения об отсутствии риска либо отсутствие информации о возможных рисках и побочных эффектах;
- утверждения, что продукт «научно и клинически проверен» и «абсолютно безопасен»¹⁸.

В качестве одной из причин возникновения проблем, связанных с потреблением рекламируемых в СМИ лекарственных средств, эксперты отмечают несовершенство законодательства в сфере рекламы, которое «не только не способно обеспечить безопасность употребления лекарственных препаратов, но и провоцирует бесконтрольное и опасное для здоровья потребление лекарств»¹⁹.

Необходимо отметить, что реклама лекарственных средств в России регламентируется в основном двумя федеральными законодательными актами – общим Федеральным законом «О рекламе» (определяющим все основные общие требования к рекламе, такие как запрет недобросовестной (ст.6), недостоверной (ст.7), неэтичной (ст.8), заведомо ложной (ст.9), скрытой (ст.10) рекламы) и статьей 44 Федерального закона «О лекарственных средствах». Кроме того, ограничения на рекламу соответствующих препаратов налагает специальная статья федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Наряду с этим, в нашей стране действует ряд этических кодексов – документов, содержащих нормы саморегулирования в области рекламы лекарственных средств. К их числу относятся:

- 1) Этические критерии продвижения лекарственных средств ВОЗ²⁰;
- 2) Международный кодекс рекламной деятельности Международной торговой палаты²¹;
- 3) Российский рекламный кодекс Рекламного Совета России²²;
- 4) Кодекс маркетинговой практики Ассоциации международных фармацевтических производителей (АИРМ)²³ и т.д.

¹⁸ Мода на лекарства // ГУЗ «Центр медицинской профилактики» Департамента Здравоохранения Краснодарского края // <http://www.med-prof.ru/page20743241153.html>

¹⁹ Рекламу лекарств в СМИ могут запретить // Информационное агентство Клерк.Ру // <http://www.klerk.ru/boss/news/162782/>

²⁰ Этические критерии продвижения лекарственных средств на рынок: Рекомендации ВОЗ // Еженедельник «Аптека». 1998. № 32 (153). - С. 4–5.

²¹ Международный кодекс рекламной деятельности Международной торговой палаты // http://www.sovetsnik.ru/documents/codes/international/codex_intl_mtp/

²² Российский рекламный кодекс Рекламного Совета России // <http://sami-info.ru/index.php?dn=article&to=art&id=3>

²³ Кодекс маркетинговой практики Ассоциации международных фармацевтических производителей (АИРМ) // <http://www.aipm.org/publication/codecrus/>

Эти кодексы носят рекомендательный характер, но именно на них опираются общественные организации при выявлении случаев ненадлежащей рекламы.

Анализ нормативной базы показывает, что вряд ли есть необходимость в принятии дополнительных законодательных актов в данной сфере. Проблема заключается в том, что, как когда-то справедливо заметил М. Салтыков-Щедрин «суровость российских законов смягчается необязательностью их выполнения». При наличии целого ряда законов, регламентирующих вопросы рекламы, недобросовестной конкуренции и включающих в себя уголовное наказание за мошенничество, совершенно отсутствуют механизмы выполнения этих законов. Решить проблему возможно только путем консолидации усилий органов исполнительной власти, милиции и прокуратуры с Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения и социального развития РФ и органами Госсанэпиднадзора.

В настоящее время в стадии разработки находится ряд программ, включающих в себя алгоритмы привлечения к ответственности производителей, уличенных в недобросовестной рекламе БАДов и лекарственных средств²⁴.

Кроме того, несколько лет группой энтузиастов был создан специальный информационно-аналитический сайт, где собраны конкретные примеры некорректной рекламы: аудиозаписи и транскрипты радиопередач, сканы газетных объявлений, гиперссылки и скриншоты интернет-сайтов²⁵.

Также заслуживает внимания предложение, высказанное доктором медицинских наук, зав. кафедрой фармакологии Российского государственного медицинского университета И.Г. Козловым о создании рабочей системы мониторинга лекарств по типу существующей на западе системы Doctor's Desk Reference, а также общественной приемной, куда любой человек сможет заявить о негативном воздействии препарата²⁶.

Одним из путей решения проблемы может стать ограничение объекта воздействия рекламы лекарственных средств узким кругом специалистов, заинтересованных в получении информации о новинках фармации. При этом совершенно очевидно, что в таком случае реклама будет вынуждена избавиться от громких «формулировок», рассчитанных на сознание доверчивого потребителя и стать более информативной.

В этой связи вполне закономерно выглядит инициатива А. Белякова о внесении в Госдуму проекта закона о запрете рекламы лекарственных средств. Соответствующиеправки предлагается внести в статью 24 Закона «О рекламе»²⁷.

В соответствии с документом, реклама лекарств и медицинской техники может быть разрешена только в местах проведения медицинских и фармацевтических выставок, семинаров, конференций и в специализированных печатных изданиях.

Таким образом, подытоживая все выше сказанное, можно сделать вывод о том, что реклама лекарственных средств в СМИ выступает одним из важнейших факторов формирования не столько самосохранительного, сколько «саморазрушительного» поведения населения России.

Выходом из этой ситуации видится не только и не столько сокращение рекламы лекарств на рынке информационных услуг, сколько изменение содержания самих рекламных роликов и ужесточение наказания за нарушение действующих в России законодательных актов, регламентирующих эту сферу. Однако это решит только часть проблем, связанных с самовольным и бесконтрольным потреблением лекарственных средств. Параллельно необходимо переориентировать средства массовой информации на пропаганду более ответственного отношения к своему здоровью, являющего собой симбиоз ежедневных усилий по его сохранению и укреплению с оцениваемыми результатами своих усилий в процессе периодической диспансеризации.

²⁴ См., например: Реклама БАД: пора ломать стереотипы : Интервью с директором ЗАО «Партнер» И.И. Вайнштоком [записал Д.Крылов] // <http://www.medlinks.ru/article.php?sid=19429>

²⁵ См.: www.antibad.info: информационно-аналитический сайт // <http://medportal.ru/mednovosti/corp/2007/11/01/badisbad/>

²⁶ БАД хотят приравнять к лекарствам // <http://www.vvi-klinika.ru/aktualnaya-tema/bad-hotyat-prigravnyat-k-lekarstvam.html>

²⁷ Реклама опасна для вашего здоровья // <http://slon.ru/articles/155365/>

Список литературы

1. Антонов, А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов) [Текст] / А.И. Антонов. – М. : Издательский дом «Nota Bene», 1998. – С. 313.
2. Шилова, Л.С. Трансформация самосохранительного поведения [Текст] / Л.С. Шилова // Социологические исследования. – 1999. – № 5. – С. 84.
3. Влияние поведенческих факторов на состояние здоровья населения: краткие итоги выборочного обследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/2008/demo/zdro8.htm
4. Назарова, И.Б. Доступность медицинской помощи и самосохранительная активность граждан [Электронный ресурс] / И.Б. Назарова. – Режим доступа: <http://www.socpolitika.ru/rus/conferences/9970/9998/10000>
5. Колесникова, И.С. Новации в социологии медицины и здоровья. Заметки участника VIII конференции ЕСА [Текст] / И.С. Колесникова // Социологические исследования. – 2008. – № 4. – С. 89-91.
6. Бурганова, Л.А. Медикализация и эстетизация здоровья в рекламной коммуникации [Текст] / Л.А. Бурганова, Ж.В. Савельева // Социологические исследования. – 2009. - № 8. – С. 100-107.
7. Лотман, Ю.М. Культура и информация [Текст] / Ю.М. Лотман // Семиосфера. – СПб : Искусство-СПб, 2000. – С. 395.
8. Воробьев, Г. Г. Твоя информационная культура [Текст] / Г.Г. Воробьев. – М. : Мол. гвардия, 1988. – С. 16–18.
9. Киричѣк, П.Н. Информационная политика и информационная культура общества [Электронный ресурс] / П.Н. Киричѣк. – Режим доступа: <http://ural-yeltsin.ru/usefiles/media/Kirichek.doc>
10. Дашицыренова, Т.Г. Институт рекламы как форма социальной коммуникации региона (на материалах Республики Бурятия) [Текст] : дис. .... канд. социол. наук : 22.00.04 / Т.Г. Дашицыренова. – Улан-Удэ, 2009. – С. 4.
11. Высокие цены на медицинские препараты и скудный ассортимент аптек – главные проблемы для тех россиян, кто «сидит на лекарствах» [Электронный ресурс] : Пресс-выпуск ВЦИОМ № 173 от 17 марта 2005 г. // Всероссийский центр изучения общественного мнения. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=1134>
12. Преснякова, Л. Социальный, материальный и эмоциональный климат старости в России [Электронный ресурс] / Л. Преснякова // Отечественные записки. – 2005. – № 3 (23). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=24&article=1068>
13. Более подробно об этом см.: Краснова, О. Порождение заблуждений: пожилые люди и старость [Электронный ресурс] / О. Краснова // Отечественные записки. – 2005. – № 3 (23). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=24&article=1070>
14. Продолжительность жизни в России : Опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России [Электронный ресурс] : Интервью по месту жительства 10-11 марта 2007 г. // Фонд «Общественное мнение», 2003–2007. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/cat/socium/demo/do71122>
15. Бесплатная медицина и самолечение – российский рецепт спасения от болезней [Электронный ресурс] : Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1211 от 28 апреля 2009 г. // Всероссийский центр изучения общественного мнения. – Режим доступа: <http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/11795.html>
16. Реклама опасна для вашего здоровья [Электронный ресурс] // Slon.ru : деловые новости и блоги. – Режим доступа: <http://slon.ru/articles/155365/>
17. Рекламу лекарств хотят запретить [Электронный ресурс] // Санкт-Петербург.ру : ежедневное Интернет-издание. – Режим доступа: http://saint-petersburg.ru/m/230241/reklamu_lekarstw_hotyat_zapretity.html
18. Невинная, И. Рекламная кляуза [Электронный ресурс] / И Невинная // Российская газета. – 2009. – 14 октября. - № 5018 (194). – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/10/14/klauza.html>
19. Мода на лекарства [Электронный ресурс] // ГУЗ «Центр медицинской профилактики» Департамента Здравоохранения Краснодарского края [сайт]. – Режим доступа: <http://www.med-prof.ru/page20743241153.html>
20. Рекламу лекарств в СМИ могут запретить // Информационное агентство Клерк.Ру [сайт]. – Режим доступа: <http://www.klerk.ru/boss/news/162782/>
21. Этические критерии продвижения лекарственных средств на рынок: Рекомендации ВОЗ [Текст] // Еженедельник «Аптека». – 1998. – № 32 (153). – С. 4–5.

22. Международный кодекс рекламной деятельности Международной торговой палаты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [Sovetnik.ru](http://www.sovetnik.ru) : [сайт]. – Режим доступа: http://www.sovetnik.ru/documents/codes/international/codex_intl_mtp/

23. Российский рекламный кодекс Рекламного Совета России [Электронный ресурс] // www.sami-info.ru : [сайт]. – Режим доступа: <http://sami-info.ru/index.php?dn=article&to=art&id=3>

24. Кодекс маркетинговой практики Ассоциации международных фармацевтических производителей (АИРМ) // АИРМ : Ассоциация международных фармацевтических производителей [сайт]. – Режим доступа: <http://www.airm.org/publication/codecrus/>

25. См., например: Реклама БАД: пора ломать стереотипы [Электронный ресурс] : Интервью с директором ЗАО «Партнер» И.И. Вайнштоком [записал Д.Крылов]. – Режим доступа: <http://www.medlinks.ru/article.php?sid=19429>

26. См.: www.antibad.info: информационно-аналитический сайт: [сайт]. – Режим доступа: <http://medportal.ru/mednovosti/corp/2007/11/01/badisbad/>

27. БАД хотят приравнять к лекарствам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vvi-klinika.ru/aktualnaya-tema/bad-hotyat-priravnyat-k-lekarstvam.html>

ADVERTISING OF MEDICAL PRODUCTS AS THE FACTOR OF FORMATION OF SELF-SAVING BEHAVIOUR OF THE POPULATION OF RUSSIA

S. A. VANGORODSKAYA

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: Vangorodskaya@bsu.edu.ru

The article reveals the influence of drug advertising on the formation of self-preservation behavior of the Russian population. The results of studies demonstrate the contradiction between the declared value of the high health and low behavioral activity of Russians. The paper considers meaningful aspects of drug advertising and its impact on different categories of the population of Russia. The author describes the legal framework regulating the advertising of medicines in Russia and Europe. It is shown that the presence of a sufficient number of regulations in Russia faces no mechanisms for performing their basic provisions of these laws. The author suggests the ways of overcoming the negative impact of drug advertising on the consciousness and behavior of the Russian population.

Key words: self-preservation behavior, advertizing, medical products, behavioural activity, value of health, the legislation in advertizing sphere.

УЧАСТИЕ ДЕТЕЙ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ, ЗАТРАГИВАЮЩИХ ИХ ИНТЕРЕСЫ: ОПЫТ ИЗМЕРЕНИЯ

Н. В. ВАСИЛЬЕВА
С. В. КОЧНЕВ

*Московский
гуманитарный
университет*

e-mail:
vnatal@yandex.ru

В статье раскрываются понятие «участие детей», методика опроса детей, проблема измерения и опыт участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы.

Ключевые слова: показатели, оценка, участие детей в принятии решений, затрагивающих их интересы.

В последнее десятилетие одним из национальных приоритетов России в отношении детей является обеспечение благополучного и защищенного детства. Основной проблемой в сфере детства считается отсутствие действенных механизмов обеспечения участия детей в общественной жизни, в решении вопросов, затрагивающих их непосредственно. Принятая 1 июня 2012 года Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы направлена на решение данной проблемы¹. В новом для нашей страны документе дети рассматриваются как участники реализации национальной стратегии. Среди первоочередных мер, направленных на решение основной проблемы, стоит мера по созданию системы постоянного мониторинга и оценки участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы, включая систематический сбор качественных и количественных данных об уровне такого участия детей всех возрастных и социальных групп, а также о ресурсном обеспечении процесса участия детей в принятии указанных решений.

Проблема, на устранение которой направлена данная статья, состоит в противоречии между зафиксированной в Стратегии необходимостью проведения субъектами Российской Федерации постоянного мониторинга и оценки участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы, и отсутствием разработанных для этого показателей.

В последние десятилетия участие рассматривается как право (так называемый правовой подход к детскому и молодежному участию). Термин участие широко используется для описания текущих процессов, включая обмен информацией и диалог между детьми и взрослыми, в основе которого лежит взаимное уважение и в рамках которого дети могут высказать, в какой степени их мнения и мнения взрослых принимаются во внимание и влияют на результаты этих процессов².

Участие детей в принятии решений, затрагивающих их интересы, будем рассматривать в системе качественно-количественных показателей. С этой целью могут использоваться следующие социологические методы, позволяющие изучать мнение всех участников развития процесса участия детей: анкетирование и интервьюирование детей, фокус-группы детей, телефонное интервью руководителей общественных организаций, интернет-опрос экспертов – специалистов органов по работе с молодежью, анализ информационных карт органов, реализующих полномочия по осуществлению мероприятий по работе с детьми и молодежью муниципального района, городского округа, опрос родителей и др.

¹ Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы // Партнерство во имя ребенка. Сборник научных статей участников Международной научно-практической конференции по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы / коллективная монография под ред. доктора педагогических наук, профессора А. В. Волохова, М.: 2012. – С. 296–308.

² Участие детей в принятии решений, затрагивающих их интересы // Анализ положения детей в Российской Федерации: на пути к обществу равных возможностей. М.: Изд-во ЮНИСЕФ, 2011. – С. 212.

Предпочтительной методикой для опросов детей с 9-ти летнего возраста является анкета³. Популярность метода анкетирования обусловлена его оперативностью и экономичностью. В короткий срок при небольшом количестве анкетеров можно опросить большие совокупности детей. Можно проводить как групповое (1 анкетер работает с группой респондентов 20-25 человек), так и индивидуальное анкетирование детей. При составлении инструментария об участии детей в принятии решений, затрагивающих их интересы, должны соблюдаться несколько правил. За основу нами были взяты правила, описанные исследователем детства С. Н. Щегловой⁴.

В проведении мониторинга и оценки участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы, дети должны выступать в роли помощников исследователей. Они смогут помочь с выбором речевых оборотов, заменой непонятных слов и терминов в анкете, в интерпретации данных исследования, провести опрос. В этом случае они будут рассматриваться как партнеры взрослых исследователей, и их участие будет оцениваться по средним и высоким ступеням лестницы участия Р. Харта, определяющей степень участия молодежи в проектах, организациях, сообществах⁵. Чтобы поднять искренность ответов респондентов анкетерами должны выступать незнакомые взрослые или дети, которые старше респондентов на 2-3 года. Анкетерам в этом случае будет легче установить контакт с респондентами и собрать достоверную информацию.

Учитывая тот факт, что дети относятся к респондентам с низким уровнем искренности, анкета должны быть анонимной и в нее необходимо заложить 1-2 контрольных вопроса, которые могут быть расположены через 2-3 вопроса после прямых. Например, прямой вопрос: «Нравится ли тебе твоя школа (твой колледж, техникум, лицей, гимназия, вуз)?»; контрольный вопрос: «Хотел (а) бы ты учиться в другой школе (колледже, техникуме, гимназии, вузе)?».

Вводная часть анкеты, а также вопросы основного и заключительного блоков, должны содержать обращение к респонденту на «ты». В этом случае дети-респонденты отвечают о себе лично, а не за всех сверстников сразу. Например, «Чувствуешь ли ты себя в безопасности в своем городе (населенном пункте)?».

Начать основную часть анкеты лучше с вопросов социально-демографического блока. Иногда в детской аудитории письменной и устной инструкции к заполнению анкеты бывает недостаточно, тогда анкетеры практикуют коллективное заполнение вопросов социально-демографического блока.

Учитывая возрастную особенность детей, связанную с ориентацией на социальную желательность и конформизм, вопросы нужно формулировать так, чтобы не вызвать желание давать только хорошие, социально-желательные и одобряемые ответы. Например, гораздо больше положительных ответов мы зафиксируем на вопрос: «Можешь ли ты повлиять на принятие решений, касающихся твоего района (населенного пункта)?», нежели чем на открытый или полуоткрытый вопрос: «На твой взгляд, кто может повлиять на принятие решений, касающихся твоего района (населенного пункта)?».

Вопросы, задаваемые в анкете, не должны предъявлять непосильных требований к памяти детей и не превышать их компетентности. Исследователь должен быть уверен в адекватном понимании всеми респондентами употребляемых в нем слов, выражений. В этом случае необходимо проведение пилотажного исследования. Например, в вопросе «Как ты оцениваешь доступность районной, городской или сельской администрации к взаимодействию с тобой (вырази оценку в баллах, где 1 – наименьший балл, 5- наибольший)» исследователю необходима уверенность в адекватном понимании словосочетания «городская и сельская администрация».

Из-за того, что подростки склонны к негативизму, особое внимание необходимо уделять подбору отрицательных и положительных позиций шкалы ответов. Их количест-

³ Щеглова С. Н. Социология детства: учебное пособие, 1996. М.: Изд-во Института молодежи, 1996. – С. 32.

⁴ Щеглова С. Н. Как изучать детство: социологические методы исследования современных детей и современного детства. – М.: Изд-во ЮНПРЕСС, 2000. – С. 19-23.

⁵ Hart R. Children's Participation from Tokenism to Citizenship. UNICEF Innocenti Research Centre, Florence, 1992.

во должно быть одинаковым и заканчиваться нейтральным вариантом ответа. Например, «Доволен/довольна ли ты своим городом (населенным пунктом) проживания?»

- 1 – да, очень доволен / довольна
- 2 – иногда доволен / довольна
- 3 – практически не доволен / не довольна
- 4 – не доволен/ не довольна
- 5 – затрудняюсь ответить».

Для того чтобы измерить степень участия детей в мероприятиях, проводимых, например, общественной организацией, возможно использование лестницы Р. Харта⁶. Однако некоторые ступени лестницы придется объединить, поскольку они характеризуют очень близкие друг к другу и практически неразличимые явления. Так, ступени 1 и 2 лестницы Харта могут быть объединены в вариант ответа «меня приглашают принять участие в мероприятии, но я никак не влияю на принятие решения и конечный результат»; ступени 3 и 4 – в вариант ответа «я выполняю роль внутри мероприятия, но не имею возможности принимать решения что делать и как»; ступени 5 и 6 – в вариант ответа «взрослые руководят мероприятиями, но я участвую в качестве партнера и имею возможность давать предложения, которые влияют на принятие решений и достижение результатов»; ступени 7 и 8 – в вариант ответа «я сам(а) предлагаю и руководжу мероприятиями». Заметим, что применение шкалы Харта происходит с некоторой долей субъективизма, поскольку не всегда имеющаяся информация может дать объективную оценку участия детей в мероприятиях, проводимых общественной организацией.

В среднем в анкете должно быть 30 вопросов. Допускается использование рисунков, комиксов, юмора и элементов игры.

Во взрослых и детских инструментариях, создаваемых для изучения проблемы участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы, могут закладываться следующие блоки показателей.

Показатели, характеризующие социальную активность детей и молодежи:

1. Количество и направленность детских и молодежных объединений, их взаимосвязь с партиями и движениями (международными, общероссийскими, региональными).
2. Численность участников (членов) детских и молодежных объединений.
3. Количество консультативных молодежных органов, парламентов, советов, действующих при представительных и исполнительных органах власти.
4. Численность детей и молодежи, охваченных действиями консультативных молодежных органов, парламентов, советов.
5. Наличие и структура специальных социальных учреждений, нацеленных на работу с детьми и молодежью (центры досуга, психологической помощи и др.). Участие в их деятельности детей и молодежи.
6. Численность детей и молодежи, охваченной действиями муниципальных учреждений.
7. Примерное количество мероприятий, направленных на позитивные изменения в районе их проживания, в которых лично принимал участие ребенок или молодой человек (участие в субботниках, городских концертах, волонтерство и др.).
8. Уровень участия детей и молодежи: в представительных органах местной власти (количество молодых депутатов); в исполнительных органах власти (количество молодых муниципальных служащих).
9. Предпринимательская активность молодежи: количество молодых предпринимателей по различным сферам (в торговле, сельском хозяйстве и др.); наличие бизнес-инкубаторов; наличие школы молодых предпринимателей.
10. Наличие и количество молодежи, входящей в состав членов ТСЖ, а также в состав руководящих органов.
11. Количество молодежи, довольной своим местом проживания, чувствующей себя в безопасности в районе и городе.

⁶ Hart R. Children's Participation from Tokenism to Citizenship. UNICEF Innocenti Research Centre, Florence, 1992.

12. Механизм работы школьных советов, консультативных молодежных органов, парламентов, советов (выборный принцип или принцип назначения).

13. Качественная характеристика лидеров общественных организаций: активность лидеров (сколько разработал проектов, сколько раз участвовал в заседаниях комиссий местных, законодательных, исполнительных органов власти с законодательной инициативой); количество и тематика, проводимых лидерами мероприятий; - количество и тематика выступлений лидеров в СМИ.

14. Качественная характеристика молодежных парламентов (советов, дум и др.) при местных органах власти.

15. Степень участия молодежи в деятельности общественных организаций (по «лестнице участия» Роджера Харта).

16. Уровень творческой активности молодежи: наличие молодых художников, писателей и др., их участие в массовых формах социального движения на муниципальном уровне.

17. Оценка действенности полномочий органов молодежного самоуправления.

18. Наличие на уровне местного сообщества реализованных гражданских инициатив молодежи (мнение молодежи).

19. Оценка рынка социальных услуг для детей и молодежи.

20. Количество детей и молодежи, считающих, что их право на участие нарушается, что их голос не слышен, что они не могут повлиять на решения, принимаемые в муниципальном образовании.

21. Количество детей и молодежи, которые не хотят участвовать в принятии решений. Изучение причин нежелания участвовать.

22. Список проблем, которые, по мнению детей и молодежи, можно решить в их районе, городе, учебном заведении.

Показатели, характеризующие информированность детей и молодежи о существующих возможностях участия в принятии решений:

23. Осведомленность детей и молодежи о целях и задачах местной политики.

24. Осведомленность населения об участии детей и молодежи в жизни местных сообществ.

25. Уровень доступности современных информационных и коммуникационных технологий для детей и молодых людей.

26. Стереотип восприятия детей и молодежи, принижающий эффективность участия.

Показатели, характеризующие формы организации детей и молодежи на местном уровне:

27. Наличие и особенности детских и молодежных периодических изданий.

28. Уровень нравственного самосознания: количество активных и пассивных ведущих; организация патриотической деятельности (работа поисковых отрядов, молодых экскурсоводов в музеях и др.).

29. Система подготовки детских и молодежных лидеров на муниципальном уровне.

30. Участие молодежи в массовых оздоровительных и спортивных мероприятиях (например, «Лыжня России» или «Осенний кросс» и др.).

Показатели, характеризующие открытость власти для детей и молодежи:

31. Удовлетворенность детей и молодежи уровнем поддержки их социально-значимых инициатив на местном уровне, наличие законодательной базы, необходимой для поддержки подобных инициатив.

32. Удовлетворенность детей и молодежи взаимодействием с властными структурами, их открытость и доступность для молодежи.

Показатели, характеризующие объем финансовых средств, выделяемых на мероприятия в области молодежной политики:

33. Бюджетные ассигнования местных и региональных властных структур на поддержку детского и молодежного участия.

34. Возможности привлечения молодыми людьми материальных средств для реализации собственных социально значимых инициатив, включая гранты и спонсорскую помощь.

С целью сравнения ответов детей и взрослых, а также для проверки ответов детей, при создании инструментариев по изучаемой проблеме важным считаем наличие в них одинаковых блоков показателей. Кроме пяти, описанных выше блоков, для получения качественной информации необходимо включение в инструментарий для детей блока, выявляющего ценности детей. Использование в опросниках для детей вопросов, раскрывающих показатели, характеризующие объем финансовых средств, выделяемых на мероприятия в области молодежной политики, считаем не уместным. Эти показатели можно замерить с помощью опроса экспертов или анализа разного рода документов, например информационных карт органов, реализующих полномочия по осуществлению мероприятий по работе с детьми и молодежью муниципального района, городского округа и др. Представленные показатели прошли апробацию в исследовании «Участие молодежи в принятии решений на муниципальном уровне: анализ показателей на примере Московской области», проведенном авторами в 2010-2011 годах. Результаты исследования представлены в монографии авторов «Участие молодежи в принятии общественно значимых решений»⁷.

Пока в Российской Федерации отсутствуют стандарты участия детей. Участие детей сегодня чаще всего зависит от личности представителя администрации, который работает с детьми. Поэтому важно сотрудничать в этом вопросе с общественными организациями, через которые возможно более успешно реализовывать право детей на участие в принятии решений, затрагивающих их интересы.

Список литературы

1. Hart R. Children's Participation from Tokenism to Citizenship. UNICEF Innocenti Research Centre, Florence, 1992.
2. Васильева Н. В., Кочнев С. В. Участие молодежи в принятии общественно значимых решений: монография / Н. В. Васильева, С. В. Кочнев. – М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2012. – 147 с.
3. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 годы // Партнерство во имя ребенка. Сборник научных статей участников Международной научно-практической конференции по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы / коллективная монография под ред. доктора педагогических наук, профессора А. В. Волохова, М.: 2012. – 306 с.
4. Там же.
5. Участие детей в принятии решений, затрагивающих их интересы // Анализ положения детей в Российской Федерации: на пути к обществу равных возможностей. М.: Изд-во ЮНИСЕФ, 2011. – С. 212.
6. Щеглова С. Н. Как изучать детство: социологические методы исследования современных детей и современного детства. – М.: Изд-во ЮНПРЕСС, 2000. – С. 19-23.
7. Щеглова С. Н. Социология детства: учебное пособие, 1996. М.: Изд-во Института молодежи, 1996. – С. 32.

CHILDREN'S PARTICIPATION IN DECISION-MAKING ON THEIR INTERESTS: EXPERIENCE EVALUATION

N. V. VASSILYEVA
S. V. KOCHNEV

*Moscow Humanitarian
University*

e-mail:
vnatal@yandex.ru

The article discloses the term of children's participation, offers the tools of children's questioning and deals with evaluation of experience regarding their participation on child-relevant issues.

Key words: indicators, assessment, children's participation in decision-making on their interests.

⁷ Васильева Н. В., Кочнев С. В. Участие молодежи в принятии общественно значимых решений: монография / Н. В. Васильева, С. В. Кочнев. – М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2012. – 147 с.

УДК: 316.33:321

ИМИТАЦИИ КАК СПОСОБ АДАПТАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ К МОДЕРНИЗАЦИОННОМУ РАЗВИТИЮ

Д.Г. ВАСИЛЬЧЕНКО¹**О.В. БЫХТИН²****Г.А. БОРИСОВ**

¹⁾ Воронежский институт экономики и социального управления

e-mail:
dimkin_1984@mail.ru

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: bykhtin@bsu.edu.ru

В настоящей статье проводится анализ на основе социологического исследования имитаций в органах местного самоуправления. Исследуются способы имитации действий органов местного самоуправления, их причины, масштабы и последствия. В заключение статьи предлагаются практические рекомендации по их устранению.

Ключевые слова: местное управление, органы местного самоуправления, муниципальные образования, имитации, модернизационное развитие.

Обращение к теме имитации в современном российском обществе диктуется соображениями, связанными с особенностями ее проявления в социальной реальности и необходимостью проблемной разработки в современном социально-философском знании.

Роль имитации в жизни общества, ее сущность, связанная с процессами социального действия, направленными на подмену предметно-смысловой реальности, ее коммуникативно-символическая природа – это тема, не теряющая актуальности, несмотря на достаточно подробное исследование ее различных аспектов в социально-гуманитарном знании. Анализ имитации с позиций социальной философии акцентирует внимание на внутренних смыслах явления, поскольку понимание его истинных свойств, эффектов и возможностей особенно необходимо сейчас, когда в человеческом сообществе все более проблематизируется сама социальность.

Социально-философское осмысление явления имитации, уяснение ценностно-смысловых траекторий ее воплощения и выявление ее инструментальных характеристик приобретают серьезную научную значимость для социальной практики и понимания процессов общественного развития России. Тем более, что, несмотря на наличие как дескриптивных, так и аналитических конструкций, выстроенных вокруг частных фактов проявления имитации, пока еще нет выверенного понятийного аппарата, посвященного сущности имитации и различным социально значимым практикам ее воплощения. Особенно актуальность проблема имитационных практик приобретает в муниципальном управлении, в практических действиях муниципальных образований, наиболее значимым вызовом для которых является вызов модернизации.

На наш взгляд, имитация – это социальное явление, проявляющееся в искажении социальной определенности, в основе которого – процессы социального действия, связанные с подменой предметно-смысловой реальности путем конструирования символической социальной реальности, создания видимости, «кажимости».

Проявление имитационной составляющей в муниципальном управлении связано с возрастанием роли имитационных стратегий и практик, конструированием искусственных симулятивных образов, активно воздействующим как на социальные процессы, так и на массовую психологию. Подобное конструирование чаще всего проявляется в контексте идеи модернизационного развития, что обусловлено в первую очередь неопределенностью общего курса и несформированностью конструктивных практик реализующей этот курс политической элиты. Неопределенность стратегии накладывается на неблагоприятный социальный климат, социокультурную среду, размытые ценностные ориентации и неустойчивую психологию масс. Недаром социальный философ и социолог Б.В. Дубин, характеризуя современное российское общество, отмечает, что в условиях направленного

торможения экономической, социальной и культурной дифференциации общества происходит расширение поля проявления интегративных символов и церемоний, ритуализация или церемониализация текущей политики¹.

Таким образом, актуальность исследования феномена имитации в российском обществе определяется следующими обстоятельствами. Во-первых, слабой теоретико-методологической разработанностью и недостаточной эмпирической изученностью всего многообразия проявления имитации в обществе. Во-вторых, значимостью данной темы для понимания социальной практики общественного развития современной России. Все это заставляет обратиться к более глубокому теоретико-методологическому анализу понятия имитации, уяснению содержания и форм ее проявления как социального явления.

Тем не менее, как отмечает В.П. Бабинцев до настоящего времени нам не известны концептуальные разработки проблемы имитационных практик в государственном (отметим – и в муниципальном – Д. Всылъченко и О. Быхтин) управлении, несмотря на то, что поисковые системы Интернета дают представление о наличии публикаций об имитационной демократии и имитации политике. Но в отношении технологий государственного и муниципального (административного) управления системные исследования имитационной деятельности отсутствуют².

Между тем, фактор имитации в социальном управлении проявляется особенно отчетливо, прежде всего, в процессах социальной модернизации. Вялотекущая модернизация выливается в вялотекущую имитацию модернизации. В историческом контексте модернизация вбирает в себя целую гамму тенденций перехода от сохраняющихся элементов доиндустриальной культуры, от экстенсивного и интенсивного типов индустриальной культуры к культуре постиндустриальной, опирающейся на знание и инновации. Модернизация – всегда комплексный и многофакторный процесс. Изменения в различных сферах тесно связаны между собой и как бы подталкивают друг друга. Быстрый экономический рост и технологический прогресс предполагают соответствующее изменение культурных установок в поведении и мышлении, реформы политических структур и права, изменения в образовательной системе. И, напротив, если экономические и технологические сдвиги не сопровождаются политической демократизацией, а введение новых законов противоречит сложившимся социальным и культурными стереотипам, то развитие наталкивается на препятствия, а подлинная модернизация оборачивается имитацией модернизацией.

Модернизация России до сих пор не стала реальностью. Причины этого заключаются в том, что инновационно-демократическая модернизация, предлагаемая властью, несет в себе неустранимые стратегические риски для доминирующих групп сформировавшегося режима. Эти риски обусловлены принципиальной неопределенностью хода и результатов процесса модернизации. Потому даже риторика на темы модернизации в выступлениях первого лица государства является источником риска и крайне нежелательна для групп господства и влияния.

Для общества модернизация представляет собой уже не реальный процесс, а его симулякр. В постсоветской России периодически объявляются модернизация государственной службы, жилищно-коммунального хозяйства, армии, науки и т.п. Но практически все они выливаются в декларации, демонстрации и декорации. В итоге резкий символический разрыв с прошлым в России зачастую оборачивается тем, что символика и форма подменяют реальное изменение содержания, и тогда старая сущность незаметно возвращается.

Особенно отчетливо это проявилось на примере так называемой модернизации развития муниципальных образований. Муниципальная ниша всегда выступала в качестве одной из тех сфер жизнедеятельности общества, которая обеспечивает качественные изменения и предопределяет его будущее устройство, а в периоды качественных перемен приобретает особое значение. Однако на фоне политической риторики модернизации и

¹ Дубин Б.В. Симулятивная власть и церемониальная политика. О политической культуре современной России / Б.В. Дубин // Вестник общественного мнения. – 2006. – № 1. – С.14-25.

² Бабинцев В.П. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении / В.П. Бабинцев // Власть. – 2012. – № 5. – С.25.

реформирования часто лишь имитируются процессы подлинного модернизационного развития.

Распространение имитационных практик в процессе модернизации муниципального управления, на наш взгляд, можно объяснить рядом причин, обусловленных конкретной общественной ситуацией в стране, отдельных регионах и муниципальных образованиях. Их целесообразно разделить на три большие группы:

– институциональные причины, связанные с бюрократизацией местного самоуправления;

– социокультурные причины, отражающие специфику отечественной культурной традиции, в которой всегда был существенно выражен ритуальный (декоративный) аспект;

– субъективные причины, в числе которых – низкий уровень культуры управления муниципальных чиновников, их неготовность к открытому диалогу с населением, в конце концов – элементарный страх перед руководством³.

Применение имитационных практик в процессе модернизации муниципального управления имеет как позитивные, так и негативные социальные следствия. С одной стороны, имитационные практики являются своего рода адаптационным механизмом, способствующим снятию «стресса», сопровождающего радикальные реформы управления, резкие переходы от одной управленческой парадигмы к другой. Эти практики позволяют органам и должностным лицам местного самоуправления умело управлять в условиях трансформации, презентуя обществу и контролирующим органам якобы достигнутые результаты деятельности, то есть имитационные практики выступают фактором поддержания и конструирования реальности. В результате процесс муниципального управления все более становится не деятельностью реальных индивидов и органов власти, а представлением, игрой имиджей, неких виртуальных конструкторов, опирающихся на неопределенные характеры и стереотипы, навязываемые населению посредством средств массовой информации.

В итоге в муниципальных образованиях России формируется система пропаганды, основанной имитациях различного вида. Имитация народолюбия, имитация православия, имитация «державности» стала одной из ее основ.

Существенным фактором имитационных практик в модернизационном развитии на местном уровне стало то, что в современной России государство создает не свободную рыночную, а «неокомандную экономику», обслуживающую вертикаль власти, обеспечивающую неконкурентное существование самих государственных структур. Государство владеет экономикой и политикой России. В итоге в обществе сложилась имитационное пространство рыночной экономики. Развитие без изменения – суть стратегий современной власти как субъекта имитации.

В рамках проведенного при разработке проекта исследования «Имитации как способ адаптации муниципальных образований к модернизационному развитию» (n = 450) населению был задан ряд вопросов, касающихся применения имитационных практик в муниципальном управлении. Ответы подтвердили тезис о существенной роли имитаций в муниципальном управлении. В частности, на вопрос о том, как часто органы местного самоуправления проводят мероприятия «для галочки», 35,14% опрошенных указали, что иногда, примерно столько же респондентов (32,29%) полагают, что довольно часто, 26,86% - затруднились ответить. По мнению опрошенных чаще всего имитации применяются при проведении выборов (32,43%), при демонстрации результатов деятельности (31,43%), во взаимодействии с населением (25,57%), при проведении мероприятий (21,29%) и при оказании услуг (21%).

Для диагностики масштабов распространенности, тенденций и социальных следствий применения имитационных практик в муниципальном управлении был проведен экспертный опрос. Среди опрошенных экспертов почти 81,82% считают, что в настоящее время имитации присущи большинству органов местного самоуправления. Более половины (54,55%) экспертов отметили, что имитационные практики отражают состояние современного общества, в котором, как отмечают идеологи постмодерна, происходит мас-

³ Виняр В.А. Причины применения имитационных практик в муниципальном управлении / В.А. Виняр. – Тамбов: Грамота. – 2011. – № 8. – С. 50.

штабная симуляция, подмена традиционных ценностей понятиями о них – знаками и символами⁴. Почти треть респондентов убеждена, что имитации в муниципальном управлении являются следствием отсутствия у органов местного самоуправления реальных полномочий и ресурсов, 18,18% – неизбежным результатом проводимой в стране реформы местного самоуправления.

Таким образом, эксперты связывают главные причины имитационных практик не с модернизацией муниципального управления, но с общим социокультурным контекстом, в котором она реализуется. К институциональным и субъективным причинам применения имитационных практик в муниципальном управлении, по мнению экспертов, выступают, прежде всего, отсутствие системы гражданского контроля (72,73%); желание продемонстрировать результаты своей работы (54,55%); чрезмерная нормативно-правовая зарегулированность, стремление избежать ответственности – получили одинаковую значимость (по 36,36%).

Рассматривая тенденции применения имитационных практик, стоит отметить, что 63,64% опрошенных экспертов прогнозируют их дальнейшее усложнение. Почти треть респондентов уверена, что количество подобных практик будет увеличиваться с каждым годом. Следовательно, можно предположить, что реальной модернизации муниципального управления и в дальнейшем, скорее всего, будет угрожать опасность симуляции.

Одной из задач анализа имитаций в управлении является выявление социальных следствий их применения. Необходимо отметить, что экспертами были выбраны чаще отрицательные следствия, чем положительные. В частности, среди положительных следствий эксперты указали только, что имитационные практики формируют привлекательный образ органов местного самоуправления в глазах населения (36,36%). Более двух третей экспертов уверены, что имитации снижают эффективность управления, увеличивают недоверие к органам власти со стороны населения (45,45%), повышают занятость служащих «работой» (36,36%), способствуют написанию отчетов о проделанной работе (27,27%).

Мнение экспертов о возможности устранить имитационные практики из управления разделилось поровну: половина считает, что имитационные практики можно устранить, другая половина придерживается противоположного мнения. При этом необходимо отметить, что абсолютно все эксперты уверены, что самостоятельно ОМСУ не смогут решить данную проблему. Основными институтами, способными взять на себя решение проблемы, по мнению экспертов, являются: государство (63,64%), население (27,27%), общественные организации (27,27%).

Таким образом, экспертный опрос подтвердил: в настоящее время имитации в муниципальном управлении являются распространенным явлением, требующим изучения. Необходимо отметить, что, наличие глубинных причин имитаций, связанных со спецификой современного общества постмодерна, позволяет сделать вывод: имитации невозможно полностью устранить из муниципального управления. Но необходимо и возможно принять меры для минимизации их негативных следствий.

Таким образом, противодействовать негативным следствиям применения имитационных практик следует, изменяя сложившуюся в муниципальном управлении систему интересов, отношений, ценностных установок муниципальных служащих. Данная задача представляется достаточно сложной для решения и требует фундаментального подхода, в основе которого лежит, прежде всего, изменение нормативно-правовой базы в сфере организации местного самоуправления.

Список литературы

1. Бабинцев В.П. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении / В.П. Бабинцев // Власть. – 2012. – № 5. – С.24-29.
2. Виняр В.А. Причины применения имитационных практик в муниципальном управлении / В.А. Виняр. – Тамбов: Грамота. – 2011. – № 8. – С. 50-54.

⁴ См., напр., Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000; Дебор Г. Общество спектакля. М., 1999; Делез Ж. Различие и повторение. СПб, 1998; Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М., 1998.

3. Грачев Г. Манипулирование личностью. / Г. Грачев, И. Мельник. – М.: Эксмо, 2003.
4. Дубин Б.В. Симулятивная власть и церемониальная политика. О политической культуре современной России / Б.В. Дубин // Вестник общественного мнения. – 2006. – № 1. – С.14-25.
5. Кара-Мурза С.Г. Угасание рациональности: имитация / С.Г. Кара-Мурза – <http://www.contr-tv.ru/article/reforms/2004-06-25/imitation> (дата обращения: 27.10.2012).
6. Ким И.В. Модели репрезентации и проблема социальных симулякров / И.В. Ким // Известия Уральского государственного университета. – 2007. - № 48. – С.30-34.
7. Леонтьев М. Имитация «цивилизованного» стандарта / М. Леонтьев. – URL: http://www.odnako.org/blogs/show_3030/(дата обращения: 14.11.2012).
8. Понукалина О. В. Игры общества потребления: конструирование повседневности // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2009. – Т. 3. – № 1. – С.293-299.
9. Пшизова С. От подражания к имитации в политической практике / С. Пшизова – http://www.rau.su/observer/N9-10_2004/9-10_12.HTM (дата обращения: 27.10.2012).

IMITATIONS AS A WAY OF ADAPTING TO THE MUNICIPAL MODERNIZATION DEVELOPMENT

D.G. VASILCHENKO¹⁾

O.V. BYKHTIN²⁾

G.A. BORISOV

*¹⁾ Voronezh institute
of economy and social
administration*

*e-mail:
dimkin_1984@mail.ru*

*²⁾ Belgorod State National
Research University*

e-mail: bykhtin@bsu.edu.ru

The paper is based on the analysis of case study of simulations in local government and explores the ways to simulate the actions of local governments, their causes, extents and consequences. In conclusion, we provide practical recommendations to address them.

Key words: local government, local governments, municipalities, simulation, modernization development.

УДК 353.2; 316.013

ИМИТАЦИОННЫЕ И КОНСТРУКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКЕ***Т.Н. КАМЕНЕВА¹⁾**
М.Н. РЕУТОВА²⁾
В.А. КАЛУГИН¹⁾ *Курский государственный университет*
*e-mail: Kalibrioz04@yandex.ru*²⁾ *Белгородский государственный национальный исследовательский университет*
e-mail: reutova@bsu.edu.ru

В статье проанализирована государственная семейная политика, представляющая собой в настоящее время комплекс конструктивных и имитационных практик. Последние рассматриваются как одна из дисфункций государственной семейной политики.

Ключевые слова: семейная политика, имитационные практики, идеологема семьи.

Важной составной частью социальной политики государства является семейная политика, под которой понимают целенаправленную деятельность государственных органов и иных социальных институтов, призванную создавать оптимальные условия для выполнения семьей ее функций, гармонизировать отношения между личностью, семьей и обществом, содействовать упрочению семейного образа жизни и повышению тем самым ее престижа в обществе.

Сам термин «семейная политика» появился в конце 80-х XX в., а в 1990-е уже были оформлены концептуальные основания государственной стратегии в отношении семьи. Таким образом, становление современной государственной семейной политики происходило в период шоковых социально-экономических трансформаций, которые переживало российское общество - перехода к рыночной экономике, изменений в структуре занятости, устранения государства от выполнения ряда социальных обязательств, стремительного расслоения общества по уровню благосостояния¹. Первые версии концепции семейной политики разрабатывались в 1991 и 1993 гг. В 1996 г. вышел Указ Президента Б. Ельцина «Об основных направлениях государственной семейной политики»². Главной его целью было обеспечение условий, необходимых для реализации семьей ее функций и улучшения качества жизни семьи. Данные направления государственной семейной политики предусматривают: обеспечение условий для преодоления негативных тенденций и стабилизации материального положения российских семей, уменьшение бедности и увеличение помощи нетрудоспособным членам семьи; обеспечение работникам, имеющим детей, благоприятных условий для сочетания трудовой деятельности с выполнением семейных обязанностей; кардинальное улучшение охраны здоровья семьи; усиление помощи семье в воспитании детей. Цели государственной семейной политики 1990-х гг. в силу разных причин во многом оказались декларативными. Государство, с одной стороны, позиционировало себя как социальное, с другой же – продолжало занимать позицию стороннего наблюдателя по отношению к социальным проблемам.

Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию в 2006 г. определило новый этап развития государственной семейной политики как на уровне идеологии,

*Статья подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы». Соглашение № 14.А18.21.2124, н. рук. В.П. Бабинцев.

¹ Klimantova G. The Family in the Process of the Transformation of Russian Society // Russian Education and Society. 2002. № 4. P. 53-60.

² Об основных направлениях государственной семейной политики : Указ Президента РФ от 14 мая 1996 г. № 712 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – 21. – Ст. 2460.

так и на уровне конкретных инструментов ее реализации³. Произошел переход от политики, построенной на принципах минимализма, к пронаталистским (т.е. нацеленным на повышение рождаемости) действиям государства в отношении семьи. С 2007 г. преодолению демографического кризиса и решению «семейного вопроса» был придан статус национального проекта, для успешной реализации которого государство мобилизовало как экономические, так и идеологические ресурсы (в качестве примера можно привести проведение в 2008 г. Года семьи в России). Пронаталистская направленность семейной политики наиболее явно представлена в такой инновационной мере, как «материнский капитал».

Однако, как показывает практика последних десятилетий, расхождение между декларируемыми достижениями и реальными фактами, характеризующими демографическую ситуацию и функционирование института семьи, стало устойчивой традицией. В государственной семейной политике, как и в иных направлениях государственного управления, имитации становятся наиболее предпочтительными способами легитимации существующего порядка в силу того, что они гораздо менее затратны, проще в реализации, нежели конструктивные, и, в ряде случаев, способны приносить вполне ощутимый доход за счет «распила» государственного бюджета.

Имитационные практики являются одной из наиболее типичных дисфункций современного государственного управления. Они представляют собой систему действий, в ходе которых реальные значения и смыслы замещаются и подменяются формальным воспроизведением операций и процедур, сопровождаемым их демонстрацией⁴.

Действия подобного рода, многократно повторяясь, трансформируются в традиционные для данной сферы деятельности и воспринимаются как самими акторами, так и общественностью как относительно или полностью легитимные и адекватные решаемым государственным управлением задачам. Тем самым в обществе создается своеобразный «имитационный консенсус», в рамках которого субъекты управления формируют благоприятный идеологический фон для своих действий, а общественность старается не замечать элиминации смыслов из управленческого процесса. Это начинается с процесса мифологизации определенной сферы. Усложнение и ускорение социальных процессов в обществах, с одной стороны, а с другой – углубление рационализации всех сфер жизни, обусловили появление на рубеже XX–XXI вв. своеобразного парадокса: все более усложняющуюся рациональную картину мира человеческое сознание стремится отразить посредством предельного упрощения уже существующих рациональных концепций, вследствие чего последние превращаются в мифы, возвратно действующие на сознание, самосознание и социальное поведение⁵. Миф стремится выглядеть как нечто естественное, «само собой разумеющееся». Он воспринимается как безобидное сообщение не потому, что его интенции тщательно скрыты, иначе они утратили бы свою эффективность, а потому, что они «натурализованы». В результате мифологизации означаемое и означающее представляются «читателю» мифа связанными естественным образом. Любая семиологическая система есть система значимостей, но потребитель мифов принимает значение за систему фактов⁶.

Именно мифологизация отдельных сторон деятельности государства способствует распространению имитационных практик. В итоге в сознании общественности создаются идеализированные образы успехов деятельности органов власти, подкрепляемые реальными фактическими данными, которые, будучи интерпретированы определенным образом, подтверждают декларируемые органами власти достижения.

³ Ярская-Смирнова Е.Р. «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской семейной политики // *Женщина в российском обществе*. 2010. № 2. - С. 14-25.

⁴ Бабинцев В.П. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении // *Власть*. 2012. № 5. - С. 24.

⁵ Путилов С.В. Особенности процесса мифологизации национального самосознания: предпосылки, условия, причины // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 42 (180). Философия. Социология. Культурология. Вып. 15. - С. 15–18.

⁶ Барт Р. Мифологии / Перевод, вступ. ст. и коммент. С.Зенкина; 2-е изд. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. - С. 46.

В сфере семейной политики можно наблюдать различные формы мифологизации. Например, органы власти различного уровня рапортуют о достижении успехов в сфере государственной поддержки института семьи. В частности, называются следующие цифры. По сравнению с 2005 годом рождаемость в России увеличилась более чем на 21 %. Это один из лучших показателей в мире. Существенные успехи достигнуты также в сокращении младенческой смертности: ее уровень в 2011 г. снизился по сравнению с 2005 г. на 33,6 %⁷. В 2011 г., впервые за 15 лет, удалось выйти на рост численности населения России. Во многом это является следствием выплат материнского капитала, реализации национального проекта «Здоровье» и других мер социальной поддержки семей. При этом умалчивается о том, что свою роль в этой динамике сыграл и ряд объективных тенденций и процессов.

Кроме того, характер полученных данных во многом зависит от способа их интерпретации. Как справедливо считает А.И. Антонов, по общим коэффициентам рождаемости и смертности нельзя составить точное представление о демографической ситуации в России, поскольку за основу берутся абсолютные числа рождения и смертей: если увеличивается абсолютное число рождений, то начинают рапортовать об успехах мер по стимулированию рождаемости. На самом же деле важна не рождаемость как процесс деторождения у населения, а интенсивность рождения населения. Как любой общий коэффициент, показатель рождаемости обеспечивает только приближенное ориентировочное представление об интенсивности явления во времени и пространстве и в значительной мере связан с возрастно-половым составом населения и исчисляется по отношению к численности всего населения; тогда как рожают только женщины, и не во всяком возрасте. Таким образом, общий коэффициент рождаемости может расти, а интенсивность рождения, то есть частота рождений в населении, может уменьшаться. Пока увеличению числа рождений способствует благоприятная возрастная структура населения – число женщин основного детородного возраста (до 30 лет) все еще находится в фазе роста⁸. Кроме того, следует иметь в виду эффект «затухания» эффективности мер по стимулированию рождаемости по прошествии небольшого периода времени с момента их введения, изменение возрастной структуры населения (увеличение доли более старших возрастных групп), а также влияние демографической волны 80-90-х гг. XX в.

Тем не менее, основная масса руководителей всех уровней (от федерального до местного) и их консультанты, используя абсолютные показатели, докладывают об эффективности мер государственной семейной политики, прогнозируя положительную динамику результатов.

То же самое касается и тенденций в динамике института брака. Ряд объективных данных действительно свидетельствует о повышении значимости данного института. Так, в целом за 2001–2007 гг. показатели регистрируемой брачности существенно увеличились. Число браков в 2001–2003 и в 2005–2009 гг. превышало 1 млн, в 2007 г. достигло 1263 тыс., что почти наполовину выше, чем в 1998 г. В соответствии с ростом числа браков вырос и общий коэффициент брачности, вернувшийся к уровню конца 1980-х годов, – 8,9 на 1000 населения в 2007 г.⁹ Также, как и с рождаемостью, это обусловлено в значительной степени объективными причинами: меняется соотношение мужчин и женщин – в брачный период вступает более многочисленная возрастная группа 20-30-летних. Но и за этим фактом государственным чиновникам видятся успехи именно семейной политики.

Результаты экспертного опроса, проведенного в Курской области в ноябре 2012 г. (N=33, отбор экспертов проводился по критерию компетентности на основе самооценки экспертов, их возраста и места работы), показали, что, по мнению большинства опрошенных (52,00%), семейная политика носит преимущественно имитационный характер.

⁷ Рыбаковский Л.Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? М., 2012 // URL: <http://rybakovsky.ru/demografia8a1.html> (дата обращения: 18.11.2012).

⁸ Антонов А.И. О соответствии мер и средств демографической политики её долгосрочным целям (опыт демографической экспертизы) // URL: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=23&idArt=416 (дата обращения: 10.11.2012).

⁹ См.: Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад. Ответственный редактор А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2011.

21,00% респондентов отметили как конструктивные, так и имитационные элементы, и лишь 3% - ее преимущественно конструктивный характер. При этом наиболее критичны в своих оценках работники высшей школы и муниципальные служащие. Распределение ответов в зависимости от рода деятельности экспертов представлено в табл. 1.

Таблица 1

Характер мер по реализации семейной политики в зависимости от рода деятельности, %

	Работники ВПО	Госслужащие	Муниципальные служащие	Клиенты служб поддержки семьи	Итого
Конструктивный	0,00%	0,00%	0,00%	9,12%	3,00%
Есть как конструктивные, так и имитационные элементы	35,70%	33,33%	0,00%	9,10%	21,00%
Имитационный	64,30%	33,33%	80,00%	27,30%	52,00%
Затрудняюсь ответить	0,0%	33,33%	20,00%	54,60%	24,00%

Оценивая различные направления семейно политики, в частности поддержка институтов семьи и брака, большинство опрошенных муниципальных и государственных служащих видят в мерах по укреплению имиджа семьи и брака как конструктивные, так и имитационные элементы (60,00% и 33,33% соответственно), большинство работников ВПО – имитационные (64,30%) (см. табл. 2).

Таблица 2

Характер мер по укреплению имиджа семьи и брака как важнейших социальных институтов общества в зависимости от рода деятельности, %

	Работники ВПО	Государственные служащие	Муниципальные служащие	Клиенты служб поддержки семьи	Итого
Конструктивный	0,00%	0,00%	0,00%	9,10%	3,00%
Есть как конструктивные, так и имитационные элементы	35,70%	33,33%	60,00%	18,20%	31,00%
Имитационный	64,30%	0,00%	20,00%	63,60%	52,00%
Затрудняюсь ответить	0,00%	66,67%	20,00%	9,10%	12,00%

Еще в большей степени в зоне риска трансформации в имитационные формы находится материальная поддержка семьи. По оценке Министерства труда и социальной защиты РФ, в апреле 2012 г. число работников в России, получающих зарплату на уровне планируемого с 1 января 2013 года МРОТ в размере 5205 рублей, составило 1,3 миллиона человек или порядка 2% от численности занятых в экономике. При этом половина из них занята в бюджетной сфере – 650 тысяч человек или 4,3% от общего числа работников государственных и муниципальных учреждений. Нетрудно представить, какой уровень жизни в семьях, где единственный кормилец имеет такую зарплату. Именно этим положением объясняется высокая бедность детей из многодетных семей. Поэтому МРОТ должен быть такой, чтобы работающий человек не только сам не был бедным, но и мог худо-бедно содержать семью. По нашим расчетам, сегодня он должен быть на уровне 60-70% средней зарплаты¹⁰.

Важно отметить, что случайно или нет, но во всех планах правительства по снижению бедности фигурируют не абсолютные показатели бедности, а показатели увеличения МРОТ, пенсий и пособий. Заметные проценты подтягивания этих показателей к прожиточному минимуму демонстрируют имитацию усилий правительства по решению проблемы бедности. Такой подход в условиях сравнительно высоких темпов экономического роста и благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры позволяет правительству наращивать бюджетные расходы, в том числе на увеличение МРОТ и тем самым соз-

¹⁰ Шевяков А.Ю. Мифы и реалии социальной политики: Монография. М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 2011. – С. 55.

давать иллюзию эффективной социальной политики. Радикального снижения бедности при таком подходе ожидать не приходится, тем более, что инфляция и существующие распределительные механизмы, фактически сводят эффект этих мероприятий во времени к нулю¹¹.

Согласно данным, полученным в ходе исследования, выплаты на ребенка до 1,5 лет большинство респондентов различных возрастных категорий, занятых в системе высшего образования и муниципальном секторе, считают конструктивными мерами, однако при анализе распределения ответов в зависимости от возраста можно выделить 14,33% опрошенных в возрасте 25-39 лет, относящих выплату пособий по уходу за ребенком до 1,5 лет к имитационным мерам. Выплату материнского капитала, подавляющее большинство опрошенных оценили, как конструктивный механизм семейной политики. Среди тех, кто считает выплату материнского капитала имитационной практикой, в основном были респонденты, занятые в системе высшего профессионального образования (14,34%) , и представители возрастной группы 25-39 лет (14,34%). Следует заметить, что именно эта возрастная группа является потенциальным получателем материнского капитала.

Относительно предоставления льгот по оплате коммунальных, образовательных и др. услуг многодетным и неполным семьям, а также семьям, воспитывающим детей-инвалидов мнения респондентов распределились следующим образом: конструктивными данные меры считают в основном опрошенные, занятые в системе ВПО (50,00%), занятые в муниципальном секторе в равных долях (по 40,00%) полагали, что эти меры носят в целом конструктивный и в основном имитационный характер. Представители старших возрастных групп в своем большинстве считали данное направление семейной политики имитацией (66,66%).

В целом характер влияния государственной семейной политики в настоящее время на состояние института семьи в РФ респондентами был оценен, как незначительный (39,45%). В своем большинстве это были государственные служащие (66,74%) и респонденты в возрасте 25-39 лет (47,62%). Эффективность семейной политики на федеральном уровне в большинстве случаев квалифицировалась как средняя (45,54%), как правило, так полагали респонденты из числа ученых и преподавателей системы ВПО (64,33%) и опрошенные в возрасте 25-39 лет (61,87%). Респонденты в возрасте старше 60 лет были единодушны в оценке семейной политики на федеральном уровне и считали ее низкой (100%).

На уровне региона наиболее высоко оценили эффективность государственной семейной политики муниципальные служащие (60,00%), большинство работников системы ВПО (92,87%) оценили ее как среднюю, большая часть госслужащих (66,66%) – как низкую (см. табл. 3).

Таблица 3

**Эффективность государственной семейной политики на уровне региона
в зависимости от рода деятельности, %**

	Работники ВПО	Государственные служащие	Муниципальные служащие	Клиенты служб поддержки семьи	Итого
Высокая	7,13%	0,00%	60,00%	0,00%	12,14%
Средняя	92,87%	33,33%	40,00%	81,80%	75,82%
Низкая	0,00%	66,66%	0,0%	18,20%	12,14%
Затрудняюсь ответить	7,13%	0,00%	0,00%	0,00%	12,14%

В качестве приоритетных мер по снижению риска имитаций в реализации государственной семейной политики экспертами были названы следующие: усиление государственного контроля за реализацией конкретных направлений государственной семейной политики (72,72%), увеличение финансирования (57,64%), активное включение в ее реализацию институтов гражданского общества (57,63%), более широкое информиро-

¹¹ Шевяков А.Ю. Мифы и реалии социальной политики: Монография. М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 2011. – С. 57.

вание общественности о положительных и отрицательных моментах проводимой политики (48,50%), усиление гражданского контроля за реализацией конкретных направлений государственной семейной политики (45,54%).

В качестве причин неэффективности мер семейной политики респондентами были определены: недостаточная заинтересованность политиков в решении проблем в данной области (63,64%), недостаток финансирования со стороны государства (60,62%).

Таким образом, имитационные практики являются прямой угрозой социальной сфере российского общества, поскольку создают иллюзию улучшения ситуации без ее реального изменения. При этом сами носители имитационных практик убеждают себя в их эффективности и утрачивают способность к критическому взгляду на собственные действия. Сам институциональный кризис семьи не рассматривается как «кризис», а тем более как научная или социальная «проблема». Потребность в детях уменьшается, а говорить о повышении рождаемости можно только в случае, если она растет. Наиболее убедительным показателем, по мнению А.И. Антонова, девальвации жизненной системы ценностей, ведущей к невыполнению институциональных функций семьи и к сверхнизкой рождаемости, являются установки к бездетности¹². При этом, как показывают результаты его исследований, в настоящее время полностью исчезли социальные нормы, которые прежде осуждали добровольную бездетность. Пока будет доминировать установка на малодетный тип семьи, любая политика материального стимулирования и пособий как метод регулирования семейно-демографических процессов неизбежно будет нести в себе черты имитации. Для достижения долговременного положительного эффекта в сфере рождаемости целесообразно формировать всеми доступными средствами установки на многодетную семью, с 3-4 детьми, которые, по оценке Л.Л. Рыбаковского, могут привести к фактическому распространению двудетных семей. Минималистские же установки будут приводить к аналогичным результатам. И, главное, повышение рождаемости не должно рассматриваться как доминирующая цель в семейно-демографической политике, так как за показателями роста рождаемости могут скрываться и рост детской смертности, и увеличение количества социальных сирот, и снижение качества жизни семей с несколькими детьми.

Таким образом, представляется чрезвычайно важным проводить семейную политику, реализующую конструктивные практики. А это невозможно без изменения системы ценностей, которая у большинства населения «антисемейна» по своей сути. Только подлинное изменение ценностных ориентаций в сторону фамилизма (семьецентризма) ведет к повышению установок на число детей у людей с высокими и средними притязаниями, на которых, собственно (а не на тех, кто лишен рефлексивности в выстраивании собственной жизненной траектории и потенциального жизненного пути своих детей), и должна быть сфокусирована семейная и демографическая политика в стране¹³.

Особую значимость в свете вышесказанного приобретает внедрение эффективных механизмов перестройки ценностно-мотивационной структуры сознания населения, в первую очередь, молодежи. Поэтому на государственном уровне необходимо задуматься о комплексных мерах семейной политики, сочетающих как материальную поддержку, так и ее информационное сопровождение, а также приступить к формированию идеологии семьи как идейной установки, совокупного образа семьи, призывающего к конкретным действиям по созданию семьи и рождению детей. Важно при этом, чтобы целенаправленное использование идеологием не стало способом мифологизации семейной политики и не превратилось в очередную разновидность имитационных практик в семейно-демографической сфере.

¹² Антонов А.И. Институциональный кризис семьи и возможности его преодоления в России (часть 2) // Демографические исследования, № 12. // URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1965 (дата обращения: 26.10.2012).

¹³ Антонов А.И. Почему нельзя надеяться, что рождаемость повысится, когда в брак начнут вступать сегодняшние старшеклассники // URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=245 (дата обращения: 2.11.2012).

Список литературы

1. Антонов А.И. Институциональный кризис семьи и возможности его преодоления в России (часть 2) // Демографические исследования, № 12 // Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1965.
2. Антонов А.И. О соответствии мер и средств демографической политики её долгосрочным целям (опыт демографической экспертизы) // Режим доступа: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=23&idArt=416.
3. Антонов А.И. Почему нельзя надеяться, что рождаемость повысится, когда в брак начнут вступать сегодняшние старшеклассники // Демография.ру Институт демографических исследований // Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=245.
4. Бабинцев В.П. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении // Власть. – 2012. – № 5. – С. 24-29.
5. Барт Р. Мифологии / Перевод, вступ. ст. и коммент. С.Зенкина; 2-е изд. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. – 312 с.
6. Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад. Ответственный редактор А.Г. Вишневский. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2011. – 334 с.
7. Об основных направлениях государственной семейной политики: Указ Президента РФ от 14 мая 1996 г. № 712 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 21. – ст. 2460.
8. Путилов С.В. Особенности процесса мифологизации национального самосознания: предпосылки, условия, причины // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Культурология». Вып. 15. – 2009. – № 42 (180). – С. 15–18.
9. Рыбаковский Л.Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? М., 2012. // Режим доступа: <http://rybakovsky.ru/demografia8a1.html>.
10. Шевяков А.Ю. Мифы и реалии социальной политики. – М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 2011. – 76 с.
11. Ярская-Смирнова Е.Р. «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской семейной политики // Женщина в российском обществе. – 2010. – № 2. – С. 14–25.
12. Klimantova G. The Family in the Process of the Transformation of Russian Society // Russian Education and Society. – 2002. – № 4. – P. 53-60.

IMITATION AND CONSTRUCTIVE PRACTICES IN FAMILY POLICY

T.N. KAMENEVA¹⁾

M.N. REUTOVA²⁾

V.A. KALUGIN

The article considers the state family policy, which is currently set with complex constructive and imitation practices. The latter is regarded as one of the disfunctions of the state family policy.

Key words: family policy, imitation practices, ideologem family.

¹⁾ *Kursk State University*

e-mail:
kalibr10304@yandex.ru

²⁾ *Belgorod State National Research University*

e-mail:
reutova@bsu.edu.ru

УДК: 316.33:321

ИМИТАЦИОННЫЕ И КОНСТРУКТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ В ПРИГРАНИЧНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

А.Н. ЛЕОНТЬЕВА
В.А. САПРЫКА
С.М. ЯГУТКИН

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

В статье проведен анализ имитационных и конструктивных проектов в приграничном сотрудничестве постсоветских государств. Авторами обосновывается позиция о том, что именно приграничное сотрудничество и региональная интеграция могут стать основой для разработки и реализации конструктивных проектов для постсоветских государств. Приграничные регионы в силу исторических и социокультурных условий обладают уникальным потенциалом для развития интеграции в хронотопе постсоветского пространства. Выделен ряд проблем затрудняющих реализацию интеграционных процессов в крупных межгосударственных проектах. Неразрешенность этих проблем придает проектам еврорегионов в большей или меньшей степени характер имитационных практик. Приведены данные авторского социологического исследования, которое позволило выделить имитационные практики в приграничном сотрудничестве, оценить состояние интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Авторами рассмотрена модель еврорегиона и опыт внедрения данной модели на территории Российской Федерации. Предложены практические рекомендации для дальнейшей интеграции на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, постсоветское пространство, проекты, имитации, государства СНГ.

В настоящее время для постсоветских государств характерна активизация процессов интеграции, как на государственном, так и на региональном уровне, приграничное сотрудничество регионов играет все более заметную роль на постсоветском пространстве. Многие современные авторы отмечают, что постсоветское пространство остается геополитической, исторической и в значительной мере правовой реальностью. На наш взгляд, это обуславливает необходимость исследования характера проектов в приграничном сотрудничестве¹.

Для понимания роли приграничного сотрудничества необходимо выделение интеграционных проектов, в котором участвуют постсоветские государства. В частности, с января 2012 года Российская Федерация инициирует новый проект – Единое экономическое пространство России, Белоруссии и Казахстана, который должен превратить интеграцию в понятный, привлекательный для граждан и бизнеса, устойчивый и долгосрочный проект, не зависящий от перепадов текущей политической и любой иной конъюнктуры².

Следует отметить, что межгосударственные проекты на постсоветском пространстве не всегда направлены на интеграцию государств бывшего СССР, так проект Восточного пространства, реализующийся по инициативе Европейского союза на территории Украины, Молдавии, Азербайджана, Армении, Грузии и Белоруссии направлен на их будущую интеграцию в ЕС³. Опыт развития межгосударственных отношений показывает, что такие международные организации, как ЕС, ОБСЕ, Совет Европы заинтересованы в построении единого экономического и социального пространства на основе регионального сотрудничества⁴.

¹ Савельев А.Н. Суверенитет и конфедеративные модели на постсоветском пространстве URL: http://www.zlev.ru/81_87.htm (дата обращения: 15.11.12).

² Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня URL: <http://izvestia.ru/news/502761#ixzz2Cq55A5an> (дата обращения: 15.11.12).

³ Стрелков А. Восточное партнерство: первые результаты URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/krug/vostochnoje_partnerstvo_pervyje_rezultaty_2010-03-26.htm (дата обращения: 20.11.2012).

⁴ Декларация Ассамблеи регионов Европы «О регионализме в Европе» URL: http://www.aer.eu/en/information/search.html?no_cache=1 (дата обращения: 15.11.12).

На наш взгляд, именно приграничное сотрудничество и региональная интеграция могут стать основой для разработки и реализации конструктивных проектов для постсоветских государств. Приграничные регионы в силу исторических и социокультурных условий обладают уникальным потенциалом для развития интеграции в хронотопе постсоветского пространства⁵. Одним из успешных проектов приграничного сотрудничества стала внедряемая в Европейском союзе модель еврорегиона, которая в конце 90х годов получила распространение и на постсоветском пространстве. Еврорегионы могут быть основой для стратегического партнерства в вопросах пространственного развития, касающихся приграничного сотрудничества⁶. В частности эта модель получила распространение на западной границе Российской Федерации. В 1997 г. был создан еврорегион «Неман», еврорегион «Балтика» создан в 1998 г, в том же году основан еврорегион «Карелия». Еврорегион «Днепр» создан в 2003 г. в составе Брянской области (Россия), Гомельской области (Белоруссия) и Черниговской области (Украина). В 2003 г. создан еврорегион «Слобожанщина» в составе Белгородской области России и Харьковской области Украины. С 2004 г. действует еврорегион «Псков-Ливония», в который входят 5 районов Псковской области, 4 района Латвии и 3 уездных Союза самоуправления Эстонии. В 2006 г. между Курской и Сумской областью был создан еврорегион «Ярославна», а в 2010 создан еврорегион «Донбасс», который объединил Донецкую и Луганскую области Украины и Ростовскую область Российской Федерации.

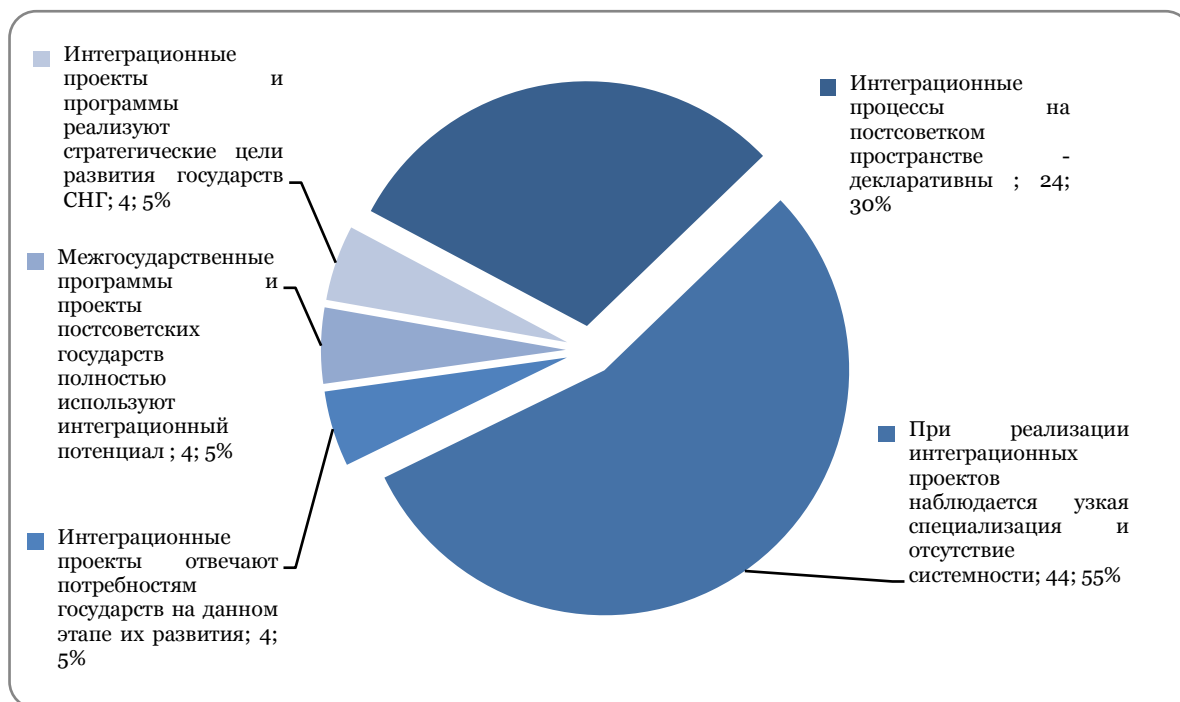

Рис. 1. Оценка состояния интеграционных процессов на постсоветском пространстве (%)

В данный момент все приграничные регионы Российской Федерации и Украины используют в той или иной степени модель еврорегиона, однако говорить о полной успешности ее реализации пока еще рано. Углубление интеграции должно происходить и на межрегиональном и на межгосударственном уровне, так как без поддержки еврорегионов на государственном уровне проекты и программы приграничного сотрудничества смещаются в социогуманитарную сферу, оставляя не задействованным экономический потенциал приграничных территорий. Оптимальным для этих процессов является вступ-

⁵ Кочетов М.Н., Сапрыка В.А. Социогуманитарное сотрудничество приграничных регионов на постсоветском пространстве // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 5; URL: www.science-education.ru/105-7013 (дата обращения: 20.11.2012).

⁶ Стратегия развития Балтийской сети еврорегионов URL: http://www.beneast.net/docs/strategy_final_RUS.pdf (дата обращения: 20.11.2012).

ление Украины в Единое экономическое пространство России, Белоруссии и Казахстана. Однако, этот вопрос остается открытым, так как у украинской политической элиты четко выделен вектор евроинтеграции и ориентация на ЕС, что подтверждает и проведенное нами социологическое исследование (опрос проводился среди экспертов в области государственного и муниципального управления, ученых и депутатов всех уровней Украины, N=20, 2012). Данный экспертный опрос дал возможность оценить эффективность интеграционных проектов на постсоветском пространстве, а также определить перспективы для дальнейшей интеграции Украины в свете новых интеграционных проектов Российской Федерации.

Большинство экспертов отмечают, что при реализации интеграционных проектов наблюдается узкая специализация и отсутствие системности (44%).

Для определения вектора направленности интеграционных устремлений Украины экспертам было задано несколько вопросов, касающихся СНГ, ЕС и других интеграционных проектов.

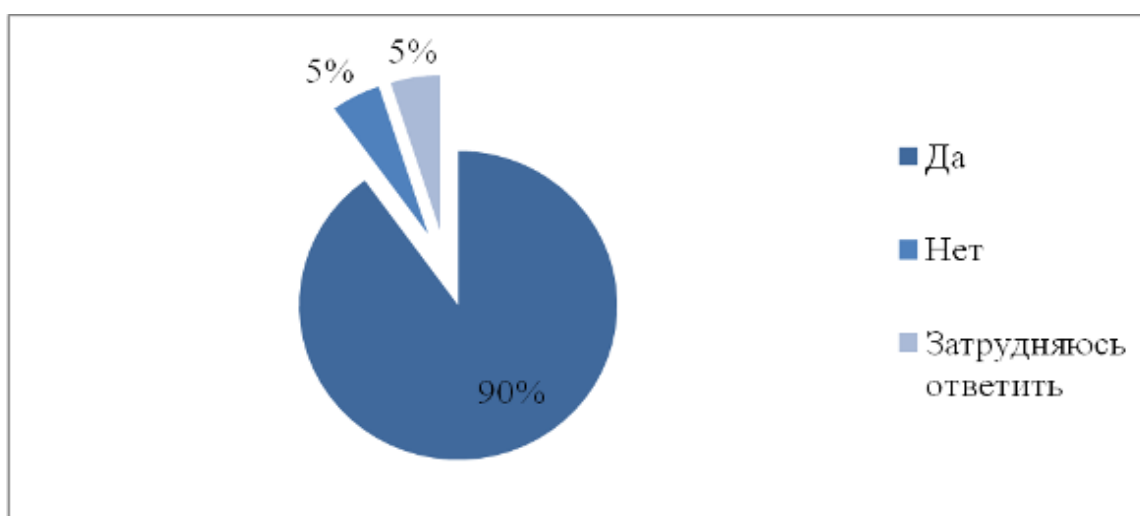

Рис. 2. Необходимо ли, на Ваш взгляд, активизировать интеграционные процессы Украины и СНГ?(%)

Как видно из рисунка 2, большинство экспертов до сих пор считают СНГ одним из перспективных для Украины интеграционных проектов(90%). Вместе с тем, украинские эксперты отмечают необходимость активизации интеграционных процессов Украины и ЕС (рис. 3).

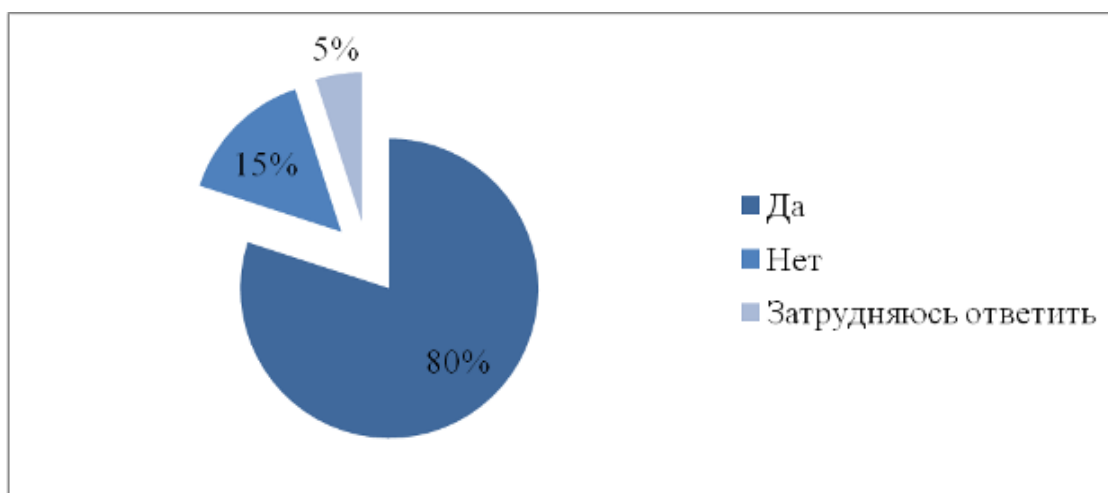

Рис. 3. Необходимо ли, на Ваш взгляд, активизировать интеграционные процессы Украины и ЕС?(%)

Такие интеграционные проекты, как Единое экономическое пространство России, Белоруссии и Казахстана, Таможенный союз намного меньше привлекают участников опроса, что на наш взгляд затруднит реализацию этих проектов.

В то же время приграничное сотрудничество может стать реальным инструментом для включения постсоветских государств в интеграционные проекты. Необходимо подчеркнуть, что находит подтверждение, в глазах экспертов, наша гипотеза о необходимости активизации проектов в рамках модели еврорегионов, 95% экспертов отметили ее важность как интеграционного проекта на постсоветском пространстве.

Следует отметить, интеграция и сотрудничество на постсоветском пространстве последнее время показывают свою неэффективность в организации сотрудничества такие крупные надгосударственные организации, как СНГ, ЕЭП и ГУАМ. В современной научной мысли и в политической среде государств СНГ существует точка зрения на то, что данные интеграционные проекты нередко носят декларативный и имитационный характер⁷. Не случайно, большое количество экспертов в ходе нашего опроса отметили, что интеграционные процессы на постсоветском пространстве - декларативны (24%). Варианты ответов «Интеграционные проекты отвечают потребностям государств на данном этапе их развития», «Межгосударственные программы и проекты постсоветских государств полностью используют интеграционный потенциал», «Интеграционные проекты и программы реализуют стратегические цели развития государств СНГ» были оценены экспертами в равной степени (4%).

В определенной степени это действительно верно. Элементы имитации прослеживаются в ряде проектов. В частности, это в определенной степени относится к сотрудничеству по модели еврорегиона. Реализация модели еврорегиона требуют от участников приграничного сотрудничества не только согласованных действий во время инициации проектов, но и использование методов проектного управления при их реализации.

Но анализ процессов приграничного сотрудничества на территории постсоветском пространстве позволяет сделать вывод о том, что существует комплекс проблем, затрудняющих внедрение модели еврорегиона, в частности, это:

- отсутствие единой методологической и методической базы при управлении социально-экономическими проектами и программами приграничного сотрудничества;
- низкий методический уровень анализа, планирования и прогнозирования влияния приграничных факторов на региональное развитие, экономический потенциал приграничных регионов;
- отсутствие системного подхода при формировании нормативно-правовой базы, отсутствие согласованности при принятии региональных и межгосударственных нормативно-правовых актов;
- отсутствие интерактивных методов включения населения в процесс реализации моделей еврорегионов;
- отсутствие мониторинга эффективности интеграционных проектов.

Неразрешенность этих проблем придает проектам еврорегионов в большей или меньшей степени характер имитационных практик. При этом под имитационными практиками мы понимаем систему действий, в ходе которых реальные значения и смыслы замещаются и подменяются формальным воспроизведением операций и процедур, сопровождаемым их демонстрацией, декларацией и декорацией⁸. Распространение имитационных практик в приграничном сотрудничестве имеет ряд негативных следствий:

- нерациональное использование ресурсов приграничных территорий;
- дискредитация идеи интеграции в среде предпринимательства, общественных организаций и населения;
- ограничение возможностей гражданского участия проектах и программах межрегионального приграничного сотрудничества;

⁷ Наумов А.С. Эффективность деятельности ЕС и СНГ как межгосударственных объединений: сравнение различий и достигнутых результатов URL: <http://eu-law.ru/2011/11/effektivnost-deyatelnosti-es-i-sng/> (дата обращения: 20.11.2012).

⁸ Бабинцев В.П. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении // Власть – 2012 – №5 – С.26.

– рост взаимного недоверия между партнерами в лице администраций приграничных регионов, органов местного самоуправления и т.д.

Использование имитационных практик не ставит под сомнение саму идею необходимости приграничного сотрудничества в процессах интеграции на постсоветском пространстве. Их нивелирование и переход к декларациям на региональном уровне, ведет к распаду и дезинтеграции крупных межгосударственных интеграционных проектов. Задача заключается в том, чтобы сделать такие практики максимально конструктивными. Таким образом, использование конструктивных практик приграничных регионов России и Украины позволит избежать отмеченных в статье проблем и создать условия для дальнейшей интеграции на постсоветском пространстве в рамках, как старых проектов, так и новых.

Список литературы

1. Бабинцев В.П. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении // *Власть* – 2012 – №5 – С.26.
2. Декларация Ассамблеи регионов Европы «О регионализме в Европе» URL: http://www.aer.eu/en/information/search.html?no_cache=1 (дата обращения: 15.11.12).
3. Егоров В.Г. Постсоветское пространство как предмет научного осмысления URL: <http://www.e-cis.info/news.php?id=741> (дата обращения: 15.11.12).
4. Кочетов М.Н., Сапрыка В.А. Социогуманитарное сотрудничество приграничных регионов на постсоветском пространстве // *Современные проблемы науки и образования*. – 2012. – № 5; URL: www.science-education.ru/105-7013 (дата обращения: 20.11.2012).
5. Наумов А.С. Эффективность деятельности ЕС и СНГ как межгосударственных объединений: сравнение различий и достигнутых результатов URL: <http://eu-law.ru/2011/11/effektivnost-deyatelnosti-es-i-sng/> (дата обращения: 20.11.2012).
6. Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня URL: <http://izvestia.ru/news/502761#ixzz2Cq55A5an> (дата обращения: 15.11.12).
7. Савельев А.Н. Суверенитет и конфедеративные модели на постсоветском пространстве URL: http://www.zlev.ru/81_87.htm (дата обращения: 15.11.12).
8. Стратегия развитие Балтийской сети еврорегионов URL: http://www.beneast.net/docs/strategy_final_RUS.pdf (дата обращения: 20.11.2012).
9. Стрелков А. Восточное партнерство: первые результаты URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/krug/vostochnoje_partnerstvo_pervyje_rezultaty_2010-03-26.htm (дата обращения: 20.11.2012).

IMITATION AND POSITIVE PROJECTS IN CROSS-BORDER COOPERATION OF POST-SOVIET STATES

A.N. LEONTIEVA
V.A. SAPRYKA
S.M. YAGUTKIN

*Belgorod State
National Research
University*

The analysis of imitation and positive projects in cross-border cooperation of post-Soviet states is presented in the article. The authors substantiate the position that it is cross-border cooperation and regional integration that could become the basis for the development and implementation of design projects for the post-Soviet states. The border regions due to the historical and socio-cultural conditions have unique potential for the development of integration in the timing of the post-Soviet space. The number of problems impeding the implementation in the integration processes in large international projects has been highlighted. These issues are attached to the projects of Euroregions in a greater or lesser extent the nature of the simulation practices. The input of the author's sociological analysis is shown in the article, it identifies the simulation practice in cross-border cooperation, it considers the assessment of the status of integration processes on the post-Soviet space. The authors regard the model of the Euroregion and the experience of implementation of this model on the territory of the Russian Federation. The practical recommendations are offered for the further integration in the post-Soviet space.

Keywords: cross-border cooperation, post-Soviet space, projects, simulation, state of the CIS.

УДК: 316.6-057.87

ИМИТАЦИИ КАК ТЕХНОЛОГИЯ МАНИПУЛИРОВАНИЯ МАССОВЫМ МОЛОДЕЖНЫМ СОЗНАНИЕМ

Е.В. ПАНКРАТОВА¹⁾
Л.Н. ШМИГИРИЛОВА²⁾

¹⁾Ивановский государственный университет

e-mail:
e_pankratova@land.ru

²⁾Белгородский государственный университет

e-mail: shmigirilova@bsu.edu.ru

Статья посвящена проблемам изучения явления имитации в современном российском обществе. В ней рассматриваются имитационные практики как технологии манипулирования массовым молодежным сознанием. Воздействие имитационных практик на массовое сознание молодежи раскрывается и анализируется по двум направлениям. Первое позволяет раскрыть имитации в СМИ и их влияние на массовое молодежное сознание. Второе – имитации в различных сферах общественного бытия и их воздействие на процессы, происходящие в молодежной среде.

Ключевые слова: имитации, молодежь, массовое молодежное сознание, манипуляция, масс-медиа.

В настоящее время многие управленческие процессы несут в себе существенный потенциал имитаций. Имитации или симулякры представляют собой одну из разновидностей социального бытия, в котором нематериальная символическая реальность пытается выдать себя за материальную вещественную реальность, что делает невозможным для массового сознания адекватное представление об окружающем мире.

Превращение социальной реальности в эфемерную и нестабильную явно коррелирует с возрастанием в жизни людей роли стереотипов и образов реальности, замещающих саму реальность. Симулятивная (сымитированная) реальность предполагает взаимодействие человека не с вещами, объектами, процессами, а с их образами. В эпоху постмодерна индивид погружается в виртуальную реальность симуляций и во все большей степени воспринимает мир как «спектакль» или игровую среду, сознавая ее условность, управляемость ее параметров и возможность/невозможность выхода из нее¹.

Согласно мнению Т.А. Шалюгиной, *имитация* в пространстве социокультурной реальности – это социальное явление, проявляющееся в искажении социальной определенности, в основе которого – процессы социального действия, связанные с подменой предметно-смысловой реальности путем конструирования символической социальной реальности, создания видимости, «кажмости»².

Особенностью современного российского общественного развития является наличие большого количества искусственных симулятивных образов массового сознания, возникающих в различных сферах общественного бытия и активно воздействующих на психику людей и социальные процессы. Главной их особенностью, даже опасностью, является то, что они имеют мало общего с реальной действительностью или не имеют его вовсе.

Как показывает практика, такому опасному воздействию в особенности подвержена молодежь, поскольку именно ей свойственны несформированность «ценностного поля», лабильность сознания, обусловленная социально-статусной и социально-психологической переходностью данной социальной группы, отсутствием жизненного опыта. Неустойчивость как имманентная характеристика сознания молодежи предопределяет подверженность молодежи манипулированию. Симулякры, фантомы, утопичные идеалы нестабильного общества способствуют формированию у молодого человека лож-

¹ Шалюгина Т.А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления: автореф. дис. ... д.ф.н. Ростов н/Д, 2012. - С. 4.

² Там же. С. 5.

ного сознания парадоксального типа, повышают вероятность манипулирования сознанием молодежи³.

В данной статье в фокусе интересов находятся объекты, которые можно рассматривать в трех научных плоскостях: массовое сознание и манипулирование массовым сознанием; имитации как технология манипулирования; молодежь как объект манипулирования. Все три направления, которые рассматриваются в настоящей работе, так или иначе, увязываются с деятельностью средств массовой информации, так как манипуляция массовым сознанием в большинстве случаев осуществляется посредством управления информационными потоками. А такие способы скрытого принуждения личности к определенному поведению, как «зомбирование», «манипулятивные технологии», «психологические операции», «политические кампании» (информационно-пропагандистские, рекламные и т.п.), «комплексные манипуляции», «политические игры», «лоббирование», «кризисные технологии» и т.д. используются в СМИ, вероятно, с первого дня их существования.

Обращение к имитациям в настоящее время особенно актуально, поскольку их исследование позволяет понять механизмы и степень их воздействия на социально-психологическую безопасность молодого человека и общества в целом.

Проблематика воздействия масс-медиа на массовое сознание представлена в литературе в своем общеконцептуальном виде – в качестве составной части более широкого комплекса вопросов по осмыслению специфики властеотношения в современном обществе. В рамках этого изучаются вопросы, раскрывающие своеобразие формирования современной массовой культуры, внутренние механизмы массового сознания, экономическое измерение современного социума в его взаимосвязи с политическими процессами. Рассмотрение названных выше вопросов имеет серьезную традицию в истории социальных наук. Среди авторов, разрабатывавших эту проблематику, следует выделить таких исследователей, как П. Бергер, Ж. Бодрийяр, С. Жижек, Н. Луман, Г. Маркузе, Ж.-Л. Нанси, Л.М. Тираспольский, М. Фуко и др.⁴ В их работах анализируются общие проблемы властеотношения и его частные аспекты, реализующиеся в массовом сознании.

Проблемы мифического элемента в политическом сознании представлены в работах Т.В. Евгеньевой, Н.Г. Щербининой (теория «политического хронотопа»)⁵. Основоположником данного подхода следует признать М.М. Бахтина, раскрывшего понятие «хронотоп» в качестве элемента, задающего содержание любого коммуникативного акта⁶. Миф как исторически обусловленную разновидность общественного сознания выделяют А.Н. Савельев и Е.И. Шейгал⁷.

В целом, будучи всесторонне проанализированной, проблематика массового сознания в аспекте его природы, структурной организации и общественных функций представляет собой широкое поле для дальнейшего углубленного изучения и постановки новых вопросов.

Научные изыскания и теоретические конструкции в русле «имитации как технология манипулирования» представлены широким спектром трудов. Представляется воз-

³ Сорокин О.В. Особенности политического сознания молодежи в условиях нестабильности: Материалы XIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2007» МГУ. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/17/sorokin_ov.doc.pdf (дата обращения: 16.11.2012).

⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания; Пер. с англ. Е. Руткевич. М., 1995; Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального; Пер. с фр. Н.В. Суслова. Екатеринбург, 2000; Жижек С.О насилии. М., 2010; Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории; Пер. с нем. И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. СПб., 2007; Маркузе Г. Критическая теория общества. М., 2011; Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество; Пер. с фр. Ж. Горбылевой. М., 2011; Тираспольский Л.М. Золотой век: [философские раздумья]. М., 1995; Фуко М. Интеллектуалы и власть: статьи и интервью, 1970-1984: В 3 ч.: Ч. 3; Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М., 2006.

⁵ Евгеньева Т.В. Технологии социальных манипуляций и методы противодействия им. Спецкурс по политической психологии. СПб., 2007; Щербинина Н.Г. Теории политического лидерства. М., 2004.

⁶ Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

⁷ Савельев А.Н. Политическая мифология и политическая технология // Москва. 1998. № 8; Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Монография. Москва – Волгоград, 2000.

возможным выявить основные группы подходов и концепций, в которых с различных позиций анализируется тема исследования.

Первую группу представляют подходы и концепции, в которых рассматриваются различные виды и формы проявления имитации как социального явления.

Анализируя имеющуюся литературу, приходим к выводу, что онтологическая природа имитации и механизмы ее проявления проходят стадию осмысления. Так, в политической философии, политологии и политической публицистике встречается особенно много публикаций, связанных с тематикой имитаций. Например, политический философ и публицист С.Г. Кара-Мурза связывает имитацию с угасанием рациональности и полагает, что к имитации склоняются культуры, оказавшиеся неспособными ответить на вызов времени, что служит признаком упадка⁸.

А.А. Зиновьев определяет имитацию как «сознательные действия людей по созданию объектов-имитантов... Это делается как подражание и подделка для создания видимости»⁹. Ж.Т. Тощенко рассматривает имитацию в русле проблематики «кентавризма»¹⁰.

Во вторую группу входят труды, в которых рассматриваются феномен виртуальной реальности, проявление виртуальности в обществе, теория конструирования симулятивных образов массового сознания. В работах таких исследователей, как Л.А. Микешина, М.Ю. Опенков, С.И. Орехов, А.М. Орлов, В.Н. Порус, прослеживается сущность виртуальной реальности, обладающей собственной природой, закономерностями, причинно-следственными связями, механизмами развития и воздействия на внешние для нее объекты¹¹. И.В. Голуб разрабатывает онтологические основания существования человека и его сознания в симулятивном пространстве¹².

Сущность массового сознания, а также особенности и характерные черты, присущие массовому сознанию, такие как фрагментарность, карнавализация, мифологизм, символизм, манипулируемость, и способствующие реализации симулятивных образов в обществе, изучались Ж. Бодрийяром, Э.Г. Дебором, И. Гофманом, С.Г. Кара-Мурзой, Э. Кассирером, Г. Маклюэном, У. Эко¹³.

Ж. Батай, Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, С. Жижек, П. Клоссовски обращаются к выявлению сущности симулякра как одного из симулятивных образов¹⁴.

Т.В. Елисеева выявляет сущность симулятивных образов массового сознания современного российского общества¹⁵.

Третья группа объединяет научные работы, посвященные теории и практике социальной коммуникации и манипулированию личностью, общественным сознанием при помощи социальных имитационных технологий.

Так, Г.В. Грачев и И.К. Мельник рассматривают проблему манипулирования людьми с использованием различных способов и технологий информационно-

⁸ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. (Серия: История России. Современный взгляд). М., 2000.

⁹ Зиновьев А.Л. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.

¹⁰ Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема. Опыт философского и социологического анализа: монография. М.: Новый хронограф, 2011. - С. 208.

¹¹ Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности. М., 1997; Орехов С.И. Виртуальная реальность: исследование онтологических и коммуникационных основ: Автореф. дис. ... д.ф.н. Омск, 2002; Орлов А.М. Виртуальная реальность: Пространство экранных культур как среда обитания. М., 1997; Порус В.Н. Виртуальное пространство: иллюзия свободы // Компьютерра. 2000, № 39.

¹² Голуб И.В. Сознание человека в бытии симулированного пространства: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2003.

¹³ Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1991; Ги Дебор Э. Общество спектакля. М., 2000; Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М., 2003; Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2004; Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. 1990. № 2; Маклюэн Г. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., 2003; Эко У. «Карнавализация» нравов. Как отличить серьезное от фарсового? // ИНОСМИ.RU. 2002. 4 июля.

¹⁴ Батай Ж. Внутренний опыт. СПб., 1997; Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000; Делёз Ж. Платон и симулякр // Новое литературное обозрение. 1993. № 5; Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М., 2002; Клоссовски П. О симулякре в сообщении Жоржа Батая // Комментари. 1994. № 3.

¹⁵ Елисеева Т.В. Симулятивные образы массового сознания современного российского общества: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2010.

психологического воздействия¹⁶. С.А. Шомова исследует социокультурные тенденции и механизмы политической коммуникации, процесс встраивания коммуникативного акта в политическую реальность, проблемы формирования субъектно-объектных связей в политико-коммуникативном акте¹⁷.

В научных изысканиях Ю.П. Буданцева, С.В. Коновченко, С.Г. Корконосенко, Г.В. Лазутина, В.Ф. Олешко, Е.П. Прохорова, Ю.А. Шерковина¹⁸ описывается арсенал возможностей влияния СМИ, психолингвистические особенности языка СМИ как основного средства воздействия на массовое сознание, а также проблемы информационно-психологической безопасности личности и общества, что позволяет изучить взаимодействие СМИ с различными социальными институтами, которые формируют сознание молодежи.

Особое внимание проблемам ментальной, социальной и политической идентификации молодежи в информационную эпоху, ее социализации уделяют Ю.А. Зубок, В.Т. Лисовский, В.А. Лукова, А.С. Панарин, В.Д. Попов, А.В. Шевченко, Э. Эрикссон и др. Труды этих ученых позволяют расширить представления об условиях, механизмах, референтных группах идентификации, показать роль социальных институтов¹⁹.

Проблемное поле, в рамках которого можно рассматривать феномен имитаций, приобретает достаточно обширный характер, включающий в себя, в том числе, определение содержания понятий симуляции и симулякра, виртуальности, виртуальной реальности и других терминов и понятий, близких по смыслу к понятию имитации. Понятие «имитация» и механизмы ее проявления проходят стадию осмысления в современном социологическом знании.

В научной литературе понятие имитации соотносится с такими понятиями, как «виртуальность» и «виртуальная реальность». Социальная реальность становится все более прозрачной, «обманчивой», нереальной, что подтверждается возрастанием в жизни людей роли различного рода симулякров – образов реальности, замещающих саму реальность. Виртуализация проникает во все проявления общественной жизни, информационные отношения, формирует новую форму восприятия бытия. В процессах виртуализации массовое сознание деформируется; происходит формирование идеальных образов действительности, имитирующих и замещающих саму реальность. При этом распространение симулятивных образов имеет ряд возможных последствий, среди которых следует назвать эскапизм (стремление человека уйти от действительности в вымышленный мир иллюзий), шизофренизацию (расщепление сознания субъекта, когда он срывается с симулякром, что приводит к появлению шизофренической личности, для которой свойствен эффект двойного присутствия) и консьюмеризм (идея о возможности достижения социального превосходства, счастья через потребление, зависимость от вещей, которые становятся символом причастности к некоей общественной группе)²⁰.

В качестве «генератора» симулятивной реальности и информационных потоков выступают масс-медиа, в арсенале которых имеются разнообразные манипулятивные приемы и средства воздействия на массовое сознание, особенно сознание молодежи.

Наиболее абстрактный и целостный подход к манипуляции массовым сознанием представлен в работах Г. Дебором²¹, который анализирует не отдельные манипулятивные

¹⁶ Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., 2002.

¹⁷ Шомова С.А. Политическая коммуникация: социокультурные тенденции и механизмы. М., 2004.

¹⁸ Буданцев Ю.П. Нравственные истоки журналистского творчества. М., 2001; Коновченко С.В. Власть, общество и печать в России. Ростов-на-Дону, 2003; Журналистика в мире политики. Ред. сост. С.Г. Корконосенко, СПб., 2004; Лазутина Г.В. Журналистика и качество массовых информационных потоков: этический аспект // Вестник московского университета. Сер. 10. 2004. №1; Олешко В.Ф. Журналистика как творчество. Екатеринбург, 2002; Прохоров Е.П. Исследуя журналистику. М., 2005; Шерковин Ю.А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973.

¹⁹ Цит. по: Шмигирилова Л.Н. Регулирование информационных предпочтений студенческой молодежи в медийном пространстве: дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 2008. - С. 11.

²⁰ Шалюгина Т.А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления: автореф. дис. ... д.ф.н. Ростов н/Д, 2012. - С. 16.

²¹ Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000.

приемы, а глобальную мистерию, создаваемую всеми существующими СМИ. Обозначенные «субъекты» с помощью глобальных мистификаций действительности формируют, по мнению Г. Дебора, саму информационно-оценочную среду, «виртуальную макро-реальность», которая, в свою очередь, создает требующееся для сценаристов-режиссеров общественное мнение.

«Зрительское сознание, – пишет Г. Дебор, – узник уплощенной вселенной, ограничено экраном спектакля, за который была вынесена его собственная жизнь, теперь знает только фиктивных собеседников, которые рассказывают ему исключительно о своем товаре и о политике их товара²². Он отмечает стирание границ в спектакле между «Я» и миром, посредством деформации «Я», между истинным и ложным.

Для нас позиция Г. Дебора важна, прежде всего, тем, что она «обнажает» всю грандиозную псевдо-реальность, которая создается манипуляторами, лишая человека самой возможности разобраться в сути происходящих вокруг него событий. А, учитывая то, что сознание молодежи лабильно и подвержено манипулированию, это непонимание усиливается.

Целью предпринимаемого исследования является изучение влияния имитационных управленческих практик на массовое сознание молодежи.

В ходе проведенного исследования была предпринята попытка проанализировать воздействие имитационных практик на массовое сознание молодежи по двум направлениям: 1) имитации в СМИ и их влияние на массовое молодежное сознание; 2) имитации в различных сферах общественного бытия и их воздействие на процессы, происходящие в молодежной среде.

Массовое молодежное сознание имеет тесную взаимосвязь с образами; образы, в значительной степени искажая реальность и формируя неподлинную действительность, в определенной мере дезорганизуют молодого человека и делают возможным манипулирование его массовым сознанием. Именно СМИ транслируют и внедряют образы, имитируя и подменяя реальность иллюзорным (эфемерным) миром. Как показывает проведенное в рамках проекта «Имитационные и конструктивные практики в управлении процессом модернизации российского социума» среди студентов белгородских вузов (N=100) исследование, влияние СМИ носит преобладающий характер в формировании мнений, установок и ценностей. Так, 81,50% респондентов наиболее полную информацию о внешних и внутренних событиях получают из СМИ, прежде всего, из передач центрального телевидения. Из разговоров с товарищами, близкими людьми черпают наиболее важную информацию 16,00% респондентов. 32,50% опрошенных признали, что информацию получают из Интернета. Таким образом, телевидение является центральной составляющей культурного процесса. Телевидение, являясь основным каналом трансляции массовых норм и ценностей, культивирует собственный способ подачи информации: визуальную динамику, «action», скорость смены картин и образов и т.п. Чем больше времени молодые люди смотрят телевизор, тем в большей степени их социокультурные представления находятся под влиянием содержания передач, несущих в себе, как правило, «видимость» и подобие реальности. При этом формируется искаженное восприятие, ложная интерпретация и/или оценка окружающей действительности.

Редуцируя информационный выбор до информационного предпочтения, выраженного в ходе опроса, мы можем получить эмпирический показатель, в той или иной степени характеризующий индивидуальное сознание молодежи. В свою очередь, доля индивидов, оказавших предпочтение или доверие тому или иному политическому, «киношному» или иному персонажу, может являться показателем состояния массового молодежного сознания. Трудно оспаривать тот факт, что основной поток информации молодежь получает из СМИ. Примеры для подражания молодые люди ищут среди кинозвезд (38,20%), поп-певцов (29,40%), бизнесменов (24,80%) и политиков (21,00%). С экрана исчезают люди из сферы материального и духовного производства, и если раньше на обложках популярных журналов можно было обнаружить ученых, космонавтов, спортсменов, то сегодня на страницах прессы и на телевидении прочно обосновался герой с несложным набором личностных качеств, не обремененный глубокими раздумья-

²² Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000. С. 113.

ми, легко идущий по жизни. Молодое поколение начинает искренне верить, что в жизни не труд – источник всякого богатства, а удача. В данном случае, создается сымитированная реальность, которая характеризуется:

– гламуризацией – круговращением беспредметных образов роскоши, шика, внешнего блеска, «мишуры», маскирующим подлинное, способствующим забвению реальности и ее подмене;

– игризацией – взаимопроникновением игровой деятельности и культуры, внедрением принципов игры (азарта, риска, случая, успеха) в прагматические жизненные стратегии и др.

Вопрос определения предпочтений жанровой тематики в кинорепертуаре позволил обозначить гендерную дифференциацию интересов молодежной аудитории. Она проявляется, в частности, в том, что зрители-юноши предпочитают смотреть «боевики» (48,00%) и эротические фильмы (34,00%); семейно-бытовые фильмы смотрят лишь 10,00% мужской половины респондентов, мелодрамы – 12,00%. Девушки, напротив, увлекаются такими киножанрами, как мелодрама (54,0%), а также смотрят семейно-бытовые фильмы (36,0%). «Боевики» смотрят 17,00% женской аудитории. Однако и те, и другие увлекаются историческими фильмами (юноши – 51,00%, девушки – 48,00%), комедиями (юноши – 68,00%, девушки – 72,00%), приключенческими фильмами (юноши – 56,00%, девушки – 53,00%). На первый взгляд, анализируемая ситуация не вызывает какой-либо критической оценки. На вопрос «Оказывают ли влияние на Ваши жизненные принципы фильмы, которые Вы смотрите», большая часть опрошенных утверждает отрицательно (57,00%). Но как показывает практика и собственные наблюдения, молодежь в большинстве своем копирует манеру поведения запомнившихся актеров, кинозвезд. Фильмы формируют модели поведения в будущем. Это искаженный эффект массовой культуры: косвенное воздействие путем навязывания стереотипов мышления и поведения.

39,50% респондентов определили СМИ как инструмент управления сознанием; 29,70% – как «четвертую власть», 25,80% – как подручных власти. Во всех трех вариантах ответов имеет место понимание молодежью того, что СМИ «тесно срастается» с такими понятиями, как власть, управление, манипулирование. Противоречивость такого понимания, на наш взгляд, заключается в том, что попытки управлять как отдельным человеком, так и группой людей, как правило, встречают сопротивление. Что, кстати, нельзя сказать, в большинстве случаев, о современной молодежи. У инициатора управляющего воздействия (СМИ или люди, наделенные властью) есть два пути: а) попытаться заставить выполнить навязываемое действие, то есть сломить сопротивление – это действие можно охарактеризовать как открытое управление; б) замаскировать управляющее воздействие так, чтобы оно не вызывало возражений адресата, что может быть названо скрытым управлением. Именно скрытое властное управление адресатом против его воли, дающее инициатору односторонние преимущества, может быть охарактеризовано в качестве манипуляции. Мишенями манипулятивного воздействия становятся особенности личности адресата, его потребности, имеющиеся слабости, желания, сознание, воздействуя на которые инициатор стимулирует объект к принятию нужного решения. Такое скрытое воздействие не может отразиться молодежная аудитория в силу недостаточного опыта работы с информацией. Критическая способность молодого человека (т.е. ориентация на самостоятельный анализ и фильтрацию приобретаемого знания) по отношению к масс-медийной информации гораздо менее развита и эффективна. Именно в этом аспекте духовной жизни общества открываются наиболее широкие возможности для управления ею.

Конструирование имитаций, искусственных симулятивных образов в массовом сознании широко представлено в различных социальных сферах. Так, в экономической сфере имитации являются продуктом виртуальной экономики, субстанцией, не имеющей вещественного воплощения, и, как показывает мировой опыт последних лет, активно способствующей нынешнему мировому финансово-экономическому кризису. В социальной сфере, где они имеют форму национализма и мультикультурализма в национальных отношениях, обязанных своим возникновением не осознанию подлинно существующей между людьми общности, а воображаемым конструкциям, способствующим национальной сегрегации. В политической сфере имитации выступают политическими псевдообра-

зованиями: лимитрофами (не состоявшимися в полной мере суверенными государствами) и fake-структурами, имитирующими гражданское общество. В идеологической подсистеме духовной сферы они проявляются в симулякре богатства (внеморального экономического успеха). В искусстве симулякры могут быть представлены грубо-материалистическим романтизмом «искусственного рая» бульварной литературы и садомазохистскими интенциями в современном кинематографе и фотографии. В науке большое распространение получили исторические симулякры, искажающие и подменяющие истинные исторические факты.

Одним из важнейших процессов, протекающих в молодежной среде, является самоорганизация. В широком значении самоорганизация молодежи представляет собой процесс упорядочивания внутренних и внешних связей молодежи, как особой социально-демографической группы, ее отдельных подструктур и личностей под влиянием изменений молодежной среды и социального окружения. Доминирование патерналистско-иррационального сознания и поведения молодых людей ведет к распространению превращенных форм самоорганизации, к их имитации, то есть к декорации и демонстрации объединения на якобы мировоззренческой, а в действительности – формально символической основе. В этой связи процесс самоорганизации все более детерминируется симулякрами и все более имитируется²³. Симулякры патриархально-коллективистской модели самоорганизации наиболее ярко проявляют себя в националистических (псевдонационалистических), конфессионально ориентированных, политических молодежных объединениях, выражаясь, прежде всего, в конструировании их внешней (поверхностной) стороны: знаков, организационных структур и коммуникационных кодов.

Нельзя отрицать, что в последние десять лет государство заметно модифицировало молодежную политику и начало активно вмешиваться в самоорганизационные процессы. Однако переоценка ценностей в данной связи не означала, что государственная молодежная политика приобрела системный характер. Доминирующим стал так называемый «акционистский» подход. В контексте его для определения предпринимаемых действий в отношении молодежи в последнее время широко используется понятие «акция». Под акцией обычно понимают заранее спланированное, локализованное по месту и времени мероприятие, контролируемое его организаторами и предусматривающее реальное, но нередко и демонстративное участие специально отобранной группы молодежи. Проявляется довольно опасная тенденция рассматривать молодежную политику как последовательность формально разноплановых акций, объединенных общей задачей. Это является основанием для разработки так называемых целевых программ, наличие которых все чаще становится формальным показателем внимания к молодежным проблемам и показателем активности в их решении.

В сложившейся ситуации сложно рассчитывать на доверительные отношения молодых российских граждан к государству и государственной власти. Обратимся к исследованиям 2008 и 2012 гг., проведенных кафедрой социальных технологий НИУ «БелГУ». По их данным, в молодежной среде преобладает убеждение, что государство вспоминает о молодежи время от времени (так заявили 36,19% респондентов в 2008 году и 37,97% в 2012 году). Очевидно, речь в данном случае идет об организации упомянутых выше акций, которые в последнее время все чаще ориентируются на избирательные кампании. Отметим, что доля молодых людей, уверенных, что государство не уделяет им внимания, за четыре года выросла более чем на 7,00% и составила 19,18%. Правда, при этом возросла доля тех, кто убежден в том, что государство постоянно поддерживает молодежь и помогает ей (с 7,33% до 11,16%).

Преимущественно негативное восприятие государства проявляется и в низком уровне доверия к основным государственным и муниципальным структурам. Так, исследование 2012 года показало: Президенту РФ доверяют 21,93% молодых людей; Государственной Думе РФ – 8,16%; главам исполнительной власти регионов (губернаторам) – 8,16%; представительным органам власти субъектов РФ – 4,61%; главам администраций муниципальных образований – 4,48%. Крайне низким уровнем доверия молодежи пользуются полиция (0,33%) и органы безопасности (0,53%).

²³ Морозова Т.И. Регулирование процессов саморегуляции молодежи в социокультурном пространстве региона: монография. Белгород, 2012. - С. 65.

Имитационные и конструктивные практики довольно часто встречаются в политической сфере в форме игровых технологий или политических игр.

Политические «игры» представляют собой сложный синтез подлинно игровых и псевдоигровых элементов, организуя пространство политического взаимодействия и выполняя не только коммуникативно-управленческие, но и гедонистические функции, способствуя, с одной стороны, развитию деятельностных возможностей политики и политиков, а с другой, – вовлечению молодого человека в избирательный процесс, повышению его интереса к политическим проблемам. Политические «игры» в то же время отличаются специфическими характеристиками по сравнению с классической «игрой». Такая «игра» носит, скорее, технологический характер, когда не всегда соблюдаются параметры добровольности, свободы, искренности и партнёрства, весьма часто подчиняясь манипулятивным целям. Игровая имитация выдается за подлинность.

Партнёрство (в данном случае как регламентированная ненарушаемыми правилами политическая деятельность) заменяется манипуляцией, а одна из сторон (как правило, молодежь) превращается из субъекта в пассивный, ведомый чужими правилами объект. Игровое начало в политическом процессе обнаруживает функцию формирования воображаемого мира и придания ему черт правдоподобия. Тем самым в рамках заданного пространства соблюдается одно из важнейших условий игры: имитации в ней «другой», вымышленной реальности.

Результаты проведенного исследования ориентируют нас на следующие выводы. Во-первых, резкое изменение системы ценностей и символов веры ознаменовали серьезную перестройку в ценностно-смысловой структуре массового сознания и вызвали нарушение традиционных способов поддержания идентичности, своего рода кризис самоидентификации. Следствием этого явилась повышенная амбивалентность сознания, совмещающего в себе крайний скепсис и легковерие, негативизм и чрезмерную внушаемость. Вполне правомерно возникает вопрос о степени изменения объективной реальности в индивидуальном и массовом молодежном сознании; вопрос санкционирования поступающей информации как истинной или ложной, разграничения реального и нереального.

Во-вторых, информационное общество создает виртуальные миры, стирает различия между ними и подлинной реальностью, резко расширяет сферу неопределенности, в которой постоянно пребывает молодежь, не имея возможности решить, что же истинно и что ложно. В этих условиях «шоумен» в киноиндустрии, политике и иных сферах играет роль «учителя жизни».

В силу указанных обстоятельств возрастает необходимость формирования благоприятных условий для развития у молодежи позитивно ориентированной социокультурной рефлексии. Поскольку одним из препятствий формирования и развития социокультурной рефлексии является высокий уровень мифологизации молодежного сознания, необходим комплекс мер, направленных на его демифологизацию. При этом под демифологизацией мы понимаем постепенное и последовательное преодоление стихийно сложившихся и целенаправленно сформированных мифов, стереотипов и иллюзий, дающих неадекватную интерпретацию различных аспектов бытия общества. Демифологизация молодежного сознания не может основываться на частных решениях, но должна строиться на базе долгосрочной стратегии. Ее успех зависит не только от способностей субъектов управления решить подобную задачу, но и от общего состояния массового сознания в стране, да и в мире в целом.

Список литературы

1. Шалюгина, Т.А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления [Текст]: автореф. дис. ... д.ф.н.: 09.00.11 / Т.А. Шалюгина; [Место защиты: ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»]. – Ростов-на-Дону, 2012. – 51 с.
2. Сорокин, О.В. Особенности политического сознания молодежи в условиях нестабильности [Электронный ресурс]: Материалы XIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2007» МГУ / О.В. Сорокин // Режим доступа к изд.: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/17/sorokin_ov.doc.pdf – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

3. Боров, В.Ю. Культура и массовая коммуникация [Текст] / В.Ю. Боров, А.В. Коваленко; Отв. ред. А. И. Арнольдов; АН СССР, Ин-т философии. – М.: Наука 1986. – 301 с.
4. Боров, В.Ю. Взаимодействие культуры и научно технического прогресса [Текст] / В.Ю. Боров, Г.Н. Веневитинов. – М.: Б.и., 2005 – 220 с.
5. Гуревич, П.С. Философия культуры [Текст] / П.С. Гуревич. – М.: Наука, 2009. – 349 с.
6. Флиер, А.Я. Культурология для культурологов [Текст] / А.Я. Флиер. – М.: Наука, 2000. – 310 с.
7. Арлычев, А.Н. Сознание: информационно-деятельностный подход [Текст] / А.Н. Арлычев. – М.: КомКнига, 2005. – 68 с.
8. Ахиезер, А.С. Как мыслить в усложняющемся и опасном мире? [Текст] / А.С. Ахиезер // Отечественные записки. – 2003. - № 3. – С. 461-466.
9. Голенков, С.И. Культура, смысл, сознание (Сознание в предмете философии культуры) [Текст] / С.И. Голенков. – Самара: Самар. ун-т, 1996. – 119 с.
10. Жуков, Н.И. Проблема сознания: Философские и специально-научные аспекты [Текст] / Н.И. Жуков. – Минск: Издательство «Университетское», 1987. – 207 с.
11. Мамардашвили, М.К. Сознание – это парадоксальность, к которой невозможно при-выкнуть [Текст] / М.К. Мамардашвили // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. Сост. и общ. ред. Ю.П. Сенокосов. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1992. – С. 72-85.
12. Вирилио, П. Информационная бомба. Стратегия обмана: пер. с фр. [Текст] / П. Вилирио. – М.: Б.и., 2002. – 192 с.
13. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием. (Серия: История России. Современный взгляд) [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2000. – 735 с.
14. Лиотар, Ж.Ф. Состояние постмодерна [Текст] / Ж.Ф. Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шматко «Институт экспериментальной социологии». – М.: АЛЕТЕЙЯ; СПб., 1998. – 60 с.
15. Моль, А. Социодинамика культуры [Текст] / А. Моль; пер. с фр.; предисл. Б.В. Бирюкова. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с.
16. Почепцов, Г.Г. Информационные войны и будущее [Текст] / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефлбук; К.: Ваклер, 2000. – 576 с.
17. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием [Текст] / Г. Шиллер; пер. с англ.; науч. ред. Я.Н. Засурский. – М.: Мысль, 1980. – 326 с.
18. Фромм, Э.З. Человек для самого себя. Исследование психологических проблем этики [Текст] / Э.З. Фромм; пер. Э.М. Спириной. – М.: АСТ, 2010. – 352 с.
19. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ [Текст] / К. Хорни; пер. с англ. В.В. Старовойтова; общ. ред. [и послесл.] Г.В. Бурменской. – М.: Прогресс: Универс, 1993. – 478 с.
20. Юнг, К.А. Избранное [Текст] / К.А. Юнг. – М.: ООО «Попурри», 1998. – 235 с.
21. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман / Пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. – М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. – 323 с.
22. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального [Текст] / Ж. Бодрийяр; Пер. с фр. Н.В. Сулова. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. – 32 с.
23. Жижек, С. О насилии [Текст] / С. Жижек. – М.: Издательство «Европа», 2010. – 184 с.
24. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории [Текст] / Н. Луман; Пер. с нем. И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. – СПб.: Наука, 2007. – 648 с.
25. Маркузе, Г. Критическая теория общества [Текст] / Г. Маркузе. – М.: Изд-ва «АСТ», «Астрель», 2011. – 384 с.
26. Нанси, Ж.-Л. Непроизводимое сообщество [Текст] / Ж.-Л. Нанси; Пер. с фр. Ж. Горбылевой. – М.: Водолей, 2011. – 208 с.
27. Тираспольский, Л.М. Золотой век [Текст]: [философские раздумья] / Л.М. Тираспольский; Вступ. ст. Г. Померанца. – Москва: Прогресс, 1995. – 246 с.
28. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: статьи и интервью, 1970-1984 [Текст]: В 3 ч.: Ч. 3; Пер. с фр. Б.М. Скуратова под общ. ред. В.П. Большакова / М. Фуко. – М.: Праксис, 2006. – 311 с.
29. Евгеньева, Т.В. Технологии социальных манипуляций и методы противодействия им. Спецкурс по политической психологии [Текст] / Т.В. Евгеньева. – СПб.: Питер, 2007. – 112 с.
30. Щербинина, Н.Г. Теории политического лидерства. Учебное пособие [Текст] / Н.Г. Щербинина. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 184 с.
31. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Текст] / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234-407.
32. Савельев, А. Политическая мифология и политическая технология [Текст]: публицистика / А. Савельев // Москва. – 1998. - № 5. – С. 160-170.

33. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса [Текст]: Монография / Е.И. Шейгал. – М.–Волгоград: Перемена, 2000. – 367 с.
34. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием. (Серия: История России. Современный взгляд) [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2000. – 735 с.
35. Зиновьев, А.Л. Фактор понимания [Текст] / А.Л. Зиновьев. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 528 с.
36. Тощенко, Ж.Т. Кентавр-проблема. Опыт философского и социологического анализа [Текст]: монография / Ж.Т. Тощенко. – М.: Новый хронограф, 2011. – 526 с.
37. Микешина, Л.А. Новые образы познания и реальности [Текст] / Л.А. Микешина, М.Ю. Опенков. – М.: РОССПЭН, 1997. – 240 с.
38. Орехов, С.И. Виртуальная реальность: исследование онтологических и коммуникационных основ [Текст]: Автореф. дис. ...д. ф. н. / С.И. Орехов. – Омск, 2002. – 32 с.
39. Орлов, А.М. Виртуальная реальность: Пространство экранных культур как среда обитания [Текст] / А.М. Орлов. – М.: ГЕО, 1997. – 336 с.
40. Порус, В.Н. Виртуальное пространство: иллюзия свободы [Текст] / В.Н. Порус // Компьютера. – 2000. - № 39. – С. 20-22.
41. Голуб, И.В. Сознание человека в бытии симулированного пространства [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филос. Наук / И.В. Голуб. – М., 2003. – 32 с.
42. Бодрийяр, Ж. Система вещей [Текст] / Ж. Бодрийяр; Пер. с фр. С. Зенкина. – М.: Домино, 1995. – 172 с.
43. Дебор, Г. Общество спектакля [Текст] / Г. Дебор / Пер. с фр. С. Офертис и М. Якубович; ред. Б. Скуратов; послесловие А. Кефал. – М.: Изд-во «Логос», 2000. – 184 с.
44. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта [Текст] / И. Гофман. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.
45. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием. (Серия: История России. Современный взгляд) [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2000. – 735 с.
46. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов [Текст] / Э. Кассирер // Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. – 1990. - № 2. – С. 58-65.
47. Маклюэн, Г. Понимание Медиа: Внешние расширения человека [Текст] / Г. Маклюэн. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
48. Эко, У. «Карнавализация» нравов. Как отличить серьезное от фарсового? [Текст] / У. Эко // INOSMI.RU. – 2002. – 4 июля.
49. Батай, Ж. Внутренний опыт [Текст] / Ж. Батай. – СПб.: Аксиома, 1997. – 336 с.
50. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М.: «Добро-свет», 2000. – 387 с.
51. Делез, Ж. Платон и симулякр [Текст] / Ж. Делез // Новое литературное обозрение. – 1993. - № 5. – С. 47-59.
52. Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню Реального [Текст] / С. Жижек / Пер. с англ. А. Смирного. – М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 160 с.
53. Клоссовски, П. О симулякре в сообщении Жоржа Батая [Текст] / П. Клоссовски // Комментарий. – 1994. - № 3. – С. 78-87.
54. Елисеева, Т.В. Симулятивные образы массового сознания современного российского общества [Текст]: Автореф. дис. ...канд. филос. наук / Т.В. Елисеева. – М., 2010. – 34 с.
55. Грачев, Г.В. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия [Текст] / Г.В. Грачев, И.К. Мельник. – М.: Алгоритм, 2002. – 288 с.
56. Шомова, С.А. Политическая коммуникация: социокультурные тенденции и механизмы [Текст] / С.А. Шомова. – М.: Издательство ИНИОН, 2004. – 246 с.
57. Шмигирилова, Л.Н. Регулирование информационных предпочтений студенческой молодежи в медийном пространстве [Текст]: дисс. ... канд. социол. наук / Л.Н. Шмигирилова. – Белгород, 2008. – 239 с.
58. Буданцев, Ю.П. Нравственные истоки журналистского творчества [Текст] / Ю.П. Буданцев. – М.: ИПК работников радио и телевидения, 2001. – 56 с.
59. Коновченко, С.В. Власть, общество и печать в России [Текст]: монография / С.В. Коновченко. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2003. – 400 с.
60. Журналистика в мире политики [Текст]. Ред. сост. С.Г. Корконосенко. – СПб.: Гардарики, 2004. – 448 с.
61. Лазутина, Г.В. Журналистика и качество массовых информационных потоков: этический аспект [Текст] / Г.В. Лазунова // Вестник московского университета. Сер. 10. – 2004. - № 1. – С. 33-45.
62. Олешко, В.Ф. Журналистика как творчество [Текст] / В.Ф. Олешко. – Екатеринбург: Б.и., 2002. – 135 с.

63. Прохоров, Е.П. Исследуя журналистику [Текст] / Е.П. Прохоров. – М.: РИП-Холдинг, 2005. – 176 с.
64. Шерковин, Ю.А. Психологические проблемы массовых информационных процессов [Текст] / Ю.А. Шерковин. – М.: Мысль, 1973. – 215 с.
65. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием. (Серия: История России. Современный взгляд) [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2000. – 735 с.
66. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием [Текст] / Г. Шиллер / Пер. с англ.; науч. ред. Я.Н. Засурский. – М.: Мысль, 1980. – 326 с.
67. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман / Пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. – М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. – 323 с.
68. Иванов, Д.В. Виртуализация общества [Текст] / Д.В. Иванов. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000. – 96 с.
69. Дебор, Г. Общество спектакля [Текст] / Г. Дебор / Пер. с фр. С. Офертис и М. Якубович; ред. Б. Скуратов; послесловие А. Кефал. – М.: Изд-во «Логос», 2000. – 184 с.
70. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального [Текст] / Ж. Бодрийяр; Пер. с фр. Н.В. Сулова. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. – 32 с.
71. Шалюгина, Т.А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления [Текст]: автореф. дисс. ... д.ф.н. / Т.А. Шалюгина. – Ростов н/Д, 2012. – 37 с.
72. Дебор, Г. Общество спектакля [Текст] / Г. Дебор / Пер. с фр. С. Офертис и М. Якубович; ред. Б. Скуратов; послесловие А. Кефал. – М.: Изд-во «Логос», 2000. – 184 с.
73. Там же. С. 113.
74. Там же. С. 129.
75. Морозова Т.И. Регулирование процессов саморегуляции молодежи в социокультурном пространстве региона: монография. – Белгород: ИД «Белгород», 2012. – 383 с.

IMITATION AS THE TECHNOLOGY OF MANIPULATION OF MASS YOUTH CONSCIOUSNESS

E.V. PANKRATOVA¹⁾
L.N. SHMIGIRILOVA²⁾

¹⁾ Ivanovo state University

e-mail:
e_pankratova@land.ru

²⁾ Belgorod State National Research University

e-mail:
shmigirilova@bsu.edu.ru

The article considers the problems of imitation in the modern Russian society. It discusses the simulation and design practices as the technology of manipulation of mass youth consciousness. The impact of the simulation practices in the mass consciousness of youth is revealed and analyzed in two directions. The first is presented by simulation in the mass media and its influence on the mass youth consciousness. The second is simulation in different spheres of social existence and their impact on the processes occurring in the youth environment.

Key words: imitation, youth, mass youth consciousness, manipulation of mass media.

УДК 159.923.3.3.08:316

СТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО СЛУЖАЩЕГО

Ю.А. ТУРЧАНИНА*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: yulchas@mail.ru*

В статье рассматривается структурная модель управленческой компетентности государственного гражданского служащего, основными элементами которой являются управленческие компетенции, управленческая компетентность, управленческие действия, внешняя среда. Предложена авторская типология управленческой компетентности государственных гражданских служащих, обоснованы три уровня ее развития.

Ключевые слова: управленческая компетентность, компетенция, способность, готовность, управленческий цикл, государственный гражданский служащий.

Реформирование российской государственности потребовало переосмысления места и роли государственной службы в обществе. Очевидно, что она должна функционировать в интересах граждан России: быть эффективной, открытой системой, подконтрольной государству и населению страны. А это обуславливает необходимость качественно новых механизмов, моделей и структур кадрового обеспечения, создания четкой организационной системы управления персоналом государственного аппарата. Как подчеркивает А.И. Турчинов, в настоящее время «существенным образом возрастает роль кадровых служб в государственных органах»¹.

В связи с этим службы кадров органов государственной власти, занимающиеся в основном кадровым делопроизводством, должны преобразовываться в управления по работе с человеческими ресурсами, включающие в себя такие направления деятельности, как привлечение и отбор персонала, адаптация, обучение и развитие, мотивация, оценка и т.д. Вместе с тем новые задачи и приоритеты кадрового менеджмента на государственной службе предполагают использование единого теоретико-методологического подхода, позволяющего учитывать всю совокупность критериев, факторов и возможных последствий.

В свете интеграции российского образования в мировое образовательное пространство компетентностный подход является наиболее перспективным и продуктивным для практики управления кадровыми ресурсами государственных органов. Компетентность как общее понятие широко используется в современной теории и практике менеджмента, а в области управления человеческими ресурсами занимает центральное место. Применительно к системе управления персоналом государственной службы мы будем использовать понятие управленческой компетентности, поскольку профессиональная деятельность государственного гражданского служащего реализуется исключительно в сфере государственного управления.

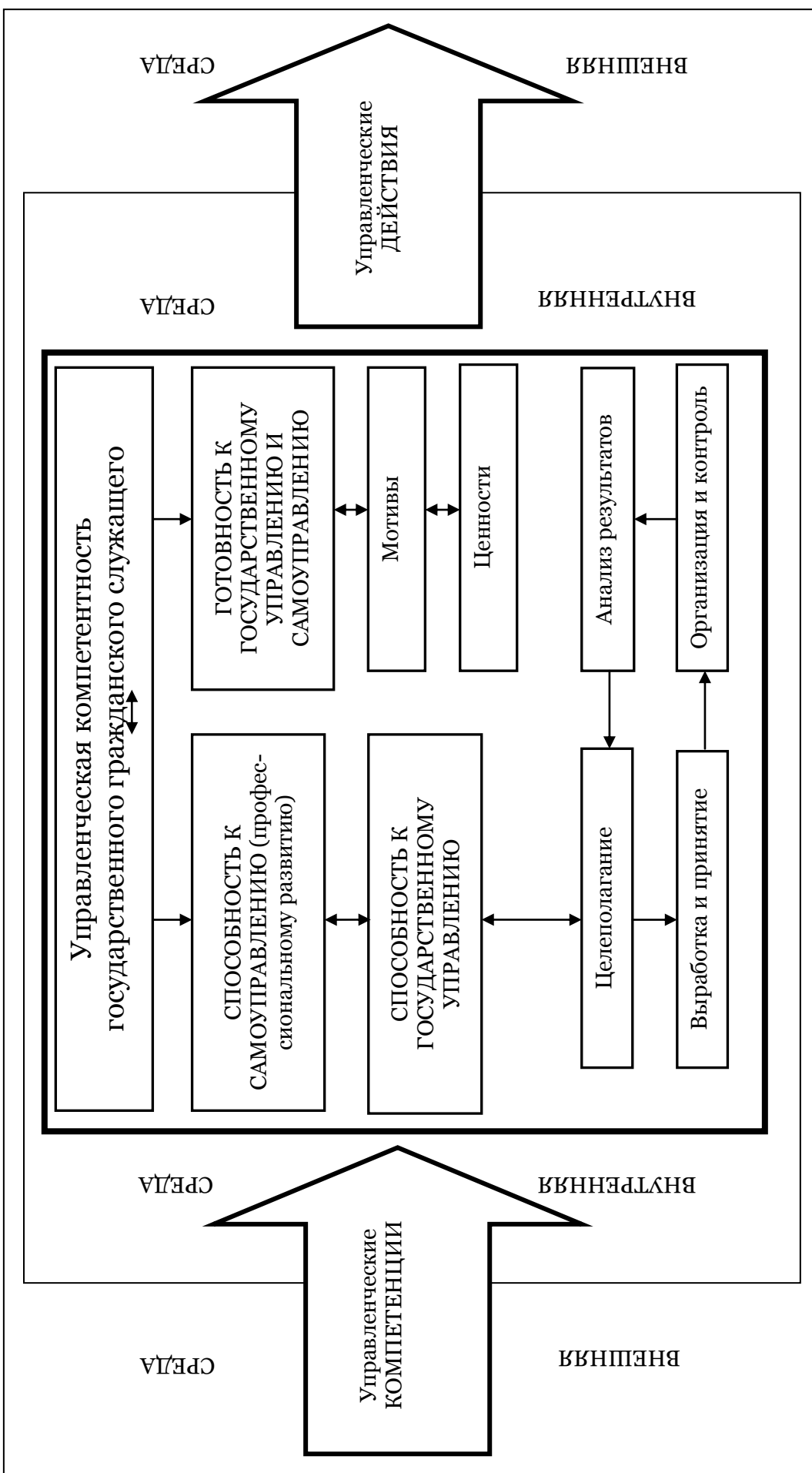
Проявления компетентности в различных сторонах жизни человека и общества отличаются многообразием видов и форм, и присутствуют на разных уровнях социальной иерархии: на уровне личности, отдельных социальных институтов, организаций и групп, общества в целом. Управленческая компетентность выражается в способностях эффективно действовать в процессе: 1) управления в профессиональной сфере; 2) управления во внешней среде; 3) самоуправления.

Под *управленческой компетентностью государственного гражданского служащего* мы понимаем его способность и готовность действовать в соответствии со стандартами, принятыми в организациях государственного управления, с целью решения управленческих задач и профессионально-личностного развития.

Исходя из предложенного толкования управленческой компетентности государственного гражданского служащего, ее структурную модель мы представили на рис.

¹ Турчинов А.И. Управление государственной службой как фактор повышения эффективности и профессионализма государственного управления // Образование и общество. 2006. № 3. // URL: http://www.education.rekom.ru/3_2006/4.html

При построении модели управленческой компетентности государственного гражданского служащего использован метод «белого, или прозрачного, ящика» (понятие введено в научный оборот Н. Винером¹). В противоположность «черному ящику», который не дает информации о содержании системы и ее внутренних связях, рассматриваемая модель учитывает структуру описываемого феномена. Согласно данному подходу, *основными элементами* модели являются:

- управленческие компетенции – «вход»;
- управленческая компетентность – «ящик» – система;
- управленческие действия – «выход»;
- внешняя среда.

Управленческие компетенции представляют собой специфические требования внешней и внутренней среды организации к процессу и результату управленческой деятельности, отражающие стандарты поведения и (или) образцы деятельности. Главным содержанием компетенций остается образовательный компонент, а именно требования общества или работодателя к профессиональной подготовке и уровню квалификации специалиста. Управленческие компетенции, с одной стороны, способствуют овладению наилучшими способами осуществления профессиональной деятельности и формированию правильного представления об ее построении, с другой, требуют от работника непрерывного профессионального развития и саморефлексии.

При выделении управленческих компетенций государственного служащего мы основываемся на максимальном сближении понятий «компетенция» и «способность», понимая последнюю как умение выполнять профессиональную работу в соответствие с предписанным стандартом. Иначе говоря, компетенции рассматриваются нами как некоторые потенциальные способности, необходимые для эффективного выполнения работы. Управленческая компетентность представляется совокупностью сформированных компетенций, проявляющихся в способности специалиста решать задачи и готовности к своей роли в определенной сфере деятельности.

В результате в структуре управленческой компетентности государственного гражданского служащего мы выделяем два основных элемента: 1) способность и 2) готовность к государственному управлению и самоуправлению.

В ходе анализа первого элемента – *способности к управлению и самоуправлению* – мы исходим из понимания, что государственное управление складывается, прежде всего, из совокупности взаимосвязанных типичных действий, образующих структуру управленческого процесса. И эффективность управленческой деятельности государственного гражданского служащего в значительной мере определяется способностями действовать согласно алгоритму или на основе общей технологии управления. Тем более что технологизация управления – это наиболее перспективный способ добиться рационализации и оптимизации управленческой деятельности².

Следовательно, профессиональное поведение государственного служащего во многом детерминировано основными этапами управленческого цикла. Согласно концепции М. Маркова, управленческая деятельность может быть разбита на четыре процедуры, включающие несколько операций.

Первая процедура: формулировка цели. Связанные с нею операции – диагноз, прогноз, формулирование конечной цели, стратегия действия, конкретные задачи. Вторая: принятие решения, раскрывающаяся в виде следующих операций: выявление проблемной ситуации; обоснование вариантов действия; выбор оптимального варианта, утверждение решения. Третья: организация социального действия, включающая в себя распределение задач между исполнителями, координацию и регулирование процесса исполнения, контроль. Четвертая: анализ результатов. Она предполагает следующие операции: сопоставление запланированных и достигнутых результатов, открытие новых проблемных ситуаций, первоначальное формулирование новой цели³.

¹ Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.

² Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. Белгород, Центр социальных технологий, 1993. - С. 196-214.

³ Марков М. Технология и эффективность социального управления. М.: Прогресс, 1972. - С. 76-77.

Предложенный болгарским ученым алгоритм управления может рассматриваться как основа для выделения системы управленческих компетенций государственного гражданского служащего. При этом целесообразно внести некоторые дополнения, относящиеся к профессиональному развитию чиновников. Эта сфера деятельности государственного служащего связана с процессами самосовершенствования человека в конкретной профессиональной среде, что является, по сути, управлением (самоуправлением) собственным поведением. Поэтому в число управленческих компетенций персонала государственной службы следует включить способности по планированию и реализации профессионального развития. Тем более что они являются определяющими по отношению к другим управленческим способностям.

Отсюда следует, что первый компонент управленческой компетентности в системе государственного управления складывается из перечисленных ниже управленческих способностей, разделенных на пять основных блоков.

Блок профессионального развития (или способность к самоуправлению), к которому относятся способности:

- планировать и организовывать свою работу;
- анализировать и оценивать свой прошлый профессиональный опыт;
- накапливать и анализировать новую информацию;
- строить и реализовывать планы профессионального роста.

Блок целеполагания. Он включает в себя способности:

- организовывать социальную диагностику с применением ее различных моделей;
- прогнозировать общественные, в том числе и управленческие процессы;
- формулировать цели управления и осуществлять их декомпозицию;
- определять стратегию действий;
- оформлять стратегию в виде проектов, программ и планов как текстовых документов;
- организовывать работу над программными документами;
- анализировать социально-экономические тенденции на основе базисных матриц и систем.

Блок выработки и принятия решений, к которому относятся способности:

- анализировать проблемную ситуацию, подлежащую решению на проектной основе;
- обосновывать варианты действий;
- выбирать оптимальный вариант действий;
- утверждать решения самостоятельно или в процессе обращения к высшим должностным лицам (инстанциям).

Организационный блок, включающий в себя способности:

- распределять задачи между исполнителями;
- координировать и регулировать процесс исполнения;
- осуществлять контроль за процессом исполнения решений;
- налаживать и поддерживать конструктивные отношения с гражданами и организациями как потребителями государственных услуг (клиентами), а также с коллегами.

Аналитический блок включает способности:

- сопоставлять запланированные и достигнутые результаты;
- открывать новые проблемные ситуации;
- оценивать результативность и эффективность собственной деятельности и деятельности подчиненных;
- первоначально формулировать новые цели⁴.

Таким образом, приведенный перечень компетенций, практическая реализация которых составляет инструментальную часть управленческой компетентности государственного гражданского служащего, являет собой комплекс требований к управленческой стороне профессиональной деятельности чиновника на различных иерархических уровнях управления и отражает набор необходимых способностей, позволяющих эффективно действовать в типовых управленческих ситуациях.

Вторым структурным элементом управленческой компетентности государственного гражданского служащего является *готовность к управлению и самоуправлению*,

---

⁴ Бабинцев В.П., Захаров В.М. Социально-технологическая компетентность государственного гражданского служащего // Государственная служба. 2010. № 3. - С. 90-93.

которая отражает согласие, желание сделать что-либо. Феномен готовности человека к деятельности включает мотивы (стремления) к ее реализации и ценности профессионального поведения.

Особую роль данного элемента в реализации компетентного поведения специалиста отмечают многие отечественные и зарубежные исследователи. Действительно, реальное воплощение компетенций в действия осуществляется при условии их личностного принятия и осознании большого общественного значения соответствующих целей. В подтверждение мысли об определяющей мотивационной роли в развитии компетентности Дж. Равен пишет, что «поведение определяется мотивацией гораздо больше, чем способностями»⁵. Поэтому знания, умения и навыки, составляющие рутинную, исполнительскую сторону профессиональной деятельности чиновника, успешно формируются и актуализируются только при условии соответствия их системе внутренних мотивов и ценностей.

Личностные и профессиональные ценности регулируют поведение государственного гражданского служащего, заставляя соотносить свои действия с ориентирами, идеалами, «моделями должного» (по Д.А. Леонтьеву⁶). Общие ценности того или иного общества конкретизируются на уровне любого социального института в профессиональные ценности, которые отражают смыслы профессии и средства реализации рабочих целей. Так, государственная служба как социальный институт создает собственные ориентиры, на основе которых человек выбирает, осваивает и осуществляет профессиональную деятельность.

Согласно общим принципам служебного поведения государственных служащих, основной смысл и содержание деятельности персонала органов государственной власти является «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина»⁷. Этот принцип конкретизируется в отдельных положениях, которые отражают современные нормативные ценности профессиональной среды чиновников (терпимость и уважение к обычаям и традициям народов России: законность; открытость государственной службы и ее доступность общественному контролю⁸ и т.д.). Ориентация госслужащих на указанные ценности укрепляет демократические основы государственного устройства российского общества и обеспечивает их заинтересованность в освоении новых видов деятельности.

Применительно к сфере государственного управления мотивы определяют выбор государственного гражданского служащего в пользу того или иного вида деятельности. Они выстраиваются в сознании чиновника во внутреннюю иерархию по степени значимости и характеризуются динамичностью по отношению к профессиональной среде. При этом мотивы любой деятельности государственного служащего определяются тремя основными установками:

- государственная целесообразность (и/или общественная значимость);
- личная заинтересованность;
- корпоративная солидарность.

В идеале государственная целесообразность должна стать личной заинтересованностью каждого государственного служащего, а применение управленческих компетенций – основным фактором достижения наилучшего результата работы. В противном случае доминирование эгоистических мотивов у госслужащих даже при наличии высоких показателей административной работы сигнализирует о неготовности персонала к государственному управлению и непонимании чиновниками своей роли в обществе.

⁵ Равен Д. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. М.: Когито-Центр, 2002. - С. 12.

⁶ Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // URL: <http://mary1982.narod.ru/leontiev.html>

⁷ Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих: Указ Президента РФ от 12 августа 2002 № 885 // Консультант Плюс Интернет // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 4.12 2012).

⁸ О системе государственной службы Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ // Консультант Плюс Интернет // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 4.12 2012).

Мотивы корпоративной солидарности предполагают осуществление профессиональной деятельности в интересах определенной социальной группы, а именно в интересах государственных служащих страны, региона или отдельной организации, и формируют отношение к управленческим компетенциям «как условию идентификацию со статусной группой»⁹. С одной стороны, они способствуют эффективному овладению управленческими компетенциями, но, с другой, как правило, ведет к злоупотреблениям, что противоречит основному смыслу и содержанию деятельности персонала на госслужбе.

Таким образом, структурный анализ управленческой компетентности государственного гражданского служащего позволяет утверждать, что уровень развития управленческой компетентности на госслужбе зависит от состояния двух ее основных компонентов – способности и готовности к государственному управлению и самоуправлению. Комбинации качественных и количественных характеристик данных компонентов создают специфические типы и уровни развития управленческой компетентности.

Исходя из этих рассуждений, считаем необходимым выделить возможные типы управленческой компетентности государственных гражданских служащих. В качестве оснований для *типологии* предложены уровень владения управленческими способностями и направленность мотивации профессиональной деятельности. В результате мы получаем девять типов управленческой компетентности государственных служащих, которые соответствуют трем уровням развития управленческой компетентности (см. табл.).

Таблица

Типы и уровни развития управленческой компетентности государственных гражданских служащих

ГОТОВНОСТЬ К ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНИЮ	Направленность мотивации профессиональной деятельности	СПОСОБНОСТЬ К ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНИЮ И САМОУПРАВЛЕНИЮ		
		Степень сформированности способности к управлению и профессиональному развитию		
		Низкая	Средняя	Высокая
	Государственная целесообразность/ общественная значимость	Инертно-альтруистический (1)	Умеренно – альтруистический (2)	Активно – альтруистический (3)
	Корпоративная солидарность	Инертно-корпоративный (4)	Умеренно-корпоративный (5)	Активно-корпоративный (6)
Личная заинтересованность	Инертно-эгоистический (7)	Умеренно-эгоистический (8)	Активно-эгоистический (9)	
УРОВНИ РАЗВИТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ				
НИЗКИЙ		СРЕДНИЙ		ВЫСОКИЙ

Государственные служащие, которые по уровню развития своей компетентности относятся к 3 и 6 типам управленческой компетентности, стремятся достичь высокого положения, но принципиально различаются способами построения карьеры. Первые делают ставку на профессионализм и компетентность, а последние – на личную преданность вышестоящему начальнику. Госслужащими, которые по уровню развития компетентности отнесены к активно-альтруистическому типу (3), движут мотивы призвания и самореализации в профессиональной сфере, а, принадлежащих к активно-корпоративному типу (6), напротив, привлекает престижный характер госслужбы и различные привилегии. При этом уровень владения управленческими компетенциями, характерный для обоих типов, достаточно высокий.

⁹ Ткачев А.А. Формирование социально-технологической культуры государственных гражданских служащих: дис. ... канд. социол. наук 22.00.08. Белгород, 2012. – С. 40.

Умеренно-альтруистический (2) тип управленческой компетентности отличается средним уровнем развития управленческих способностей. Госслужащие, которые по уровню развития своей компетентности относятся к данному типу, ставят интересы дела превыше всего и готовы поступиться своими карьерными возможностями ради отстаивания своей позиции перед вышестоящими руководителями. С учетом позитивной активности такая управленческая компетентность вместе с вышеперечисленными компетентностями отнесена к высокому уровню развития.

Средним уровнем развития управленческой компетентности характеризуется 1, 5 и 9 типы. Каждый из них имеет как сильные, так и слабые стороны. Инертно-альтруистический (1) тип при сохранении общественно-значимой мотивационной ориентации отличается низким уровнем владения управленческими компетенциями и слабыми установками на профессиональное и должностное развитие. Активно-эгоистический (9) тип вместе с высоким уровнем управленческой подготовки выделяется потребительским характером мотивации. Умеренно-корпоративный (5) – характеризуется средним уровнем развития управленческих способностей и умеренными карьерными устремлениями.

Среди госслужащих, которые по уровню развития своей компетентности относятся к 4, 7 и 8 типам управленческой компетентности, преобладает установка на получение жизненных благ и доминирует образ стабильной и размеренной жизни, интересы государства и общества для них не представляют особой значимости. К этому следует добавить такие свойства, как профессиональная некомпетентность и дилетантизм, компенсируемые имитацией бурной деятельности, что соответствует низкому уровню развития управленческой компетентности.

Отсюда следует, что для активно-альтруистического (3) типа характерен наиболее высокий уровень развития управленческой компетентности, который является своеобразным ориентиром профессиональной деятельности современного чиновника. Такая компетентность не только позволяет эффективно осуществлять управленческие функции и решать поставленные задачи, но и ориентирует на общественно-значимые цели и перспективные задачи управления.

Следующим элементом модели управленческой компетентности государственного гражданского служащего являются *управленческие действия*, которые представляются своеобразными «выходами» или деятельностными проявлениями управленческой компетентности. Важно помнить, что управленческая компетентность всегда проявляется в управленческой деятельности, а «управленческое действие – это элемент управленческой деятельности, связанный непосредственно с достижением сознательной цели»¹⁰. Управленческие действия всегда направлены на решение управленческих задач и с учетом определяющей роли самоуправления по отношению к управлению предполагают профессионально-личностное развитие.

Многочисленные *факторы внешней и внутренней среды* условно можно подразделить на две основные группы: внешние и внутриорганизационные. Внешние факторы характеризуют внешнюю и внутреннюю политику всего государства и отдельного региона. Воздействовать на эти факторы в рамках одной организации или группы организаций практически невозможно.

Внутриорганизационные факторы включают в себя:

- миссию, цели, задачи организации, ее роль и место в структуре общественных отношений;
- уровень управления и иерархическую лестницу организационной структуры (уровень централизации);
- социально-демографические особенности коллектива (пол, возраст, национальный состав и др.);
- условия и уровень автоматизации труда;
- имидж организации;
- способы контроля;

¹⁰ Данакин Н.С. Теоретические и методические основы проектирования технологий социального управления. Белгород: Центр социальных технологий, 1996. – С. 155.

– систему поощрений и наказаний, церемонии, ритуалы, символические мероприятия, призванные напоминать персоналу о поведении, которое от них требуется, и др.¹¹.

По степени влияния на профессионализм и компетентность эти факторы различаются. Важной задачей остается выявление наиболее значимых факторов, способствующих продуктивному развитию управленческой компетентности государственного гражданского служащего, и использование их в интересах совершенствования системы государственной службы.

Список литературы

1. Турчинов А.И. Управление государственной службой как фактор повышения эффективности и профессионализма государственного управления / А.И. Турчинов // Образование и общество. – 2006. – № 3. // Режим доступа: http://www.education.rekom.ru/3_2006/4.html
2. Винер Н. Кибернетика и общество / Н. Винер. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958.
3. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами / Л.Я. Дятченко. – Белгород, Центр социальных технологий, 1993.
4. Марков М. Технология и эффективность социального управления / М. Марков. – М.: Прогресс, 1972.
5. Бабинцев В.П. Социально-технологическая компетентность государственного гражданского служащего / В.П. Бабинцев, В.М. Захаров // Государственная служба. – 2010. – № 3. – С.90-93.
6. Равен Д. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / Д. Равен. – М.: Когито-Центр, 2002.
7. Ткачев А.А. Формирование социально-технологической культуры государственных гражданских служащих : дис. ... канд. социол. наук 22.00.08 / А.А. Ткачев. – Белгород, 2012.
8. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности / Д.А. Леонтьев // Режим доступа: <http://mary1982.narod.ru/leontiev.html>
9. Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих: Указ Президента РФ от 12 августа 2002 № 885 // Консультант Плюс Интернет // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 4.12 2012).
10. О системе государственной службы Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ // Консультант Плюс Интернет // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 4.12 2012).
11. Данакин Н.С. Теоретические и методические основы проектирования технологий социального управления / Н.С. Данакин – Белгород: Центр социальных технологий, 1996.
12. Митин, А.Н. Культура управления в системе взаимоотношений персонала организации : дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / А.Н. Митин. – Екатеринбург. 2002.

STRUCTURAL MODEL OF MANAGERIAL COMPETENCE OF THE STATE CIVIL EMPLOYEE

Y.A. TURCHANINA

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: yulchas@mail.ru

The article deals with the structural model of managerial competence of state civil employee, main elements of which are managerial competence, managerial competencies, managerial actions and external environment. The author's typology of managerial competence of state civil employees grounded to three levels of development.

Key words: managerial competence, competency, ability, readiness, management cycle, state civil employee.

¹¹ Митин А.Н. Культура управления в системе взаимоотношений персонала организации: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. Екатеринбург. 2002. - С. 44-47.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 17.022.1

ФИЛОСОФСКАЯ ТАНАТОЛОГИЯ ИЛИ АПОФАТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ?

В.В. ВАРАВА*Воронежский
государственный
университет**e-mail:
vladimir_varava@list.ru*

В статье анализируется танатологический потенциал философии, в том числе ее апофатическое начало, не позволяющее рационализировать никакие представления о смерти.

Ключевые слова: философия, танатология, смерть, греческая философия, наука, теология, апофатика.

Основные вопросы философии и теперь, и прежде концентрируются вокруг высшего и предельного; такова суть философии, заданная ей еще Платоном, связавшим философию с *размышлением о смерти*. Можно не принимать аскетических выводов из платоновской философии об умерщвлении плоти и бессмертии души, но сама постановка смерти в центр философской рефлексии, безусловно, является сильнейшей заявкой и претензией философии на особое, никому иному не ведомое и недоступное понимание смерти, и соответственно жизни, которое действительно значительно отличается от всех остальных трактовок, принятых в культуре и в повседневной реальности.

Философское «размышление о смерти» в чистом виде вообще малоизвестно и малопонятно, поскольку существующее традиционное (обыденное) восприятие смерти, как правило, основывается на научном или религиозном ее истолковании. Именно эти трактовки смерти всегда оказываются главными, перекрывающими иные возможные подходы. В итоге философское отношение всегда остается на периферии, оно не оказывает решающего влияния на формирование повседневных взглядов большинства людей, привыкших видеть в науке или религии основу для однозначно-непротиворечивых и попросту понятных представлений о жизни и смерти. То же самое и с «культурными» образами смерти; в своей сути они есть экстраполяция обыденных представлений через призму различных художественных образов.

Ни культура, ни жизнь не дружат с философией; и это естественно, так как философия предлагает столь необычный, непривычный и непонятный подход к бытию, который не соответствует ни канонам здравого смысла, ни научным представлениям, ни религиозным верованиям, ни эстетическим чувствованиям. Дело в том, что наука и религия мыслят смерть наподобие известных вещей мира; иначе они не могут, так как пришлось бы тогда молкнуть навсегда в благоговейном ужасе при виде первой картины смерти. Но этого они позволить не могут, поскольку это далеко не в последнюю очередь социальные институты общества, ответственные за нормальное психическое самочувствие граждан и поэтому обязанные продуцировать рациональные практики и смыслы относительно всего, в том числе и смерти.

В социуме смерть приручена, понятна, прозрачна, банальна, обыденна; о ней создаются бесконечные культурные легенды, основанные на человеческом страхе и надежде. Удел смерти быть всегда неузнанной и непринятой в качестве самой себя, что оборачивается всегда рано или поздно расщеплением человека, которое именуется кризисом. И только философия мужественно воспринимает «истину смерти», которая отнюдь не есть истина конечности, или истина бесконечности. Это истина, исходящая из существа самой философии, в которой *aleteia* держит истину, отводя конечность или бесконечность в область доха.

Наука знает конечность и создает свою научную *мифологию конечного человека*, а религия знает бесконечность и так же создает свою *религиозную мифологию бессмертной души*. Они принимают смерть, смиряются с ней, как с неизбежным фактом, и строят уже всю остальную жизнь на убеждении в том, что они знают, что такое смерть. Происходит «обогащение» смерти, оставляющее лишь дорогу «знанию» и «вере», которая исключает собственно философский путь.

Здесь ключевое слово «знать», которое попадает и в философию, вернее в ту область, которая называется «философской танатологией». Это сфера философии, которая специально занимается смертью, по-особому знает свой «предмет», отличаясь от понимания смерти, принятого в философии, в философии как таковой. Это как бы «выделенная область», область смертеведения. Можно конечно допустить такую, например, в качестве собрания конкретных воззрений на смерть внутри философии. Но дело в том, что танатология в силу своего дисциплинарного статуса обязана иметь смерть в качестве более-менее известного предмета. Это одновременно профанирование самой смерти, которая непредставима в абсолютной степени, и философии, которая уже фактом своего бытия, принимает смерть в расчет. Сама философия и есть известный способ человека, знающего о смерти. В этом смысле всякие дополнительные сведения о смерти являются не более чем сборником экстравагантных взглядов и суждений весьма экстравагантных людей, толком не понимающих о чем идет речь.

Рациональное вторжение в область человеческой смертности порождает не только научный или религиозный ответ, оно порождает танатологическую иллюзию. В философии есть определенный *апофатический запрет* (апофатическое табу) на некоторые вещи, нарушить который значит полностью дискредитировать реальность. Среди первых вещей, на которые этот запрет распространяется, является смерть. В этом смысле «философская танатология» не имеет отношения к философии, и может быть отнесена к области общей гуманитаристики.

В книге французского философа Владимира Янкелевича «Смерть», которая сама целиком является демонстрацией апофатического стиля в философии, танатология сравнивается с теологией. Это две «стационарные» области, поскольку их главный «предмет» есть тайна в абсолютном смысле. «Речь идет о тайне, - говорит Янкелевич, - потому что обстоятельства, которых мы не знаем, не просто неизвестны, а вообще непознаваемы, и наше незнание не временно и не относительно, а вечно и априорно»¹. Эта стационарность танатологии обрекает ее в лучшем случае на молчание; по крайней мере стоило заглянуть в смерть, чтобы соприкоснуться с областью совершенно неведомого и невозможного.

Но философия *уже* заранее знает об этом. В этом смысле, сама философия есть уже такой способ бытия, который предполагает априорную тайну смерти в качестве абсолютной нерешимости. Это может быть проблемой, это может быть трагедией, это может быть иронией; в любом случае философия уже знает смерть таким образом, что это создает именно ее специфический «дискурс», попросту взгляд на мир, который свободен от принуждающей необходимости что-то доказывать, оправдывать, утверждать в этой совершенно свободной области, которая создается (задается) смертью. Однако, стремление как-то «философски», то есть исключительно рационально постичь смерть, вне того, чтобы постигать бытия *ввиду* смерти, создает особое пространство, именуемое «философской танатологией».

Уже у Боэция можно найти классическую рационалистическую танатологию, основывающуюся либо на эпикурейском отрицании бессмертия души, либо на пифагорей-

¹ Янкелевич В. Смерть. М., 1999. - С. 131.

ско-платоновском утверждении о ее бессмертии. Как будто дело только в этом. Вот фрагмент из «Утешения философией»: «Какой смысл заключен в славе для выдающихся людей, о которых идет речь, стремящихся к славе ради добродетели? Что, – я спрашиваю, – им до славы после уничтожения тела смертью? Ведь если предположить то, что наш рас судок отказывается допустить, будто люди умирают полностью, слава вообще ничто, поскольку тот, кому она воздается, вообще больше не существует. Если же душа, осознающая самое себя, освободившись из земной темницы, устремляется в небо, разве она не посмотрит с презрением на все земные деяния, она, которая, вкушая радости неба, ликует, что освободилась от земных пут!»².

Это чисто рационалистический способ трактовать вопросы апофатического характера, то есть те вопросы, которые скрыты от непосредственного человеческого опыта, данного или в эмпирическом плане, или в рефлексивном. Данная дихотомия, основанная на альтернативе «смертная/бессмертная» душа в принципе не только не решает проблемы смерти, она сбивает с толку. Истина человеческого бытия лежит по ту сторону смертности или бессмертия его души. Однако раздумья о смерти необходимы человеку, так они способствуют интеллектуальной честности, то есть нравственному совершенствованию. Но это именно нравственное значение смерти, которое в корне отличается от всяческих гносеологических претензий танатологии.

Философия решительно противится всякому опредмечиванию смерти, всякой ее объективизации, сохраняя свой вечный *апофатический статус кво*. Это явно проследживается у греков. Неведомое повисло над космосом античной культуры, заповедовав философии не доверять никаким рассудочным представлениям, в основе которых «человеческое, чисто человеческое» стремление понять истину. Философская истина (вспомним Ницше) – отнюдь не лицеприятное дело.

В греческой философии отношение к смерти не было чем-то отдельным, особым, выделенным, поскольку философская интуиция бытия была вездесущей. «Однако созерцающей умом отсутствующее как постоянно присутствующее». Так говорит Парменид. Это философское отношение к смерти, отношение неприятия смерти. Иначе, это *философское неверие в смерть*, основанное на онтологическом постулате: «мыслить – то же, что быть», «бытие ведь есть, а ничто не есть». Таково *онтологическое мышление* – мышление о Бытии, которое в своем наивысшем измерении есть мышление самого Бытия, и которое радикально отличается от *гносеологического мышления* – мышления о мышлении, то есть от того, что называется рациональной философией (не Бытие, но познание Бытия). Онтологическое мышление – это не познание Бытия отвлеченным рассудком (сознанием), это созерцание умом Бытия. А такое созерцание есть философское делание, и Парменид наряду с тем, что говорит: «мыслить и быть одно и то же», говорит, что «мыслить означает то же, что делать».

Философское делание, заключающееся в созерцании Бытия, видит истину сущего в целом, оно видит истину как истину, то есть как подлинное Бытие, и поэтому преодолевает смерть как неподлинное, созерцающая умом «отсутствующее как постоянно присутствующее». В отличие от научного и религиозного понимания (видения) смерти, которые всегда признают смерть фактом истинным, философия не признает это за истину и вопреки очевидности относит это на счет мнения смертных, на счет неподлинного знания. В этом смысле, только чистое философское видение опознает недолжность смерти на онтологическом уровне, что есть самое важное неприятие смерти.

Небытийность (то есть недолжность) смерти раскрывается изначально философскому уму в акте философского созерцания. Это тождество бытия и мышления, которое есть *тождество этики и онтологии*, что и есть философия (или нравственная философия, что одно и то же). Философский взгляд, в отличие от научного и религиозного не «пропускает» смерть на уровне первичного мировосприятия, свидетельствуя о том, что ей (как не-сущему, и поэтому как не-должному) нет места в Бытии.

Не-сущее есть не-должное – это и есть философское неприятие смерти, которое так ясно и во всей полноте явлено у Парменида. То есть философия раскрывает недолжность смерти на уровне Бытия. Поэтому философу не важно, жить или умереть; ему не

² Бозций «Утешение Философией» и другие трактаты. М., 1996. - С. 179.

нужно умирать, чтобы воскреснуть в Вечности. Философ уже в Вечности, ибо он в Бытии. Философия спасает человека от удручающе-угнетающего факта банальной смерти, по отношению к которому возможно лишь стоическое презрение, но чаще религиозное малодушие.

Философия ставит вопросы, на которые нет ответа. Это верно, поскольку только философия так ставит вопросы, что на них не возможны никакие половинчатые ответы. Именно философия приходит к высшему – к постановке *проклятых вопросов*. На проклятые вопросы нет и не может быть ответа – и в этом вся суть. И лишь у философии есть мужество выговаривать в лицо человеку и Богу проклятые вопросы, ибо философия не лукавит. Единственная интеллектуальная честность в философии.

Философия наводит мосты между временами и мирами, кажущимися несопоставимыми, и поэтому парменидовское *небытие смерти* сближается с Достоевским, с его пониманием *подлинного бытия* как *бытия-угрозы*, то есть как бытия, которому грозит небытие. Угроза как условие подлинного существования. В ситуации отсутствия небытия, небытие предстает как угроза; Достоевский раскрывает реальность этой угрозы. Эта угроза связана с вечной судьбой человека, является условием его вечности. Вечность есть, если есть угроза невечности.

Николай Федоров научил русских мыслителей воспринимать смерть как угрозу существования самым радикальным образом. Он не приемлет ни научный, ни религиозный подход к смерти в чистом виде, и предложил свой, «деятельный», основанный на остром понимании катастрофизма смерти, который не видит наука и игнорирует религия. Смерть как *угроза Бытию* близко «бытию-к-смерти» Хайдеггера и к пониманию смерти у Бродского («смерть – это то, что бывает с другими»). Во всех этих случаях смерть мыслится не в качестве отдельного «смертельного» и «конечного» факта смерти, но на фоне *уже-бытия*, то есть бытия, задетого тем или иным образом смертью. Главное ведь бытие, бытие это то, что есть, то, что видно, в свете чего все видно. Конструкция бытия, раскрываемого философией такова, что смерть уже в нем есть, есть как непостижимое и невозможное, осилить которое можно только философски.

Это есть «философское» отношение к смерти, а не распространенное «стоическое», которое гордо противостоит факту личного уничтожения. Это достойно, это мужественно, но такое стоическое отношение может быть достигнуто в принципе и не на философском пути. Философия предполагает видение истины, и это главное в философии. Это видение дает иное видение смерти, видение неожиданное, а поэтому непонятное и остающееся непонятым в истории.

Нефилософским вопросом, всегда затемняющим суть человека, является вопрос о «бессмертии души». Это тот псевдо-вопрос, который всегда вклинивается, как только речь заходит о смерти. Причем неважно, идет ли речь об отрицании или утверждении бессмертия души, в любом случае «тьма души», нависая над проблемой человека, существенно искажает ее. Среди русских неортодоксальных мыслителей Н. А. Бердяев смело сказал, что «вопрос о бессмертии души принадлежит совершенно устаревшей метафизике», поскольку «идея бессмертия основывалась при помощи натуралистической метафизики, признания души субстанцией»³. Остается удивляться тому, как живуча эта идея сегодня, даже среди «ученых» богословов.

Это возникает, поскольку отсутствует углубление проблемы самой смерти. Идея же бессмертия, верно полагает Бердяев, означает «отрицание таинственного факта смерти», то есть является профанацией и смерти и жизни. Очень точно в этом смысле (в духе Хайдеггера) Бердяев говорит, что проблема смерти есть не только проблема метафизики, но также проблема более углубленной *онтологической этики*, а не обычной этики. И примечательно то, что в этой связи, в связи с углубленным пониманием смерти он называет не Отцов Церкви, а Хайдеггера, Кьеркегора, Фрейда. Тем самым он как философ свидетельствует в пользу именно философии, давая знать, что только в философии и возможна онтологическая этика, которая преодолевает всякую дуалистическую, натуралистическую метафизику, в которой происходит сниженное понимание смерти, решаемое лишь в терминах «бессмертия души».

³ Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики. М., 2003. - С. 360.

Развитие онтологической этики приводит Н. А. Бердяева к преодолению и научного (небытийного) и религиозного (постбытийного) понимание смерти: «Смерть нельзя понимать только как последнее мгновение жизни, после которого наступает или небытие, или загробное существование»⁴. Это близко Янкелевичу, к его идее равной «абсурдности загробной жизни» и «абсурдности уничтожения». Никакое обыденно мышление в принципе не может прийти к исключению обеих возможностей исхода для человека; сознание, не привыкшее к философскому восприятию бытия, всегда выберет либо про, либо contra «загробного существования», увидев в этом торжество истины.

Ясно, что философия содержит ключ к верному пониманию сути дела, к верному пониманию того, что дело в смерти, а не в бессмертии, что смерть есть тайна, сохраняющая таинственное бытие человека. И что невозможна никакая рационалистическая антропология (не важно, научная или религиозная), основывающаяся на знании того, что есть человек. Философия, нравственная философия ставит *апофатический запрет* на знание того, что есть человек, тем самым давая бесконечные просторы духовному бытию и духовному развитию человека. Налагая запрет на строгое рационалистическое знание о человеке, апофатическая философия налагает запрет на духовную смерть человека, сохраняя блаженное незнание как вечную истину, являющуюся основой истинной вечности.

Ложная дихотомия, основывающаяся на выборе либо бытия после смерти (религия), либо небытия (наука) преодолевается философией, показывающей *реальную нравственную глубину проблемы смерти*, не сводящуюся только к вере в загробное существование (или же к неверию в него). Философия показывает смерть как онтологическую проблему, то есть показывает ее так, как этого не знает никто. «Наполненность жизни смертью», о которой говорит Бердяев – это наполненность не только фактами смерти, не только умиранием (отмиранием) физического организма, должно закончиться физиологической смертью, но и осознание и переживание, то есть *осознанное переживание* смерти как недолжного (небытийного) факта. Это и есть философское, то есть парменидовское отношение к смерти (созерцание отсутствующего как постоянно присутствующего).

Философия раскрывает главную антиномию смерти – антиномию ее *наличного эмпирического бытия*, (о чем говорит повседневный опыт, и что легитимизировано наукой и религией) и *недолжностью как небытийного факта*, раскрываемого в акте философского умозрения, философского созерцания истинно сущего бытия. Но философия, конечно, не благодушное сектанство, которое, видя смерть, утверждает, что смерти нет. В том-то и дело, что *смерть есть, но ее не должно быть*, поэтому ее и нет – вот парменидовский контур философского мышления, сохраняющего бытийную напряженность и глубину, в свете которого должна исчезнуть всякая мнимость, в том числе и мнимость смерти. Философия принимает во всей полноте трагический факт смерти, не уходит от очевидного, но предлагает еще одну возможность. Здесь нужно усилие, нравственное напряжение интеллектуальной воли, чтобы понять, увидеть недолжность смерти. Это и есть нравственный подвиг преодоления смерти фактом философского мышления, мышления онтологического, мыслящего Бытие, а не «рефлектирующего» чистым отвлеченным рассудком.

В теологическом контексте, в котором также как и в научном оказывается философски непроработанной тема смерти во всей полноте ее бытийных вариаций, все же можно встретить редкие попытки серьезного анализа, стремящегося выйти к новым горизонтам. Важно то, что богословие чувствует фатальную нехватку честных и в то же время здравых ответов по вопросам, которые, казалось бы, должны находить самый первый и высший ответ. Такова область эсхатологическая, в которой С. Н. Булгаков как тонкий и чуткий мыслитель не находит искомого и желанного. Парадокс в том, что в рамках богословия это невозможно.

В своей работе «Проблема условного бессмертия» С. Н. Булгаков полемизирует с так называемой теорией кондиционализма, в которой с его точки зрения представлено слишком биологизированное богословие. Он пытается выйти на более глубокий уровень описания человеческой целостности, в котором «бессмертие души» не является ведущим фактором. Он говорит о том, что человек есть «сложность», «дух воплощенный», и что смерть создает безусловно большие проблемы для этой целостности и сложности: «Воз-

⁴ Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики. М., 2003. - С. 363.

возможность смерти подстерегает эту сложность не со стороны «бессмертия души», но со стороны жизни *целого* человека, для которого смерть не есть возвращение в небытие, но некое развоплощение, разрыв с миром, онтологическая катастрофа»⁵.

Понимание смерти как «онтологической катастрофы» есть более глубокое ее понимание, чем в рамках обыденной религиозности, замешанной на дуалистической метафизике («устаревшей метафизике», по слову Бердяева). Булгаков говорит о целостности человека, для которого смерть не отделение души от тела, а *развоплощение*: «Смерть есть не прекращение человеческого бытия, но катастрофическое как бы расчеловечение человека, утрата им своей целостности»⁶. (В сходной тональности говорит и Г. Флоровский, называя умершего «недочеловеком»).

«Катастрофическое расчеловечение» есть предмет философии, нравственной философии (или по Бердяеву, онтологической этики»). Булгаков критикует «натуралистический биологизм» в религиозных вопросах, которые приобретают характер механистический: «сила боговоплощения понимается чрезмерно биологически. Смертному человеку подается «лекарство бессмертия» через соединение Божественного естества с человеческим». Но дело в том, что это не только «слабое» место западных конфессий, но вообще неизбежная ограниченность религиозной антропологии как таковой, которая всегда будет оказываться заложником догматических представлений, которые, как правило, еще всегда и «неверно» трактуются.

Стремление отойти от догматической узости заставляет С. Н. Булгакова довериться большей свободе и творчеству человека в эсхатологических вопросах; его волнует собственное, внутренне состояние самого человека: не что свершается *над* человеком, но что свершается *с* человеком, как «его дело», как его «духовное самоопределение». Поэтому, заключает Булгаков: «Человек и в последней судьбе своей не лишается творческого участия, положительно или отрицательно». Это значительно расходится с каноническими представлениями, которые всегда детерминированы тем или иным провиденциализмом.

В этом смысле, Булгаков более подходит именно к *этике смерти*, а не к *богословию смерти*, которое всегда будет отличаться стремлением механизировать проблему, «биологизировать» ее, или же сделать слишком юридической («внешний приговор» без учета состояния самого человека, его воли, такой «чрезмерный космизм» или имманентим»). Видно, что Булгаков понимает, что богословие сужает и упрощает проблему смерти, и поэтому он стремится ее интерпретировать в предельных нравственных терминах – «катастрофа», «развоплощение». Это попытка реабилитации явно свидетельствует о бессилии теологически осмыслить смерть и сказать что-то вразумительное и утешительное человеку.

Таким образом, ни философская танатология, ни теология смерти не подходят к апофатической сущности последней, которая позволила Владимиру Янкелевичу утверждать равную абсурдность двух противоречащих друг другу решений относительно мира по ту сторону смерти: «загробная жизнь и полное небытие – одинаково абсурдны». Это не тот абсурд, который закрывает все перспективы, переводя все либо в иронию, либо в отчаяние, это абсурд, дающий шанс, дающий онтологически шанс, но не на надежду, а *шанс на тайну*.

Тайна – вот искомое слово и понятие, к которому стремится Янкелевич. Оба нонсенса (нонсенс загробной жизни и нонсенс полного небытия) должны совпасть в «иррациональном единстве тайны». Он говорит, что «непостижимость небытия представляет нам самый значительный и таинственный шанс». Апофатическая философия, тем самым, является наиболее адекватным методом «постижения» непостижимости смерти. Янкелевич говорит, проведя нас через раскрытие всех нелепостей, связанных как с идеей загробного существования, так и с идеей полного уничтожения, что смерть становится тайной, не подвластной никакому позитивному определению в качестве действительного предмета мысли; смерть есть «проблематичная тайна».

Какие бы рационалистические теории относительно смерти и состояний человека «после смерти» не создавал человек (не важно, научные или богословские это теории), все будет упираться в безответную тьму неведения и непостижимости, которую приносит с собой

⁵ Булгаков С.Н. Проблема «условного бессмертия» // Путь парижского богословия. М., 2007. - С. 501-502.

⁶ Там же. С. 502.

смерть. Это значит, что нельзя *решить проблему смерти*, нельзя решить ее научно или религиозно, ее можно только *философски поставить*, заставив человека одновременно удивиться чуду своего появления и ужаснуться абсурдности своего уничтожения.

Тайна смерти остается тайной, безотносительно к тому, что мы думаем о бессмертии души. В том-то вся особенность, интрига, противоречивость, и даже невозможность человеческого существования, которая коренится в том, что невозможно ничего знать человеку о смерти. И это незнание смерти не является неким недостатком человека, его природы, недостатком науки или культуры. Это незнание есть некоторая «антропологическая константа», исходящая из онтологических условий существования, задающих строго очерченный гносеологический горизонт. Так вот гносеологический горизонт человеческого существования таков, что в нем нет ни намека, ни просвета на раскрытие вопроса о смерти. Тайна смерти абсолютна, это есть абсолютная данность, и очевидность. Умная и благородная позиция заключается в строгом охранении чистоты апофатических представлений о смерти от грубого вторжения рациональных конструкций с их «знаниями», «законами» и т. д. Очень простая и очевидная вещь – о смерти человеку знать не дано, и эта простая и самоочевидная истина нарушается постоянно; и не важно от какого имени она нарушается – от имени науки или от имени религии. Главное, что она нарушается. И наука перестает быть наукой, если претендует на полное понимание феномена смерти, её законов, сущности, происхождения, назначения, и религия перестает быть религией, если нарушает тайную и священную обитель смерти от торопливых и суетливых попыток смертных проникнуть в то, что им от века не позволено.

Философия должна сохранять свой статус кво и стоять на страже сохранения тайны смерти. Но и философия часто нарушает это, становясь то на сторону науки, то на сторону религии или становясь философской танатологией.

За признанием тайны смерти происходит раскрытие невероятных вещей. Тайной тогда становится все. Это не значит, что мы погружаемся в какие-то неведомые мистические глубины, уходим в «трансцендентальную медитацию» и проч. Просто мир раскрывается в другом свете. Если мы смиримся перед тайной смерти, тогда Бытие подарит нам свою тайну. И тогда наше существование приобретает тот оттенок, которого оно не имело до этого. Наше существование приобретает смысл, коренящейся в надежде. Ибо тайна – это надежда, единственное, что может насыть дух человека. Ни культура, ни природа ничего не могут дать человеку абсолютно – того, что до конца сможет утолить духовную жажду. И лишь надежда дает это. Но надежда возможна лишь тогда, когда мир предстает в качестве тайны, когда мы понимаем, что не только начала и конца мироздания погружены в неведомое, но и сама сущность мира, то, что можно назвать *становлением бытия*, есть в своей сущности тайна, таинственное становление и пребывание. И это самым невероятным образом раскрывает светлую перспективу существования, горизонт которой есть горизонт тайны.

В этом контексте становится ясно, что всякая нормальная философия есть апофатическая философия смерти, поскольку ее главный предмет и субъект связаны навсегда «смертельной логикой», задаваемой самим бытием.

Список литературы

1. Янкелевич В. Смерть. М. : Изд-во Литературного института, 1999.
2. Бозций. «Утешение Философией» и другие трактаты. М. : Наука, 1996.
3. Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики. М. : АСТ, 2003.
4. Булгаков С.Н. Проблема «условного бессмертия» // Путь парижского богословия. М. : Изд-во храма святой мученицы Татианы, 2007.

PHILOSOPHICAL THANATOLOGY OR APOPHATIC PHILOSOPHY?

V.V. VARAVA

Voronezh State University

e-mail:
vladimir_varava@list.ru

This article analyzes the thanatological potential of philosophy, including its apophatic beginning, which does not allow to rationalize any idea of death.

Keywords: philosophy, thanatology, death, Greek philosophy, science, theology, apophatics.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 349

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛЕСНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

С.В. АНОХИНА¹
В.Е. ЛЕВЧЕНКО²
А.И. РЕВИН³

¹⁾ Филиалом «Юстина» Воронежской межтерриториальной коллегией адвокатов

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

³⁾ Воронежская государственная лесотехническая академия

e-mail: levchenko@bsu.edu.ru

В статье авторами была описана тема лесных отношений и их законодательного регулирования в средневековой России. Был проанализирован ряд проблем, относящихся к данному вопросу: история зарождения лесных отношений, их значение во времена Киевской Руси и Московского государства в XI – XVII веках, их нормативное регулирование и источники права, закреплявшие государственную политику в этой сфере общественных отношений. В завершение статьи авторами был сделан ряд выводов, вкратце характеризующих основные закономерности поднятой темы.

Ключевые слова: лесное право, Древнерусское государство, Московское княжество, «Русская правда», Соборное Уложение, уставная грамота, имущественное право, Засечная Черта, лесное хозяйство, экологическая политика государства.

История лесного законодательства имеет долгий путь развития и непосредственно связана с историей развития государства. Изучая влияние окружающей среды на жизнь русского народа, В.О. Ключевский, отмечал роль леса в становлении российского государства: «Лес оказывал русскому человеку разнообразные услуги – хозяйственные, политические и даже нравственные: обстраивал его сосной и дубом, отапливал березой и осинной, освещал его избу березовой лучиной, обувал его лыковыми лаптями, обзаводил домашней посудой и мочалом... питал народное хозяйство пушным зверем и лесной пчелой. Лес служил самым надежным убежищем от внешних врагов, заменяя русскому человеку горы и замки»¹.

На первых этапах зарождения Древнерусского государства, лес воспринимался как естественный элемент ландшафта, так как большая часть территории была покрыта лесами: «И бяше около града лес и бор велик»².

¹ См.: Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М., 2005. С. 52.

² См.: Там же. С. 47.

Спокойная племенная (патриархальная) жизнь славян в течение длительного периода регулировалась обычаями, установленными с незапамятных времен. На данном этапе развития государства существовал период свободного, не ограниченного использования лесов, что не вызывало необходимости в принятии законов о лесах. Дореволюционный исследователь вопросов лесного права и преподаватель Петроградского лесного института Н.И. Фалеев, изучая историю леса, писал: «При наличии лесных богатств, при эксплуатации на нужды домашнего хозяйства, при отсутствии рынков отсутствовала юридическая регламентация права пользования, место которой занимали чисто фактические отношения людей»³.

С X в. восточные славяне вовлекались в определенные отношения с Западной Европой, что повлияло на прежний уровень использования обычного права двояким образом: «усилило разнообразие в понимании юридических норм и принудило сопоставить свои отечественные нормы с чужеземными»⁴.

Одним из первых источников права, в котором закреплялись нормы, предусматривающие охрану лесов, стала «Русская Правда». В ее статьях предусматривалась ответственность за порчу леса: «А еще кто сжеть лес чужий или сечет древне чужие, сугубо да осудень будеть и рука его знаменена будеть»⁵. Предусматривалась ответственность и за кражу дров: «За покражу сена и дров 9 кун в Казну, а хозяину за каждый воз по две ногаты»⁶.

Следует отметить, что статьи Русской Правды были направлены на защиту имущества прав князей, их дружинников. Бортные урожаи в лесах или пасеки с ульями принадлежали князьям и другим феодалам в числе наиболее ценных угодий. Воск и мед были одними из самых дорогих товаров, вывозимых из Руси. Отсюда происходило и первое закрепление владельческих прав на природные объекты: «А въ княже борти 3 гривне, любо пожгоуть любо изоудроуть... «Аже дуб подотнетъ знаменьный или межъные, то 12 гривен продаже... Аже борть подътнетъ, то 3 гривны продаже, а за дерево полгривны»⁷.

Таким образом, положения Русской Правды закрепляли частнособственнические интересы и фактически охраняли не лес, а владельческие права на лесные объекты.

Со второй половины XI века на Руси начинается период феодальной раздробленности, который заканчивается в конце XV века – начале XVI века с образованием централизованного государства. В этот период на Руси происходило дальнейшее закрепление права собственности, в том числе и на леса, что «... давало право передавать леса по наследству»⁸.

В исследуемый период леса предоставлялись князьями в пользование крупных владельцев. В это время появились уставные и охранные грамоты, в которых закреплялось право лесопользования только за владельцами леса: «В леса никому не въезжать и лесу не сечь»⁹.

За нарушение прав пользования устанавливался штраф. Например, в Уставной грамоте Василия III 1530 года, адресованной крестьянам села Новые соли Новгородского уезда, за порубку бортных деревьев в боярских лесах устанавливался штраф: «...а ссечет кто дерево с пчелами, а уличат того и на том доправливают в размере 4 гривны да отдают тому чье дерево, а кто посечет которое дерево выделано без пчел, а уличат его в том, к слободчики на том доправливают гривну да отдают тому, чье дерево»¹⁰.

³ См.: Фалеев Н.И. Лесное право. Лесная собственность. Лесные нарушения: Пособие для лесничих, ученых лесоводов, лесовладельцев, лесопромышленников. М., 1912. - С.16

⁴ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1888. - С. 86.

⁵ См.: Краткая редакция «Русской Правды»//Российское законодательство X-XX вв. Т.1., М., 1984. - С. 38.

⁶ См.: Там же. С. 39

⁷ См.: Отечественное законодательство XI-XX вв. Ч. I/ XI-XX века//Под ред. Чистякова О.И. М., 2009. - С. 30.

⁸ См.: Абанина Н.Н. Правовая охрана лесов Российской Федерации: дис... канд.юрид.наук. Саратов. 2004. - С. 15.

⁹ См.: Ярославские епархиальные ведомости. 1893, № 39.

¹⁰ См.: Бутлаков М.Б., Ялбуганов А.А. Природоохранные акты: от Русской Правды до Петровских времен//Государство и право. 1996. № 8. - С. 138.

В конце XV в. Троице-Сергиеву монастырю были выданы три охранные грамоты с целью предотвратить от вырубki крестьянами монастырские чащи. Так же запрещено было рубить лес без разрешения игумена в Зосимском, Мелетвинском, Калинском монастырях.

В жалованной грамоте ростовскому Борисоглебскому монастырю указывалось: «Кому случится в Борисоглебского монастыря вотчине бревец и дров усечь и тем людем тутошним и сторонним являти игумену з братьею..., а безьявочно в их монастырские во всякие угоды и луга, и в леса никому невъезжать и лесу не сечь».¹¹

Если монастырь не имел своих заповедных лесов, то он имел право ходатайствовать о допуске в чужие леса. Правительство выдавало разрешение, но при этом вводила запрет на отдельные виды лесопользования, стараясь защитить права владельца леса.

Таким образом, вышеуказанные грамоты основывались на запретах, которые распространялись на использование лесами и лесными объектами всеми, кроме их владельцев.

Следует отметить, что в случае необходимости князем снимался наложенный запрет на вырубку леса. Так, из-за нужды в соли в Уставной Грамоте от 1530 года разрешалось крестьянам рубить лес: «за 20 верст от Соли дрова сечи и хоромный лес в моих великого князя лесах, и в боярских, и во княжих, и в помесчиковых, и в монастырских, и в своеземских, и по рекам лес плавати...»¹².

В тоже время запрещалась рубка леса в целях сохранения берегов рек во время разрушительных весенних половодий, для защиты поселений и пахотных земель, находившихся вблизи воды. В Указе царя 1563 года говорится о запрете вырубki леса на берегах реки Двины, поскольку он служит для защиты ото льда и воды: «...того лесу не чистити и дров не сечи и лык не драти, а тот лес затуюлю от леду и воды»¹³.

Таким образом, на данном этапе развития государства законодатель в первую очередь защищал великокняжеские, монастырские, общинные владения.

Учитывая, что лес составлял основу военной мощи Русского государства, был установлен заповедный характер оборонительных лесных засек. В.О. Ключевский писал: «крымские татары называли леса Московского государства великими крепостями»¹⁴.

«Засечная черта тянулась с юго-востока от Шацка и Рязска и далее после р. Прони и укреплений Пронска и Михайлова продолжалась Рязанской, Каширской, Веневской, Тульской, Крапивенской, Одоевской, Лихвинской, Перемышльской, Белевской и Козельской линиями лесных завалов»¹⁵.

В целях обеспечения сохранности засечных лесов всем, кроме ратников охраны, запрещалось находиться на территории этих лесов, а также запрещались их вырубка и выжигание: «...у государевых украинских городов...- беречь их от огня накрепко и близко их огня не припускати и не обжигати»¹⁶. Засечные леса охранялись специальными сторожами и периодически «подновлялись».

Во второй половине XVI века и первой половине XVII в. происходит окончательное оформление русского централизованного государства. Крупнейшие изменения в общественно-экономическом и политическом строе Русского государства рассматриваемого периода обусловили изменения в законодательстве. В 1649 г. было принято Соборное Уложение, которое закрепило федерально-государственную собственность на леса. В этот период лес рассматривался как самостоятельный объект собственности. Выделялись вотчинные леса, поместные леса, общие леса, въезжие леса, заповедные и засечные.

В Соборном Уложении предусматривалась ответственность за уничтожение или повреждение леса: «А будет кто по недружбе учнет в чьем лесу на станех огонь класти... А будет кто по недружбе учнет в чьем лесу на станех огонь класти, и от того в том лесу учинится пожар, или в чьем лесу пожар учинится от конских, или иные животины от пасту-

¹¹ Буглаков М.Б., Ялбуганов А.А. Указ. соч. С. 15.

¹² См.: Там же. С. 138.

¹³ См.: Соболев С.С. Развитие эрозионных процессов на территории европейской части СССР и борьба с ними. М., 1948. С. 11.

¹⁴ См.: Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. 2 М., 1988. С.352.

¹⁵ См.: Булгаков М.Б., Ялбуганов А.А. Российское природоохранное законодательство XI – нач. XX вв. М., 1997. С. 12.

¹⁶ См.: АМГ. Т. 1.СПб., 1890.№14. С. 15.

хов небереженьем, и таким пожаром учинят поруху бортному деревью и пчелам, и зверь и птицы ис того лесу тем пожаром отгонят, и в том на них будут челобитчики, и с суда сыщется про то допряма, что такой пожар от кого учинится нарощным делом, или пастуховым небережением, и на тех людех за такое пожарное разорение взятти пеня, что государь укажет, а исцу велети на них доправити убытки по сыску»¹⁷.

Так же по Соборному Уложению запрещалось служилым людям использование засечного леса для «станового строения»: «А для дров и для всякого лесу, что надобно будет на становое строение, ездити служилым людям в помесные и в вотчинные леса поволно, а явки с них вотчинником и помещиком, чьи те леса, не имати. А в засечные и в и(ы)нныя заповедныя леса им ни почто не ездити, а возити служилым людям дрова и всякой лес на становое строение про себя, а не на продажу»¹⁸. При порче заповедного засечного леса из Поместного приказа высылались писцы, которые для «досмотру и сыску... заповедного лесу и порченных меж и граней...»¹⁹ описывали лес.

В XVII вв. кроме Соборного Уложения регулирование лесных отношений закреплялось в иных нормативных документах: царскими указами, грамотами. Следует отметить, что правительство защищало лес, преследуя и свои личные интересы. Например, в Сибири защита леса связывалась с пушным промыслом, который обеспечивал большой доход в казну. В царском указе от 1681 г. предусматривалось, «чтобы в ясачных местах лесов не секли и не жгли и оттого бы зверь вдаль не бежал и... ясачному сбору порухи и недоброму не было».²⁰

Правительство защищало не только государственные леса, но и частные. Не допускалась рубка леса посторонними людьми, запрещался промысел в чужих лесах: «... в чюжие леса въезда не давать...».

Анализируя вышеизложенное можно отметить:

- на первом этапе развития государства, отсутствовали какие-либо ограничения на использование леса, поскольку не было необходимости в принятии законов, регулирующих лесные отношения;
- с развитием государства, возникла необходимость в законодательном регулировании лесных отношений и в правовой защите лесов;
- первые нормы, регулирующие вопросы, связанные с лесами и лесопользованием, закреплены в Русской Правде;
- природоохрнительная деятельность государства сводилась в основном к защите владельческих прав на лес и лесное хозяйство;
- природоохрнительная функция государства особенно ярко проявлялась в отношении лесных ресурсов.

Список литературы

1. Абанина Н.Н. Правовая охрана лесов Российской Федерации: дис... канд.юрид.наук. Саратов. 2004.
2. АМГ. Т. 1.СПб., 1890.№14. С. 15.
3. Бутлаков М.Б., Ялбуганов А.А. Природоохрнительные акты: от Русской Правды до Петровских времен//Государство и право. 1996. № 8. С. 138
4. Булгаков М.Б., Ялбуганов А.А. Российское природоохрнительное законодательство XI- нач. XX вв. М., 1997.
5. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1888.
6. Карнович Е.П. Собрание узаконений Русского государства. Т. 1. СПб., 1871, № 502.
7. Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. 2 М., 1988.
8. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М., 2005.
9. Краткая редакция «Русской Правды»//Российское законодательство X-XX вв. Т.1., М., 1984.

¹⁷ См.: Уложение Его Величества Государя царя и Великого князя Алексея Михайловича Всея России самодержавца в лето от сотворения мира 7156 // СПб., 1796.Ст. 223.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Карнович Е.П. Собрание узаконений Русского государства. Т. 1. СПб., 1871, № 502 - С. 845

²⁰ См.: Булгаков М.Б., Ялбуганов А.А. Российское природоохрнительное законодательство XI-нач. XX вв. М., 1997. - С. 14

10. Отечественное законодательство XI-XX вв. Ч. I / XI-XX века // Под ред. О.И. Чистякова. М., 2009.
11. Соболев С.С. Развитие эрозионных процессов на территории европейской части СССР и борьба с ними. М., 1948.
12. Уложение Его Величества Государя царя и Великого князя Алексея Михайловича Всея России самодержавца в лето от сотворения мира 7156 // СПб., 1796. Ст. 223.
13. Фалеев Н.И. Лесное право. Лесная собственность. Лесные нарушения: Пособие для лесничих, ученых лесоводов, лесовладельцев, лесопромышленников. М., 1912.
14. Ярославские епархиальные ведомости. 1893, № 39.

LEGAL REGULATION OF FOREST RELATIONS IN THE PERIOD OF RUSSIAN STATE FORMATION

S.V. ANOKHINA¹⁾

V.E. LEVCHENKO²⁾

A.I. REVIN³⁾

¹⁾ branch «Justin» Voronezh interterritorial Bar Association

²⁾ Belgorod State National Research University

³⁾ Voronezh State Forestry Academy

e-mail: levchenko@bsu.edu.ru

The authors describe a topic of forest relations and their legal regulation in medieval Russia. The paper deals with a number of issues relating to this subject: the history of the origin of forest relations, and their value in times of Kievan Rus and Muscovy in the XI - XVII centuries, their regulations and sources of law, establishes state policy in this area of public relations. At the conclusion of the article the authors made a number of conclusions, briefly describing the basic laws of the raised issues.

Key words: forest law, ancient Russian state, Muscovy, «Russian Truth», The Council's Code of, charters, property law, Zasechnaya Cherta, forestry, environmental policy of the state.

УДК 340.1

ОТРАСЛЕВЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ: СОСТАВ И ОСОБЕННОСТИ

Г.С. БЕЛЯЕВА*Юго-Западный
государственный
университет**e-mail: belvp46@mail.ru*

В статье рассматриваются отдельные вопросы состава и особенностей отраслевых правовых режимов. Анализируются особенности закрепления правовых режимов частных и публичных отраслей права в российском законодательстве. Определенное внимание уделено особенностям состава правовых режимов публичных отраслей права.

Ключевые слова: отраслевой правовой режим, метод правового регулирования, механизм правового регулирования, правовые принципы.

Отечественная юридическая доктрина, прошедшая через ряд дискуссий о системе права, пришла, в итоге, к выводу о том, что отрасли права – это «не просто зоны юридического регулирования, не искусственно скомпонованные совокупности норм, а реально существующие и юридически своеобразные подразделения в самом содержании права»¹.

Соответственно, специфика каждого отдельного структурного подразделения (отрасли) права выражается в особом режиме правового регулирования через его основные элементы: метод правового регулирования, механизм правового регулирования (как комплекс правовых средств), правовые принципы. Тем самым правовой режим олицетворяет тесное единство комплекса правовых средств с содержанием регулируемых отношений. Отраслевые правовые режимы являются режимами наиболее высокого уровня, имеющими в праве императивное и направляющее значение.

В чем же заключаются особенности правовых режимов различных отраслей права?

Поскольку система российского права состоит из достаточно большого числа различных отраслей права, и характеристика их особенностей является предметом скорее отраслевых правовых наук, попробуем ответить на этот вопрос с позиции деления права на частное и публичное.

Надо сказать, что в отраслях публичного права буквальное указание на правовой режим встречается довольно часто. Например, режимам посвящен подраздел 2 Таможенного кодекса РФ, часть 2 Налогового кодекса РФ содержит раздел VIII.1 «Специальные налоговые режимы», глава 18. Кодекса РФ об административных правонарушениях именуется «Административные правонарушения в области защиты государственной границы Российской Федерации и обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации».

Таких примеров можно приводить много, однако они, как и собственно отсутствие в тексте нормативного акта словосочетания «правовой режим» или слова «режим», отнюдь не свидетельствуют о том, что данная юридическая конструкция не применима к другим отраслям права. Справедливо замечено С.С. Алексеевым, что из правовых режимов складываются все отрасли законодательства, это «основное комплексное составляющее звено правовой материи: из всех явлений правовой действительности он один снабжен всеми необходимыми элементами самостоятельного существования и эффективного функционирования»².

По нашему мнению, с учетом сказанного выше, следует, что в публичных отраслях российского законодательства правовой режим выделяется просто «рельефнее», о нем как бы «сообщается» адресату. Это происходит потому, что в рамках правового регулирования в публично-правовой сфере «имеются в виду нормальные фиксированные режимы функционирования государственных и иных институтов, позволяющие успешно решать

¹ См.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. - С. 190.

² Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. - С. 182

стратегические и тактические задачи»³ (например, обеспечение конституционных прав и свобод граждан, общественной безопасности и другие).

В частном же праве задачи правового режима ориентированы на частные ситуации, связаны со сравнительно узкой сферой регулирования (например, обеспечение трудовых прав конкретного гражданина или отдельного трудового коллектива в трудовом праве).

Отсюда вытекает повышенное внимание государства (в лице законодателя) к публичным отраслям права. В публичных отраслях права (в большей мере по отношению к частным) субъект права «оповещается» о том, что он попадает в сферу действия правового режима и должен действовать в определенных рамках, как правило, точно следуя установленным предписаниям.

Отдельные авторы по этому поводу отмечают, что четкая детальная регламентация всех элементов правового режима в нормативно-правовом акте помогает придать ему устойчивость, восприимчивость со стороны адресата, высокую эффективность, обеспечить бесперебойную работу механизма правового регулирования. Отсутствие основных структурных элементов правового режима превращает его в недостроенную, нерабочую конструкцию⁴.

Заметим, что в силу ограниченности объема настоящей работы и невозможности рассмотрения всех проблемных аспектов рассматриваемой темы остановимся подробнее на особенностях состава правовых режимов публичных отраслей права.

Концепция отраслевого правового режима, устоявшаяся в общей теории права⁵, раскрывает особенности данной категории через ее основные элементы: метод правового регулирования, механизм правового регулирования (как комплекс правовых средств), правовые принципы. Рассмотрим их характеристику подробнее.

Метод правового регулирования публичных отраслей права является императивным⁶ (методом власти и подчинения⁷, субординационным⁸, методом централизованного регулирования⁹).

Следует сказать, что в теории права имеются попытки отдельных ученых более подробно охарактеризовать публично-правовой метод, проанализируем их точки зрения.

Так, Н.М. Вагина считает, что метод публичного права – это обусловленная предметом правового регулирования и волей законодателя система правовых средств, установленных централизованно в процессе официального правотворчества, среди которых основными являются средства-требования (обязывания и запреты) и средства-ограничения, применяемые вне зависимости от участников регулируемого общественно-отношения¹⁰. С нашей точки зрения, при использовании данного подхода, как представляется, имеется определенная опасность сведения метода публичного права к механизму публично-правового регулирования, поскольку, как известно, метод к правовым средствам не сводится, а должен на них основываться. В то же время нельзя не отметить внимание автора к способам установления соответствующих правовых предписаний, что ценно для характеристики механизма публично-правового регулирования – самостоятельной составляющей публично-правового режима.

³ Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М., 2001. - С.251.

⁴ См., напр.: Малько А.В., Родионов О.С. Правовые режимы в российском законодательстве // Журнал российского права. 2001. № 9. - С. 22.

⁵ См., напр.: Алексеев С.С. Общая теория права в 2 томах. Т. 2. М., 1981., Шамсумова Э.Ф. Правовые режимы (теоретический аспект). Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001; Султыгов М.М. Конституционно-правовой режим ограничения государственной власти. Дис. ... докт. юрид. наук. СПб, 2005.

⁶ См.: Тихомиров Ю.А. Публичное право. М., 1995. - С. 46.

⁷ См.: Иоффе О.С. О гражданско-правовом и административно-правовом методах регулирования хозяйственной деятельности // Правоведение. 1959. № 3. - С. 53.

⁸ См.: Витченко А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов, 1974. - С. 118.

⁹ См.: Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 332; Поляков А.В. Общая теория права. СПб., 2004. - С. 156.

¹⁰ См.: Вагина Н.М. Принципы публичного права. Самара, 2004.

К.М. Маштаков определяет публично-правовой метод в качестве основанного на позитивных обязываниях и запретах как первичных приемах правового воздействия способ регулирования общественных отношений, который характеризуется императивностью, наделением одного из субъектов специальными полномочиями – компетенцией и обеспечивает построение отношений по схеме «власть – подчинение»¹¹. С данной характеристикой следует согласиться, поскольку учитываются особенности методов правового регулирования подавляющего числа отраслей публичного права.

В свою очередь, Ю.А. Тихомиров так раскрывает сущностные моменты метода публичного права. По его мнению, это: а) властотношения формируются по принципу «команда-исполнение»; б) субъекты публичного права строго связаны законом и пределами предоставленных законом полномочий; в) правовое регулирование основано на позитивном обязывании общенормативной ориентации (например, когда утверждается положение об органах власти, устанавливаются их цели, задачи, функции, полномочия) или в форме конкретного предписания, поручения совершить то или иное юридически значимое действие, либо на запрещении каких-либо действий; г) обеспечивается сочетание убеждения и принуждения¹². Такой подход к определению метода публичного права разделяется и нами, поскольку он позволяет определить его сущность.

Таким образом, для метода правового регулирования публичных отраслей права характерны: а) императивность (неукоснительное соблюдение субъектами предписаний правовых норм), которая основана на позитивных обязываниях и запретах; б) наделение одного из субъектов полномочиями в рамках своей компетенции; в) и, как следствие неравенство субъектов, построение отношений по схеме «власть – подчинение» (или «команда – исполнение»).

Далее отметим, что механизм правового регулирования (юридический инструментарий) публичных отраслей права основывается на позитивных обязываниях: вначале возникает обязывающая правовая норма, затем относительное правоотношение и реализация юридических обязанностей, сводимая, по существу, к праву требования исполнения обязанностей. По верному замечанию С.С. Алексеева, в этом комплексе правовых средств энергетическую силу механизму юридического регулирования задает не столько собственная сила права, сколько государственная власть¹³.

Надо сказать, что в науке высказано мнение, что публичному праву не присущ специфический механизм правового регулирования, поскольку сам механизм воздействия на общественные отношения – явление общее для всего права в целом, безотносительно к природе его структурных элементов¹⁴. Не вступая в научную дискуссию, тем не менее, считаем необходимым высказать свою позицию по данному вопросу. Нас, прежде всего, механизм публично-правового регулирования интересует как составляющая соответствующих правовых режимов, их содержания. Правовой режим есть специфический механизм правового регулирования, направленный на конкретные виды объектов (субъектов), в рамках которого последние действуют. Он включает в себя несколько правовых блоков, каждый из которых реализуется через механизм правового регулирования. Скажем так: правовой режим – это проекция механизма правового регулирования на конкретную социальную ситуацию. Механизм правового регулирования в публичных отраслях права снабжает правовые режимы специфическим набором правовых средств, часто не востребуемым частно-правовыми отраслями. В связи с этим можно допустить действие специальных механизмов реализации прав и обязанностей в публичных отраслях права, тем более что специфичность публично-правовых средств учеными не оспаривается.

Продолжая, обратимся к правовым принципам публичных отраслей права как основополагающим началам, определяющим направления правового регулирования¹⁵, ко-

¹¹ См.: Маштаков К.М. Теоретические вопросы разграничения публичного и частного права. Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. - С. 191.

¹² См.: Тихомиров Ю.А. Публичное право. М., 1995. - С. 49-50.

¹³ См.: Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. - С. 332.

¹⁴ См., напр.: Болгова В.В. Основы публичного права. Самара, 2009. - С. 234.

¹⁵ В философии принцип определяется как первоначало, руководящая идея, основное правило поведения, в логическом смысле принцип есть центральное понятие, основание системы, представляю-

торые также находятся в прямой зависимости от метода правового регулирования, особенности которого нами уже выделены.

Здесь заметим, что относительно системы принципов публичных отраслей права мы придерживаемся традиционного деления их на три группы: общие, межотраслевые и отраслевые.

Общие, соответственно, характерны для всех отраслей права, как публичного, так и частного. Например, принципы справедливости, законности, гуманизма, равноправия граждан.

Межотраслевые принципы распространяют свое действие на несколько отраслей публичного права. К межотраслевым принципам публичного права относятся почти все межотраслевые процессуальные принципы: принцип осуществления правосудия только судом, принцип назначаемости судей, принцип независимости судей, принцип гласности, принцип состязательности, принцип процессуального равноправия, принцип публичности и другие, а также ряд материальных принципов, таких как принцип презумпции невиновности, принцип обеспечения эффективной социальной защиты населения и некоторые другие¹⁶.

И, наконец, отраслевые принципы, свойственные отдельным отраслям публичного права. Например, для земельного права России свойственны такие правовые принципы, как принцип множественности и правового равенства форм собственности на землю, принцип нахождения земли в гражданском обороте, принцип государственного управления землей и другие.

Таким образом, правовые режимы в публичном праве имеют следующие особенности: детально закрепляются в нормативно-правовых актах; носят императивный характер; основаны на позитивных обязываниях и запретах; отношения между субъектами правовых режимов построены по схеме «власть – подчинение»; используют в своем арсенале специфический набор правовых средств в рамках централизованного правового регулирования; основаны на действии специальной системы публично-правовых принципов.

В заключение следует подчеркнуть, что правовые режимы присущи все отраслям права, более того, специфика последних выражается в особом режиме правового регулирования через его основные элементы: метод правового регулирования, механизм правового регулирования, правовые принципы. Тем самым осуществляется тесная взаимосвязь комплекса правовых средств с содержанием регулируемых отношений, обуславливающая необходимую степень эффективности правового регулирования.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1989.
2. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975.
3. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М.: Юринформцентр, 2001.
4. Малько А.В., Родионов О.С. Правовые режимы в российском законодательстве // Журнал российского права. 2001. № 9. С. 19-25.
5. Алексеев С.С. Общая теория права в 2 томах. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1981.,
6. Шамсумова Э.Ф. Правовые режимы (теоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001;
7. Султыгов М.М. Конституционно-правовой режим ограничения государственной власти. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2005.
8. Тихомиров Ю.А. Публичное право. М.: БЕК, 1995.
9. Иоффе О.С. О гражданско-правовом и административно-правовом методах регулирования хозяйственной деятельности // Правоведение. 1959. № 3. С. 48-62.
10. Витченко А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974.

щей обобщение и распространение какого-либо положения на все явления той области, из которой данный принцип абстрагирован.

¹⁶ См. подробнее: Захаров А.Л. Межотраслевые принципы права. дис. канд. .... юрид. наук. – Казань, 2003.

11. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001.
12. Поляков А.В. Общая теория права. СПб.: Издательский дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2004.
13. Вагина Н.М. Принципы публичного права. Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та, 2004.
14. Маштаков К.М. Теоретические вопросы разграничения публичного и частного права. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001.
15. Болгова В.В. Основы публичного права. Самара: Самарское отд-ние литфонда, 2009.

BRANCH LEGAL REGIMES: THE COMPOSITION AND PECULIARITIES

G.S. BELYAEVA

*South-West
State University*

e-mail: belvp46@mail.ru

The article describes the structure and peculiarities of branch legal regimes. The author analyses the peculiarities of the stipulation of legal regimes of private and public branches of law in the Russian legislation. Particular attention is paid to the peculiarities of the composition of the legal regimes of the public branches of law.

Key words: branch legal regime, method of legal regulation, mechanism of legal regulation, legal principles.

«ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ГЕНЕРАЛЬНЫХ ПРОКУРАТУР УКРАИНЫ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

А.В. БОГУЦКАЯ

*Национальный университет
«Юридическая академия Укра-
ины имени Ярослава Мудрого»*

e-mail: bogutska21@mail.ru

Статья посвящена актуальным проблемам участия Генеральных прокуратур Украины и РФ в международно-правовых отношениях. Рассмотрены общепризнанные принципы участия прокуратур двух стран в международно-правовом сотрудничестве, анализируются международные многосторонние и двусторонние договора в сфере взаимной помощи по уголовным делам; акцентируется внимание на взаимодействии прокуратур двух стран в международно-правовых отношениях. Предлагается рассмотреть Генеральную прокуратуру Украины и Генеральную прокуратуру Российской Федерации как особый субъект международного права.

Ключевые слова: Генеральная прокуратура Украины, Генеральная прокуратура Российской Федерации, международно-правовое сотрудничество, договор, соглашение.

Участие Генеральных прокуратур Украины и Российской Федерации в международно-правовых отношениях, укрепление их авторитета на этом направлении, отстаивание и пропаганда принципов их деятельности, направленных на защиту прав и свобод человека, на борьбу с преступностью и другими правонарушениями, тесно связана с неукоснительным соблюдением нормативно-правовых актов.

В юридической литературе рассматриваются отдельные аспекты международного сотрудничества прокуратур двух стран. Определенный вклад в изучение этой проблемы внесли ученые из Украины и Российской Федерации: Буроменский М.В., Блаживский Е.Н., Ковяков И.Н., Марочкин И.Е., Толочко А.Н., Мельникова Э.Б., Решетникова Т.А., Щерба С.П. и другие. Вместе с тем, имеется потребность в комплексном исследовании правовых основ участия Генеральных прокуратур Украины и Российской Федерации в международно-правовых отношениях.

Соблюдение и выполнение Генеральными прокуратурами Украины и Российской Федерации требований международных договоров и соглашений, участниками которых они являются, и внутреннего законодательства, регулирующего вопросы международного сотрудничества (особенно исполнения законодательства Украины и России по вопросам международного сотрудничества в уголовном производстве во время досудебного расследования) должно базироваться на конституционном принципе верховенства права. В Украине предусмотрено, что Конституция Украины имеет высшую юридическую силу; законы и другие нормативно-правовые акты принимаются на основании Конституции и должны соответствовать ей. Ст.9 Конституции закрепляет важную норму: действующие международные договора, согласие на обязательность которых дала Верховная Рада Украины, являются частью национального законодательства Украины; подписание международных договоров, противоречащих Конституции Украины, возможно только после внесения соответствующих изменений в Конституцию Украины. Ст.15 Конституции Российской Федерации также установлено, что общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры являются составной частью ее внутреннего законодательства.

Законы Украины и Российской Федерации «О прокуратуре» предусматривают, что органы прокуратуры в пределах своей компетенции: осуществляют сотрудничество и прямые связи с прокуратурами и соответствующими органами зарубежных стран, а также с международными и межгосударственными организациями; сотрудничают с ними в об-

ласти укрепления законности, правопорядка и противодействия преступности; заключают с компетентными органами соглашения о сотрудничестве по вопросам борьбы с преступностью, оказания правовой помощи и выдачи в сфере уголовного судопроизводства; участвуют в разработке и выполнении международных договоров Украины и РФ.

Участие Генеральных прокуратур Украины и Российской Федерации в международно-правовом сотрудничестве осуществляется на основе следующих общепризнанных принципов: 1) уважение суверенитета, независимости и юрисдикции государств; 2) добросовестного и добровольного выполнения международных обязательств; 3) равноправия сторон; 4) приоритета защиты прав и свобод человека и гражданина; 5) неукоснительного соблюдения национального законодательства и норм международного права; 6) взаимности выполнения письменных обязательств компетентных органов в сфере выдачи и оказания правовой помощи по уголовным делам; 7) всемерного укрепления доверия между компетентными органами взаимодействующих сторон.

Украина и Российская Федерация являются участницами многих международных многосторонних и двусторонних договоров в сфере взаимной помощи по уголовным делам, в которых закреплены общие условия и обязательства сторон в борьбе с преступностью, порядок и формы оказания взаимопомощи в уголовных делах. Генеральные прокуратуры Украины и РФ выступают центральным органом, уполномоченным от имени государства обращаться с запросами о международной правовой помощи в уголовном производстве во время досудебного расследования и рассматривать соответствующие запросы иностранных компетентных органов.

Генеральные прокуратуры Украины и РФ принимают активное участие в реализации важных для Украины и РФ международных договоров: Европейской конвенции о выдаче правонарушителей 1957 г. С Дополнительными протоколами к ней 1975 1978 гг.; Европейской конвенции о взаимной помощи по уголовным делам 1957 г. С Дополнительными протоколами к ней 1978 и 2001 гг.; Конвенции о правовой помощи и правовые отношения в гражданских, семейных и уголовных делах 1993 г. С Протоколом к ней 1997 г. и другие.

Правовые основы участия Генеральных прокуратур в международно-правовом сотрудничестве по вопросам оказания правовой помощи и выдачи определяют договора, заключенные под эгидой ООН или в рамках Совета Европы. К наиболее важным относятся: Европейская конвенция о передаче судопроизводства по уголовным делам 1972 г. ; Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. ; Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. И Дополнительный протокол к ней 2003 г.; Международная конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма 2005 г. ; Конвенция Совета Европы по борьбе с торговлей людьми 2005 г.; Конвенция Совета Европы о киберпреступности 2001 г. И Дополнительный протокол к ней 2003 г. и другие.

Важным составляющим участия Генеральных прокуратур в международно-правовых отношениях выступают межгосударственные многосторонние договора, которые содержат элементы регулирования правовой помощи: Конвенция ООН о неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968г.; Конвенция ООН против пыток и других жестоких или таких, которые унижают достоинство, видов поведения и наказаний 1984 г. и др.

Правовой основой взаимной правовой помощи в уголовном производстве для Генеральной прокуратуры Украины служат межгосударственные двусторонние договоры в сфере оказания помощи в уголовных делах: Договор между Украиной и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам 1992 г.; Договор между Украиной и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1998 г.; Договор между Украиной и Китайской Народной Республикой об экстрадиции 1998 г.; Договор между Украиной и Республикой Индия о выдаче правонарушителей 2002 г.; Соглашение между Кабинетом Министров Украины и правительством Федеративной Республики Германии о сотрудничестве в сфере борьбы с организованной преступностью, терроризмом и другими преступлениями средней тяжести, тяжкими и особо тяжкими преступлениями 2010 г. и др.

Путем обмена оформлено правопреемство Украины и РФ за международными договорами СССР, которые также выступают правовой основой участия Генеральных прокуратур Украины и Российской Федерации в международно-правовом сотрудничестве: Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой о правовой защите и правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам 1978 г.; Договор между Союзом Советских Социалистических республик и Алжирской Народной Демократической Республикой о взаимном предоставлении правовой помощи 1982 г.; Договор между Союзом Советских Социалистических республик и Республикой Куба о предоставлении правовой помощи в гражданских, семейных и уголовных делах 1984 г. и другие.

Нормативной основой участия генеральных прокуратур Украины и Российской Федерации в реализации международных договоров по предотвращению преступности выступают двусторонние и многосторонние межведомственные соглашения, которые заключены с компетентными органами иностранных государств. В Украине таких соглашений заключено 45, а в РФ – 40. Среди заключенных Генеральной прокуратурой Украины соглашений можно назвать следующие: Соглашение о правовой помощи и сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Украины и Прокуратурой Республики Грузия 1994 г.; Соглашение о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Украины и Верховной народной прокуратурой Китайской Народной Республики 1995 г.; Соглашение о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Украины и Генеральной прокуратурой Монголии 2003 г.; Протокол о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Украины, Генеральной прокуратурой Республики Молдова и Прокуратурой при Высшем кассационном суде Румынии 2007 г.; Соглашение о сотрудничестве и взаимодействии Генеральных прокуратур государств-участниц СНГ в сфере борьбы с коррупцией 2007г.; Соглашение о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Украины и генеральной прокуратурой Российской Федерации 2010 г. и др.

В частности, ст.2 Соглашения о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Украины и Генеральной прокуратурой РФ предусматривает такие основные направления сотрудничества:

- обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина;
- борьба с преступностью, в том числе в ее организованных формах, терроризмом, коррупцией, торговлей людьми и людскими органами, незаконным оборотом оружия, наркотических средств и психотропных веществ, преступлениями в сфере экономики и высоких технологий (киберпреступностью), а также другими видами преступлений, что представляют повышенную угрозу для общества;
- организация и обеспечение исполнения международных договоров о выдаче, правовой помощи и правоотношения по уголовным делам;
- направление материалов прокурорско-следственной деятельности, в т.ч. архивных;
- подготовка и повышение квалификации кадров для органов и учреждений прокуратуры;
- научно-исследовательская деятельность по вопросам, представляющий взаимный интерес.

Предусмотрено, что взаимодействие Генеральных прокуратур двух стран по вопросам выдачи и правовой помощи по уголовным делам осуществляется в порядке, предусмотренном международными договорами, участниками которых являются Украины и Российская Федерация.

В соглашении между Генеральными прокуратурами Украины и РФ закреплены также формы сотрудничества:

- обмен информацией по вопросам деятельности прокуратур, в том числе о тенденции преступности и в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина;
- проведение рабочих встреч по правовым вопросам, в том числе на этапах подготовки рассмотрения конкретных запросов о выдаче и правовой помощи по уголовным делам;
- проведение консультаций по вопросам, которые представляют взаимный интерес, в том числе, которые выносятся на обсуждение международных организаций и форумов;

- обмен законодательными и другими нормативно-правовыми актами, а также ведомственными изданиями и методическими материалами;
- обмен опытом работы, в том числе путем проведения ознакомительных визитов, стажировки и семинаров;
- проведение доследственных проверок, рассмотрение и разрешение заявлений и сообщений физических и юридических лиц;
- проведение общих научных исследований, научных и научно-практических конференций, подготовка научных публикаций;
- взаимодействие в подготовке и повышении квалификации кадров для органов и учреждений прокуратуры, в том числе путем проведения лекций, семинаров, совместной подготовки учебных изданий;
- обмен на взаимовыгодной основе учебной литературой и научными изданиями.

Практика показывает, что такие соглашения играют дополнительную роль – они детализируют установленные международными договорами и внутренним законодательством формы и механизмы сотрудничества, содействуют наиболее полному выполнению взятых обязательств по договорам.

Важную роль при определении правовых основ международного сотрудничества Генеральных прокуратур Украины и РФ играют следующие общепризнанные правила. Если Украина или Российская Федерация является одновременно участником многостороннего или двустороннего договоров, то при их расхождении преимущество имеют положения многостороннего договора. Кроме того, в соответствии с Европейской конвенцией о выдаче 1957 г. (ст.28) и Европейской конвенции о правовой помощи 1959 г. (ст.26) положения данных конвенций в отношении государств, к которым они применяются, имеют преимущество перед положениями любых двусторонних договоров, регулирующих выдачу, а также оказание правовой помощи по уголовным делам.

Международное сотрудничество в уголовном производстве регулируют также правовые акты Генеральных прокуратур Украины и РФ. К ним можно отнести приказ Генерального прокурора РФ «Об организации международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации» от 12 марта 2009 г. №67 и Указание «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора и передачи лиц, совершивших общественно опасные деяния, для проведения принудительного лечения» от 18 октября 2008г. №212/35.

К таким актам также можно отнести приказ Генерального прокурора Украины «Об организации работы органов прокуратуры Украины в сфере международно-правового сотрудничества» от 5 мая 2011 г. №8гн и утвержденная им «Инструкция о порядке подготовки, передачи и исполнения органами прокуратуры Украины обращений о правовой помощи в уголовных делах относительно исполнения процессуальных действий и передачи уголовного преследования», а также положение «О главном управлении международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Украины», утвержденное приказом Генерального прокурора Украины от 20 апреля 2012 г. №39. В частности, в приказе «Об организации работы органов прокуратуры Украины в сфере международно-правового сотрудничества» определено, что международно-правовое сотрудничество, надзорная и правозащитная деятельность в этой сфере осуществляются органами прокуратуры Украины в соответствии с Конституцией Украины, действующего законодательства и международных договоров, а также на бездоговорной основе в случаях, когда для надлежащей реализации задач и функций прокуратуры необходимо применение норм международного права или взаимодействия с иностранными государственными учреждениями или международными организациями.

Таким образом, вопросы взаимодействия Генеральных прокуратур Украины и РФ с компетентными органами иностранных государств по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам и выдачи относятся к числу приоритетных направлений международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

Учитывая роль и значимость Генеральных прокуратур Украины и Российской Федерации в международно-правовом сотрудничестве, их правовой статус как центрального органа, уполномоченного от имени государства рассматривать запрос компетентного ор-

гана другого государства или международной судебной инстанции и применение средств с целью его исполнения или направления другому государству запрос компетентному органу об отказании международной правовой помощи, наличия в них отдельных элементов международной правосубъектности, можно констатировать: Генеральная прокуратура Украины и Генеральная прокуратура Российской Федерации являются особым субъектом международного права.

LEGAL BASIS OF COOPERATION BETWEEN THE GENERAL PROSECUTORS OF UKRAINE AND THE RUSSIAN FEDERATION

A.V. BOGUTSKA

*National University “Yaroslav
the Wise Law Academy of Ukraine”*

e-mail: bogutsk21@mail.ru

The article deals with the actual problems of participation of the General Prosecutors of Ukraine and the Russian Federation in international legal cooperation. The common principles of participation of the prosecutors of two countries in international legal cooperation are examined in the paper; international multilateral and bilateral agreements in the field of mutual assistance in criminal matters are analyzed by the author. It's suggested to consider the Prosecutors General of Ukraine and Russian Federation as a special subject of international law.

Key words: General Prosecutor of Ukraine, General Prosecutor of the Russian Federation, international legal cooperation, treaty, agreement.

УДК 347.42

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ИЗ ПУБЛИЧНОГО ОБЕЩАНИЯ НАГРАДЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОНКУРСА

В.Н. ИГНАТЕНКО

*Национальный
университет
«Юридическая академия
Украины
имени Ярослава Мудрого»*

e-mail: pollicitatio@bigmir.net

Гражданские правоотношения возникают из юридических фактов или юридических составов, как определенной совокупности юридических фактов. Основаниями возникновения обязательства выступают последовательно совершаемые учредителем конкурса и участниками односторонние сделки. Автор критикует договорную конструкцию публичного конкурса и считает, что данное обязательство имеет в своем основании юридический состав, включающий три односторонние сделки.

Ключевые слова: публичный конкурс, конкурс-торги, конкурс по наделению правами, конкурсное производство, односторонняя сделка, обязательство, обязанность.

Гражданское законодательство не определяет понятие названного обязательства, а также основание его возникновения. Гражданско-правовые обязательства возникают, как из единичных юридических фактов, так и с юридических (фактических) составов, как совокупности нескольких юридических фактов. Из содержания ст.1150 ГК Украины¹: «конкурс (соревнование) имеет право объявить физическое или юридическое лицо (учредитель конкурса)» следует, что это ряд действий как учредителя так и участников конкурса. По поводу квалификации таких действий, а также к каким правовым последствиям они приводят, нет единства в цивилистической литературе. Учитывая многозначность термина «конкурс» требует решения вопрос носит ли эта правовая конструкция универсальный характер по основанию возникновения, и есть ли специфика в этом вопросе, когда речь идет о конкурсе, как способе заключения договора на торгах, конкурсе при подборе кадров в трудовом праве, конкурсном производстве при финансовой несостоятельности (банкротстве) должника. Решение этих вопросов позволит выяснить основание возникновения обязательства из публичного обещания награды по результатам конкурса и сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования названных отношений.

Основания возникновения обязательств в связи с публичным обещанием вознаграждения исследовались в кандидатской диссертации Н.Ю. Голубевой, монографии Р.И. Ташьяна, научной статье Д.В. Кузнецова. Торги, как основание возникновения гражданских правоотношений рассмотрела в статье Л.Н. Долгополова². Н. Ю. Голубева пришла к выводу, что подача работы на конкурс определяет круг конкретных субъектов, возникает конкурсное организационное правоотношение. Такие правоотношения могут трансформироваться в обязательственные правоотношения на стадии вынесения решения об определении победителя (или победителей) конкурса и присуждении премии победителю конкурса³. Р.И. Ташьян рассматривал среди обязательственных односторонних сделок объявление конкурса, предоставление работы на конкурс, принятие оценочного решения, выплату вознаграждения, возврат предоставленных работ⁴. Д.В. Кузнецов считает, что публичный конкурс, как юридический факт представляет собой совокупность сделок

¹ – далее ГК.

² Егоров Ю.П. Сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 4. – М.: Статут, Екатеринбург: Институт частного права, 2005. – С. 252 (606 с.).

³ Голубева Н.Ю. Зобов'язання із публічної обіцянки винагорода / Автореф. Дис.. на здобут. наук. ступ. канд. юрид. наук. Одеса, 2005. – С. 9 (22с.).

⁴ Таш'ян Р.І. Односторонні правочини у цивільному праві: Монографія / Р.І. Таш'ян. – Х.: Право, 2010. – С. 130-131 (200 с.).

и юридических поступков. Принимая оценочное решение и уплачивая вознаграждение, организатор публичного конкурса, выполняет свой субъективный долг, возникший из объявления публичного конкурса⁵.

М. Телюкина называет этапы развития конкурсных отношений в процедуре банкротства должника, среди которых конкурсное производство. В круг полномочий арбитражного управляющего на этом этапе входит реализация имущества должника путем организации торгов⁶. Анализируя основания возникновения, изменения и прекращения трудовых правоотношений С.Н. Прилипко и О.Н. Ярошенко указывают на возникновение трудовых правоотношений из фактического состава, в который, в частности, может входить заключение конкурсной комиссии с предложением о назначении конкретного конкурсанта на вакантную должность государственного служащего⁷.

Согласно ГК Украины публичное обещание награды по результатам конкурса выступает разновидностью публичного обещания вознаграждения, а потому не может кардинально отличаться от публичного обещания вознаграждения без объявления конкурса, как второй разновидности и по основанию возникновения. Последняя, по единодушному мнению ученых цивилистов имеет основанием возникновения две односторонние сделки (публичное обещание вознаграждения и предоставление результата). Проведение конкурса (соревнования) предусматривает определение результата конкурса, а значит еще одного, как минимум, юридического факта.

Предпочтительной является мысль о возникновении рассматриваемого обязательства из трех односторонних сделок, которые последовательно разворачиваются во времени и характеризуют возникновения обязательства как некий процесс, имеющий временное измерение (соревнование), а не происходит одномоментно:

- а) объявление конкурса;
- б) предоставление результатов конкурса;
- в) принятие оценочного решения⁸.

Однако, предлагалась А. Ерделевским и договорная конструкция публичного конкурса [17, с. 14]. Предоставление результатов выполненной работы на конкурс всегда направлено на вступление в обязательственные правоотношения с учредителем публичного конкурса и достижение присущих такому конкурсу правовых последствий.

Такая точка зрения уязвима, поскольку, во-первых, не всегда конкурсное правоотношение требует заключения договора, во-вторых, предоставление результатов выполненной работы на конкурс хотя и направлено на вступление в обязательственные правоотношения с учредителем, но не всегда достигает такой же цели учитывая, что договор заключается только с победителем конкурса, который может реализовать свое преимущественное право (ч.3 ст. 1156 ГК).

Среди односторонних сделок, которые создают юридический состав, что приводит к возникновению обязательства из публичного конкурса без сомнения главное место занимает односторонняя сделка - объявление конкурса, поскольку она начинает его развитие и содержит условия конкурса, т.е. определяет пути его возможного развития. В цивилистике спорными являются значение объявления конкурса и его правовой природы. Одни, ученые считают, что данный юридический факт сам по себе является основанием возникновения конкурсного правоотношения. Например, по мнению В.Н. Смирнова, объявление конкурса является односторонней сделкой из которой возникает правоотношение⁹. Другие отрицают возникновение правоотношения на этом этапе. Так, А. Б. Дзе-

⁵ Кузнецов Д.В. Институт публичного конкурса (некоторые вопросы теории и практики) // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 4. – М.: Статут, Екатеринбург. Институт частного права, 2005. – С. 365 (606 с.).

⁶ Телюкина М. Механизмы конкурсного права / Гражданское законодательство. Статьи, комментарии. Практика – Вып. 40 / Под ред. А.Г. Диденко. – Алматы: Раритет, 2012 – с. 208-224.

⁷ Кузнецов Д.В. Институт публичного конкурса (некоторые вопросы теории и практики) // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 4. – М.: Статут, Екатеринбург. Институт частного права, 2005. – С. 365 (606 с.).

⁸ Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. – С. 788-789 (880с.).

⁹ Рожкова М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права. Соглашения о защите прав и процессуальные соглашения Исслед. центр частного права. – М.: Статут, 2009. – С. 46 (332 с.).

горайтис считает, что объявление конкурса порождает для желающих принять в нем участие лиц возможность предоставить на соревнование предусмотренные объявлением работы. Но это только возможность, а не само субъективное право, осуществление которого понимается только в рамках правоотношения¹⁰.

Уязвимым моментом первого подхода выступает неопределенность субъектов таких правоотношений. Совершение односторонне-уполномочивающей сделки учредителем конкурса свидетельствует о потенциальной возможности возникновения гражданского правоотношения в дальнейшем, при условии предоставления результатов, которые удовлетворяют требованиям конкурса. Такая сделка при доведении ее содержания до сведения заинтересованных лиц определяет только одного из субъектов будущего правоотношения (правоотношения которое формируется). А как известно правоотношение – это возникающая на основе норм права индивидуальная общественная связь между лицами, которая характеризуется наличием субъективных юридических прав и обязанностей и поддерживается (гарантируется) принудительной силой государства¹¹. Различают двустороннюю индивидуализацию, когда все участники правоотношения определены, например, обязательственные отношения, и одностороннюю, когда также фиксируются только субъекты одной из сторон правоотношения – носители субъективных прав, например правоотношения собственности¹². Сторонники точки зрения о возникновении правоотношения с односторонней сделки обращаются к анализу классификации гражданских правоотношений на относительные и абсолютные. В последних, определенному управомоченному лицу противостоит неопределенный круг обязанных лиц. В случае начала конкурса имеем противоположную картину: определенное обязанное лицо – учредитель конкурса и неопределенный круг управомоченных лиц (тех, что восприняли волю учредителя и могут предоставить результат, приступили к выполнению задания). Такое положение будет продолжаться до передачи учредителю результата конкурса, поскольку гражданское законодательство не содержит требования к участнику конкурса об извещении учредителя другим способом. Учитывая сходство правоотношений, возникающих из объявления конкурса к абсолютным правоотношениям, но нетождественность, поскольку в последних неопределенным является круг обязанных, а не управомоченных лиц Д.В. Кузнецов приходит к выводу о самостоятельном месте рассматриваемых отношений наряду с относительными и абсолютными¹³.

На наш взгляд, более точным является второй подход – о том, что правоотношение с объявления публичного обещания вознаграждения непосредственно не возникает. По мнению Ю.П. Егорова в юридическом составе, который включает в себя два односторонних действия, сделка, выступает в качестве юридической причины совершения второй сделки, создает возможность формирования содержания правоотношения, которое возникает как результат совершения этих сделок. Вторая же сделка не только создает эту возможность, но и фактом своего совершения реализует ее¹⁴. И действительно, предоставление результата участником конкурса также является односторонней сделкой, хотя она и предусматривалась учредителем, но является выражением воли именно участников конкурса. Если стать на позицию о возникновении правоотношения лишь после совершения второй сделки, то требует выяснения вопрос правового положения учредителя, а также возможных участников, которые могут в это время выполнять конкурсные задания на этапе от объявления конкурса и до предоставления его результата. Ведь это не будет правовой вакуум, поскольку невозможно отрицать, что объявление конкурса влечет для указанных лиц определенные правовые последствия. Так учредитель конкурса обязан: принять работу, которая удовлетворяет условиям конкурса; в случае отказа от проведения конкурса возместить по общему правилу, участнику конкурса расходы, которые были

¹⁰ Долгополова Л.М. Торги як підстава виникнення цивільних правовідносин / Підприємництво, господарство і право / 2011. – № 8. с. 65–67.

¹¹ Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 328 (576 с.).

¹² Там же.

¹³ Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2т, Т 1 – М.: Статут, 2005. – С. 54 (492 с.).

¹⁴ Ерделевский О. Публичный конкурс. / Законность, 2000. – № 8. – С. 14.

им понесены для подготовки к участию в конкурсе. Такие же последствия наступают и в связи с изменением условий конкурса, участие в котором для лица потеряло интерес или стало невозможным. Согласно этих обязанностей, корреспондирующие им права имеет и участник конкурса, хотя он еще и не определен. Понятно, что речь идет о состоянии, когда воля учредителя воспринята волей потенциального участника конкурса. Таким образом, учитывая, что на этом этапе не возникает правоотношение можно утверждать о связанности организатора объявлением о конкурсе, который для достижения своей правовой цели ждет проявление инициативы других лиц в виде передачи результата. Также эта правовая ситуация может быть выяснена через ответ на вопрос: порождает ли юридические последствия неполный юридический состав. В связи с этим следует согласиться с М. А. Рожковой, что как и завершённый (полный) юридический состав, незавершённый (промежуточный) юридический состав может порождать юридические последствия, если норма права специально предусматривает для такой ситуации возникновение правового результата¹⁵.

Предоставление результата участниками конкурса также являются односторонними сделками, которые, хотя и предусматривались учредителем, но являются воплощением воли именно участников конкурса. Учредитель конкурса определяет в публичном объявлении срок для предоставления результата конкурса согласно ч. 4 ст. 1151 ГК Украины.

Таким образом, учредитель конкурса вступает в несколько конкурсных правоотношений, по количеству конкурсных результатов. Эти правоотношения являются гражданско-правовыми, но не обязательственными, однако они имеют потенциальную возможность трансформироваться в обязательственные, но при совершении еще одной односторонней сделки учредителем конкурса - принятия оценочного решения. Учитывая это, конкурсные правоотношения, которые делятся от предоставления результата до принятия оценочного решения могут быть отнесены к организационно-предпосылочным, образующим отношениям по классификации О.А. Красавчикова.

Моментом возникновения гражданско-правового обязательства из публичного обещания награды по результатам конкурса является завершение разворачивания фактического состава - принятие оценочного решения, которое удостоверяет завершение конкурса (соревнования) и также представляет собой одностороннюю сделку учредителя конкурса. Именно с этого времени победитель конкурса имеет право требовать от его учредителя выполнения своей обязанности по выплате награды (премии), а также у него возникают и другие права, предусмотренные ст. 1156 ГК, в частности, преимущественное право перед другими лицами на заключение с победителем конкурса договора об использовании предмета конкурса. То есть внедоговорное обязательство, возникающее из конкурса может прекратиться с выплатой награды, а может трансформироваться в договорное обязательство, например, по использованию результата интеллектуальной, творческой деятельности. Иными словами речь идет о порядке заключения договора. Как известно, в силу ст. 650 ГК особенности заключения договоров на биржах, аукционах, конкурсах и т.д. устанавливаются соответствующими актами гражданского законодательства. В связи с этим возникает вопрос о возможности применения норм о заключении договоров на торгах к публичному конкурсу, который содержит обязательство заключить с победителем конкурса договор. В этом случае целесообразно использовать опыт РФ, в ГК которой урегулирован порядок заключения договоров на торгах, проводимых в форме аукциона или конкурса. А именно, предусмотрена соответствующая субординация при применении норм, регулирующих заключение договоров с победителями конкурса и заключение договоров на торгах, отдающая приоритет последним - к публичному конкурсу, содержащему обязательство заключить с победителем конкурса договор, правила, предусмотренные главой «публичный конкурс», применяются постольку, поскольку ст.ст.447-449 ГК не предусмотрено иное.

В российской цивилистической литературе отмечается неурегулированность конкурса по наделению правами. Примером их могут служить конкурсы, проводимые «по

¹⁵ Прилипко С.М., Ярошенко О.М. Трудове право України: Підручник. – 2-ге вид., перероб та доп. – Харків: Видавництво «ФІНН», 2009. – с. 185 (728 с).

отбору аудиторских организаций для осуществления обязательного ежегодного аудита организаций, в уставном (складочном) капитале которых доля государственной собственности составляет не менее 25 процентов», «по отбору брокеров для продажи находящихся в государственной и муниципальной собственности акций открытых акционерных обществ через организатора торгов на рынке ценных бумаг» и т.д.. Результатом такого рода конкурсов является наделение победителя (победителей) правом осуществления определенной деятельности, которое носит специальный характер и поэтому в рамки общей правоспособности юридического лица или индивидуального предпринимателя не укладывается. Особенности таких конкурсов не позволяют их отнести ни к конкурсам-торгам, ни публичным конкурсам. Учитывая такие разновидности конкурсов, предлагается сформировать и закрепить в ГК РФ общие положения о конкурсах, а потом отдельно «конкурсы-торги», «публичные конкурсы», «конкурсы на признание права»¹⁶.

Кстати и украинское законодательство закрепляет положение о конкурсах, которое можно отнести к «конкурсам по наделению правами». Согласно ч. 1 ст. 44 Закона Украины «Об автомобильном транспорте» определение пассажирского перевозчика на автобусном маршруте общего пользования осуществляется на конкурсной основе¹⁷, а сама процедура проведения конкурса предусмотрена Порядком проведения конкурса о перевозке пассажиров автомобильным транспортом¹⁸.

Учитывая вышеупомянутое, считаем, что независимо от вида конкурса: публичного конкурса, конкурса-торгов, конкурса по наделению правами, рассматриваемое обязательство возникает из ряда односторонних сделок:

1) объявление конкурса, из которого правоотношение непосредственно не возникает;

2) предоставление результата участниками конкурса, приводит к возникновению ряда конкурсных правоотношений (по количеству предоставленных результатов);

3) принятие оценочного решения учредителем конкурса.

Поэтому, неточным является утверждение Л. Долгополовой, что на основании договора о проведении торгов возникают относительные гражданские правоотношения¹⁹. На самом деле на этом этапе не существует никакого договора, а имеют место односторонние сделки со стороны учредителя торгов (объявление о проведении торгов и участников (подачи заявления). Поскольку на этом этапе воля организатора и участников не согласуется, а проводится конкурс (соревнование) на выявление победителя (лучшего предложения).

Так же, не может кардинально отличаться процесс возникновения обязательства в конкурсном производстве при финансовой несостоятельности (банкротстве) должника, поскольку имеет целью получить как можно большую сумму от реализации имущества должника (проведения торгов), а также возникновение права победителя конкурса на замещение вакантной должности путем заключения трудового договора.

Учитывая многозначность термина конкурс в гражданском праве целесообразно закрепить в ГК общие положения о конкурсе как родовом понятии, а также правила об отдельных видах конкурсов (публичный конкурс, конкурс-торги, конкурс по наделению правами), предусмотрев норму о приоритете норм о конкурсе-торгах при условии заключения договора, как результата конкурса. Такое решение позволило бы повысить эффективность гражданско-правового регулирования отношений, возникающих при проведении публичного конкурса.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 328 (576 с.).

¹⁶ Брагинский М.И. в кн. / Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга пятая. В двух томах. Том 2: Договоры о банковском вкладе, банковском счёте; банковские расчеты. Конкурс, договоры об играх и пари. – М.: Статут, 2006. – С. 562-566 (623 с.).

¹⁷ Відомості Верховної Ради України. – 2001. – № 22. – ст. 105.

¹⁸ Зібрання постанов Уряду України – 1996. – № 19. – Ст. 548.

¹⁹ Егоров Ю.П. Сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 4. – М.: Статут, Екатеринбург: Институт частного права, 2005. – С. 252 (606 с.).

2. Брагинский М.И. в кн.. / Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга пятая. В двух томах. Том 2: Договоры о банковском вкладе, банковском счёте; банковские расчеты. Конкурс, договоры об играх и пари. – М.: Статут, 2006. – С. 562-566 (623 с.).
3. Відомості Верховної Ради України. – 2001. – № 22. – ст. 105.
4. Голубева Н.Ю. Зобов'язання із публічної обіцянки винагороди / Автореф. Дис.. на здобут. наук. ступ. канд. юрид. наук. Одеса, 2005. – С. 9 (22с.).
5. Долгополова Л.М. Торги як підстава виникнення цивільних правовідносин / Підприємство, господарство і право / 2011. – № 8. с. 65– 67.
6. Егоров Ю.П. Сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 4. – М.: Статут, Екатеринбург: Институт частного права, 2005. – С. 252 (606 с.).
7. Ерделевский О. Публичный конкурс. / Законность, 2000. – № 8. – С. 14.
8. Зібрання постанов Уряду України – 1996. – № 19. – Ст. 548.
9. Институт публичного конкурса (некоторые вопросы теории и практики) / Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 4. – 2005. – с. 338-359 (606 с.).
10. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. – С. 788-789 (880с.).
11. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2т, Т 1 – М.: Статут, 2005. – С. 54 (492 с.).
12. Кузнецов Д.В. Институт публичного конкурса (некоторые вопросы теории и практики) // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 4. – М.: Статут, Екатеринбург: Институт частного права, 2005. – С. 365 (606 с.).
13. Прилипко С.М., Ярошенко О.М. Трудове право України: Підручник. – 2-ге вид., перероб та доп. – Харків: Видавництво «ФІНН», 2009. – с. 185 (728 с.).
14. Рожкова М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права. Соглашения о защите прав и процессуальные соглашения Исслед. центр частного права. – М.: Статут, 2009. – С. 46 (332 с.).
15. Таш'ян Р.І. Односторонні правочини у цивільному праві: Монографія / Р.І. Таш'ян. – Х.: Право, 2010. – С. 130-131 (200 с.).
16. Телюкина М. Механизмы конкурсного права / Гражданское законодательство. Статьи, комментарии. Практика – Вып. 40 / Под ред.. А.Г. Диденко. – Алматы: Раритет, 2012 – с. 208-224 (344 с.).

OBLIGATIONS CONCERNING THE PUBLIC PROMISE FOR THE REWARD FOR THE COMPETITION RESULTS

V.N. SGNATENKO

*National University «Yaroslav
the Wise Law Academy of
Ukraine»*

e-mail: pollicitatio@bigmir.net

Civil matters arise from the legal facts and legal formulations as a particular set of legal facts. The grounds of the obligation committed as the public promise for the reward for the competition results is observed in the paper. The author criticizes the contractual structure of a public competition and believes that this obligation has the legal basis of the composition including three one-sided transactions.

Key words: public competition, contest, auction, tender to empower, bankruptcy proceedings, unilateral contract, commitment, duty.

УДК 346.9.(477)

ПУТИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ ПОГЛОЩЕНИЙ (РЕЙДЕРСТВА) В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ В УКРАИНЕ

И.И.КИЛИМНИК*Харьковская
национальная академия
городского хозяйства**e-mail: pravo_309@mail.ru*

В статье «Пути предотвращения недружественных поглощений (рейдерства) в контексте правового обеспечения безопасности предприятий в Украине» рассмотрены актуальные проблемы, связанные с безопасностью деятельности предприятий всех форм собственности с учетом реалий рыночной экономики и политики, связанной с интеграцией в мировое сообщество; предоставлена обобщающая характеристика правового регулирования предпринимательской деятельности в Украине; определены правовые основания для развития системы безопасности предприятий Украины; проведен анализ и даны рекомендации по предотвращению рейдерских атак, а также по взаимодействию предприятий с правоохранительными и контролирующими государственными органами. Результатом проведенного в статье исследования стала разработка новых концептуальных положений, отличающихся научной новизной и имеющих теоретическое и практическое значение. В частности, последние могут быть использованы при дальнейшей разработке теории хозяйственного права, в сфере правоприменительной деятельности и в учебном процессе.

Ключевые слова: рейдерство, рейдерская атака, недружественные поглощения, безопасность предприятий.

Определение понятия недружественные поглощения (рейдерство)

Поглощения как инструмент перераспределения собственности может носить как дружественный, так и недружественный характер. В основе дружественного поглощения лежит добровольное согласие компании-покупателя приобрести корпоративные права продавца по предварительно согласованной цене. Особенностью этого вида поглощения является наличие стадии переговоров, при которых потенциально возможно урегулирование вопроса о социальной ответственности бизнеса за последствия заключенной сделки. Для недружественного поглощения характерным является тот факт, что именно поглощение осуществляется против воли собственников и высшего руководства предприятия, поглощают в условиях ярко выраженного конфликта компании-покупателя и компании-цели.

Термин «недружественное поглощение» используется в Украине с особой содержательной нагрузкой и означает ситуацию, когда владелец корпоративных прав побуждают провести их отчуждение или вообще захватывает контроль над предприятием силой. Часто этот термин заменяют другим термином - «рейдерство» (от англ. Raider - мародер, нападающий, грабитель, военный корабль, который охотится на торговые суда).

В украинском законодательстве термин «рейдерство» пока не определен. Он используется в Указе Президента Украины № 103/2007 от 12.02.2007 г. «О мерах по усилению защиты прав собственности»¹.

Образованная, согласно Постановлению Кабинета Министров Украины от 21 февраля 2007 г. № 257, межведомственная комиссия получила название Межведомственной комиссии по противодействию противоправному поглощению и захвату предприятий².

¹ О мерах по усилению защиты прав собственности: Указ Президента Украины от 12.02.2007 года № 103/2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/103/2007?nreg=103%2F2007&find=1&text=%F0%E5%E9%E4%E5%F0%F1%F2%E2%EE&x=10&y=4>

² О создании Межведомственной комиссии по вопросам противодействия противоправному поглощению и захвату предприятий: Постановление Кабинета Министров Украины от 21.02.2007 года № 257 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/257-2007-%D0%BF>

Дальнейшее развитие борьбы с рейдерством в Украине на законодательном уровне вылилось в принятие Закона Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно противодействия противоправному поглощению и захвату предприятий» от 17.11.2009 г. № 1720-VI, которым были внесены изменения в Хозяйственный процессуальный кодекс Украины³, Гражданский процессуальный кодекс Украины⁴, Закон Украины «О государственном регулировании рынка ценных бумаг в Украине»⁵, Закон Украины «О государственной регистрации юридических лиц и физических лиц - предпринимателей», однако указанный нормативный акт не содержит определения термина «рейдерство» - этот термин, вообще законом не используется.

Несмотря на терминологические расхождения, главным признаком этого явления являются действия по получению контроля над предприятием навсегда или на время, необходимое для отчуждения его активов.

Часто с термином «рейдерство» употребляют другой термин - «гринмейл» (англ. - greenmail). Это применение миноритарием корпоративного шантажа владельца с дальнейшей целью подороже продать свои акции (корпоративные права). Гринмейл представляет собой комплекс различных корпоративных действий, предпринимаемых миноритарным акционером с целью заставить общество приобрести корпоративные права этого миноритария по достаточно высокой цене. В некоторых случаях гринмейл может быть способом защиты мелкими участниками своих прав. Но всегда в его основе лежит корпоративный конфликт.

Для защиты от гринмейла целесообразно придерживаться следующих рекомендаций:

- устранить противоречия в уставах и других учредительных документах, внутренних документах компании (как внутренние противоречия, так и противоречие с нормами действующего законодательства);
- строго соблюдать установленные законом процедурные требования при государственной регистрации субъекта хозяйствования, его учредительных документов, изменений к ним;
- при проведении собрания высшего органа управления обществом соблюдать порядок уведомления участников о проведении собрания, регистрации участников при проведении собрания, формирования повестки дня, ведения протоколов, осуществления соответствующих публикаций, и т.п.;
- обеспечить контроль корпоративных процедур, предусмотренных законодательством и учредительными документами общества (например, согласование заключения крупных сделок, сделок с недвижимостью, взятие кредитов, и т.д.);
- организовать надлежащее хранение всех документов общества;
- регулярно проводить независимые проверки (Legal Due Diligence) с целью подтверждения правомерности решений органов управления обществом, а также с целью выявления проблемных или неурегулированных аспектов в деятельности компании и связанных с этим рисков.

В отличие от гринмейла, рейдерство является своеобразной экономической войной, цель которой - завладеть, присвоить или уничтожить чужой бизнес.

Рейдеры - это компании или отдельные специалисты по вопросам недружественных поглощений предприятий, финансово, информационно истощают объект захвата, а затем - отбирают у владельца за бесценок. Рынок рейдерских услуг в Украине состоит чаще всего из достаточно большого количества средних и мелких фирм. Однако этими операциями могут заниматься и другие юридические, а также физические лица.

³ Хозяйственный процессуальный кодекс Украины от 06.11.1991 года № 1798-XII // Ведомости Верховной Рады Украины. - 1992. - № 6. - Ст. 56

⁴ Цивільний процесуальний кодекс України від 18.03.2004 року № 1618-IV // Відомості Верховної Ради України. - 2004. - № 40-41, 42. - Ст. 492

⁵ О государственном регулировании рынка ценных бумаг в Украине: Закон Украины от 30.10.1996 года № 448/96-ВР // Ведомости Верховной Рады Украины. - 1996. - № 51. - Ст. 292

Распространенный в Украине рейдерский захват предприятий направлен на неправомерное завладение собственностью предприятия: техникой, зданиями и сооружениями, занятой территорией, средствами производства, самим производством.

На рынке существует ряд игроков, использующих тактику поглощения для расширения своего бизнеса. Их можно условно классифицировать следующим образом:

- финансово-промышленные группы, которые строят вертикально интегрированные холдинги;
- конкуренты, стремящиеся к контролю над большей частью локального рынка;
- компании или группы лиц, для которых недружественные поглощения является способом заработка;
- компании или группы лиц, действующие в интересах существующих и потенциальных заказчиков.

Исходя из определения потенциально опасного для бизнеса субъекта, можно выделить следующие мотивации рейдеров:

- увеличение доли на рынке;
- устранение конкурентов;
- установление контроля за продавцами или поставщиками;
- «приобретение доходов» атакуемой компании;
- перепродажа активов или компании в целом по более высокой цене.

Определившись с мотивами, поглощающая компания выбирает цель, после чего начинается важнейший подготовительный этап планирования захвата, практически не замечен для компании-цели, при этом в нем задействованы весьма серьезные силы и ресурсы.

Большие шансы стать объектами рейдерского интереса имеют предприятия, которые:

- ведут успешный бизнес при высокой конкуренции в этой области;
- обладают привлекательными активами;
- имеют неконтролируемую кредиторскую задолженность;
- имеют неконсолидированный пакет акций;
- существует конфликт между участниками (акционерами);
- нарушают законодательство, не соблюдают своевременного оформления документов.

При этом в первую очередь рейдерский захват является реальной опасностью для предприятий, стоимость бизнеса которых значительно дешевле, чем активы, принадлежащие им.

Подготовительный этап начинается со сбора и анализа информации - прежде всего открытой, находящейся в свободном доступе. Здесь, в частности, помогает мониторинг прессы, где упоминается нужная организация. Сравнительно нетрудно получить в Украине и закрытую информацию. Например, данные, предоставляемые для налоговых органов юридическим лицом, сведения об экспортных и импортных операциях (таможня), о зарегистрированных на компанию недвижимости и транспортных средствах.

Важны данные о распределении акций между владельцами той или иной фирмы, не менее ценна инсайдерская информация. Наибольший интерес для «захватчика» представляют:

- корпоративная информация: учредительные документы, положения, регламентирующие деятельность органов управления, протоколы собраний, протоколы заседаний советов директоров, сведения о дочерних и зависимых обществах, о величине и структуре уставного капитала, оперативная информация об изменениях в реестре акционеров компании;
- финансово-экономическая информация: бухгалтерские балансы, сведения о наличии и структуре дебиторской и кредиторской задолженности, о наличии ликвидного имущества и его правовой статус, информация об имеющихся обременениях имущества, информация о контрагентах компании-цели, информация о налоговой и банковской истории предприятия;
- сведения о менеджменте и собственниках компании-цели: данные о занимаемых должностных позициях, количестве акций, принадлежащих им или долей в устав-

ном капитале, способе приобретения и оплаты акций (долей) в уставном капитале, личная информация.

Как правило, ни одна успешная операция по агрессивному захвату не обходится без участия центральных или местных властей, органов судебной власти, правоохранительных и контролирующих ведомств. На представителей компании-цели демонстрация захватчиком плотного альянса с властями всегда производит сильное впечатление. Административный ресурс никогда не афишируется, но при этом его незримое присутствие ощущается. Захватчик оценивает возможности привлечения СМИ, производит оценку правовых, экономических, административных рисков и затрат.

Собрав или купив информацию о жертве, профессиональный рейдер разрабатывает план захвата с подробным бюджетом, как правило, 10-25 процентов от рыночной стоимости объекта.

Стратегия и тактика рейдерства

Существует четыре основных способа захвата предприятий: скупка акций, кредиторская задолженность, недобросовестное руководство, несовпадение адреса.

Скупка акций. Уязвимы в этом смысле предприятия - публичные акционерные общества. Скупаются акции у миноритарных акционеров и владельцев небольших пакетов. Сначала поглотители покупают незначительное количество акций (10-15%), которые дают владельцу возможность участвовать в собрании акционеров, влиять на мнение других держателей акций. Следующий этап поглощения - увеличение пакета акций до блокирующего пакета (более 25%), затем до контрольного (50% + 1 акция).

Поглощение через кредиторскую задолженность осуществляется путем скупки просроченных долгов предприятия по низким ценам, которые затем консолидируются и предъявляются к одновременной выплате. Если предприятие неспособно погасить свои обязательства, а так чаще всего и бывает, это дает основание для начала процедуры банкротства или санации, а значит, оно перестает быть подконтрольным и владельцу, и менеджменту.

Существуют случаи, когда долги создают искусственно или фальсифицируют. Чаще всего это случается по вине *недобросовестного руководства*, которое, например, может заключить какой-либо договор и отсрочить его оплату, что дает в свою очередь основания для судебного спора. Менеджмент может спровоцировать финансовые проблемы на предприятии, закупив сырье по завышенным ценам или взяв кредит под очень высокие проценты. Часто поглощения через руководителей осуществляется на госпредприятиях, на которых отсутствует постоянный эффективный контроль со стороны владельца.

Иногда бывает, что предприятие зарегистрировано не по тому адресу, где оно фактически находится. Тогда возможен *захват через несовпадение адреса*.

Предприятие-поглотитель может направить в суд иск с требованием оплатить задолженность или возместить ущерб, нанесенный его деловой репутации. Главное, чтобы в иске был указан не тот адрес ответчика, где он фактически находится. В результате ответчик не получает сообщения о процессе, а потому не является в суд. Решение выносится без его участия. А через три месяца, если требования истца не выполнены, он инициирует процедуру банкротства, после начала которой уже поздно что-либо оспаривать. Данные методы захвата остаются наиболее распространенными в Украине. Однако сегодня они становятся все более законными и превращаются в своеобразные интеллектуальные битвы с использованием мощного административного ресурса.

Как показывает практика, любой способ эксплуатирует одну технологию, успешная реализация которой и является основой для поглощения компании-цели. Эта технология включает:

1. Создание для компании-цели таких условий, при которых будет невозможно осуществить быстрый вывод активов или обременить ее существенными обязательствами, что ощутимо снизит стоимость предприятия.

Это достигается путем наложения ареста на основании судебных определений об обеспечении иска на все значимые активы организации, а также запрета менеджмента предприятия заключать сделки, эмитировать ценные бумаги и т.д.

Постановления об аресте активов или запрете совершать определенные действия в обеспечение иска обычно выносит суд общей юрисдикции или хозяйственный суд по

абсурдному иску миноритарного акционера (участника), нового генерального директора общества и т.д.

В некоторых случаях, когда ресурсы компании-агрессора не позволяют ей получить нужное решение, арест активов компании-цели может быть осуществлен в рамках уголовного процесса на основании шагов, предпринимаемых дознавателем, следователем или прокурором в ходе расследования уголовных дел.

2. Приобретение акций (долей) или кредиторской задолженности компании-цели для того, чтобы установить юридический контроль над предприятием или хотя бы создать условия, которые обеспечивали бы агрессору серьезное влияние на компанию-цель. Этот способ применяют, например, когда большинство акций объекта «распылена» по мелким держателям - акции скупают с целью собрать контрольный пакет. Поскольку легких рейдерских объектов остается все меньше и меньше, рейдерам приходится придумывать новые методы работы уже с консолидированными пакетами. Например, рейдеры не скупают акции, а фактически воруют активы, которые им интересны.

3. Создание условий, препятствующих проведению срочных дополнительных эмиссий акций в целях уменьшения доли участия компании-агрессора в уставном капитале компании-цели в процентном отношении. Данные условия обычно создаются либо путем наложения запретов на проведение дополнительной эмиссии с помощью судебных определений об обеспечении иска, или посредством достижения соответствующих неформальных договоренностей с уполномоченными регистрирующими органами исполнительной власти на рынке ценных бумаг. В некоторых случаях указанные действия осуществляются вместе с шагами по нейтрализации активности крупных акционеров компании-цели.

4. Проведение мероприятий, направленных на нейтрализацию действий крупных акционеров компании-цели. Эти меры в самом общем случае именуется блокировкой. В результате использования этого приема в корпоративной борьбе крупный акционер (участник) компании-цели, по крайней мере, на некоторое время, лишается возможности осуществлять права по акциям, принадлежащих ему. С помощью блокировки агрессор также добивается уменьшения общего количества голосов на общем собрании акционеров (участников) компании-цели, необходимых для принятия важных решений.

Отдельным способом нейтрализации владельцев крупных пакетов акций является передача реестра другому регистратору на основании определений различных судов о принятии мер по обеспечению иска. В дальнейшем крупный пакет просто похищается у владельца и многократно перепродается добросовестным приобретателям.

5. Осуществление враждебных корпоративных действий в отношении компании-цели. В основном эти действия сводятся к проведению внеочередного общего собрания акционеров (участников) компании-цели и формированию параллельных органов управления предприятием. Также довольно часто враждебные корпоративные действия материализуются в виде судебного запрета совершать определенные действия, которые распространяются на решения органов управления компании-цели. В отношении компании-цели инициируется значительное число абсурдных исков.

6. Проведение политики, направленной на дестабилизацию ситуации в компании-цели, а также создание последней различных проблем с поставщиками, потребителями, налоговыми и правоохранительными органами, органами государственной власти и управления.

Указанные действия сводятся к направлению различных жалоб и заявлений в государственные, правоохранительные и фискальные органы. Довольно часто компании-агрессоры прибегают к такому испытанному приему, как уголовное преследование по надуманным основаниям в отношении руководителей предприятия-цели, его основных акционеров. Большое внимание уделяется также работе с контрагентами предприятия: основных поставщиков и покупателей щедро обеспечивают дезинформацией о близком банкротстве компании-цели, что часто приносит плоды.

7. Проведение в средствах массовой информации мощной компании, направленной на дискредитацию руководства предприятия, его основных акционеров. Анализ многочисленных проектов по недружественным поглощениям показывает, что компании-агрессоры часто используют в своей деятельности СМИ, с помощью которых ведется мас-

сированная кампания по дискредитации руководителей компании-цели и ее основных акционеров. Такие PR-кампании дают определенные результаты, особенно в тех случаях, когда нужно оказать психологическое давление на органы государственной власти и управления, а также на суды, которые рассматривают дела, связанные с корпоративными конфликтами.

8. Осуществление мероприятий, направленных на перехват управления в компании-цели. Эти меры обеспечивают установление физического контроля над компанией-целью. Без перехвата управления говорить о поглощении предприятия не имеет смысла.

9. Проведение мероприятий, способствующих физическому удержанию компании-цели. После перехвата управления необходимо удержать компанию-цель или хотя бы осуществить быстрый вывод ее активов. Очевидно, что, захватив компанию-цель, агрессор должен подумать о ее дальнейшей защите. С целью организации эффективной защиты агрессор должен, по меньшей мере, выявить потенциальных новых агрессоров и принять меры для нейтрализации их возможных притязаний, а также проанализировать направления возможных ударов.

10. Осуществление шагов, обеспечивающих ликвидацию конфликта после установления физического контроля над компанией-целью. Такие шаги призваны минимизировать число недовольных поглощением предприятия и, следовательно, снизить риск возможного захвата предприятия этими лицами. К их числу обычно относятся бывшие руководители компаний-цели, ее крупнейшие акционеры, органы государственной власти и управления, а также лица, осуществляющие уголовное или неформальное силовое покровительство предприятия. Как правило, проблемы с вышеперечисленными лицами решаются в ходе переговоров, по результатам которых бывшие руководители и крупнейшие акционеры могут получить приличные компенсации, органам государственной власти и управления обычно обещают увеличение числа рабочих мест и регулярные налоговые выплаты и т.д. По мнению многих экспертов рейдеров условно делят на «белых», «серых» и «черных». «Белое» рейдерство - это законная деятельность, направленная на приобретение предприятия. «Серое и черное» рейдерство - использование незаконных методов, поддельных документов, силовых захватов.

Согласно данному распределению и типам стратегии захвата предприятия выделяют следующие схемы рейдерства:

объект рейдерского нападения - акционерное общество. Рейдерам принадлежит 0-30% акций общества - «черная» схема.

Примерная последовательность действий:

1. Подделка документов, направленных на переход права собственности на другие акции.
2. Подача документов регистратору.
3. Проведение внеочередного общего собрания акционеров со следующей повесткой дня: назначение нового генерального директора, получение положительного решения по крупной сделке (отчуждение наиболее ценных активов предприятия).
4. Внесение данных о новом руководителе в единый государственный реестр юридических лиц.
5. Заключение нового руководителя по согласованию об отчуждении наиболее ценных активов предприятия.
6. Регистрация права собственности на недвижимое имущество в государственном реестре.
7. Продажа недвижимого имущества.
8. Силовой захват и вход на предприятие от имени нового руководителя.
9. Проведение общего собрания акционеров и принятия решения о ликвидации предприятия.
10. Ликвидация предприятия и всех юридических лиц, осуществлявших содействие в купле-продаже активов.

– объект рейдерского нападения - акционерное общество. Рейдерам принадлежит 30-50% акций общества - «серая» схема. Примерная последовательность действий:

1. Направление рейдерами требования о проведении внеочередного собрания акционеров со следующей повесткой дня: назначение нового генерального директора, получение положительного решения по крупной сделке.

2. При отказе рейдеры (имея более 10% голосующих акций) имеют право на самостоятельный созыв общего собрания акционеров.

3. Лица, которые могут негативно повлиять на решение или имеют значительный пакет акций на собрание не допускаются или им запрещается голосовать по решению суда.

4. Принятие решения о смене руководства.

5. Внесение данных о новом руководителе в единый государственных реестр юридических лиц.

6. Заключение нового руководителя по согласованию об отчуждении наиболее ценных активов предприятия.

7. Регистрация права собственности на недвижимое имущество в государственном реестре.

8. Продажа недвижимого имущества.

9. Силовой захват и вход на предприятие от имени нового руководителя.

– объект рейдерского нападения – акционерное общество. Рейдерам принадлежит более 50% акций общества – «белая» схема. Примерная последовательность действий:

1. Требование акционера о проведении внеочередного собрания акционеров;

2. Принятие решения о смене руководства;

3. В случае несогласия существующего руководителя - силовой захват или подача иска в суд с требованием не оказывать сопротивления работе нового руководителя.

– объект рейдерского нападения - общество с ограниченной ответственностью. Рейдерам принадлежит 0-50% акций общества - «черная» схема. Примерная последовательность действий:

1. Подделка документов, направленных на переход прав на доли в уставном капитале общества;

2. Проведение общего собрания со следующей повесткой дня: внесение изменений в устав предприятия (данные о новых участниках), получение положительного решения по смене руководства (протокол подписывается новыми участниками предприятия);

3. Регистрация изменений в уставе и внесения данных о новом руководителе в единый государственных реестр юридических лиц;

4. Заключение нового руководителя по согласованию об отчуждении наиболее ценных активов предприятия;

5. Регистрация права собственности на недвижимое имущество общества;

6. Продажа недвижимого имущества;

7. Силовой захват и вход на предприятие от имени нового руководителя или новых владельцев активов;

8. Проведение общего собрания и принятия решения о ликвидации предприятия;

9. Ликвидация предприятия и всех юридических лиц, осуществлявших содействие в купле-продаже активов.

Хотя очень редко применяется одна из схем. Обычно они сочетаются между собой и начата процедура по «белой» схеме не всегда может заканчиваться без силового вмешательства.

Типичные ошибки руководителей и владельцев предприятий

Какие ошибки допускают руководители. Вряд ли возможно переоценить роль руководителя в деле о корпоративных конфликтах. Наивно полагать, что объектом захвата могут быть только компании со слабым менеджментом. Казалось бы, опытный руководитель должен уделять большое внимание профилактике корпоративных захватов, информации о которых в наше время предостаточно. Источниками информации о реальных масштабах явления служат деловая пресса, различные электронные СМИ, каналы прямого обмена сведениями между собственниками и директорами предприятий, объединения предпринимателей. Такую информацию главные участники корпоративных отношений получают и от своих специалистов и постоянных внешних консультантов, а также в про-

цессе участия в различных очных тренинговых форумах (лекции, семинары, деловые игры, фундаментальное повышение квалификации путем получения нового образования и т.п.). Но, однако, многие владельцы бизнеса и их топ-менеджеры не представляют себе суть и остроту проблемы. Причин такого парадоксального положения дел довольно много. Причем они имеют разную природу: в их совокупности находят место и обстоятельства психологического свойства, и глубинные микроэкономические тенденции. Выделим главные.

Психологический эффект недооценки. Как и бытовой пожар, наводнение или землетрясение, разрушительный корпоративный конфликт относится к оценочно-вероятным событиям. Кому-то суждено их миновать, кому-то нет. Одновременно владельцы бизнеса, будучи профессионалами, понимают, что построение системы корпоративной обороны - достаточно капиталоемкое средство. И нередкая резоны экономии финансовых ресурсов перевешивают резоны страховки. Поэтому чаще о корпоративной защите начинают думать серьезно тогда, когда рейдерский захват уже начался, и поскольку его главным фактором выступает неподготовленность предприятия-цели, радикальные меры защиты бизнеса на этой стадии оказываются тщетными.

Преувеличение фактора «личных» связей. Считается, и не без оснований, что отечественное предпринимательство в принципе невозможно без прямой поддержки или общего покровительства различных государственных структур или их руководителей. Крупные инвесторы и руководители предприятий не расстаются с уверенностью, что в случае применения потенциальным корпоративным противником даже самых дерзких схем вроде судебного перехвата управления или отъема собственности, представители власти их поддержат.

Фактор занятости владельцев и директоров отечественных предприятий. Следует исходить из того, что корпоративное (управленческое и правовое) обустройство бизнеса не входит в систему главных их приоритетов. Это тем более справедливо и для конструирования системы обороны бизнеса от недружественного поглощения и корпоративного шантажа. Указанные проблемы не могут конкурировать, например, с борьбой за клиента в условиях конкуренции, которая все более обостряется, или с финансовым и налоговым планированием.

Высокая концентрация собственности. Большая часть отечественного бизнеса представлена финансово-промышленными группами, холдингами и другими форматами крупных интегрированных корпораций. Корпоративные центры последних настолько порой уверены в своем преимуществе в мощности над потенциальными агрессорами, что не рассматривают защиту бизнеса как актуальную тему.

Общий непрофессионализм собственника. Некоторая часть предпринимателей начинает понимать, что построение эффективной системы обороны бизнеса - удел специалистов. Однако для того, чтобы понять, насколько качественный продукт предлагают многочисленные фирмы, специализирующиеся на данной проблематике, необходимо хотя бы в целом владеть ситуацией. Между тем корпоративно-управленческая и правовая компетентность многих руководителей наших крупных компаний оставляет желать лучшего. Поэтому феномен неподготовленности к корпоративной обороне часто просто выражается в создании псевдонадежных схем, по отношению к которым у пользователей существует иллюзорная уверенность в их работоспособности. Другая, более многочисленная группа предпринимателей (особенно это касается владельцев финансово-промышленных групп и холдингов), обзаведясь большим штатом собственных сотрудников, представляющих специальности «на все случаи жизни», поручает им и проекты защиты собственного бизнеса. Таким «специалистам», как правило, банально не хватает знаний и опыта для решения столь сложных задач.

Отсутствие надлежащей общей корпоративной культуры. Главным ее проявлением является пренебрежительное отношение контрольных участников компаний к миноритарным акционерам (участникам). Между тем, последние являются лицами, кровно заинтересованными в стабилизации корпоративных отношений и, как правило, готовы если не финансовыми, то уж во всяком случае интеллектуальными и организационными ресурсами участвовать в создании гармоничных управленческих конструкций,

фрагментами которых и выступают адаптированные к данному предприятию системы профилактики корпоративных конфликтов.

Формировать механизм защиты современного предприятия от недружественного поглощения следует исходя из принципиального представления о компании-агрессоре как о динамической системе, а также постоянно меняющейся по параметрам ресурсов, и стремящейся расширить границы стратегической зоны хозяйствования путем освоения ресурсных полей в зоне новых стратегических интересов. Поэтому четкое понимание типологии компаний-агрессоров на рынке недружественных поглощений, их внутренней организационной структуры и выявление основных критериев по которым можно утверждать, что против компании начались мероприятия по ее захвату, позволяет в некоторой степени определить тот инструментарий компании-агрессора, который вероятнее всего будет использоваться в дальнейшем против компании-цели в каждом конкретном случае недружественного поглощения.

Рекомендации

В мировой практике известно много защитных мер, которые применяют, чтобы противостоять нежелательным поглощениям. Большинство методов защиты можно разделить на две группы:

– превентивные меры (pre-offer defenses) - методы защиты, созданные предприятием до появления непосредственной угрозы поглощения с целью уменьшения возможности успешного враждебного поглощения. Эти меры заключаются во внесении изменений в устав компании по: разделению, или ротации, совета директоров (совет директоров делится на несколько частей и каждый год избирается только одна часть) введении условия подавляющего большинства (устанавливается высокий процентный барьер голосов акционеров, необходимых для одобрения поглощения - преимущественно более 80%); устанавливается условие справедливой цены (при покупке акций по ним уплачивается справедливая рыночная цена независимо от группы акционеров, обычно справедливая цена определяется с помощью коэффициента, который учитывает доходность компании), место регистрации компании меняется (с учетом разницы в законодательстве отдельных регионов, выбирается место для регистрации, в котором можно провести необходимые поправки в устав и облегчить себе судебную защиту), «ядовитые пилюли» (ценные бумаги, выпускаемые предприятием, чтобы уменьшить свою привлекательность в глазах враждебного покупателя. Существует два вида «ядовитых пилюль»: внутренние - дополнительная эмиссия акций, позволяющая всем акционерам компании (за исключением поглопителя) покупать дополнительные акции по сниженным ценам; внешняя - дает право акционерам купить акции после нежелательного объединения предприятий по сниженной цене), «золотые парашюты» (специальные соглашения о компенсации, которые компания заключает с высшим руководством в случае их добровольного или вынужденного увольнения по нежелательного объединения предприятий) выпуск акций с более высоким правом голоса. (Между акционерами компании-цели распределяется новый класс акций, которые обладают приоритетным правом голоса. Позволяет менеджменту компании-цели получить большинство голосов, не владея контрольным пакетом акций компании). активные меры (post-offer defenses) - методы защиты, созданные после того, как попытка поглощения состоялась. – К ним следует отнести: контрнапад на компанию-приобретателя (так называемый «Защита Пекмена» - корпорация-цель делает встречное предложение акционерам корпорации-захватчика по выкупу контрольного пакета акций) объединения с дружественной компанией (так называемое «слияние с белым рыцарем») предложение компании-захватчику об обратном выкупе акций по цене, превышающей рыночную, и обычно по цене, превышающей цену, которую заплатила за акции компания-захватчик (так называемая «зеленая броня») реструктуризация активов и обязательств (покупка активов, которые сделают компанию-цель непривлекательной для компании-агрессора или эмиссия акций для третьей стороны);

– второстепенные средства: политика «выжженной земли» (применяется для уменьшения привлекательности компании для потенциального захватчика), «белая броня» (продажа акций дружеской компании по цене ниже рыночной).

Отечественные предприятия из-за низкого уровня развития фондового рынка не имеют возможности эффективно использовать вышеперечисленный опыт стран с высоко развитой рыночной экономикой. Зато основными превентивными мерами украинских предприятий должны быть:

- постоянный мониторинг изменений в реестре акционеров;
- оптимизация системы управления предприятием, эффективное распределение управленческих полномочий;
- проверка и совершенствование внутренних нормативных документов, внедрение ограниченности доступа к ним;
- оценка нематериальных активов;
- надежная кадровая политика;
- проверка системы защиты информации;
- анализ потенциального интереса к предприятию со стороны инвесторов;
- постоянная готовность к мобилизации всех ресурсов (административных, финансовых, информационных, политических, социальных и др.).

Меры, которые следует использовать украинским предприятиям для предупреждения или противостояния незаконным поглощением можно сгруппировать следующим образом:

1. Выявления слабых мест в системе антирейдерской защиты предприятия:
  - анализ внутренних документов на предмет отсутствия внутренних конфликтов и конфликтов с нормами действующего законодательства;
  - анализ эффективности распределения управленческих полномочий с целью недопущения слишком большого их концентрации;
  - мониторинг изменений в реестре акционеров (составе участников);
  - оценка эффективности организации финансовых потоков предприятия;
  - оценка действенности системы защиты информации и справедливости оценки нематериальных активов;
  - оценка лояльности персонала;
2. Превентивные меры по предупреждению захвата предприятия рейдерами:
  - улучшение внутренних нормативных документов (кадровая политика, управленческие функции, согласования сделок, порядок хранения документов и т.д.);
  - оптимизация системы управления предприятием;
  - мониторинг латентных конфликтов интересов;
  - введение режимов пользования информацией, в том числе, составление перечня инсайдерской информации и подписания обязательств о ее неразглашении;
  - улучшение системы внутреннего контроля;
  - работа с персоналом, направленная на повышение уровня лояльности;
3. Меры, применяемые на этапе захвата предприятия:
  - затягивание судебных процессов, обжалования судебных решений, привлечения квалифицированных юристов;
  - обжалование действий государственных органов, вынесенных против предприятия;
  - решения медиа-войны с рейдерами;
  - использование несовершенства законодательства против рейдеров;
  - привлечение профессиональных союзов для проведения общественных акций против рейдеров.

Список литературы

1. О мерах по усилению защиты прав собственности: Указ Президента Украины от 12.02.2007 года № 103/2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/103/2007?nreg=103%2F2007&find=1&text=%F0%E5%E9%E4%E5%F0%F1%F2%E2%EE&x=10&y=4>
2. О создании Межведомственной комиссии по вопросам противодействия противоправному поглощению и захвату предприятий: Постановление Кабинета Министров Украины от 21.02.2007 года № 257 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/257-2007-%D0%BF>

3. Хозяйственный процессуальный кодекс Украины от 06.11.1991 года № 1798-ХІІ // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1992. – № 6. – Ст. 56
4. О государственном регулировании рынка ценных бумаг в Украине: Закон Украины от 30.10.1996 года № 448/96-ВР// Ведомости Верховной Рады Украины. – 1996. – № 51. – Ст. 292
5. О государственной регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей: Закон Украины от 15.05.2003 года № 755-ІV// Ведомости Верховной Рады Украины. – 2003. – № 31-32. – Ст. 263

WAYS TO PREDICT HOSTILE TAKEOVERS (CORPORATE RAIDING) AND THE LEGAL BACKGROUND FOR THE CORPORATE SAFETY IN UKRAINE

I. I. KILIMNIK

*Kharkiv National Academy
of Municipal Economy*

e-mail: pravo_309@mail.ru

The paper considers the actual problems of security-related activities of enterprises of all forms of ownership to the realities of the market economy and policy, related to the integration into the world community. The author provides the general characteristic of legal business regulation in Ukraine. The paper identifies the legal basis for the development of enterprise security of Ukraine and considers the recommendations for the prevention of raider attacks, as well as on the interaction of companies with state law enforcement and regulatory agencies. The result of the research presented in the article is the development of new concepts characterized by the scientific novelty and theoretical and practical importance. In particular, the latter can be used in the further development of the theory of economic law, in the sphere of law-enforcement activity and in the educational process.

Key words: raiding, raider attack, hostile takeovers, enterprise security.

УДК 346:344.716 (477)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ПРЕДПРИЯТИЕ» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ

А.В. НАУМЕНКО
Т.А. КУРМАЗ

Харьковская
национальная академия
городского хозяйства

e-mail: allanauim@i.ua

В статье «Определение понятия «предприятие» в законодательстве Украины» термин «предприятие» раскрыт в двух значениях: как имущественный комплекс – объект права и как юридическое лицо – субъект права. Как объект права предприятие представляет собой особый вид имущества, обладающий специфическими свойствами. Одним из наиболее значимых и неотъемлемых признаков имущественного комплекса является его способность самостоятельно участвовать в гражданском обороте, нести определенные черты, более характерные для субъекта права (иметь права и обязанности, владеть результатами интеллектуальной деятельности и т.д.), саморазвиваться и самоорганизовываться. Основным критерием, определяющим юридические рамки предприятия как имущественного комплекса, является ранее сложившаяся и сохраняемая им на момент отчуждения первоначальная гражданско-правовая оборотоспособность как единого объекта, способность и далее, и аналогичным образом участвовать в предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: предприятие, имущественный комплекс, гражданский оборот, оборотоспособность.

Гражданский кодекс Украины рассматривает *предприятие как единый имущественный комплекс* наравне с другими объектами гражданских прав – вещами, результатами интеллектуальной деятельности и т.д., признавая тем самым оборотоспособность предприятий, т.е. их возможность быть объектом купли-продажи, залога, аренды и других сделок (ч.4 ст.191).

Следует отметить, что предприятие является довольно специфическим объектом гражданских прав. Это нашло отражение в ст. 191 ГК Украины, на основании которой предприятие признается единым имущественным комплексом, используемым для осуществления предпринимательской деятельности.

Подчеркнем, что Гражданским кодексом Украины предприятие как единый имущественный комплекс рассматривается именно как *объект права*. Дело в том, что в недавнем прошлом законодательство оперировало понятием «предприятие», имея в виду юридическое лицо (субъекта гражданских прав и участника имущественного оборота). Эта концепция имела политическую подоплеку и была связана с приемлемой для советской идеологии экономической моделью, когда «вся экономическая деятельность осуществлялась государственными предприятиями, которые были субъектами гражданско-правовых отношений»¹.

Несмотря на признание Гражданским кодексом Украины предприятия объектом гражданских прав, гражданско-правовая природа предприятия остается в числе наиболее острых дискуссионных вопросов в науке гражданского права. Научный спор между сторонниками концепции «предприятие – объект» и приверженцами теории «предприятие – субъект» длится не один год и рождает веские аргументы в защиту той или иной позиции.

В основе теоретических разработок ряда ученых лежит тезис о том, что «понятие «предприятие» может быть плодотворно использовано лишь тогда, когда речь идет о предприятии как объекте права, как имущественном комплексе, на который распространяется единый правовой режим»². Сторонники теории «предприятие – объект» считают, что «ситуация, когда допускается продажа субъектов гражданских прав и обязанностей,

¹ Пацурківський Ю. П. Правовий режим майна суб'єктів підприємницької діяльності / Ю.П. Пацурківський. – Чернівці: Рута, 2001. – 248 с.

² Проблемы современного гражданского права: Сборник статей. М.: Городец, 2000. – 384 с.

представляется парадоксальной. Ведь указанные субъекты (юридические лица) являются такими же участниками имущественного оборота, как и физические лица»³.

Предприятие как имущественный комплекс всегда есть только часть имущества лица, обладающего предприятием. Аргументация в пользу данного утверждения сводится к тому, что «отчуждение по правомерным основаниям предприятия (а это, как правило, возмездная сделка) в собственность иному лицу должно не только не уменьшить первоначальное имущественное положение бывшего владельца, но и принести ему определенные материальные (имущественные) блага, что естественно для нормального гражданского оборота, в котором имущественный комплекс как объект гражданских прав участвует. Полного совпадения имущества лица – собственника предприятия и имущественного комплекса самого предприятия невозможно представить даже теоретически»⁴.

В поддержку данной аргументации С.А. Степанов подчеркивает, что даже в том случае, когда отчуждаемое предприятие является, казалось бы, единственным вещным проявлением юридического лица, переход права собственности на абсолютно все имущество в составе передаваемого комплекса не будет иметь места. Хотя бы по той причине, что отчуждение предприятия как имущественного комплекса не влечет обязательного прекращения (или даже необходимой реорганизации) юридического лица – первоначального владельца, а статус юридического лица без обособленного имущества вообще просто немислим.

Что касается теории «предприятие – субъект», то данная концепция нашла свою реализацию в Хозяйственном кодексе Украины, которым предприятие признается самостоятельным субъектом хозяйствования и юридическим лицом (ст.62).

Проблема соотношения понятий «предприятие» и «юридическое лицо» не нова. Идея признания предприятия в качестве юридического лица выдвигалась еще в дореволюционной российской цивилистике и разделялась рядом известных ученых, в частности Г.Ф. Шершеневичем. Примечательно, что этот ученый в своем учебнике торгового права рассматривает предприятие в разделе, посвященном субъектам торговых сделок. Проводя подробный анализ конститутивных признаков предприятия, Г.Ф. Шершеневич рассматривал предприятие как объект права собственности, предмет сделок, имущественный обособленный комплекс, в то же время претендующий и могущий стать субъектом гражданско-правового отношения, поскольку комплекс этот, по мнению ученого, суть меновое хозяйство, которое фактически оценивается в обороте как самостоятельный субъект, характеризуемый относительной неизменностью, отводящий на второй план своего владельца и, как правило, не ассоциируемый с именем последнего⁵.

В поддержку данной концепции современные ученые Н.И. Клейн и В.В. Чубаров отмечают, что «и права требования, и долги, и исключительные права могут принадлежать только субъекту права»⁶.

Как известно, предприятие как единый имущественный комплекс характеризуется смешением вещных и обязательственных элементов, его составляющих. В.В. Витрянский, являющийся сторонником концепции «предприятие – объект», отмечает по данному поводу, что когда законодатель упоминает в составе имущества предприятия как единого имущественного комплекса права требования и долги, он имеет в виду, «конечно же, права требования и долги по обязательствам собственника предприятия, связанным с деятельностью этого имущественного комплекса. Само по себе предприятие, не будучи юри-

³ Брагинский М. И. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества / М.И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М.: «Статут», 2000. – 800 с.

⁴ Степанов С. А. Предприятие как имущественный комплекс по Гражданскому кодексу Российской Федерации / С. А. Степанов // Актуальные проблемы гражданского права [под ред. С. С. Алексеева] (Исследовательский центр частного права. Уральский филиал. Российская школа частного права. Уральское отделение). – М.: «Статут», 2000. – 318 с.

⁵ Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права [по изданию 1914 года] / Г. Ф. Шершеневич. – М.: СПАРК, 1994. – 335 с.

⁶ Гражданское право России. Часть вторая. Обязательственное право: курс лекций / [под ред. О. Н. Садикова]. – М., 1997. – 704 с.

дическим лицом, в принципе не может иметь никаких прав и обязанностей»⁷. Помимо данного фактора, ученый указывает на необходимость различать понятия «предприятие» (как имущественный комплекс, объект гражданских прав) и «государственное или муниципальное предприятие» (как организационно-правовую форму коммерческой организации, субъект гражданских прав и обязанностей). «Во втором случае слово «предприятие» – лишь один из элементов наименования соответствующей организационно-правовой формы юридических лиц»⁸.

Такая точка зрения поддерживается рядом исследователей, считающих, что «термин «предприятие» используется для обобщения всех юридических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью. «Такого субъекта отношений как предприятие в реальности не существует, субъектом является юридическое лицо»⁹.

Наиболее обоснованной, на наш взгляд, представляется позиция С.Н. Братуся, в свое время отметившего, что «понятие «предприятие» является двузначным: это и субъект, и объект права»¹⁰. Сторонником данной концепции является Ю.К. Толстой и другие современные исследователи. Так, например, О. Романов указывает на использование законодателем понятия «предприятие» в двух значениях: как имущественный комплекс – объект права и как юридическое лицо – субъект права¹¹.

Термин «предприятие» в трактовке ХК применяется как в отношении унитарных предприятий, создаваемых одним учредителем, так и в отношении корпоративных предприятий, создаваемых двумя и более учредителей, что, по сути, относит к понятию предприятия все существующие сегодня организационно-правовые формы хозяйствования. В связи с чем, следует согласиться с Гринюком Р.Ф., который заметил, что по отношению к хозяйственным обществам «применение понятия «предприятия» некорректно»¹².

Таким образом, правильнее, на наш взгляд, будет признать качестве субъектов права только унитарные предприятия – государственные (в том числе казенные) и коммунальные предприятия, а также частные предприятия. Причем, если в отношении первых двух видов следует отметить, что эти субъекты хозяйственной деятельности не обладают правом собственности на закрепленное за ними имущество, а пользуются им на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, то в отношении частного предприятия, по справедливому замечанию Е.Р. Кибенко, учредителю предоставляется право выбора одного из двух режимов имущества частного предприятия – права собственности или права хозяйственного ведения¹³.

Как **объект права** предприятие представляет собой особый вид имущества, обладающий специфическими свойствами. И.В. Елисеев к таким свойствам относит следующие. Во-первых, предприятие – это имущество, предназначенное **для ведения предпринимательской деятельности**. Поэтому оно принадлежит предпринимателю: индивидуальному или коллективному. Во-вторых, предприятие – это имущество, **обособленное** от других имуществ, в том числе принадлежащих тому же предпринимателю. В-третьих, предприятие – это **единый имущественный комплекс**, представляющий собой не просто совокупность разрозненных предметов, а одну непотребляемую,

⁷ Брагинский М. И. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества / М.И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М.: «Статут», 2000. – 800 с.

⁸ Брагинский М. И. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М.: «Статут», 2000. – 800 с.

⁹ Молявко О. М. Цивільно-правові проблеми регулювання діяльності комерційних організацій / О. М. Молявко // Розвиток цивільного і трудового законодавства в Україні. – Харків, 1999. – 28 с.

Пацурківський Ю. П. Правовий режим майна суб'єктів підприємницької діяльності / Ю.П. Пацурківський. – Чернівці: Рута, 2001. – 248 с.

¹⁰ Проблемы современного гражданского права: Сборник статей. М.: Городец, 2000. – 384с.

¹¹ Романов О. Государственная регистрация прав на недвижимость и сделок с недвижимым имуществом: некоторые проблемы правоприменения / О. Романов // Хозяйство и право. – 1998. – №7. – С. 31-36.

¹² Гринюк Р. Ф. Правовой статус коммунальных предприятий в Украине /Р. Ф. Гринюк. – Донецк: Дельта, 2002. – 183 с.

¹³ Кібенко О. Р. Правовий режим майна приватного підприємства /О. Р. Кібенко // Юридичний радник. - № 1 (3). – 2005. – С. 37-41.

сложную (совокупную) недвижимую вещь, обособленную от иного имущества, образующую технологически единое целое, замкнутый производственный цикл¹⁴.

Признание предприятия вещью на наш взгляд неправильно. Указывая на особый статус предприятия как объекта гражданских прав, О.М. Козырь справедливо отмечает: «по составляющим его элементам объект этот настолько неоднороден, что отнесение его к той или иной группе объектов может быть осуществлено только исходя из характеристики его как особого имущественного комплекса, но, не основываясь на природе составляющих его элементов, многие из которых, такие как права требования, долги, исключительные права, к недвижимости не относятся. Предприятие является недвижимостью не в силу его неразрывной связанности с землей, а по решению законодателя распространить на этот специфический объект особенности правового режима, устанавливаемого для недвижимого имущества». И далее: «предприятие является объектом, который «выпадает» из классификации недвижимых и движимых вещей, поскольку оно вещь, даже сложной, не является»¹⁵.

О том, что предприятие как объект гражданских прав не только не является вещью, но и не является совокупностью вещей, обоснованно говорит и С.А. Степанов, который в своем исследовании предприятия как имущественного комплекса ставит вопрос: «Возможно ли признать имущественным комплексом и, следовательно, самостоятельным объектом гражданского права предприятие только в составе одних вещей или только в составе одних имущественных прав?»¹⁶.

Поиск решения этой проблемы ученый находит в особенностях проявления исследуемого объекта гражданских прав в предпринимательском обороте в качестве самостоятельного объекта. «Признавая основным смыслом предприятия понятия «дело», «бизнес», следует признать определенную возможность относительно стабильного пополнения имущества, получения дополнительных материальных благ, сохранение за собой определенного места, ниши в экономическом обороте его, предприятия, главенствующей сутью, единственным назначением как имущественного комплекса»¹⁷.

С.А. Степанов определяет вещное содержание предприятия как **статичное состояние комплекса**, а возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся «по поводу» вещей отношения как **динамику**, внутреннее и внешнее самодвижение, саморегуляцию, саморазвитие, самовоспроизводство организованной людским субстратом совокупности предметов материального мира. Наличие же в рамках предприятия интеллектуальной собственности (фирменного наименования, торговой марки и т.д.) придает описанным состояниям статики вещей и динамики действий других лиц (имущественным отношениям) определенную направленность, некую **векторность**.

Такое положение убедительно аргументируется им следующим образом. Вычлененный из предприятия вещный момент сам по себе лишен потенции «возрастать», самостоятельно приносить собственнику все большую и большую материальную пользу. Это вытекает из природы вещей – постепенная утрата свойств, старение, что особенно значимо для предметов, задействованных в хозяйственном обороте. Оборудованный по последнему слову техники цех с запасом сырья – по сути «мертвая» сложная вещь с принадлежностями; и, возможно, только в будущем она станет материальной основой предприятия и приобретет в его составе иную экономическую и правовую окраску. Тот же цех, уже реально выпускающий востребованную продукцию и, следовательно, подпадающий под при-

¹⁴ Гражданское право: учебник в 2т. / [под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого]. – Часть 2. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «ПРОСПЕКТ», 1997. – 784 с.

¹⁵ Козырь О. М. Недвижимость в новом Гражданском кодексе России / О. М. Козырь // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика (Сборник памяти С. А. Хохлова). – М., 1998. – С. 280-281

¹⁶ Степанов С. А. Предприятие как имущественный комплекс по Гражданскому кодексу Российской Федерации / С. А. Степанов // Актуальные проблемы гражданского права [под ред. С. С. Алексеева] (Исследовательский центр частного права. Уральский филиал. Российская школа частного права. Уральское отделение). – М.: «Статут», 2000. – 318 с.

¹⁷ Степанов С. А. Предприятие как имущественный комплекс по Гражданскому кодексу Российской Федерации / С. А. Степанов // Актуальные проблемы гражданского права [под ред. С. С. Алексеева] (Исследовательский центр частного права. Уральский филиал. Российская школа частного права. Уральское отделение). – М.: «Статут», 2000. – 318 с.

знаки имущественного комплекса, для того, чтобы в дальнейшем оставаться предприятием, должен постоянно «поддерживаться» собственником в надлежащем состоянии – получать возможность обновлять и восстанавливать вещно-производственную составляющую, обучать персонал, разрабатывать новые технологии и т.д.

Своеобразие предприятия и заключается в его способности самостоятельно и постоянно создавать для собственника условия и основания для возникновения у последнего новых и новых обязательственных и вещных прав. «Совокупность имущества, в том числе сложных вещей, какой бы полной она ни была (например, завод-автомат), останется таковой до тех пор, пока в качестве действующего «звена», отдельной «ячейки» не займет место в сфере предпринимательской деятельности»¹⁸.

В отличие от «чистого» комплекса вещей, например, построенного «под ключ» цеха по выпуску строительных материалов, обеспеченного на какой-то период времени сырьем, но еще без работников, без налаженной поставки сырья и комплектующих, сбыта готовой продукции, организованной рекламы, имущественный комплекс в виде предприятия – это самоорганизующийся, самовоспроизводящийся механизм, функционирующий автономно от изменений внешних вещных прав на него в целом. В приведенном примере цех – сложная вещь со всеми вытекающими правовыми последствиями и правилами участия в гражданском обороте, а тот же цех, но работающий, выпускающий изделия, принимающий вкладышаемый в него труд работников, является уже имущественным комплексом в виде предприятия.

Имущественный комплекс останется только имуществом, если он не задействован в экономическом обороте. Предприятием имущественный комплекс становится только в том случае, когда посредством его вещного и обязательственного содержания и проявления осуществляется участие субъекта-собственника в гражданском обороте, извлекается стабильный (и это очень существенно) и определенно прогнозируемый доход, появляются материальные блага.

Естественно, что участие в предпринимательском обороте подразумевает получение предприятием прибыли. Но прибыльность, рентабельность имущественного комплекса хоть и вытекает из его сущности и назначения, обязательным свойством не является. Объектом гражданских прав может быть и предприятие, стабильно, устойчиво приносящее собственнику прибыль, и предприятие, работающее в «убыток». Важно и необходимо для имущественного комплекса само участие в предпринимательском обороте. Имущественные отношения или их интерпретация в виде действий других лиц в отличие от вещей по своему гражданско-правовому характеру «заряжены» на приобретение и приумножение материальных благ и, следовательно, в состоянии (и даже обязаны) самостоятельно выполнять основную функцию предприятия.

Ряд правоведов приходят к выводу о возможности создания и участия в экономическом обороте юридического лица, вовсе не обладающего какими-либо вещными правами. Так, В.А. Рахмилович пишет: «Имущество юридического лица далеко не исчерпывается вещными объектами и вещными правами... Оно вообще может не иметь ни одного из вещных прав и это не может служить основанием для непризнания его юридическим лицом и отказа в регистрации в качестве такового». И далее: «Имущество юридического лица может состоять в деньгах на счетах, в правах так называемой интеллектуальной собственности и т.п., а оборудование (инвентарь) и помещение оно может арендовать»¹⁹. Не обсуждая изложенные выводы относительно имущественного обособления юридического лица, следует отметить, что приведенная характеристика «безвещного» имущества больше соответствует отдельным видам предприятий, более бесспорно и корректно «накладывается» на понятие «имущественный комплекс» как механизм для извлечения из оборота материальных благ. Следовательно, предприятие может выступать в качестве объекта

¹⁸ Степанов С. А. Предприятие как имущественный комплекс по Гражданскому кодексу Российской Федерации / С. А. Степанов // Актуальные проблемы гражданского права [под ред. С.С. Алексеева] (Исследовательский центр частного права. Уральский филиал. Российская школа частного права. Уральское отделение). – М.: «Статус», 2000. – 318 с.

¹⁹ Рахмилович В. А. Правовые формы хозяйственного расчета в промышленных объединениях / В. А. Рахмилович. – М.: Юридическая литература. – 314 с.

гражданского права либо как имущественный комплекс, объединяющий вещи и имущественные права, либо как имущественный комплекс, состоящий только из определенной совокупности имущественных прав и обязанностей. Предприятие как имущественный комплекс, состоящий только из вещей, ни теоретически, ни практически невозможно.

В состав предприятия в соответствии с ч.2 ст. 191 ГК Украины входят все виды имущества, предназначенные для его деятельности, включая земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукцию, права требования, долги, а также право на торговую марку или иное обозначение и другие права, если иное не установлено договором или законом.

Следуя формальной логике закона, отметим, что в состав предприятия входят такие объекты гражданских прав:

- недвижимое и движимое имущество (земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукция);
- имущественные права и обязанности (права требования и долги);
- права интеллектуальной собственности (право на торговую марку, другое обозначение, индивидуализирующее предприятие, другие права).

В отличие от Гражданского кодекса Украины зарубежное законодательство включает в состав имущественного комплекса большее число возможных элементов. Так, действующий французский Закон о купле-продаже и залоге торговых предприятий от 17 марта 1909г., регламентируя сделки с торговыми предприятиями, в качестве элементов предусматривает: а) движимые вещи, входящие в состав основных фондов и оборотных средств; б) клиентуру; в) право аренды; г) право на вывеску; д) торговое наименование и другие объекты промышленной собственности; е) сложившиеся деловые связи; ж) репутацию; з) постоянные источники снабжения. Перечень элементов предприятия достаточно традиционен и обширен; стороны вправе самостоятельно определять состав передаваемого имущественного комплекса. Если же стороны по каким-либо причинам в договоре не определили конкретный состав имущественного комплекса, французское законодательство автоматически включает в предмет сделки только вывески, торговое наименование, право аренды, клиентуру, сложившиеся деловые связи и постоянные источники снабжения²⁰.

Из материальных элементов, предусмотренных ГК Украины в составе предприятия, следует особо выделить продукцию. Этот овеществленный элемент имущества лица, владеющего предприятием, на первый взгляд, не выступает за грань, очерченную Гражданским кодексом для состава имущественного комплекса, и, казалось бы, логически завершает коммерческую цепочку, характерную для производственной деятельности: сырье – оборудование – инвентарь – продукция (готовая продукция).

Вместе с тем продукция (если быть более точным – готовая продукция) является своего рода результатом предпринимательской деятельности коммерческой организации (индивидуального коммерсанта), самостоятельным товаром, имеющим свою специальную цену на рынке (отличную от учетной в составе предприятия). Гражданское законодательство некоторых стран Европы, например, Франции, не только не предусматривает готовую продукцию в качестве элемента состава имущественного комплекса, но и прямо отвергает его присутствие в каких-либо сделках с предприятием.

Представляется, что позиция ГК Украины, включающего продукцию в состав имущественного комплекса, более соответствует традиционному отечественному пониманию этой юридической категории. Г.Ф. Шершеневич вообще не разделял понятия «сырье» и «готовая продукция», называя в качестве элемента предприятия обобщающее понятие «товары»: «к материальному составу предприятия относятся товары, равно запасенные для переработки или заготовленные к сбыту»²¹.

²⁰ Основные институты гражданского права зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование / [рук. авт. коллектива д-р юрид. наук В. В. Залесский]. – М.: Изд-во Норма, 1999. – 648 с.

²¹ Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права [по изданию 1914 года] / Г. Ф. Шершеневич. – М.: СПАРК, 1994. – 335 с.

ГК Украины не предусматривает жесткой конструкции предприятия, не устанавливает какого-либо исчерпывающего перечня элементов, составляющих имущественный комплекс. Сущность, реальный состав и ценность имущественного комплекса могут быть выявлены исключительно в момент перехода к новому собственнику в условиях свободы договора и автономии воли. В данном случае используются общие принципы регулирования отношений в сфере предпринимательского оборота. Участники отношений, складывающихся вокруг предприятия как объекта прав, предмета гражданско-правовых сделок, и, в первую очередь, сам собственник, самостоятельно определяют состав имущественного комплекса. Безошибочность такого определения в значительной степени зависит от правильного определения центрального, основного звена имущественного комплекса.

В составе всякого предприятия как имущественного комплекса при всей неповторимости и разнообразии сочетания отдельных элементов следует выделить непременно участвующее в любом имущественном комплексе основное звено, постоянную и характерную лишь для данной группы предприятий доминирующую «константу». Такое звено можно определить как **основное предпринимательское звено имущественного комплекса**.

Выделение такого основного предпринимательского звена в составе предприятия необходимо, во-первых, для определения границ имущественного комплекса, отнесения или неотнесения к предприятию отдельного элемента, а во-вторых (и это более важно), для принципиального определения, является ли на самом деле конкретный комплекс вещей, прав и обязанностей предприятием как объектом прав. Иными словами, основное или главное предпринимательское звено выступает таким элементом комплекса, которое в отличие от иных звеньев обеспечивает предприятию реальное участие в предпринимательской сфере и определяет действительное место предприятия в экономическом обороте. Ввиду теоретической и практической значимости для уяснения границ состава и, следовательно, реальной материальной ценности имущественного комплекса его основного предпринимательского звена, следует рассмотреть это понятие более углубленно.

Как уже отмечалось, одним из наиболее значимых и неотъемлемых признаков имущественного комплекса является его способность самостоятельно участвовать в гражданском обороте, нести определенные черты, более характерные для субъекта права (иметь права и обязанности, владеть результатами интеллектуальной деятельности и т.д.), саморазвиваться и самоорганизовываться. Действительное участие предприятия в предпринимательской сфере, получение от результатов его деятельности постоянного и в принципе прогнозируемого материального дохода (а без этих черт предприятие становится комплексом «мертвого» имущества) обеспечиваются основным предпринимательским звеном, которое определяет состав и границы имущественного комплекса, группирует (и подчиняет) вокруг себя иные элементы предприятия, являясь в сущности «стержнем» рассматриваемого объекта гражданских прав.

Поскольку состав предприятия не закреплен ГК Украины жестко и определенно, постольку и в различного вида имущественные комплексы могут входить как все перечисленные в ст.191 элементы (и не только перечисленные), так и неполные совокупности, а в некоторых случаях – отдельные единичные составляющие. Это обстоятельство, а также место предприятия в предпринимательском обороте, основная цель его коммерческой деятельности позволяют выделить в различных имущественных комплексах основные предпринимательские звенья, предопределяющие не только состав, но и в определенной мере значимость (и стоимость) этого объекта и его дальнейшую оборотоспособность.

Таковым звеном в составе имущественного комплекса может быть один из его элементов, причем для различных предприятий – различный. В одном случае основным предпринимательским звеном выступает удачно выбранный земельный участок, в другом – уникальное технологическое оборудование, в третьем – фирменное наименование, репутация и т.д. Основное предпринимательское звено предопределяет юридическую конструкцию имущественного комплекса, «нализывает» на себя иные элементы предприятия, «соединяет» отдельные элементы в единый неделимый комплекс.

Изложенное позволяет сделать заключение, что основным критерием, определяющим юридические рамки предприятия как имущественного комплекса, является ранее сложившаяся и сохраняемая им на момент отчуждения первоначальная гражданско-

правовая оборотоспособность как единого объекта, способность и далее, и аналогичным образом участвовать в предпринимательской деятельности. Изъятие из состава имущественного комплекса, предопределенного его местом в экономическом обороте и стоящими перед ним производственно-хозяйственными задачами, какого-либо существенного элемента (вещи, права и т.д.) влечет прекращение имущественного комплекса как единого объекта и появление ряда иных объектов – самостоятельных вещей, прав, результатов интеллектуальной деятельности.

Конкретный круг объектов интеллектуальной деятельности, права на которые входят в состав предприятия – имущественного комплекса, не может быть определен достаточно полно в теоретическом отношении. Объекты права интеллектуальной собственности характерны и специфичны для каждого участника предпринимательского оборота, зависят от предмета деятельности субъекта, занимаемого им места в экономической сфере, характера и оснований отчуждения от него в качестве предмета какой-либо гражданско-правовой сделки части имущества в виде предприятия.

Наиболее часто в состав имущественного комплекса в качестве его элемента, включаются следующие права:

- а) право на фирменное наименование, позволяющее конкретизировать коммерческую организацию (в том числе и предприятие) в предпринимательском обороте;
- б) право на товарный знак и знак обслуживания, являющиеся обозначениями, отличающими аналогичные товары и услуги одних производителей от иных;
- в) право на наименование места происхождения товара, «привязывающего» товар, работу или услуги к географическому, демографическому или иному происхождению;
- г) право на изобретение;
- д) право на полезные модели, промышленные образцы, базы данных, микросхемы, селекционные достижения, штаммы микроорганизмов и т.д.;
- е) право на секреты производства (ноу-хау).

Среди перечисленных прав интеллектуальной собственности особое место, ввиду значимости этого составляющего для имущественного комплекса в целом и дискусионности вопроса о правомерности включения в элементы предприятия (а не отнесения к признакам юридического лица), занимает **право на фирменное наименование**.

В содержании некоторых статей ГК Украины усматривается научная и практическая сложность и неоднозначность определения понятия **фирменное наименование**. Статья 90 ГК Украины характеризует **коммерческое (фирменное) наименование** как наименование субъекта, юридического лица – предпринимательского общества: «Юридическое лицо, являющееся предпринимательским обществом, может иметь коммерческое (фирменное) наименование». Статья 191 ГК Украины прямо не включает право на коммерческое (фирменное) наименование в состав предприятия как имущественного комплекса. Однако статья 420 ГК коммерческое (фирменное) наименование относит к числу объектов права интеллектуальной собственности, а часть 2 ст. 490 ГК Украины предусматривает, что имущественные права интеллектуальной собственности на коммерческое наименование передаются другому лицу только вместе с целостным имущественным комплексом лица, которому эти права принадлежат, или его частью.

В юридической литературе высказывается мнение, согласно которому фирменное наименование не является самостоятельным объектом гражданских прав, и, следовательно, ставится под сомнение существование права на него в качестве элемента имущественного комплекса. Так, по мнению Г.Е. Авилова, «законодательное определение фирменного наименования в качестве наименования юридического лица исключает возможность законодательно включить его в состав предприятия и, соответственно, признать отчуждаемым объектом гражданских прав»²².

Более обоснованной представляется точка зрения других авторов, относящих право на фирменное наименование в состав имущественного комплекса. Как отмечал Г.Ф. Шершеневич, «ценность предприятия заключается не столько в помещении, находящем-

²²Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / [под. ред. Садикова О. Н.]. – М.: Инфра-М, 2008. – 862 с.

ся, может быть, на самом бойком месте, не в количестве сложенных в его подвалах и складах товаров, сколько в известности фирмы»²³.

К аналогичному заключению приходит и В.В. Голофаев: «В итоге следует констатировать, что фирменное наименование юридического лица безусловно является средством, которое наряду с другими используется юридическим лицом в предпринимательской деятельности и потому является неотъемлемым материальным элементом предприятия, принадлежащего данному юридическому лицу. Как элемент предприятия фирменное наименование увеличивает стоимость предприятия, выводя ее за пределы общей стоимости отдельно взятых составных частей предприятия, т.е. дает излишек дохода, обусловленный в конечном счете формированием клиентуры, спросом на результаты деятельности юридического лица»²⁴.

Деловая репутация юридического лица признается личным неимущественным благом. Это подтверждается тем фактом, что защита деловой репутации юридического лица осуществляется теми же способами и в том же порядке, что и достоинство, честь и деловая репутация гражданина. Как справедливо подчеркивает С.А. Степанов, «деловая репутация как такая имеет отношение не только к лицу – собственнику предприятия, но и в не меньшей мере к самому действующему имущественному комплексу. В связи с этим, например, купля-продажа действующего с безупречной деловой репутацией предприятия – имущественного комплекса в целом может означать своего рода переход и самой деловой репутации, и права на ее защиту от юридического лица – продавца к юридическому лицу – покупателю»²⁵.

«Введение категории деловой репутации является вполне обоснованным и логичным шагом законодателя в условиях рыночной экономики, когда каждый товаропроизводитель, предприниматель, иной участник имущественных отношений заинтересован в поддержании и упрочении своего имиджа надежного партнера, добросовестного контрагента и т.д.», - подчеркивает Л.О. Красавчикова²⁶.

На наш взгляд, характеристика **деловой репутации предприятия** только как личного неимущественного блага юридического лица является недостаточно полной. В настоящее время деловая репутация подлежит имущественной оценке и, следовательно, приобретает коммерческую значимость не только в совместной деятельности, но и в составе имущества предприятия. В условиях рыночной экономики деловая репутация предприятия получает свойства товара. Поэтому следует признать, что обладателю деловой репутации помимо неимущественных прав также принадлежат и имущественные права в отношении данного нематериального блага.

Рядом экономистов предлагается классификация нематериальных активов по признаку их делимости/неделимости. Так, Г. Десмонд и Р. Келли выделяют следующие группы нематериальных активов:

- 1) **неотделимые от предприятия** (завершенная функциональность, наличие обученного персонала, наличие клиентуры, достижения в сфере маркетинга);
- 2) **неотделимые от индивидуума** (личная репутация среди общественности и клиентов, профессиональные качества);
- 3) **отделимые** в общем случае от предприятия и индивидуума (права, льготы, фирменные знаки, торговые марки, авторские права, лицензии, патенты – ОИС).

Такие неотделимые от предприятия элементы как завершенная функциональность, наличие обученного персонала, наличие клиентуры, достижения в сфере маркетинга имеют название **гудвил предприятия** или **гудвил бизнеса**. Г. Десмонд и Р. Келли

²³ Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права [по изданию 1914 года] / Г. Ф. Шершеневич. – М.: СПАРК, 1994. – 335 с.

²⁴ Голофаев В. В. Субъекты права на фирменное наименование / В.В. Голофаев // Хозяйство и право. – 1998. – №12. – С.48-57.

²⁵ Степанов С. А. Предприятие как имущественный комплекс по Гражданскому кодексу Российской Федерации / С. А. Степанов // Актуальные проблемы гражданского права [под ред. С.С. Алексеева] (Исследовательский центр частного права. Уральский филиал. Российская школа частного права. Уральское отделение). – М.: «Статут», 2000. – 318 с.

²⁶ Гражданское право: учебник в 2ч. / [под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого]. – Часть 1. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «ПБОЮЛ Л.В. Рожников», 2000. – 632 с.

определяют **гудвил** как совокупность тех элементов бизнеса, которые стимулируют клиентов продолжать пользоваться услугами данного предприятия или данного лица. Эта совокупность приносит прибыль сверх той, которая определяет разумный доход от всех активов, включая все нематериальные активы, которые могут быть идентифицированы и отдельно оценены. Гудвил может быть оценен, но не может быть продан отдельно от предприятия.

Гудвил предприятия (бизнеса) включает в себя:

- Преимущества расположения;
- Преодоленные стартовые трудности;
- Наличие обученного персонала;
- Систему управления (менеджмент);
- Наличие постоянных поставщиков;
- Имидж (уровень цен на товары и услуги, качество продукции и услуг, кредитоспособность и пр.)

Однако факт наличия у предприятия нематериального актива, отнесенного к одной из указанных категорий, еще не означает, что предприятие обладает дополнительной стоимостью. Основные характеристики гудвила как одного из видов нематериальных активов предприятия таковы:

- неотъемлем от предприятия и не может быть отдельно продан;
- присутствует только при наличии избыточных доходов;
- выступает в виде дохода, не подлежащего амортизации²⁷.

На присутствие гудвила указывает только наличие избыточных доходов по материальным активам и отдельным нематериальным активам. Тем не менее, возможны случаи, когда такие доходы отсутствуют, при этом гудвил переходит в свою противоположность **бэдвил**. Бэдвил свидетельствует о том, что управленческий персонал предприятия не может организовать деятельность таким образом, чтобы возникли доходы сверх текущих рыночных ставок доходности по материальным активам и отдельным нематериальным активам. Наличие бэдвила не означает, что деятельность предприятия убыточна, хотя последнее не исключается; оно означает, что доходность конкретного предприятия находится на уровне ниже рыночного.

Таким образом, **гудвил** можно определить как комплекс мер, направленных на увеличение прибыли предприятия, без увеличения активных операций, включая использование управленческих способностей, новых технологий и т.п. Превышение стоимости покупки предприятия как целостного имущественного комплекса над текущей стоимостью всех материальных активов составляет «цену фирмы» (гудвил). Такой подход называется теорией «большого котла», причем, гудвил – цена, которую покупатель готов заплатить за фирму сверх рыночной стоимости ее материальных активов.

В украинском законодательстве под **гудвиллом** понимается **деловая репутация**, то есть комплекс мер, направленных на увеличение прибыли предприятия без соответствующего увеличения активных операций, включая использование лучших управленческих качеств, доминирующую позицию на рынке продукции (работ, услуг), новые технологии²⁸.

Однако понятия **гудвил** и **деловая репутация** не идентичны. **Деловая репутация**, как правильно подчеркнул О.Г. Мендрул, не является следствием использования лучших управленческих качеств персонала, наличия доминирующей позиции на рынке, использования новых технологий. Деловая репутация характеризуется «привязанностью» клиентов к продукции (работам, услугам) предприятия. Такая «привязанность» вызвана не только перечисленными факторами, а и успешной рекламной кампанией, особыми способами продвижения товаров, наличием развитой сервисной сети и целым рядом других причин²⁹.

²⁷ Мендрул О. Г. Оцінка гудвілу / О. Г. Мендрул // Державний інформаційний бюлетень про приватизацію. – 2000. – № 3. – С.49-51.

²⁸ Порядок експертної оцінки нематеріальних активів//Державний інформаційний бюлетень про приватизацію.. – 1995. - №10. - С.56-59.

²⁹ Мендрул О. Г. Оцінка гудвілу / О. Г. Мендрул // Державний інформаційний бюлетень про приватизацію. – 2000. – № 3. – С.49-51

Следует отметить тот факт, что в настоящее время большую роль стал играть **персональный гудвил** (неотделимый от индивидуума элемент, характеризующий профессиональные качества своего обладателя – личная репутация среди общественности и клиентов). Тот факт, что предприятие (бизнес) имеет высокую стоимость только при наличии ключевых топ-менеджеров убеждает нас в сложности решения данной проблемы, «так как купля-продажа бизнеса происходит в институциональной среде, которая не предполагает закрепления работника за рабочим местом без его согласия»³⁰.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что понятие гудвил гораздо шире понятия деловой репутации. Кроме того, оно в большей степени удовлетворяет требованиям рынка. Таким образом, можно отметить, что более обоснованным будет выделение такого нематериального блага как гудвил, включающего в себя деловую репутацию. Определение гражданско-правовой природы гудвила должно стать предметом исследования науки гражданского права в самое ближайшее время. На наш взгляд, поиск гражданско-правовой природы этого нематериального блага должен лежать в плоскости таких объектов права интеллектуальной собственности, как **коммерческое (фирменное) наименование, торговая марка и коммерческая тайна**.

Таким образом, украинский законодатель использует понятие «предприятие» в двух значениях: как имущественный комплекс – объект права и как юридическое лицо – субъект права. Как объект права предприятие представляет собой особый вид имущества, обладающий специфическими свойствами. Своеобразие предприятия заключается в его способности самостоятельно и постоянно создавать для собственника условия и основания для возникновения у последнего обязательственных и вещных прав.

Одним из наиболее значимых и неотъемлемых признаков имущественного комплекса является его способность самостоятельно участвовать в гражданском обороте, нести определенные черты, более характерные для субъекта права (иметь права и обязанности, владеть результатами интеллектуальной деятельности и т.д.), саморазвиваться и самоорганизовываться.

Основным критерием, определяющим юридические рамки предприятия как имущественного комплекса, является ранее сложившаяся и сохраняемая им на момент отчуждения первоначальная гражданско-правовая оборотоспособность как единого объекта, способность и далее, и аналогичным образом участвовать в предпринимательской деятельности. Изъятие из состава имущественного комплекса, предопределенного его местом в экономическом обороте и стоящими перед ним производственно-хозяйственными задачами, какого-либо существенного элемента (вещи, права и т.д.) влечет прекращение имущественного комплекса как единого объекта и появление ряда иных объектов – самостоятельных вещей, прав, результатов интеллектуальной деятельности.

Список литературы

1. Пацурківський Ю. П. Правовий режим майна суб'єктів підприємницької діяльності / Ю. П. Пацурківський. – Чернівці: Рута, 2001. – 248 с.
2. Проблемы современного гражданского права: Сборник статей. М.: Городец, 2000. – 384 с.
3. Брагинский М. И. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М.: «Статут», 2000. – 800 с.
4. Степанов С. А. Предприятие как имущественный комплекс по Гражданскому кодексу Российской Федерации / С. А. Степанов // Актуальные проблемы гражданского права [под ред. С. С. Алексеева] (Исследовательский центр частного права. Уральский филиал. Российская школа частного права. Уральское отделение). – М.: «Статут», 2000. – 318 с.
5. Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права [по изданию 1914 года] / Г.Ф. Шершеневич. – М.: СПАРК, 1994. – 335 с.
6. Гражданское право России. Часть вторая. Обязательственное право: курс лекций / [под ред. О. Н. Садикова]. – М., 1997. – 704 с.

³⁰ Механизмы купли и продажи бизнеса / [авт. коллектив: Л. Э. Григорьев, С. М. Плаксин, В. Л. Самсонов, А. Е. Шаститко]; под. ред. А. Е. Шаститко. – М.: ТЕИС, 2002. – 160 с.

7. Молявко О. М. Цивільно-правові проблеми регулювання діяльності комерційних організацій / О. М. Молявко // Розвиток цивільного і трудового законодавства в Україні. – Харків, 1999. – 28 с.
8. Романов О. Государственная регистрация прав на недвижимость и сделок с недвижимым имуществом: некоторые проблемы правоприменения / О. Романов // Хозяйство и право. – 1998. – №7. – С. 31-36.
9. Гринюк Р. Ф. Правовой статус коммунальных предприятий в Украине / Р.Ф. Гринюк. – Донецк: Дельта, 2002. – 183 с.
10. Кібенко О. Р. Правовий режим майна приватного підприємства / О. Р. Кібенко // Юридичний радник. - № 1 (3). – 2005. – С. 37-41
11. Гражданское право: учебник в 2т. / [под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого]. – Часть 2. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «ПРОСПЕКТ», 1997. – 784 с.
12. Козырь О. М. Недвижимость в новом Гражданском кодексе России / О. М. Козырь // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика (Сборник памяти С.А. Хохлова). – М., 1998. – С. 280-281
13. Рахмилович В. А. Правовые формы хозяйственного расчета в промышленных объединениях / В. А. Рахмилович. – М.: Юридическая литература. – 314 с.
14. Основные институты гражданского права зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование / [рук. авт. коллектива д-р юрид. наук В. В. Залесский]. – М.: Изд-во Норма, 1999. – 648 с.
15. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / [под ред. Садикова О. Н.]. – М.: Инфра-М, 2008. – 862 с.
16. Голофаев В. В. Субъекты права на фирменное наименование / В. В. Голофаев // Хозяйство и право. – 1998. – №12. – С.48-57.
17. Гражданское право: учебник в 2ч. / [под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого]. – Часть 1. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «ПБОЮЛ Л.В. Рожников», 2000. – 632 с
18. Мендрул О. Г. Оцінка гудвілу / О. Г. Мендрул // Державний інформаційний бюлетень про приватизацію. – 2000. – № 3. – С.49-51
19. Порядок експертної оцінки нематеріальних активів// Державний інформаційний бюлетень про приватизацію.. – 1995. - №10. - С.56-59
20. Механизмы купли и продажи бизнеса / [авт. коллектив: Л. Э. Григорьев, С.М. Плаксин, В. Л. Самсонов, А. Е. Шаститко]; под. ред. А. Е. Шаститко. – М.: ТЕИС, 2002. – 160 с.

THE DEFINITION OF “ENTERPRISE” IN THE UKRAINIAN LEGISLATION

A.V. NAUMENKO
T.A. KURMAZ

*Kharkiv National Academy
of Municipal Economy*

e-mail: allanaum@i.ua

The term «enterprise» is revealed in two meanings in the paper: as a property complex - the object of law and as a legal entity - a legal entity. As the object the enterprise is a special type of property that has specific features. One of the most important and inalienable attributes of the property complex is its ability to independently participate in the civil circulation, carry certain features, more characteristic of the subject of the law (have rights and responsibilities, hold the results of intellectual activity, etc.), develop and organize themselves. The main criterion for determining the legal scope of the enterprise as a property complex is the previously formed and stored them at the time of the alienation of the original of the civil-legal transactions involving as a single object, the ability and forth, and similarly to participate in business activities.

Key words: enterprise, a property complex, the civil turnover, transactions involving.

УДК 342.726

ГЕНЕЗИС И СОДЕРЖАНИЕ ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКОГО УБЕЖИЩА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.Е. НОВИКОВА
А.М. ЖОРНИК

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
novikova_a@bsu.edu.ru*

Статья посвящена анализу развития института политического убежища в международном и национальном законодательстве. Представлена авторская позиция относительно содержания данного правового феномена, а также направлений его совершенствования в рамках российского законодательства.

Ключевые слова: право, институт, убежище, временное убежище, политическое убежище, беженцы.

Право убежища для революционных политэмигрантов как одно из выражений пролетарского интернационала было провозглашено Советским государством еще в Постановлении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 28 марта 1918 г.¹ С тех пор незыблемый принцип предоставления убежища всем иностранцам, подвергающимся на родине преследованиям за свою, политическую деятельность, научные или религиозные взгляды, неизменно находит закрепление в конституциях всех советских республик. Этот принцип означает не только отказ в выдаче политэмигрантов или их высылке в другие государства, но и максимальное уравнивание в правах с советскими гражданами².

Конституция РСФСР 1918 г. гласила, что РСФСР предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления (ст. 22)³. В Конституции РСФСР 1925 г. говорилось, что РСФСР предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованиям за политическую деятельность или за религиозные убеждения (ст. 12)⁴. Статья 133 Конституции РСФСР 1937 г. предусматривала, что право убежища предоставляется иностранным гражданам, «преследуемым за защиту интересов трудящихся, или научную деятельность, или за национально-освободительную борьбу»⁵. Одной из важнейших особенностей права убежища в РСФСР являлось то, что политические эмигранты пользовались полной свободой в отстаивании тех политических убеждений, за которые они подвергались преследованиям у себя на родине. В Конституции СССР 1977 г. говорилось, что Союз ССР предоставляет право убежища иностранцам, преследуемым за защиту интересов трудящихся и дела мира, за участие в революционном и национально-освободительном движении, за прогрессивную общественно-политическую, научную или иную творческую деятельность (ст. 38)⁶. Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) в ст. 63 устано-

¹ Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 28 марта 1918 г. «О праве убежища» // <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5330/>

² Учебный курс международного права / Отв. ред. Ф.И. Кожевников. – М., 1964. – С. 306.

³ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/>

⁴ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г. // <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/>

⁵ Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г. // <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/>

⁶ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. // <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/>

вила, что иностранным гражданам и лицам без гражданства предоставляется политическое убежище⁷. Как справедливо отмечает С. А. Авакьян, Конституция РФ не имеет подобных политических окрасок и в большей мере ориентирована на то, что соответствующие деятельность и убеждения человека должны быть прогрессивными и отвечать демократическим идеалам человечества⁸.

Анализ литературы показал, что большинство авторов хотя и прямо не называют институт политического убежища, однако они подразумевают именно убежище по политическим мотивам. Об этом свидетельствует, например, такая трактовка В. И. Менжинского: «предоставление убежища является традиционным суверенным правом каждого государства, которое самостоятельно определяет в своем внутреннем законодательстве условия и порядок допуска на свою территорию политических эмигрантов»⁹, в которой уже заложено отождествление лиц, получивших убежище и политических эмигрантов. В. И. Лисовский изначально определяет право на убежище как «право государства разрешить въезд и пребывание на своей территории политическому эмигранту, преследуемому в другой стране, и гарантировать ему демократические права человека и основные свободы»¹⁰, т.е. альтернативно полагая, что убежище необходимо человеку только в случае его преследования по политическим причинам. По мнению Г. В. Игнатенко, во многих государствах принят термин «политическое убежище», потому что «основанием для обращения лица и предоставления ему убежища считается преследование за деятельность политического или подобного характера»¹¹.

Также ряд современных исследователей приравнивает понятия права убежища и права политического убежища. Так, профессор И. И. Лукашук интерпретирует право убежища как убежище политического характера, выделяя и такие разновидности убежища, как территориальное и дипломатическое¹². О. И. Тиунов пишет, что право убежища «связано с предоставлением по политическим мотивам права безопасного проживания определенному лицу в иностранном государстве, гарантирующем этому лицу основные права и свободы, обязанность предоставления которых закреплена нормами международного права»¹³. О. И. Тиунов сконструировал свою схему эволюции института убежища: сначала было религиозное убежище, затем оно стало территориальным, после Французской революции – политическим, а в современный период убежище предоставляется не только за политическую деятельность, но также по национальным, расовым, религиозным и другим основаниям.

По нашему мнению, существует два подхода к пониманию сущности убежища как политического. С точки зрения первого подхода, политическим будет такое убежище, которое предоставляется государством в случае преследования лица именно по политическим мотивам. Большинство ученых, как показал анализ научной литературы, придерживаются именно такой позиции. Однако, если следовать такой логике, то многие государства, в том числе и Российская Федерация, в которых прописано право политического убежища, а не просто убежища, ограничивают права иностранных граждан и лиц без гражданства в получении убежища по иным (расовым, национальным, религиозным и др.) мотивам. И тогда это будет противоречить международным актам, например, Всеобщей декларации о правах человека¹⁴, в которой говорится, что каждый человек имеет право искать убежища от преследований в других странах и пользоваться этим убежищем.

⁷ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

⁸ Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс. Том 1. – М.: Инфра-М, 2010. – С. 860.

⁹ Учебный курс международного права / Отв. ред. Ф.И. Кожевников. – М., 1964. – С. 306.

¹⁰ Лисовский В.И. Международное право. – М., 1961. – С. 121.

¹¹ Международное право. Учебник для вузов / Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. – М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. – С. 387.

¹² Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. – М.: Волтер Клувер, 2007. – С. 391.

¹³ Тиунов О.И. Международное гуманитарное право: учебник. – М.: Норма, 2009. – С. 125.

¹⁴ Всеобщая декларация прав человека (Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.) // Российская газета. – 1998, 12 декабря.

Согласно же второму подходу, понятие «политическое убежище» используется именно потому, что это суверенное право каждого государства, а государство – это политическая организация и поэтому то, что исходит от государства, в любом случае будет носить политический оттенок. Следовательно, понятия «убежище» и «политическое убежище» будут тождественны и государства, в которых провозглашено и гарантируется право политического убежища, нельзя будет обвинить в нарушении общепризнанных принципов и норм международного права. Поэтому провозглашенное Конституцией РФ право политического убежища мы трактуем как возможность предоставления иностранным гражданам и лицам без гражданства убежища на территории нашего государства как по политическим, так и по национальным, расовым, религиозным и иным причинам. А предметом данного исследования является убежище, предоставляемое Российской Федерацией по политическим мотивам (в том смысле, в котором оно определено в Указе Президента от 21.07.1997 г.¹⁵).

Отметим, что в данной работе политическое убежище будет рассматриваться именно как институт права (обособленная группа юридических норм, регулирующих общественные отношения конкретного вида либо отдельные их компоненты¹⁶), а не как субъективное право. Такой позиции придерживается, например, Б.С. Эбзеев¹⁷ (не исключая при этом возможности понимания политического убежища и как суверенного права каждого государства, и как особое субъективное право, предоставляемое некоторым иностранцам и лицам без гражданства), а также ряд иных авторов¹⁸.

Российская Федерация, определив в ч. 1 ст. 63 своей Конституции возможность предоставления политического убежища иностранным гражданам и лицам без гражданства, тем самым установила для себя обязанность разработать систему национальных нормативных правовых актов, которые призваны регулировать данный институт. Первое место среди них занимает Указ Президента Российской Федерации (далее – Президент РФ) от 21 июля 1997 г. «Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища». В соответствии с его положениями Российская Федерация предоставляет политическое убежище лицам, ищущим убежище и защиту от преследования или реальной угрозы стать жертвой преследования в стране своей гражданской принадлежности или в стране своего обычного местожительства за общественно-политическую деятельность и убеждения, которые не противоречат демократическим принципам, признанным мировым сообществом, нормам международного права. При этом принимается во внимание, что преследование направлено непосредственно против лица, обратившегося с ходатайством о предоставлении политического убежища. Также в данном положении указан перечень лиц, которым политическое убежище не может быть предоставлено:

- лицо преследуется за действия (бездействие), признаваемые в Российской Федерации преступлением, или виновно в совершении действий, противоречащих целям и принципам Организации Объединенных Наций;
- лицо привлечено в качестве обвиняемого по уголовному делу либо в отношении него имеется вступивший в законную силу и подлежащий исполнению обвинительный приговор суда на территории Российской Федерации;
- лицо прибыло из третьей страны, где ему не грозило преследование;
- лицо прибыло из страны с развитыми и устоявшимися демократическими институтами в области защиты прав человека;
- лицо прибыло из страны, с которой Российская Федерация имеет соглашение о безвизовом пересечении границ, без ущерба для права данного лица на убежище в соответствии с Законом Российской Федерации «О беженцах»;

¹⁵ Указ Президента РФ от 21.07.1997 г. «Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища» (ред. от 12.07.2012 г.) // Российская газета. – 1997, 29 июля; СЗ РФ. – 2012. – № 29. – Ст. 4073.

¹⁶ Большая юридическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2010. – С. 222.

¹⁷ Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России: монография / Б.С. Эбзеев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – С. 113.

¹⁸ Напр., Комментарий к Конституции Российской Федерации (под общ. ред. Л.В. Лазарева). – ООО «Новая правовая культура», 2009 г. // <http://constitution.garant.ru/science-work/comment/5366634/>

- лицо представило заведомо ложные сведения;
- лицо имеет гражданство третьей страны, где оно не преследуется;
- лицо не может или не желает вернуться в страну своей гражданской принадлежности или страну своего обычного местожительства по экономическим причинам либо вследствие голода, эпидемии или чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Решение о предоставлении лицу политического убежища оформляется Указом Президента, что свидетельствует о важности и особом характере данного статуса.

Лицо, желающее получить в России политическое убежище, должно направить ходатайство о предоставлении Российской Федерацией политического убежища на имя Президента РФ в территориальный орган Федеральной миграционной службы (далее – ФМС). Вместе с ходатайством подаются документ, удостоверяющий личность, два фото; заполняются анкета и опросные листы, а также проводится с лицом собеседование. Указанные документы подаются заявителем лично в течение семи дней по прибытии на территорию Российской Федерации или с момента возникновения обстоятельств, не позволяющих этому лицу вернуться в страну своей гражданской принадлежности либо страну своего обычного местожительства. Более подробно с данной процедурой можно ознакомиться в Административном регламенте ФМС, утвержденном Приказом ФМС от 5 декабря 2007 г.¹⁹

Среди органов, принимающих участие в рассмотрении ходатайства, в Положении и Регламенте указаны:

- ФМС РФ (в частности, Управление по вопросам гражданства);
- Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ);
- Министерство иностранных дел Российской Федерации (далее – МИД РФ);
- Федеральная служба безопасности Российской Федерации (далее – ФСБ РФ);
- Комиссия по вопросам гражданства при Президенте РФ (далее – Комиссия).

Наряду с институтом политического убежища, существует в Российской Федерации институт временного убежища, который пользуется среди иностранных граждан и лиц без гражданства большей популярностью. Так, по данным ФМС РФ, в период с 2001 г. по 01.07.2007 г. были приняты и рассмотрены заявления о предоставлении временного убежища 5 637 иностранных граждан, являющихся выходцами из 59 государств. 2 446 из них было предоставлено временное убежище (43 %) ²⁰. За 5 месяцев 2009 г. более 3 000 человек обратились за временным убежищем, большая часть из которых его получила ²¹. В связи с этим, справедливо возникает вопрос о механизме предоставления временного убежища по сравнению с политическим относительно его сложности. Вопросы временного убежища регулируются двумя нормативными правовыми актами: Федеральным законом «О беженцах» ²² и Постановлением Правительства Российской Федерации (далее – Правительство РФ) «О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации» ²³. В соответствии с этими документами временное убежище может быть предоставлено иностранному гражданину или лицу без гражданства, если они:

- имеют основания для признания беженцем (беженец – это лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданст-

¹⁹ Приказ ФМС РФ от 05.12.2007 г. № 451 «Об утверждении Административного регламента Федеральной миграционной службы по исполнению государственной функции по исполнению законодательства Российской Федерации по предоставлению политического убежища иностранным гражданам и лицам без гражданства» (зарегистрировано в Минюсте РФ 28.02.2008 г. № 11245) (в ред. Приказа ФМС РФ от 22.01.2010 г. № 16) // Российская газета. – 2008, 19 марта.

²⁰ <http://www.fms.gov.ru/documents/asylum/>

²¹ http://www.fms.gov.ru/about/ofstat/stat_1_rd/part_8.php

²² Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» (ред. от 30.12.2012 г.) // Российская газета. – 1997, 3 июня.

²³ Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2001 г. № 274 «О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации» (ред. от 23.04.2012 г.) // Российская газета. – 2001, 28 апреля.

ва, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений), но ограничиваются заявлением в письменной форме с просьбой о предоставлении возможности временно пребывать на территории Российской Федерации;

- не имеют оснований для признания беженцем по обстоятельствам, предусмотренным Федеральным законом «О беженцах», но из гуманных побуждений не могут быть выдворены (депортированы) за пределы территории Российской Федерации.

Исходя из положений законодательства, можно сделать вывод, что понятия «лицо, ищущее временное убежище» и «лицо, ищущее политическое убежище» соотносятся как общее и частное, так как оба они могут преследоваться по политическим убеждениям, однако последнее – только по политическим.

Решение о предоставлении временного убежища принимается территориальным органом ФМС РФ в течение одного месяца с момента подачи заявления. Такой порядок по сравнению с порядком предоставления политического убежища гораздо проще, и, соответственно, иностранцам гораздо легче получить временное убежище, что и подтверждает статистика. Однако, временное убежище предоставляется лишь на 1 год, хотя и с возможностью продления такового, а политическое – бессрочно, что, наверняка, делает его более привлекательным для иностранных граждан и лиц без гражданства. Также политическое убежище имеет преимущество перед временным и в связи с тем, что лицам, получившим его, предоставляется возможность приобрести российское гражданство спустя год после проживания на Российской Федерации, в то время как лицо, имеющее временное убежище в России, должно прожить на ее территории 5 лет²⁴.

Таким образом, мы можем резюмировать, что получить временное убежище реальнее и быстрее (зачастую лица ходатайствуют о предоставлении временного убежища даже тогда, когда основания обращения явно политические²⁵), но возможности, которые открываются перед лицом, получившим политическое убежище гораздо шире. Поэтому вполне закономерно, что лица сначала обращаются за политическим убежищем, получают отказ, а потом, практически сразу обратившись за временным убежищем, получают его²⁶.

Это позволяет утверждать, что процедура предоставления политического убежища в Российской Федерации делает этот гуманный институт практически недействующим. В теории существует такая точка зрения, что институт политического убежища – это политический инструмент, которым пользуются лица, совершившие преступления, для избежания ответственности в своем государстве²⁷. Однако позволим себе не согласиться с данной точкой зрения ввиду того, что процедура получения политического убежища, а также этапы проверки, которые проходит лицо для того, чтобы получить таковое настолько сложны и поэтому позволяют выявить и пресечь на корню любые возможные попытки ма-

²⁴ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ред. от 12.11.2012 г.) // Российская газета. – 2002, 5 июня.

²⁵ См., напр.: Апелляционное определение Московского городского суда от 28.09.2012 г. № 11-18832 «В удовлетворении заявления о признании незаконным решения уполномоченного органа, которым решение об отказе в предоставлении временного убежища на территории РФ признано правильным, отказано правомерно, поскольку угрозы для жизни заявителя при его возможном возвращении на родину не установлено» // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=471296;div=LAW;mb=LAW;ts=6BFoED5BDC11E74EFB1ECFD331E0F9B3;rnd=0.07599860127083957> ;

Постановление Европейского суда по правам человека от 20.05.2010 г. «Дело «Хайдаров (Khaydarov) против Российской Федерации» [рус., англ.] // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2011. – № 3. – С. 10, 76-95.

²⁶ Напр.: Постановление Европейского суда по правам человека от 08.07.2010 г. «Дело «Абдулажон Исаков (Abdulazhon Isakov) против Российской Федерации» [рус., англ.] // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2011. – № 3. – С. 10, 95-113.

²⁷ Быкова Е.В. Политическое убежище: правовой институт или политический инструмент? // Миграционное право. – 2012. – №2. – С. 34-38.

нипулировать российским законодательством. Очевидно, что относительно жесткая политика нашего государства в данной сфере диктуется необходимостью избегать случаев использования института политического убежища для решения чужих, не вполне законных интересов. Ведь обратное может привести к превращению этого института в политический инструмент (как отмечает Е. В. Быкова) и подрыву авторитета государства на международной арене (наиболее яркий пример – Великобритания).

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы и обобщения:

- впервые институт политического убежища признан и закреплён на международном уровне – во Всеобщей декларации прав человека 1948 г.;

- в России институт политического убежища впервые нашел свое отражение в Конституции РСФСР 1918 г.;

- только с принятием Конституции РФ 1993 г. институт политического убежища в Российской Федерации приобретает формулировку, соответствующую общепризнанным принципам и нормам международного права;

- формулировка в Конституции РФ института убежища, установленного во Всеобщей декларации прав человека, как политического не означает предоставления иностранным гражданам и лицам без гражданства убежища только по политическим причинам;

- порядок предоставления политического убежища не закреплён в федеральных законах, а регулируется Указом Президента и ведомственными актами;

- институт политического убежища связан с такими правами человека и гражданина, которые не могут быть ограничены даже в условиях военного или чрезвычайного положения: право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, достоинство личности, право определять и указывать свою национальную принадлежность, свобода совести;

- учитывая связь института политического убежища с неотъемлемыми естественными правами человека, представляется, что его регулирование должно осуществляться не иначе как на уровне Федерального закона;

- на основании вышесказанного предлагаем принять Федеральный закон «Об убежище в Российской Федерации», который будет регулировать основания, порядок предоставления, лишения, утраты убежища в России, права и обязанности лиц, его получивших, причем убежища не только политического, но и временного; включить в данный закон беженцев и вынужденных переселенцев. По нашему мнению, это позволит оптимизировать существующие в данной сфере механизмы реализации иностранных граждан и лиц без гражданства права на политическое убежище. Решение вопроса в этом направлении будет соответствовать неоспоримой важности и значимости данного института.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.
2. Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» (ред. от 30.12.2012 г.) // Российская газета. – 1997, 3 июня.
3. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ред. от 12.11.2012 г.) // Российская газета. – 2002, 5 июня.
4. Указ Президента РФ от 21.07.1997 г. «Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища» (ред. от 12.07.2012 г.) // Российская газета. – 1997, 29 июля; СЗ РФ. – 2012. – № 29. – Ст. 4073.
5. Всеобщая декларация прав человека (Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.) // Российская газета. – 1998, 12 декабря.
6. Постановление Европейского суда по правам человека от 08.07.2010 г. «Дело «Абдулазжон Исаков (Abdulazhon Isakov) против Российской Федерации» [рус., англ.] // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2011. – № 3. – С. 10, 95-113.
7. Постановление Европейского суда по правам человека от 20.05.2010 г. «Дело «Хайдаров (Khaydarov) против Российской Федерации» [рус., англ.] // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2011. – № 3. – С. 10, 76-95.

8. Апелляционное определение Московского городского суда от 28.09.2012 г. № 11-18832 «В удовлетворении заявления о признании незаконным решения уполномоченного органа, которым решение об отказе в предоставлении временного убежища на территории РФ признано правильным, отказано правомерно, поскольку угрозы для жизни заявителя при его возможном возвращении на родину не установлено» // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=471296;div=LAW;mb=LAW;ts=6BF0ED5BDC11E74EFB1ECFD331E0F9B3;rnd=0.07599860127083957>
9. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 28 марта 1918 г. «О праве убежища» // <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5330/>
10. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/>
11. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г. // <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/>
12. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г. // <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/>
13. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. // <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/>
14. Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2001 г. № 274 «О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации» (ред. от 23.04.2012 г.) // Российская газета. – 2001, 28 апреля.
15. Приказ ФМС РФ от 05.12.2007 г. № 451 «Об утверждении Административного регламента Федеральной миграционной службы по исполнению государственной функции по исполнению законодательства Российской Федерации по предоставлению политического убежища иностранным гражданам и лицам без гражданства» (зарегистрировано в Минюсте РФ 28.02.2008 г. № 11245) (в ред. Приказа ФМС РФ от 22.01.2010 г. № 16) // Российская газета. – 2008, 19 марта.
16. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс. Том 1. – М.: Инфра-М, 2010. – С. 860.
17. Большая юридическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2010.
18. Быкова Е.В. Политическое убежище: правовой институт или политический инструмент? // Миграционное право. – 2012. – №2.
19. Комментарий к Конституции Российской Федерации (под общ. ред. Л.В. Лазарева). – ООО «Новая правовая культура», 2009 г. // <http://constitution.garant.ru/science-work/comment/5366634/>
20. Лисовский В.И. Международное право. – М., 1961. – С. 121.
21. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. – М.: Волтер Клувер, 2007.
22. Международное право. Учебник для вузов / Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. – М.: НОРМА-ИНФРА, 1999.
23. Тиунов О.И. Международное гуманитарное право: учебник. – М.: Норма, 2009.
24. Учебный курс международного права / Отв. ред. Ф.И. Кожевников. – М., 1964.
25. Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России: монография / Б.С. Эбзеев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013.
26. http://www.fms.gov.ru/about/ofstat/stat_1_rd/part_8.php
27. <http://www.fms.gov.ru/documents/asylum/>

GENESIS AND MAINTENANCE OF THE INSTITUTE OF POLITICAL ASYLUM IN RUSSIAN FEDERATION

A.E. NOVIKOVA
A.M. ZHORNIK

*Belgorod State National
Research University*

*e-mail:
novikova_a@bsu.edu.ru*

This article analyzes the development of the institution of asylum in international and national law. The author's position regarding the content of this legal phenomenon, as well as areas to improve it in the Russian legislation.

Key words: law, institution, shelter, temporary shelter, asylum, refugees.

УДК 340:001.4(470)

ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЕГО ГАРАНТИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Е.Е. ТОНКОВ
Л.А. ПОЖАРОВА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: ETonkov@bsu.edu.ru

Охрана достоинства личности впервые в российской истории провозглашена обязанностью государства в Конституции 1993 г., что связано с формированием принципиально новой концепции взаимоотношений личности и государства, одним из правовых критериев которых является достоинство личности. Часть 1 ст. 21 Конституции гласит: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». Понятие достоинства личности является юридически неопределенным. Из текста ст. 21 Конституции вытекает лишь то, что требованию уважения (запрету умаления) достоинства личности противоречат пытки, насилие, другое жестокое или «унижающее человеческое достоинство» обращение или наказание, проведение над человеком без его согласия медицинских, научных или иных опытов (ч.2 ст.21).

Ключевые слова: достоинство личности, общество, модернизация, личность, государство.

Процесс очередной модернизации наша страна переживает в своем развитии наряду с глобальным экономическим кризисом, что предопределяет сложный переходный период на пути становления правового государства и обретения статуса полноценного участника процессов, происходящих в современном цивилизованном мире. Нестабильность функционирования государственной системы стимулирует как рост социально-политической напряженности, так и обострение криминогенной ситуации.

В государственной политике, рассматриваемой в качестве формы деятельности, присутствуют как минимум две стороны. В первую очередь, речь идет о концептуальной составляющей, которая содержит базисные, теоретические представления о деятельности государства в исследуемой сфере (цель, назначение, содержание, средства и т.д.). Кроме того, нельзя обойтись без практического компонента, представляющего собой совокупность конкретных действий по реализации намеченной цели.

По мнению Ф.И. Шамхалова, политическое решение представляет собой «выбор альтернатив будущих действий»¹. Политические решения в области противодействия кризису принимаются руководством государства, но процесс выхода из кризиса является результатом совместных усилий общества и всех ветвей государственной власти.

В политико-правовом механизме государственной деятельности присутствует сложная духовная составляющая, что требует расширения методологических границ до философских и психолого-педагогических параметров.

В.В. Лапаева отмечает, что «расширение сферы действия государственной научной политики обусловлено тем обстоятельством, что в настоящее время без науки невозможно обеспечить такое качество государственных решений, которое гарантировало бы населению современные стандарты жизни»².

Одновременно перед нами выдвигается требование, реализация которого может обеспечить успех развитию исследовательских и практических усилий: в условиях происходящей трансформации общественных отношений осуществить, прежде всего, смену парадигмы в самом подходе к существу взаимодействия политики и права в сфере государственной деятельности.

¹ Шамхалов Ф.И. Основы теории государственного управления. – М., 2003. – С. 412.

² Лапаева В.В. Политика Российской Федерации в области науки и технологий: проблемы правового обеспечения // Законодательство и экономика. – 2004. – № 2. – С. 25–36.

По справедливому замечанию В.Я. Марченко, «субъектом конституционного права на достоинство личности является любой человек, обладающий не только негативным статусом, то есть сферой автономного существования и возможностью обратиться за защитой нарушенных прав, но и положительным статусом, вытекающим из условий наличного правового порядка»³.

Ситуация в современной России требует поступательной трансформации отечественного права в структурированную, стройную систему норм. Необходимость реформирования отечественного права объективно обусловлена тем, что в течение советского периода развития социальная роль и назначение права были существенно деформированы.

Как подчеркивает А.Ю. Саломатин, «происходит не только стремительное разрастание массива правовых норм и дальнейшая их отраслевая дифференциация, но и создание сложных, комплексных отраслей права в соответствии с требованиями научно-технического прогресса и социально-политической трансформацией общества»⁴.

Нормы права, являясь формализованными волевыми положениями, отражающими идеальные модели общественной практики, составляют материальную основу развития и совершенствования правовых форм государственной деятельности. Право не должно и не может регулировать все общественные отношения по мере их обновления, но, наряду с этим, в государственно-правовой теории существует необходимость в переосмыслении теоретических конструкций и анализе возникающих тенденций при рассмотрении юридических форм с учетом формирования нового нормативного содержания. Представляется важным с теоретической и практической точек зрения выявить обстоятельства, влияющие на развитие и содержание категории «достоинство личности». Целесообразность решения данной проблемы в условиях кризиса объясняется не только потребностями собственно научного анализа, но и необходимостью совершенствования политической и юридической практики.

Это тем более необходимо, что «длительное и безраздельное господство позитивного права в худшем его понимании (в духе Вышинского) и отрицание идей естественного не могли привести к адекватным выводам, характерным для демократического гражданского общества»⁵.

Содержанием конституционного права на достоинство личности являются публично-правовые притязания личности на действия государства в интересах общества в целом (государственно-всеобщий интерес), и юридическая обязанность государства совершить эти действия. Охраняемый правом публичный интерес состоит в признании ценности личности как субъекта отношений с государством, вследствие чего поддерживаются условия достойной жизни и свободного развития человека.

Проблема охраны достоинства человека в условиях модернизации является специальной в ряду с другими. Это вызов времени, с которым приходится считаться, принимать его, осуществлять ускоренный поиск адекватных средств государственно-правового реагирования. Рассматриваемая проблема поставлена перед современным обществом как целостным образованием и речь идет если не о выживании, то, как минимум, о благополучии.

Решение поставленных проблем осложняется определенной коррупциогенностью системы государственного управления. На наш взгляд, нет оснований говорить о том, что государство в советский период не уделяло внимания проблеме противодействия коррупции. Одновременно, это является и свидетельством того, что коррупция в обществе не стала порождением социально-политических и экономических реформ в России, а имела место и ранее. В результате в стране не сформированы реальные механизмы по координации усилий государственных и общественных организаций по противодействию коррупции.

³ Марченко В.Я. Достоинство личности в конституционно-правовом измерении: Автореф. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С.3.

⁴ Саломатин А.Ю. Сущность правовой модернизации в России // Правовая политика и правовая жизнь. – 2007. – № 1. – С. 200.

⁵ Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов, 2003. – С. 178–179.

Более того, Ю.А. Дмитриев рассматривает коррупцию как инструмент государственного регулирования в политической системе российского общества⁶. Он полагает, что «коррупция – не причина, а следствие отсутствия демократии в нашей стране»⁷.

В этой связи имеет смысл обратиться к опыту других стран, хотя ни одно государство не может однозначно заявить о создании оптимальной системы противодействия коррупции. Определенную связь международного и внутригосударственного права российские юристы обосновывали еще в начале прошлого века.

Так, Ф.Ф. Мартенс отмечал, что обе правовые системы являются тесно соприкасающимися кругами, где и позитивное, и негативное влияния обратимы друг на друга. Отрывать системы друг от друга, построив замкнутое, «закрытое» общество означает причинить явный вред всему внутригосударственному развитию, «взрастить уродливое древо государственности». Однако и гипертрофированный примат абсолютно всех норм международного права без их предварительной адаптации на почву национальную будет злом не менее опасным, способным разрушить государственные устои, подорвать национальный суверенитет государства⁸.

Сегодня взаимосвязь международного и национального права очевидна и не нуждается в доказательствах. Вместе с тем, до настоящего времени отсутствуют объективные количественные и качественные критерии, которые бы позволяли определить, насколько правовые ограничения, содержащиеся в международном праве и действующем российском законодательстве, способствуют снижению масштабов коррупции и других видов преступности как на международном, так и на национальных уровнях.

В Российской Федерации не принят специальный законодательный акт, посвященный национальной имплементации норм международного права в российское законодательство, а регулирование имплементационных процессов основывается на ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и нормативных правовых актах, закрепляющих компетенцию и функции органов государственной власти в области осуществления норм международного права⁹.

Это, безусловно, оказывает влияние на эффективность государственной деятельности и выбор стратегической линии государства в политической, экономической, социальной, культурной сферах в кризисной ситуации.

По справедливому замечанию Т.Я. Хабриевой, «более детальная правовая регламентация о поэтапной имплементации международно-правовых норм, включая использование возможных способов (рецепции, отсылки, инкорпорации), была бы целесообразным дополнением к имеющемуся в Российской Федерации законодательству о международных договорах»¹⁰.

Общество – саморегулирующаяся система, которая в случае возникновения угроз для его безопасности (финансовый кризис, терроризм, коррупция и др.) задействует весь арсенал средств противодействия неблагоприятным тенденциям, прежде всего, политических возможностей государства, правовых средств, социальных институтов и др. Это относится и к плоскости научных исследований, поскольку политика, система управления, правовое регулирование нуждаются в научном обеспечении (в данном случае, с точки зрения установления оптимального набора средств противостояния неблагоприятным тенденциям).

Как подчеркивает В.В. Сорокин, в результате переходных процессов в правовой сфере происходит не только преобразование, сколько становление и развитие нового качества правовой системы и даже возникновение ее новой типологической сущности, когда изменяются целые пласты правовой системы¹¹.

⁶ Дмитриев Ю.А. Коррупция как инструмент государственного регулирования в политической системе российского общества // Современное право. – 2012. - № 1. – С. 12-15.

⁷ Там же, с. 15.

⁸ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – СПб, 1902. – С. 366–372.

⁹ См., например: Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (в ред. ФЗ № 318 от 1.12.2007 г.) // Российская газета. - № 272. – 05.12.2007.

¹⁰ Хабриева Т.Я. Основы взаимодействия международного и национального права / Влияние международного права на национальное законодательство. – М., 2007. – С. 14.

¹¹ Сорокин В.В. Концепция эволюционного развития правовой системы в переходный период: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 3.

Модернизация страны неизбежно влечет за собой изменения процессов правовой регуляции. Государственная деятельность в различных юридических и неюридических формах выполняется всеми основными звеньями государственного механизма, всей системой государственных органов. Поэтому специфика их организации и структуры, занимаемое ими место в системе механизма государства, органически связаны с формами их деятельности. Как формы государственной власти, так и структура органов, осуществляющих эту деятельность, подчинены задачам наиболее успешного проведения основных функций государства и зависят от содержания последних.

Ю.А. Тихомиров в своих ранних работах справедливо отмечает важность перехода от преимущественного регулирования статике к динамике и закреплению в праве богатства функциональных связей, взаимоотношений, то есть особенностей в организации их деятельности¹².

В связи с этим способы осуществления отдельных видов государственной деятельности выражают не структурные, а функциональные различия между государственными органами.

Проблема охраны достоинства личности требует выхода на общеметодологический уровень научного ее освоения для выработки общей концепции, политической программы, системы государственного управления и правовых компонентов. Без решения этих вопросов государство будет постоянно испытывать затруднения, чем обусловлена оправданность внимания к общеметодологическому срезу и установлению логики структурирования политико-правовых средств.

Целесообразным представляется использование потенциала политического вектора в юридических исследованиях, что в ряду других исследовательских направлений (философско-правового, социологического, формально-догматического) имеет свои особенности. Безусловно, получение достоверного знания при освоении данной проблемы связано с использованием потенциала всех названных направлений юридических исследований и (в их рамках) применением общенаучных, специальных и частных методов и методик. Однако исследование и разрешение проблемы юридической формы в методологическом ключе нуждается в применении способов и средств, прежде всего, *политического* направления юридических исследований.

О политике, как особом виде деятельности людей по управлению государством, каждый человек имеет собственное представление, формирующееся на основе жизненного опыта, непосредственного общения с теми, кто причастен к политической «кухне». Ученые, рассматривая сущность и структуру политики, вкладывают в это понятие также самое различное содержание, основанное на органическом соединении политики с функционированием государства. Политика нередко рассматривается как отношение между социальными общностями и группами, включающее согласие, подчинение, конфликт и состязание между ними. Функциональность политики, ее свойство служить обществу не только позволяет ей воздействовать на другие сферы государственного организма, но и управлять ими.

Содержание политики, как особого вида социальной регуляции, заключается в согласовании интересов различных общностей, слоев, групп, выработке правил и норм, обязательных для исполнения всеми гражданами. Существуют различные мнения по поводу соотношения политики и других сфер общественной жизни.

Так, Р. Арон, один из основателей теории «индустриального общества», оспаривает приоритет экономики, отдавая предпочтение политике. Он считает, что политика и предоставленные ею права и возможности человека, более значимы, нежели экономика. Сравнивая и анализируя характерные черты индустриального и постиндустриального обществ, Р. Арон приводит аргументы в пользу того, что направление их развития, прежде всего, определяется политикой¹³.

Подобный подход, на наш взгляд, является достаточно односторонним, так как не позволяет обеспечить целостное представление о влиянии на политику всего многообразия со-

¹² Тихомиров Ю.А. Теория социалистического управления // Советское государство и право. – 1969. – № 7. – С. 85.

¹³ Aron R. La developpement da la Societe industrielle et la stratification Sociale. – Paris, v.1. – 1957; v.2. – 1958.

циальной жизни, в том числе, и права. Связь политики и других сфер социальной жизни характеризуется взаимопроникновением. Если же политическая сфера утрачивает способность реагирования на социальные изменения в обществе, игнорирует правовые нормы, то постепенно лишается понимания и поддержки населения, не может предложить разделяемой большинством граждан программы эффективных действий и преобразований.

Немецкие философы, рассуждая о праве, соотносили его развитие с политической системой общества. Управление прямо связывалось с принуждением правовыми средствами. Воспитательное воздействие принуждения расценивалось особенно высоко, оставаясь в значительной мере на точке зрения этической, естественно-правовой теории государства.

Будучи «организацией собственников», основанной на их «договоре», государство сосредоточивает всю власть, декретизирует права и обязанности своих граждан. Для установления равновесия между сословиями и предотвращения социальных конфликтов, для совершенного управления государственная власть должна активно воздействовать на хозяйственную жизнь.

Полицейский характер воздействия государства является лишь необходимым средством. Политико-правовые учреждения носят у И.Г. Фихте принудительно-воспитательный характер, а цель мировой истории он видит, по точному определению Ю.Ю. Вейнгольда, в постепенном воспитании «человечества для более совершенного состояния»¹⁴.

Впрочем, у Ф. Ницше право в случае необходимости успешно сочетается с произволом. По его мнению, «произвольное право необходимо...у всех у нас нет уже традиционно-правового чувства, поэтому мы должны помириться с произвольными правами, которые суть выражения необходимости права вообще»¹⁵.

Современная политика рассматривается нами как сфера фактических взаимоотношений и взаимодействий личности, социальных общностей, политических институтов, формирующая структуры, нормы, отношения, политическую среду, в пределах которых определяются стратегия и тактика развития общества и государства.

Мы разделяем позицию английского юриста М. Шоу, который считает, что «право и политика не должны разделяться. Они пребывают в постоянном тесном взаимодействии. Ни одна из них не может принизить значение другой»¹⁶.

Структурно-функциональный анализ позволяет рассматривать государственную деятельность по охране достоинства личности в следующих аспектах.

Поведенческая сторона, которая «вырастает» из системы фактически складывающихся отношений в сфере управления государством, обусловленных потребностями развития общества – экономическими, социальными, а также традициями и обычаями. Не случайной является оценка политики как концентрированного выражения экономики, ее обобщения и завершения. В равной мере государственная деятельность ощущает влияние других сторон жизни общества.

Политика «материализуется» в структурно-нормативном компоненте в системе государственных институтов и форм, но и, разумеется, политических, экономических, социальных и других структурах, участвующих в процессе управления государством. При этом мы не склонны преувеличивать возможности государственной деятельности по охране достоинства личности. Она в любом случае формируется и осуществляется в рамках и под влиянием абсолютных общечеловеческих ценностей (свободы, равенства, справедливости), т.е. в пределах и границах правового контекста этих ценностей, а также соответствующих им других институтов и форм, положительно зарекомендовавших себя на практике.

Избыточная политизация различных сторон жизни деструктурирует, дестабилизирует общество. Для государства и права это особенно опасно. Исторический опыт убедительно демонстрирует, что сравнительно легкое манипулирование основами государственности в угоду политическим амбициям и узкоэгоистическим интересам в конечном счете неизменно оборачивается болезненным и длительным возвращением к общечивилизованным началам, стабильности и равновесию в жизни общества и государства. Для поли-

¹⁴ Вейнгольд Ю.Ю. Право как социологическая категория. – Фрунзе, 1962. – С.28.

¹⁵ Ницше Ф. Соч. в 2-х т. – Т. 1. – М., 1990. – С. 431.

¹⁶ Shaw M.N. International Law. Third Edition. – Cambridge, 1991. – P. 57.

тики поэтому исходными являются фактор преэминентности и юридические пределы, основанные на общецивилизационных принципах.

Государственная деятельность по охране достоинства личности располагает функционально-инструментальным блоком, определяющим систему управления обществом и ее деятельностный компонент – функции. Любая, самая взвешенная государственная деятельность окажется нежизнеспособной без оснащения средствами ее реализации – определение направлений (функций), юридических форм их осуществления, поиск оптимальных средств претворения в жизнь политических концепций, программ, целей, задач. Функции права тесно связаны с методами правового регулирования. Сильное, эффективное государство строго функционально. Вся его деятельность – это практическая реализация своих функций (но только своих, государственных, а не иных).

Охрана достоинства личности обеспечивается нормами уголовного права (уголовная ответственность за клевету и оскорбление – ст. 129, 130 УК РФ). Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ предписывает следователю при производстве обыска принимать меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные обстоятельства интимной жизни лица; личный обыск должен производиться лицом одного пола с обыскиваемым. Статья 9 Уголовно-процессуального кодекса РФ запрещает в ходе уголовного судопроизводства осуществление действий и принятия решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья.

Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Жизнь, здоровье, достоинство, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право на имя и авторство защищаются нормами гражданского права (ст. 150–151 ГК РФ). В случае причинения морального вреда (физические или нравственные страдания) гражданин вправе в судебном порядке требовать от нарушителя денежной компенсации.

Идеологический, интеллектуальный, в том числе научно-исследовательский блок политики подразумевает формирование толерантного политического сознания, ценностей правовой культуры, ориентированных на поиск компромиссов, согласия и равновесия (не случайна идентификация политики как искусства компромиссов и т.п.).

Организация деятельности, направленной на достижение общезначимых целей, сохранение фундаментальных ценностей, развитие и совершенствование общественных отношений, основывается на принципах и правилах, закрепленных в нормативно-правовых актах государства с помощью юридического инструментария.

Как подчеркивает С.Ю. Кашкин, «в каждой стране происходит увеличение различных по своим качественным характеристикам правовых норм, расширение и углубление правового воздействия на различные сферы общественной жизни, детализация правового регулирования»¹⁷.

Модернизация страны должна стать поворотным событием для сознания и мировосприятия наших сограждан. События, сопровождавшие президентскую предвыборную кампанию, отчетливо показали и дали власти понять, что многие факты истории и окружающей действительности населением оцениваются теперь совершенно по иному, чем еще несколько лет или даже год назад. Несмотря на это, новые задачи, обусловленные происшедшими переменами, российское государство по-прежнему пытается решать старыми методами. Не создаются механизмы оптимального управления государственными делами, которые анализировали бы не только структуру или содержательное наполнение работы какого-либо органа государства, а целостный процесс государственной деятельности как триаду цели, ресурса и результата.

По мнению зарубежных исследователей, одновременно наблюдается рост значения принципов права в качестве его источников, имеет место сближение различных систем права и правовых семей. Получила развитие тенденция фактического признания судебно-

¹⁷ Кашкин С.Ю. Формирование «юриста будущего» и европейское право // Закон. – 2009. - № 3. – С. 86.

го прецедента в странах романо-германской правовой семьи, включая государства, где с формально-юридической позиции прецедент не признается¹⁸.

Сложившаяся ситуация, которая сопровождается усилением интереса к рассмотрению региональных и глобальных проблем в различных сферах правового регулирования, требует качественно иных видов анализа, выявления и прогнозирования тенденций развития права, по сути дела, новой методологии, способной в определенной степени упорядочить формирующиеся новые направления научного знания.

В процессе исследования функций государства в определенной области социальных связей мы пытаемся выявить определенный способ понимания, трактования исследуемого феномена, руководящей идеи и ведущего замысла, т.е. создать концептуальные основы государственной деятельности в определенной области.

По словам Л. Тевено, исследователь в области права «выступает в качестве носителя некоего блага, которое позволяет ему принимать участие в политической жизни, давая советы властью имущим или излагая публично свои взгляды»¹⁹.

В то же время необходимо учитывать субъективный характер любой концепции в области социальных и гуманитарных наук, соглашаясь с В.Н. Кудрявцевым в том, что «познание общественных явлений в значительной мере изменяется под воздействием взглядов и поступков самого исследователя»²⁰.

Как подчеркивает Л.Д. Воеводин, «в широком плане концепция представляет собой последовательно развиваемую, взаимосвязанную цепь рассуждений, которые подкреплены теоретическими аргументами и доказательствами, взятыми из реальной жизни, и конечная цель которых – объяснить природу обсуждаемого феномена и предложить отвечающие общественным потребностям оптимальные их решения»²¹.

Мы поддерживаем мнение В.М. Баранова, что «концепция как форма познания «лежит» где-то между гипотезой и теорией»²².

Целесообразность концептуального, системного осмысления положения дел в частной области государственного управления обуславливает необходимость привлечения фундаментального, универсального знания, которое не только объединяет накопленные сведения о фактах, задачах и способах их решения, но и помогает увязать общие цели, задачи, функции, принципы, привести к согласованию и обобщенные, и конкретные проблемы.

Одновременно, как считает Г.Ю. Лесников, «существующие концепции, основанные на общих принципах права, в большинстве своем описательны, содержат общеизвестные истины с малореальными, практически заранее невыполнимыми рекомендациями»²³.

Без общего единства всех элементов правовой системы, интегрирующей и регулирующей роли государства невозможно целостное, логически стройное, целенаправленное конструирование и действие процесса государственной деятельности. Сочетание общего, особенного и единичного в системе является необходимой основой ее функционирования, что становится возможным в результате всеобщей связи элементов системы как объективного факта действительной правовой жизни общества.

Известный немецкий мыслитель и правовед Р. Алекси представляет понятие системы как модель, содержащую три пласта или уровня: нормы, принципы и процедуры, предполагая, что они позволяют ответить на вопрос о том, какое решение предлагает нам правовая система в конкретной ситуации²⁴. Принципы сами по себе к делу не применимы, однако на них возлагается задача структурировать процесс аргументации, нацеливая тем са-

¹⁸ Brown L., Kennedy T. The Court of Justice of the European Communities. – L., 2000.

¹⁹ Тевено Л. Взаимосвязь права и экономики // Юридическое образование: новые подходы в России и Западной Европе. – М., 2001. – С. 151.

²⁰ Кудрявцев В.Н. Об особенностях методологии социальных и гуманитарных наук // Новая и новейшая история. – 1995. – № 3. – С. 4.

²¹ Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. – М., 1997. – С. 18.

²² Баранов В.М. Концепция законопроекта: понятие, элементы, виды, проблемы реализации // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1. – С. 89.

²³ Лесников Г.Ю. Синергетика и теория современной уголовной политики // Современное право. – 2004. – № 3. – С.27.

²⁴ Alexy R. Theory of Legal Argumentation. – Oxford, 1989.

мым на созидание нового рационального решения, формулировка которого не вытекает напрямую из существующих норм.

С ним солидарен и К.-Х. Ладер, подчеркивая, что в качестве первого предварительного допущения мы можем взять идею о том, что свойственное юридическому мышлению понятие системы предполагает предопределенное значение права, тем не менее позволяющее, а иногда даже требующее творческой интерпретации²⁵.

Анализируемая проблематика имеет непосредственное отношение к формирующемуся в условиях модернизации праву, которое А.В. Поляков называет правом глобализирующегося общества. Если в XX веке основной философско-правовой проблемой являлась проблема обоснования связи нормы закона, установленного государством, с духовным миром личности, то теперь, по его мнению, «на первый план выдвигается проблема правовой коммуникации, т.е. проблема успешного сосуществования в сфере права самых разных субъектов»²⁶.

Как особую проблему рассматривает глобализацию и В.Д. Зорькин, который с тревогой приводит мнение авторитетных мыслителей о том, что Вестфальская система себя исчерпала. Однако готовы ли правоведы заменить ее чем-то и предложить альтернативную правовую систему? Ведь понятно, что «разрушение одной системы без предъявления другой превращает несовершенное право в абсолютный произвол, что нельзя делать паузу между разрушением старого и построением нового»²⁷.

Вот почему так важно в условиях политико-правовой модернизации выявить и сохранить все лучшее российской правовой системы, в том числе наиболее эффективные и обоснованные функции государства и юридические формы их осуществления. Правовая перспектива, тем не менее, не может основываться на простой совокупности юридических норм и рациональности создающего их государства вне практики правовой коммуникации, обеспечиваемой с помощью функций государства.

Можно согласиться с О.Э. Лейстом, что авторитетность права зависит прежде всего от политико-правового режима, т.е. от отношения к праву лиц, облеченных властью, а также от его справедливости, эффективности и стабильности²⁸.

Поэтому законодатель должен принимать во внимание специфические правовые ограничения, воспроизводимые в процессе правовой практики.

Как справедливо отмечают Д.Н. Бахрах и Л.А. Гущина, «оценивая ограничивающий характер правового регулирования и пытаясь найти оптимальную форму взаимоотношений между государством и личностью, сегодня мы формируем качественно новый характер правового регулирования общественных отношений, основанного на правовом стимулировании позитивными правовыми средствами социально полезного поведения»²⁹.

Ограничения свободы поведения и выбора форм деятельности существовали на протяжении всей истории человечества. Как подчеркивает Д. Шумпетер, ни одно современное общество не обеспечивает абсолютной свободы и ни одно государство не сводит ее к нулю³⁰.

На самом деле, проблема состоит не в наличии имеющихся правовых ограничений или дополнительном их установлении, а в отношении к ним общества. Допустимость и принципиальная необходимость правовых ограничений в той или иной области правового регулирования не противоречит принципам правового государства, но и во многом предопределяется ими.

При этом стимулирующая роль позитивных правовых средств заключается в формировании мотивационных механизмов правомерного поведения граждан, развитии

²⁵ Ladeur K.-H. The Theory of Autopoiesis as an Approach to a Better Understanding of Postmodern // EUJ Working Paper. Law. № 99/3. San Domenico, 1999.

²⁶ Поляков А.В. Теория права в глобализирующемся обществе: постмодернистская интерпретация // Правоведение. – 2007. – № 4. – С. 8.

²⁷ Зорькин В.Д. Современный мир и права человека // Журнал российского права. – 2008. – № 11. – С. 11.

²⁸ См.: Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М.: Зерцало, 2002. – С. 124.

²⁹ Бахрах Д.Н., Гущина Л.А. Стимулирование правового поведения личности: проблемы теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. – 2004. – № 1. – С. 24.

³⁰ Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. London: Georg Allen, 1976. – P. 271.

побудительных мотивов, соответствующих наиболее ценным психическим качествам личности. Правопорядок в обществе является не только показателем последовательной государственной политики и стабильности социального пространства, но и выражает уровень лояльности граждан по отношению к государству.

Как справедливо обращал внимание В.С. Нерсесянц, «при всей своей относительной самостоятельности право, как и другие виды социальных норм, осуществляет свои специфические регулятивные функции не изолированно и обособленно, а в едином комплексе и тесном взаимодействии с другими социальными регуляторами»³¹.

Способами гарантирования достоинства личности являются свободные выборы и референдумы, с помощью которых народ выражает свою волю: выбирает органы государственной власти и основные законы (конституции). Осуществление государственной власти предполагает и обуславливает наличие особого управляющего механизма в виде различных учреждений и организаций.

Данный механизм представляет собой определенный комплекс социальной регуляции, располагающий специфическими стимулами, методами и средствами управления деятельностью государственных органов и общественных организаций. Он характеризуется системой мер, с помощью которых обеспечивается выполнение поставленных задач. В нее входят как юридические нормативы и административно-дисциплинарные меры, так и методы общественного воздействия. В этой системе складываются специфические управленческие отношения.

Содержание права на достоинство личности подразумевает взаимодействие двух систем конституционно-правовых связей человека и государства.

Первую систему составляет комплекс личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина, ядром которых являются предусмотренные Конституцией РФ равенство людей (ст.19), право на жизнь (ст.20), право на достоинство (ч.2 ст.21), право на свободу и личную неприкосновенность(ст.22). Их основным назначением является предоставление формально-юридических гарантий невмешательства государства в сферу прав и интересов личности.

Вторая система конституционно-правовых связей регламентирует социальные права: право собственности (ст.35), частной собственности на землю (ст.36), право на труд (ст.37), на защиту материнства и детства (ст.38), на социальное обеспечение (ст.39), право на жилище (ст.40), на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст.41), на благоприятную окружающую среду (ст.42), на образование(ст.43).

Данные права, основным назначением которых является юридическое гарантирование человеку условий для достойной жизни, предоставляют личности возможность развиваться путем доступа к различным условиям человеческого существования.

Достоинство личности проявляется так же, как внешнее выражение непосредственного волеизъявления народа по решению наиболее важных государственных и общественных вопросов посредством свободных выборов и референдума с целью принятия нормативных актов, определения состава избираемых органов государственной власти и как следствие обеспечения демократической легитимации власти в государстве.

Юридические формы осуществления государственной власти можно разделить на формы опосредованного и непосредственного волеизъявления народа. Содержанием непосредственной формы являются свободные выборы и референдумы, а содержанием опосредованной формы – правотворчество, правоприменение и правоохрана (правообеспечение).

Формы осуществления функций, представляют собой внешнее выражение деятельности государства в том или ином направлении. Вне этих правовых форм невозможна реализация функций государства. Любое направление деятельности государства облекается, прежде всего, в правовую форму. Появляющиеся в результате этого нормативно-правовые акты образуют правовую основу той или иной функции государства. В этих актах определяется предмет правового регулирования (предмет деятельности), субъекты правовых отношений, их компетенция, методы и средства регулирования.

Работа по исполнению нормативно-правовых актов в том или ином направлении деятельности государства и составляет суть правореализационной формы осуществления

³¹ Нерсесянц В.С. Юриспруденция. – М., 1998. – С. 50.

функций. Это повседневная управленческая деятельность. Основными правовыми актами здесь являются подзаконные нормативно-правовые акты и акты индивидуально-правовые.

Юридические формы деятельности государства определены Конституцией РФ, федеральным законодательством и законодательством субъектов Федерации, другими правоустанавливающими актами.

Формы фактической деятельности могут реализовываться в рамках правового регулирования, на основе требований законности. Взаимосвязь различных видов государственной деятельности не умаляет актуальности их дифференцированного изучения в качестве самостоятельных форм. Специфика юридических форм государственной деятельности непосредственно сопряжена с понятием юридической деятельности и производной от нее государственной деятельностью.

Противоречивые тенденции в различных сферах жизни российского общества не могли не найти своего отражения в праве, которое является универсальной системой нормативного регулирования социальных процессов, вследствие чего противоречия пронизывают сегодня все уровни системы отечественного законодательства. В целях позитивного воздействия на кризисные явления право должно все более последовательно и решительно выполнять интерактивную роль, не только сопровождая меняющиеся условия общественной жизни, но и способствуя их преобразованию.

Использование средств правового регулирования во всех отраслях управления проявляется как закономерность взаимосвязи государства и права. Научно обоснованное и эффективное управление социальным развитием современного российского общества входит сегодня в число наиболее перспективных направлений фундаментальных, а значит и поисковых междисциплинарных исследований. Несмотря на то, что фундаментальная наука непрерывно производит новое знание, адекватная взаимосвязь между наукой и обществом пока не сформировалась.

Новое понимание сущности функций государства, основанное на приоритете человеческих целей и ценностей, является одним из характерных признаков государственной деятельности в условиях модернизации. Его объектом служит процесс деятельности государства по осуществлению функций, а задачи заключаются в разработке теоретических проблем и практических вопросов, в выработке научных рекомендаций по совершенствованию данного процесса.

Одновременно, государственная деятельность сегодня – это не строгая регламентация, а обеспечение направленности развития общества на основе его собственной правовой активности.

Список литературы

1. Шамхалов Ф.И. Основы теории государственного управления. – М., 2003. – С. 412.
2. Лапаева В.В. Политика Российской Федерации в области науки и технологий: проблемы правового обеспечения // Законодательство и экономика. – 2004. – № 2. – С. 25–36.
3. Марченко В.Я. Достоинство личности в конституционно-правовом измерении: Автореф. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С.3.
4. Саломатин А.Ю. Сущность правовой модернизации в России // Правовая политика и правовая жизнь. – 2007. – № 1. – С. 200.
5. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов, 2003. – С. 178–179.
6. Дмитриев Ю.А. Коррупция как инструмент государственного регулирования в политической системе российского общества // Современное право. – 2012. – № 1. – С. 12–15.
7. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – СПб, 1902. – С. 366–372.
8. Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (в ред. ФЗ № 318 от 1.12.2007 г.) // Российская газета. – № 272. – 05.12.2007.
9. Хабриева Т.Я. Основы взаимодействия международного и национального права / Влияние международного права на национальное законодательство. – М., 2007. – С. 14.
10. Сорокин В.В. Концепция эволюционного развития правовой системы в переходный период: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 3.
11. Тихомиров Ю.А. Теория социалистического управления // Советское государство и право. – 1969. – № 7. – С. 85.

12. Aron R. La developpment da la Societe industrielle et la stratification Sociale. – Paris, v.1. – 1957; v.2. – 1958.
13. Вейнгольд Ю.Ю. Право как социологическая категория. – Фрунзе, 1962. – С.28.
14. Ницше Ф. Соч. в 2-х т. – Т. 1. – М., 1990. – С. 431.
15. Shaw M.N. International Law. Third Edition. – Cambridge, 1991. – P. 57. Кашкин С.Ю. Формирование «юриста будущего» и европейское право // Закон. – 2009. - № 3. – С. 86.
16. Кашкин С.Ю. Формирование «юриста будущего» и европейское право // Закон. – 2009. - № 3. – С. 86.
17. Brown L., Kennedy T. The Court of Justice of the European Communities. – L., 2000.
18. Тевено Л. Взаимосвязь права и экономики // Юридическое образование: новые подходы в России и Западной Европе. – М., 2001. – С. 151.
19. Кудрявцев В.Н. Об особенностях методологии социальных и гуманитарных наук // Новая и новейшая история. – 1995. – № 3. – С. 4.
20. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. – М., 1997. – С. 18.
21. Баранов В.М. Концепция законопроекта: понятие, элементы, виды, проблемы реализации // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1. – С. 89.
22. Лесников Г.Ю. Синергетика и теория современной уголовной политики // Современное право. – 2004. – № 3. – С.27.
23. Нерсесянц В.С. Юриспруденция. – М., 1998. – С. 50.

DIGNITY OF THE INDIVIDUAL AND THE POLITICAL AND LEGAL REGULATION OF ITS WARRANTY IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION

E.E.TONKOV
L.A.POZHAROVA

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: ETonkov@bsu.edu.ru

Protection of human dignity for the first time in Russian history proclaimed the duty of the state in the 1993 Constitution, which is associated with the formation of a fundamentally new concept of relations between the individual and the state, one of the legal criteria which the dignity of the individual. Part 1 of Art. 21 of the Constitution states: "Human dignity shall be protected by the state. Nothing can be the basis for its derogation. "The concept of dignity is legally uncertain. From the text of Art. 21 of the Constitution implies only that demand respect (prohibition derogation) dignity contrary to torture, violence or other cruel or "degrading" treatment or punishment, on a person without his consent, medical, scientific or other experiments (Part 2 of Art. 21).

Key words: human dignity, society, modernization, identity, state.

УДК 340:001.4(470)

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ГАРАНТИЙ ФИЗКУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Е.Е. ТОНКОВ
Р.В. ДОНЕЦ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: ETonkov@bsu.edu.ru

Одной из главных задач государства является удовлетворение общих человеческих потребностей, в том числе потребностей в здоровом образе жизни и в занятиях физической культурой и спортом. В рамках данного участка исследования автором представлен анализ российского законодательства (хронологические рамки 1918-1992 гг.) с целью выявления закономерностей его становления в закреплении гарантий физкультуры и спорта.

Ключевые слова: законодательство, спорт, физкультура, Конституция, право.

Итак, заявленное законодательство может быть разделено на три этапа, связанных с развитием конституционных норм.

В качестве первого этапа определим доконституционный (1918-1936 гг.). Данный этап характеризуется отсутствием конституционных норм, регламентирующих гарантии физкультуры и спорта в стране. В конституциях РСФСР 1918 г.¹ и 1925 г.², СССР 1923 г.³ искомые положения не обнаружены. Однако следует отметить наличие иных правовых норм прямо или косвенно имеющих отношение к физкультуре и спорту.

Так, среди косвенных правовых актов, которые ненапрямую регулируют заявленную сферу, следует выделить Декрет ВЦИК об обязательном обучении военному искусству⁴. Таким образом, впервые за всю историю российского государства в 1918 г. формируется самостоятельный специализированный орган – Главное управление всеобщего военного обучения и формирования резервных частей Красной Армии (Всевобуч). Появление этой структуры было вызвано нуждами шедшей тогда войны, обусловившей необходимость решения задачи всеобщего военного обучения с помощью физической культуры и спорта. В его составе имелся отдел физического развития и спорта, который ведал физической подготовкой в армии и допризывников. Это был один из первых государственных органов, при участии которого активно восстанавливался отечественный спорт; в практику физкультурного движения внедрялись олимпиады; создавались региональные олимпийские комитеты; предпринимались попытки не только наладить связь с Между-

¹ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 г.). Утратила силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) РСФСР, утвержденной Постановлением XII Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов от 11.05.1925 г. // СУ РСФСР. – 1918. – № 51. – Ст. 582.

² Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г. «Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР» (вместе с «Конституцией (Основным Законом) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики»). Утратил силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) РСФСР, утвержденной Постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1925. – № 118.

³ Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (утв. ЦИК СССР 06.07.1923 г.). Утратил силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) СССР, утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1923. – № 150.

⁴ Декрет ВЦИК об обязательном обучении военному искусству, принятый в заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов 22 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. Том II. 17 марта – 10 июля 1918 г. – М.: Гос. издат-во политической литературы, 1959.

народным Олимпийским комитетом, но и принять участие в очередных играх VII Олимпиады в Антверпене (Бельгия)⁵.

Также к правовым нормам косвенного характера следует отнести, например: постановления Советского правительства 1921 г. «Об охране здоровья детей и подростков» и «О домах отдыха».

Среди специальных правовых актов, направленных на развитие физкультуры и спорта нами выделены как акты, принятые государственными органами, так и институтами гражданского общества.

К числу первых отнесен Декрет ВЦИК РСФСР от 27 июня 1923 г. «Об образовании Высшего и местных советов физической культуры трудящихся РСФСР»⁶. На таковые возлагалось стратегическое управление в сфере физического воспитания трудящихся. На основе этого документа был сформирован первый самостоятельный отраслевой орган управления физической культурой и спортом в российском государстве.

В функции Высшего совета входили: разработка положений о соревнованиях, программ, справочников, уставов, проведение соревнований между различными организациями.

Для реализации предписаний Высшего совета физической культуры при губернских исполнительных комитетах создаются губернские советы физической культуры; при уездных исполнительных комитетах – уездные советы физической культуры, которые являлись органами государственного руководства физкультурным движением.

В рамках рассматриваемых нами отношений немаловажное значение имела деятельность и предписания РКП(б). Так, документом, определяющим пути развития советской физической культуры, стало постановление ЦК РКП(б) от 13 июля 1925 г. «О задачах партии в области физической культуры». Такое определяло, что физическая культура должна составить неотъемлемую часть общеполитического, культурного воспитания и образования, оздоровления масс и должна быть включена в общий план деятельности соответствующих общественных и государственных учреждений и организаций (профсоюзов, РЛКСМ, Красной Армии, школ, органов здравоохранения и т.д.).

Позже Постановление ЦК ВКП(б) от 23 сентября 1929 г. «О физкультурном движении», признав работу неудовлетворительной (слабый охват широких масс рабочего класса, рекордсменский уклон, ведомственный разноречивой и др.), призывало усилить и централизовать государственное руководство с тем, чтобы ликвидировать параллелизм и разноречивой в физкультурной работе, подчеркнуло необходимость организовать при ЦИК СССР Всесоюзный совет физической культуры на правах государственного органа в физкультурном движении⁷.

Таким образом, ЦК ВКП(б) счел необходимым устранить разноречивой в физкультурной работе, внести в нее больше организованности и плановости, максимально расширить общий масштаб физкультурной работы, обеспечив вовлечение в физкультурное движение рабочих масс и усилив физкультурную работу в сельской местности⁸.

Далее во исполнение решения ЦК ВКП(б) Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 1 апреля 1930 г. принял Постановление «Об учреждении Всесоюзного совета физической культуры при ЦИК СССР (ВСФК)». Последний наделялся правами государственного органа руководства и контроля в области физической культуры. С созданием Всесоюзного совета физической культуры устанавливалась единая общесоюзная система государственного управления физкультурным движением в СССР⁹.

В качестве правового акта, направленного на развитие физкультуры и спорта и принятого институтом гражданского общества в обозначенном хронологическом периоде можно указать решение Всесоюзной конференции профсоюзов по физической культуре

⁵ Медведев С.А. Теоретико-правовые аспекты функционирования физической культуры и спорта в Российском государстве: Дис. ... канд. юрид. наук. – Майкоп, 2006. – С. 24.

⁶ СуиР РСФСР. – 1923. – № 62. – С. 602.

⁷ Столбов В.В. История физической культуры. – М., 1999. – С. 7.

⁸ Роль партийных организаций в развитии социальной сферы в 30-е годы. Сборн. науч. труд. – М., 1969. – С. 83.

⁹ Медведев С.А. Теоретико-правовые аспекты функционирования физической культуры и спорта в Российском государстве: Дис. ... канд. юрид. наук. – Майкоп, 2006. – С. 25.

(1930 г.) переходе от клубно-территориального принципа построения физкультурной работы к производственному. На смену кружкам физкультуры при рабочих клубах пришли коллективы физической культуры на производственных предприятиях и в учреждениях. Последний стал основным звеном советского физкультурного движения.

Следующим этапом в развитии законодательства российского государства о гарантировании физкультуры и спорта (с учетом критерия конституционности) является ограниченно-конституционный (1937-1978 гг.). Это связано с тем, что последовательно (сначала советской Конституцией СССР 1936 г. – ст. 126¹⁰), а затем и российской Конституцией 1937 г. в соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам РСФСР обеспечивалось право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества... (ст. 130)¹¹.

Отметим также, что в Конституции (Основном Законе) РСФСР 1937 г. имелась ст. 19, которая относилась к руководству и организации дела физической культуры и спорта к ведению Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в лице ее высших органов власти и органов государственного управления.

Уточним, что наименование данного этапа – ограниченно-конституционный, мы обосновываем тем, что напрямую отсутствовало конституционное закрепление государственного гарантирования физической культуры и спорта. Указанные нормы лишь контекстно обеспечивали право граждан, в том числе на спортивные объединения.

Исходя из положений конституции 1936 г. 1937 г. в СССР была создана система общественных органов управления добровольных спортивных обществ (далее – ДСО). С учетом положительного опыта работы «Динамо» (с 1923 г.), «Спартака», «Локомотива», «Красного Знамени» (с 1935 г. и 1936 г.) по решению ВЦСПС в стране были организованы 64 ДСО при центральных комитетах профсоюзов, которые оказывали содействие государственным органам управления данной сферы.

В качестве третьего этапа конституционного развития гарантирования в российском государстве физкультуры и спорта обозначим целостно-конституционный (1977-1992 гг.). Он отличается содержательным наполнением конституционных норм прямо закрепляющих соответствующие государственные гарантии. Так, в ст. 24 Конституции (Основного Закона) Российской Федерации 1978 г. установлено, что государство поощряет деятельность кооперативных и других общественных организаций во всех сферах обслуживания населения. Оно содействует развитию массовой физической культуры и спорта¹².

В ст. 55 данного основного закона также закреплено, что ...государство ...поощряет деятельность, способствующую ...укреплению здоровья каждого, развитию физической культуры и спорта.

Отметим, что указанные нами положения Конституции (Основного Закона) Российской Федерации 1978 г. являются более удачными по сравнению с положениями советской конституции 1977 г., имеющими отношение к гарантированию физической культуры и спорта. Так, в ст. 41 указанного Основного закона «расширение сети культурно-просветительных и оздоровительных учреждений, развитие массового спорта, физической культуры и туризма» закрепляется в контексте обеспечения права граждан СССР на

¹⁰ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г.). Утратила силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) СССР от 07.10.1977 г., утвержденной Декларацией ВС СССР от 07.10.1977 г. № 6365-IX // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1936, 6 декабря.

¹¹ Постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г. «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» (вместе с Конституцией). Утратил силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) РСФСР от 12.04.1978 г., утвержденной Декларацией ВС РСФСР от 12.04.1978 г. // Документ опубликован не был; www.garant.ru

¹² Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России (принята ВС РСФСР 12.04.1978 г.) (ред. от 10.12.1992 г.). Утратила силу в связи с принятием Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1978. – № 15. – Ст. 407.

отдых¹³. Хотя далее в этой же статье указано, что «государство поощряет деятельность кооперативных и других общественных организаций во всех сферах обслуживания населения. Оно содействует развитию массовой физической культуры и спорта». На наш взгляд, последнее правовое установление является самостоятельным и заслуживает обособленного конституционного определения, а не контекстного упоминания в совокупности с правом на отдых.

Следует также отметить, что в ст.ст. 81.1 и 84.11 отражены общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта как предметы ведения органов публичной власти различного уровня.

Далее отметим, что спецификой развития законодательства данной сферы в виду ее политизации в рассматриваемые хронологические рамки является наличие большего числа правовых норм, принимаемых органами государственной власти. Также здесь следует уточнить немаловажное значение в качестве субъекта нормотворчества коммунистическую партию.

Таким образом, все законодательство, относящееся к гарантированию в России физкультуры и спорта в период с 1937 по 1992 гг. можно разделить на две группы:

– регламентирующее организацию управления данными отношениями, т.е. гарантирующее учреждение и функционирование специализированных государственных структур, ведающими вопросами физкультуры и спорта;

Так, в июне 1936 г. ВСФК, а также территориальные (республиканские, краевые, областные, окружные, городские, районные) советы физической культуры были реконструированы, а на их месте был создан новый государственный орган власти – Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта при Совете народных Комиссаров СССР. Соответственно Комитеты по делам физической культуры и спорта были образованы в союзных и автономных республиках, краях и областях, городах и районах страны.

С началом Великой Отечественной войны условия потребовали от органов управления физической культурой и спортом мобилизации всех сил на победу и 23 сентября 1941 г. Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта при Совете Народных Комиссаров СССР издал приказ «О работе физкультурных организаций в связи с введением всеобщего военного обучения»¹⁴, обязывающий физкультурные организации предоставить спортсооружения подразделениям Всевобуча, частям народного ополчения и сандружинам для проведения занятий по военно-физической подготовке. Комитеты по делам физической культуры и спорта, советы ДСО должны были организовывать военизированные игры (кроссы, штыковой бой, гранатометание, преодоление различных препятствий, скоростные переходы – марш-броски, велосипедные и пешие походы с решением тактических задач), оказывать помощь неполным средним и средним школам, ремесленным училищам и школам фабрично-заводского образования в проведении внеучебных спортивных соревнований и секционных занятий по лыжному и мотоциклетному спорту, гимнастике и рукопашному бою¹⁵.

Позже поднятие престижа страны посредством спорта послужило причиной принятия Постановления ЦК ВКП(б) от 26 декабря 1948 г. «О ходе выполнения Комитетом по делам физической культуры и спорта директивных указаний партии и правительства о развитии массового физкультурного движения в стране и повышения мастерства советских спортсменов».

Следует заметить, что деятельность органов управления по физической культуре и спорту в основном стала оцениваться по количеству медалей, завоеванных в различных соревнованиях, и по числу подготовленных мастеров спорта. При подведении итогов работы территориальных органов управления отрасли по установленным критериям, спорт высших достижений значительно опережал другие направления физкультурного движения.

¹³ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977 г.) (ред. от 14.03.1990 г.). Утратил силу на территории Российской Федерации в связи с принятием Соглашения от 08.12.1991 г. «О создании содружества независимых государств», ратифицированного Постановлением ВС РСФСР от 12.12.1991 г. № 2014-1 // Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.

¹⁴ ГАНИ И ОПД ПО, ф. 1458, оп. 1, д. 210, л. 17.

¹⁵ Медведев С.А. Теоретико-правовые аспекты функционирования физической культуры и спорта в Российском государстве: Дис. ... канд. юрид. наук. – Майкоп, 2006. – С. 31.

В условиях административно-бюрократической системы в стране, господства командно-приказных методов, волюнтаризма и субъективизма, характерных для послевоенных лет, необоснованно заменялись органы государственного руководства физкультурным движением и происходила смена их руководителей¹⁶.

Все это привело к тому, что 15 марта 1953 г. был упразднен Комитет по делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР, а на его месте образовано Главное управление по физкультуре и спорту в составе Министерства здравоохранения СССР. Однако вскоре выяснилось, что Минздрав СССР, имея свои специфические проблемы, не смог справиться с возложенными на него задачами по развитию физкультуры и спорта в стране. Через год (11 февраля 1954 г.) вновь был создан государственный орган управления – Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР¹⁷.

В январе 1959 г., исходя из чисто субъективных побуждений Н.С. Хрущева, утверждавшего, что «в коммунизм мы не пойдем с платным инструктором по физкультуре», Всесоюзный комитет как орган государственного руководства физкультурно-спортивным движением вновь был упразднен и вместо него создан Союз спортивных обществ и организаций как общественный орган управления¹⁸. Подобные изменения в управлении руководством физкультурно-спортивным движением создавали немалые дополнительные трудности в развитии отрасли. На этом фоне среди значительной части физкультурных работников стали процветать приписки, фальсификация, что в дальнейшем привело к застоным явлениям в развитии массового физкультурно-спортивного движения.

В связи с этим Советское правительство 17 октября 1968 г. приняло Постановление о создании вновь государственного органа управления – Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР и его местных органов управления. Комитет был наделен всеми необходимыми полномочиями для руководства физкультурной и спортивной работой в стране.

Считаем, принятое правительством решение своевременным, несмотря на то, что оно было востребовано ранее, так как общественный орган управления не справился с возложенными на него задачами.

Постановление определяло цели государственной политики в сфере физической культуры и спорта, устанавливало систему государственных органов, которая до начала реформ имела следующий вид:

- органы государственного управления общей компетенции. Кабинет Министров СССР, правительства союзных и автономных республик, исполкомы местных Советов народных депутатов;
- органы государственного управления специальной компетенции. Государственный Комитет по физической культуре и спорту, государственные комитеты по физической культуре и спорту союзных, автономных республик, исполкомов местных Советов народных депутатов;
- структурные подразделения министерств, государственных комитетов, ведомств, отвечающих за развитие физической культуры и спорта в данной отрасли;
- органы управления массовых физкультурно-оздоровительных общественных организаций: советы, президиумы добровольных спортивных обществ;
- органы общественной физкультурной спортивной самодеятельности: внештатные комитеты, коллегии спортивных судей, тренерские советы, федерации по видам спорта;
- органы управления организаций советской спортивной общественности – Олимпийского Комитета СССР, Союза советских спортсменов и др.;

¹⁶ Зуев В.Н. Эволюция органов государственной власти в сфере управления физической культурой и спортом в начале XX века в советский период // Теория и практика физической культуры. – 2004. – № 3. – С. 4-5.

¹⁷ Столбов В.В. История физической культуры. – М., 1989. – С. 141; Столбов В.В. Российские единомышленники Пьера де Кубертена: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Олимпийских игр «Олимпийское движение и социальные процессы». – Омск, 1995. – С. 53.

¹⁸ Романов Н.Н. Восхождение на Олимп. – М., 1993. – С. 19.

– органы управления физической культурой и спортом, других общественных организаций: профсоюзных, комсомольских, ДОСААФ¹⁹.

В марте 1986 г. Президиум Верховного Совета СССР преобразовал Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР (Спорткомитет СССР) в союзно-республиканский государственный комитет СССР по физической культуре и спорту (Госкомспорт).

Позже в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 мая 1986 г. были преобразованы государственные органы управления физической культурой во всех краях, АССР, областях, городах и районах России, такие же преобразования произошли в других союзных республиках.

В соответствии с Постановлением Президиума ВЦСПС от 20 февраля 1987 г. № 2-16 «О мерах по совершенствованию руководства физкультурным движением профсоюзов» было создано Всесоюзное добровольное физкультурно-спортивное общество (ВДФСО). Упразднение всех профсоюзных ДСО («Спартак», «Труд», «Урожай», «Буревестник», «Зенит» и т. д.) обернулось непредсказуемыми результатами.

Этот эксперимент нанес большой урон спортивному движению страны: вскоре закрылись ДЮСШ, перестали работать спортивные сооружения, покинули рабочие места многие ведущие специалисты, уйдя в другие отрасли и бизнес²⁰.

– способствующее дальнейшему развитию физкультуры и спорта.

Отметим, что в 30-е гг. носителями идей был взят «курс на создание таких условий в стране, которые давали бы возможность вырастить новое поколение рабочих, здоровых и жизнерадостных, способных поднять могущество Советской страны на должную высоту и защитить ее грудь от покушений со стороны врага»²¹. Таким образом, были изменены смысл и назначение физической культуры и спорта. Данная сфера политизируется и подчиняется идее «классовой борьбы». Как следствие этого физическая культура и система управления ею трансформируется в советское физкультурное движение. Воля партии была конкретизирована во «Всесоюзном физкультурном комплексе «Готов к труду и обороне», созданном по инициативе ленинско-сталинского комсомола»²².

В послевоенный период, через 4 месяца после Победы, СНК СССР принял Постановление от 28 сентября 1945 г. «Об оказании помощи комитетам по делам физической культуры и спорта и улучшении их работы», которое рекомендовало немедленно освободить все спортивные сооружения, занятые не по назначению в военный период. Также в целях повышения спортивного мастерства предусматривалось учреждение должностей государственных тренеров по видам спорта и открытие в стране 80 спортивных школ молодежи.

Большое внимание вопросам физического воспитания уделил XXIII съезд КПСС 1966 г. Он призвал все партийные, советские, профсоюзные, комсомольские и физкультурные организации шире внедрять в быт населения массовые виды физической культуры и спорта, обратив особое внимание на их развитие в общеобразовательных школах, в высших и средних специальных учебных заведениях. В целях материального обеспечения растущего физкультурного движения XXIII съезд КПСС признал необходимым расширить сеть стадионов, спортивных баз и других спортивных сооружений, особенно в сельской местности.

В Постановлении от 11 августа 1966 г. «О мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта» ЦК партии и правительство определили меры по повышению квалификации учителей, преподавателей, тренеров и других специалистов по физической культуре, укреплению материально-технической базы физкультурного движения.

17 января 1972 г. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР был введен усовершенствованный комплекс «Готов труду и обороне СССР». Действовавшие до этого комплекс ГТО (введенный в 1959 г) и его дополнительная ступень «Готов к защите Родины» сыграли известную роль в развитии физкультурного движения, однако в свете задач, поставленных XXVI КПСС (1971 г.) в области физической культуры и спорта, уже перестали отве-

¹⁹ Братановский С.Н. Государственное управление физической культурой и спортом в условиях рынка. – Саратов, 1991. – С. 6.

²⁰ Зуев В.Н. Эволюция органов государственной власти в сфере управления физической культурой и спортом в начале XX века в советский период // Теория и практика физической культуры. – 2004. – № 3. – С. 4-5.

²¹ Беликович В.В. Основы методики физической культуры. – М., 1939. – С. 8.

²² Там же. – С. 11.

чать новым повышенным требованиям. Новый комплекс был признан программной и нормативной основой советской системы физического воспитания, помогающей органам государственной власти в управлении физической культурой и спортом²³.

Изучая содержательное наполнение нормативно-правовых актов того времени, следует сказать, что принятые совместно партией и правительством, они были в значительной мере конституционно необоснованны.

В связи с этим лидирующая роль КПСС была узаконена Конституцией СССР 1977 г., ст. 6, что сделало ее субъектом законотворческого процесса.

Постановлением ЦК КПСС И Совета Министров СССР «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта» (11 сентября 1981 г.) намечалось расширение сети физкультурно-спортивных клубов (ФСК) и физкультурно-оздоровительных комплексов (ФОК) по месту жительства.

На устранение недостатков в управлении физической культурой и спортом было направлено решение июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС о создании культурно-спортивных комплексов (КСК). В состав КСК стали входить, независимо от ведомственной подчиненности, клубы и Дома культуры, библиотеки и музеи, Дворцы пионеров и школьников, парки, стадионы и другие спортивные сооружения, музыкальные и спортивные школы. КСК создавались в масштабах города, района, посёлка, села решением соответствующих исполкомов Советов народных депутатов. В начале 1985 г. в стране работало около 6 тыс. КСК.

Анализ отечественного законодательства на предмет выявления в нем норм, закрепляющих гарантии физкультуры и спорта, позволил выделить три этапа их развития с учетом конституционного критерия:

I этап: с 1918 г. по 1922 г. – доконституционный. Характеризуется отсутствием конституционных норм, регламентирующих гарантии физкультуры и спорта в стране (в конституциях РСФСР 1918 г. и 1925 г., СССР 1923 г.) искомые положения не обнаружены. Однако отмечено наличие иных правовых норм прямо или косвенно имеющих отношение к гарантированию физкультуры и спорта;

II этап: с 1937 г. по 1977 г. – ограниченно-конституционный. Характеризуется отсутствием прямого конституционного закрепления государственного гарантирования физической культуры и спорта; имеющиеся нормы лишь контекстно обеспечивали право граждан, в том числе на спортивные объединения (ст.ст. 19, 130 Конституции РСФСР 1937 г.);

III этап: с 1978 г. по 1992 г. – целостно-конституционный. Характеризуется содержательным наполнением конституционных норм прямо закрепляющих государственные гарантии физкультуры и спорта (ст. 24, 55, 84.1, 84.11 Конституции РСФСР 1978 г.).

Определено, что спецификой развития законодательства заявленной сферы в виду ее политизации в рассматриваемые хронологические рамки является наличие большего числа правовых норм, принимаемых органами государственной власти. Также здесь следует уточнить немаловажное значение в качестве субъекта нормотворчества коммунистическую партию.

Таким образом, все законодательства, относящиеся к гарантированию в России физкультуры и спорта в период с 1937 по 1992 гг. можно разделить на две группы:

- регламентирующее организацию управления данными отношениями, т.е. гарантирующее учреждение и функционирование специализированных государственных и негосударственных структур, ведающими вопросами физкультуры и спорта;
- способствующее дальнейшему развитию физкультуры и спорта.

Список литературы

1. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 г.). Утратила силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) РСФСР, утвержденной Постановлением XII Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов от 11.05.1925 г. // СУ РСФСР. – 1918. – № 51. – Ст. 582.

²³ См.: Медведев С.А. Теоретико-правовые аспекты функционирования физической культуры и спорта в Российском государстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Майкоп, 2006. – С. 36.

2. Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г. «Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР» (вместе с «Конституцией (Основным Законом) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики»). Утратил силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) РСФСР, утвержденной Постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1925. – № 118.
3. Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (утв. ЦИК СССР 06.07.1923 г.). Утратил силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) СССР, утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1923. – № 150.
4. Декрет ВЦИК об обязательном обучении военному искусству, принятый в заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов 22 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. Том II. 17 марта – 10 июля 1918 г. – М.: Гос. издат-во политической литературы, 1959.
5. Медведев С.А. Теоретико-правовые аспекты функционирования физической культуры и спорта в Российском государстве: Дис. ... канд. юрид. наук. – Майкоп, 2006.
6. СуиР РСФСР. – 1923. – № 62. – С. 602.
7. Столбов В.В. История физической культуры. – М., 1999. – С. 7.
8. Роль партийных организаций в развитии социальной сферы в 30-е годы. Сборн. науч. труд. – М., 1969. – С. 83.
9. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г.). Утратила силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) СССР от 07.10.1977 г., утвержденной Декларацией ВС СССР от 07.10.1977 г. № 6365-IX // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1936, 6 декабря.
10. Постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г. «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» (вместе с Конституцией). Утратил силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) РСФСР от 12.04.1978 г., утвержденной Декларацией ВС РСФСР от 12.04.1978 г. // Документ опубликован не был; www.garant.ru
11. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России (принята ВС РСФСР 12.04.1978 г.) (ред. от 10.12.1992 г.). Утратила силу в связи с принятием Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1978. – № 15. – Ст. 407.
12. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977 г.) (ред. от 14.03.1990 г.). Утратил силу на территории Российской Федерации в связи с принятием Соглашения от 08.12.1991 г. «О создании содружества независимых государств», ратифицированного Постановлением ВС РСФСР от 12.12.1991 г. № 2014-1 // Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.
13. ГАНИ И ОПД ПО, ф. 1458, оп. 1, д. 210, л. 17.
14. Зуев В.Н. Эволюция органов государственной власти в сфере управления физической культурой и спортом в начале XX века в советский период // Теория и практика физической культуры. – 2004. – № 3. – С. 4-5.
15. Столбов В.В. История физической культуры. – М., 1989. – С. 141; Столбов В.В. Российские единомышленники Пьера де Кубертена: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Олимпийских игр «Олимпийское движение и социальные процессы». – Омск, 1995. – С. 53.
16. Романов Н.Н. Восхождение на Олимп. – М., 1993. – С. 19.
17. Братановский С.Н. Государственное управление физической культурой и спортом в условиях рынка. – Саратов, 1991. – С. 6.
18. Беликович В.В. Основы методики физической культуры. – М., 1939. – С. 8, 11.

DEVELOPMENT OF THE LEGAL ENTRENCHED GUARANTEE FOR PHYSICAL EDUCATION AND SPORT

E.E.TONKOV
R.V.DONEC

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: ETonkov@bsu.edu.ru

One of the main objectives of the government is to meet common human needs, including the needs for a healthy lifestyle and physical education and sports. In this area of research the author presents an analysis of Russian legislation (chronological framework 1918-1992 gg.) To identify patterns of its formation in securing guarantees of physical education and sport.

Key words: law, sports, physical education, Constitution and law.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

УДК: 1340.68+343.981:005.94

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Д.В. АРТИЮШЕНКО

*Московская государственная
юридическая академия
имени О. Е. Кутафина*

e-mail: pradv@yandex.ru

В статье рассмотрено текущее состояние научной классификации судебных экспертиз, а также сделаны предложения по её совершенствованию. В частности, предлагается разграничить праксеологическую классификацию судебных экспертиз и классификацию обосновывающих судебно-экспертные исследования отраслей знаний и частных теорий родов и видов судебных экспертиз. Также рассмотрена возможность использования в настоящее время идеи о выделении судебно-экспертных наук. Проанализирована их природа и соотношение с таксономической категорией класса судебной экспертизы.

Ключевые слова: классификация, судебные экспертизы, класс судебной экспертизы, судебные науки, частные теории родов судебных экспертиз.

Научные классификации судебных экспертиз имеют как теоретическое, так и тесно связанное с ним практическое значение для самой судебно-экспертной деятельности, а также для юрисдикционной деятельности государственных органов и должностных лиц.

В общей теории судебной экспертизы утвердилась предложенная А. Р. Шляховым система уровней научной классификации судебных экспертиз¹. Она включает в себя:

1. Классы (типы).
2. Роды.
3. Виды.
4. Разновидности (подвиды).

А. М. Зинин и Н. П. Майлис указывают, что разграничение экспертиз на классы, роды, виды и разновидности имеет следующее значение для судебно-экспертной деятельности²:

- помогает определить роды и виды экспертиз, производство которых должно быть организовано в судебно-экспертных учреждениях, прогнозировать создание новых;
- облегчает разработку краткосрочных и перспективных планов научно-исследовательских работ для развития теории и методики экспертного исследования;

¹ Шляхов А. Р.: 1) Классификация судебных экспертиз и типизация их задач. М., 1977. 130 с.; 2) Труды по судебной экспертизе. М.: Наука, 2006. 567 с.

² Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза: учебник. М.: Право и Закон, 2002. - С. 54 – 55.

- предопределяет подготовку и переподготовку экспертных кадров, их компетенцию и специализацию;
- помогает лицу, назначающему судебную экспертизу, в правильном выборе соответствующего рода (вида) экспертизы.

Аналогичная позиция по отношению к значению классификации судебных экспертиз ранее высказывалась А. Р. Шляховым³, а в настоящее время также поддерживается Т. В. Аверьяновой⁴.

Таким образом, рассматриваемая классификация судебных экспертиз имеет теоретическое, прикладное, а также процессуальное значение:

А. *Теоретическое значение* заключается во влиянии этой классификации на определение дальнейших путей развития общей и частных теорий судебной экспертизы, на принципы постановки и разрешения соответствующих научных проблем.

Б. *Прикладное значение* состоит в использовании классификации:

а. при организации судебно-экспертных учреждений (подразделений), а также при совершенствовании их приборной базы;

б. при организации подготовки экспертных кадров и составлении соответствующих образовательных программ.

В. *Процессуальное значение* заключается в том, что данная классификация используется в целях выбора необходимого рода или вида экспертного исследования при назначении судебных экспертиз.

При этом различные таксономические уровни приведённой выше классификации имеют неодинаковое значение для указанных сфер судебно-экспертной и процессуальной деятельности. Остановимся на этом вопросе подробнее, предварительно отметив, что в качестве основания классификации судебных экспертиз А. Р. Шляхов взял комплексный критерий, включающий предмет, объект и метод экспертного исследования. При этом критерий «предмет-объект-метод» использовался А. Р. Шляховым для выделения родов судебных экспертиз. В качестве основания для выделения классов им указывалась общность знаний, служащих источником формирования теоретических и методических основ судебных экспертиз⁵. Впоследствии Р. С. Белкин акцентировал на этом внимание, говоря о том, что к трём названным признакам (предмет, объект, метод) необходимо добавить четвёртый – характер специальных знаний⁶.

Следует признать, что таксоны, составляющие родовой и видовой уровни рассматриваемой классификации, являются её наиболее «стабильными» элементами, поскольку непосредственно связаны с правоприменительной и судебно-экспертной практикой, многолетней работой экспертных учреждений (подразделений), аттестацией экспертов. То есть именно роды и виды судебных экспертиз имеют *прикладное и процессуальное значение*.

В то же время выделение тех или иных классов экспертиз, имеющих *теоретическое значение*, чаще подвергается критике, и встретить среди учёных единодушное мнение по проблемам самого высокого таксономического уровня классификации бывает затруднительно. С. С. Самищенко пишет по этому поводу следующее: «У практиков и учёных нет единого мнения по чёткому формированию классов и родов экспертиз. Как правило, они сравнительно легко допускают включение в один класс и род экспертиз, которые находятся за пределами их базовых знаний или научных интересов. Но очень придирчиво следят за тем, чтобы их “родной” род или вид экспертиз не принизили в статусе или не поместили бы в одну классификационную группу с “чужими” экспертизами. Классификационную сумятицу вносят и так называемые базовые материнские знания, необходимые для выполнения того или иного вида экспертиз, они могут быть одинаковыми для экспертиз разного вида и, наоборот, значительно отличаться при работе с одним и

³ Шляхов А. Р. Труды по судебной экспертизе. - С. 194.

⁴ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М. : Норма, 2009. - С. 302.

⁵ Шляхов А. Р. Указ. соч. - С. 205.

⁶ Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 2: Частные криминалистические теории. М. : Юристъ, 1997. - С. 324.

тем же объектом экспертизы»⁷. Е. Р. Россинская, считая основной единицей классификации род экспертиз, по поводу классов пишет, что «объединение в них родов почти всегда далеко не бесспорно и вызывает неутрачивающие дискуссии. Классы экспертиз – это наиболее динамичная, изменяющаяся категория, в наибольшей степени зависящая от интеграции и дифференциации научного знания»⁸. Н. П. Майлис, отмечая непрерывный характер процесса совершенствования института судебных экспертиз, пишет: «Создание новых видов экспертиз, обусловленных веянием времени и требованиями следственной и судебной практики, отнесение их к какому-либо классу, также будет вызывать споры среди учёных. Поэтому выработка однозначного подхода позволила бы избежать ненужных дискуссий и ... относить новые роды и виды к соответствующему разряду»⁹.

Высказываются и «крайние» точки зрения. В монографии, посвящённой судебной лингвистической экспертизе, К. И. Бринев пишет, что «классификация судебных экспертиз не имеют практически никакого значения, особенно это касается классификации экспертиз по роду и виду»¹⁰. «Классификация как таковая, – пишет К. И. Бринев, – не представляет собой цели научного изучения, функция классификации, скорей, мнемоническая, и все классификации являются сокращением того фактического материала, который теоретически утверждается относительно членов классификации, поэтому наличие корректных классификаций связано с качеством разработки теории, но не наоборот»¹¹.

Представляется, что проблемы с выделением классов связаны со следующим противоречием, заложенным в саму классификацию судебных экспертиз. До настоящего времени признания того, что существуют т. н. «предметные судебные науки», о которых писали А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская¹², не произошло; таким образом, судебные экспертизы рассматриваются только с праксеологической точки зрения. Исходя из этого и проводится классификация экспертиз на классы, роды и виды. В то же время объединение экспертиз в классы требует, в соответствии с предложением А. Р. Шляхова, оценки общности специальных знаний, то есть соотношения судебных экспертиз, как видов определённой практической деятельности, с теми или иными науками или областями знаний. Таким образом, в единую систему сводятся две классификации: *праксеологическая классификация судебных экспертиз* и *классификация обосновывающих эти экспертизы отраслей специальных знаний*. И если несколько десятилетий назад такое объединение удалось А. Р. Шляхову, то в настоящее время проведению подобного рода теоретических обобщений препятствует тот факт, что процессы дифференциации и интеграции знаний затронули все частные теории родов и видов судебных экспертиз. Это, в свою очередь, приводит к тому, что становится непонятно, почему экспертизы, при производстве которых используются знания, инкорпорированные из различных научных областей, относятся только к одному классу экспертиз.

«Процессы интеграции и дифференциации, – пишет Т. В. Аверьянова, – а также становление и формирование общей теории судебной экспертизы, определение её природы привели к изменению представлений о классификации судебных экспертиз. В частности, потерял практическое значение вопрос о том, является ли криминалистической экспертиза материалов и вещей, можно ли также считать криминалистической фоноскопическую и взрывотехническую экспертизы и т. п. Синтетическая природа общей те-

⁷ Самищенко С. С. Исследование папиллярных узоров человека в аспекте формирования новых родов и видов экспертиз // Российское право в Интернете : [Электронный журнал]. Номер 2008 (03). URL: <http://www.gpi.msal.ru/prints/20080samishenko.html> (дата обращения: 22.01.2012).

⁸ Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 3-е изд., доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. - С. 146.

⁹ Майлис Н. П. Судебная экспертиза: реалии и перспективы // Современное состояние и перспективы развития новых направлений судебных экспертиз в России и за рубежом : материалы международной научно-практической конференции. Калининград, 2003. - С. 14.

¹⁰ Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул : АлтГПА, 2009. - С. 70.

¹¹ Там же. С. 70 – 71.

¹² Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз) : учебное пособие / отв. ред. Б. А. Виктор. Волгоград, 1979. - С. 113 – 120.

рии судебной экспертизы позволяет снять ярлыки, которые мы наклеивали на различные виды и роды экспертиз, и рассматривать *любой вид и род экспертизы просто как судебную экспертизу*¹³. Подход к судебным экспертизам с точки зрения праксеологии приводит многих учёных и практиков к выводу о невозможности и, более того, ненужности объединения родов в классы, которые бы удовлетворяли всех специалистов в том или ином роде (виде) судебных экспертиз. Стоит ли, таким образом, вообще отказаться от классов экспертиз? Утвердительный ответ на этот вопрос влечёт за собой утрату тех преимуществ теоретических обобщений такого уровня, которые связаны в области судебной экспертизы с определением путей дальнейших научных исследований, а также с составлением образовательных программ.

Решение проблемы может быть связано с разграничением *двух научных классификаций*:

- 1) праксеологической классификации судебных экспертиз; и
- 2) классификации обосновывающих судебно-экспертные исследования отраслей знаний (наук) и частных теорий родов (видов) судебных экспертиз.

Это означает, что, *отказавшись от уровня классов в праксеологической классификации*, мы восполняем их отсутствием *другими* теоретическими обобщениями, в данную классификацию, однако, *не входящими*. Представляется, что специальные знания могут быть представлены как в форме частных теорий родов (видов) судебных экспертиз, так и в форме «предметных судебных наук». Соотношение этих частных теорий и судебных наук (которые не входят в праксеологическую классификацию судебных экспертиз) с родами и видами экспертиз отличается от соотношения классов с родами и видами, и в то же время они играют для судебно-экспертной деятельности ту же роль, что и классы.

Сейчас предполагается, что классы должны характеризовать общность знаний некоторых родов экспертиз и в то же время являться по отношению к этим родам, как специфическим видам практической деятельности, *таксонами более высокого ранга*. Подобное классификационное обобщение по причине «диффузии» различных специальных знаний в настоящее время достаточно проблематично. Отсюда – мнения об отказе от классов¹⁴, их ненужности, отсутствии в них какой-либо научной ценности вообще¹⁵. С этой позицией (об отказе от классов) нужно согласиться, оговорив при этом, что данный вывод необходим в рамках рассмотрения *праксеологической классификации* родов и видов экспертиз.

При этом роль классов для судебно-экспертной теории и практики начинают выполнять судебные науки и частные теории родов судебной экспертизы, соотношение которых с родами и видами экспертиз носит иной характер. Судебная наука (или частная теория рода или вида экспертизы) *не является таксономической категорией классификации родов и видов экспертиз*, поскольку она не рассматривается с точки зрения праксеологического подхода и имеет для судебно-экспертной деятельности особое значение: способствует определению направлений научных исследований и решению вопросов, связанных с организацией образовательного процесса при подготовке экспертных кадров. Таким образом, определённым отраслям знания (или теориям) *соответствуют* конкретные виды практической – судебно-экспертной – деятельности, и данная связь не является характеристикой соотношения разных таксономических уровней в классификации.

Учитывая, что сформулированная выше позиция предполагает использование идей А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской, остановимся подробнее на том, что авторы понимали под «предметными судебными науками» и как связывали их появление и развитие с судебно-экспертной теорией и практикой¹⁶.

Указывалось, что большинство судебных экспертиз основывается на достижениях предметных судебных наук. Например, судебно-почерковедческая, судебно-трасологическая, судебно-баллистическая экспертизы базируются на предметных судебных науках, являющихся одновременно разделами криминалистики: почерковедении,

¹³ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. - С. 318.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. - С. 71.

¹⁶ Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология ... - С. 113 – 125.

трасологии, баллистике; судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы – на судебной медицине и судебной психиатрии соответственно. В то же время не всем судебным экспертизам соответствуют предметные судебные науки. Как пишут А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская, некоторые роды и виды экспертиз основаны на «методических дисциплинах»¹⁷. Под ними следует понимать, скорее, то, что в настоящее время именуется частными теориями родов и видов экспертиз (далее при изложении взглядов А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской будет использоваться термин «частная теория»). В качестве примеров таких экспертиз авторы приводят бухгалтерскую, товароведческую и автотехническую экспертизы.

В том случае, если происходит трансформация данных «материнской» («базовой») науки, то появляется специальная прикладная судебная наука. Если же существенного преобразования знаний не требуется, и возможность использования специальных знаний из определённой области может появиться и благодаря извлечению необходимых знаний из базовой науки, дополненных необходимыми указаниями на правовую регламентацию проведения судебной экспертизы, то в таком случае формируется отдельная частная теория рода или вида судебной экспертизы («методическая дисциплина»). По мере своего развития она может трансформироваться в предметную судебную науку, дающую возможность применять специально разработанные для целей экспертного исследования, научно апробированные и более эффективные методики.

А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская привели три закономерности, которым подчиняется процесс формирования и развития судебных экспертиз¹⁸:

1) *Закономерность непосредственного базового формирования и развития теории конкретных судебных экспертиз.* В соответствии с нею теоретические основы некоторых экспертиз формируются путём прямого заимствования знаний из базовых наук. При этом трансформации таких частных теорий родов (видов) экспертиз в специальные предметные науки не происходит. Например, в настоящее время можно говорить о сформированной теории судебной строительно-технической экспертизы, которая базируется (помимо знаний из правовых наук, общей теории судебной экспертизы и криминалистики) на знаниях из теоретической механики, строительной механики, строительного материаловедения, технологии строительного производства и др.¹⁹, однако никакой отдельной «судебной строительной механики» или «судебной теоретической механики» не существует.

2) *Закономерность однопредметного формирования теории судебных экспертиз.* В данном случае речь идёт о формировании судебных экспертиз на основе одной соответствующей им судебной предметной науки. Так появились судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы, которым соответствуют отдельные науки – судебная медицина и судебная психиатрия.

3) *Закономерность многопредметного формирования и развития теории конкретных судебных экспертиз.* То есть данные судебные экспертизы основаны на нескольких судебных науках. Пример, приводившийся А. И. Винбергом и Н. Т. Малаховской, состоял в указании того, что экспертизы, благодаря процессам интеграции знаний, могут быть образованы на базе нескольких судебных наук: судебной физики, судебной химии, судебной биологии, криминалистики. В силу того, что указанные интеграционные процессы затрагивают сейчас практически все научные области, число таких экспертных исследований будет только возрастать.

Высказанная в 1973 г. идея о создании судебной экспертологии активно обсуждалась в научном сообществе²⁰, поскольку существовала потребность в осознании и теоретическом обобщении практики проведения экспертных исследований в судопроизводстве.

¹⁷ Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология ... С. 114.

¹⁸ Там же. С. 116.

¹⁹ Бутырин А. Ю.: 1) Программа подготовки экспертов по специальности 16.1 «Исследование строительных объектов и территории, функционально связанной с ними, в том числе с целью проведения их оценки» // Теория и практика судебной экспертизы. 2009. № 4 (16). С. 22 – 35; 2) Теория и практика судебной строительно-технической экспертизы. М. : Городец, 2006. 224 с.

²⁰ Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 2. С. 293 – 304.

ве. Однако сам термин «экспертология» в соответствующем научном дискурсе не закрепился. Позднее для обозначения области знаний, исследующей наиболее общие вопросы судебно-экспертной деятельности, стало употребляться название «общая теория судебной экспертизы», что связано с иной природой соответствующей данному названию синтетической области знаний. Подверглись критике и положения о предметных судебных науках. Р. С. Белкин в «Курсе криминалистики» приводит позицию Б. Е. Гордона, по мнению которого в структуре судебной экспертологии следовало выделять лишь реально существующие судебные науки, а не такие, как «судебная физика» или «судебная химия»²¹. Р. С. Белкин излагает также и свою позицию: «Выделение А. И. Винбергом и Н. Т. Малаховской таких “предметных судебных наук”, как судебное почерковедение, судебная трасология и др., научные основы которых базируются на отраслях криминалистической техники и представляют собой их прикладные, экспертные разделы в рамках единой криминалистической науки, невольно толкает нас к распространённому в некоторых странах пониманию криминалистики как комплекса так называемых судебных наук, лишая её самостоятельного существования как науки»²².

С критикой концепции предметных судебных наук в настоящее время выступает Е. Р. Россинская. Согласно её точке зрения, формирование общей теории судебной экспертизы «положило конец дискуссии о существовании предметных судебных наук, о которых в 1980 г. писали А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская. За прошедшие 20 с лишним лет, – указывает Е. Р. Россинская, – так и не были разработаны судебная физика, судебная биология и др. Стало очевидно, что не может быть никакой особой судебной физики, а есть использование выявленных физической наукой закономерностей и физических методов в судебно-экспертной деятельности»²³.

Представляется, однако, что «предметные судебные науки», оставаясь, условно говоря, вне области внимания общей теории судебной экспертизы, существуют и формируются. Классическими примерами таковых являются судебная медицина и судебная психиатрия, существование которых не оспаривается. Что касается утверждений А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской о судебной химии, судебной биологии, судебной физике, то их, действительно, следует признать не выдержавшими проверку временем (см. ниже). Это, однако, не означает, что нужно полностью отказаться от рассмотрения «судебных наук». Укажем также, что, например, в специальной англоязычной литературе использование применительно к «судебно-экспертным наукам» терминов «судебная химия», «судебная биология» или «судебная физика» признаётся условным и употребляемым в образовательных целях²⁴.

Отметим сначала, что сам термин «предметные судебные науки» нуждается в корректировке. Во-первых, употребление прилагательного «предметный» следует признать излишним, поскольку, если речь идёт о науке, отрасли знаний или отдельной теории, то ясно, что у неё есть объекты и предметы познания²⁵. Применение А. И. Винбергом и Н. Т. Малаховской прилагательного «предметный» было обусловлено необходимостью отграничения отдельных «судебных наук» от «общей» науки о судебной экспертизе – экспертологии. Однако поскольку роль такой общей науки в настоящее время играет *общая теория судебной экспертизы*, то использование прилагательного «предметный» не требуется. Во-вторых, вместо «судебных наук» более точным будет термин «судебно-экспертные науки». Последний указывает на то, что в процессе расследования, рассмот-

²¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 2. С. 301.

²² Там же. С. 309.

²³ Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. С. 140.

²⁴ «Thus there is a growing tendency for all thinking on forensic science to be compartmentalised into “Chemistry”, “Physics” and “Biology”. Although physical evidence may be classified (with doubtful value) in this way for teaching purposes, in actual case work it can seldom be said to fall entirely into one of these divisions» (4 (2) – 1964: Forensic Science or Sciences ? // Fifty Years of Forensic Science : A commentary / edited by Niamh Nic Daéid. Wiley, 2009. P. 2).

²⁵ Объектом познания называют исследуемое явление в целом, а предметом познания – ту сторону объекта, которая непосредственно описывается в теории (Энциклопедия эпистемологии и философии науки. С. 733).

рения и разрешения дел путём привлечения к участию в процессе сведущих лиц используются именно *специальные знания*. То есть, говоря «судебно-экспертные», мы отграничиваем данные науки от правовых наук, которые также могут быть рассмотрены в качестве «судебных». Таким образом, представляется, что более корректным в данном смысле является употребление термина «судебно-экспертные науки».

Следует указать, что судебно-экспертные науки обладают двойственной природой.

С одной стороны, их нужно рассматривать как *разделы* (или отрасли) тех или иных *наук*. Данные разделы включают в себя и необходимым образом трансформируют знания из этих наук для нужд судопроизводства. Например, под судебной медициной понимают отрасль медицины, представляющую собой систему научных знаний, методик исследования и экспертной оценки фактов, на основе которой решаются вопросы медико-биологического характера, возникающие в процессе судопроизводства, и некоторые конкретные задачи практического здравоохранения²⁶. При этом, на наш взгляд, «судебно-экспертные разделы» могут сформироваться, как правило, лишь в *прикладных науках*. Именно поэтому и не должно появиться судебной физики, судебной химии или судебной биологии, но может идти речь о судебной медицине, судебной психиатрии, судебной трасологии и т. д.

С другой стороны, судебно-экспертные области знания становятся в некоторых случаях достаточно автономными, что даёт основания рассматривать их и в качестве *самостоятельных наук*. «Самостоятельность» обусловлена следующими факторами. Во-первых, знания «материнских» наук существенным образом трансформируются, что обусловлено учётом практики расследования дел, потребностями судопроизводства, распространённостью определённых объектов в следственной, судебной практике и т. п. Например, А. М. Кустов и С. С. Самищенко пишут следующее: «Образно выражаясь, судебную медицину можно назвать посредником между правом и огромными объёмами информации медико-биологического плана, накопленными в недрах соответствующих наук. Конечно же, судебная медицина – не просто посредник, а самостоятельная наука, исследующая законы живой природы, и, в первую очередь, такие из них, которые имеют отношение к человеку и проявляются в сфере правоохранительной деятельности»²⁷. Во-вторых, в таких судебно-экспертных науках отдельно рассматриваются правовые понятия, а также вопросы из общей теории судебной экспертизы, что расширяет их предмет по сравнению с «материнскими» науками. «Судебная психиатрия, – пишет Г. В. Морозов, – находится на стыке медицины и юриспруденции, как раздел неотделима от общей психиатрии, но имеет свои особые задачи. Это изучение различных психических расстройств в специальном отношении их к правовым нормам, положениям уголовного, гражданского права и процесса. ... Специалисты в области судебной психиатрии исследуют организационно-методические вопросы судебно-психиатрической экспертизы и принудительного лечения психически больных, на основании чего создаются законодательные акты и инструктивные материалы»²⁸.

Примером судебно-экспертной науки, появившейся сравнительно недавно, является судебное речеведение.

В соответствии с определением, которое дано Е. И. Галяшиной, судебное речеведение представляет собой раздел прикладной лингвистики, посвящённый изучению речевой деятельности и её результатов в целях решения родовых задач судебной экспертизы устных и письменных произведений речи²⁹. Автор, указывая на вхождение судебного речеведения в интегративную область знаний, называемую «речеведением», отмечает принципиальное отличие судебного речеведения от других прикладных отраслей лингвистического знания. Это отличие выражается, в частности, в следующем. Специальные

²⁶ Судебная медицина : учебник / под общ. ред. В. Н. Крюкова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2008. С. 11.

²⁷ Кустов А. М., Самищенко С. С. Судебная медицина в расследовании преступлений : курс лекций. М. : Московский психолого-социальный институт, 2002. С. 4.

²⁸ Судебная психиатрия : учебник / Н. М. Жариков, В. П. Котов, Г. В. Морозов, Д. Ф. Хритинин. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2009. С. 11 – 12.

²⁹ Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения : монография / под ред. проф. М. В. Горбаневского. М. : СТЭНСИ, 2003. С. 5.

познания в области судебного речеvedения составляют основание для их использования в судопроизводстве, где речеvedед может выступать в двух процессуальных качествах: эксперта и специалиста. При этом эксперт или специалист, применяющий знания в области судебного речеvedения, должен действовать в рамках закреплённой в соответствующих федеральных законах процессуальной формы³⁰.

«Экспертиза речевых феноменов в текстах, вовлекаемых в сферу юриспруденции, – пишет Е. И. Галяшина, – стала насущной потребностью права и высветила новую парадигму нерешённых проблем общего и прикладного языкознания»³¹.

Таким образом, судебное речеvedение, являясь новой синтетической областью знаний и разделом прикладной лингвистики, может рассматриваться как судебно-экспертная наука, положения которой служат теоретической основой для лингвистической, автороведческой, фоноскопической и почерковедческой экспертиз³².

В качестве судебно-экспертных наук в настоящее время могут быть рассмотрены и некоторые традиционно выделяемые *отрасли (или разделы) криминалистической техники* (шире – криминалистики), например, трасология и габитоскопия.

Н. П. Майлис даёт следующее определение трасологии:

«Под трасологией (от франц. *tracé* – след и греч. *logos* – слово, учение; букв.: учение о следах) понимают раздел криминалистики, относящийся к криминалистической технике, в котором разрабатываются методы и научно-технические средства обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов, используемых для раскрытия преступлений.

Научные основы трасологии, – продолжает автор, – используются в производстве судебно-трасологических экспертиз, а сама трасология является базовой наукой для проведения таких экспертиз.

... Трасология, являясь внутренне единым разделом науки криминалистики, изучает следы и следовое воздействие, т. е. в её предмет входят закономерности отражения в следах доказательственной информации и разработка методов и средств обнаружения, фиксации, исследования следов и их использования в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел»³³.

Таким образом, Н. П. Майлис рассматривает судебную трасологию и как отдельную науку, что подтверждается указанием на изучаемые ею закономерности, и как раздел криминалистики. В настоящее время судебная трасология является базовой наукой не только для трасологических экспертиз, но и, например, для судебных экспертиз маркировочных обозначений, выделенных в отдельный род³⁴.

В статье, посвящённой совершенствованию классификации судебных экспертиз, Н. П. Майлис также пишет о выделении судебных трасологических экспертиз в отдельный класс, в качестве родов этого класса указывая криминалистическую трасологию, транспортную трасологию, материаловедческую трасологию, медико-криминалистическую трасологию, археологическую трасологию и искусствоведческую трасологию³⁵. Представляется, что здесь речь идёт о выделении в рамках трасологии, как судебно-экспертной науки, некоторых разделов (криминалистической, транспортной,

³⁰ Галяшина Е. И. Основы судебного речеvedения : монография / под ред. проф. М. В. Горбаневского. М. : СТЭНСИ, 2003. С. 5 – 7.

³¹ Там же. С. 22.

³² Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и практика : науч.-практич. пособие / под ред. Е. Р. Россинской. М. : Юрайт : ИД Юрайт, 2010. С. 73 – 74.

³³ Майлис Н. П. Судебная трасология : учебник для студентов юридических вузов. М. : Экзамен, Право и закон, 2003. С. 16.

³⁴ Возможности производства судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России : научное издание. М. : АНТИДОР, 2004. С. 141 – 149. Выделение экспертизы маркировочных обозначений в отдельный род обусловлено тем, что эксперт, которому поручено её производство, должен владеть не только методами трасологического исследования, но и основами экспертного исследования изделий из металлов и сплавов, знать объект исследования (автомобиль, оружие и т. д.), обладать информацией о маркировках тех или иных изделий, знать способы изменения маркировочных обозначений и владеть методиками их выявления. То есть выделение данного рода экспертиз обусловлено комплексированием знаний, составляющих теоретическую основу её производства.

³⁵ Майлис Н. П. О совершенствовании классификации судебных экспертиз // Эксперт-криминалист. 2008. № 2. С. 13.

материаловедческой трасологии и т. д.), которым соответствуют определённые виды трасологических экспертиз. Например, транспортная трасология служит основой для следующих видов трасологической экспертизы: экспертиза следов транспортных средств (ТС), экспертиза отделившихся деталей и частей ТС, экспертиза маркировочных обозначений ТС³⁶.

Примером судебно-экспертной науки, зародившейся в рамках криминалистики и рассматривающейся в качестве отрасли криминалистической техники, является также габитоскопия. Предметом габитоскопии «являются закономерности, обуславливающие природу внешнего облика, проявляющиеся в его свойствах, и основанные на них средства и методы собирания, исследования и использования данных о внешнем облике человека в целях предупреждения и раскрытия преступлений»³⁷. А. М. Зинин указывает, что в предмет габитоскопии входят также и закономерности развития внешнего облика человека³⁸. Габитоскопия, как судебно-экспертная наука, является теоретической основой для судебной портретной экспертизы³⁹.

Представляется, что закономерности, изучаемые теми судебно-экспертными науками, которые до сих пор традиционно рассматриваются в качестве разделов криминалистической техники (в частности, приведённые выше в качестве примеров трасология и габитоскопия), хотя формально и могут быть отнесены к предмету криминалистики⁴⁰, но в настоящее время изучаются отдельно. Теоретическое обособление некоторых разделов криминалистической техники обусловлено развитием этих отраслей знания, которые, расширяя и углубляя знания о предмете своего изучения, а также активно привлекая знания из иных наук, «выходят» за рамки криминалистики. Проводя аналогию с рассмотренными выше примерами, криминалистика для данных судебно-экспертных наук является базовой, «материнской» наукой, и в этом смысле судебные экспертизы, теоретической основой которых она (криминалистика) является, могут быть названы «криминалистическими».

При этом, однако, сама криминалистика, в отличие, например, от медицины или психиатрии, не может быть включена в ставшую традиционной классификацию наук, предполагающую их деление на естественные, инженерные и технические, социальные и гуманитарные и т. д.⁴¹

В связи с этим уместно вспомнить о т. н. «гибридных науках», мысль о появлении которых была высказана Ф. В. Лазаревым и М. К. Трифоновой⁴². Впоследствии их предложение о выделении новых типов наук – синтетических, интегративных и комплексных – было использовано Р. С. Белкиным при обосновании отнесения криминалистики к «синтетическим» наукам⁴³. Это означает, что в рамках криминалистики происходит «трансформация», «синтез» знаний самой различной природы. Однако интеграция знаний происходит и в рамках предложенных для выделения в качестве самостоятельных судебно-экспертных наук. С учётом этого, именование судебных экспертиз, для которых одной из базовых наук является криминалистика, «криминалистическими» нельзя признать корректным, поскольку оно не отражает их конкретного содержания, природы тех закономерностей, которые они исследуют. К тому же, как уже отмечалось, положения, разработанные в криминалистике, используются и в иных экспертизах. Так, положения трасологии используются при производстве судебно-медицинских экспертиз. Представляется, что если определённая судебная экспертиза основывается на судебно-экспертной

³⁶ Майлис Н. П. О совершенствовании классификации судебных экспертиз // Эксперт-криминалист. 2008. № 2. С. 13

³⁷ Габитоскопия и портретная экспертиза : учебно-методическое пособие / под общ. ред. проф. А. М. Зинина. Саратов : СЮИ МВД России, 2004. С. 14.

³⁸ Зинин А. М. Габитоскопия и портретная экспертиза : курс лекций. М. : Щит-М, 2011. С. 18.

³⁹ Там же. С. 93 – 153.

⁴⁰ Криминалистика : учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2010. С. 32 – 41.

⁴¹ Руководство ЮНЕСКО по статистике науки и техники. Париж, 1984. 128 с. ; Философская энциклопедия / гл. ред. Ф. В. Константинов. Т. 3. М. : Советская энциклопедия, 1964. С. 583.

⁴² Лазарев Ф. В., Трифонова М. К. Структура познания и научная революция. М. : Высшая школа, 1980. 127 с.

⁴³ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : НОРМА, 2001. С. 32 – 46.

науке, то название данной судебной экспертизы должно соответствовать именно судебно-экспертной науке, в рамках которой непосредственно разрабатываются её теоретические основы. Для судебных экспертиз, называемых «криминалистическими», в настоящее время это уже не криминалистика, а отдельные науки – судебная трасология, габитоскопия, судебная баллистика⁴⁴ и т. д.

Судебно-экспертные науки в соответствии с предложением Ф. В. Лазарева и М. К. Трифионовой могут быть рассмотрены как «комплексные» науки, которые «являются особой отраслью знания; они возникают и развиваются не как “пучок” независимых дисциплин, объединённых одним названием, а как единая система знания со своим специфическим концептуальным, понятийным и категориальным аппаратом»⁴⁵. От «синтетических наук», таких, например, как криминалистика, судебно-экспертные науки отличается то, что при объединении различных знаний в них, однако, могут быть выделены разделы, носящие правовой или естественно-научный (либо технический) характер.

Отметим, что формирование судебно-экспертных наук вовсе не означает необходимости отказа от общей теории судебной экспертизы. С. Ф. Бычкова, писавшая о существовании «судебно-экспертных отраслей научного знания» и отдельной науки о судебной экспертизе, придерживалась следующей точки зрения: «Судебно-экспертные отрасли представляют собой научные основы конкретных видов (родов) экспертиз; являясь самостоятельными областями научного знания в пределах науки о судебной экспертизе, они используют как положения общей теории судебной экспертизы, так и базисных областей научного знания, которыми могут являться любые, “внешние” по отношению к науке о судебной экспертизе, научные области. Общая теория судебной экспертизы, концентрируя в себе наиболее общие положения, совпадающие для всех областей судебно-экспертных отраслей, представляет собой гносеологическую ориентацию их функционирования и развития»⁴⁶. В настоящее время единой науки о судебной экспертизе в том смысле, как её понимала автор, не существует (речь не идёт об общей теории судебной экспертизы). Её «отрасли» в приведённой цитате следует рассмотреть как самостоятельные судебно-экспертные науки. С учётом этого необходимо согласиться с данной С. Ф. Бычковой характеристикой соотношения судебно-экспертных наук с общей теорией судебной экспертизы.

Формирование судебно-экспертных наук также не означает умаления роли криминалистики, которая становится для них одной из «базисных», «материнских» наук. Примерами криминалистических знаний, используемых судебно-экспертными науками, могут служить теории криминалистической идентификации и криминалистической диагностики, некоторые положения криминалистического учения о фиксации доказательственной информации и т. д.

Итак, судебно-экспертные науки способны в необходимых случаях играть ту же роль в судебно-экспертной теории и практике, что и классы судебных экспертиз, от которых предлагается отказаться. Конечно, не всем родам (видам) судебных экспертиз соответствуют определённые судебно-экспертные науки. Основой многих родов и видов экспертных исследований выступают их частные теории. Под частными теориями отдельных родов и видов судебных экспертиз понимаются научные основы данных экспертиз⁴⁷.

Примерами таких частных теорий могут служить появившиеся в последнее время теории судебных экологической, почвоведческой, оценочной экспертизы, которым соответствуют одноимённые роды экспертиз, подразделяемые, в свою очередь, на виды⁴⁸.

⁴⁴ В литературе, посвящённой экспертизе оружия и следов его применения, обсуждается использование терминов «криминалистическое оружиеведение» и «судебная взрывотехника» (Владимиров В. Ю. Теория и практика криминалистического оружиеведения : дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2002. С. 178 ; Ручкин В. А. Оружие и следы его применения (частная криминалистическая теория) // «Черные дыры» в Российском Законодательстве : юридический журнал. 2002. № 3. С. 163 – 192). Разница между этими терминами связана с решением вопросов о том, каков предмет соответствующей судебно-экспертной науки и теоретической базой для каких родов и видов судебных экспертиз она должна служить.

⁴⁵ Лазарев Ф. В., Трифионова М. К. Указ. соч. С. 41.

⁴⁶ Цит. по: Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 2. С. 303.

⁴⁷ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. С. 400.

⁴⁸ Омелянюк Г. Г. Концептуальные основы судебно-почвоведческой экспертизы : дис. ... докт. юрид. наук. Воронеж, 2005. 440 с. ; Прорвич В. А. Концептуальные основы судебно-оценочной экспертизы (структурно-содержательный анализ правовых, организационных и методологических проблем) :

Следует особо отметить, что соотношение частных теорий родов (видов) судебных экспертиз и судебно-экспертных наук может быть охарактеризовано следующим образом:

- Во-первых, частная теория рода (вида) судебной экспертизы может являться составной частью судебно-экспертной науки (например, теория судебной психологической экспертизы и судебная психология);

- Во-вторых, частные теории родов (видов) экспертиз могут существовать без включения в какую-либо судебно-экспертную науку, «автономно» (например, теория судебной автотехнической экспертизы). В этом случае *не происходит существенной трансформации знаний базовых* (для данной теории) *наук*, позволяющей говорить о выделении частной группы закономерностей, изучение которых и обуславливает формирование судебно-экспертной науки. В то же время знания базовых наук становятся достаточно изолированными и образуют отдельную систему частной судебно-экспертной теории.

Итак, представляется, что судебно-экспертные науки и частные теории родов экспертиз могут выполнять функции классов судебных экспертиз. В свою очередь, последние должны быть исключены из *праксеологической* классификации судебных экспертиз, ориентированной на рассмотрение экспертиз как специфических видов деятельности.

Таким образом, отсутствие классов экспертиз восполняется аналогичными теоретическими обобщениями, которые, однако, не входят в праксеологическую классификацию судебных экспертиз. Речь идёт, во-первых, о частных теориях родов и видов судебных экспертиз, а во-вторых, о судебно-экспертных науках.

Под судебно-экспертными науками понимаются *комплексные науки*, представляющие собой обособленные системы научных знаний, предметом которых является изучение той или иной группы закономерностей окружающей действительности с целью решения вопросов, возникающих в процессе юрисдикционной деятельности государства и требующих применения специальных знаний.

В качестве примеров судебно-экспертных наук могут быть названы судебная медицина, судебная психиатрия, судебная психология, судебное речеведение, а также традиционно выделяемые как разделы криминалистической техники судебная трасология, габитоскопия, судебная баллистика и др.

Конкретные роды и виды судебных экспертиз соотносятся с судебно-экспертными науками и частными теориями родов (видов) экспертиз так же, как соотносится определённая практическая деятельность с обосновывающим её теоретическим знанием. При этом необязательно, что таким обосновывающим знанием для судебной экспертизы является только одна судебно-экспертная наука или только одна частная теория, – их может быть и больше.

Список литературы

1. Шляхов А. Р. Классификация судебных экспертиз и типизация их задач. М., 1977. 130 с.
2. Шляхов А. Р. Труды по судебной экспертизе. М. : Наука, 2006. 567 с.
3. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза : учебник. М. : Право и Закон, 2002. 320 с.
4. ¹ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М. : Норма, 2009. 480 с.
5. Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 2: Частные криминалистические теории. М. : Юристъ, 1997. 464 с.
6. Самищенко С. С. Исследование папиллярных узоров человека в аспекте формирования новых родов и видов экспертиз // Российское право в Интернете : [Электронный журнал]. Номер 2008 (03). URL: <http://www.rpi.msal.ru/prints/20080samishenko.html> (дата обращения: 22.01.2012).
7. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 3-е изд., доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 736 с.
8. Майлис Н. П. Судебная экспертиза: реалии и перспективы // Современное состояние и перспективы развития новых направлений судебных экспертиз в России и за рубежом : материалы международной научно-практической конференции. Калининград, 2003. С. 9 – 15.
9. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул : АлтГПА, 2009. 252 с.

10. Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз) : учебное пособие / отв. ред. Б. А. Викторов. Волгоград, 1979. 183 с.
11. Бутырин А. Ю. Программа подготовки экспертов по специальности 16.1 «Исследование строительных объектов и территории, функционально связанной с ними, в том числе с целью проведения их оценки» // Теория и практика судебной экспертизы. 2009. № 4 (16). С. 22 – 34.
12. Бутырин А. Ю. Теория и практика судебной строительно-технической экспертизы. М. : Городец, 2006. 224 с.
13. Fifty Years of Forensic Science : A commentary / edited by Niamh Nic Daéid. Wiley, 2009.
14. Судебная медицина : учебник / под общ. ред. В. Н. Крюкова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2008. 432 с.
15. Кустов А. М., Самищенко С. С. Судебная медицина в расследовании преступлений : курс лекций. М. : Московский психолого-социальный институт, 2002. 448 с.
16. Судебная психиатрия : учебник / Н. М. Жариков, В. П. Котов, Г. В. Морозов, Д. Ф. Хритинин. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2009. 624 с.
17. Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения : монография / под ред. проф. М. В. Горбаневского. М. : СТЭНСИ, 2003. 236 с.
18. Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и практика : науч.-практич. пособие / под ред. Е. Р. Россинской. М. : Юрайт : ИД Юрайт, 2010. 535 с.
19. Майлис Н. П. Судебная трасология : учебник для студентов юридических вузов. М. : Экзамен, Право и закон, 2003. 272 с.
20. Возможности производства судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России : научное издание. М. : АНТИДОР, 2004. 512 с.
21. Майлис Н. П. О совершенствовании классификации судебных экспертиз // Эксперт-криминалист. 2008. № 2. С. 11 – 13.
22. Габитоскопия и портретная экспертиза : учебно-методическое пособие / под общ. ред. проф. А. М. Зинина. Саратов : СЮИ МВД России, 2004. 124 с.
23. Зинин А. М. Габитоскопия и портретная экспертиза : курс лекций. М. : Щит-М, 2011. 160 с.
24. Криминалистика : учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2010. 944 с.
25. Руководство ЮНЕСКО по статистике науки и техники. Париж, 1984. 128 с.
26. Философская энциклопедия / гл. ред. Ф. В. Константинов. Т. 3. М. : Советская энциклопедия, 1964. 584 с.
27. Лазарев Ф. В., Трифонова М. К. Структура познания и научная революция. М. : Высшая школа, 1980. 127 с.
28. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : НОРМА, 2001. 240 с.
29. Владимиров В. Ю. Теория и практика криминалистического оружиеведения : дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2002. 475 с.
30. Ручкин В. А. Оружие и следы его применения (частная криминалистическая теория) // «Черные дыры» в Российском Законодательстве : юридический журнал. 2002. № 3. С. 163 – 192.
31. Омельянюк Г. Г. Концептуальные основы судебно-почвоведческой экспертизы : дис. ... докт. юрид. наук. Воронеж, 2005. 440 с.
32. Прорвич В. А. Концептуальные основы судебно-оценочной экспертизы (структурно-содержательный анализ правовых, организационных и методологических проблем) : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. 517 с.

SOME ISSUES OF FORENSIC INQUIRIES SCIENTIFIC CLASSIFICATION

D.V. ARTYUSHENKO

*Kutafin Moscow State
Law Academy*

e-mail: ppadv@yandex.ru

The article deals with current state of forensic inquiries scientific classification; also there are some proposals for its improvement. Particularly, it is suggested making a distinction between forensic inquiries praxeological classification and forensic sciences classification. It is also considering means of using the idea of forensic sciences abstraction. It is analyzed its scientific nature and correlation to taxonomic category “class of forensic inquiry”.

Keywords: classification, forensic inquiries, class of forensic inquiry, forensic sciences, special theories of forensic inquiry types.

ТИПИЧНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОПАСНЫМИ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ВЕЩЕСТВАМИ

Е.В. ИВАНОВА

*Московская государственная
юридическая академия
имени О. Е. Кутафина*

e-mail: ivanova-elena-7@yandex.ru

В статье исследуются элементы криминалистической характеристики преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами. Анализируются понятия «криминалистическая характеристика преступления», «модель преступления», «механизм преступления» и «способ преступления». В качестве характерных системообразующих элементов, обуславливающих особенности данной группы преступлений, предложено рассматривать механизм их совершения. Показано, что незаконные действия, связанные с опасными для здоровья веществами, реализуются в четырех механизмах: механизме незаконного перемещения веществ опасных для здоровья; механизме незаконного создания веществ опасных для здоровья; механизме незаконной передачи опасных для здоровья веществ; механизме незаконного применения опасных для здоровья веществ.

Ключевые слова: преступление, механизм, опасный, вещество.

В современной России преступленные действия, совершаемые с использованием веществ, опасных для здоровья, составляют значительную часть уголовного наказуемых деяний. В рассматриваемых средствах и веществах особенно отчетливо проявляются свойства социальных отношений, поставленных под охрану закона. Любые противоправные деяния, предметом которых являются опасные для здоровья вещества, посягают на один объект, а именно, приводят к нарушению общественных отношений, обеспечивающих охрану здоровья широких слоев населения. Понятием веществ опасных для здоровья, с нашей точки зрения, охватываются такие вещества, которые оказывают вредное воздействие на организм человека, подлежат контролю и представляют реальную или потенциальную угрозу здоровья общества в виде причинения ущерба охраняемым законом общественным отношениям.

Особенности преступной деятельности по использованию опасных для здоровья веществ во многом обуславливают характер действий правоохранительных органов по выявлению и расследованию данной группы преступлений. При этом знания специфических особенностей механизмов использования в незаконной деятельности опасных для здоровья веществ, по нашему мнению, могут быть отнесены к категории специальных, поскольку во многом детерминированы характером и особенностями включенных в событие преступления веществ.

В качестве особенностей, характеризующих совокупность преступлений, авторы научных работ рассматривают различные подходы. Большинство авторов в качестве характеристической категории, обобщающей особенности преступлений, предлагают криминалистическую характеристику. Так, Н.П. Яблоков криминалистическую характеристику определяет как систему «описания криминалистически значимых признаков вида, группы и отдельного преступления, проявляющихся в особенностях способа, механизма и обстановки его совершения, дающую представление о преступлении, личности его субъекта и иных обстоятельствах»¹. В.А. Образцов определяет криминалистическую характеристику преступлений, как описание структуры, механизма, следов, отражающих и отражаемых объектов, их внутренних и внешних связей, имеющих значение для научно-

¹ Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика. Учебник. / Отв. ред. Н.П. Яблоков. - М.: Юристъ, 2002. - С. 36 - 37.

го и практического решения задачи выявления и раскрытия преступлений². Н.А. Селиванов понимает под криминалистической характеристикой систему данных о преступлениях определенного вида, выражающую его содержание и сущность, и способствующую их расследованию³.

Среди большого числа подходов к определению криминалистической характеристики преступления можно выделить два основных:

- понимание криминалистической характеристики преступления как системы;
- понимание криминалистической характеристики преступления как модели.

Лексический анализ смыслового содержания терминов показывает, что под системой понимается нечто целое, представляющее собой единство частей (элементов) (фр. *systeme* -> лат. *systema* -> греч. *systema* - соединенное, составленное из частей). Система (от др.-греч. *σύντημα* — целое, составленное из частей; соединение) — множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенную целостность, единство⁴. Под моделью понимается схема какого-нибудь объекта или явления (фр. *modele* -> ит. *modello* -> лат. *modulus* - мера, образец)⁵. В использовании понятия «система» есть двойственность: с одной стороны оно используется для обозначения объективно существующих феноменов, а с другой стороны — как метод изучения и представления феноменов, то есть как субъективная модель реальности⁶. Таким образом, система есть совокупность взаимосвязанных элементов, которая может быть представлена в виде модели - схематического отражения данной совокупности, либо в виде описания связей и характеристик входящих в систему элементов.

Разногласия у авторов вызывает и содержание понятия «криминалистическая характеристика». При этом, если значение слов «криминалистическая» (относящаяся к расследованию преступления) и «преступление» (событие противоправного деяния) понимается всеми одинаково, то термин «характеристика» имеет большое количество различий, что в криминалистической и криминологической литературе уже подчеркивалось⁷. Вместе с тем, смысл термина «характеристика» - это описание типичных, отличительных черт, качеств объекта либо результат такого описания в виде совокупности типичных, отличительных черт, свойств (польск. *charakterystyka*, нем. *charakteristik* < лат. < греч. - лат. *character* отпечаток, своеобразие < греч. *charakter* печать, клеймо, особенность, своеобразие). Следовательно, термин «характеристика» предполагает рассмотрение типичных, отличительных черт, которые применительно к категории преступления могут образовывать или не образовывать систему в понимании ее как совокупности взаимосвязанных элементов, но не модели.

В структуру криминалистической характеристики преступлений авторы включают различные элементы. Наиболее часто в ней различают⁸: характеристику типичной исходной информации; системы данных о типичных способах совершения и сокрытия данного вида преступлений и типичных последствиях их применения; личность вероятного преступника и вероятные мотивы и цели преступления; личность вероятной жертвы преступления и данные о типичном предмете посягательства; данные о типичных обстоятельствах

² Образцов В.А. Теоретические основы раскрытия преступлений, связанных с ненадлежащим исполнением профессиональных функций в сфере производства. Иркутск, 1985. — С. 8.

³ Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982. — С. 128-129.

⁴ Система // Большой Российский энциклопедический словарь. — М.: БРЭ. — 2003, - С. 1437.

⁵ Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. - М., 1998. - с. 447; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. - М., 1999. — С. 719.

⁶ Корилов А.М., Павлов С.Н. Теория систем и системный анализ: учеб. пособие. — 2. — Томск: Томс. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2008. — 264 с.

⁷ См, например, Александров И.В. Теоретические и практические проблемы расследования налоговых преступлений: Дис. ... д-ра, юрид. наук. — Екатеринбург, 2003.

⁸ См, например, Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов. — М.: Норма, 2007, с. 400-401; Криминалистика: Учебник / Под ред. И.Ф. Крылова, А.И. Бастрыкина. — М.: Дело, 2001. 780 с. Криминалистика: Учебник / Под ред. Е. П. Ищенко. — М.: Юристъ, 2000. — 751с.

совершения преступления (место, время, обстановка); данные о типичных обстоятельствах, способствовавших совершению конкретного вида, рода преступлений.

В типовую структуру криминалистической характеристики Н.П. Яблоков включает описание следующих блоков: способ совершения преступления, механизм совершения преступления, обстановка совершения преступления, свойства личности субъекта преступления, сведения об организованных преступных группах, личности потерпевшего⁹.

В своих исследованиях структуры криминалистической характеристики преступлений, И.И. Рубцов¹⁰ обнаружил 16, а С.И. Коновалов¹¹, проведя аналогичные исследование выделил 19 структурных элементов. В.А. Гамза проанализировал 18 структур криминалистической характеристики преступлений, предложенных ведущими учеными-криминалистами, и выявил частоту встречаемости тех или иных элементов в различных работах¹². Обобщая предлагаемые элементы криминалистической характеристики преступлений С.Ю. Косарев отметил, что с увеличением числа параметров элементов криминалистической характеристики, между которыми устанавливается закономерная связь, резко (в геометрической прогрессии) уменьшается вероятность встречаемости данных взаимосвязей, а, следовательно, и возможность практического их применения. Поэтому не следует стремиться к установлению корреляционной зависимости между большим количеством выделяемых признаков¹³.

Изучая подходы к формированию криминалистических характеристик преступлений, А.Ф. Лубин отмечает присущие им недостатки: отсутствие корреляционных элементных связей; отсутствие доказательств, что эти связи являются закономерными; отсутствие количественных показателей установленных закономерных связей. Главной причиной названных недостатков, по мнению автора, является ограниченность традиционного методологического подхода к формированию криминалистических характеристик преступной деятельности: приверженность к элементному описанию, выявлению только частоты встречаемости системных элементов; разрыв с версионной структурой (системой типовых версий)¹⁴.

Нельзя не согласиться с утверждением Р. С. Белкина, что комплекс сведений о преступлениях, составляющих содержание криминалистической характеристики, приобретает практическое значение лишь в тех случаях, когда между его составляющими установлены корреляционные связи и зависимости, носящие закономерный характер. Тогда и только тогда следователь получает обоснованный ориентир для выдвижения следственных версий¹⁵. Показателем «зрелости» такой характеристики, как отмечает А.Ф. Лубин, являются статистически определенные «сквозные» взаимозависимости - функции, выраженные в процентах, коэффициентах и т. д. Как отмечается авторами, работы, в которых получили отражение объективные показатели закономерных связей элементов преступного события, носят единичный характер. Первыми и наиболее яркими из них, безусловно, являлись исследования Л. Г. Видонова¹⁶. Однако, как указывает Р. С. Белкин,

⁹ Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика: учебник / Под ред. Н.П. Яблокова. 3-е изд., М., 2005, - С.65-73.

¹⁰ Рубцов И.И. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент частных методик расследования. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 : СПб., 2001, – С. 73.

¹¹ Коновалов С.И. Теоретико-методологические основы криминалистики: современное состояние и проблемы развития: дисс. ... докт. юрид. наук. – Волгоград, 2001. – С. 101.

¹² Гамза В.А. Криминалистическая характеристика преступления: сущность, структура и содержание // Сборник научных трудов. Выпуск второй. – М., 2001. - С. 7.

¹³ Косарев С. Ю. Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояние, перспективы развития: генезис, современное состояние, перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. – СПб., 2005.

¹⁴ Лубин А. Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. – Н. Новгород, 1997.

¹⁵ Белкин Р. С. Криминалистическая характеристика преступления - реальность или иллюзия // Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М, 2001, - С. 222-223.

¹⁶ См.: Видонов Л. Г. Система типовых версий о лицах, совершивших убийства. – Горький, 1977; Он же. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев. – Горький, 1978.

примеру Л. Г. Видонова никто не последовал. И причину этого автор видит в том, что легче описывать элементы характеристики, да еще по собственной схеме, чем заниматься весьма трудоемким процессом выявления корреляционных зависимостей между ними¹⁷.

Вместо понятия «криминалистическая характеристика преступлений» некоторыми авторами предлагается использовать термины «механизм преступления»¹⁸, «технология преступлений»¹⁹, «криминалистическая модель преступления»²⁰, «криминалистическая модель»²¹, «структурно-функциональная модель преступной деятельности»²² и т.д. С.Н. Чурилов предлагает вместо криминалистической характеристики преступлений в частных методиках использовать предмет расследования, под которым он понимает структурное образование, состоящее из двух частей: видового предмета доказывания и совокупности доказательственных фактов²³.

Рассматривая модельную систему «преступление» Т.С. Волчецкая выделяет в первую очередь информационную модель расследуемого события, концентрирующую в себе всю совокупность информации о нем. На правах элементов информационной модели расследуемого события автор рассматривает модели таких объектов, как место, время и обстановка совершения преступления, мотив и цель его совершения; орудия, средства и последствия преступления; объект преступного посягательства; свидетели; способ и механизм совершения преступления²⁴. Моделирование осуществляется на основе исследования криминальных ситуаций, представляющих собой совокупность материальных и социально-психологических условий, создаваемых индивидуальным сочетанием элементов преступной деятельности в тех пространственно-временных рамках, в которых она осуществляется субъектом преступления. С точки зрения автора криминальная ситуация может быть представлена в качестве совокупности следующих компонентов: субъект, объект преступления, иные участники преступного события, деятельностная сторона ситуации (действия преступника и действия потерпевшего), мотивы, цели и результаты преступного деяния, а также время, место и обстановка совершения преступления.

В.Я. Колдин указывает на необходимость введения следующих критериев для типового моделирования преступной деятельности в целях обеспечения функциональности конечного результата исследований: оптимальный уровень общности изучаемой преступной деятельности, обеспечивающий выявление закономерных взаимосвязей между элементами преступного события; типовая информационная модель должна представлять собой не сумму отдельных элементов, а систему преступной деятельности; типовая информационная модель должна отражать тесные корреляционные зависимости выделенных в ней элементов с характеристиками личности преступника и способа его действия²⁵.

Рассматривая подходы к систематизации данных о преступлении, следует отметить их принципиальное различие. Так, криминалистическая характеристика преступлений представляет собой массив информации с определенным набором взаимосвязанных элементов, в то время как под криминалистической моделью авторы понимают искусственно созданную материальную или идеальную систему, воспроизводящую и заменяющую исследуемое криминальное событие или отдельные ситуации и обстоятельства его

¹⁷ См.: Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. – с. 221.

¹⁸ Кустов А.М. История становления и развития российской криминалистики. – М.: МГАПИ, 2005, - С. 135.

¹⁹ Шмонин А.В. Методика расследования преступлений. Учебное пособие. - ЗАО «Юстицинформ», 2006.

²⁰ Криминалистические модели экономических преступлений в кредитно- финансовой сфере / В. А. Егоров. - Саратов : Изд-во СЮИ МВД России, 1999. - 220 с. – С. 97.

²¹ Герасимова Н.Р. Основы криминалистической методики расследования незаконного получения кредита: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Н. Новгород, 2004, 210 с. – С. 53.

²² Отряхин В.И. Методика расследования хищений в сфере банковской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук, М., 2001. – С. 28-30.

²³ Чурилов С.Н. Предмет расследования преступлений: проблемы, пути решения: учебно-практическое пособие. – М., 2002. – С. 18.

²⁴ Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Монография. / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. Москва; Калинингр. ун-т. - Калининград, 1997.

²⁵ Типовые модели и алгоритмы криминалистического исследования / Под ред. В.Я. Колдина. М., 1989. – С. 31 – 33.

совершения, а также ситуации и обстоятельства его расследования так, что ее изучение позволит получить об оригинале информацию, необходимую для успешного решения практических, научных и дидактических криминалистических задач²⁶. Модель, как отмечает Т.С. Волчецкая, в процессе познания выступает в качестве «среднего звена» между объектом познания, существующим в реальности, и субъектом, его познающим. Моделирование можно использовать как один из методов познания ... как только «инструмент» познания, но никак не сама реальность, в которой следователь осуществляет расследование и, исходя из которой принимает решение. Основными источниками информации для построения модели преступления можно рассматривать различные совокупности характеризующих его элементов, которые не могут быть жестко обозначены для всех видов противоправных деяний. Криминалистическая же характеристика преступления (преступлений), служит основным массивом информации для выделения и обобщения наиболее типичных элементов определенной группы преступлений, и позволяет построить модель типичного или конкретного преступления в целях повышения эффективности познавательной деятельности.

Определяя типологию преступлений, объединенных в одну группу совокупностью характерологических особенностей, следует рассмотреть соотношение понятий «способ» и «механизм» преступлений.

Содержание понятия способа преступления с точки зрения С.А. Роганова, в криминалистике шире, чем в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном понимании, и служит источником сведений, необходимых для разработки средств, приемов и методов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, что признается многими криминалистами²⁷. Характеризуя значение способа преступления, В. Г. Танасевич и В. А. Образцов писали, что «именно через способ совершения в первую очередь отражается преступный акт в окружающей среде». Килессо Е. Г. механизм действий преступника считает составной частью способа совершения преступления²⁸. Иной точки зрения придерживается В.Е. Корноухов, отметивший, что в определении науки криминалистики понятие «механизм» является основополагающим²⁹.

В толковом словаре «способ» толкуется как «действие или система действий, применяемые при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь». Под способом совершения преступления в криминалистике принято считать детерминированный целым рядом субъективных и объективных факторов комплекс действий субъекта (субъектов) по подготовке, совершению и сокрытию преступного деяния³⁰.

Как отмечает М.И. Еникеев, способ совершения преступления - это система приемов действий операциональных комплексов, обусловленных целью и мотивами действия, психическими и физическими особенностями действующего лица, в котором проявляются психофизиологические и характерологические особенности человека, его знания, умения, навыки, привычки и отношение к различным сторонам действительности. Для каждого преступления существует свой системный «набор», комплекс действий и операций. У каждого человека также имеется система обобщенных способов действий, свидетельствующих об его индивидуальных особенностях. Эти комплексы так же индивидуализированы как и папиллярные узоры пальцев, однако в отличие от последних следы этого комплекса всегда остаются на месте преступления³¹.

²⁶ Аверьянова, Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов. – М.: Норма, 2007. – С. 657.

²⁷ Роганов С.А. Криминалистическая характеристика и особенности расследования незаконного изготовления, хранения и сбыта синтетических наркотических средств : дисс. канд. юрид. наук. – СПб., СПб ЮИ МВД России, 1997.

²⁸ Килессо Е. Г. Методика расследования убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего: первоначальный этап расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – СПб., 2004, 219 с.

²⁹ Корноухов В.Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. – С. 38.

³⁰ Криминалистика: учебник для вузов / Под ред. И.Ф.Герасимова, Л.Я. Драпкина. – М.: Высш. шк., 1999. – С.331.

³¹ Еникеев М.И. Юридическая психология. Учебник для Вузов. – М.: Изд-во НОРМА. – 2001. – С. 105.

В криминалистике способ совершения преступления используют для поиска лица, совершившего преступление, для выяснения закономерностей механизма следообразования, что в одних случаях позволяет доказать сам способ, а в других, исходя из закономерностей механизма следообразования - обнаружить иные следы³².

Механизм, – это последовательность действий, состояний, определяющих процесс или явление³³. Л. О. Сорокина включает в систему механизма преступления ряд компонентов³⁴: субъект преступления и его отношение к своим действиям, их последствиям и к соучастникам; предмет посягательства; способ совершения и сокрытия преступления; преступный результат; обстановку преступления (место, время и т.д.); поведение и действия случайно вовлеченных лиц. Г.М. Меретуков определил механизм преступления как «стройную» динамическую взаимосвязанную систему криминалистически значимых элементов преступной деятельности субъекта, которые обуславливают возникновение источников криминалистически значимой информации, и представляют возможность следователю распознать природу и само это явление³⁵. Представляется, что данное определение представлено в несколько усеченном виде, так как источники криминалистически значимой информации отражаются в материальной среде не только от преступной деятельности субъекта, но и от действий других участников преступного события, имеющих к нему прямое либо косвенное отношение.

Обстоятельное исследование механизма преступления осуществлено А.М. Кустовым. Он не только выявил тенденции развития криминалистического учения о механизме преступления, но и сопоставил его с научными категориями криминалистики, а также показал особенности механизма преступления в системе деятельности организованной преступности и отражение в этом механизме действий различных его участников. Под механизмом преступления А.М. Кустов понимает систему процессов взаимодействия участников преступления, как прямых, так и косвенных, между собой и с материальной средой, сопряженных с использованием соответствующих орудий, средств и отдельных элементов обстановки³⁶. По мнению автора, зная закономерности механизма преступления, следователь в результате своей деятельности может восполнить дефицит криминалистически значимой информации, и мысленно сформировать модель механизма совершенного преступления, сходную с реальным (имевшим место в прошлом) механизмом расследуемого преступного события. Нельзя не согласиться с точкой зрения О.В. Чельшевой, что элементы преступления, которые потенциально могут быть включены в механизм преступления, должны быть описаны в криминалистической характеристике³⁷. Автором высказано мнение, что отсутствие реализации положений учения о механизме преступления в прикладных разделах криминалистики послужило причиной «кризиса» такого направления исследований, как криминалистическая характеристика преступлений, которая должна включать в себя описание механизма преступления наряду с другими элементами³⁸.

Рассматривая различные подходы к понятию механизма преступления, следует отметить, что большинство криминалистов обращают внимание на то, что: во-первых, механизм преступления имеет неоднородную структуру, не ограничивается деятельностью преступника, а представляет собой определенную систему, связанную с вовлечением

³² Карпов Н.С., Мозоль А.П., Завьялов С.М. О понятии способа совершения преступления / Проблемы противодействия преступности в современных условиях: Материалы международной научно-практической конференции 16-17 октября 2003г. Часть I. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – 280с.

³³ См, например, Артоболевский И. И. Теория машин и механизмов. – М.: Наука, 1988.

³⁴ Сорокина Л. О. Криминалистика: Учебный курс (учебно-методический комплекс). – М.: Центр дистанционных образовательных технологий МИ ЭМП, 2010.

³⁵ Меретуков Г.М. Криминалистические проблемы борьбы с наркобизнесом организованных преступных групп. – М., 1995. – С.19.

³⁶ Кустов А.М. Теоретические основы криминалистического учения о механизме преступления. – М., 1997. – С. 24.

³⁷ Чельшева О. В. Механизм преступления и криминалистическая характеристика / Вестник криминалистики. – М.: Спарк. – 2004. – Вып. 2(10). – С. 11-17.

³⁸ Чельшева О.В. Гносеологические основы отечественной криминалистики: Теоретико-прикладное исследование: Автореферат дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. – СПб., 2003.

ряда взаимодействующих и взаимосвязанных элементов; во-вторых, отмечается динамичность указанной системы, так как содержанием механизма преступления является функциональная сторона преступления, связанная с такими понятиями, как «взаимодействие» и «взаимосвязь». Представляется, что именно механизм совершения преступления является категорией, обуславливающей динамические особенности преступлений, включающие способ его совершения. Следует согласиться с мнением В.Е. Корноухова, что, раскрывая содержание учения о следах преступления, невозможно не исследовать механизм преступления, а последний детерминирует свойства личности преступника. В то же время личность проявляет себя через способ совершения и сокрытия преступления, вариационность которых определяется криминальными ситуациями, что приводит к вариационности возникновения следов преступления, которая, к тому же, определяется обстановкой совершения преступления³⁹.

Рассмотренные нами категории криминалистики позволяют выделить следующее соотношение данных понятий. Способ подготовки, совершения и сокрытия преступления, включающий систему приемов и действий в их взаимосвязи и взаимодействии является категорией, детерминированной личностью преступника, обусловленной целью и мотивами действия, психическими и физическими особенностями действующего лица, в котором проявляются психофизиологические и характерологические особенности человека, его знания, умения, навыки, привычки и отношение к различным сторонам действительности.

Механизм совершения преступления, является категорией более общей по отношению к событию преступления и характеризует деятельность всех лиц, вовлеченных в данное событие, взаимосвязанных между собой и с обстановкой, предметом преступления, а также средствами, орудиями, т.е. элементами, определяющими способ, но относящимися к большему количеству факторов и лиц. Механизм совершения преступления по нашему мнению, является основной категорией, обуславливающей процесс следообразования, причем не только материальных но и идеальных следов. Вместе с тем, механизм совершения преступления не затрагивает такие специфические виды деятельности, как подготовка и сокрытие преступления. Таким образом, мы рассматриваем механизм совершения преступления, как категорию, детерминированную особенностями деятельности лиц, вовлеченных в событие преступления и обуславливающую механизм и картину возникновения следов преступления. Составной частью механизма преступления может являться способ его совершения.

Криминалистическая характеристика преступления представляет собой информационный массив еще более общего порядка, характеризующий большинство элементов преступного события. Данная категория содержит наиболее общее описание элементов преступного события через признаки каждого из входящих в нее элементов. Ее значение в том, что, обобщая наиболее типичные признаки преступлений, она служит информационным массивом для моделирования преступного события во взаимосвязи входящих в него наиболее значимых элементов.

Анализ многочисленных публикаций, посвященных исследованию типичных преступлений, показывает, что подход к формированию их криминалистических особенностей, не должен быть жестко моделирован или представлен в деятельности по выявлению некоторой совокупности системообразующих элементов. В основу типологии может быть положен любой, определяющий особенности расследования, один или несколько характерных взаимосвязанных элементов, входящих в криминалистическую характеристику преступления. Например, информационную основу расследования организованной преступной деятельности, как отмечает Я.М. Мизунин, составляют данные об особенностях преступного формирования — особого субъекта организованной преступной деятельности с его механизмами и способами совершения преступлений⁴⁰.

³⁹ Корноухов В.Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. – С. 42.

⁴⁰ Мазунин Я. М. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями): дисс. ... доктора юрид. наук: 12.00.09. – Барнаул, 2005.

Анализ составов преступлений, предусмотренных УК РФ, связанных с использованием опасных для здоровья веществ, позволяет выделить следующие типичные способы действий:

- перемещение через таможенную границу Российской Федерации опасных для здоровья веществ;
- незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка, незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов;
- нарушение правил производства, изготовления, переработки, хранения, учета, отпуска, реализации, продажи, распределения, перевозки, пересылки, приобретения, использования, ввоза, вывоза либо уничтожения наркотических средств или психотропных веществ; культивирования растений, используемых для производства наркотических средств или психотропных веществ;
- незаконные приобретение, хранение, использование, передача или разрушение ядерных материалов или радиоактивных веществ;
- незаконные изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка в целях сбыта, а равно незаконный сбыт сильнодействующих или ядовитых веществ;
- незаконное употребление наркотических средств или психотропных веществ, а также вовлечение несовершеннолетних в употребление одурманивающих веществ;
- причинение вреда здоровью, связанное с введением в организм человека веществ, опасных для здоровья.

Таким образом, в основе совокупности информационных данных, характеризующих преступления, связанные с опасными для здоровья веществами, может лежать типология специфической деятельности по использованию опасных для здоровья веществ.

В целях выделения характерных системообразующих элементов, обуславливающих особенности данной группы преступлений, необходимо классифицировать виды деятельности, связанные с опасными для здоровья веществами.

В первую очередь следует отметить, что виды деятельности по использованию опасных для здоровья веществ могут быть как законные, то есть не образующие состав преступления, так и незаконные, то есть действия, предусмотренные Уголовным Кодексом Российской Федерации или Кодексом об Административных Правонарушениях Российской Федерации. В свою очередь, законные действия по использованию опасных для здоровья веществ могут быть, как регламентированы какими-либо нормами права, либо нерегламентированными.

Таким образом, можно выделить следующие основания классификации действий, связанных с опасными для здоровья веществами:

1. По отношению к наличию или отсутствию нормативной регламентации, регулирующей порядок деятельности:
  - регламентированными нормами права;
  - нерегламентированными.
2. Действия с опасными для здоровья веществами по отношению к действующим нормам права могут быть:
  - законные;
  - незаконные.
3. По отношению к уголовно-правовому критерию классификации, все незаконные действия с опасными для здоровья веществами можно классифицировать на преступления и иные правонарушения.
4. Незаконные действия с опасными для здоровья веществами могут быть классифицированы по способу использования опасного для здоровья вещества на:
  - незаконное перемещение веществ опасных для здоровья;
  - незаконное создание веществ опасных для здоровья;
  - незаконную передачу опасных для здоровья веществ;
  - незаконное применение опасных для здоровья веществ.

В наибольшем количестве случаев действия с опасными для здоровья веществами предполагают участие двух и более лиц, их взаимодействие между собой и с опасными для здоровья веществами. Незаконные действия с опасными для здоровья веществами, образуя состав преступления или правонарушения, характеризуются механизмом совершения, детерминированным особенностями деятельности вовлеченных лиц и обуславливающим механизм и картину возникновения следов. Следовательно, основной категорией, характеризующей особенности незаконного деяния, связанного с опасными для здоровья веществами, является именно механизм совершения преступления.

Обобщая механизмы совершения незаконных действий по использованию опасных для здоровья веществ, можно выделить:

- механизм незаконного перемещения веществ опасных для здоровья;
- механизм незаконного создания веществ опасных для здоровья;
- механизм незаконной передачи опасных для здоровья веществ;
- механизм незаконного применения опасных для здоровья веществ.

В свою очередь опасные для здоровья вещества, выступающие как предмет преступного посягательства или средство достижения преступного результата, определяют специфичность совершаемых с ними действий, а также типологию лиц, вовлеченных в преступную деятельность или событие преступления.

Таким образом, информационный массив, необходимый для расследования уголовных дел, а также деятельности правоохранительных органов по выявлению, пресечению и расследованию преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами, обусловлен типологией механизмов преступной деятельности, каждый из которых, в свою очередь объединяет совокупность специфических действий, детерминированных особенностями различных опасных для здоровья веществ и их значением в механизме преступной деятельности. Так, по данным исследования уголовных дел, опасные для здоровья вещества при совершении преступлений могут являться целью преступной деятельности, использоваться в качестве предмета преступления, а также орудиями или средствами достижения преступного результата.

Поскольку и механизмы преступной деятельности, и сами опасные для здоровья вещества обладают несомненными типологическими характеристиками, можно с уверенностью говорить и о наличии типичных источников информации о событии преступления. Значимость источников информации для целей доказывания состоит в том, что они содержат в себе сведения, во-первых, о подлежащих доказыванию обстоятельствах, во-вторых, ориентирующую информацию. Источники доказательств, как считает А.А. Кухта, представляют собой то, в чем могут содержаться факты, это сведения, подверженные сомнению, при их использовании не исключена возможность ошибок. Введение такой ипостаси доказательства, как его источник, отвечает необходимости иметь в виду нетехнический, внешний аспект доказывания, работу с исходным материалом для получения факта. Но одновременно доказательство остается средством убеждения, элементом в структуре знания, основанием довода, т. е. фактом. Тут под доказательством понимается суждение, включенное в систему убеждения, в мыслительную деятельность следователя, суда⁴¹.

Материальными источниками криминалистически значимой информации при расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами, как правило, являются:

- состав вещества, опасного для здоровья;
- следы незаконного создания веществ, опасных для здоровья, предметы, вещества, источники информации, использованные для создания опасных для здоровья веществ;
- следы незаконного перемещения веществ, опасных для здоровья, предметы, вещества, средства упаковки и маскировки, с также средства перемещения опасных для здоровья веществ;

---

⁴¹ Кухта А. А. Доказывание истины в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09, Н. Новгород, 2010.

– следы незаконной передачи веществ, опасных для здоровья, предметы, деньги, ценности, средства маскировки, тайники, сопровождающие процесс передачи опасных для здоровья веществ;

– следы и последствия незаконного применения веществ, опасных для здоровья.

Следует отметить, что типология преступной деятельности, связанной с опасными для здоровья веществами, заключается также в тесной взаимосвязи незаконных действий. Так, незаконное перемещение, как правило, предшествует незаконной передаче опасных для здоровья веществ, незаконное применение является следствием незаконных действий по созданию и приобретению. В некоторых случаях может прослеживаться вся последовательность незаконных действий с использованием опасных для здоровья веществ: незаконное создание, перемещение, передача, применение. Следствием увеличения количества незаконных действий, совершаемых с использованием опасных для здоровья веществ, является вовлечение все большего количества участников и их организации, приводящее к созданию и функционированию преступных сообществ.

Список литературы

1. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика. Учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. – М.: Юристъ, 2002. С. 36 – 37.
2. Образцов В.А. Теоретические основы раскрытия преступлений, связанных с ненадлежащим исполнением профессиональных функций в сфере производства. – Иркутск, 1985. – С. 8.
3. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. – М., 1982. – с. 128-129
4. Большой Российский энциклопедический словарь. – М.: БРЭ. – 2003, с. 1437.
5. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М., 1998. – С. 447.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. – М., 1999. – С. 719.
7. Кориков А.М., Павлов С.Н. Теория систем и системный анализ: учеб. пособие. – 2. – Томск: Томск. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2008. – 264 с.
8. Александров И.В. Теоретические и практические проблемы расследования налоговых преступлений: Дис. ... д-ра, юрид. наук. – Екатеринбург, 2003.
9. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов. – М.: Норма, 2007, с. 400-401.
10. Криминалистика: учебник / под ред. И.Ф. Крылова, А.И. Бастрыкина. – М.: Дело, 2001. – 780 с.
11. Криминалистика: учебник / под ред. Е. П. Ищенко. – М.: Юристъ, 2000. – 751 с.
12. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика: учебник / Под ред. Н.П. Яблокова. 3-е изд., М., 2005, с.65-73.
13. Рубцов И.И. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент частных методик расследования. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09: СПб., 2001. – С. 73.
14. Коновалов С.И. Теоретико-методологические основы криминалистики: современное состояние и проблемы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Волгоград, 2001. – С. 101.
15. Гамза В.А. Криминалистическая характеристика преступления: сущность, структура и содержание // Сборник научных трудов. Выпуск второй. – М., 2001. – С. 7.
16. Косарев С. Ю. Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояние, перспективы развития: генезис, современное состояние, перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. СПб., 2005.
17. Лубин А. Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09, Н. Новгород, 1997.
18. Белкин Р. С. Криминалистическая характеристика преступления - реальность или иллюзия // Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М., 2001, с.222-223.
19. Видонов Л. Г. Система типовых версий о лицах, совершивших убийства. – Горький, 1977.
20. Видонов Л. Г. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев. – Горький, 1978.
21. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. – М., 2001. – С. 221.
22. Кустов А.М. История становления и развития российской криминалистики. – М.: МГАПИ, 2005, С. 135.
23. Шмонин А.В. Методика расследования преступлений. Учебное пособие. – ЗАО «Юстицинформ», 2006.
24. Криминалистические модели экономических преступлений в кредитно- финансовой сфере / В. А. Егоров. – Саратов : Изд-во СЮИ МВД России, 1999. – 220 с. – с. 97.

25. Герасимова Н.Р. Основы криминалистической методики расследования незаконного получения кредита: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09: Н. Новгород, 2004, 210 с. – с. 53.
26. Отряхин В.И. Методика расследования хищений в сфере банковской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук, М., 2001. – с. 28-30.
27. Чурилов С.Н. Предмет расследования преступлений: проблемы, пути решения: учебно-практическое пособие. – М., 2002. – с. 18.
28. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. – Калининград, 1997.
29. Типовые модели и алгоритмы криминалистического исследования / Под ред. В.Я. Колдина. М., 1989. – с. 31 – 33.
30. Аверьянова, Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов. – М.: Норма, 2007, с. 657.
31. Роганов С.А. Криминалистическая характеристика и особенности расследования незаконного изготовления, хранения и сбыта синтетических наркотических средств: дисс. канд. юрид. наук. – Спб., Спб ЮИ МВД России, 1997.
32. Килессо Е. Г. Методика расследования убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего: первоначальный этап расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – СПб., 2004, 219 с.
33. Корноухов В.Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. – с. 38.
34. Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. – М.: Высш. шк., 1999. – с.331.
35. Еникеев М.И. Юридическая психология. Учебник для Вузов. – М.: Изд-во НОРМА. – 2001. – с.105.
36. Карпов Н.С., Мозоль А.П., Завьялов С.М. О понятии способа совершения преступления / Проблемы противодействия преступности в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф. 16-17 октября 2003 г. Часть I. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – 280с.
37. Артоболевский И. И. Теория машин и механизмов. – М.: Наука, 1988
38. Сорокина Л. О. Криминалистика: Учебный курс (учебно-методический комплекс) / Л. О. Сорокина – М.: Центр дистанционных образовательных технологий МИ ЭМП, 2010.
39. Меретуков Г.М. Криминалистические проблемы борьбы с наркобизнесом организованных преступных групп. – М., 1995. – с.19.
40. Кустов А.М. Теоретические основы криминалистического учения о механизме преступления. – М., 1997. – с. 24.
41. Чельшева О.В. Механизм преступления и криминалистическая характеристика // Вестник криминалистики. – М.: Спарк. – 2004. – Вып. 2(10). – с. 11-17.
42. Чельшева О.В. Гносеологические основы отечественной криминалистики: Теоретико-прикладное исследование: Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. 12.00.09. – СПб., 2003.
43. Корноухов В.Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. – с. 42.
44. Мазунин, Я. М. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями): дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 – Барнаул, 2005.
45. Кухта А. А. Доказывание истины в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09, Н. Новгород, 2010.

TYPICAL CRIME MECHANISMS CONCERNING THE HAZARDOUS MATERIALS

E. V. IVANOVA

Kutafin Moscow State Law Academy

e-mail: ivanova-elena-7@yandex.ru

The article investigates the elements of criminalistic characteristics for crimes connected with the substances dangerous for health. It analyzes such notions as "criminalistic characteristic of a crime", "a crime model", "a crime mechanism" and "a way of a crime". The mechanism of crime commission is offered to be a system-forming element which determines the specific feature of this group of crimes. It is shown that the illegal actions with the substances dangerous for health are realized with the help of four mechanisms: the mechanism of illegal movement of the substances dangerous for health; the mechanism of illegal creation of the substances dangerous for health; the mechanism of illegal transfer of the substances dangerous for health; the mechanism of illegal application of the substances dangerous for health.

Key words: crime, mechanism, dangerous, substance.

УДК 343.3/7.1

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД К СОБИРАНИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПОСРЕДСТВАМ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ТАКТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

С.М. КОЦЮМБАС*Белгородский областной суд*

В статье исследуются проблемы организации расследования преступлений, совершенных депутатами законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, депутатами, членами выборного органа местного самоуправления, выборными должностными лицами органа местного самоуправления.

Ключевые слова: расследование преступлений, депутаты субъекта РФ.

Данные криминалистики и наш практический опыт участия в предварительном расследовании преступлений свидетельствует о том, что установление всех обстоятельств совершенного преступления и, в первую очередь, определенных ст. 73 УПК РФ, возможен только в соответствии с учетом ситуаций предварительного расследования, то есть на основе ситуационного подхода следователя к выполнению назначения уголовного судопроизводства, определенного ст. 6 УПК РФ.

Ситуационный подход – есть направление, которое реализуется как в криминалистике, так и в различных научных сферах и областях деятельности, в различных типах исследования, на различных уровнях познания.

Обобщая возможности ситуационного подхода, Т.С. Волчецкая отмечает, что он позволяет «осуществить диагноз ситуации для решения главных задач; сформулировать цели и выявить принципиальный путь их достижения; изучить характеристику ситуации и отделить те факторы, которые влияют на принятие решения, разработать альтернативные курсы действий; оценить каждую альтернативу и определить, которая из них наилучшим образом соответствует требованиям ситуации»¹.

Но суть ситуационного подхода заключается не столько в названных процедурах, сколько в попытке теоретически сформулировать, эмпирически проверить и затем практически рекомендовать различные типовые решения применительно к каждой из типовых ситуаций из их ясно сформулированного набора. На это же значение ситуационного подхода для организации и проведения предварительного расследования обращает внимание и В.В. Новик².

Под ситуационным подходом к предварительному расследованию мы понимаем деятельность следователя, основанную на анализе данной, на настоящий момент расследования, следственной ситуации и возникшей в этой связи проблеме, определения на этом основании цели и задач ее разрешения, планированию и реализации программы процессуальных и непроцессуальных действий, достижения цели и разрешения проблемы, для формирования новой оптимальной следственной ситуации расследования³.

Ситуационный подход применительно к процессу предварительного расследования преступления фактически определяет стратегическую линию поведения следователя

¹ Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Монография. / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. Москва; Калинингр. Ун-т. – Калининград, 1997. – С. 138 – 139.

² Новин В.В. Криминалистические аспекты доказывания по уголовным делам: проблемы теории и практики. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – С. 44.

³ Определенное влияние на выделение нами существенных признаков данного понятия оказала позиция О.Я. Баева, относительно его подходов к положениям теории следственных ситуаций (см., например, Баев О.Я. Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него: научно-практическое пособие (на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений) / О.Я. Баев. – М.: Эксмо, 2009. – С. 38 – 52.

и обеспечивает ее реализацию до момента, когда оценив собранные доказательства, он примет решение его окончания. На это обстоятельство указали 84.9% опрошенных нами следователей.

Анализ практики расследования преступлений совершенных депутатами законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления свидетельствует о том, что их расследование преимущественно протекает в конфликтных следственных ситуациях, что связано, как правильно отмечают О.В. Добровлянина и А.Д. Прошляков, с «материальными и организационными возможностями данных лиц (прежде всего, имеется в виду возможность уничтожения следов «своими людьми», запугивание потерпевших или подкуп свидетелей, откуп)»⁴. То же свидетельствует и наш опрос следователей, по результатам которого 89.1% характеризовали следственную ситуацию как конфликтную, 4.2% как комфортную (бесконфликтную) для расследования, 6.7% затруднились в своих оценках.

В этой связи первоначально следует дать характеристику типовой конфликтной ситуации на основе известных теоретических классификаций конфликтных ситуаций и данных практики расследования преступлений совершенных указанной категорией преступников.

Понятие типовой следственной ситуации уже известно криминалистике. Его содержание рассматривается как «обобщенная совокупность сведений о комплексах определенных общих условий, встречающихся при расследовании отдельных видов или однотипных групп преступлений»⁵.

В этом смысле данная ситуация, являясь результатом обобщения практики, приобретает особое научно-методологическое значение, используется для разработки криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений, а по отношению к расследованию конкретного преступления она выступает как криминалистическая категория, выполняющая тактическую и организационно-методическую функцию.

Здесь нельзя обойти вниманием уточнение, сделанное Р.С. Белкиным в отношении типизации следственных ситуаций, в соответствии с которым данное обобщение по всем составляющим их компонентам практически невозможно по причине многовариантности. Поэтому типизация практически целесообразна по одному, двум компонентам, чаще всего по информационному компоненту⁶. С чем и следует согласиться. На это же указывают и опросы следователей (68.2%).

Криминалистами уже разработаны и активно применяются на практике классификации следственных ситуаций предварительного расследования.

В этой связи, на основе данных расследования преступлений совершенных депутатами законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления предпримем попытку классификации типовых конфликтных ситуаций дальнейшего и заключительного этапов расследования и уже на этой основе определим структурные элементы данной ситуации в целях дачи рекомендаций следователю по их разрешению в процессе расследования.

Данные психологии и криминалистики свидетельствуют, что важнейшим основанием логического деления конфликтных ситуаций является содержательный признак, отражающий в первую очередь предмет конфликта, под которым подразумеваются существенные интересы главных участников уголовного судопроизводства на стадиях досудебного производства – следователя с одной стороны и подозреваемого, обвиняемого с

⁴ Добровлянина О.В., Прошляков А.Д. Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц: монография. – М.: Юрлитинформ, 2011. – С. 124.

⁵ Лисиченко В.К., Батюк О.В. Следственная ситуация и ее значение в криминалистике и следственной практике // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1988. – Вып. 36. – С. 5; Ким Д.В. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве: монография / Под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2006. – С. 76 – 77; Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Монография. / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. Москва; Калинингр. Ун-т. – Калининград, 1997. – С. 93; Герасимов И.Ф. К вопросу о следственных ситуациях / Следственные ситуации : Сборник научных трудов. – М., 1984. – С. 9 и др.

⁶ Белкин Р.С. Курс криминалистики: Учеб. пособие для вузов. – 3-е изд., дополненное. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. – С. 636.

другой. Однако более точно он определен О.Я. Баевым, который указал, что под ним следует понимать «всестороннее, полное и объективное установление всех фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, обеспечение предоставления их, а также лица, обвиняемого в совершении преступления суду»⁷. Развивая это понятие О.В. Полстовалов пишет: «Предметом конфликтов, возникающих в ходе осуществления криминалистической деятельности, является процесс установления, получения, фиксации и оценки криминалистически значимой информации, а также сама эта информация, по поводу чего сложилось противоречие, создающее угрозу установления объективной истины по делу»⁸.

Как свидетельствует практика депутаты законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления, привлеченные к расследованию в качестве подозреваемого или обвиняемого, в связи с предметом конфликта оказывают следователю противодействие по основным *четырем* классификационным подгруппам.

Первая из них связана с получением следователем доказательственной и ориентирующей информации об обстоятельствах подлежащих доказыванию по уголовному делу. Практика свидетельствует, что конфликтные ситуации данной подгруппы возникают, преимущественно в смешанных проблемно-конфликтных ситуациях, когда следователь не располагает достаточными сведениями об обстоятельствах предмета доказывания. Причиной возникновения такой ситуации является обстановка расследования, когда носителями данных сведений являются участники расследования с противоположными процессуальными интересами.

Вторая классификационная группа, связанная с предметом конфликта, обуславливает конфликтные ситуации расследования преступлений, совершенных депутатами законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления, в связи с деятельностью следователя по получению (поиске и установлении) косвенных сведений об источниках информации по уголовному делу⁹. Это могут быть не только данные о собственно источниках информации, но и сведения иного характера, такие как, например, взаимоотношения подозреваемого (обвиняемого) с непосредственным начальником следователя по должности – руководителем следственного органа, с потерпевшим и свидетелями по уголовному делу и пр.

Изучение уголовных дел по фактам совершения преступлений депутатами законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления свидетельствует о том, что их значительная часть совершается на основе корыстных мотивов и целей (по нашим данным 72.4% от всех учтенных преступлений субъектами этой группы за последние пять лет по Центральному федеральному округу). Это преступления, так называемой, экономической или коррупционной направленности. В этой связи *третья* конфликтная ситуация, рассматриваемой классификационной группы связанная с деятельностью следователя по решению задачи направленной на возмещение имущественного вреда от преступления и возможной конфискации имущества обвиняемого по уголовному делу в порядке судебного решения¹⁰.

Анализ материалов уголовных дел свидетельствует, что в 87.3% случаев субъектами противодействия в данных конфликтных ситуациях выступали сами подозреваемые и обвиняемые, а в 71.9% это были их родственники, близкие знакомые, а также иные заинтересованные в этом лица.

⁷ Баев О.Я. Предмет конфликтов в деятельности следователя // Алгоритмы организации решения следственных задач / Под ред. Ю.А. Афиногенова, Г.А. Коновалова. – Иркутск. Издательство Иркутского университета. 1982. – С. 91.

⁸ Полстовалов О.В. Основы профессионального общения следователя: Учебное пособие. – Уфа: Гилем, 2005. – С. 61.

⁹ Хмыров А.А. Косвенные доказательства. М.: «Юридическая литература». 1976.

¹⁰ Иванов А.Н., Лапин Е.С. Тактика наложения ареста на имущество: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2009; Букаев Н.М. Теоретические проблемы первоначального этапа расследования преступлений против собственности: дисс. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2001. – С. 281 – 316; Якубович Н.А. Работа следователя по возмещению материального ущерба и розыску похищенного имущества. Госюриздат. Москва. 1954 и др.

Конфликтные ситуации этой подгруппы в 94.2% по изученным материалам уголовных дел возникали тогда, когда следователь организовывал и проводил поисковые мероприятия по розыску материальных ценностей, о которых у него имелись сведения. Вместе с тем эффективное разрешение (или недопущение ее возникновения) данной конфликтной ситуации возможно только при условии грамотной тактической организации в сочетании предметных следственных действий с организационными и оперативными мероприятиями, что фактически может быть реализовано посредством тактической операции¹¹.

Такая тактическая операция была организована и проведена следователем по уголовному делу в отношении генерального директора ГКУП «Алтайагропрод», депутата Алтайского краевого Совета народных депутатов С.А. Левина, обвиняемого в использовании полномочий вопреки законным интересам ГКУП «Алтайагропрод» и в целях извлечения выгод для себя с причинением существенного вреда охраняемым законом интересам государства. С.А. Левин на первоначальном этапе сотрудничал со следствием и добровольно выдал часть присвоенных денежных средств. Однако следователь организовал тактическую операцию, в результате которой были обнаружены места хранения остальной части похищенных денег. Они были изъяты, но об этом С.А. Левину стало известно в момент предъявления окончательного обвинения по делу, что позволило избежать конфликтной ситуации в процессе досудебного производства¹².

Четвертая классификационная группа конфликтных ситуаций возникает на основе использования следователем способов и средств получения доказательственной и ориентирующей информации и форм ее фиксации в уголовном деле.

Процессуальное доказывание следователем преступления представляет собой его деятельность, осуществляемую в процессуальных формах по собиранию, закреплению, проверке и оценке фактических данных, необходимых для установления истины по уголовному делу и решению задач уголовного судопроизводства¹³ (исполнению назначения уголовного судопроизводства, определенного ст. 6 УПК РФ, если экстраполировать это определение на нормы УПК РФ 2001 г. – С.К.).

Процессуальные средства получения доказательств определены действующим законодательством (ст. 74 УПК РФ). Однако они могут быть использованы в расследовании с различной эффективностью. Это связано с тем, что содержание следственных действий составляют тактические приемы, методы и способы, сочетание которых в соответствии с психологической ситуацией¹⁴ различным образом влияет на участников уголовного судопроизводства. Это влияние может соответствовать, либо не соответствовать качеству их личности и обстановке производства следственного действия. В этой связи Э.А. Орлова и Л.Б. Филонов справедливо отмечают, что «осознание ситуации как конфликтной сопровождается целым рядом эмоциональных переживаний, которые являются специфическими: это повышенная тревожность, страх, враждебные чувства, желание сопротивляться, предубежденность, агрессивность и т.п. Подобного рода чувства составляют эмоциональный фон, характерный для всего процесса взаимодействия в конкретной ситуации»¹⁵.

¹¹ Комаров И.М. Основы частной теории криминалистических операций досудебного производства: монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010; Комаров И.М. Криминалистические операции досудебного производства в системе криминалистики: монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010; Комаров И.М. Криминалистические операции досудебного производства в системе методики расследования: монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010; Комаров И.М. Типовые модели криминалистических операций в досудебном производстве; учеб.-метод. пособие / И.М. Комаров. – Белгород. ИПК НИУ «БелГУ», 2011.

¹² Уголовное дело №51кпо02-112/2009. Архив Алтайского краевого суда.

¹³ Теория доказательств в советском уголовном процессе. Отв. редактор Н.В. Жогин, изд. 2-е исправленное и дополненное, М., «Юрид. лит.», 1973. – С. 298.

¹⁴ Ситуация в психологии – это система внешних по отношению к субъекту условий, побуждающих и опосредствующих его активность. (Психология. Словарь / Под общ. Ред. А.В. Петровского, И.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп.. – М.: Политиздат, 1990. – С. 364).

¹⁵ Орлова Э.А., Филонов Л.Б. Взаимодействие в конфликтной ситуации. Некоторые факторы, определяющие ход взаимодействия. – В кн.: Психологические проблемы социального регулирования поведения. М., 1976. – С. 328 – 329.

Так по уголовному делу в отношении главы Хворостянского сельского поселения Новосильского района Орловской области Н.С. Долгиной заподозренной в хищении чужого имущества путем обмана с использованием своего служебного положения следователь продолжительный период времени ее не допрашивал и не проводил с ней других следственных действий. Данное обстоятельство создало конфликтную ситуацию по делу, контролируруемую следователем в тактических целях. Управление данной ситуацией позволило получить от Н.С. Долгиной признательные показания на допросе в качестве подозреваемой¹⁶.

В процессе предварительного расследования преступлений депутатов законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления возможна и *пятая* классификационная подгруппа конфликтных ситуаций, которая представляет собой комбинацию того или иного вида четырех предыдущих изложенных конфликтных ситуаций деятельности следователя.

Однако наряду с вышеприведенной классификацией конфликтных ситуаций, где логическим основанием их деления был предмет конфликта можно привести еще несколько классификаций конфликтных ситуаций, содержание которых будет иметь практическое назначение в качестве рекомендаций для методики расследования преступлений, совершенных депутатами законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления.

Так актуальными для методики расследования являются классификации конфликтных ситуаций *по уровню обобщения (либо ограничения) существенных признаков*.

Данное основание позволяет делить их на *типовые* и *специфические* (соотношение 73.9% к 26.1% по нашему исследованию основано на превалировании преступлений экономической и коррупционной направленности, совершаемых субъектами с региональным депутатским статусом). Наиболее перспективными для развития криминалистики, несомненно, являются типовые конфликтные ситуации, так как их описание позволяет разработать криминалистические способы и средства преодоления. Однако такие типовые рекомендации предпочтительны для разрешения конфликтных ситуаций возникающих на основе расследования преступлений рассчитанных на типовую методику «привязанную» к группе или виду преступлений. Основой же разрабатываемой методики является личность депутата законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления, поэтому конфликтные ситуации по расследованию преступлений этих субъектов в большей степени рассчитаны на специфические конфликтные ситуации.

Конфликтные ситуации расследования на основе *строгого* (диаметрально противоположные цели) и *нестрогого соперничества* (характерно частичное совпадение интересов) в криминалистике теоретически разработаны и основанием их логического деления является *характер противоречий* конфликтующих сторон (соотношение 66.7% к 33.3% по нашему исследованию). Для методики расследования преступлений, совершенных депутатами законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления данная классификация является наиболее важной, так как она, определяя остроту конфликта, формы его развития и возможные исходы, способствует выбору следователем путей и методов преодоления противодействия противоположной конфликтной стороны. Конфликтные ситуации строгого и нестрогого соперничества в отличие от конфликтных ситуаций других классификаций могут быть охарактеризованы с количественно-качественной стороны. Это означает следующее. На основе оценки следователем конфликтной ситуации (строгого или нестрогого соперничества) он проводит анализ интересов своих и противоположной стороны по схеме «совпадение – несовпадение», «отсутствие – наличие» целевых контактов, противоречий (по эпизодам) и т.д. данные анализа позволяют характеризовать новое качество расследования, определяя его устойчивость, прогнозируя этапы развития конфликта и возможные формы его проявления. Данный прогноз способствует правильной организации расследования на основе определения точек совпадения интересов конфликтующих сторон и обнаружения слабых мест в системе защиты, а это в свою очередь расширяет зону их инфор-

¹⁶ Уголовное дело №1-3/2010. Новосильский районный суд Орловской области.

мационного контакта и способствует тактико-психологическому взаимодействию в интересах расследования.

Анализ материалов уголовных дел свидетельствует, что приоритет следственной ситуации строгого соперничества, которая «характеризуется серьезными разногласиями во взглядах и интересах»¹⁷ по делам рассматриваемой категории, возникает тогда, когда следователь фактически устанавливает причастность субъекта со статусом регионального депутата к расследуемому преступлению.

Тактико-психологическое взаимодействие в интересах расследования позволяет классифицировать конфликтные ситуации по основанию *внешней формы* конфликтного взаимодействия и делить конфликтные ситуации по форме *непосредственного* и *опосредованного* контакта (соотношение 47.7% к 52.3% по нашему исследованию).

Приводя классификацию конфликтных ситуаций расследования преступлений, совершенных депутатами законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления, нельзя обойти вниманием такое важное основание их деления как *структурная сложность*¹⁸.

На основании структурной сложности конфликтные ситуации по уголовным делам данной категории могут быть разделены на *двусторонние* и *многосторонние* ситуации (соотношение 41.9% к 68.1% по нашему исследованию).

Таким образом, на основе анализа классификаций конфликтных ситуаций и данных уголовных дел о преступлениях, совершенных указанной категорией преступников, есть основания дать характеристику преступлений, совершенных депутатами законодательного органа *типовой модели конфликтной ситуации расследования* государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления.

Характеристика этой типовой модели конфликтной ситуации расследования актуализирована элементами, которые наиболее часто встречаются в практике досудебного производства и являются предметом разрешения следователем с целью оптимизации расследования. В этой связи отметим, что моделирование конфликтных ситуаций уже давно рассматривается криминалистами в качестве одного из способов их предупреждения и разрешения¹⁹.

Типовая модель конфликтной ситуации расследования характеризуется следующим содержанием, относительно:

1) *предмета* конфликта – противодействием следователю со стороны субъекта преступления в получении доказательственной и ориентирующей информации об обстоятельствах подлежащих доказыванию, поиске и установлении косвенных сведений об источниках информации по уголовному делу, по решению задачи направленной на возмещение имущественного вреда от преступления и возможной конфискации имущества обвиняемого в порядке судебного решения, использования следователем способов и средств получения доказательственной и ориентирующей информации и форм ее фиксации в уголовном деле;

2) характера *противоречий* конфликтующих сторон – расследованием на основе *строгого* (диаметрально противоположные цели) *соперничества*;

3) *внешней формы* конфликтного взаимодействия преимущественно ситуациями *опосредованного* контакта;

4) *структурной сложности* – *многосторонними* и *коалиционными* конфликтными ситуациями.

Модель формирования и осознания следователем конфликтной ситуации состоит из ряда этапов.

¹⁷ Баев О.Я. Тактика следственных действий. – Воронеж: Издательство воронежского университета. 1992. – С. 114.

¹⁸ Под структурной сложностью здесь подразумевается число локальных конфликтов, входящих в общий (универсальный) конфликт по делу и вытекающая их этого фактора внутренняя организация противостоящих сторон.

¹⁹ Волчеккая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. – Москва; Калинингр. ун-т. – Калининград. – 1997. – С. 189 – 192.

Первый этап традиционно для всех творческих процессов связан с обнаружением предметно-профильной информации основанной на сведениях относительно всех субъектов, которые так или иначе взаимодействует (непосредственно или опосредованно) со следователем, а также насколько это взаимодействие может быть в интересах депутатов законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления.

Способы и средства получения этих сведений могут быть как процессуальными, так и не процессуальными. Однако в использовании этих способов и средств следователь должен выстраивать приоритеты «относительно слов и действий», что означает приоритет в оценке действий, словесные утверждения, наиболее эффективный способ введения в заблуждение²⁰.

В этой связи значимым элементом первого этапа рассматриваемой модели, может стать рекомендация следователю активней использовать положения п. 4 ч. 1 ст. 38 УПК РФ относительно дачи органу дознания в случаях и порядке, установленном настоящим Кодексом, обязательных для исполнения письменных поручений о планах и намерениях участников досудебного производства, противодействующих расследованию.

Второй этап связывается нами с психологическим осознанием следователем и подозреваемым (обвиняемым) по уголовному делу характера реальной ситуации по делу, оцениваемой в качестве конфликтной.

В соответствии с данными судебно-следственной практики практически по всем изученным нами делам вариант отношения модели реальной ситуации и действительностью расследования характеризовался как конфликт, адекватно осознанный и правильно понятый всеми его сторонами. Только 18.9% из опрошенных нами следователей заявили, что по делам данной категории они первоначально допустили ошибку в оценке следственной ситуации и признали ее бесконфликтной ситуацией. Данное обстоятельство принесло расследованию вред, который выразился во временной утрате объективного контроля над предварительным расследованием, утрате тактической ориентации и ослаблении мобильности сил и средств доказывания.

На *третьем этапе* динамической структуры формирования модели конфликтной ситуации, на основе предварительной оценки полученной ранее информации, следователь может столкнуться с «неопределенностью» (недостаток или отсутствие достоверных данных, противоречивость сведений) намерений противодействующей ему стороны. Это логико-информационный барьер, который на данный момент расследования следователь не может преодолеть в силу объективных обстоятельств и в этой связи требуется нестандартное решение.

Глава администрации Кушнаренковского района Республики Башкортостан Ю.Ф. Шилов обвинялся во взяточничестве, был заключен под стражу и не сотрудничал со следствием. Данная конфликтная ситуация не позволяла эффективно расследовать преступления Ю.Ф. Шилова. Следователь принял решение об освобождении его из-под стражи и изменил эту меру пресечения на подписку о невыезде, после чего дал поручение органу дознания на оперативную разработку связей Ю.Ф. Шилова. Такое тактическое решение впоследствии оказало положительное воздействие на ход расследования²¹.

Соединение двух важнейших структурных элементов модели конфликтной ситуации – конфликтного характера и недостатка знания следователем о планах и намерениях противодействующей стороны, на основе их многократного сопоставления оптимизирует процесс формирования объективной конфликтной ситуации, что, по сути, является *четвертым*, заключительным этапом ее формирования.

Однако недостаточно осознать поэтапный процесс формирования конфликтной ситуации в процессе последующего и заключительного этапов расследования преступлений, совершенных депутатами законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления. Более важно разрешить ее в процессе

²⁰ Лиддел Гарт, Базил Генри Стратегия не прямых действий. М.: Изд-во иностр. Лит., 1957.

²¹ Уголовное дело №23-78/2009. Кушнаренковский районный суд РБ.

расследования таким образом, чтобы это не навредило полноте, объективности и всесторонности в исследовании следователем всех обстоятельств преступления.

Список литературы

1. Баев О.Я. Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него: научно-практическое пособие (на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений) / О.Я. Баев. – М.: Эксмо, 2009.
2. Баев О.Я. Предмет конфликтов в деятельности следователя // Алгоритмы организации решения следственных задач / Под ред. Ю.А. Афиногенова, Г.А. Коновалова. – Иркутск. Издательство Иркутского университета. 1982.
3. Баев О.Я. Тактика следственных действий. – Воронеж: Издательство воронежского университета. 1992.
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Учеб. пособие для вузов. – 3-е изд., дополненное. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001.
5. Букаев Н.М. Теоретические проблемы первоначального этапа расследования преступлений против собственности: дисс. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2001.
6. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. – Москва; Калинингр. ун-т. – Калининград. – 1997.
7. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Монография. / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. Москва; Калинингр. Ун-т. – Калининград, 1997.
8. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Монография. / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. Москва; Калинингр. Ун-т. – Калининград, 1997.
9. Герасимов И.Ф. К вопросу о следственных ситуациях / Следственные ситуации : Сборник научных трудов . – М., 1984.
10. Добровлянина О.В., Прошляков А.Д. Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц: монография. – М.: Юрлитинформ, 2011.
11. Иванов А.Н., Лапин Е.С. Тактика наложения ареста на имущество: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2009.
12. Ким Д.В. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве: монография / Под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2006.
13. Комаров И.М. Криминалистические операции досудебного производства в системе криминалистики: монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010.
14. Комаров И.М. Криминалистические операции досудебного производства в системе методики расследования: монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010.
15. Комаров И.М. Основы частной теории криминалистических операций досудебного производства: монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010.
16. Комаров И.М. Типовые модели криминалистических операций в досудебном производстве; учеб.-метод. пособие / И.М. Комаров. – Белгород. ИПК НИУ «БелГУ», 2011.
17. Лиддел Гарт, Базил Генри Стратегия не прямых действий. М.: Изд-во иностр. Лит., 1957.
18. Лисиченко В.К., Батюк О.В. Следственная ситуация и ее значение в криминалистике и следственной практике // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1988. – Вып. 36. – С. 5.
19. Новин В.В. Криминалистические аспекты доказывания по уголовным делам: проблемы теории и практики. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005.
20. Орлова Э.А., Филонов Л.Б. Взаимодействие в конфликтной ситуации. Некоторые факторы, определяющие ход взаимодействия. – В кн.: Психологические проблемы социального регулирования поведения. М., 1976.
21. Полстовалов О.В. Основы профессионального общения следователя: Учебное пособие. – Уфа: Гилем, 2005.
22. Психология. Словарь / Под общ. Ред. А.В. Петровского, И.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп.. – М.: Политиздат, 1990.
23. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Отв. редактор Н.В. Жогин, изд. 2-е исправленное и дополненное, М., «Юрид. лит.», 1973.
24. Уголовное дело №1-3/2010. Новосильский районный суд Орловской области.
25. Уголовное дело №23-78/2009. Кушнаренковский районный суд РБ.
26. Уголовное дело №51кпо02-112/2009. Архив Алтайского краевого суда.
27. Хмыров А.А. Косвенные доказательства. М.: «Юридическая литература». 1976.
28. Якубович Н.А. Работа следователя по возмещению материального ущерба и розыску похищенного имущества. Госюриздат. Москва. 1954.

THE ORGANIZATION OF INVESTIGATION CRIMES COMMITTING BY DEPUTIES OF A LEGISLATURE IN THE GOVERNMENT OF THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND LOCAL GOVERNMENT

S.M. KOTSUMBAS

Belgorod Regional court

In article are investigated the problems of the organization in investigation of the crimes committing by deputies of a public legislative authority of the subject of the Russian Federation, members of elective local government and elective officials of local government.

Keywords: investigation of crimes, deputies of the subject of the Russian Federation.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 351.858

КОММУНИКАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Е. А. БАЖИНОВА

*Харьковский региональный
институт государственного
управления Национальной
академии государственного
управления при Президенте
Украины*

e-mail: krukow@ukr.net

В статье анализируется коммуникационная парадигма во взаимоотношениях власти и общества. Анализируются основные функции государственной коммуникации. Рассматриваются различные стадии коммуникативного процесса.

Ключевые слова: государственное управление, коммуникация, связи с общественностью, государственная коммуникация, стадии коммуникаций.

Открытость государственной власти является важным условием демократизации государства, становления гражданского общества, основой утверждения демократических норм и правил в отношениях органов власти и общественности. При этом следует иметь в виду, что институализация демократии требует серьезной научной работы а также создания таких условий деятельности органов государственной власти, при которых они будут иметь возможности (организационные и профессиональные) осуществлять эффективную коммуникацию с общественностью.

При этом следует иметь в виду, что данный аспект коммуникативного взаимодействия власти и общества, направленный на формирование постоянного конструктивного диалога с целью обеспечения легитимности существующего порядка и придания ему стабильности, практически не исследован.

Как отмечает российская исследовательница Т.Громова, проблема взаимоотношений власти и общества волновала еще древнегреческих философов, идеи которых затем получили свое развитие в трудах Н.Макиавелли, Ж.-Ж.Руссо, Т.Гоббса, Дж.Локка и других мыслителей. Активнейшая дискуссия по этой теме велась в рамках теорий массового общества (Г.Лебон, Г.Тард, Х.Ортега-и-Гассет, К.Маннгейм, Г.Блумер и др.). Кроме того, взаимоотношения в системе "управляющие - управляемые" активно обсуждалась и в ходе дискуссий о гражданском обществе, которые в 90-х годах XX века вновь активизировались на волне демократических преобразований в бывших социалистических странах. Все это говорит о достаточно высоком интересе к проблеме построения диалога между властью и обществом, а также его информационной

составляющей¹.

Для исследования вопросов, касающихся теории коммуникации в сфере государственного управления необходимо обобщить потенциал многих наук и изучить возможности использования их в государственно-управленческой деятельности стран постсоветского пространства.

Наибольший вклад в развитие представлений о механизме и составляющих элементах политико-коммуникативных процессов внесли, на наш взгляд, представители таких методологических подходов, как бихевиористский (Г.Лассуэлл, П.Лазарсфельд), кибернетический (Н.Винер, К.Дойч), структурно-функциональный (Г.Алмонд, Дж.Коулман) и собственно коммуникативистский (Ю.Хабермас, Х.Арендт, М.Фуко). Проблема массовой коммуникации занимали Д. Макквейл, Г. Тард, Е. Роджерс, А. Бандура и другие. Анализируя поступательный процесс развития взглядов на коммуникативный процесс в системе государственного управления, можно констатировать, что рассмотрение государственной коммуникации, как однонаправленного процесса воздействия коммуникатора на аудиторию с помощью различных средств, сменилось акцентированием внимания на обратной связи, учет которой придает политической системе устойчивость существования и эффективность развития. Коммуникация стала пониматься как важнейшая функция любой системы. И в конечном итоге, исследователи пришли к выводу о том, что любая социальная система (и политическая в том числе) является продуктом человеческого взаимодействия, основанного на достижении взаимопонимания и согласия, что становится возможным, в первую очередь, в результате коммуникативных взаимодействий.

В этой связи целью данной статьи является попытка проанализировать коммуникативные теории и возможность их использования в сфере государственного управления.

В современных условиях одним из актуальных вопросов построения демократического общества является вопрос коммуникативного взаимодействия органов государственной власти с общественностью, которое в свою очередь может способствовать не только политической стабильности общества, но и даст возможность органам власти совместно с общественностью решать вопросы управления государством.

Государственная коммуникация призвана выполнять следующий ряд функций:

- консервативную, направленную на сохранение статус-кво государственной системы, способствующей стабильному существованию социального организма;
- координирующую, призванную обеспечивать координацию властных воздействий субъекта управления в соответствии с параметрами объекта управления, и их возможными изменениями;
- интегрирующую, связанную с осуществлением такой государственной политики, которая бы учитывала интересы всех элементов общественной системы, способствовала выработке и принятию согласованных управленческих решений;
- мобилизационную, направленную на обеспечение легитимности существующего общественного порядка, получение поддержки и одобрения общества по поводу принимаемых управленческих решений;
- социализирующую, связанную с усвоением в процессе информационного обмена социально-политических норм, ценностей и традиций государства, повышением уровня политической компетентности граждан².

Систематизируя теории массовой коммуникации, Д. Макквейл выделяет четыре вида отмеченных теорий:

- социологические (объясняют природу массового общения),
- нормативные (изучают возможные влияния медиа, как они могут действовать

¹ Алексухина С.И. Формирование новых коммуникативных сообществ [Электронный ресурс] / С.И. Алексухина // Электронный журнал «Исследовать В РОССИИ». – 2003. – С. 43–44. – Режим доступа : <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2003/127.pdf>

² Алексухина С.И. Формирование новых коммуникативных сообществ [Электронный ресурс] / С.И. Алексухина // Электронный журнал «Исследовать В РОССИИ». – 2003. – С. 45. – Режим доступа : <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2003/127.pdf>

на общество в зависимости от вида политической системы и государственного управления),

- прикладные (знание практиков),
- теории здравого смысла (системы знаний людей о медиа, их опыт общения с СМИ).

Как известно, важной составляющей коммуникации является информация. Управление и информация должны быть тесно связаны между собой. Информация – это интерпретация данных, это основа деятельности каждой организации.

Информационные потоки являются важным фактором эволюции мировоззренческих процессов³. Отсюда, в процессе генезиса коммуникативных теорий можно проследить три стадии развития коммуникаций: межличностная коммуникация (разговор, письма, телефон), медийная коммуникация (газета, радио, телевидение), интернет-коммуникация.

Первая стадия развития коммуникаций – межличностная коммуникация. Непосредственному контакту как методу коммуникации отдают предпочтение большинство людей. Они избирают именно этот способ общения. Наиболее ценным, на наш взгляд, является этот метод в государственном управлении во время управления проектами. Недостатком этого метода является необходимость организации встреч, что временами бывает сложно, когда стороны находятся в отдаленных один от другого местах и нуждаются в дополнительных затратах. Как следствие, процесс принятия решений теряет оперативность.

Телефонный разговор – является необходимым и важным методом коммуникации в государственном управлении. Телефонный разговор чаще всего происходит между двумя людьми, хотя могут быть и телефонные собрания во время аудиоконференции. Телефоны наиболее полезны, когда необходима быстрая коммуникация, срочное принятие решения или если между собеседниками большое расстояние. Несмотря на многочисленные преимущества телефонных разговоров, следует отметить, что сложно организовать телефонные переговоры для большого количества людей.

Распространенным методом в государственном управлении является переписка как официальная форма коммуникации. Оптимальным стал этот метод с введением цифровой подписи.

Привлекательной для государственного управления является теория диффузии инноваций. Согласно этой теории, в разработке которой принимали участие такие учёные как: Г. Тард, Е. Роджерс, А. Бандура, любая инновация (новая идея, технология, новые знания, новое поведение, и тому подобное), распространяется в обществе как кривая, которую кратко можно описать следующим образом: сначала несколько индивидов берут новую идею, затем инновация распространяется среди большего количества индивидов и, наконец, темп распространения падает.

По мнению Е.Роджерса, на скорость процесса внедрения нововведений, изменений, влияют пять факторов, в частности: преимущества нововведения перед традиционным, совместимость «нового» с существующей системой (ценностями, опытом, потребностями, и так далее), сложность или простота нововведения для понимания; возможность апробации (экспериментального приложения), коммуникативность нововведения (легкость распространения между сотрудниками). Распространения «нового» зависит как от характера самой инновации, так и от людей, которые ее получают и распространяют. Процесс диффузии инновации включает этапы: знание (необходимо получить знание о новой вещи), убеждение (нужно убедиться самому и суметь убедить других, что новая вещь нужна), решение (принять окончательное решение о необходимости приобретения), апробация (применение), подтверждение

³ Древалъ Ю. Д. Парламентские коммуникации [Электронный ресурс] / Ю. Д. Древалъ // Государственное строительство. – 2011. – №2. – Режим доступа : <http://www.kbuapa.kharkov.ua/e-book/db/2011-2/doc/1/10.pdf>

правильности (отбросить все сомнения, утверждаться в том, что решение принято правильно)⁴.

Развивая теорию диффузии инноваций, А. Бандура практически приходит к аналогичному мнению с Е. Роджерсом, определяя три главных события в процессе распространения идей: индивид узнает об инновации, индивид принимает инновацию, индивид взаимодействует с другими индивидами в системе социальных отношений, убеждая их или поддерживая их собственное убеждение относительно необходимости принятия инновации⁵.

Е. Роджерс в своей теории уделяет значительное внимание человеческому фактору, он классифицирует людей в социуме в зависимости от их способности воспринимать новое и определяет категории: новаторы (люди, которые быстро воспринимают новое, только что услышали, увидели или прочитали); последователи (общественные активисты, лидеры, личности, которые распространяют идею); раннее большинство (люди, которые не хотят сразу воспринимать, обдумывают, взвешивают и принимают инновацию); скептики или более позднее большинство (люди, которые скептически относятся к нововведению, ожидают, пока большинство примет новое, и потом сами принимают, – иногда под давлением социума); отсталые (члены сообщества, которые в последнюю очередь принимают идею). Диффузия инноваций держится на межличностной коммуникации. Конечным результатом диффузии инноваций является массовое принятие идеи. Если инновация принимается сразу, говорят о взрыве массы, а наибольшее количество людей, которое начинает принимать новую идею, получили название критической массы⁶.

Вторая стадия развития коммуникаций – медийная коммуникация, общение с использованием средств массовой информации. Распространенными методами информирования о деятельности органов государственной власти является информирование через газеты, радио, телевидение. Их используют чаще всего тогда, когда существует потребность ознакомления с информацией большой группы потребителей.

Вторая мировая война, заставила ученых в 1940–1950-х годах пересмотреть теорию сильного влияния медиа. Проанализировав эффективность коммуникационных кампаний, ученые признали их недостаточно эффективными и предложили теорию двухступенчатого влияния. П.Лазарсфельд и его коллеги пришли к выводу, что межличностная коммуникация наряду с влиянием лидеров общественного мнения должна быть опосредствованной связью между массой и медиа.

Приемлемой для государственного управления является теория Г. Лассвелла. Американский политолог и исследователь пропаганды Гарольд Лассвелл предложил линейную модель общения, которая стала классическим образцом исследований массовой коммуникации. В соответствии с этой моделью определяются: 1) коммуникатор (инстанция, организующая и контролирующая процесс массовой коммуникации), 2) сообщение (контент-анализ), 3) технические средства, 4) аудитория (ее количественно описываемые социальные и социально психологические характеристики, 5) результаты (изменения в сознании аудитории)⁷.

Третья стадия развития – интернет-коммуникация. Новая коммуникационная система, как отмечает М.Кастельс, значительно ослабляет символическую власть традиционных отправителей сообщений. «Сетевая коммуникация более эффективна, чем

⁴ Goban-Klas T Media i komunikowanie masowe : Teorie i analizy prasy, radia, telewizji i Internetu. – Warszawa; Kraków : Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 1999. – С. 52–79; Rogers, Everett M. Diffusion of Innovations. 5th ed. New York: Free Press, 2003. – 551 с.

⁵ Ризун В. В. Теория массовой коммуникации : [учебник] / В. В. Ризун. – К. : Издательский центр “Просветительство”, 2008. – С. 209.

⁶ Goban-Klas T Media i komunikowanie masowe : Teorie i analizy prasy, radia, telewizji i Internetu. – Warszawa; Kraków : Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 1999. – С. 52–79; Rogers, Everett M. Diffusion of Innovations. 5th ed. New York: Free Press, 2003. – 551 с.

⁷ Гнатюк О. Л. Из истории американской коммуникологии и коммуникативистики : Гарольд Лассуэлл / О. Л. Гнатюк // Актуальные проблемы теории коммуникации : сб. научн. трудов. – Спб. : Изд-во СПбгпу, 2004. – С. 11–20.

влияние отдаленного харизматичного авторитета при личных контактах»⁸. Роль традиционных социальных сообществ в массовых коммуникациях стала снижаться. Сохранились лишь те из них, которые взяли логику сети⁹. Новейшие коммуникационные технологии создают принципиально другое, неизвестное ранее соотношение «глобальное пространство – время» локальный, ограниченное пространство буквально становится мировым, а конкретное время приобретает относительный характер¹⁰.

Обычный коммуникативный процесс в государственном управлении имеет пирамидальную форму, на вершине которой находится источник информации, а в основании – множество реципиентов. В условиях новых информационных технологий в Интернете, напротив, все больше становится тех, кто посылает информацию и все меньше тех, кто ее слышит. Когда в аудитории все начинают говорить, поднимается невероятный шум, который нарушает процесс нормального обмена информацией.

Аналогичным способом гигантское количество информации, которая циркулирует в компьютерных сетях, может вызывать стрессы, порожденные нервной перегрузкой, а также чувство, отчуждения, связанное с явлением, называемой психологами «информационной перегрузкой» или «информационным шоком» (info-shock). Это обусловлено тем, что способности человека получать информацию резко расширились и человечество все большее рискует подвергаться «информационным перегрузкам». Одновременно, наметилась тенденция роста числа интерактивных сетевых сообществ и числа пользователей, которые занимают в Интернете активную коммуникационную позицию. Число степеней коммуникативной свободы, безусловно, растет. При наличии достаточно небольших ресурсов любой пользователь может включиться в жизнь почти безграничного количества виртуальных сообществ. Растет и количество людей, включенных в активные формы социального поведения в сети. У. Дизард указывает на отличие новых коммуникационных технологий от массовых коммуникаций, где тоже можно проследить некоторые признаки Интернет-коммуникации: децентрализация источника сообщений, интерактивный формат распространения информационной продукции, контроль потребителей, над содержанием, временами и формой получения избранного сервиса¹¹. Сеть может объединить разные иерархические уровни в единое коммуникативное пространство. Власть включается в сетевое общество и меняет при этом формы и методы управления: сетевая власть информирует, а не приказывает, она не препятствует активности оппозиции, критике масс-медиа. Власть меняет стиль общения из влияния на диалог, из иерархического подчинения на горизонтальную коммуникацию. Таким образом, устанавливаются новые типы и модели отношений.

Во многих странах мира предприняты успешные попытки организовать население в сети в пределах структур местного самоуправления¹². В.Дзюндзюк приводит следующую классификацию сетевых содружеств, в частности: содружества интересов, игровые содружества; географические содружества, содружества взаимоотношений, которые сформированы вокруг определенного жизненного опыта, коммерческие содружества, виртуальные государства. Особый интерес для государственного управления представляют последние. Ведь виртуальные государства имеют практически все

⁸ Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура [пер.с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана] / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – С.351.

⁹ Алексухина С.И. Формирование новых коммуникативных сообществ [Электронный ресурс] / С.И. Алексухина // Электронный журнал «Исследовать В РОССИИ». – 2003. – С. 505. – Режим доступа : <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2003/127.pdf>

¹⁰ Грачев М. Н. Средства коммуникации как инструмент преобразования социально-политической действительности / М. Н. Грачев // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2001. – № 3. – С. 101. – (Серия : Политология).

¹¹ Шульга М. А. Социально-политическое управление : [учебное пособие] / М. А. Шульга – К. : Центр учебной литературы, 2008. – С.215.

¹² Крюков А.И. Внедрение современных методов управления в деятельность органов власти в условиях становления глобального гражданского общества / О.И.Крюков, Т.В.Бельская // Изучение и внедрение в Украине иностранного опыта усовершенствования деятельности органов власти : материалы VI Всеукр. науч.-практ. конф. за междунар. участием (22 ноября в 2011 г., Полтава). – Полтава : ПОЛТНТУ, 2011. – С.123.

атрибуты государственности (герб, флаг, правительство, законы, и тому подобное), за исключением территории. Такое государство имеет, даже, власть в виде модератора. Социальные движения в сетевом обществе трансформируются в так называемый «флешмобинг», который является эффективной технологией организации общественных объединений и движений в реальном пространстве с помощью виртуальных ресурсов¹³.

Новые технологии создают новые возможности, расширяя степени свободы каждого отдельного человека. Поэтому в рамках современных теорий массовой коммуникации существенный исследовательский акцент делается на роли новых средств коммуникации¹⁴ [**Ошибка! Источник ссылки не найден.** с. 9].

Подводя короткие итоги можно утверждать, что для формирующегося информационного общества нужно создание сетевых управленческих институтов, которые позволяют проводить государственную политику на качественно новом уровне. Такими социальными институтами государственного управления может служить Интернет-представительство органов власти. При условии увеличения уровня информатизации общества органы власти способны существенно снизить расходы на бюрократический аппарат, добиться улучшения предоставления государственных услуг и осуществить институциональные реформы в области государственного управления с учетом сетевого характера трансформации современных обществ¹⁵ [9, с. 14]. При этом следует иметь в виду, что на практике Интернет еще не является приоритетным направлением модернизации государственного управления в современных постсоветских обществах.

Таким образом, в процессе генезиса коммуникативных теорий можно проследить три стадии развития коммуникаций: межличностная коммуникация, медийная коммуникация, интернет-коммуникация. Проведенный анализ свидетельствует о том, что в настоящее время уже сформировалась потребность в создании диалоговой модели коммуникации между государством и обществом, осознание которой характерно для всех основных ее участников: чиновников, журналистов и самого населения.

Список литературы

1. Громова Т.Н. Государственная коммуникация : теоретическая модель и региональная практика : сб. научн. трудов «Теория коммуникации & прикладная коммуникация» // Вестник Российской коммуникативной ассоциации. – Вып. 1 / под общ. ред. И.Н. Розиной. – Ростов н./Д : ИУБиП, 2002. – 200 с. – С. 43-52.
2. Алексухина С.И. Формирование новых коммуникативных сообществ [Электронный ресурс] / С.И. Алексухина // Электронный журнал «Исследовать В РОССИИ». – 2003. – С. 505. – Режим доступа : <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2003/127.pdf>
3. Брайант Дженнингз. Основы воздействия СМИ / Брайант Дженнингз, Томпсон Сузан. – М. : Издательский дом «Вильямс», 2004. – 432 с.
4. Гнатюк О. Л. Из истории американской коммуникологии и коммуникативистики : Гарольд Лассуэлл / О. Л. Гнатюк // Актуальные проблемы теории коммуникации : сб. научн. трудов. – СПб. : Изд-во СПбгпу, 2004. – С. 11-20.
5. Грачев М. Н. Средства коммуникации как инструмент преобразования социально-политической действительности / М. Н. Грачев // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2001. – № 3. – С. 88–103. – (Серия : Политология).
6. Дзюндзюк В. Б. Виртуальные содружества : потенциальная угроза для национальной безопасности [Электронный ресурс] / В. Б. Дзюндзюк // Государственное строительство. – №1. – 2011. – Режим доступа : <http://www.kbuara.kharkov.ua/e-book/db/2011-1/doc/1/02.pdf>
7. Древаль Ю. Д. Парламентские коммуникации [Электронный ресурс] / Ю. Д. Древаль // Государственное строительство. – 2011. – №2. – Режим доступа : <http://www.kbuara.kharkov.ua/e->

¹³ Дзюндзюк В. Б. Виртуальные содружества : потенциальная угроза для национальной безопасности [Электронный ресурс] / В. Б. Дзюндзюк // Государственное строительство. – №1. – 2011. – Режим доступа : <http://www.kbuara.kharkov.ua/e-book/db/2011-1/doc/1/02.pdf>

¹⁴ Корытникова Н. В. Интернет-представительство как коммуникативный ресурс государственного управления : автореф. дис. ... канд. социол. наук : спец. 22.00.04 / Н. В. Корытникова ; ХНУ им. В. Н. Каразина. – Х., 2008. – С.9.

¹⁵ Корытникова Н. В. Интернет-представительство как коммуникативный ресурс государственного управления : автореф. дис. ... канд. социол. наук : спец. 22.00.04 / Н. В. Корытникова ; ХНУ им. В. Н. Каразина. – Х., 2008. – С.14.

book/db/2011-2/doc/1/10.pdf

8. Цвел С. Массовые коммуникации / С. Цвел. – К. : Вид. Дом «Киево-Могилянская академия», 2008. – 206 с.
9. Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура [пер.с англ. под наук. ред. О. И. Шкаратана] / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЕ, 2000. – 608 с.
10. Кoryтнiкoвa Н. В. Интернет-представительство как коммуникативный ресурс государственного управления : автореф. дис. ... канд. социол. наук : спец. 22.00.04 / Н.В. Коритникова ; ХНУ им. В. Н. Каразина. – Х., 2008. – 20 с.
11. Крюков А.И. Внедрение современных методов управления в деятельность органов власти в условиях становления глобального гражданского общества / О.И.Крюков, Т.В.Бельская // Изучение и внедрение в Украине иностранного опыта усовершенствования деятельности органов власти : материалы VI Всеукр. науч.-практ. конф. с междунар. участием (22 ноября в 2011 г., Полтава). – Полтава : ПОЛТНТУ, 2011. – С.121-123.
12. Ризун В. В. Теория массовой коммуникации : [учебник] / В. В. Ризун. – К. : Издательский центр «Просвита», 2008. – 260 с.
13. Шульга М. А. Социально-политическое управление : [учебное пособие] / М.А. Шульга – К. : Центр учебной литературы, 2008. – 248 с.
14. Goban-Klas T. Media i komunikowanie masowe : Teorie i analizy prasy, radia, telewizji i Internetu. – Warszawa; Kraków : Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 1999. – С. 52–79.
15. Rogers Everett M. Diffusion of Innovations. 5th ed. New York: Free Press, 2003. – 551 с.
16. Lasswell H. The Uses of Content Analysis Data in Studying Social Change // Science and Culture. – 1967. – Vol. 33. – No 4.
17. McLuhan M. The medium is the message. – N. Y. : Springer, 1967. – P. 87-89.

COMMUNICATIVE INTERACTION BETWEEN THE AUTHORITIES AND SOCIETY AS A FACTOR OF DEMOCRATIZATION

E.A. BAZHINOVA

*Kharkiv Regional Institute of Public
Administration of the National
Academy of Public Administration
attached to the President of Ukraine*

e-mail: krukow@ukr.net

The article analyzes the communication paradigm in the government and society relationship. Basic functions of the state communication are considered in the paper. Different stages of the communication process are discussed by the author.

Key words: public administration, communication, public relations, public communication, communication stage.

УДК 316.66

ГЕНДЕРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЖЕНСКОЙ И МУЖСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н.А. ГРОШОВКИНА*Приднестровский
государственный университет
им. Т.Г. Шевченко**e-mail: sklyaretta@rambler.ru*

В статье анализируются социально-философские подходы к решению актуальных проблем развития и применения специфических способностей женщин и мужчин в социокультурном процессе.

Ключевые слова: гендерный потенциал, идентичность, социокультурный процесс.

В социальной философии и обществоведческих науках вплоть до настоящего времени преобладают концепции, игнорирующие гендерные особенности включения в социально-экономическое взаимодействие женщин и мужчин.

Гендер представляет собой философско-мировоззренческую и социально-культурную систему взглядов, ценностей и норм, детерминирующую поведение в обществе и властные отношения между социально-демографическими группами женщин и мужчин. Через механизм идентификации индивидов внутри этих социально-демографических групп гендер оказывает существенное влияние на личностный потенциал участия каждого человека в общественном воспроизводстве и развитии, предопределяя в известной степени индивидуальные возможности, пределы обретения и повышения социального статуса соответствующего полу, а также ожидаемого поведения в рамках определенных социальных ролей. В зависимости от принятых в данном обществе взглядов гендер может либо способствовать максимальному накоплению и использованию человеческого потенциала, либо сдерживать их. «Гендер присутствует, воспроизводится, влияет на все общественные отношения, связи и внутренний мир человека, – вполне обоснованно аргументирует Т.А.Ладыкина: – «В гендерном анализе все аспекты человеческого общества, культуры и взаимоотношений рассматриваются как функции от «социального пола»»¹. Гендерный потенциал определяется, с одной стороны, еще нереализованными способностями полов внести свой специфический вклад в развитие общества и социализацию, самоопределение и самореализацию личности, а с другой, системой ценностей и норм поведения, предписанных обществом для каждого пола, являющихся результатом интересубъектного дискурса и публичного механизма власти, проводимых в жизнь как посредством принудительных по отношению к личности мер, так и с помощью социального контроля, воспитательных методов способствует личностной интериоризации доминирующих в обществе моральных норм и ценностей. Представления о гендерном потенциале и его зависимости от реальных ментальных, физических и эмоциональных свойств пола носят конкретно-исторический характер эпохи модерна и постмодерна, характеризуются расширением доступа женщин к образованию, к различным видам профессиональной деятельности и спорта, значительно поколебали и научные, и обыденные взгляды на имманентное полу неравенство способностей. Наглядными примерами этому являются достижения современных женщин в производстве, науке и образовании, в шахматных соревнованиях, олимпийских играх, где они намного превышают способности среднестатистического мужчины.

Категория «гендерного потенциала» еще не получила в философской литературе системного обоснования. Однако перспективные подходы к ее определению уже наметились. Так, многие исследователи (О.А. Воронина, Л.Н. Надолинская, Ю.В. Шаповалова, О.И. Ключко) отмечают перспективы личностного роста и самореализации, массовый приход женщин в основные отрасли производства, достижения равного с мужчинами

¹ Ладыкина Т.А. Феминизм в культуре постмодерна. – Омск: НОУ ВПО «Омский юридический институт», 2004. – С. 102.

статуса в семье; исследуется влияние гендерных аспектов на развитие и социализацию личности. Ближе к пониманию актуальности анализа категории «гендерного потенциала» подходят те авторы, которые исследуют проблему гендерного равенства и гендерной идентичности с точки зрения самореализации мужчин и женщин не путем преодоления социальных различий между ними, не в результате уподобления женщин мужчинам, а в процессе создания условий для такого социального конструирования гендера, который будет полнее, чем на данный момент, способствовать развитию и оптимальному применению, материальному и моральному вознаграждению гендерных качеств личности мужчин и женщин. К таким работам можно отнести исследования Л.М. Богатовой, Т.А. Клименковой, М.В. Тулузаковой. В российской социальной философии проблемам гендерного потенциала уделено значительное внимание в исследованиях Г.А. Брандт, Л.Ю. Бондаренко, М.Г. Марговской, Н.С. Юлиной, Н.Д. Шиминой. Однако, еще не получили адекватного социальным потребностям освещения вопросы, связанные с влиянием гендерной идентификации, эмансипации, андрогинности на возрастание и реализацию человеческого социокультурного потенциала.

Поэтому следует согласиться с мнением Ю.В. Шаповаловой, о том, что «социальная реальность актуализирует необходимость увеличения инвестиционного объема в общечеловеческий капитал со стороны женщин, так как, анализируя вклад женщин в развитие общества и их роль в обогащении современной цивилизации, следует отметить, что за последние 50 лет он стал гораздо весомее, чем за последние несколько столетий, причем во всех сферах жизни общества, благодаря тому, что реально и качественно изменилось положение женщин в большинстве стран мира»².

Целью данной статьи является анализ противоречия между индивидуальным и социальным аспектами субъектности личности, одной стороны, и потребностями общества в эпоху перехода от модерну к постмодерну в умножении гендерного социокультурного потенциала общества, с другой.

Гендерный потенциал как женщины, так и мужчины составляют показатели их образования, продолжительности здоровой жизни, долголетия, интеллекта, нравственных качеств, ценностной ориентации, потребностей, мотивирующих развитие и использование личных способностей в интересах индивида и общества. В процессе социального взаимодействия каждая половина человечества вносит свой собственный вклад в общественное богатство, тем самым в определенном отношении превосходит другую половину по каким-то параметрам. Например, в современном российском обществе женщины уже превосходят мужчин по уровню образования, по продолжительности трудоспособного возраста. Давно замечено, что женщины более приспособлены к выполнению домашней работы и трудовых операций, требующих особого внимания, точности движений, технологической дисциплины. Свою особенную роль играют женщины в образовании, искусстве, воспитании подрастающего поколения. И эта роль может стать еще более значительной при более благоприятных социально-экономических условиях. «Каждый пол, дополняя другой, выполняет в обществе свои функции. Единство мужского и женского начала в общечеловеческом бытии возможно лишь при сохранении различий и некоторого неравенства между ними. Только при этом условии «работает» принцип взаимодополнительности»³.

На практическое применение гендерного потенциала существенное влияние оказывают не только различия в способностях мужчин и женщин, но и гендерные стереотипы, устойчивые быденные представления о феминном и маскулинном, о женской и мужской идентичности. Особенностью социального стереотипа как регулятора гендерных отношений является поляризация качеств человека путем абсолютизации дихотомии полов. Понятие «гендер» связано с возможностью и потребностью личности в самоидентификации, самопознании и самовыражении как субъекта определенного пола. Идеалы дихотомии полов выражаются в понятиях женственности и мужественности.

² Шаповалова Ю.В. Актуализация феминистских ценностей в условиях современной цивилизации: Автореф. дис. канд. филос. наук : 09.00.11 Ростов н/Д, 2006. - С.4.

³ Шимин Н.Д. Целостность как феномен бытия человека: (Аксиоматика единства мужского и женского начала в Человеке) / Н.Д. Шимин. - Н.Новгород, 1995. - С.69,54.

Женственность (фемининность) — этическая категория, означающая совокупность качеств, традиционно ожидаемых от женщины, таких как эмоциональность, нежность, хрупкость, искренность, верность, что вызывает в мужчине желание оберегать и защищать женщину. Женский образ — слабая женщина, которой свойственны мягкость, эмоциональность, самопожертвование ради семьи и детей. Понятие женственности включает в себя как чисто биологические, так и социальные, культурные аспекты и не связано напрямую с женским биологическим полом.

Противоположностью женственности является мужественность (маскулинность) — понятие, включающее в себя такие качества, как твердость характера, стойкость, агрессивность и пр. Мужская идентичность (образ настоящего, сильного мужчины) — маскулинизм в повседневном сознании и рекламе преимущественно связывается с индивидуализмом, независимостью, «экспансией», хотя мужчина может быть смешон, неловок, если пытается выполнять женские занятия.

В эпоху модерна и наступающего постмодерна, вызвавшую социальную и индивидуальную потребность вовлечения женщин в общественное материальное и духовное производство, в исполнение социальных ролей, ранее считавшихся традиционно мужскими, понятия мужской и женской идентичности претерпели существенные изменения, выразившиеся в кризисе гендерной идентичности. Кризис реализации гендерной идентичности — сложный, многоуровневый динамический процесс, характеризующийся невозможностью достижения внутренней согласованности, самоактуализации и реализации гендерного потенциала⁴.

На рубеже 80-90 годов XX в. кризис традиционной гендерной идентичности достиг апогея: бинарная оппозиция полов разрушилась, в некоторой степени уже размыты и мужская, и женская идентичность. Как бы померк в общественном мнении образ мужчины — «благородного рыцаря», надежного защитника и кормильца, верного супруга и любящего, но требовательного отца семейства. Возможно, все это произошло в связи с массовой безработицей, миграцией рабочей силы и увеличивающимся числом разводов. С экрана телевизора предстают перед зрителями завсегдатаи пивных баров, участники тусовок и потасовок, любители легкой наживы, но честные труженики ушли куда-то на последний план.

В то же время средствами массовой информации настойчиво пропагандируются самолюбование своей внешностью, соперничество, сексуальная одержимость якобы модальной современной женщины. Такой принцип рекламной подачи привлекательности разрушает женское самосознание, сводя типичный образ женщины к двум крайностям — «гламурная куколка» и «рабочая лошадка». Практически замалчиваются реальные трудности, с которыми сталкиваются женщины, прежде всего в сфере труда и занятости, социального воспроизводства человека, замалчивается и образ самостоятельной, самодостаточной женщины — политика, ученого, предпринимателя⁵. Такое несоответствие, в свою очередь, порождает ряд серьезных проблем, решение которых до сих пор не найдено: крайне незначительный процент женщин в правящих кругах, неравные условия для мужчин и женщин на рынке труда, насилие в семье, высокий процент разводов, возрастающая безответственность отцов за будущее детей и т. д. Современный человек, таким образом, не может четко представить, в чем же смысл его жизни. Новые реалии и законодательные нормы позволяют индивиду сделать собственный выбор в значительной мере независимо от биологического пола, однако общественное мнение все еще не готово принять женщину-бизнесмена или мужчину-домохозяина как норму.⁶

Личная идентичность есть синтез всех характеристик человека в уникальную структуру, которая определяется и изменяется в результате адаптации и субъективной прагматической ориентации в постоянно меняющейся среде. В психологии установлено,

⁴ Ожигова Л. Н. Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы её реализации: автореф. дис. доктора психол. наук: 19.00.01. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. — С. 16.

⁵ Тулузакова М.В. Социокультурные образцы феминного и маскулинного и проблема гендерного равенства / М.В. Тулузакова // Вестник ТГУ. 2009. — № 4. — С.110.

⁶ Марговская М. Г. Роль и место гендерных стереотипов в общественном развитии (социально-философский аспект) <http://sibac.info/index.php/2009/07>. — С.1.

что каждый человек имеет определенную концепцию самого себя, варьирующую от очень узкой до весьма широкой и гибкой⁷.

Гендерная идентичность личности - многокомпонентное образование, включающее гендерные представления, гендерную самооценку и гендерные планы и структуры поведения. Различное сочетание и смысловое наполнение данных компонентов определяют индивидуальный вариант гендерного потенциала личности. Гендерные представления (когнитивный компонент), гендерная самооценка (аффективный компонент) и гендерные планы, способы и структуры поведения (коннотативный компонент), реализуются в трех объективных пространствах гендерной бытийности личности (среда, организм, деятельность) как гендерные стереотипы и эталоны, гендерная телесность, гендерные роли.

Создание гендерного потенциала у женщин происходит под влиянием иных факторов, чем у мужчин. Мотивация поисков работы вне дома у женщин может характеризоваться не столько материальной необходимостью, сколько преобладанием потребностей в аффилиации, т.е., в общении, в осуществлении эмоциональных контактов, проявлениях дружбы и любви, а не в личном успехе⁸. Поэтому, чтобы превратить для многих женщин домашний труд, заботу о других членах семьи, домашнее воспитание детей в средство развития и самореализации их способностей, необходимо создать не только условия для увеличения их свободного времени, но и использования его для содержательного досуга, повышения образования и общения за пределами семьи.

Известная американская феминистка Б. Фриден сравнивала положение домашней хозяйки с положением «узника концентрационного лагеря»⁹. И там, и здесь человек лишен самоидентичности, самоуважения, проявлений индивидуальности, изолирован от большого мира идей и событий. Общий вывод ее состоял в том, что идеал «феминности», на который ориентируются домохозяйки в экономически развитых странах, есть не влечение их натуры, а негуманный стереотип, который навязывается женщинам рекламой, бизнесом, правительством, поскольку обществу это выгодно¹⁰.

В современных условиях в большинстве стран выполнение женщинами функций матерей, хранительниц домашнего очага существенно ограничивает раскрытие имеющегося у них социокультурного потенциала. Возможность участвовать на свободном рынке труда, получая социально-измеряемую заработную плату, способствует экономической самостоятельности и личностной самореализации женщин. Однако выход в публичную среду наносит ущерб семейным интересам: сокращается время общения с членами семьи (одновременно растет чувство вины перед ними), ослабляются семейные узы, увеличивается риск разводов и одиночества. Система рыночных отношений с необходимостью превращает ее субъектов в носителей этики индивидуализма: личной автономии, справедливости. Однако для женщин это означает сужение сферы традиционной для них в семье этики домашней работы с ее ценностями альтруизма, самопожертвования, служения ближним.

Противоречивые гендерные нормы в семейно-домашней и публичной сферах ведут к тому, что, если женщины проводят большую часть своего времени на работе, им не хватает времени для выполнения обязанностей в семье. Если же они воспользуются рабочим временем для удовлетворения семейных нужд, то не смогут полностью выполнить предъявляемые к ним требования работодателя. Результатом этого для многих успешных в карьере женщин становится чувство вины перед семьей, хотя некоторые исследования использования времени показывают, что если женщина зарабатывает больше, чем ее спутник жизни, она вдвойне старается не подчеркивать свои профессиональные достижения, чтобы не ущемлять личное достоинство мужа.

⁷ Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: монография. М.: МОРУ, 2001. - С.27.

⁸ Ревина М. А. Гендерная идентификация в управленческой деятельности: автореферат дис. канд. социолог. наук. - М. - 2001. - 16 с.

⁹ Фридан Б. Загадка женственности [Текст] : Пер. с англ. / Б. Фридан. - М. : Прогресс-Литера, 1994. - С. 195-196.

¹⁰ Юлина Н.С. Женщина, семья и общество. Дискуссии в феминистской мысли США // Вопросы философии. 1994. - № 9. - С. 132.

Только реальное расширение возможностей выбора в роде и характере занятий обеспечивает женщинам (как и мужчинам) социально-экономическую независимость и свободу. Для этого семейные заботы о воспитании детей, развитии их способностей, по ведению домашнего хозяйства должны получить равную экономическую и моральную оценку со стороны общества с занятиями в публичной сфере. Тогда конкурировать будут между собой не столько потенциальные работники, сколько работодатели. В результате, с одной стороны, на деле будет создана возможность свободного выбора занятий по способностям, а с другой – положен конец иерархии насильственной власти над личностью независимо от пола, как в семье, так и в публичном секторе общественной жизнедеятельности. При этом речь идет не только о свободе личного выбора, но и выравнивании социальной оценки репродуктивной и производственной функций жизнедеятельности. Игнорирование этой проблемы представляет реальную угрозу демографического кризиса.

Нельзя не учитывать, что в современном обществе репродукция биологически не запрограммирована для женщины. Доступность контрацепции открывает возможность отделения сексуального удовлетворения от деторождения. Материнство, как и отцовство, становится феноменами свободного личного выбора, который корректируется почти исключительно общественным мнением, социальными нормами, далеко не однозначно поощряющих многодетность. А принимаемые государством меры экономического поощрения («материнский капитал», пособия одиноким и многодетным матерям, поощрение «семейных детских домов») недостаточно эффективны с точки зрения качественного социального воспроизводства населения и компенсации реальных затрат родителей на своих детей. Ограничения возможностей для самореализации личности, ее творческого роста в условиях современной семьи побуждают все больше женщин, претендующих на успех в жизни, откладывать вступление в брак, планирование нескольких детей, тем более, что в общественном мнении сохраняется моральная недооценка семейных функций женщин, а доминирует дискурс: «Мир женщины» = «частная жизнь», – второстепенное, «мир мужчины» = всё остальное – престиж и главное¹¹.

Увеличение и использование гендерного потенциала становится практически разрешаемой задачей при условии гармонизации «спроса» и «предложения» и в публичной, и семейно-домашней сферах на материально и морально привлекательные занятия, соответствующие способностям, как женщин, так и мужчин. Это, действительно сложная задача. Как отмечает Т.А. Ладыкина: «Тем не менее, вопрос о том, можно ли построить единую феминистскую теорию, которая бы наилучшим образом способствовала освобождению всех женщин, является трудно решаемым на данном этапе для феминистских социальных философов. Главная причина в том, что невозможно четко и однозначно определить интересы и нужды всех женщин»¹².

Разработка такой теории, конечно, дело не одного поколения обществоведов. Однако уже сегодня можно сформулировать основные принципы социальной политики, направленной на увеличение и реализацию гендерного капитала. Во-первых, это практическая реализация адекватности вознаграждения, общественного признания трудовых занятий в семье и народном хозяйстве, соответственно их действительной социальной значимости. В нашем обществе явно недооценивается труд, направленный на сохранение здоровья и развитие человека, репродуктивная и воспитательная деятельность родителей, работа учителей, медиков, труд в пищевой, текстильной и легкой промышленности. И по необъяснимой причине – это сфера приложения именно женского труда – неоплачиваемого в семье и малооплачиваемого труда в обществе. Во-вторых, повышение эффективности использования женского социокультурного потенциала в развитии общества связано с радикальным повышением престижности участия отцов в семейном воспитании, их вклада в развитие детей, в домашнее хозяйство, которое тоже является важным средством воспитания молодежи. Все это попросту замалчивается, что не способствует

¹¹ Ушакин С. Поле пола. Сергей Ушакин. Поле пола. - Вильнюс: ЕГУ - Москва: ООО "Вариант", 2007. - С. 108-110.

¹² Ладыкина Т.А. Феминизм в культуре постмодерна. – Омск: НОУ ВПО «Омский юридический институт», 2004. - С.60.

стремлению мужей взять на себя более значительную, чем теперь, часть забот, которые несут на себе жены, желающие или экономически вынуждаемые сочетать домашний и общественный труд.

Главным условием решения этой проблемы является, создание материальных и социально-культурных предпосылок для того, чтобы каждому индивиду независимо от пола общество предоставило те способы и средства, которые позволят ему оптимально реализовать гендерный потенциал в соответствии со своими потребностями, целями, интересами и смыслами жизни в повседневной и часто непредсказуемой практике социального взаимодействия взаимообусловленных социально-демографических половин человечества.

Список литературы

1. Ладыкина Т.А. Феминизм в культуре постмодерна. – Омск: НОУ ВПО «Омский юридический институт», 2004. - 194 с.
2. Шаповалова Ю.В. Актуализация феминистских ценностей в условиях современной цивилизации: Автореф. дис. канд. философ. наук. Ростов-на-Дону: Изд. центр ДГТУ, 2006. - 26 с.
3. Шимин Н.Д. Целостность как феномен бытия человека: Аксиоматика единства мужского и женского начала в Человеке. - Н.Новгород: Нижегород. Арх.-строит. Академия, 1995. - 161 с.
4. Ожигова Л. Н. Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы её реализации: автореф. дис. д-ра психол. наук. – Краснодар, 2006. – 46 с.
5. Тулузакова М.В. Социокультурные образцы феминного и маскулинного и проблема гендерного равенства / М.В. Тулузакова // Вестник ТГЭУ. 2009. – № 4. – С. 105–118.
6. Марговская М. Г. Роль и место гендерных стереотипов в общественном развитии (социально-философский аспект) <http://sibac.info/index.php/2009/07> Дата обращения: 2.10.2012.
7. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: монография. М.: МОСУ, 2001. - 272 с.
8. Ревина М. А. Гендерная идентификация в управленческой деятельности: автореферат дис. канд. социолог. наук. – М., 2001. – 18 с.
9. Фридан, Б. Загадка женственности [Текст] : Пер. с англ. / Б. Фридан. - М. : Прогресс-Литера, 1994. - 496 с.
10. Юлина Н.С. Женщина, семья и общество. Дискуссии в феминистской мысли США // Вопросы философии. 1994. - № 9. - С. 132-146.
11. Ушакин С. Поле пола. Сергей Ушакин. Поле пола. - Вильнюс: ЕГУ - Москва: ООО "Вариант", 2007. - 320 с.

GENDER POTENTIAL OF FEMALE AND MALE IDENTITIES

N.A.GROSHOVKINA

Transdneprya State University

e-mail: sklyaretta@rambler.ru

The article discusses the philosophical approaches to the decision of actual problems of development and applications of the specific abilities of women and men in sociocultural process.

Key words: gender potential, identity, sociocultural process.

УДК 351.854, 78.06

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА ПРОЦЕСС УПРАВЛЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ**Т.Л. ДОРОШ**

Харьковский региональный институт государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

e-mail: dorosh_tanja@mail.ru

Развитие музыкального образования непосредственно связано с качественными изменениями в построении и функционировании отдельных подсистем управления, организационной, правовой, финансовой и т.п. В этом смысле особого внимания заслуживают проблемы внедрения инновационных управленческих подходов и технологий, позволяющих максимально использовать внутренние предпочтения, а также возможности внешней среды для обеспечения развития музыкального образования.

Ключевые слова: управление музыкальным образованием, учебные заведения, которые предоставляют музыкальное образование (УЗМО).

В эпоху массовых коммуникаций и современных информационных технологий общество выдвигает новые требования к формированию человека, который способен своим интеллектуальным развитием, активной жизненной позицией, деловыми качествами обеспечить общественный прогресс. Немаловажную роль в этих процессах выполняет и музыкальное образование, которое является составной частью государственной культурной политики.

Не вызывает сомнения тот факт, что возможность развития музыкального образования во многом зависит от субъектов управления культурой, которые способны нестандартно оценивать ситуацию и оригинально мыслить, находить различные варианты выхода из сложившихся проблемных ситуаций.

Проблемы развития музыкального образования исследовались в работах Л. Арчажниковой, А. Базикова, В. Горлинского, Г. Маяковской. Анализу процессов управления музыкально-творческим образованием посвящены работы Ю. Алиевой, Т. Баклановой, Т. Мариупольской, О. Радионовой, Г. Стуловой и т.д. Но тематика управления музыкальным образованием и его особенности на местном уровне учёными не рассматривались.

Необходимость изменений в сфере музыкального образования обусловлена рядом причин. Во-первых, потребностью в развитии системы музыкального образования, способной совместно с базовым образованием, эффективно решать главные задачи функционирования образовательных учреждений - обеспечение гуманистического развития личности детей и молодежи, всестороннего раскрытия их творческого потенциала.

Во-вторых, в создании такой системы управления, которая смогла бы привнести качественные изменения во всех направлениях функционирования учебных заведений, которые предоставляют музыкальное образование (УЗМО): учебном процессе, решении их финансовых и материально-бытовых проблем, подготовке и привлечении кадров, повышении престижа в местном образовательном пространстве и т.д.

Обновление системы управления предусматривает изменение существенных свойств ее элементов, отношений между ними, а также появление новых интеграционных качеств. Причем процесс трансформации системы должен учитывать как специфику существующих отношений между элементами, так и влияние внешних факторов. Таким образом, развитие системы музыкального образования в целом и отдельных учебных заведений, в частности, непосредственно связан с качественными изменениями в построении и функционировании отдельных подсистем управления на различных уровнях, национальном, местном, отдельного учебного заведения.

В общем, на развитие учебных заведений, которые предоставляют музыкальное

образование, влияет целый комплекс факторов, среди которых следует выделить внешние факторы высшего уровня (общеобязательные), внешние факторы низкого уровня (влияющих на деятельность учреждений на местном уровне) и внутренние (зависят от каждого учебного заведения). В обобщенном виде они приведены на рис.

Внешние факторы высшего уровня	Внешние факторы низшего уровня	Внешние факторы
Глобализационные (обеспечение соответствия обучения мировым тенденциям)	Экономические (развитие местных предприятий, уровень средней заработной платы и т.п.)	Финансовые (состояние финансово-правового обеспечения, материально-технической базы)
Правовые (установленные действующими общегосударственными нормативными актами)	Политические (деятельность политических партий, местных советов, нормативная база)	Профессиональные (уровень квалификации субъектов управления, наличие авторитетных преподавателей и т.п.)
Педагогические (проведение воспитательной работы во время учебного процесса)	Социальные (требования социальной среды, в частности, родителей и учащихся)	Психологические (отношения между субъектами учебного процесса и лиц, наделенных властными полномочиями)

Рис. Факторы влияния на процесс управления музыкальными учебными заведениями

Рассмотрим их подробнее.

1. Глобализационные. Каждая страна в условиях глобализации является частью мирового общественного экономического, политического, и, соответственно, образовательного пространства. Согласно этому и культурные достояния отдельной страны сегодня становятся частью мировой культуры. С учетом тенденций к нивелированию культурных границ, особенно в сфере музыки, очень важно в учебном процессе учитывать специфику развития всемирного музыкального образования, заимствовать передовой опыт, методики и т.д. Ведь именно это не только позволит каждому выпускнику быть конкурентоспособным на мировом «музыкальном рынке», но и повысит престиж обучения в отечественных учебных заведениях.

2. Правовые. Будущее системы музыкального образования и соответствующих учебных заведений определяется правовой базой, конкретными государственными стандартами обучения, которые существуют в каждой стране и обязаны выполнять все образовательные учреждения. Следовательно, каждое музыкальное учебное заведение действует в соответствующем правовом поле, нарушать которое оно не правомочно.

3. Педагогические. УЗМО – это звено в общей системе национального образования. Следовательно, получение музыкального образования напрямую связано с целым комплексом воспитательных процессов, которые и составляют основу любой образовательной системы, независимо от ее уровня (национального, регионального или местного).

4. Экономические. Каждое учебное учреждение развивается как организм, который постоянно взаимодействует и обменивается с внешней средой. Любые внешние изменения явно или завуалировано вызывают внутренние изменения в учебном процессе. Это связано с процессами как глобального характера (политические, экономические, географические, геополитические и т.п.), так и с изменениями, происходящими на региональном и местном уровне, на уровне взаимодействия

учреждения и органов власти, гражданского общества и т.д. Данные процессы отражаются и на «горизонтальных связях» школы: в ее взаимоотношениях с учреждениями, организациями, расположенных на определенной территории, населением, детьми, родителями.

Так, в частности, улучшение экономической ситуации на уровне определенной территории может существенно повлиять сразу на несколько факторов. Увеличение средней заработной платы, уровня жизни, наличие экономически активных предприятий. Такая ситуация может улучшить финансирование музыкальных учебных заведений, в том числе и фонд оплаты труда педагогов. Такой подход даст возможность привлекать к работе высококвалифицированных педагогических кадров. Согласно этому, повышается и статус музыкального заведения. Высокий статус заведения, в свою очередь, приводит к изменению отношения к нему со стороны органов исполнительной власти и местного самоуправления, а также общественности. Следовательно, изменится способ взаимодействия учебного заведения с другими социальными субъектами. Он будет строиться на основе равноправия. Соответственно, ухудшение экономической ситуации может негативно повлиять на это взаимодействие.

5. Политические. Политические факторы в основном влияют на формы взаимодействия между субъектами системы управления музыкальным образованием. Прежде всего, это происходит при наличии нормативных и распорядительных функций местных органов власти, которые в своих решениях определяют конкретные рамки деятельности учебных заведений, устанавливают формы их поддержки¹.

6. Социальные. Любое учебное заведение, независимо от его количественных и качественных характеристик (количества преподавателей и учащихся, их компетентности; масштабных зданий и оборудования, содержательных характеристик учебных планов и т.д.), выступая частью общественной жизни города, поселка, села, встроенных в систему сложных общечеловеческих отношений, влияет на планирование и организацию своей деятельности. Музыкальные учебные заведения играют особую роль в социокультурной и территориальной системе образования, влияя не только на процессы духовного и культурного развития молодежи, но и на социальное развитие в целом. В частности, музыкальное образование может оказывать влияние и на сферу занятости населения (через создание рабочих мест), деятельность СМИ (через реализацию определенных теле-, радио-проектов) и т.д. Следовательно, деятельность каждого отдельного музыкального учебного заведения должна быть интегрирована в социальное развитие соответствующей территории.

7. Финансовые. Музыкальные учебные заведения занимаются хозяйственной деятельностью и, соответственно, к существующему законодательству, могут иметь несколько источников дохода (государственное, коммунальное, частное финансирование). Финансовое благосостояние, в свою очередь, влияет на материально-техническую базу учреждения, заработную плату преподавателей, методическое обеспечение учебного процесса.

8. Профессиональные. Профессиональный фактор определяется квалифицированными характеристиками субъектов управления разных уровней: работников органов исполнительной власти, местного самоуправления, руководителей учебных заведений. Так, современные управленцы могут строить отношения, основываясь на интерактивных методах взаимодействия (дискуссий, диалогов, в том числе и через сеть Интернет). В тоже время распространенными могут быть и методы давления, навязывания собственного мнения. Все это непосредственно влияет на деятельность учебных учреждений. Это касается и руководителя учебного заведения. Он может учитывать желания педагогов или родителей, а может основываться исключительно на своем личном видении учебного процесса, используя авторитарные методы управления.

9. Психологические. Что касается психологических факторов, то в данном случае речь идет о личных характеристиках субъектов процесса управления, их психологической совместимости, способности к совместным действиям.

---

¹ Закон Украины «Про місцеве самоврядування в Україні» от 21 мая 1997 г. № 280/97-ВР // ВВР України. – 1997. – № 24. – Ст. 170. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/280/97-Do%B2%D1%80>

Учет этих факторов есть обязательной предпосылкой развития системы управления музыкальным образованием на местном уровне.

Отметим, что развитие системы музыкального образования требует обеспечения координации усилий органов исполнительной власти и местного самоуправления в этой сфере.

При этом следует учитывать, что наряду со специализированными учебными заведениями, музыкальные образовательные услуги в Украине предоставляют и общеобразовательные школы. Однако следует обратить внимание на отсутствие координации усилий по предоставлению музыкальных образовательных услуг между общеобразовательными и специализированными учебными заведениями, которые являются ключевыми звеньями этой системы.

Также нельзя не заметить отсутствие рычагов воздействия на этот процесс общественных учреждений, которые фактически отстранены от процессов управления.

В целом, согласно действующему законодательству, субъекты управления на местном уровне (органы исполнительной власти и местного самоуправления) незначительно влияют на процессы развития музыкального образования следующими способами:

- нормотворчество – принятия соответствующими органами норм, стратегий, программ, планов и т.д.

- изменение форм и методов своей работы (реорганизация деятельности соответствующих подразделений, привлечение квалифицированных кадров, использования инновационных методов управления, изучения потребностей гражданского общества).

- формирование субъектом управления благоприятной внешней среды для функционирования и развития школы на уровне города (района), образовательной сферы региона и т.д.

- местный заказ, в частности, специалистов для местных учреждений культуры. При этом отметим, что местный заказ в культурно-образовательной сфере субъект управления должен формироваться на основе постоянного изучения характеристик территории (с возрастающими потребностями и спросами), с учетом стратегии и прогнозов социально-экономического и культурного развития.

- активное использование наработок консультативных и совещательных органов, в том числе создание общественных организаций, где могут участвовать все заинтересованные социальные партнеры.

Все перечисленные процессы являются важными и их необходимо использовать в управленческой деятельности. Между тем, следует подчеркнуть, что именно активное привлечение общественности к процессам управления является одним из наиболее перспективных. Этот опыт используется в развитых странах мира. Например, характерным в этом плане выступает деятельность Фонда Форда (США). Благодаря его руководителю Норманну Дейлу, при поддержке чиновничьих инстанций, в 1970-гг XX в. реализована программа «Композитор в общеобразовательной школе», которая вызвала существенные изменения в преподавании музыки американским школьникам. В результате «молодым композиторам была дана возможность совершенствовать свое мастерство там, где существует потребность в музыке и где она исполняется теми, для кого написана (...). Музыкальный горизонт сотен учеников расширился в результате личного и профессионального контакта с композитором, который создавал, репетировал, занимался исследовательской работой...», – отмечает американский исследователь Р. Вернер².

Привлечение общественности к процессам управления следует рассматривать по двум направлениям.

Во-первых, через создание отлаженной системы сопровождения методической и научно-методической работы музыкальных учебных заведений. Данное направление

---

² Вернер Р. Современный музыкальный проект в Соединенных штатах – его программы и значение для музыкального воспитания / Р. Вернер // Музыкальное воспитание в современном мире. – М. : Искусство, 1970. – С.1.

требует функционирования специального общественного института (организации) - научно-методического совета, который будет отвечать за его качество и системность методических наработок, результативность и эффективность этого вида работы. При этом отметим, что понятие результативности и эффективности обучения раскрывается, в частности:

- в исполнительных достижениях учащихся учебного заведения (участия в конкурсах и фестивалях, престижных профессиональных проектах, «мастер-классах» и т.п.);
- в инновационной деятельности учебного заведения – наличии собственных авторских программ, методических разработок, апробированных на занятиях соответствующими специалистами, которые получили профессиональную оценку или экспертизу;
- в постоянной систематизации результатов научно-методической деятельности учебного заведения – создании базы информационных данных методических и научно-методических работ преподавателей, плановом проведении коллективом семинаров, конференций на актуальные научно-методические темы.

В состав научно-методического совета на местном уровне должны входить как представители органов исполнительной власти соответствующего уровня, так и работники музыкальных заведений разных уровней (школ, училищ и т.д.), а также музыкальные деятели и представители учреждений культуры. С учетом сложности проведения научно-исследовательской работы на уровне одного заведения, такой Совет мог бы также отвечать за разработку и проведение совместных научно-исследовательских работ, организацию опытно-экспериментальной работы и внедрения ее результатов.

Создание таких Советов позволяет упростить технологию разработки и внедрения инновационных методик преподавания. Присутствие в научно-методическом совете представителей органов исполнительной власти позволит довести до учебных заведений существующие государственные требования и стандарты, и следить за их соблюдением. Наличие в ней профессиональных музыкантов обеспечит практическую направленность учебного процесса и возможности избежать многих педагогических ошибок, связанных с разрывом обучения в музыкальных заведениях от требований, предъявляемых в профессиональных коллективах.

Кроме указанного, создание таких научно-методических советов позволит интегрировать музыкальным учебным заведениям местного уровня в общую систему образования не только территории, но и в национальное образовательное пространство. В частности, такие советы могут выступать координатором предоставления образовательных услуг в специализированных и общеобразовательных учебных заведениях.

При этом создание научно-методических советов позволит построить учебный процесс учебных заведений, где будет учитываться специфика многих составляющих, в частности условий, в которых учат и воспитывают детей конкретные педагогические коллективы.

Во-вторых, через передачу части функций по управлению музыкальными учебными заведениями общественным учреждениям.

Возникающие в учебном процессе «горизонтальные связи» каждого учебного заведения нарабатываются во время ежедневной работы, в которой значимую роль исполняют как коллектив учащихся, их родители, так и педагогический коллектив. Исходя из анализа внешней среды конкретного учебного заведения, внутриведомственных отношений между учреждениями культуры, связей между музыкальными учебными заведениями и другими учреждениями образования, а также контактов с различными организациями и предприятиями всех форм собственности, важным представляется структуризация и институционализация «горизонтальных связей» школы.

С учетом зарубежного опыта, а также функционирования музыкальных учебных заведений в определенной физической и социальной среде, целесообразным, по нашему мнению, является создание при каждой школе консультативных советов – консультативно-совещательных органов, которые будут выполнять функции посредников между учебными заведениями, общественностью и органами местного

самоуправления (в частности, отделами культуры соответствующих местных органов власти).

Такие советы, созданные при учебных заведениях, будут выполнять управленческие функции контроля и организации учебного процесса, в частности, относительно:

- определения потребностей родителей и учащихся в образовательных услугах;
- обеспечения контроля над процессом предоставления образовательных услуг;
- координации учебной и воспитательной работы учебных заведений;
- организации концертов, конкурсных выступлений;
- содействия трудоустройству выпускников учебных заведений.

Создание таких советов, которые будут действовать на общественных началах, позволит, с одной стороны, обеспечить надлежащий контроль общественности за образовательными услугами, предоставляемые учащимся, с другой – обеспечить надлежащую координацию деятельности руководства учебных заведений и органов местного самоуправления в процессе управления.

Главными принципами работы таких советов должно стать: целеустремленность и системность, равенство доступа (участие в ее работе представителей всех заинтересованных сторон – органов исполнительной власти и местного самоуправления, родителей, учащихся, педагогического коллектива и т.п.), обеспечение мониторинга учебного процесса.

Принцип целенаправленности и системности подразумевает построение учебной работы в соответствии с продуманной стратегией с учетом мнений каждого преподавателя, пожеланий родителей, возможностей учеников.

Крайне важным принципом деятельности такого учреждения является равенство доступа всех заинтересованных групп в ее работе. Это позволит учитывать мнения всех заинтересованных лиц и дальнейшее восприятие решений, которые будут приниматься в этом совете всеми заинтересованными субъектами.

Не менее значимым является принцип мониторинга учебной работы, включая сопоставление ее первоначального плана с полученными результатами. Такой мониторинг предоставляет возможность:

- соотнести поставленные цели и задачи с реальной ситуацией относительно их выполнения;
- определить уровень удовлетворения потребностей родителей и учащихся в учебном процессе в целом, и во время овладения конкретных дисциплин в частности;
- скорректировать управленческую деятельность в соответствии с полученными результатами мониторинга и влияния внешних и внутренних факторов;
- разработать предложения относительно дальнейшего развития музыкального образования на местном уровне.

Соответственно, очень важным в этом вопросе является обсуждение результатов учебной работы и разработка предложений для учебного заведения в целом и конкретных педагогов, в частности. Такая информация дает возможность откорректировать учебный процесс, приблизить его к потребностям заказчиков обучения.

Следует отметить, что развитие музыкальных учебных заведений на местном уровне должно происходить на основе определенной стратегии, в которой должны быть учтены изменения как организационного, так и структурно-функционального обеспечения процесса управления. Принятия такой стратегии – прерогатива местного совета. Между тем в ее подготовке должны принять активное участие представители местного научно-методического совета. Работая над такой стратегией, крайне важным является обеспечить системность и согласованность всех мероприятий, а также надлежащую координацию усилий всех субъектов местного развития.

Обновление структуры управления связано с включением в этот процесс новых элементов – научно-методических и консультативных советов, предоставляющих новые системные качества.

Необходимо обратить внимание на функциональное распределение обязанностей между органами власти и общественными учреждениями (научно-методическими и

консультативными советами). Органы власти должны играть решающую роль на этапе планирования и организации работы, а общественные учреждения - при выполнении функций мотивации и контроля.

Таким образом, органы исполнительной власти при управлении системой музыкального образования имеют сосредотачиваться на следующем:

- обеспечение качественного проведения процессов образовательной деятельности УЗМО, в частности, их лицензирования, аттестации и аккредитации;
- определение юридического статуса НЗМО, оформления законных актов их регистрации;
- создание и обеспечение функционирования научно-методических советов;
- проведение мониторинга плановых статистических показателей деятельности учебных заведений, таких, как:
  - показатели приема, выпуска;
  - особенности контингента обучения;
  - уровень итоговых оценок, сравнительных показателей между отделами,
  - количество учащихся, поступивших в средние и высшие учебные заведения сферы культуры;
  - количество и уровень публикаций в местных СМИ о работе школы;
  - количество и качество работы педагогических советов, их тематическая направленность;
  - количество учащихся, принявших участие в конкурсах, ставших лауреатами;
  - количество отделений, открытых в школе;
  - количество детей, обучающихся на хозрасчетных началах;
  - качество и количественные показатели научно-методической и инновационной деятельности учреждения;
  - количество общественных организаций-партнеров и т.д.

Органы местного самоуправления должны направлять усилия на следующее:

- принятие местной стратегии развития системы музыкального образования, которая должна быть встроена в единое образовательное пространство территории;
- обеспечение реализации выбранной модели развития;
- обеспечение непрерывного совершенствования содержательной базы образования и форм обучения;
  - улучшение материально-технической базы учебных заведений и системы их финансирования, внедрение системы доплат и надбавок за преподавательский труд, поощрительной системы для одаренных детей;
  - налаживание социального партнерства между всеми заинтересованными субъектами управления музыкальным образованием;
  - содействие в формировании профессиональных коллективов учебных заведений, привлечение к работе высококвалифицированных специалистов;
  - налаживание системы постоянного мониторинга внедрения стратегии развития системы музыкального образования.

Предложенная схема управления развития музыкального образования сочетает в себе реорганизацию организационной структуры субъекта управления, учебных заведений, обеспечение нового качества взаимодействия субъекта управления с его объектами, а также объектов управления с внешней средой. Реализация предложенной схемы позволит не только повысить качество музыкального образования, но и утвердить за музыкальными учебными заведениями статус важных субъектов социального и культурного развития территории.

В заключение подчеркнем, что особенности и приоритеты функционирования системы управления музыкальным образованием на местном уровне должны быть основаны на выполнении различных функций управления: разработке стратегии и реализации единой политики развития, организации и контроле над их деятельностью.

Эффективное управление музыкальными учебными заведениями требует активного использования в этом процессе консультативных и совещательных органов, созданных при участии общественности и органов местного самоуправления. Согласно

этому целесообразным считается создание на уровне областей и районов научно-методических советов, которые будут отвечать за разработку и внедрение в учебный процесс новых методических разработок и систематизировать результаты научно-методической деятельности учебных заведений.

Совершенствование управления музыкального образования обусловлено, во-первых, требованием современной общественной жизни в связи с переосмыслением качества воспитания и образования подрастающего поколения, распространением таких качественно новых понятий современности, как гуманизация общества и образования; во-вторых, необходимостью выстраивания управленческой системы, способной совместно с базовым образованием решать на паритетных началах главные задачи функционирования образовательных учреждений - воспитание и образование подрастающего поколения; в-третьих, необходимостью создания такой системы управления, которая смогла бы дать качественные изменения по всем направлениям функционирования учреждений образования в сфере культуры.

Список литературы

1. Байло Н.П. Формування державної стратегії розвитку музичної культури на державному рівні / Н. П. Байло // Ефективність державного управління : зб. наук. пр. – Вип. 25. – Львів : ЛРІДУ НАДУ, 2011. – С. 48–56.
2. Вернер Р. Современный музыкальный проект в Соединенных штатах – его программы и значение для музыкального воспитания / Р. Вернер // Музыкальное воспитание в современном мире. – М. : Искусство, 1970. – 356 с.
3. Дорош Т.Л. Музична освіта як важлива складова культурної державної політики [Електронний ресурс] / Т.Л. Дорош // Державне будівництво : Електронне наукове фахове видання – №1, 2011р. – Режим доступу : <http://www.kbuara.kharkov.ua/e-book/db/2011-1/index.html>
4. Закон України «Про місцеве самоврядування в Україні» від 21 травня 1997 р. № 280/97-ВР // ВВР України. – 1997. – № 24. – Ст. 170. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/280/97-%D0%B2%D1%80>
5. Elliott D. Music Matters: A New Philosophy of Music Education / D. Elliott. – N.Y.: Oxford UP, 1995. – 380 p.
6. Shusterman R. Pragmatist Aesthetics. Living Beauty, Rethinking Art / R. Shusterman. – Oxford : Blackwell, 1992. – 324 p.

FEATURES OF MUSIC EDUCATION AT THE LOCAL LEVEL

T. L. DOROSH

*Kharkiv Regional Institute
of Public Administration
of the National Academy of
Public Administration attached
to the President of Ukraine*

e-mail: dorosh_tanja@mail.ru

The development of music education is directly related to qualitative changes in the construction and operation of the individual subsystems management, organizational, legal, financial, etc. The article focuses on the issue of the introduction of innovative management approaches and technologies to maximize the internal preferences and possibilities of the environment to ensure the development of music education.

Key words: management of music education, local government, educational institutions that provide music education.

МИФОЛОГИЗАЦИЯ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА: «ЗА» И «ПРОТИВ»

Ю.С. ЗАЛОЖНЫХ

*Калужского государственного
университета
им. К.Э. Циолковского*

*e-mail:
Ved2_Philosophy@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются вопросы, связанные процессом мифологизации и односторонним, искаженным толкованием идейного наследия славянофилов в наше время. Автор обозначил основные мифы, распространенные в современном российском обществе и представил свой взгляд на эту проблему.

Ключевые слова: миф, славянофилы, искажение, самобытность, культура, традиция, актуальность, национальность, односторонность, предубеждение.

Большинство важных и значимых исторических событий в процессе своего исторического бытования обрастают всевозможными мифами, получая одностороннюю трактовку, предстают в сознании людей в ошибочном, искаженном представлении. При чем такая мифологизация различных явлений в ряде случаев бывает глубоко укорененной до такой степени, что происходит полное искажение исторического события и его взвешенной трактовки.

Не избежало этой участи и такая важная в историко-культурном плане России веха как интеллектуальное творчество славянофилов – замечательных русских мыслителей XIX в. Начиная с самого своего появления и до сегодняшнего дня вся деятельность и богатое идейное наследие славянофилов постоянно обрастает различного рода мифами и специфическим, односторонним, искаженным, если не сказать ошибочным, толкованием, которое распространяется на достаточно большое количество людей, причем не только далеких от профессионального изучения истории русской культуры, но и даже затрагивает умы некоторых исследователей и людей, напрямую связанных с данной тематикой.

Данной статьей нам хотелось бы попробовать обозначить основные мифы, связанные со славянофильским направлением общественной мысли и представить свой взгляд на эту проблему.

Первым мифом, который можно обозначить, является представление о том, что славянофилы не являются самостоятельным, самобытным течением философской и общественной мысли. Что это всего лишь слабая калька с трудов французских и немецких философов, русская (периферийная) версия европейского романтизма и т.д. Не смотря на то, что целиком западные влияния на ранних славянофилов вряд ли целесообразно отрицать, но говорить об отсутствии у них самостоятельности мыслительного процесса и комплекса конкретных идей было бы недопустимым преувеличением. Да, и вообще история мировой философии наглядно показала, что без основы и разнообразных влияний не возникает ни одно серьезное учение, не формируется не один значимый мировой философ. Главным является то, чтобы любое влияние, было толчком для последующего самостоятельного течения мысли философа, творческого размышления и последующих независимых выводов.

Замечательный отпор представлениям о несамостоятельности философии славянофилов дал Н.Бердяев в своем высказывании: «Славянофильство было первым опытом национального самосознания и национальной нашей идеологии»¹.

Проповедь и активное призвание к крайнему панславизму в работах славянофилов – это еще один распространенный в сознании людей миф. Хотя и сам термин панславизма является во многом искаженным и политизированным. Изначально этим термином определялось общественное течение, связанное со стремлением к политическому

¹ Бердяев Н. А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева // Бердяев Н. А. Собр. Соч. Paris.: YMCA-PRESS, 1989. – Т.3 – С. 218.

объединению и духовному единению славян². Он подразумевает, прежде всего, сохранение культурных, языковых и других особенностей славян, без преобладания какой либо одной культуры. На сегодняшний день понятие панславизма стало более радикальным и приобрело негативный оттенок доминирования одной славянской культуры над другими. Именно в этом очень часто огульно обвиняют славянофильское направление мысли. Хотя, на самом деле, это представление далеко от действительности. Так, например, в работах одного из столпов и основателей раннего славянофильства Ивана Киреевского проповедь “панславизма” практически отсутствует. «Даже И.С. Аксаков, чья ...поддержка болгар, сербов и других братских народов снискала ему исключительное уважение в славянских странах, заявлял: “В панславизм мы не верим...”»³.

Далек от реальности и известный тезис оппонентов этого течения в русской мысли о синонимичности понятий национализм и славянофильство. Несмотря на то, что у представителей этого кружка действительно иногда встречаются слишком восторженные высказывания о достоинствах русского народа, как обладателя высшей духовной истины и о его богоизбранности (более всего это было свойственно увлекающемуся Константину Аксакову), но необходимо помнить, что ранние славянофилы отстаивали не только национальную исключительность, но и право каждого народа следовать собственным традициям и свободно, без заимствования чужих идеалов, формировать собственную линию развития.

Так же, важно подчеркнуть, что сами славянофилы считали, что проповедь национального превосходства чужда духовному складу русского народа и надо вести речь не об исключительности нации, а об элементарном изучении и понимании своих национальных особенностей и интересов, «...потому что после тщательного изучения национальных интересов будешь в состоянии отличить и понимать чисто общечеловеческий интерес»⁴. А, по мнению большинства русских философов, опрощение вообще является одной из характерных черт русского человека.

Мыслители этого течения подчеркивали не только национальные, но и общечеловеческие начала, не разрывая их. Под национальными началами они понимали народность как комплекс особенностей, составляющих духовную самобытность народа. С одной стороны народность это «начало общечеловеческое, обличенное в живые формы народа»⁵, а с другой стороны вне народности, по мнению славянофилов, ничего не существует, «мировая культура не является механическим соединением...а возникает как результат духовной деятельности конкретных национальностей»⁶.

Исходя из выше сказанного, мы считаем вполне обоснованным отделение славянофильского течения от понятия национализма, как крайне узкого политического (а часто ангажированного в определенных целях) направления. Более правильным и близким к истине, по нашему мнению, будет говорить о традиции просвещенного патриотизма мыслителей славянофильской направленности с характерными для нее: критическим отношением к западной цивилизации, утверждением самобытного пути России, приверженности, но не насильственным образом к православию и др.

Так же упрекали и упрекают славянофилов в мессианских чаяньях, основанных на убеждении в особом преимуществе русского народа «как избранного носителя и совершителя исторических судеб человечества»⁷. Представления мыслителей о том, что русскому народу была дарована истинная религия – православие, приводили и к упрекам об обожествлении русских. У славянофилов действительно можно найти высказывания

² См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/allrussian/russian-dictionary-Ozhegov-term-21788.htm> (дата обращения: 03.10.2012)

³ Фатеев В. А. В спорах о самобытном пути России // Славянофильство: Pro et contra. – СПб.: РХГА, 2006. – С. 10.

⁴ Достоевский Ф. М. Два лагеря теоретиков// Достоевский Ф. Post Scriptum: Сборник. – М.: Эксмо, 2007. – С. 822.

⁵ Хомяков А. С. Разговор в подмосковной [Электронный ресурс]. URL: <http://novchronic.ru/4538.htm> (дата обращения: 22.09.2012)

⁶ Фатеев В. А. В спорах о самобытном пути России // Славянофильство: Pro et contra. – СПб.: РХГА, 2006. – С. 11.

⁷ Василенко Л. И. Краткий религиозно-философский словарь. М.: Истина и Жизнь, 1996. с.124.

об избранности и всемирной роли православных славян, и в частности, русских, как спасителей всего человечества, но в таких интеллектуальных рассуждениях не было, ни грамма национального эгоизма. Православие воспринималось глубоко верующими славянофилами и как дар, который надо заслужить бескорыстием и самопожертвованием, и как огромная ответственность. Прот. Г. Флоровский справедливо написал по этому поводу, что если славянофилам и не удалось полностью избежать мессианистического соблазна, то они настойчиво к этому стремились⁸.

Еще одним часто встречающимся мифом несправедливым по отношению к славянофилам, является упрек их в патриархальности и закостенелости - что они стремились исключительно назад, к допетровской эпохе. Они действительно выступали с резкой критикой начинаний Петра I, переносившего без должного внимания на русскую почву западную систему мироустройства, которая вступала в принципиальные противоречия с традиционным укладом страны. Петровские реформы, по мысли славянофилов, исказили гармоничное общественное устройство Руси, что привело к отходу от духовных ценностей, выработанных национальной историей. Конечно, они во многом идеализировали допетровскую Русь, но назвать их ретроgrадами нельзя. Они пропагандировали возрождение «духа, а не формы», акцентируя внимание не на отказе или противодействии преобразованиям, а на необходимости согласования любых реформ с национальными традициями и менталитетом. Так Иван Киреевский пишет: «Возвращать...насильственно было бы смешно, когда бы не было вредно»⁹, говоря о том, что подходит в одно время при одних обстоятельствах, то совершенно не годится при других. Для него гораздо важнее чтобы Россия не утратила своей самобытности, чтобы цельность бытия, существовавшая в Древней Руси, сохранилась и в настоящем, и в будущем. Так же и Константин Аксаков несмотря на свою идеализацию древнерусского периода, не призывал к возврату: «...что должно воротиться не к состоянию древней России (это значило бы окаменение, застой), а к пути древней России (это значит движение)»¹⁰.

Близко к предыдущей позиции стоит очень распространенное заблуждение, что призывы славянофилов к старине и возврату к прошлому связаны с недостаточно высоким уровнем их образования и незнанием европейских реалий и особенностей того времени. На самом деле, сторонники этого течения общественно-философской мысли были в подавляющем большинстве людьми высокой образованности: получили блестящее как домашнее, так и профессиональное образование, знали языки, часто и подолгу бывали за границей, имели тесные интеллектуальные связи с Европой, прекрасно ориентировались в тамошней культурной жизни и т.д. «...Я окружен первоклассными умами Европы!»¹¹, - писал И.В. Киреевский своему брату о пребывании в Германии. То, что «они принадлежат к числу образованнейших, благороднейших и даровитейших людей в русском обществе»¹² у них не отнять. Важно подчеркнуть, что славянофилы выступали против западной цивилизации не из-за незнания европейского уклада жизни, а напротив, именно глубоко проникновение в его суть, привело их к разочарованию и поиску альтернативных путей развития для России.

Очередным распространенным штампом по отношению к славянофильству является мнение, о том, что основоположники - славянофилы являются сторонниками только патриархального уклада, что соответственно они выступали и за сохранение крепостного права. Такое представление категорически не соответствует действительности: сохранилось большое количество исторических документов (переписка И. В. Киреевского, разработка этого вопроса Ю. Ф. Самариным, высказывания А. С. Хомякова и др.) доказывающих обратное. «Славянофилы не просто были за отмену крепостного права, но мно-

⁸ Фатеев В. А. В спорах о самобытном пути России // Славянофильство: Pro et contra. - СПб.: РХГА, 2006. - С. 12.

⁹ Киреевский И. В. В ответ А. С. Хомякову [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kireewskij_i_w/text_0080.shtml (дата обращения: 01.10.2012).

¹⁰ Аксаков К. С. <Вперед> // Молва. № 6. 18 мая 1857 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://gosudarstvo.voskres.ru/aksakov.htm> (дата обращения: 05.10.2012).

¹¹ Цит. по: Письмо И.В. Киреевского от 14/26 марта 1830 г. // Иван и Петр Киреевские в русской культуре. Калуга: Гриф. - 2001. - С. 43.

¹² Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Полн. собр. соч. в 15 тт. - М.: Гослитиздат, 1947. - Т. 3. - С. 78.

гие из них готовили эту отмену на практике. К примеру, ...Юрий Федорович Самарин... был основным автором проекта освобождения крестьян. ...Самарин не только разрабатывал теоретические основы освобождения крестьян, но и обосновывал их...экспериментально...Он в своих имениях...на практике осуществил переход крестьян от крепостного состояния к свободному. А впоследствии он же занимался проблемами местного самоуправления, был теоретиком и практиком земского движения...»¹³.

Так же хочется отметить определенную односторонность и категоричность такого взгляда на славянофилов и западников только как два враждующих, разделенных непримиримыми противоречиями лагеря, которые крайне негативно были настроены к друг другу. На самом деле, достаточно многие исследователи сходятся во мнении, что между славянофилами и западниками, безусловно, были различия, но было и много общего, что. Важно отметить, что сами термины, определяющие эти направления философской мысли, были не очень удачными, изначально разводящими позиции. Большинство авторов, изучающих эту проблематику, больше подчеркивают их единство и взаимообусловленность¹⁴. Так, по мнению А.С. Стрельцова, в славянофильстве и западничестве видится больше совпадений, чем различий: «Здесь...есть сходство и родство, единство противоположностей, которые складываются из двух взаимоопределяющих частей одной единой духовной жизни России»¹⁵.

Особенно сближали их либеральные взгляды, выразившиеся в неприятии бюрократической системы николаевского режима, требования отмены смертной казни, свободы слова и печати, формирования реального и активного диалога между властью и народом по всем важнейшим вопросам, в недовольстве положением крестьян, находившихся под ярмом крепостного права. Они одинаково осознавали и не принимали недостатки и проблемы современной им России, но вот поиски пути их устранения, происходившие в нескончаемых спорах, привели к совершенно противоположным выводам. Так «славянофилы исходили...из принципа религиозного смиренномудрия,...западники же ориентировались на достижения европейской цивилизации и общественный прогресс...»¹⁶. Западники говорили о необходимости дальнейшего усвоения того богатства науки и культуры, которое накопила многовековая западная цивилизация. Славянофилы напротив, утверждали, что в основе европейской культуры лежат ложные принципы и необходимо опираться на собственные народные традиции.

Но, несмотря на все различия между ними, важной общей характеристикой их объединяющей, является то, что и ранние славянофилы и ранние западники были благодарными идеалистами, всей душой переживавшими за трудности и беды страны и искренне желавшими изменения российской действительности к лучшему.

Не соответствует действительности и встречающееся представление о славянофилах как о ярых сторонниках самодержавия и о их тесной связи с властью. Как отмечает, например, Н.И. Цымбаев: «общепринят взгляд на славянофилов как сторонников самодержавия, противников иных форм государственного устройства»¹⁷. На самом деле, власть этого исторического периода с недоверием относилась к данному течению, славянофилы фактически находились в оппозиции. Связанно это с постоянной критической направленностью славянофилов против засилья бюрократии, духовной стесненности николаевского режима, требования безусловной свободы слова и печати как верховных прав личности. К самодержавию, ставя его ниже народности, славянофилы относились весьма критически, вследствие того, что после Петра российские монархи соизмеряли развитие страны с оглядкой на Западную Европу. Такая независимость суждений формировала восприятие славянофилов властями как подозрительных либералов и недоброжелателей к существующему порядку вещей. Все это приводило к тому, что власть, по-

¹³ Пивоваров Ю. С. Вечный спор Западники и славянофилы // Фома. – 2009. № 7 (75). – С. 64–65.

¹⁴ См.: Ермичев, А. А. Ладья у подножья креста. О проблеме разума у П.Я. Чаадаева // Вопросы философии. – 2000. № 12. – С. 171-179.

¹⁵ Стрельцов А.С. Русская философско-религиозная школа: Опыт гносеодии русской философии. – Калуга: Эйдос, 2000. – С.36.

¹⁶ Фатеев В. А. В спорах о самобытном пути России // Славянофильство: Pro et contra. – СПб.: РХГА, 2006. – С. 15-16.

¹⁷ Цимбаев Н. И. Славянофильство (Из истории русской общественно-политической мысли XIX века). – М.: МГУ, 1986. – С. 103.

дозревая их в революционных замыслах (можно вспомнить, как трудно складывались отношения между И.В. Киреевским и Николаем I), постоянно преследовала славянофилов: закрывала их периодические издания, запрещала литературное и публицистическое творчество, жестко цензурировала все, что все-таки выходило в печать, устраивала слежку, аресты и т.д. Это явный показатель того, что власть относилась к славянофилам с подозрением, что она не видела в них своих сторонников, не считала необходимым на них опираться. Несмотря на такое очень сложное взаимоотношение мыслителей с властью, их взгляды нельзя считать радикальными и сугубо революционными. Позиции были сложными и, скорее, прогосударственными, чем напротив.

В нашей статье мы попытались наметить лишь некоторые, наиболее распространенные в общественном сознании мифы о славянофилах, отдавая себе отчет, что это далеко не полный и неокончательный список таких представлений. Но само наличие данной мифологизации в современном обществе имеет важное значение, так как говорит о том, что славянофильство как самобытное течение отечественной интеллектуальной мысли по-прежнему актуально, интересно и жизненно в настоящее время. Развитие современного общественного сознания российского общества заинтересовано в формировании целостной, и подлинной с научной точки зрения сущности славянофильства как явления русской культуры, идущей из глубины истории и, по-прежнему не завершив своих задач даже в современной России. Формирование целостной и подлинной с научной точки зрения картины славянофильства – это дело будущего и еще только ждет своего осуществления.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева // Бердяев Н. А. Собр. Соч. – Paris.: YMCA-PRESS, 1989. – Т.3. – 714 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/allrussian/russian-dictionary-Ozhegov-term-21788.htm> (дата обращения: 03.10.2012)
3. Фатеев В. А. В спорах о самобытном пути России // Славянофильство: Pro et contra. – СПб.: РХГА, 2006. – 1056 с.
4. Достоевский Ф. М. Два лагеря теоретиков// Достоевский Ф. Post Scriptum: Сборник. – М.: Эксмо, 2007. – 847 с.
5. Хомяков А. С. Разговор в подмосковной [Электронный ресурс]. URL: <http://novchronic.ru/4538.htm> (дата обращения: 22.09.2012)
6. Василенко Л. И. Краткий религиозно-философский словарь. – М.: Истина и Жизнь, 1996. – 256 с.
7. Киреевский И. В. В ответ А. С. Хомякову [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kireewskij_i_w/text_0080.shtml (дата обращения: 01.10.2012).
8. Аксаков К. С. <Вперед> // Молва. № 6. 18 мая 1857 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://gosudarstvo.voskres.ru/aksakv.htm> (дата обращения: 05.10.2012).
9. Иван и Петр Киреевские в русской культуре / Сост. Г.И.Ловецкий, А.Ф.Малышевский. – Калуга: Гриф. 2001. – 528 с.
10. Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Полн.собр.соч. в 15 т. - М.: Гослитиздат, 1947. – Т. 3. – 1020 с.
11. Пивоваров Ю. С. Вечный спор Западники и славянофилы // Фома. 2009. № 7 (75). – С. 63–68.
12. Ермичев, А. А. Ладья у подножья креста. О проблеме разума у П.Я. Чаадаева // Вопросы философии. 2000. № 12. – С. 171-179.
13. Стрельцов А.С. Русская философско-религиозная школа: Опыт гносеодициии русской философии. – Калуга: Эйдос, 2000. – 178 с.
14. Цимбаев Н. И. Славянофильство (Из истории русской общественно-политической мысли XIX века). – М.: МГУ, 1986. – 274 с.

MYTHOLOGIZING THE SLAVOPHILISM: "FOR" AND "AGAINST"

J.S. ZALOZHNYKH

*Kaluga State University named
after K. Tsiolkovsky*

*e-mail:
Ved2_Philosophy@bsu.edu.ru*

The questions related to the process of mythologizing and one-sided, distorted interpretation of the ideological heritage of the Slavophiles in our time. The author pointed out the main myths prevalent in Russian society, and presented his view on this issue.

Key words: myth, slavophiles, distortion, identity, culture, tradition, relevance, nationality, one-sidedness, bias.

УДК: 215:130.121

РОЛЬ СВЯЩЕННЫХ ТЕКСТОВ В СТАНОВЛЕНИИ И ИДЕНТИФИКАЦИИ ФЕНОМЕНА ВЕРЫ В ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ

Д.С. МАРЦИНОВСКАЯ*Прикарпатский национальный
университета
им. В. Стефаника**e-mail: daryna.hetman@gmail.com*

В статье с теологических, философских и религиоведческих позиций анализируется природа и проблема идентификации феномена религиозной веры, а также значение священных текстов в её становлении.

Ключевые слова: религия, феномен веры, научная идентификация, Библия, священные тексты христианства.

Объективное рассмотрение феномена веры как основополагающей характеристики религиозной идентичности требует, прежде всего, выяснения сущности понятия веры и ее идентичности, а также – характера их взаимоотношений.

Проблеме «идентичности», в частности её религиозному аспекту, в современном религиоведении уделяют большое внимание. Идентичность имеет двойное толкование в современных науках: с одной стороны она выражается через процесс идентификации явлений и предметов, и в этом случае синонимом к процессу идентификации выступает отождествление, которое обозначает подтверждение, выявление, установливание тождественности чего-либо, или кого-либо с чем-то или с кем-то, а также – утверждение аналогии между явлениями и предметами. При этом «отождествляться» или «отождествиться» обозначает представление себя за такого же как кто-либо другой, то есть идентификация себя с кем-то другим или через кого-то. С другой стороны под процессом идентификации понимается процесс установления различий, разнообразности и отличительных особенностей явлений и предметов¹.

В то же время в философской и теологической науке под идентичностью понимается «...полное соответствие тому, чем есть эта вещь, или тому, что эта вещь обозначает. ...Доскональная низменность сущности явления или предмета при всех временных изменениях его бытия (aczedent) на основании видоизменения его временной характеристики (substantio), благодаря чему он всегда и везде себя выявляет, а поэтому остается доступным для установления его сущности (идентификации) и при этом предмет (явление) способен оставаться самим собой, распространяясь на все формы выявления сущности своего бытия». При этом у философском толковании делается ударение на то, что: «идентичность естества существует и выявляется в самом естестве лишь через его параметры, но никогда вне них»².

Социология выделяет два типа идентичности: идентичность общественную и индивидуальную, которые также присутствуют и в религиозной идентичности. Идентичность индивидуальная или же личная есть испытанием самого себя як неделимого индивида, который отличается от других личностей, что выявляется в разделении современного общества через категорию «Я – Другие». Папа Иоанн Павел II говорил: «Через людей строится моральный порядок, который есть проявлением веры и характера человека»³. Поэтому в общественном смысле установление морального порядка есть определенным конфликтом между «я» идеальным и «я» действительным, когда человек должен признать себя тем, кем он есть. Примером разрешения этого морально-онтологического

¹ Therese M. Geschichte einer Seele / M. Therese. Die Heilige von Lisieux erzählt aus ihrem Leben. – Leutesdorf: Johannes-Verlag, 2004. – С. 165.

² Климишин І., Климишин О. Збагнути світ і себе в ньому (тим, хто задумується над місцем релігії у своєму світогляді) / Іван Климишин, Ольга Климишин. – Івано-Франківськ: Гостинець, 2004. – С. 25-26.

³ Therese M. Geschichte einer Seele / M. Therese. Die Heilige von Lisieux erzählt aus ihrem Leben. – Leutesdorf: Johannes-Verlag, 2004. – С. 169.

конфликта может служить сравнение известной католической святой Терезией от Младенца Иисуса человека с цветами: ясли человека есть «роза» – должен быть ею, если же «фиалка» – не желать попасть в ту среду, где твой труд не будет нужен и даже будет вредным. Поэтому человек должен стараться быть в Книге Природы на своём «месте», принести полезные плоды собственной жизни, реализуя «я» действительное⁴.

То есть понятие идентичности в религиозном контексте мы можем, даже обязаны, рассматривать неотъемлемо от сущности человеческой личности, на примере ее религиозного мировоззрения, мировосприятия, восприятия социума и личной идентификации с ним. Этот процесс идентификации неразрывно связан с феноменом религиозной веры, которая, в свою очередь, также основывается и на объективно-исторических источниках веры, каковыми являются священные тексты религий, в частности, христианства.

Отождествление человека с обществом неотъемлемо от проблемы феномена веры как обязательного атрибута всякого общественного человеческого бытия, в котором выявляются убеждения индивида, побуждения и причины его деятельности и содержание мировосприятия, зафиксированные в священных текстах религий, например, в Библии.

Объективное рассмотрение феномена веры как основополагающей характеристики христианской религиозной традиции требует, прежде всего, выяснения сущности понятия веры, проистекающей изначально из христианских священных текстов.

В качестве важного, и даже более того – доминантного источника религиозного мировоззрения и религиозной веры в авраамических религиях, а соответственно и в христианстве, выступают их священные тексты – Святое Писание Ветхого и Нового Завета (Библия).

Христианская теология в «понятии веры» разделяет аспект объективный или объявленную истину, обладающую сакральной природой – божественным откровением, данную для верования самим Богом при посредничестве пророков, патриархов. Им в христианской библеистике отводится роль «гагиографов» – авторов священных текстов, вдохновенных Святым Духом, приведенных в книгах Библии⁵. Наряду с этим в понятие веры включается также и аспект субъективного восприятия истин, или личное признание Бога через эти истины, приведенные в священных текстах⁶. Вера, согласно учению христианской теологии, возможна исключительно при помощи Святого Духа (См.: Деяния апостолов: 16, 14 и 21; 1 Кор.: 3, 16-18) и состоит в безусловно свободном, разумном и абсолютном ответе на вопросы бытия, через который признается правда о Божественном Откровении, которое полностью свершилось в Иисусе Христе (Ио.: 20, 31; Рим.: 10, 9). При этом неотъемлемой составляющей христианской веры выступает смиренное отдание Богу самих себя (Рим.: 1, 5; 16, 26) и своего будущего (Рим.: 6, 8; Евр.: 11, 1). Поэтому от веры, как характеристики христианской идентичности, неотделимо понятие «анализа веры», то есть: «...изучения побуждений, которые направляют нас к вере в Бога, который по собственной воле объявился в Иисусе Христе»⁷.

Человеку как индивиду для идентификации собственного бытия с бытием Бога и его творениями дано от рождения подсознательный поиск веры (так называемый инстинкт веры), поиск Кого-то, Первоисточника всякого бытия. Например, упомянутая выше святая Тереза от Младенца Иисуса, как и большинство католических мистиков, сравнивая мир с Книгой Природы, где все люди представлены как разные цветы, считала, что скромность фиалки есть стоящей совсем не меньше, чем пышность розы или чистота лилии. Наоборот, все цветы дополняют друг друга, создавая величественную Книгу Природы⁸. То есть, человек должен идентифицировать себя как личность, равную другим лич-

⁴ Элиадэ М. История веры и религиозных идей. Том первый: от каменного века до элевсинских мистерий / Мирча Элиадэ [Электронный ресурс] // Перевод Н. Н. Кулаковой, В. Р. Рокитянского и Ю. Н. Стефанова. – М.: Критерион, 2002. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/eliado2/index.htm>. – С. 15.

⁵ Віра // Малий теологічний словник. – Івано-Франківськ: ІФТА, 1997. – С. 319.

⁶ Василенко Л.И. Введение в философию религии / Л.И.Василенко. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – С. 48.

⁷ Аналіз віри // Малий теологічний словник. – Івано-Франківськ: ІФТА, 1997. – С. 15.

⁸ Элиадэ М. История веры и религиозных идей. Том первый: от каменного века до элевсинских мистерий / Мирча Элиадэ [Электронный ресурс] // Перевод Н. Н. Кулаковой, В. Р. Рокитянского и Ю. Н. Стефанова. – М.: Критерион, 2002. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/eliado2/index.htm>. – С. 15-16.

ностям, с которыми она призвана жить в согласии, равно ж, как и в согласии с Волей Божьей. Справедливость этого вывода подтверждают последние две с половиной тысячи лет человеческой истории и, особым образом – первые главы библейской книги «Бытия», которые выступают источником познания и понимания феномена религиозной веры, раскрывая, фактически, более древние события, чем те, о которых повествуется в истории об Аврааме.

Отправной точкой в познании и понимании Бога как Первоисточника всякого бытия выступает изложенная в первых главах «Бытия» картина творения мира, совершавшегося посредством слова Божья. При этом библейский рассказ, описывая последовательность истории творения мира, построен особым образом: 1) творение посредством Слова; 2) мира, который «хорош» и 3) жизни (животной и растительной), которая тоже «хороша» и которую Бог благословляет (Быт.: 1,10, 21, 31 и сл.); 4) наконец, космогоническое творчество увенчивается сотворением человека. В шестой и последний день Бог говорит: «Сотворим человека по образу Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом» и т.д. (Быт.: 1, 26).

Комментируя данный текст, выдающийся религиовед XX века Мирча Элиадэ в своей книге «История веры и религиозных идей» подчеркивает, что знания о Боге и о сотворении мира, в сравнении с текстами других восточных религий, не содержит «никаких впечатляющих подвигов (вроде битвы Мардука с Тиамат), никаких „пессимистических“ элементов в космогонии и в антропогонии (мир, сотворенный из останков „демонического“ первосущества Тиамат, человек, вылепленный из крови демона Кингу). Мир „хорош“, а человек – *imago dei*; он, подобно своему Творцу и образцу, обитает в раю»⁹. Вся эта картина составляет гармоническое основание для формирования монотеистического иудейского, а в последствии и христианского вероучения о Боге и происхождении всего сущего, правдивость и научный характер которого подтверждены многочисленными современными научными исследованиями в области космологии, астрофизики, геологии, биологии, палеонтологии и других наук¹⁰.

Однако, как подчеркивает М. Элиадэ в упомянутой книге, дальнейшее повествование книги «Бытия» проливает свет также и на субъективную, антропологическую составляющую становления феномена веры в условиях жизни людей уже за пределами рая, жизни полной человеческих заблуждений и грехов. «Именно они изменили человеческую судьбу. Бог не несет никакой ответственности за порчу своего совершенного творения. Подобно индийским воззрениям в последующую за упанишадами эпоху, человек, а вернее, весь род человеческий, есть результат своих собственных поступков»¹¹. Более того, ученый отмечает, что «андрогинность первочеловека» имеет своим образцом «андрогинность божественную», и это понимание сущностной ценности познания радикально изменило структуру человеческого бытия и является общим для множества культур, а, следовательно, проливает свет на сакральную, божественную природу религиозного феномена. При этом М. Элиадэ убежден, что религия Израиля не «изобрела» ни одного мифа. «Однако, если рассматривать термин „изобретение“ как показатель духовного творчества, то труд по отбору и критике незапамятных мифологических традиций равнозначен созданию нового „мифа“, нового религиозного видения мира, могущего стать парадигматическим. А религиозный гений Израиля преобразовал отношения Бога с бого-

⁹ Коханевич М. Наука открывает Бога. Синтез науки и божественного учения / М. Коханевич. – М., 2000.

¹⁰ См.: Догматична Конституція про Боже об'явлення „Боже Слово“ – „*Dei Verbum*“ // Документи Другого Ватиканського Собору. Конституції, декрети, декларації. – Львів: Свічадо, 1996. – С. 311–331. Кияк С. Релігійно-теологічна парадигма феномену українського католицизму та його ідентичності / Святослав Кияк // Нові обрії. Наукові праці Інституту фундаментальних досліджень. – Вип. 11: Довкілля. Соціально-економічні науки і гуманітарні проблеми. – К.: Логос, 2007. – С. 21–31. Климишин І., Климишин О. Збагнути світ і себе в ньому (тим, хто задумується над місцем релігії у своєму світогляді) / Іван Климишин, Ольга Климишин. – Івано-Франківськ: Гостинець, 2004.

¹¹ Элиадэ М. История веры и религиозных идей. Том первый: от каменного века до элевсинских мистерий / Мирча Элиадэ [Электронный ресурс] // Перевод Н. Н. Кулаковой, В. Р. Рокитнянского и Ю. Н. Стефанова. – М.: Критерион, 2002. – Режим доступа: psylib.org.ua/books/eliado2/index.htm. – С. 17–18.

избранным народом в „священную историю“ неведомого до той поры типа. Начиная с известного момента, эта „священная история“, внешне представляющаяся исключительно „национальной“, становится образцовой моделью для всего человечества»¹². Следовательно, с феноменологической точки зрения именно эта «священная история» составляет фундамент онтологической и гносеологической природы познания и идентификации самого феномена монотеистической религиозной веры. В его основание положено совесть человека – моральный закон, вписанный, по словам апостола Павла, в сердце человека (Рим.: 2, 15). Именно этим законом руководствовались все потомки Адама вплоть до Авраама, что и дало основание Богу заключить с израильским народом через Авраама завет: «В этот день заключил Господь завет с Авраамом» (15, 18). Здесь и речи не может быть ни о каком «договоре». Бог не налагает на Авраама никаких обязательств: Он сам принимает их на себя, а, следовательно, феномен веры в этом контексте приобретает объективный и даже сакральный характер, что особенно подчеркивается в феноменологии религии, в частности, в исследованиях Р. Отто, Э. Гуссерля и С.Л.Франка¹³.

Ярким евангельским примером, иллюстрирующим динамику формирования религиозной веры, может служить чудесная история оздоровления Иисусом Христом слепого под Иерихоном (Лк.: 18, 35-43) как определенный конкретный динамический процесс становления веры. При этом в теологии этот процесс принято разделять на пять этапов: 1) мотивы веры в основе процесса (здесь идет речь об упомянутой выше совести человека); 2) события, которые предшествовали вере – знания слепого об Иисусе Христе, творившем многочисленные разнообразные чудесные исцеления; 3) созревание веры в процессе непосредственного общения слепого с Иисусом в ходе двукратного обращения к нему как к «последней надежде» на исцеление; 4) похвала Иисусом веры излеченного, которая вместе с самим чудесным излечением послужила призывом к следованию слепого за Иисусом, что он и осуществил, став его учеником; 5) реакция участников на чудесное исцеление, которая проявилась в воздании всеобщей хвалы Богу не только за чудо, но и за урок живой веры в Христа-Бога¹⁴. При том первые три этапа вполне логично объединить в один, поскольку они включают в себя личное начало и процесс формирования веры¹⁵. Эти этапы в жизни получают общественно значимую идентификацию – приобретение состояния, в котором человек может приносить пользу другим людям благодаря своей религиозной вере, обращая других на морально совершенный духовный и жизненный путь.

Таким образом, вера, как неотъемлемая основополагающая характеристика религиозной идентичности, помогает человеку самоутвердиться, порождает желание поиска чего-то высшего, сверхъестественного – достижения вечности. При этом именно священные религиозные тексты, в нашем случае – Святое Писание (Библия), служат исходным и фундаментальным источником формирования феномена религиозной веры, что особенно важно для монотеистических аврамических религий, в первую очередь для христианства. Кроме того, вера также прокладывает путь для совершенствования религиозной идентичности, обеспечивая стабильность этого пути на протяжении длительного промежутка времени. Вера проявляется и в синтезе личных и общественных черт идентичности – помощи человека своим ближним, которой они желают и верят в её получение, что, как и сам феномен религиозной веры, есть неотъемлемой составляющей самого бытия человека, своеобразным зеркалом, в котором отображается Единое Высшее Начало – Бог-Создатель.

¹² Кияк С. Апологетика. Оборона християнської віри з основами фундаментальної теології / Святослав Кияк. – Івано-Франківськ: Вид-во ІФТКДІ. – 1997. Козирчук Л. Г., Гуценко С. Л. Це було так! Біблія і сучасна наука про походження Всесвіту / Л. Г. Козирчук, С. Л. Гуценко. – Донецьк: Донецький науково-технічний центр. 2005.

¹³ См.: Василенко Л.И. Введение в философию религии / Л.И.Василенко. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009.

¹⁴ Wałak B. Edukacja wobec zagubionej tożsamości ucznia / B. Wałak // Język. Religia. Tożsamość. – Głogów, 2007. – Т. 1. – С. 263.

¹⁵ Zabagło P. J. Problematyka procesu wiary w opisie cudownego uzdrowienia niewidomego pod Jerychonem (Лк. 18, 35-43) / P. J. Zabagło // Język. Religia. Tożsamość. – Głogów, 2007. – Т. 1. – S. 251-264.

Список литературы

1. Therese M. Geschichte einer Seele / M. Therese. Die Heilige von Lisieux erzählt aus ihrem Leben. – Leutesdorf: Johannes-Verlag, 2004. – 247 s.
2. Климишин І., Климишин О. Збагнути світ і себе в ньому (тим, хто задумується над місцем релігії у своєму світогляді) / Іван Климишин, Ольга Климишин. – Івано-Франківськ: Гостинець, 2004. – 204 с.
3. Элиадэ М. История веры и религиозных идей. Том первый: от каменного века до элевсинских мистерий / Мирча Элиадэ [Электронный ресурс] // Перевод Н. Н. Кулаковой, В. Р. Рокитнянского и Ю. Н. Стефанова. – М.: Критерион, 2002. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/eliado2/index.htm>.
4. Віра // Малий теологічний словник. – Івано-Франківськ: ІФТА, 1997. – С. 48.
5. Василенко Л.И. Введение в философию религии / Л.И.Василенко. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – 326 с.
6. Аналіз віри // Малий теологічний словник. – Івано-Франківськ: ІФТА, 1997. – С. 15.
7. Коханевич М. Наука открывает Бога. Синтез науки и божественного учения / М. Коханевич. – М., 2000. – 206 с.
8. Догматична Конституція про Боже об'явлення „Боже Слово“ – „Dei Verbum“ // Документи Другого Ватиканського Собору. Конституції, декрети, декларації. – Львів: Свічадо, 1996. – С. 311- 331.
9. Кияк С. Релігієзнавчо-теологічна парадигма феномену українського католицизму та його ідентичності / Святослав Кияк // Нові обрії. Наукові праці Інституту фундаментальних досліджень. – Вип. 11: Довкілля. Соціально-економічні науки і гуманітарні проблеми. – К.: Логос, 2007. – С. 21–31.
10. Кияк С. Апологетика. Оборона християнської віри з основами фундаментальної теології / Святослав Кияк. – Івано-Франківськ: Вид-во ІФТКДІ. – 1997. – 384 с.
11. Козирчук Л. Г., Гуценко С. Л. Це було так! Біблія і сучасна наука про походження Всесвіту / Л. Г. Козирчук, С. Л. Гуценко.– Донецьк: Донецький науково-технічний центр. 2005.– 65 с.
12. Wałak B. Edukacja wobec zagubionej tożsamości ucznia / B. Wałak // Język. Religia. Tożsamość. – Głogów, 2007. – Т. 1. – S. 165-171.
13. Zabagło P. J. Problematyka procesu wiary w opisie cudownego uzdrowienia niewidimego pod Jerychonem (Łk. 18, 35-43) / P. J. Zabagło // Język. Religia. Tożsamość. – Głogów, 2007. – Т. 1. – S. 251-264.

ROLE OF SACRED TEXTS IN THE DEVELOPMENT AND IDENTIFICATION OF PHENOMENON OF BELIEF IN THE CHRISTIAN RELIGION**D. MARTSINOVSKA***Vasyl Stefanyk Prycarpathian National University**e-mail: daryna.hetman@gmail.com*

On theological and philosophical and religion science positions, the paper discusses the nature and position of the problem of identifying the phenomenon of religious belief and the importance of sacred texts in its formation.

Key words: religion, phenomenon of faith, scientific identification of the Bible, sacred texts of Christianity.

УДК 78.01

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А.Н. ПРОКОФЬЕВА*Харьковская государственная
академия культуры**e-mail: allp07@rambler.ru*

В статье с позиций современных социокультурологических подходов рассматривается феномен музыкальной культуры современных европейских городов. Выявляются основные форматы музыкального бытия крупных полисов, специфика корреляции художественной рефлексии в современных условиях и трансформации системы ценностных приоритетов социума и личности.

Ключевые слова: музыкальная культура, ценностные приоритеты, художественно-культурное пространство современного города.

Процессы расширения информационного пространства, усиления межкультурных экономических и политических связей на фоне роста и развития медиакультуры, внедрения информационных технологий, компьютеризации охватили различные сферы жизнедеятельности человека и оказали значительное влияние на формирование культурного ландшафта современных городов. Активно проявились эти изменения и в трансформации музыкальной палитры городов на рубеже XX-XXI вв. Большую роль в этом сыграли научно-технический прогресс, возникновение электронных способов хранения и передачи музыкальной информации. Эти факторы существенно повлияли на формирование художественно-стилевых границ современной музыки, значительного расширения акустических и пространственно-временных границ музыки с помощью синтеза техники и творчества (изобретение электронных музыкальных инструментов, использование синтезированного звука, искусственных звуковых систем и т.п.). Все это актуализирует исследования феномена музыкальной рефлексии в свете интеграции новейших достижений эпохи постиндустриального общества, эпохи медиа и компьютерных технологий в этноментальных координатах полисной культуры.

При исследовании специфики музыкальной культуры современных европейских городов, по нашему мнению, необходимо выявить основные смысловые векторы, которые являются определяющими в функционировании реальных форм музыкального творчества как составной системы художественно-рефлексивной деятельности в большом городе на рубеже XX-XXI веков.

Так, смыслозадающими векторами понятия «музыкальная культура города» являются две дефиниции – «музыкальная культура» и «город», определение которых в современном научном дискурсе довольно многозначно. В данном контексте целесообразным представляется выработать систему понятий, которые станут терминологическим стержнем исследования феномена музыкального пространства современного города. Жизнедеятельность человека происходит в рамках культуры, которая создает вокруг человека социальную сферу и делает возможным общественную жизнь. Делая эту доктрину основой теории семиосферы, выдающийся русский культуролог Ю. Лотман понимал культуру как отрасль на фоне не-культуры, противостояние которых определял в категориях «сделанное-природное», «условное-безусловное»¹.

При рассмотрении фактора полисности музыкального пространства как социокультурной константы целесообразным представляется использование следующих методологических оснований. Во-первых, это теория «репрезентативности культуры», предложенная Л.Г.Иониным. В рамках данного подхода акцент делается на активной

¹ Лотман Ю. М. О семиотическом механизме культуры / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Семиосфера / Ю. М. Лотман. – С.-Петербург : «Искусство – СПб», 2001. – С. 485.

формообразующей роли культурных ценностей по отношению к социуму, поскольку они рассматриваются не просто как форма рефлексии социальных феноменов, но и определяют форму и способ их функционирования в обществе².

Во-вторых, это понятия «категория культуры» (А.Я.Гуревич)³, «концепт культуры» (Ю.С.Степанов)⁴, обеспечивающие методологическую возможность рассмотреть музыкальное пространство города как культурную константу, представленную элементом духовной культуры, менталитета людей.

Универсальной функцией культуры является обеспечение социальной интеграции людей: формирование основ их устойчивого коллективного существования и деятельности по совместному удовлетворению интересов и потребностей, стимулирование повышения уровня их групповой консолидации и эффективности взаимодействия, накопление социального опыта по обеспечению социального воспроизводства коллективов как устойчивых сообществ⁵.

Так, формированию художественно-культурного ландшафта средневековых городов в контексте сопоставления средневековых мыслительных и духовных практик с религиозно-мировоззренческими моделями начала и конца XX века посвящено исследование российского ученой С.Климовой⁶.

По определению известного украинского культуролога В. Шейко, культура, и в частности музыкальная, - это не только производство вещей, произведений и идей в их оторванности от человека, но и производство самого человека во всем богатстве и разнообразии общественных связей и отношений, во всей целостности общественного бытия, поскольку процесс формирования человека включает в себя усвоение языка, приобщения к существующим в обществе ценностям, традициям, овладения присущими данной культуре приемами и навыками деятельности⁷.

Художественное сознание и восприятие, эстетическая оценка окружающей реальности – это естественные признаки способности и склонности конкретного человека к художественному творчеству, а осмысление предпочтения к конкретному виду искусства и достижения мастера в самовыражении требует длительного пути воспитания и приобретение профессиональных знаний, опыта, навыков работы с материалом, характерным в выбранном разном виде искусства.

На помощь в преодолении этого пути талантливым индивидом направлена деятельность различных социокультурных институтов (учебных и культурных учреждений и т.д.), которые не занимаются непосредственно созданием художественных ценностей. Однако, они способствуют этому процессу и поэтому относятся к сфере художественной культуры, ключевой задачей которой является выявление общих принципов и признаков художественного мировосприятия, раскрытие многогранных форм функционирования прекрасного, изучение важнейших граней эстетического творчества с целью формирования целостного, универсального мировоззрения. То есть, искусство охватывает все художественное творчество, являясь при этом только частью художественной культуры. Экстраполируя это толкование на термин «музыкальная культура» мы получаем возможность его определения как сферы функционирования человека, связанной с музыкой, «только тогда она может быть осознана во всей своей сложности и многогранности, когда понятна как факт культуры»⁸.

² Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: Учеб. пособие для студентов вузов. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Логос, 2000. - С. 312.

³ Гуревич А.Я. Категории Средневековой культуры/ 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. - С.143

⁴ Степанов С.Ю. Семиотика концептов// Семиотика: Антология. - М., Екатеринбург. 2001. - С.204

⁵ Культурология. XX век. Словарь / Гл.ред., составитель и автор проекта А. Я. Левитин. – Санкт-Петербург: Универсальная книга, 1997. – С.508-511.

⁶ Климова, С.М. "Текст" и "реальность": религиозные стратегемы философского мышления / С.М. Климова ; БелГУ // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философско-теологические науки. - 2006. - № 9(29), вып. 1. - С. 133-147

⁷ Шейко В.М. Культура. Цивілізація. Глобалізація (кінець XIX – початок XXI ст.): Моногр.: В 2 т. – Т. 1. – Х.: Основа, 2001. – 520 с.

⁸ Фарбштейн А. От составителя / А. Фарбштейн // Кризис буржуазной культуры и музыки : сб.ст. – Вып. 5. – Л. : Музыка, 1983. – С.10.

Мощным фактором в формировании музыкального пространства современных городов являются этно-ментальные характеристики города как национально-культурного образования. Именно менталитет как целостная совокупность мыслей, верований, мировоззренческих учреждений имеет определенную историческую и социальную устойчивость, глубоко связан с огромным жизненным опытом людей, их генетической памятью. Скрепляя единство культурной традиции, менталитет создает картину мира и отражается в национальном характере, традиционном быту и обычаях обустроить свою жизнь в условиях родного пространства, художественного творчества.

Актуализация ментального аспекта музыкального бытия современного города обусловлена тем, что для человека, который сам себя осознает и развивает, «культура – не какая-то часть ее жизни, а глобальная функция» (Э. Мунье), цель которой – «глубинное преобразование субъекта, и чем больше она апеллирует к его внутреннему миру, тем больше возможностей само-преобразования открывается перед ней»⁹.

Рационализированная современная цивилизация превращает человека и его творческую сущность в «элемент» сложной организационной системы. Именно в музыкально-художественной деятельности мир индивидуального и коллективного сознания, объединяемый этнической идентификацией, осваивается массовой культурой. Современный глобализированный мир стереотипизировал как морально-поведенческие аспекты, так и художественное сознание, убеждая человека в «простоте» бытия и ее ценностей.

Крупные города, особенно мегаполисы, подвержены наиболее сильному воздействию информационных потоков, именно они являются катализаторами этнических, культурных, художественных преобразований в обществе. Это актуализирует изучение влияния этнически разнородных культур на художественно-эстетические установки, потребности, предпочтения, обычаи, традиции городского населения, то есть на формирование единого пространства музыкальной рефлексии города.

Главной характеристикой этно-культурного, в частности музыкального, ландшафта города является общность людей, объединенных исторической памятью, культурой, традицией, искусством, определенными принципами жизнеустройства¹⁰. Этнические параметры музыкальной городской культуры проявляются в формах и способах индивидуально-личностного самовыражения и воспроизведения этно-культурных традиций, в многостороннем развитии свободной человеческой индивидуальности, в максимальном использовании человеком социальных и художественных возможностей¹¹. Индивидуальный стиль художественно-этнической самореализации непосредственно основан на выявлении и реализации национальной самобытности человека, его этничности, субъективных моментов мировосприятия в формате художественной рефлексии.

В основе индивидуальной духовности каждого человека лежит этнокультурное бытие многих представителей целого народа, этноса. Бытия этноса надо понимать как совокупность всех существующих связей, отношений, форм общения людей, в частности музыкального, происходящие в процессе освоения ими сферы национального – межнационального – общечеловеческого. В частности, российский исследователь Бабинцев В.П. указывает на особое влияние христианства на менталитет славянских народов: «Значение христианства определялось во многом тем, что православие давало широкий простор для построения компенсаторных культурных моделей как на уровне обывденного, так и элитарного сознания»¹²

Музыкально-художественно бытие города, выступает индикатором художественного сознания как специфического элемента в вертикальной структуре общественного сознания, элемента этнической культуры, является духовно-психологическим феноме-

⁹ Мунье Э. Персонализм [Текст] / Э. Мунье. - М.: Искусство, 1992. - С.103.

¹⁰ Сохор А. Вопросы социологии и эстетики музыки [Текст] / А.Сохор. - Л.: Советский композитор, 1980. Т.1. - С.54.

¹¹ Сміт Е. Національна ідентичність [Текст] / Е.Сміт: Пер. з англ. П.Тарашук. - Київ: Основи, 1994. - с.73.

¹² Бабинцев В.П. Менталитет русского этноса в системе национальной культуры / В.П. Бабинцев // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философско-теологические науки. - 2010. - № 8(79), вып. 12. - С. 133-147.

ном, совокупностью взглядов, представлений, оценок, чувств определенной национальной общности, этнической индивидуальности, произведенные в процессе их деятельности, межкультурных отношений. Следует отметить и специфический характер музыкально-художественной рефлексии, ее особую сложность, тонкость и многовекторность по сравнению с другими видами массового сознания, в частности сознания жителя мегаполиса или небольшого райцентра, вектор идентичности которых изменяются в процессе проживания в том или ином культурном поле.

С вопросом самоидентификации личности в музыкально-художественном пространстве города связана проблема так называемого «путешественника», который проходит этапы культурного самоопределения. Опыт основателя феноменологической социологии А. Шюца реализуется в теоретическом исследовании, посвященном чувством мигранта, который пытается войти в новую для него этнокультурную общность.

Динамичность информационного общества с большими миграционными потоками ведет к постоянному росту количества жителей мегаполиса. Новые жители большого города, особенно те, которые находились в моноэтнических среде, имеют множественную идентификацию и чувствуют себя вроде Шюцового «путешественника», то есть на границе знаков, символов, традиций.

Шюц оперирует не понятием «культура», а понятием «культурная модель групповой жизни», что является основой жизни мегаполиса, куда включает ценности, институты и системы ориентации (этнические, правовые, этические и эстетические).

Опыт и впечатления жизни, полученные в другой культуре, всегда сохраняют определенное значение в интерпретации событий. Поэтому проблема проникновения в другую культуру никогда полностью не разрешима – реальный мигрант Шюца не поднимается над культурами, а оказывается разорванным ними. По мнению исследователя, лишь небольшое число мигрантов могут получить выгоду из своей «поликультурности», преуспеть в новой культуре, тогда как большинство обречена всю жизнь чувствовать свою неполноценность¹³. Поликультурность и, обусловленная этим «полимузыкальность» является неотъемлемой характеристикой большого города, той детерминантой, которая задает условия формирования города как культурной общности.

Таким образом, музыкальная культура города является «плавильным котлом» (в терминах американской этнологии) для большого количества различных этнических, религиозных, социальных, этических, художественных устремлений жителя современного полиса.

Конечно, история любого города включает в себя длительный период, в течение которого он существует не только как материальный объект, а постоянно накапливает знаковые, символические значения различных планов, рождая свою уникальную систему ценностных приоритетов. Соотношение и взаимодействие сложившейся языка и текста, который формируется, и составляют собой картину музыкально-культурного пространства города. Ю.М. Лотман отмечает, что город-текст является причиной и творцом истории, мифологии, литературы, музыки и одновременно их следствием и творением¹⁴. Формирование определенной этно-музыкальной картины города путем создания культур-текстов творческой элитой есть не что иное, как превращение осознанных символических образцов, найденных в повседневной жизни всей этнокультурной общности. Таким образом, различные музыкальные стили становятся равноправными создателями написания городского этно-культурного текста.

В этом смысле, то, что традиционно считается единственным содержанием духовной жизни – идеи, концепции, теории – оказывается лишь видимой частью «айсберга» духовной жизни общества. «Образ мира, заданный языком, традицией, искусством, воспитанием, религиозными представлениями, всей общественной практикой людей, – устойчивое образование, меняется медленно, незаметно для тех, кому этот образ мира

¹³ Шюц, А. Структури життєвіту [Текст] / А. Шюц. – К.: Укр. центр духов. культури, 2004. – С.162.

¹⁴ Ученые записки Тартуского государственного университета. Семиотика города и городской культуры. [Текст]. - Петербург. Вып. 664. - Тарту, 1984. – С.3.

принадлежит»¹⁵. Конечно, большинство жителей мегаполиса являются потребителями интеллектуальной и культурной информации, которую создают и претворяют в жизнь создатели музыкального «продукта». И хотя, очевидно, что художественное сознание жителей города не может представлять собой единую субстанцию, определенная общность в восприятии «духа», «тональности» малой родины всегда присутствует.

На смыслообразующий аспект сознательной деятельности человека в формировании музыкальной палитры социальных пространств и общностей указывает и А.П. Заздравнов, акцентируя внимание на осознании системы художественной деятельности, включает главные сферы ее проявления: практику, общения, этнические принципы. Поскольку художественное сознание каждого из представителей определенной культуры функционирует в практической сфере, «в области общественно-исторической практики действует тенденция по приведению» к единому знаменателю «определенных целей деятельности и наработки общих идей», образуя этно-художественные основы определенного общественного объекта¹⁶.

Музыкальная культура современных городов как сфера художественных практик является одной из наиболее медиатизованных отраслей художественной деятельности. Музыка охватывает все сферы жизнедеятельности человека, формирует особую культурную, языковую и информационную среду, сопровождает современного человека почти непрерывно и это утверждение касается не только профессиональных музыкантов. Музыка звучит по радио и телеприемников, аудио и видео систем во время домашнего отдыха, нахождение человека в транспорте, торговых заведениях и т.п.. Современные технологии позволяют рядовому гражданину в любой момент и в любом месте, надев наушники, заглушить окружающие звуки музыкой. Желание слушать конкретного исполнителя или определенное музыкальное произведение удовлетворяется функционированием различных торговых точек, специализирующихся на записи музыки на аудио и видео носители. Сейчас эту процедуру может осуществить любой желающий благодаря сети Интернет.

Значение технических средств записи и передачи изображения и звука в современной жизни привело к формированию особой аудиовизуальной культуры, специфика которой состоит в высокой информационной емкости, легкости и убедительности образного восприятия, доминировании репродуктивных возможностей над продуктивными, скорости и широте трансляции и тиражирования¹⁷.

М. Каган отмечал, что со второй половины XX века, благодаря небывалому развитию техники, массовая культура получила возможность так влиять на художественную культуру, как не влияла в прошлом веке, когда она считалась антиподом искусства¹⁸. Основным признаком массовой культуры является направленность на удовлетворение нетребовательных интеллектуальных и эстетических запросов массового потребителя. Российский культуролог А. Якимович отмечал, что массовая культура уникальна как искусство манипуляции элементарными «человеческими» реакциями и импульсами («драйвами») масс людей, использующее лучшие достижения культуры (технологии и науки). Легкость восприятия, связь с современными формами досуга, жанровая специфика в сочетании с достижениями современных масс-медиа, обеспечивают быстрое распространение массовой музыкальной продукции по всему миру.

Российские ученые считают, что векторы распространения хитов массовой музыки отражают доминирующие социальные, религиозные, политические тенденции - расстановку сил на мировом рынке, поведение заказчиков и исполнителей культурных заказов, целевые инвестиции культурного капитала в страны третьего мира¹⁹. В.П.Римский ука-

¹⁵ Додонов, Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования [Текст] / Р.А. Додонов. - Запорожье: Тандем-У, 1998. - 87 с.

¹⁶ Заздравнов, А.П. Менталитет - мировоззрение - духовность [Текст] / А.П. Заздравнов // Новая парадигма: альманах научных трудов. - 2001. - Вып. 22. - С. 5-13.

¹⁷ Культурология. XX век. Словарь / Гл.ред., составитель и автор проекта А. Я. Левитин. - Санкт-Петербург: Универсальная книга, 1997. - С.56-58.

¹⁸ Каган М.С. Введение в историю мировой культуры / М. С. Каган. - Кн. 2. - СПб. : Петрополис, 2003. - С. 213-308.

¹⁹ С.И.Владимирова. Особенности коммуникационных процессов массовой музыкальной культуры: Дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 : Саратов, 2004 159 с. РГБ ОД, 61:04-22/425.

зывает, что массовая культура формирует современные стереотипы, специфические превращенные формы религиозности, что влияет на рождение новых музыкальных форматов²⁰.

Среди основных проявлений современной массовой культуры необходимо назвать индустрию развлекательного досуга²¹, где музыка играет одну из ведущих ролей. Например, к массовой культуре относятся как традиционные сценические жанры (оперетта, малые эстрадные формы), так и порождение XX века - мюзикл и рок-опера. Кроме того, музыка является неотъемлемой составляющей всех массовых постановочно-зрелищных мероприятий, которые ныне являются обязательным атрибутом официальных праздников, особенно в крупных городах.

Массовая музыкальная культура как органическая составляющая городской культуры рассчитана на усредненный уровень восприятия музыки, который стимулируется возможностями тиражирования продукции массового потребления с ее ориентацией на шаблон и клише.

Значительную роль в современной массовой культуре играет шоу-бизнес, в сферу заинтересованности которого входит и музыка. Влияние бизнеса на массовую музыку настоящего отмечала в своих исследованиях С. Иконникова, подчеркивая, что могущество капитала в этой отрасли настолько значительно, что именно он диктует моду на исполнителей, формирует вкусы молодежи, превращая ее увлечение в выгодный товар²².

Акцент в шоу-бизнесе делается не на качестве музыки или ее выполнении, а на визуальной составляющей сценической продукции, представленной слушателю-зрителю. Известный российский искусствовед А. Цукер так описывает специфику такой продукции: «На эстраде создаются эффектные шоу, песня появляется в интерьере многочисленных световых, цветных, сценических эффектов», ее сопровождают «экстравагантные танцы, причудливые костюмы, мерцание, вспышки, лазеры, дымы, голография»²³.

В этом контексте показательны многочисленные телевизионные шоу-проекты («Фабрика звезд» и др.), Цель которых заключается в выявлении победителей песенных, прежде всего, конкурсов. Поскольку дальнейшая популярность триумфаторов телешоу, в основном, непродолжительная (полгода-год), продюсеры шоу-программ экстренно осуществляют «раскрутку» таких «звезд», организуя гастрольные туры и тиражируя на многочисленных телеканалах видеопродукцию. Спецификой подобных шоу-проектов является то, что участвовать в кастинге может человек, который вообще неосведомлен в музыке.

Массовая музыкальная культура сформировалась в XX веке на фоне бытовой музыкальной культуры, которая традиционно существовала и развивалась в пределах городской традиции. Проблему актуализации массовой музыки как заметной составляющей культуры отмечал Б. Асафьев, подчеркивая в 1924 году, что «...на смену салона пришла улица современного города со всей его динамикой, но с кричащим плакатом и с «нюансами» грубой пошлости и пошлой грубости. Улица этим живет - живет бурно, страстно и напряженно. И вот - нравится это или не нравится пуританам вкуса и институтских добродетелей, наставникам чистой музыки и защитники салонной утонченности, - музыке, как стихийно потока, связанного с жизнью, к всего этого фотоаппарата дела, и она восприняла, как восприняла и поэзия, и живопись, все красивое и безобразное, чем живет современный город и современная толпа ...»²⁴.

Расширение в социально-художественном пространстве городов бытовой музыкальной культуры в XX веке привело к выделению ее в самостоятельный слой. Так, В. Конен назвала третьим слоем культуры после фольклора и композиторского творчества. Выдающийся русский музыковед очерчивала этот третий слой разновидностями бытовой

²⁰ Римская О.Н., Римский В.П., Современное мифосознание и субкультурные религии / О.Н. Римская О.Н., В.П. Римский // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. 2012. № 8 (127). Выпуск 20. - С.73.

²¹ Шейко В. М. Формування основ культурології в добу цивілізаційної глобалізації (друга половина XIX – початок XXI ст.) : моногр. / В. М. Шейко, Ю. П. Богущкий. – К. : Генеза, 2005. – С.129.

²² Иконникова С.Н. Диалог о культуре / С. Н. Иконникова. – Л. : Лениздат, 1987. – 116 с.

²³ Цукер А. Массовые музыкальные жанры в контексте культуры / А. Цукер // История соврем. отеч. музыки, 1960–1990. — Вып. 3. — М., 2001. — С. 456.

²⁴ Асафьев Б.В. О музыке XX века / Б. Асафьев. – Л. : Музыка, 1982. – С.156.

музыки: массовая, эстрадная и авторская песни, танцевальные жанры, частично джаз, рок-и поп-музыка²⁵.

Современные крупные города меняют значимость смещают и функции сакрально-духовного центра в направлении своеобразного пространственно-архитектурного образа, отвечающего вызовам техногенной цивилизации: удовлетворения растущих потребностей человека, все большего покорения природных явлений и процессов, рационального устройства общественного бытия, сокращения физических и моральных затрат жителей полисов на личностное самоопределение в новых культурных ландшафтах. В связи с этим, и музыкальная культура современных европейских городов предстает в новых, измененных реалиями форматах.

Подводя итог, необходимо отметить, что музыкальная культура современного города – это не просто часть городской культуры, это – особая ценностная система социально-художественных приоритетов, имеющая внутренние закономерности развития, выступающая как саморазвивающееся целое. Общая тональность музыкального пространства города (условно, по аналогии с бахтинским хронотопом, можно назвать его «фонотопом города» – звуко-пространство города) обусловлена художественно-эстетическим развитием его жителей, их изначально этно-национальными (влияние историко-генетических аспектов формирования городов), а затем уже образовательными, гендерными, материальными и другими установками.

Таким образом, с позиции аксиологического подхода музыкальная культура города может рассматриваться как локализованная хронотопом полиса единая, целостная, многоуровневая динамическая художественно-эстетическая структура, коррелирующая с системой ментально-муниципальных традиций по организации многообразных видов музыкально-художественной деятельности в системе социально-культурных коммуникаций.

Список литературы

1. Лотман Ю. М. О семиотическом механизме культуры / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Семиосфера / Ю. М. Лотман. – С.-Петербург : «Искусство – СПб», 2001. – 503с
2. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: Учеб. пособие для студентов вузов. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Логос, 2000. - 431 с.
3. Гуревич А.Я. Категории Средневековой культуры/ 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. - 350 с.
4. Степанов С.Ю. Семиотика концептов// Семиотика: Антология. - М., Екатеринбург. 2001.
5. Культурология. XX век. Словарь / Гл.ред., составитель и автор проекта А. Я. Левитин. – Санкт-Петербург: Универсальная книга, 1997. – 640 с.
6. Климова, С.М. "Текст" и "реальность": религиозные стратегемы философского мышления / С.М. Климова ; БелГУ // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философско-теологические науки. - 2006. - № 9(29), вып. 1.- С. 133-147.
7. Шейко В.М. Культура. Цивілізація. Глобалізація (кінець XIX – початок XXI ст.): Моногр.: В 2 т. – Т. 1. – Х.: Основа, 2001. – 520 с.
8. Фарбштейн А. От составителя / А. Фарбштейн // Кризис буржуазной культуры и музыки : сб.ст. – Вып. 5. – Л. : Музыка, 1983. – 216 с.
9. Мунье, Э.. Персонализм [Текст] / Э. Мунье. - М.: Искусство, 1992. - 143 с.
10. Сохор, А. Вопросы социологии и эстетики музыки [Текст] / А.Сохор. - Л.: Советский композитор, 1980. Т.1. - 377с.
11. Сміт, Е. Національна ідентичність [Текст] / Е.Сміт: Пер. з англ. П.Таращук. – Київ: Основи, 1994. – 224 с.
12. Бабинцев В.П. Менталитет русского этноса в системе национальной культуры/ В.П. Бабинцев // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философско-теологические науки. – 2010. - № 8(79), вып. 12.-С. 133-147.
13. Шюц, А. Структури життєсвіту [Текст] / А. Шюц. – К.: Укр. центр духов. культури, 2004. – 558 с.
14. Ученые записки Тартуского государственного университета. Семиотика города и городской культуры. [Текст]. - Петербург. Вып. 664. - Тарту, 1984. - 139 с.

²⁵ Конен В. Третий пласт: новые массовые жанры в музыке XX века / В. Конен. – М. : Музыка, 1994. – 157 с.

15. Додонов, Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования [Текст] / Р.А. Додонов. - Запорожье: Тандем-У, 1998. - 192 с.
16. Заздравнов, А.П. Менталитет - мировоззрение - духовность [Текст] / А.П. Заздравнов // Новая парадигма: альманах научных трудов. - 2001. - Вып. 22. - С. 5-13.
17. Культурология. XX век. Словарь / Гл.ред., составитель и автор проекта А. Я. Левитин. - Санкт-Петербург: Универсальная книга, 1997. - 640 с.
18. Каган М.С. Введение в историю мировой культуры / М. С. Каган. - Кн. 2. - СПб. : Петрополис, 2003. - С. 213-308.
19. С.И.Владимирова. Особенности коммуникационных процессов массовой музыкальной культуры : Дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 : Саратов, 2004 159 с. РГБ ОД, 61:04-22/425
20. Римская О.Н., Римский В.П., Современное мифосознание и субкультурные религии / О.Н.Римская О.Н., В.П.Римский // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. 2012. № 8 (127). Выпуск 20.
21. Шейко В. М. Формування основ культурології в добу цивілізаційної глобалізації (друга половина XIX – початок XXI ст.): моногр. / В. М. Шейко, Ю. П. Богуцький. – К. : Генеза, 2005. – 592 с.
22. Иконникова С.Н. Диалог о культуре / С. Н. Иконникова. – Л. : Лениздат, 1987. – 205 с.
23. Цукер А. Массовые музыкальные жанры в контексте культуры / А. Цукер // История соврем. отеч. музыки, 1960–1990. – Вып. 3. – М., 2001. – С. 453–514.
24. Асафьев Б.В. О музыке XX века / Б. Асафьев. – Л. : Музыка, 1982. – 200 с.
25. Конен В. Третий пласт: новые массовые жанры в музыке XX века / В. Конен. – М. : Музыка, 1994. – 157 с.

MUSICAL PRACTICE IN THE DISCOURSE OF MODERN URBAN CULTURE: VALUABLE ASPECT

A. PROKOFIEV

Kharkiv State Academy of Culture

e-mail: allpo7@rambler.ru

From the standpoint of contemporary socio-cultural approach, the paper considers the phenomenology of musical practices in the cultural space of the modern European city. It identifies major formats of music being the major policies, the specific correlation of artistic reflection in modern conditions and transformation of the system of value priorities of society and the individual.

Key words: musical culture, art and cultural space of the modern city, phenomenological approach.

УДК 101.1:16

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ**Е.В. РЕШЕТНИКОВА**

*Сибирский государственный
университет телекоммуникаций
и информатики
e-mail: helenareshetnikova@gmail.com*

В статье рассматривается понятие субъектности как семантической инновации постнеклассической науки, сопоставляются методологический и лингвистический контексты его употребления.

Ключевые слова: субъектность, постнеклассическая наука, язык науки, методология науки.

Изменчивость, нестабильность, существование как взаимодействие, инновационность, — становятся определяющими коннотациями постнеклассики. Инновационный характер современной науки реализуется в пространстве не ограниченном единой парадигмой. Сосуществование множества альтернативных форм, стратегий и путей развития вызывает потребность в их сопряжении, в научном диалоге, в системе общественных научных коммуникаций. «Коммуникации становятся онтологией науки и образования»²⁶. Возросший статус научной коммуникации обуславливает необходимость определения семантических предпочтений как возможности коммуникативного взаимодействия.

Языковые предпочтения ученых могут быть квалифицированы как семантические инновации, если под инновациями понимать открытие, происходящее на коллективном уровне и нацеленное на конечный практический результат, а под семантикой научного языка — часть методологии науки, нацеленной на анализ ее развития. Анализ понятий, претендующих на роль семантических инноваций, поможет глубже понять существо процессов, происходящих в науке и прогнозировать ее дальнейшее развитие.

Вопрос о возможности применения семантических понятий, ранее рассматриваемых исключительно в рамках наивной (обыденной) картины мира, в каких-либо областях интеллектуальной деятельности, находит все больше аргументов «за». Это и сближение науки с «повседневностью» через проникновение естественного языка в научный, через обостренное внимание к деталям и терминологическое разнообразие, и предпочтение более богатому и менее формализованному методологическому инструментарию, и активное применение семантических понятий в эмпирической области науки, в методологии науки. Кроме того, выявление структурированного набора семантических компонентов, образующих определение термина или понятия (компонентный анализ значения) и задающих условия его применимости, не выходит за пределы философской и логической традиции толкования значений слов, восходящей к античности (Аристотель), богато представленной в 17-18 веках (Локк, Лейбниц, Спиноза) и возрождающейся в наше время. Таким образом, с методологической точки зрения, анализ семантических инноваций языка науки представляется интересным и перспективным.

Коммуникативные проблемы чаще всего связаны с особенностями вербализации новых научных явлений. Используемые в научном коммуникативном пространстве понятия, как правило, являются переосмыслением в новом научном контексте старых терминов. Процесс переосмысления так или иначе затрагивает анализ фоновых характеристик термина: его нечеткости, прагматичности, динамичности, степени терминологичности и дефинированности.

Нечеткость понятия относительна и связана с принципиальной неполнотой любой дефиниции. Многообразие интегральных и дифференциальных признаков понятия отражает лишь определенный этап роста его информационной емкости, результаты пересечения соотносимых понятий и установления межтеоретических отношений в науке.

²⁶ Пустоварова А. О., Раитина М. Ю. Коммуникативные процессы в образовании и науке // Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.) М., 2005. — С. 536 – 537.

Прагматичность семантики понятия указывает на зависимость его содержания от практической деятельности, в которой оно используется, от намерений субъекта познания, а также показывает зависимость его содержания от парадигмальных установок в познании. Причем прагматический признак в одной познавательной ситуации может оказаться существенным и семантическим в другом познавательном контексте.

Динамичность семантики понятия отражает движение значения в диахронном (историческом) и синхронном (парадигмально обусловленном) аспектах.

Степень дефинированности понятия показывает: имеются ли в соответствующих словарных и текстовых источниках явные его дефиниции, в какой мере они являются дискуссионными, какие контексты его употребления свидетельствуют о подразумеваемой дефинированности его значения, а какие — о «вольном» обращении с данным словом.

Когнитивная насыщенность понятия объединяет такие его характеристики, как степень точности и полноты существующих дефиниций, область его применения, множество организуемых им понятийных связей, предпочтительность употребления терминов.

Таким образом, схема анализа будет представлять собой определение меры расплывчатости (неточности) понятия через экспликацию таких характеристик как: нечеткость, прагматичность, динамичность, степень дефинированности понятия, а также — его когнитивной насыщенности, как совокупности необходимых характеристик для определения места понятия в системе научного познания. Сопоставление подобных характеристик позволит выявить инновационную емкость понятий в условиях информационного обновления постнеклассической науки.

В постнеклассическом дискурсе возросла частотность употребления понятия субъектности. Сопоставление двух вариантов употребления понятий субъектности, отражающих диалектическую дихотомию «мышление - язык», позволит определить общие тенденции в организации смыслового поля постнеклассической науки, а также прогнозировать семантические инновации в его пределах.

Первый пример употребления понятия «субъектности 1» связан с формированием методологической культуры, в своей эволюции проходящей стадии построения систем координат, опосредующих процесс познания. Понятие субъектности рассматривается здесь как условие и результат этого процесса.

Мера расплывчатости этого понятия определена неполнотой его дефиниции, ее принципиальной открытостью. Нечеткость понятия «субъектности 1» связана с ростом его информационной емкости, обусловленным парадигмальными изменениями постнеклассической науки.

На этапе постнеклассики субъект познания начинает осознавать себя в качестве субъекта формирования теоретико-методологических систем координат, в рамках которых критерии научности, рациональности, адекватности исследовательской деятельности становятся содержанием методологической рефлексии²⁷.

Прагматичность семантики понятия «субъектности 1» показывает контекстуальную зависимость его содержания. Исследователь (исследовательское сообщество) осознает себя в качестве активно конструирующего субъекта познания, опосредующего познавательный процесс определенными методологическими структурами. Причем такой признак как активность выступал в качестве прагматического в неклассической и классической науке, а на этапе постнеклассики он становится существенным и семантическим. Это несомненно характеризует динамичность семантики понятия «субъектность 1».

Для определения степени дефинированности понятия «субъектность 1» возникла необходимость обращения к современным философским словарям и текстовым источникам. Явные дефиниции понятия субъектность в современных философских словарях отсутствуют. Представлены словарные статьи понятий «субъект и объект», «субъективный идеализм», «субъективный метод в социологии», где субъект понимается изолированно, в историческом развитии воспроизводящим закономерности предметной деятельности как подлинной основы своей активности, творческой деятельности²⁸. Сегодня под субъ-

²⁷ Медведев В. А. Субъектная составляющая теоретического познания: тенденции преобразования эпистемологической проблематики // Философия науки. — № 2 (41). — С. 3–15.

²⁸ Краткий философский словарь / Ред. Алексеев А. П. — Б. м.: Проспект, 2006. — Изд. 2-е. — 492 с.

ектом понимается активно действующий и познающий, обладающий сознанием и волей индивид или социальная группа²⁹. В современной философской литературе понятие субъектности встречается в ряду дискуссионных контекстов: субъектность и постнеклассика, субъектность и методология науки, субъектность и язык науки, — которые свидетельствуют о настойчивых попытках установления его дефиниции. Например: человек неизбежно становится субъектом, когда ему жизненно необходимо получить новое знание. Движение по неклассическому объекту возможно только путем моделирования специфического способа бытия этих объектов и соответствующего построения деятельности субъекта. Субъект разvertывается как динамическая форма, соответствующая характеру контакта с объектом³⁰.

Постнеклассическая наука акцентирует внимание на коммуникации, взаимодействии субъекта с объектом, процессуальности (смещение «точки» концептуализации от результата (знания) к процессу познания). Параметры субъектности во многом определяются конструктивистской методологической установкой: субъект познания — это субъект формирования знания, конструирования своей исследовательской позиции, обусловленной соответствующей теоретико-методологической системой координат. В этом смысле знание и познание является субъектно организованным, и проявляется в обусловленности научного факта теорией, теории — парадигмой, а научного знания как такового — широким социокультурным контекстом, мировоззрением, которое доминирует в определенном сообществе на конкретном этапе его развития³¹. Субъектность в данном случае есть *опосредствование* как условие расширения познавательного горизонта субъекта познания и эффективности научной коммуникации в целом. Принцип опосредованности познавательного процесса системой координат является связующим звеном между всеми составляющими познавательного отношения: субъект, знание, объект.

В условиях постоянного информационного обновления постнеклассической науки меняются и усложняются принципы и процессы научной коммуникации, становления и развития методологической культуры, кристаллизации навыков познающего субъекта. Умение перерабатывать новые знания, определенным образом встраивать их в процессы коммуникации, ориентироваться в разных информационных средах, формирует такой семантический компонент субъектности как *навигация*.

Методологический плюрализм постнеклассической науки, выступая предпосылкой обогащения методологической культуры мышления формирует в субъекте познания *креативность* как способность выделения и комбинирования различных концептуальных систем, опосредующих понимание одних и тех же явлений, процессов.

Свобода методологической рефлексии «внутри» исследовательского сообщества на этапе постнеклассики формирует такой семантический компонент субъектности как *агональность* — состязательность индивидуальных субъектов внутри коллективного субъекта, обусловленную теоретическим и методологическим плюрализмом.

Установление содержания понятия субъектности происходит в условиях пересечения с содержанием таких понятий как «субъект познания», «методологическая культура», «методологический плюрализм», «теоретико-методологическая система координат».

«Субъектность 1» рассматривается как семантическая инновация процесса теоретического познания постнеклассической науки. Наряду с такими характеристиками как непротиворечивость, строгость, формализованность, теоретическому познанию сопоставляются характеристики, привнесенные субъектом познания. Способность к навигации, конструированию, опосредствованию, креативности и агональности не противопоставляется результату теоретического познания, но позволяет рассматривать его процесс целостно, во взаимодействии всех его составляющих.

Таким образом, понятие «субъектность 1», раскрываемое в рамках методологического контекста постнеклассической науки обретает когнитивную насыщенность и инно-

²⁹ Современный философский словарь. — СПб.: Академический проект, 2004. - 864 с.

³⁰ Кемеров В. Е. Необходимость субъекта// Субъект, познание, деятельность//отв. ред. и сост. И. Т. Касавин. — М.: Канон+, 2002. — С. 405.

³¹ Черникова И. В. Современная наука и научное познание в зеркале философской рефлексии// Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. — 2004. — № 6. — С. 94.

вационную емкость посредством таких характеристик как: опосредствование, креативность, агональность, которые также инновационно маркированы.

Второй пример употребления понятия субъектности определяет ее как характерную черту языка науки и анализируется в контексте различных теорий значения, таких как семантико-прагматическая (М. Даммит), теория интенциональности (Дж. Серль). Контекстом употребления понятия «субъектность 2» является конкретное употребление языка, инициируемое состоянием убежденности, желательности, ощущения субъекта. Субъектность в данном контексте определена как волевая и интеллектуальная свобода субъекта в сфере реализации языка, в его различных аналитических и творческих операциях³².

Нечеткость понятия «субъектность 2» в данном случае заключается в отсутствии ограничения творческой активности субъекта необходимостью предметного соответствия, ответственностью за операцию обозначения.

Прагматичность понятия «субъектность 2» рассматривается в контексте эффективности научной коммуникации, либо «мощности интерпретации». Эффективность научной коммуникации основана на истинности высказываний и текстов, как степени соответствия языковых построений со стороны их содержания к познаваемому объекту. Мощностная интерпретация выступает как гносеологическая «надежда» в том случае, если истинностная характеристика новых высказываний и текстов не дана участникам коммуникации. Оба контекста прагматически (ценностно) нагружены, выбор и взаимодействие в языке науки разных знаково-лингвистических систем обусловлен семантизацией ценностей.

Динамичность семантики понятия «субъектность 2» показывает контекстуальную зависимость его содержания от парадигмальных установок в познании и их изменения. Так, бессубъектность в античности, в теориях XIX в. обусловлена противопоставлением субъекта и объекта и нашла воплощение в диалектических противоположностях субъективного и объективного в языке, языке и мышления. Сведение субъекта к Субъекту (божеству, Абсолюту) в Средние века или субъекта к объекту в Новое время, нивелировало эмоционально-чувственную сторону коммуникации, что не позволяло воспроизводить всю ее сложность и разнонаправленность как целостность рациональных и чувственно-образных компонентов. Субъектность постнеклассического этапа развития науки предполагает целостного субъекта, реализующего свою творческую активность в языке науки как исчислительность.

Оценка степени дефинированности понятия «субъектность 2» показывает его связь с понятиями «субъективность языка» и «субъектность языка». Язык субъективен в двух аспектах: онтологическом – как явление субъективной реальности, он произведен от субъекта, зависит от него, вне него не существует; гносеологическом – как средство номинации объективной реальности, он не вполне точно и всесторонне воспроизводит свой объект. В субъективности языка доминирует эмоционально-чувственный компонент. Субъектность языка проявляется в аксиологическом аспекте как оценка меры оправданной волевой и интеллектуальной свободы субъекта в сфере языка. В субъектности языка доминирует рационально-понятийный компонент. Субъективность и субъектность языка взаимосвязаны, однако субъектность языка представляет более высокий уровень актуализации языка. Выход на этот уровень позволяет анализировать процессы происхождения, развития и функционирования языка в их целостности, а также в различных сферах приложения языка, в том числе и в науке.

Когнитивная насыщенность термина «субъектность 2» объединяет такие его характеристики, как исчислительность, парадигмальность.

Соразмерность языка субъекта богатству мира осуществляется благодаря конструктивной роли субъекта в языке. Конструктивная роль субъекта реализуется в разных формах субъектности языка, таких как ментальность, вера, парадигмальность. Целостность языка предполагает их взаимодействие при доминировании отдельных форм в разных сферах приложения языка.

³² Мальчукова Н. В. Субъектность и исчислительность в языке. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. 259 с.

Формой субъектности в научном познании выступает парадигмальность, однако, ментальность и вера оказывают косвенное влияние на становление креативности научного языка.

Ментальность, являясь продуктом языкового взаимодействия, комбинирует архаичные эмоционально-чувственные элементы, традиции и обычаи, элементы философской и художественной культуры. Создаваемый этим синтезом семантический архетип оказывает специфическое влияние на членение явлений мира, видение причинно-следственных связей и пространственно-временных характеристик, оценку субъектом реалий окружающего мира и своих собственных возможностей, «каноны разговорной этики» и опосредованно – на структуру языка науки.

Вера как возможность получения нового знания, достройки старого, — это всегда некоторое знание, также выступающее в синтезе с этико-эстетическими компонентами, сопровождаемое и дополняемое эмоционально-волевыми переживаниями. Индивидуализированный характер личностной веры соотносен с общечеловеческими ценностями, что задает аксиологические параметры субъектности языка науки.

Парадигмальность осуществляет более точную «настройку» языков конкретных наук на познаваемый объект. Частично усваивая парадигматику естественного языка, язык науки в своей эволюции связан со сменой научных парадигм. Большая мощность и гибкость языка (его исчислительность, как совокупность правил употребления языка) позволяет наиболее полно воспроизводить реальность: чем более развитая теория, тем богаче ее структурная модель и язык описания. Структурно-номинативная реконструкция научного знания Бургина М. С. и Кузнецова В. И.³³, демонстрирует последовательность разворачивания субъектности языка как его парадигмальности. Поскольку любая теория не является одномоментно порожденной, а строится в процессе научного исследования, наращивая уровни, степень развитости, строгость и полноту, то изменению подлежат все уровни, структуры и языки теории. В общем виде структурно-номинативная модель теории может быть представлена следующей структурой³⁴.

1) логико-лингвистическая подсистема, включающая языковые и логические средства для описания и систематизации фактов.

2) модельно-репрезентативная подсистема, представляющая образ реальности в модели.

3) прагматико-процедурная подсистема, отражающая применяемые в практической деятельности методы, процедуры, разнообразные оценки для определения направления развития и выделения целей. Она включает операциональную и аксиологическую части.

4) проблемно-эвристическая подсистема, используемая для выражения предсказаний, выдвижения гипотез. Она содержит проблемную и эвристическую части.

5) подсистема связей.

Язык в этой структуре рассматривается как необходимая форма существования теории. Естественный или реконструированный в один из искусственных (формализованных) языков с выделенной логической структурой (например, субъектно-предикатной), он передает информацию о предметной области теории, о тех ее объектах, явлениях, процессах, свойствах, отношениях и закономерности которых теория призвана изучать. Ассерторический язык используется для формулирования утверждений теории, с помощью различных модельных языков описываются многочисленные модели управления, процедурные языки позволяют осуществлять операции устранения погрешностей. Важную роль играют аксиологические языки, с помощью которых формулируются различного рода оценки³⁵.

³³ Бургин М. С., Кузнецов В. И. Аксиологические аспекты научных теорий / АН УССР. Ин-т философии, отв.ред. П.Ф. Йолон. — Киев: Наукова думка, 1991. — 184 с.

³⁴ Бургин М. С., Кузнецов В. И. Системные реконструкции научных теорий и теория именованных множеств // Теория, методология и практика системных исследований. — М.: Наука, 1984. — С. 129–132.

³⁵ Бургин М. С., Кузнецов В. И. Аксиологические аспекты научных теорий / АН УССР. Ин-т философии, отв.ред. П.Ф. Йолон. — Киев: Наукова думка, 1991. — С. 54.

Исторической аналогией логико-лингвистической подсистемы является стандартный (пропозициональный) подход (Г. Рейхенбах, М. Шлик, Р. Карнап, К. Гемпель, А. Тарский, К. Гедель), который под научной теорией понимает дедуктивную часть логико-лингвистической подсистемы теории, дополненную некоторыми элементами модельно-репрезентативной и прагматико-процедурной подсистем. Все варианты стандартных реконструкций систем знания объединяет использование формализованных языков. Их малая мощность критикуется в работе «Структуралистский подход к теории» Штегмюллера В.³⁶, где констатируется, что реальные физические теории не могут быть описаны только формализованными языками, учитывающими только синтаксис теории, что даёт их неполную, примитивную картину и исключает возможность рассматривать динамику науки.

Таким образом, стандартная реконструкция ограничивается строгим описанием лишь некоторых элементов и структур логико-лингвистической подсистемы знания³⁷ и содержит недостаточные языковые средства для адекватного представления теории и механизмов ее развития.

Исторической альтернативой стандартному подходу стал структуралистский подход, который является аналогом модельно-репрезентативной подсистемы структурно-номинативной реконструкции. Его значение в модели развития науки определяется как новый структурный уровень, теоретически более содержательный, с более мощным и гибким языком науки, позволяющим описывать ее динамику.

Структуралистский подход, используя в качестве математических средств неформальные теории множеств, вводит и исследует ряд специальных теоретико-множественных структур: ядро, теория-элемент, теория-сеть³⁸. Системная организация концептуальных моделей теории выражает не дедуктивные, а репрезентативные свойства систем знания.

Богатство языка науки позволяет включить в описание теории не только синтаксис и семантику, но и ее прагматику: через структуры, учитывающие научные сообщества (SC), моменты времени (h), схватывающие уровень развития системы знания.

Штегмюллер В. видит взаимосвязь стандартного и структуралистского (нестандартного) подходов в средствах выражения: «имеется не конфликт, а различие между структуралистским и стандартным подходами, которое выражается в том, что структуралистский подход более богат в средствах выражения, чем стандартный подход»³⁹.

Современная методология науки отмечает, что без учета аксиологических компонентов науки нельзя получить достаточно полную и адекватную ее картину. Ценностные установки ученых определяют формы, способы, границы и весь ракурс видения объекта исследования, задают многообразие средств и методов исследования, из которых ученый выбирает нужное ему в каждом конкретном случае. Это либо отбор определенных проблем из числа имеющихся, либо выбор средств их решения и репрезентации результатов исследования, – причем оценка на предпочтительность определяется не только субъективными качествами ученого (интуицией, умом, талантом, объемом и качеством используемой информации), но и умением представить научную информацию в конкурентоспособном виде, что обусловлено субъектностью языка.

Сложность реальных систем научного знания, их динамичность в полной мере отражена в структурно-номинативной реконструкции научной теории Бургина М. С. и Кузнецова В. И. Эволюция субъектности языка продемонстрирована посредством усложнения и настройки исчислительности языка. Исчислительность, как процесс преобразования и получения информации, обеспечивает субъектности очень гибкое, вариативное индивидуальное и коллективное поведение, кооперацию различных языково-кодовых образований в научном познании.

³⁶ Stegmüller, W., *The Structuralist View of Theories*, Berlin- Heidelberg- New York 1979.

³⁷ Кузнецов В. И. Реконструктивный подход в методологии науки /Философия науки. Новосибирск, № 2 (21) 2004. - С. 18-31.

³⁸ Balzer W., Moulines C.U., Sneed J.D. *An architectonic for science: The structuralist program*. – Dordrecht: Reidel, 1987.

³⁹ Stegmüller, W., *The Structuralist View of Theories*, Berlin- Heidelberg- New York 1979, pp 48.

Таким образом, когнитивная насыщенность и инновационная емкость понятия «субъектность 2» проясняется в контексте языка науки. Субъектность языка выступает как результат творческой активности субъекта. Креативность языка становится условием и средством конструирования субъекта познания.

«Субъектность 1» и «субъектность 2», являясь семантическими инновациями постнеклассической науки, отвечают потребности упорядочивания, конструирования и осмысленного взаимодействия с реальностью через организацию научной коммуникации. Такие семантические предпочтения обусловлены характером изменения условий функционирования постнеклассической науки. Организация смыслового поля постнеклассики невозможна без активного участия субъекта познания. Связь таких семантических инноваций как «субъектность 1» и «субъектность 2» позволяет констатировать целостность субъекта и организуемых им процессов как когнитивного, так и лингвистического характера.

«Субъектность 1» как обогащение методологической культуры и «субъектность 2» как обогащение языка науки, образуют смысловое поле постнеклассики и позволяют прогнозировать семантические инновации в его пределах, связанные с определением инновационной емкости понятий опосредствования, креативности и агональности.

Список литературы

1. Пустоварова А. О., Раитина М. Ю. Коммуникативные процессы в образовании и науке / А. О. Пустоварова, М. Ю. Раитина // Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.). – 2005. – С. 536 – 537.
2. Медведев В. А. Субъектная составляющая теоретического познания: тенденции преобразования эпистемологической проблематики / В. А. Медведев // Философия науки. – 2009. – № 2 (41). – С. 3 – 15.
3. Кемеров В. Е. Необходимость субъекта // Субъект, познание, деятельность // отв. ред. и сост. И. Т. Касавин. – М.: Канон+, 2002. – С. 405.
4. Черникова И. В. Современная наука и научное познание в зеркале философской рефлексии / Черникова И. В. // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. – 2004. – № 6. – С. 94.
5. Мальчукова Н. В. Субъектность и исчислительность в языке. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. – 259 с.
6. Бургин М. С., Кузнецов В. И. Аксиологические аспекты научных теорий. – Киев: Наукова думка, 1991. – 184 с.
7. Бургин М. С., Кузнецов В. И. Системные реконструкции научных теорий и теория имеванных множеств // Теория, методология и практика системных исследований. – М.: Наука, 1984. – С. 129–132.
8. Бургин М. С., Кузнецов В. И. Аксиологические аспекты научных теорий. – Киев: Наукова думка, 1991. – С. 54.
9. Stegmüller, W., *The Structuralist View of Theories*, Berlin- Heidelberg- New York 1979.
10. Кузнецов В. И. Реконструктивный подход в методологии науки / В. И. Кузнецов // Философия науки. – 2004. – № 2 (21). – С. 18–31.
11. Balzer W., Moulines C.U., Sneed J.D. *An architectonic for science: The structuralist program*. – Dordrecht: Reidel, 1987. – 279 p.
12. Stegmüller, W., *The Structuralist View of Theories*. – Berlin- Heidelberg- New York, 1979. – pp. 48.

SEMANTIC INNOVATION OF A POST-NONCLASSICAL SCIENCE

E.V. RESHETNIKOVA

*Siberian state University
of telecommunications
and computer science*

e-mail:

helena.reshetnikova@gmail.com

The article considers the concept subjecting as semantic innovation of a post-nonclassical science. It compares methodological and linguistic contexts of its use.

Key words: subjecting, post-nonclassical science, science language, science methodology.

УДК –130.2

«СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРЕЛОМЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ Л. Н. ТОЛСТОГО: ОТ РАΝНИХ ДНЕВНИКОВ К ПЕРВЫМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ОПЫТАМ»

И. Ф. САЛМАНОВА*Белгородский государственный
институт искусств и культуры**e-mail SalmanovaIF@yandex.ru*

Целью статьи является выявление диалогической природы творческого мышления Толстого - основой целостности его жизни и творчества. Материалом сопоставительного анализа стали ранние дневники и первые литературные произведения Толстого.

Ключевые слова: время, пространство, самопознание, раздвоенность, творческое мышление, хронотоп, дневниковое письмо, диалогичность, целостность, жизнетворчество.

Обостренное чувство пространства и времени стали тем «подвижным основанием», которое сформировало в Л. Н. Толстом не только «гения жизни», но и «гения творчества». Природа творческого мышления Толстого четко проявляется при сопоставлении его ранних дневников, фиксирующих процесс самоопределения в реальном пространстве и времени и его первых литературных опытов – «История вчерашнего дня», трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность», – в которых самопознание продолжается в параметрах художественного хронотопа. В статье обосновывается связь между действительным, биографическим бытием Толстого и внутрилитературным, пространственно-временным континуумом, определяющую его жизнетворческую целостность, а также выявляются «механизмы» этой взаимосвязи.

Время и пространство понимаются нами, прежде всего, как социокультурный компонент, как индивидуальной, так и общечеловеческой, жизни. С этой точки зрения пространство включается не только в область объективного познания, но в сферу эмоциональных, внутренних оценок и рассуждений, в область самопознания. Равно как и время, которое не сводимо лишь к физической длительности существования и последовательности смены состояний, а представляет собой особый способ проживания и переживания человеком мира. И в этом смысле оно имеет отношение не только к временной (физической) длительности, но и представляет собой время «человеческого становления» и восхождения к истинным ценностям и целям человеческого существования. Мы попытаемся сопоставить реальное время, в данном случае время существования и самоосуществления Толстого в мире, отраженное, зафиксированное им самим в дневниках, и время внутрилитературное. Более того, мы рассмотрим характер сцеплений между реальным и художественным временем как основу толстовского жизнетворческого цикла.

Л. Н. Толстой обладал феноменальным чувством времени, его необратимости, текучести, инерционности, бесконечности. Известно, что он был склонен делить собственное биографическое время на семилетия (их насчитывается двенадцать), периоды (Толстой выделяет четыре периода собственной жизни) и, наконец, фазисы (их три). Осознавая себя ежедневно, ежечасно, ежеминутно в своих дневниковых записях Толстой открывал область «философии повседневной жизни»¹. Чувство времени предельно обостряет, актуализирует главный для Толстого вопрос – «Что я такое? Кто я? Зачем и с какой целью я живу?». С определённого момента молодой Толстой оказывается за пределами стабильного, кажущегося незыблемым мира – Ясной Поляны. Он лишен полноценной семьи, постоянной поддержки и опеки со стороны близких, словом, он одинок и предостав-

* Статья подготовлена в рамках реализации мероприятия 1.5 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., госконтракт №14.А18.21.0268.

¹ Паперно И. «Если можно было рассказать себя...»: Дневники Л. Н. Толстого // Новое литературное обозрение. - 2003. - №(61)3. - С. 297.

лен самому себе. Его подхватывает поток времени, перемещая то в пространство Кавказа, Крыма, войны, затем в мирное пространство – Петербурга, Тулы, Москвы, Европы, затем снова и надолго в Ясную Поляну. Толстой движется в этом потоке времени скорее инерционно, отдаваясь вполне навязываемым извне формам жизни, неким неписанным правилами и «пускается во все тяжкие». Однако бездомность, неопределенность чужды Толстому. Он по своей сути не путешественник, не искатель приключений, не вечный скиталец. Почти сразу молодой офицер внутренне сопротивляется этому инерционному бегу. Почти сразу начинается мучительный процесс самособирания, самоорганизации, сосредоточенного всматривания в самого себя, поиск «точки, с которой видишь себя», и неистребимое желание создать свой пространственно-временной континуум. Ранние дневники Толстого являются уникальным документом, жизненной хроникой, запечатлевшей как свободно-несвободное «плавание» Толстого во времени, так и сопротивление ему. Дневник поначалу – единственная форма самосохранения, самосознания, естественный способ фиксации своего существования во времени и одновременно «противостояние дионисийности авось-бытия», «эффективная технология себя»². По мнению Б. М. Эйхенбаума, дневники молодости открывают нам зарождающееся творчество, намечают его тип³.

Ранние дневники Толстого важны как автосвидетельство раздвоенности его сознания. Есть два человека: один – неопределившийся, колеблющийся, грешный, отдающийся плотским страстям, самоутверждающийся в ближайшем окружении и примеривающий на себя разные социальные роли. В дневнике фиксируются с предельной открытостью и в мельчайших подробностях «животное существование», спровоцированное инерционным восприятием времени. Другой – активно формирующееся, разумное, духовное существо, которое борется с собственными пороками, преодолевает страсти, определяет их, классифицирует и составляет бесконечные правила собственного исправления, требует от себя их неукоснительного исполнения. «Ежели пройдет 3 дня, во время которых я ничего не сделаю для пользы людей, я убью себя»⁴. Чуть позже Толстой записывает: «Смешно, 15-ти лет начавши писать правила, около 30 все еще делать их, не поверив и не последовав ни одному, а все почему-то верится и хочется» (47, 45). В этой же дневниковой записи фиксируется очередная, как бы выпрыгивающая из потока времени, классификация правил: «Правила должны быть моральные и практические. Вот практическое, без которого не может быть счастья, умеренность и приобретение. – *Деньги*». И здесь же о себе: «...бесхарактерен был два раза в прижигании лаписом и в том, что ел вишни» (47, 45-46). Правила исправления соседствуют в дневниках с правилами карточной игры; разговор о божественном сосуществовании с «ковырянием носа» и беганием за девками; молитвы с практическими выкладками; чтение серьезных литературных текстов с карьерными амбициями; поэтические зарисовки с поеданием борща. Почти каждая из толстовских дневниковых записей поражает спонтанным соединением фиксируемых естественных, физиологических ощущений и отправления и бесконечных конкретных наблюдений, характеристик, самооценок и самоназиданий, исповедальных самобичеваний, молитв, наконец, мыслей обобщающего характера. Дневниковый текст подобен потоку сознания, наполняемому впечатлениями текучего времени. Структурирует его, пожалуй, два момента: внешний - хронологический и внутренний – устремленный к самосовершенствованию. «И я, и дневник мой становимся слишком глупы», - записывает Толстой 5 сентября 1854 года. И тут же: «Важнее всего для меня исправление от раздражительности, лени и бесхарактерности» (47, 25). Все истины кажутся Толстому парадоксами, прямые доводы разума ошибочными, а нелепые выводы опыта – безошибочными. Разноголосое, хаотичное, подчас абсурдное экзистенциальное дневниковое письмо Тол-

² Пигров К. С. Скриптитизация авось-бытия, или Апология интимного дневника // Философские науки. - 2008. - №8. - С. 99.

³ О влиянии ранних дневников на художественное творчество Л. Н. Толстого см.: Эйхенбаум Б. М. Молодой Толстой // Эйхенбаум Б. М. Работы о Льве Толстом: исследования. Статьи. - СПб., 2009. - С.73-118.

⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., Л. 1928-1958. Т. 47. С. 4. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием в круглых скобках тома и страницы.

стого, воспроизводящее раздвоенность его сознания, позволяет, между тем, говорить о «диалогической схеме» его творческого мышления.

«Каждый человек, в той мере, в какой он мыслит творчески, осуществляет свое мышление во внутреннем, мысленном диалоге с самим собой; и этот мысленный диалог протекает как столкновение радикально различных логик мышления»⁵. В контексте этого рассуждения В. С. Библера Толстой уже в своих ранних дневниках предстает как уникальный субъект мышления, способный парадоксально соединять и сталкивать себя с собой, свое умозрение со своим опытом. В дневниковом пространстве «мышление и бытие», пусть неявно, выступают в качестве двух «субъектов диалога» – в качестве «я» и «ты». «Я», утопая во временном потоке непосредственных ощущений и впечатлений, сталкивается с «ты», в котором превалирует самоанализ, нравственная регламентация и моральный долг. Уникальность Толстого заключается в том, что проживаемая и переживаемая им собственная жизнь в полноте противоречивых впечатлений, непредсказуемости и нелогичности становится объектом его же осмысления, проектирования и логического выстраивания. Эту способность превращать свой собственный жизненный опыт в предмет творческого осмысления замечает В. В. Розанов. Рассуждая о личности Толстого, о самых разнообразных сферах его деятельности, Розанов замечает «Но где бы он ни был и кто бы, т.е. в каком положении, ни был, он совмещал в себе действующего и наблюдателя; и действуя – он страстно отдавался своему положению, но, кажется еще страстнее наблюдал себя в нем, размышлял об этой самой среде своего действия»⁶. Совмещение и одновременное расщепление между действующим (жизненный опыт) и наблюдением, анализом действия (умозрение) – суть основополагающая оппозиция внутреннего толстовского диалога, ставшего началом его формирования как творца, художника. Уже в ранних дневниках безусловно выделяются две стихии творческого сознания Толстого – опыт и «дума», всеобъемлющая мысль, которая не мешает «варьировать опыт».

Толстой-художник безусловно вырастает из дневникового письма, из текста, обращенного к самому себе, из диалога с самим собой. Однако, как это ни парадоксально, но именно реальное время, для которого «открыт» дневник и которое неумолимо «тащит» за собой, не позволяет Толстому до конца понять самого себя; ему не хватает взгляда на себя со стороны. Повесть «Детство» – это, по сути, поиск себя во времени, но не в реальном, а в литературном. Восстановление собственной целостности стало возможным не в настоящем, а через обращение к прошлому. В прошлом ищется некая идеальная точка отчета, некое первовремя и первопространство, в котором царит гармония существования: это «счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства», «тот чудный, в особенности в сравнении с последующим, невинный, радостный, поэтический период детства до четырнадцати лет»⁷. Литературное возвращение в детство – это попытка реконструировать потерянный «рай», ассоциируемый с родовым гнездом, с родителями, которые живы, с детскими играми, с мечтой о «зеленой палочке». В дальнейшем, уже не в литературном, а в реальном пространстве Ясной Поляны Толстой попытается вновь создать или воссоздать этот «рай».

Начав внутрилитературный отсчет времени, Толстой почувствовал себя всемогущим. Теперь он, автор, мог «играть» со временем, свободно перемещаясь в нем. Внедрение голоса повествователя, анализирующего «я» во временную цепочку прошлого не кажется неестественным, несмотря на стилистические несовпадения, бросающиеся в глаза читателю.

Читатель «Детства», по мнению А. В. Чичерина, сразу сталкивается с тем, что «воспроизведение интонаций ребенка, осознанной взрослым писателем, сменяется размышлением взрослого в чистом его виде»⁸. К примеру, в высшей степени выразительный образ отца значительно ослаблен сухой и взрослой характеристикой в главе «Что за че-

⁵ Библер В. С. Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). - М., 1975. - С. 44.

⁶ Розанов В. В. О писательстве и писателях. - М., 1995. - С. 30.

⁷ Толстой Л. Н. Собрание сочинений. В 22-х томах. Т. I. - М., 1978. - С. 52, 54.

⁸ Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля. Повествовательная проза и лирика. - М., 1977. - С. 231.

ловек был мой отец?». В обобщающей характеристике, данной взрослым повествователем, действительно «совершенно отстраняется Николенька, который не мог так высокомерно думать о своем отце»⁹. В нашем читательском сознании вольно или невольно происходит расслоение текста на разные повествовательные и временные срезы; мы неизменно ловим себя на том, что, с одной стороны, полностью погружаемся в эпоху детства, воспроизводимого живущим внутри этого мира десятилетним мальчиком, с другой – вынуждены переключаться на общие, сухие высказывания, характеристики, размышления, принадлежащие взрослому Николаю Иртеневу.

Между тем, сам Толстой повествовательную модель, найденную в детстве, никогда не подвергал сомнению. В записной книжке 1857 года он отмечает: «Моя старая метода писания, когда я писал «Детство» – лучшая, надо каждое поэтическое чувство эпюизировать, в лиризме-ли, в сцене-ли, в изображении-ли лица, характера или природы. План второстепенное дело, т.е. подробности плана» (47, 203). Действительно, в повести отсутствует сюжет, нет фабульной основы, но есть, как отмечает Б. М. Эйхенбаум, эпюизация, или исчерпывание отдельных сцен, характеров, ситуаций, образующих целую систему тонких и интересных завязок и сцеплений. Одновременно есть размышляющий голос взрослого, варьирующий свой жизненный опыт, вспоминающего свое детство.

Чтобы объяснить новаторский характер повести, этого своеобразного литературно-психологического эксперимента, спровоцированного желанием ответить самому себе на ряд вопросов, касающихся изменчивости своего собственного «я», необходимо вернуться к диалогической оппозиции «я» – «ты», возникшей в дневниках и ярко проявленной в первом литературном опыте Толстого, в «Истории вчерашнего дня».

Процесс внутреннего раздвоения точно воспроизводится в «Истории вчерашнего дня» – первой художественной попытке взглянуть на себя со стороны и проанализировать собственную деятельность уже в литературном пространстве и времени. Однако в «Истории» диалогическая оппозиция «я» – «ты» пока не выходит за пределы единого авторского кругозора. «Ты», к которому обращается автор в поисках цели жизни – это пока лишь его литературное alter ego; автобиографизм очерка безусловен. В главе «Дома» читаем: «Я обыкновенно вечером пишу дневник, франклиновский журнал и ежедневные счета... Мне часто случалось слышать слова: «пустой человек, живет без цели»; и сам даже я это часто говорил и говорю, не от того, чтобы я повторял чужие слова, но я чувствую в душе, что это нехорошо и что нужно иметь в жизни цель... Но как же это сделать, чтобы быть «полным человеком и жить с целью»? Задать себе цель никак нельзя. Это я пробовал сколько раз, и не выходило. Надо не выдумывать ее, но найти такую, которая бы была сообразна к наклонностям человека, которая бы и прежде существовала, но которую я только бы сознал»¹⁰. Этот текст по сути воспроизводит дневниковые записи Толстого начала 1850-х годов. Герой «Истории» убежден, что такого рода цель он нашел и уверен что она «во всестороннем образовании и развитии всех способностей». Главным «сознанным средством к достижению» являются для автора и его литературного двойника дневник и франклиновский журнал. «В дневнике я каждый день исповедаюсь во всем, что я сделал дурно. В журнале у меня по графам расписаны слабости – лень, ложь, обжорство, нерешительность, желание себя выказать, сладострастие, мало fierte и т.д. все вот такие мелкие страстишки: в этот журнал из дневника выношу свои преступления крестиками по графам»¹¹. Но уже в следующем абзаце высказывается сомнение в универсализме дневникового планирования и исповедально-аналитической форме самопознания. Здесь появляется «второе лицо» автобиографического героя, его сомневающееся и самокритичное «ты». «Я стал раздеваться и думал: «Где же тут всестороннее образование и развитие способностей, добродетели, а разве этим путем дойдешь ты до добродетели? Куда поведет тебя этот журнал, который служит тебе только указателем слабостей, которым конца нет, которые всякий день прибавляются и которыми, ежели бы ты даже уничтожил их, не достигнул бы добродетели? Ты только обманываешь себя и играешь этим, как дитя

⁹ Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля. Повествовательная проза и лирика. - М., 1977. - С.231.

¹⁰ Толстой Л. Н. Собрание сочинений. В 22-х томах. Т. I. - М., 1978. - С. 354-355.

¹¹ Там же. - С.355.

игрушкой. Разве достаточно какому-нибудь художнику знать те вещи, которых не нужно делать, чтобы быть художником?... Это говорила частица ума, которая занимается критикой»¹² (курсив мой – И. С.). Далее повествование вновь благополучно входит в дневниково-исповедальное русло; афористичность излагаемых мыслей свидетельствует и о другом диалогическом срезе молодого Толстого, читателя Руссо, Стерна, Вейса. Однако «вторая частица» ума уже убеждена, что «для упражнения в добродетели не нужно упражнений – упражнения: жизнь»¹³. Этот отрывок показателен не только тем, что воспроизводит процесс расщепления сознания на две противоречиво взаимосвязанные тенденции – аналитическую (самокритика) и практическую (жизнь). Для нас важен момент автополемики, закрепляющий диалогическую оппозицию «я» – «ты». Именно эта оппозиция способствует образованию внутрилитературной личности толстовского концептированного автора, к окончательному превращению Толстого, пишущего дневник и составляющего франклиновский журнал, в писателя.

Оппозиция «я» – «ты» преобразуется в трилогии в иную диалогическую связку – «я» – «я». Второе «я» в этой оппозиции уже не «вторая частица» ума, не литературный двойник, а предмет художественного осмысления, художественный образ, имеющий свой кругозор, свое внутрилитературное пространство и время, свое независимое от автора бытие, которое нельзя переиначить, поправить. Этому «я» присуща та самая целостность, которая потеряна взрослым Иртеньевым. В повести «Детство» образуется иное, дистанцированное диалогическое пространство, в котором лишь умозрительно, в памяти, оба «я» существуют в отдельных временах. Основная диалогическая оппозиция – «я» взрослого и «я» десятилетнего мальчика – порождает цепочку последующих: «я» взрослого и «я» отрока, «я» взрослого и «я» юноши. Каждое «я» составляет отдельную эпоху в едином развитии человеческой личности.

По сути, возникает уникальная система оппозиций нескольких субъектов речи, субъектов сознания, нескольких эпох в пределах одного «я», т.к. ребенок, отрок, юноша и взрослый повествователь – одно и то же лицо. Иначе говоря, выделив из своей мыслительной деятельности разные ипостаси своего собственного «я», превратив их в самостоятельные художественные образы, Толстой, с одной стороны, видит в них объекты художественного изображения, с другой – независимо существующих уже в литературном времени и пространстве субъектов сознания и речи. В принципе, рождается тот самый толстовский автор-демиург, автор-монологист и одновременно автор, способный изображать абсолютную независимость существования героев, живущих в другом хронотопе. Автор-повествователь лишь умозрительно присутствует в каждой из эпох, но не тождественен каждой из них, не тождественен самому себе – мальчику, отроку, юноше. Вот это единое диалогическое поле, или система диалогических оппозиций, создает универсальную основу сочетания несочетаемого в толстовском тексте: это и монолог о самом себе, и одновременно диалог с собственными, художественно обособившимися сущностями. Между ними образуется пласт не собственно прямой речи, расслаивающий сознание на «я» и «ты», но существует более сложная, дистанцированная оппозиция «я» – «я». Умозрительная «камера», возвращаясь вспять, оглядываясь в прошлое, максимально приближается к объекту (крупный план), однако останавливается на границе, когда «я» – мальчика, отрока, юноши становится самостоятельным, художественно целостным. В этой ситуации описать это «я» невозможно, но возможно погрузиться в себя «другого».

Таким образом, ранние дневники, «История одного дня» и трилогия составляют единый жизнетворческий цикл. Художественное творчество в этом цикле стало средством собирания самого себя, преодолением раздвоенности. Однако «побег» в литературное пространство и время не спасает самого Толстого, он вновь и вновь возвращается в лоно дневника, в реальную жизнь и именно здесь пытается обрести личностную целостность.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. - М., 1975.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 4-е. - М., 1979.

¹² Толстой Л. Н. Собрание сочинений. В 22-х томах. Т. I. - М., 1978. - С. 355.

¹³ Там же - С. 355.

3. Библер В. С. Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). - М., 1975.
4. Паперно И. «Если можно было рассказать себя...»: Дневники Л. Н. Толстого// Новое литературное обозрение. - 2003. - №(61)3.- С.295-305.
5. Пигров К. С. Скриптизация авось-бытия, или Апология интимного дневника//Философские науки. - 2008. - №8. – С.98-107.
6. Розанов В. В. О писательстве и писателях. - М., 1995.
7. Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты - М., 2000
8. Сливицкая О. «Истина в движении»: О человеке в мире Л. Толстого. - СПб., 2009
9. Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля. Повествовательная проза и лирика. М., 1977.
10. Эйхенбаум Б. М. Работы о Льве Толстом: исследования. Статьи. СПб., 2009.

PECULIARITIES OF ARTISTIC TRANSFORMATION OF TIME AND SPACE IN THE CREATIVE MIND OF LEV TOLSTOY: FROM THE EARLY DIARIES TO THE FIRST LITERARY EXPERIMENTS

I.F. SALMANOVA

*Belgorod State Institute of Arts
and Culture*

e-mail SalmanovaIF@yandex.ru

The aim of the article is to reveal the dialogical nature of Tolstoy's creative thought, as a foundation of his whole life and works. His early diaries and first literary experiences serve as a material of comparative analysis.

Key words: time, space, self-cognition, dualism, creative thinking, chronotopos, diary writing, dialogue, wholeness

УДК 167.2, 168.53

ЯЗЫК И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ: ПРАКТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ***О.С. ХРЯПЧЕНКОВА**

НГЛУ им. Н.А. Добролюбова

e-mail: olga_xr@mail.ru

Данная статья представляет результаты социологического опроса, проведенного в г. Грац (Австрия), в ходе которого была протестирована экологическая компетенция билингвальных респондентов и зависимость полученных результатов от языка, на котором задается вопрос. Участникам были заданы вопросы на каждом из их двух родных языков. Вопросы касались ежедневного экологического опыта и имели своей целью вскрытие уровня экологического сознания респондентов. Ответы, хотя и не коренным образом, все же различались в зависимости от языка, на котором задавался вопрос. Это еще раз доказывает, что наше поведение находится под определенным влиянием нашего родного языка. Поле экологии может быть использовано здесь в том числе и для удобства исследования: общие поведенческие образцы сужаются до определенной, более узкой, области, что существенно облегчает и конкретизирует работу. В статье результаты проведенного опроса обсуждаются и сводятся к анализу влияния языка на экологическое сознание индивидов и общества. Статья вносит определенный вклад в изучении гипотезы Сепира — Уорфа.

Ключевые слова: социальная власть языка, экологическое сознание общества, исследования по билингвизму, гипотеза Сепира — Уорфа.

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСТАНОВКА ГИПОТЕЗЫ

Неоспорим тот факт, что языки, на которых люди говорят, оказывают влияние на их общественную жизнь, на их (неязыковое) поведение, их мнение по многим вопросам. Гипотеза Сепира — Уорфа¹, несмотря на бурную критику в свой адрес, остается весьма популярной и находит своих сторонников, в том числе потому, что она — прямо или косвенно — активно используется в рамках практических исследований, авторы которых стремятся доказать наличие связи между социальным поведением и языком, власти языка в общественном контексте.

К таким исследованиям относится, в том числе, работа с билингвальными респондентами, а именно — изучение невербального, социального поведения билингвов². Причина заключается в следующем: каждая социально-культурная группа подразумевает уникальный поведенческий набор, который неотделим от языка, а значит, невербальное поведение билингвов — вплоть до обусловленности черт характера — должно варьироваться в зависимости от того, какой язык они используют³.

Под «билингвом» мы понимаем человека, имеющего доступ к двум или более различным кодам (языкам), т. е. имеющий компетенцию носителя в отношении каждого из этих языков, идентифицирующий себя с обеими социальными группами и — что важно — принимаемый этими группами «как свой»⁴. Билингвы возбуждают интерес многих ученых, потому что демонстрируют комбинацию двух кодов с двумя социально-культурными принадлежностями, двумя поведенческими моделями, возможно, даже с

* Автор благодарит фонд OeAD, из средств которого покрывались ее расходы на жизнь и учебу во время проведения опроса. Организационную помощь в проведении опроса оказали Prof. Dr. A. Fill, S. Fischer, N. and D. Loidl.

¹ См. Whorf B.L. Language, Thought, and Reality: Selected Writings. Cambridge, Massachusetts. 1979, впервые опубликовано в 1956.

² См. напр.: Ervin-Tripp S.M. An analysis of the interaction of language, topic and listener // American Anthropologist. 1964. 66. P. 86-102; Ogunnaiké O., Dunham Y., Banaji M.R. The language of implicit preferences // Journal of Experimental Social Psychology. 2010. 46. P. 999-1003.

³ См. Hamers J.F., Blanc M.H.A. Bilinguality and Bilingualism. Cambridge. 1989. P. 106.

⁴ Там же: p. 264.

двумя личностями. Иногда этот феномен изучается во внутриязыковом контексте, т. е. с точки зрения синтаксических, фонетических, морфологических и др. свойств их речи. Однако внеязыковые характеристики тоже важны. Во многих прикладных исследованиях поведение и мозг билингвов — это не конечная цель, а скорее средство исследования, в то время как центральное место отводится языковой обусловленности поведения индивидов (на всех уровнях). Суть заключается в том, что изучение билингвов делает возможным объективную (насколько вообще целесообразно говорить об объективности в данном контексте) оценку и измерение степени влияния власти языка на человека и, следовательно, на общество. Работа с билингвом позволяет исследователю протестировать двух носителей различных языков в рамках одного социального индивида, а значит, до существенной степени исключить социальные переменные.

Билингвизм как индивидуальное двуязычие напрямую связан с процессом социализации индивида (формированием личности, освоением норм поведения и жизни своего времени), что особенно актуально в новой коммуникативной ситуации, характерной для XXI века. Проблема билингвизма активно изучается в рамках философского подхода, с точки зрения вербализации и вариативности мышления, а также проблем коммуникации и — в целом — бытия языка в обществе⁵. Все это показывает, что изучение билингвов может использоваться не только в (социо)лингвистических, но и в социально-философских, а также в социологических исследованиях, непосредственно не связанных с билингвизмом.

Изучение концепта языковой власти с помощью билингвальных исследований связано не только с гипотезой Сепира — Уорфа. Так, «перформативная магия языка»⁶ как социально-инструментальная власть может быть интерпретирована в контексте билингвизма следующим образом. Каждый язык создает определенные концепты в мозгу билингва, часть которых активируются, когда он говорит на одном из своих родных языков, а другая часть, когда он говорит на другом⁷. В то же время, если один язык обладает каким-то концептом, а другой — нет, соответствующая этому концепту реальность активно ассоциируется у него лишь с одним из языков. В этом смысле билингвизм помогает не только исследователям, но и самим носителям языков, т. к. предлагает последним альтернативные концептуализации⁸.

В данном исследовании проводится попытка выяснить, зависит ли экологическое сознание человека/общества от языка, на котором он говорит, и если да, то до какой степени. Имеются в виду различные уровни взаимодействия языка и мышления: эволюционный, структурный, социальный⁹.

Опрос нацелен на получение ответов на следующие вопросы:

- Определяет ли язык, на котором задается вопрос, ответ на соответствующий вопрос? Если нет, то оказывает ли он, по меньшей мере, влияние на респондента?
- Что в большей степени определяет (оказывает влияние на) ответ: коннотации языка или социальный контекст, который с ним ассоциируется?
- Играет ли язык роль в конструировании экологической компетенции человека, а значит, и всего общества?

Проведенное исследование во многом опирается на уже существующие работы, посвященные социальному поведению билингвов. Хотелось бы отметить две из них: «Язык подсознательных предпочтений» («The language of implicit preferences»)¹⁰ и «Анализ взаимодействия языка, темы и слушателя» («An analysis of the interaction of language, topic and listener»)¹¹. Итог исследований в общих чертах таков: большая часть имеющих

⁵ См. Колыхалова О.А. Социокультурные и философские аспекты билингвизма: автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 1999.

⁶ См. Bourdieu P. Was heisst Sprechen?: Zur Ökonomie des sprachlichen Tausches. Wien: Braumüller. 2005.

⁷ См. Haugen E. The Ecology of Language. Stanford. 1972. P. 315.

⁸ См. Pavlenko A. Bilingualism and Thought // Handbook of Bilingualism. Oxford. 2005. P. 447.

⁹ См. Fill A. The Language Impact: Evolution – System – Discourse. London, Oakville. 2010. P. 3.

¹⁰ См. Ogunnaike O., Dunham Y., Banaji M.R. The language of implicit preferences // Journal of Experimental Social Psychology. 2010. 46. P. 999–1003.

¹¹ См. Ervin-Tripp S.M. An analysis of the interaction of language, topic and listener // American

уникальных человеческих форм социального поведения обуславливается языком, совместно используемым в данной социальной группе. Исходя из этого, то, как в обществе используется язык, может иметь отношение к функционированию этого общества, причем то, как именно это происходит, уникально для каждой ситуации¹².

Методология и процедура исследования

Исследование представляет собой социологический опрос, проведенный в г. Грац (Австрия) в мае — июле 2011 года.

В ходе опроса было протестировано 34 респондента различного возраста и пола, на безвозмездной основе. 28 из них выросли в билингвальной семье или жили и работали в иностранном государстве как минимум в течение последних пятнадцати лет, с полным погружением в соответствующую языковую среду. Лишь в этом случае можно было с достаточной долей уверенности утверждать, что он способен полностью понять вопрос и дать на него релевантный ответ. Сбои в коммуникационном канале могли вызвать потерю смысла при понимании вопросов на одном из языков, поэтому содержание вопроса могло бы быть оценено излишне отрицательно или просто по-другому, что привело бы к предвзятости результата.

Каждый из 28 респондентов говорил на двух языках из нижеперечисленных рабочих языков опроса: английский, немецкий, русский, итальянский, испанский, французский. Все вопросы были переведены на каждый из этих языков и проверены носителями соответствующего языка (независимыми экспертами). Для увеличения степени объективности опроса были проинтервьюированы также шесть англо- и немецкоговорящих монолингвальных информантов, которым был задан тот же самый набор вопросов в том же порядке, что и для билингвальных респондентов¹³, однако каждый из вопросов повторялся дважды, а роль независимой переменной играл порядок вопроса внутри пары. Расширение опроса до монолингвальных информантов позволило нам исключить языковую вариацию как независимую переменную и увидеть общую тенденцию вариации ответов для данного набора вопросов.

Результаты четырех билингвальных участников были исключены из анализа, т. к. один¹⁴ из них не обладал знаниями одного из языков на уровне носителя; у второго (как выяснилось позже), один из языков был лишь третьим языком, хотя лично он считает себя билингвом; другие два респондента признались, что не идентифицируют себя с обеими языковыми группами и поэтому не считают себя «полными билингвами». Естественно, достичь абсолютной объективности в таком опросе невозможно, однако исключение некоторых кандидатов все-таки помогает избавиться от наиболее ярко выраженных рисков. Кроме того, были исключены результаты одного из монолингвальных респондентов, т. к. время раздумий перед каждым ответом превышало допустимые нормы и нарушало тем самым правила опроса.

Таким образом, на финальной стадии были проанализированы результаты 29 участников: 24 билингвов и пяти монолингвов. Эти результаты были разделены на две группы, в зависимости от представленных языков. Результаты четырнадцати англо-немецких билингвов были рассмотрены отдельно: тот факт, что в каждом случае представлена одна и та же языковая комбинация, позволил анализировать результаты более организованным способом, а смешивание этих результатов с остальными вызвало бы риск хаотизации, нерепрезентативности и фрагментарности всех результатов. Это связано с тем, что лишь 1—4 респондента с полностью идентичной языковой комбинацией — это слишком маленькое количество для демонстрации закономерности¹⁵. Таким образом, главная часть исследования основывается на данных англо-немецких билингвов, в то время как остальные десять билингвальных информантов рассматриваются отдельно и менее под-

Anthropologist. 1964. 66. P. 86-102.

¹² Там же: p. 100.

¹³ См. приложение 1.

¹⁴ Для удобства описания используется лишь мужская форма существительных и местоимений.

¹⁵ Подробнее см. в п. 3.2.5.

робно, с главной целью репрезентации максимально большого количества привлеченных языков и, следовательно, социально-культурных групп.

Подготовительным этапом работы стало пилотное исследование, в ходе которого были протестированы два итальянско-немецких билингва (оба из которых имеют немецкоговорящую мать и итальянскоговорящего отца) и немецкоязычный монолингв. Респондентам был задан ряд вопросов¹⁶, а с одним из них дополнительно было проведено интервью более общего характера, касающееся языков, на которых он говорит, и уровня экологической компетенции его и его семьи, которое помогло нам интерпретировать результаты всего опроса. Кроме того, респондент сделал некоторые важные замечания по поводу его оценки данного опроса.

Каждому респонденту были заданы тринадцать различных вопросов¹⁷, касающихся темы «экологическая компетенция», каждый из которых дублировался на каждом из языков, являющихся для респондента родными. Набор вопросов на любом языке оформлялся единообразно¹⁸. Парные вопросы были практически равномерно удалены друг от друга: потому что если вопрос на втором языке находится слишком близко от вопроса на первом языке, ответ на первый вопрос рискует сохраниться в кратковременной памяти участников опроса, что нарушит объективность данных.

Во время анализа результатов два вопроса были удалены из подборки, потому что они были поняты не всеми участниками и, в связи с этим, вызвали трудности и слишком долгие паузы перед ответами, что является недопустимым в опросе данного типа.

Респондентам предлагалось ответить на каждый вопрос по десятибалльной шкале, от 0 до 10, причем 0 соответствовал ответу «точно нет», а 10 – «точно да» (это уточнялось отдельно для каждого вопроса). Перед началом опроса информант получал подробные инструкции относительно хода процедуры. Опрос каждого респондента проводился индивидуально (т. е. участвовали интервьюер — диссертант, — и респондент, без присутствия третьих лиц), в большинстве случаев персонально, в некоторых случаях при помощи других средств: по телефону (три респондента), по Skype (два респондента), при помощи Facebook-чата (один респондент). Непременным условием было проведение опроса онлайн, т. к. промежуток времени, отведенный для ответа, должен был сохраняться постоянным и контролируемым, иначе участник, поняв, что вопросы повторяются, стал бы бессознательно пытаться увеличить этот интервал и вспомнить ответ, данный на соответствующий вопрос на другом языке. Таким образом, чтобы этого избежать, каждый следующий вопрос задавался немедленно после того, как был дан ответ на предыдущий. Если респонденту требовалось слишком много времени для ответа, повторялось напоминание о необходимости быстрых ответов.

В данном исследовании язык являлся независимой переменной (кроме случаев с монолингвами, когда эту роль играл порядок расположения вопросов из пары), что, как предполагается, до некоторой степени определяло количество баллов, данных определенным участником при ответе на определенный вопрос. Возраст и пол выступали по возможности как контролируемые переменные, т. к. анализировались респонденты с различными характеристиками. Что касается социального происхождения и черт характера, то эти факторы рассматривались как внешние переменные, поскольку, хотя они и могли бы иметь важное значение, их очень сложно контролировать в рамках исследования подобного типа. Несмотря на данное объяснение, этот пункт может быть рассмотрен как одна из проблем опроса.

Анализ полученных данных

Результаты были сведены в таблицу, соответственно представленным языкам, и обработаны при помощи программы Open Office Calc 3.2.0.

Рассмотрим для начала **случаи с англо-немецкими билингвальными респондентами**. Каждый вопрос на английском языке был сопоставлен с соответствующим

¹⁶ См. приложение 1.

¹⁷ Тринадцать вопросов было задано во время пилотного исследования; затем два вопроса были исключены из выборки (см. ниже); в главной части опроса вопросов было одиннадцать.

¹⁸ См. приложение 1 — соотношение x/x' .

вопросом на немецком языке с целью наглядного сравнения результатов. Все вопросы были построены таким образом, чтобы более высокий балл за ответ соответствовал более высокому уровню экологического сознания респондента. Результаты были оценены следующим образом.

1. Первая оценка

Подсчет и сравнение уровня экологического сознания (далее EAL – environmental awareness level)¹⁹ каждого участника, продемонстрированный при ответах на обоих языках: EAL(x)L_a vs. EAL(x)L_b²⁰. Результаты продемонстрировали некое «экологическое превосходство» английского языка (девять респондентов с английским языком против четырех с немецким и одного с нейтральным результатом, т. е. без вариаций в общем результате). Однако перед тем как утверждать, что один язык может сильнее влиять на экологическое сознание (другими словами, что результаты в принципе могут варьироваться в зависимости от языка), мы посчитали важным проверить, проявляются ли подобные вариации и в случае с монолингвами. Из приложения 2 видно, что максимальная разница между двумя EAL составляет два балла. Исходя из этого, был сделан вывод о том, что вариацию в 0–2 балла в ответах билингов следует считать незначительной для подтверждения наличия языковой власти на EAL человека. Однако было замечено, что в большинстве случаев, когда язык был взят за независимую переменную, была замечена более чем двухбалльная вариация ответов (в ответах одного и того же билингвального респондента на один и тот же вопрос на разных языках).

Сумма баллов

EN²¹ vs. DE (EAL)

(9 EN – 4 DE – 1 NEUTRAL) → EN > DE

2. Первая проверка

Выявление респондентов, демонстрирующих сильную (т. е. три балла и более) вариацию ответов между L_a и L_b и исключение других результатов как незначительных. После такого исключения еще пять случаев становятся незначительными, т. е. нейтральными, и остается восемь случаев, шесть из которых — в пользу английского языка, а два — в пользу немецкого. Из этого видно, что английский все еще остается языком, оказывающим более сильное влияние на EAL.

На данном этапе представляется необходимым выяснить, был ли EAL этих восьми респондентов выше/ниже, чем EAL остальных участников (если да, то его следовало бы рассматривать как еще одну независимую переменную. Однако после подсчета корреляция между сильной вариацией в ответах участника и его EAL обнаружена не была: средний EAL четырнадцати респондентов на английском и немецком языке составил 79.5 баллов, и из восьми случаев, демонстрирующих сильную вариацию, некоторые обнаруживают более высокий EAL, чем средний, а некоторые — более низкий.

Сумма баллов EN vs. DE (EAL)

Исключаются результаты с разницей сумм 0–2 (6 EN – 2 DE – 6 NEUTRAL)

Остается восемь значимых случаев

(6 EN – 2 DE) → EN > DE

3. Анализ отдельных вопросов, вызвавших вариацию: Q_n(x₁+...x₁₄)EN/DE, — и выявление их доли в общем EAL. Этот этап менее важен, чем остальные, т. к. он в основном базируется на различиях в вопросах и не имеет прямой связи с влиянием языка как такового на экологическое сознание (другими словами, язык не выступает здесь в качестве независимой переменной). Несмотря на это, анализ вопросов привел нас к интересным результатам. Вопросы, вызвавшие наиболее сильные вариации, — это вопросы 2, 4, 10 и 11, причем вариации в 2, 10 и 11 встречаются более одного раза²². Знаменательно, что вопросы 2, 4 и 11 принадлежат к одному типу: респонденту предлагается оценить функ-

¹⁹ В рамках опроса под EAL буквально понимается сумма всех ответов на каждом языке.

²⁰ Где x — участник, L_a — первый язык, L_b — второй язык.

²¹ Здесь и далее (также в приложении) EN — английский язык, DE — немецкий язык, RU — русский язык, IT — итальянский язык, ES — испанский язык, FR — французский язык, NEUTRAL — нейтральный результат (т. е. с вариацией в 0–2 балла).

²² См. приложение 1.

ционирование какого-либо элемента социальной реальности, существующего или возможного, что само по себе субъективно. Также мы рассмотрели долю каждого вопроса в общем количестве баллов для каждого респондента на английском и немецком языке:

$$Q_2(x_1+...x_{14})EN=49.4\%; Q_2(x_1+...x_{14})DE=50.6\% \rightarrow DE>EN$$

$$Q_4(x_1+...x_{14})EN=50.78\%; Q_4(x_1+...x_{14})DE=49.22\% \rightarrow EN>DE$$

$$Q_{10}(x_1+...x_{14})EN=53.14\%; Q_{10}(x_1+...x_{14})DE=46.86\% \rightarrow EN>DE$$

$$Q_{11}(x_1+...x_{14})EN=50.68\%; Q_{11}(x_1+...x_{14})DE=49.32\% \rightarrow EN>DE$$

Из подсчетов видно, что в вопросе 2 результат на немецком языке превосходит таковой на английском языке, но в трех других все обстоит противоположным образом. Это также дает преимущество английскому языку, однако в этом случае оно достаточно слабое.

4. Вторая проверка

Исключаются результаты с разницей 0–2 в отдельных вопросах

(5 EN – 0 DE – 9 NEUTRAL)

Остается пять значимых случаев

(5 EN – 0 DE) → EN>DE

Также можно было бы проанализировать данные посредством суммирования результатов всех респондентов, продемонстрированных в рамках одного языка: $EAL(x_1+...x_{14}) - EN$ vs. $EAL(x_1+...x_{14}) - DE$. Но в этом случае результаты подвергались бы риску неверного распределения баллов, т. к., как было сказано выше, EAL у некоторых респондентов выше, чем у других, и эти результаты нельзя смешивать. Поэтому была подсчитана процентная доля общей суммы ответов каждого участника на английском и немецком языке в общей сумме ответов четырнадцати участников. Итог: сумма на немецком языке – 49.66389877%, на английском – 50.33610123%. Разница, хотя и обнаруживает преимущество английского языка, невелика.

Сказанное выше не означает, что английский язык более «экологичен», чем немецкий, и что он более благоприятен для обсуждения вопросов окружающей среды с внутриязыковой точки зрения: в этом случае вариация была бы более существенной, а доля нейтральных ответов – более низкой. Полученные результаты лишь показывают, что языковой фактор может быть расценен как важный «контекстуальный детерминатор» и, вероятно, играет некую роль в формировании экологической компетенции личности. Что касается социального контекста и ассоциаций, то, на наш взгляд, скорее всего, именно они оказывают влияние на ответы²³. Кроме того, опрос открывает широкие методологические возможности работы с билингвальными респондентами для социально-философских исследований.

Итак, английский язык воспринимается многими как язык глобализации, развития, технологий и соответствующей терминологической базы. Именно поэтому, например, для многих участников такие концепты, как *recycling* могут «лучше звучать» по-английски и «не ложиться им на слух» по-немецки или по-русски (в этом случае внеязыковой – социальный – и внутриязыковой контексты накладываются друг на друга). Другой причиной могут быть личные ассоциации: например, некоторые ассоциируют вопрос, заданный по-английски, с ситуацией в Великобритании, другие – с ситуацией в США, и т. д. В любом случае, не следует полностью доверять этим ассоциациям, т. к. они не всегда соотносятся с реальностью: билингвальные информанты зачастую, еще будучи детьми, уезжают из страны, в которой они родились, чей язык, однако, является одним из их родных языков (поскольку, например, на нем говорит один из его родителей или даже оба родителя), или же вообще никогда не живут в этой стране, что делает их восприятие страны неадекватным. Подводя итог, следует подчеркнуть: тот факт, что английский язык набрал большее количество пунктов, не объясняется в данной работе полностью и однозначно, поскольку требуется тестирование большего количества респондентов. Более важным для нас, как уже было сказано, является тот вывод, что язык вопроса, связанного с экологическим сознанием индивида, оказывает влияние на получаемый результат.

Обратимся теперь к **остальным десяти случаям** (четыре DE-IT, три DE-FR, один DE-ES, один IT-EN один RU-EN). Как указано выше, представителей каждой пары

²³ Этот факт был эксплицитно отмечен некоторыми из респондентов.

языков было недостаточно для проведения глубокого анализа (в том числе для выявления «превалирующих языков»), поэтому мы лишь кратко сопоставляем ответы этих респондентов для подкрепления/опровержения вышеописанных теорий, при этом мы будем использовать метод, представленный при анализе англо-немецких билингвов.

1. Первая оценка

Сумма баллов

IT – DE – FR – ES – EN – RU (EAL)

(3 IT – 2 DE – 3 FR – 1 EN – 1 NEUTRAL)

2. Первая проверка

Сумма баллов

IT – DE – FR – EN (EAL)

Исключаются результаты с разницей сумм 0–2

(2 FR – 1 DE – 1 IT – 1 EN – 5 NEUTRAL*) → (2 FR – 1(2) DE – 1(2) IT – 1 EN – 3(5)

NEUTRAL*)

Остается пять (семь) значимых случаев

(2 FR – 1(2) DE – 1(2) IT – 1 EN)

*В двух из пяти из нейтральных случаев (оба DE-IT, однако с разными превалирующими языками) наблюдаются значительные вариации в баллах за отдельные вопросы, а именно — за вопросы 10 и 11 в каждом (!) из случаев, — поэтому мы можем назвать их условно-нейтральными. Мы предполагаем, что в случае с вопросом 10 причина этого связана со спецификой вопроса — в силу формулировки и идеи он является наиболее сложным в списке²⁴; вариации в вопросе 11 объяснить не удалось. Возможно, объяснению может способствовать увеличение числа респондентов.

В виде 1(2) представлен случай с нейтральной суммой, но вариациями в вопросах 10 и 11.

3. Анализ отдельных вопросов, вызвавших вариацию (Q_n), и выявление их доли в общем EAL

Вопросы, вызвавшие наиболее сильные вариации, — это вопросы 1, 8, 10 и 11, причем вариации в 1, 10 и 11 встречаются более одного раза. Кроме вопросов 1 и 10, принадлежащих к одному типу, типовых сходств не наблюдается. Однако интересно, что у англо-немецких билингвов наиболее распространенные варьирующиеся вопросы — это 2, 10 и 11. Получается, что именно вопросы 10 и 11 лидируют с точки зрения вариативности, вызывая разницу в ответах даже в случаях с нейтральной суммой.

4. Вторая проверка

Проведение второй проверки в данном случае сопряжено с трудностью, указанной в первой проверке и вызывающей наложение нейтральных случаев.

Исключаются результаты с разницей 0–2 в отдельных вопросах

(2 FR – 1(2) DE – 0(1) IT – 1 EN – 1 NEUTRAL)

Остается четыре (шесть) значимых случаев из десяти

(2 FR – 1(2) DE – 0(1) IT – 1 EN)

Данное количество не является в достаточной степени наглядным вследствие небольшого числа участников. Несмотря на это, анализ результатов десяти билингвальных респондентов с разными языками также демонстрирует важную роль контекстного языка при опросах, нацеленных на выявление уровня экологического сознания личности.

Проблемы и перспективы

При проведении исследования были отмечены следующие проблемы.

- Объективность исследования сложно поддается измерению, т. к. экологическая компетенция включает множество субъективных факторов. Более того, никогда нельзя с точностью выявить причины некоторых вариаций: они могут заключаться не только в различии языков, но и в половом, возрастном, воспитательном, образовательном и других факторах. Однако целью исследования было не получение конкретных количественных результатов, а выявление общей тенденции, поскольку именно это

²⁴ Это демонстрируется не только подсчетом баллов, но и ходом проведения опроса, а также комментариями самих респондентов.

представляет важность в социально-философском контексте.

- Во время перевода вопросов на разные языки неизбежными были неточности и потери смысла, несмотря на тщательную проверку со стороны диссертанта и носителей соответствующих языков.

- Сложности с определением билингвов и относительно небольшое их количество вызвали затруднения в отборе респондентов, однако, несмотря на это, необходимый минимум кандидатов, соответствующих условиям опроса, был найден.

- Проект был реализован без прямой финансовой поддержки (средства от фонда были получены лишь на проживание автора), поэтому невозможным было привлечение IT- и других специалистов или специального оборудования. Соответствующая компьютерная программа могла бы существенно облегчить проведение опроса и сделать его более точным (прежде всего, с позиций контролирования промежутка времени, данного на каждый ответ, а также при анализе полученных данных), более безличным (что в данном контексте обозначает «более объективным»). Кроме того, наличие в распоряжении подобной программы открыло бы доступ к большему количеству языков, т. к. в этом случае диссертант смогла бы делегировать полномочия и привлекать к разработке и переводу вопросов других профессионалов, не работая непосредственно со всеми респондентами и охватывая, таким образом, языки, не входящие в ее собственную компетенцию. Желательно также вознаграждение для респондентов в размере приблизительно десяти у. е., поскольку это существенно увеличило бы количество участников и сделало бы выборку более случайной, снижая риск возникновения незапланированных независимых переменных²⁵. Однако с другой стороны, недостаток финансовых ресурсов может быть расценен и положительно, показывая, что социологические опросы не крупного масштаба могут проводиться с привлечением малого количества экспериментаторов, средств и оборудования.

- Большая часть участников еще до начала проведения опроса знали, что он связан с языком, и, по этой причине, были более внимательны в этом отношении во время ответа на вопросы. Как отметил один из них, для исследования было бы лучше, если бы они не знали заранее, о чем пойдет речь. Однако на данный момент это кажется трудноосуществимым, т. к. при привлечении кандидатов к участию в опросе им хотя бы примерно сообщается, о чем пойдет речь. К тому же, сам факт их двуязычия уже говорит о соответствующей направленности исследования.

По результатам анализа данных были сделаны следующие **выводы** и намечены следующие перспективы развития исследования.

1. Язык вопроса не определяет ответ (что говорит против «сильной версии» гипотезы Сепира — Уорфа). Однако ответы в некоторой степени обуславливаются языком контекста, и английский язык проявил себя особенно «сильным» в этом смысле.

2. Язык в узком смысле оказывает влияние на ответ скорее в меньшей степени, иначе мы могли бы однозначно определить один язык как более/менее «экологичный», чем другой, чего нам сделать не удалось. Мы же пришли к выводу, что не сам язык, а — в гораздо большей степени — его импликация, связанные с ним в сознании индивида ассоциации (другими словами, внеязыковой аспект) обуславливают позицию человека и, соответственно, его ответ. Они имеют тенденцию к аккумуляции и в некоторых случаях вызывают импликация, более или менее общие для всех носителей данного языка. Так, например, немецкий и английский языки в своем роде воплощают социально-культурные стандарты, с которыми сталкивается билингв в ходе своей жизни²⁶.

3. Язык действительно принимает участие в конструировании наших поведенческих образцов. Это связано с тем, что обработка языка составляет часть общей

²⁵ Подобная практика активно используется во всем мире при проведении социологических и др. исследований.

²⁶ См. Eppler E. Unifying and Dividing Aspects of Culture: Borrowing and Translation among Viennese Jewish Refugees in London // Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften. 2004. 15. Режим доступа: http://www.inst.at/trans/15Nr/07_1/eppler15.htm (дата обращения 2.05.2012).

модели человеческого поведения²⁷. Поскольку экологическая компетенция индивида встроена в общий контекст его социальной жизни, можно утверждать, что она находится под влиянием родного языка этого индивида. Что касается уровня экологического сознания общества, то она формируется из компетенций членов общества.

4. Поведенческие образцы, моральные стандарты и отношение к определенным вопросам глубоко связаны с языком. На данный момент наука еще не смогла полностью вскрыть природу связи, существующей между этими элементами, однако наша работа, как и многие другие, предлагает еще одно доказательство наличия этой связи.

5. Данное исследование может быть продолжено в различных направлениях. Некоторые из них были затронуты выше (в связи с проблемами исследования): расширение языковой палитры, вложение ресурсов, вознаграждение участников, использование компьютерных программ. К перспективам можно отнести дальнейшую работу над вопросником, тематические вариации (от экологического сознания не исключен переход к другим областям социальной жизни, например, поведению в семье или учебном заведении). В любом случае, используемый метод, несомненно, достоин внимания, потому что, как уже было сказано выше, работа с билингвальными респондентами может помочь ученым достаточно объективно взглянуть на конструктивную власть языка в социальном контексте.

Список литературы

1. Audehm K. Die Macht der Sprache: Performative Magie bei Pierre Bourdieu // Grundlagen des Performativen: Eine Einführung in die Zusammenhänge von Sprache, Macht und Handeln. Juventa Verlag Weinheim und München. 2001. S. 101–128.
2. Austin J.L. How to do Things with Words. Harvard University Press. 1975. 192 p.
3. Bourdieu P. Was heisst Sprechen?: Zur Ökonomie des sprachlichen Tausches. Wien: Braumüller. 2005. 202 S.
4. Bailey K.D. Methods of social research. New York: Free Press. 1994. 592 p.
5. Eppler E. Unifying and Dividing Aspects of Culture: Borrowing and Translation among Viennese Jewish Refugees in London // Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften. 2004. 15. Режим доступа: http://www.inst.at/trans/15Nr/07_1/eppler15.htm (дата обращения 2.05.2012)
6. Ervin-Tripp S.M. An analysis of the interaction of language, topic and listener // American Anthropologist. 1964. 66. P. 86–102.
7. Fill A. Ecolinguistics: State of the Art 1998 // The Ecolinguistics Reader. London and New York. 2001. P. 43–53.
8. Fill A.F. The Language Impact: Evolution – System – Discourse. London, Oakville. 2010. 263 p.
9. Grosjean F. Bilingualism: Life and Reality. Harvard. 2010. 276 p.
10. Groves R.M. et al. Survey Methodology. Hoboken: Wiley. 2004. 424 p.
11. Hamers J.F., Blanc M.H.A. Bilinguality and Bilingualism. Cambridge. 1989. 324 p.
12. Haugen E. The Ecology of Language. Stanford. 1972. 366 p.
13. Newman A.J., Supalla T., Hauser P., Newport E.L., Bavelier D. Dissociating neural subsystems for grammar by contrasting word order and inflection. In: *PNAS (Proceedings of the National Academy of Sciences)*, 20 April 2010, vol. 107, no. 16. P. 7539–7544. Режим доступа: <http://www.pnas.org/content/107/16/7539> (дата обращения 2.05.2012)
14. Ogunnaike O., Dunham Y., Banaji M.R. The language of implicit preferences // Journal of Experimental Social Psychology. 2010. 46. P. 999–1003.
15. Pavlenko A. Bilingualism and Thought // Handbook of Bilingualism. Oxford. 2005. P. 433–453.
16. Whorf B.L. Language, Thought, and Reality: Selected Writings. Cambridge, Massachusetts. 1979, впервые опубликовано 1956. 278 p.
17. Абрахамсон Э., Фридман Э. Эффективный беспорядок / пер. с англ. М.: Эксмо. 2010. 288 с.
18. Кольхалова О.А. Социокультурные и философские аспекты билингвизма: автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 1999.
19. Хряпченкова О.С. Анализ экокультурной компетенции билингвов: к вопросу о влиянии языка на экологическое сознание // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 2011. №4(16). С. 255–265.

²⁷ См. Hamers J.F., Blanc M.H.A. Bilinguality and Bilingualism. Cambridge. 1989. P. 106.

**Приложение 1. ФИНАЛЬНЫЙ СПИСОК ВОПРОСОВ
К БИЛИНГВАЛЬНЫМ И МОНОЛИНГВАЛЬНЫМ РЕСПОНДЕНТАМ
НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ С КОММЕНТАРИЯМИ**

1. Насколько положительно Вы расцениваете идею рециклинга (сортировки отходов)? 0 крайне отрицательно; 10 абсолютно положительно. *В данном типе вопросов выявляется экологическая позиция респондента посредством комментирования предложенного концепта, непосредственно связанного с языковым восприятием.*

11'²⁸. What is your attitude towards bioproducts?

0 – there is no sense to produce them; 10 – they are absolutely necessary.

2. Насколько необходимым Вы видите введение урока экологии в начальной школе? 0 совершенно не обязательно; 10 крайне необходимо. *В данном типе вопросов респонденту предлагается оценить функционирование какого-либо элемента социальной реальности, существующего или возможного.*

10'. To what extent do you see a heap of waste separated for recycling as disorder?

0 – I see waste as disorder, not important if sorted or not; 10 – I see a heap of separated waste as order.

3. Насколько необходимым Вы видите введение урока экологии в старших классах/вузах? 0 совершенно не обязательно; 10 крайне необходимо. *См. комментарий к вопросу 2.*

7'. How environmentally conscious do you find yourself?

0 – not environmentally conscious at all; 10- extremely environmentally conscious.

4. Насколько необходимым Вы видите экологическое просвещение общества (социальную рекламу, брошюры и т.д.)? 0 излишним; 10 абсолютно необходимым. *См. комментарий к вопросу 2.*

1'. What is your attitude towards the idea of recycling?

0 – very negative; 10 – very positive.

5. Насколько хорошо Вы относитесь к идее/концепту «общества потребления»?

0 очень плохо; 10 очень хорошо. *См. комментарий к вопросу 1.*

3'. How necessary do you find the introduction of ecology lessons in highschool/university? 0 – not necessary at all; 10 – very necessary and important

6. Насколько регулярно и тщательно Вы сортируете мусор?

0 никогда; 10 всегда и очень тщательно. *В данном типе вопросов непосредственно выявляется личный уровень экологического сознания респондента.*

9'. How environmentally conscious do you find your own family?

0 – not environmentally conscious at all; 10- extremely environmentally conscious.

7. Как Вы оцениваете свой собственный уровень экологического сознания?

---

²⁸ В случае с билингвальными респондентами x обозначает вопрос на одном из языков, а x' – тот же самый вопрос на другом языке. В случае с монолингвальными респондентами x обозначает вопрос, заданный в первый раз, а x' – тот же самый вопрос, заданный (спустя некоторый промежуток времени) во второй раз.

0 очень низко; 10 крайне высоко. См. комментарий к вопросу 6.

2'. How necessary do you find the introduction of ecology lessons in the primary/elementary school? 0 – not necessary at all; 10 – very necessary and important

8. Насколько большие усилия Вы готовы приложить, чтобы улучшить экологическую ситуацию в мире? 0 никаких; 10 сделаю всё возможное. См. комментарий к вопросу 6.

4'. How necessary do you find the ecological enlightenment of the society (social advertising, brochures etc.)? 0 – not necessary at all; 10 – very necessary and important.

9. Как Вы оцениваете уровень экологического сознания в Вашей семье? 0 очень низко; 10 крайне высоко. См. комментарий к вопросу 6.

5'. What is your attitude towards the concept of consumer society? 0 – very bad; 10 – very good.

10. Когда Вы видите отсортированный мусор, рассматриваете ли Вы его как порядок? 0 мусор – это в любом случае беспорядок, даже отсортированный; 10 отсортированный мусор – это порядок²⁹.

6'. How regularly/thoroughly do you sort the waste? 0 – never; 10 – always and very thoroughly.

11. Как Вы относитесь к биопродуктам?

0 их производство не имеет смысла; 10 они абсолютно необходимы. См. комментарий к вопросу 2.

8'. To what extent are you ready to make an effort in order to improve the ecological situation in the world? 0 – not ready at all; 10 – ready to do everything.

Приложение 2. РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА БИЛИНГВАЛЬНЫХ И МОНОЛИНГВАЛЬНЫХ РЕСПОНДЕНТОВ³⁰

²⁹ См. комментарий к вопросу 1 и Абрахамсон Э., Фридман Э. Эффективный беспорядок / пер. с англ. М.: Эксмо. 2010. - С. 189.

³⁰ Словом *Case* отмечен участник; *DE* и т. д. соответствуют языкам; *Diff.* Обозначает разницу сумм; ячейки с третьей по тринадцатую обозначают вопросы с первого по одиннадцатый; четырнадцатая ячейка обозначает сумму ответов на вопросы, заданные на соответствующем языке; белым отмечены значимые случаи (т. е. те, в которых разница сумм составляет 3 балла и более); светло-серым (третья колонка, следующая за каждым случаем) отмечено поле разницы показателей в индивидуальных вопросах; светло-желтым отмечены нейтральные случаи (т. е. те, в которых разница сумм составляет 0–2 балла); красным отмечены индивидуальные вопросы с разницей в 3 балла и более; темно-желтым отмечена разница сумм для значимых случаев; оранжевым в первой таблице отмечен английский язык, если сумма ответов на соответствующие вопросы превалирует; зеленым в первой таблице отмечен немецкий язык, если сумма ответов на соответствующие вопросы превалирует; зеленым во второй таблице отмечен язык, чья сумма ответов превалирует над суммой второго языка в паре.

РЕЗУЛЬТАТЫ БИЛИНГВАЛЬНЫХ (АНГЛО-/НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ) РЕСПОНДЕНТОВ

Case 1		Case 2		Case 3		Case 4		Case 5		Case 6		Case 7								
De	EN	De	EN	De	EN	De	EN	De	EN	De	EN	De	EN							
10	10	0	7	7	0	7	8	-1	5	7	-2	8	9	-1	7	9	-2	7	7	0
9	10	-1	4	4	0	3	6	-3	3	4	-1	2	3	-1	8	7	1	6	5	1
2	2	0	6	6	0	5	5	0	6	6	0	6	5	1	10	8	2	7	6	1
6	6	0	6	6	0	7	7	0	7	8	-1	6	6	0	8	9	-1	7	8	-1
6	6	0	5	5	0	5	5	0	4	3	1	6	6	0	4	4	0	5	5	0
10	10	0	7	7	0	10	10	0	8	7	1	9	9	0	10	10	0	8	7	1
8	9	-1	8	8	0	8	9	-1	8	6	2	5	5	0	8	8	0	7	6	1
6	6	0	9	9	0	7	7	0	8	7	1	7	7	0	9	9	0	6	7	-1
10	10	0	5	5	0	8	8	0	6	7	-1	6	8	-2	9	10	-1	7	8	-1
5	5	0	8	8	0	7	8	-1	4	3	1	6	9	-3	3	3	0	7	8	-1
7	7	0	7	8	-1	5	5	0	10	10	0	9	6	3	9	9	0	8	8	0
79	81		72	73		72	78		69	68		70	73		85	86		75	75	
Diff.	-2	EN	Diff.	-1	EN	Diff.	-6	EN	Diff.	1	DE	Diff.	-3	EN	Diff.	-1	EN	Diff.	0	zero
Case 8		Case 9		Case 10		Case 11		Case 12		Case 13		Case 14								
De	EN	De	EN	De	EN	De	EN	De	EN	De	EN	De	EN							
10	10	0	7	8	-1	9	9	0	10	9	1	10	9	1	10	9	1	7	7	0
7	10	-3	4	4	0	5	6	-1	7	5	2	8	8	0	6	6	0	7	5	2
7	7	0	7	7	0	8	8	0	8	6	2	8	6	2	8	8	0	9	8	1
6	6	0	5	6	-1	5	8	-3	10	8	2	8	8	0	8	7	1	4	4	0
2	3	-1	5	4	1	8	8	0	5	5	0	3	2	1	2	2	0	5	5	0
9	9	0	8	7	1	9	9	0	5	6	-1	10	10	0	10	10	0	10	10	0
9	8	1	6	8	-2	9	9	0	5	6	-1	7	9	-2	8	7	1	8	9	-1
7	7	0	5	7	-2	10	10	0	6	6	0	9	9	0	6	6	0	4	4	0
8	8	0	8	8	0	7	7	0	8	8	0	9	8	1	8	9	-1	8	9	-1
7	10	-3	4	3	1	6	6	0	8	7	1	8	10	-2	4	8	-4	7	5	2
8	8	0	6	8	-2	8	8	0	8	9	-1	10	10	0	6	9	-3	7	7	0
80	86		65	70		84	88		80	75		90	89		76	81		76	73	
Diff.	-6	EN	Diff.	-5	EN	Diff.	-4	EN	Diff.	5	DE	Diff.	1	DE	Diff.	-5	EN	Diff.	3	DE

**РЕЗУЛЬТАТЫ БИЛИНГВАЛЬНЫХ РЕСПОНДЕНТОВ
С РАЗНЫМИ ЯЗЫКОВЫМИ ПАРАМИ**

Case 1		Case 2		Case 3		Case 4		Case 5						
DE	IT	DE	IT	DE	IT	DE	IT	IT	EN					
8	10	-2	10	0	10	0	5	9	-4	9	8	1		
10	10	0	8	9	-1	10	9	1	8	-2	10	0		
10	9	1	5	6	-1	6	-1	9	8	1	10	0		
10	9	1	9	8	1	8	1	10	9	1	7	6		
5	5	0	8	8	0	4	-1	5	3	2	10	0		
5	5	0	9	8	1	10	9	1	8	0	8	0		
7	5	2	5	7	-2	9	8	1	9	10	-1	10		
7	4	3	6	7	-1	5	0	9	8	1	8	0		
7	8	-1	6	6	0	9	0	9	8	1	8	0		
10	7	3	3	2	1	10	7	3	5	8	-3	8		
9	8	1	7	7	0	4	-3	8	5	3	7	0		
88	80		76	78	85	83	85	86	95	88				
Diff.	8	DE	Diff.	-2	IT	Diff.	2	DE	Diff.	-1	IT	Diff.	7	IT
Case 6		Case 7		Case 8		Case 9		Case 10						
DE	FR	DE	FR	DE	FR	DE	ES	RU	EN					
8	8	0	10	10	0	10	0	5	0	4	8	-4		
8	7	1	8	9	-1	7	0	2	-1	6	6	0		
8	7	1	8	8	0	8	0	6	-1	7	7	0		
7	7	0	8	8	0	7	-1	4	0	8	8	0		
5	6	-1	2	2	0	5	0	4	0	6	6	0		
8	8	0	10	10	0	7	0	6	0	6	7	-1		
8	9	-1	8	9	-1	7	-1	6	-1	6	5	1		
9	8	1	7	7	0	9	1	7	0	4	5	-1		
8	8	0	10	10	0	7	0	6	0	6	7	-1		
5	8	-3	5	9	-4	7	10	-3	7	5	2	6		
7	7	0	10	10	0	10	0	8	7	1	6	4		
81	83		86	92	84	88	61	65	68					
Diff.	-2	FR	Diff.	-6	FR	Diff.	-4	FR	Diff.	0	zero	Diff.	-3	EN

**РЕЗУЛЬТАТЫ МОНОЛИНГВАЛЬНЫХ (ЧЕТЫРЕХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ
И ОДНОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО) РЕСПОНДЕНТОВ**

Case 1		Case 2		Case 3		Case 4		Case 5	
DE	DE2	DE	DE2	DE	DE2	DE	DE2	EN	EN2
10	8	2	8	-2	10	0	10	0	8
10	10	0	9	1	7	0	4	0	8
8	8	0	6	0	5	0	7	0	8
10	10	0	9	0	9	0	8	0	8
4	4	0	9	0	5	0	7	0	5
10	10	0	6	0	10	0	9	1	7
9	8	1	8	0	7	0	6	0	7
8	9	-1	10	0	8	-1	7	0	8
8	8	0	5	0	8	1	5	0	4
10	10	0	7	1	8	-2	8	1	10
7	7	0	9	1	5	0	7	0	8
94	92		86		82		78		81
Diff.	2	Diff.	1		-2	Diff.	2	Diff.	-1

LANGUAGE AND ECOLOGICAL WORLDVIEW: PRACTICAL OBSERVATION

O.S. KHRYAPCHENKOVA

*Nizhny Novgorod State
Linguistic University*

e-mail: olga_xr@mail.ru

The article presents the results of a survey testing the environmental awareness of English-German bilinguals and its dependence on the two languages. The participants were asked questions in their two native languages concerning the field of ecology, with the purpose of revealing their level of ecological awareness. The answers varied, though not drastically, but depending on the languages, which seems to speak for the fact that our behaviour is in a certain sense influenced by our mother tongue. The field of ecology is used here for narrowing down behavioural patterns in general to a certain area, where it is easier to conduct the analysis. In the article, the results of the study are discussed concerning the analysis of language impact on the environmental consciousness of individuals and of society. The article contributes to the study of the Sapir-Whorf hypothesis.

Key words: language impact, environmental awareness of society, bilingual research, Sapir-Whorf hypothesis.

ГЛАВЫ ИЗ МОНОГРАФИИ

УДК 130.2

ГОЛОСА ТРОИЦЫ, ЗВУЧАЩИЕ В КЛАССИКЕ

П.И. СИМУШ*Институт философии РАН**e-mail:**Ved2_Philosophy@bsu.edu.ru*

От редакции

Мы продолжаем публикацию книги известного отечественного философа П.И. Симуша, посвященную реконструкции философского содержания творчества М.Ю. Лермонтова, С.А. Есенина, А.П. Чехова, А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой и других русских прозаиков и поэтов, а также интерпретации исторических судеб русской философии во многообразии личных судеб, идей и концептов.

Мы рассчитываем на читателя, который отзовется не только вдумчивым чтением, но и заинтересованным критическим или интерпретационным откликом.

ГЛАВА 3

«ВСЕВЕДЕНЬЕ ПРОРОКА» ЛЕРМОНТОВА

Жизнь за пророческую идею

Прекрасно и полно описал судьбу пророка в Отечестве своём М.Ю. Лермонтов. Его «Пророк» бесподобен по красоте и силе выражения. Народная толпа не признаёт посланника Провидения, переживания которого раскрывают высшее сознание. В лермонтовском подвиге заключён пример для нас; его пророческое явление ещё не понято вполне.

Откуда пришло разобщение человека с космической жизнью? Лермонтов отвечает на этот вопрос своим «Демоном». В чём было его восстание и значение? Демоном определена граница между землёй и небом.

Литературоведы и историки ещё не вполне осознали значимость творчества М.Ю. Лермонтова как русского национального гения. Ему принадлежит также и достойное место в мировой литературе: он потомок знаменитого поэта Шотландии Лермонта. Сам великий русский поэт считал, что у него есть две родины: первая – в «горах Шотландии моей». Вторую свою «Родину», российскую Отчизну, он любит «странною любовью», не зная сам за что. В этой связи поставлено под вопросом стихотворение «Прощай, немытая Россия», ибо оно, по мнению выдающегося специалиста Николая Скатова, «противоречит всей системе взглядов Лермонтова».

Известный исследователь Владимир Бондаренко надеется на то, что специалисты очистят всё лермонтовское пространство от налипших за века мистификаций, сплетен и сомнительных версий. По его определению, благословение и проклятие М. Лермонтова являют

собою «мистического гения». Ни у кого из великих русских гениев «нет более жестокой и безжалостной судьбы».

Мои многолетние размышления о лермонтовской судьбе привели меня к другому умозаключению. В лице М.Ю. Лермонтова мы имеем не только трагическую личность, но и «всеведение пророка», который, по его словам, провозгласил «любви и правды чистые ученья». Несомненный посланник Божий превосходно исполнил своё предназначение, укрепил в российском самосознании высшее русофильство вопреки господству позорного крепостнического режима. В предсмертном стихотворении «Пророк» Лермонтовым с горечью отмечены читаемые им в очах людей «Страницы злобы и порока». И эти последние о нищем пророке говорили детям: «Смотрите: вот пример для вас! /Он горд был, не ужился с нами: /Глупец хотел заверить нас, /Что бог гласит его устами!»

Вопреки людскому неверию Лермонтов был твёрдо убеждён, что он посланник Провидения, что Оно, «как вечный судия» дало ему «всеведение пророка». Ещё в юности прозвучал его пророческий голос: «Настанет год, России чёрный год, /Когда царей корона упадёт, /Забудет чернь к ним прежнюю любовь, /И пища многих будет смерть и кровь». Но царизм это пророчество не услышал. Хотя уже при жизни Лермонтова российской публике был ясен великий масштаб его личности. Она сравнивалась с Пушкиным и декабристами.

Император Николай I мог не казнить декабристов и разрешить жить осуждённым, верёвка у которых оборвалась. Но вторично эти герои были всё-таки повешены. Царь мог не преследовать опального смельчака Лермонтова, но он не только это делал, а и следил за тем, чтобы этот поручик не уклонился от сражений. Ему не нужен был человек, который, говоря словами Герцена, «осмелился поднять голову выше уровня, начертанного императорским скипетром...» Поэтому Лермонтову были уготованы «ужасный, скорбный удел» и постоянные преследования за то, что он, по заключению А.Х. Бенкендорфа, проявил «бесстыдное вольнодумство, более чем преступление». Царская проверка позволила удостовериться, что Лермонтов «не помешан». Отправляя его под пули горцев, император коварно его напутствовал: «Счастливого пути, господин Лермонтов». И господин парадоксально счастливо распорядился своей судьбой: своим свободным выбором. Вслед за пятью казнёнными декабристами он поставил под вопрос выбор Николаем I безжалостной расправы над лучшими людьми России.

Вся сознательная жизнь М.Ю. Лермонтова (1814-1841гг.) прошла в борьбе со злом. Слово «зло» (наречие и существительное) упомянуто им 137 раз, а в разных вариациях (злоба, злодей, злодейство, злонамеренный и др.) оно встречается в лермонтовских произведениях 370 раз. Ясно, что человек постоянно делает выбор между злом и добром. Михаил Юрьевич обладал великой очистительной силой в борьбе со злом. Он придерживался главного тезиса христианства – преодолеть зло благодаря очистительной силе страдания. В этом заключён основной смысл жизнедеятельности пророка. Падшее человечество спасается благодаря безвинному страданию. Оно воплощено в Божьем милосердии. Для Лермонтова образец в жизни – мученичество Христа, имя которого он предпочитал не упоминать. Русский гений счёл мученичество ради бессмертия своим долгом и в тайном противостоянии с самодержавием решил молча покинуть поле сражения. Помог ему в этом приятель Н.С. Мартынов, не догадавшийся о том, что провоцируемая дуэль обречёт его на роль убийцы. Лермонтов, видимо, желал того, о чём в будущем Б.Л. Пастернак скажет: «Чтоб тайная струя страданья /Согрела холод бытия». Лермонтову удалось одержать величайшую победу над злом самовластия благодаря очистительной силе страдания.

Как сделать правильный выбор? Ответ на этот самый злободневный вопрос попытаемся найти у Лермонтова, у которого есть 23 упоминания слов: выбор, выбрать, выбраться. Своими корнями они уходят, видимо, в ментальность не только русского народа, но и народа Шотландии. Можно согласиться с предположением о том, что «ментальное» и «физическое» не так сильно различаются, как обычно думают.

Лермонтов от своих родителей принял «сильнейшую страсть» любить. Он писал, что она «необходимость мне, и я любил всем напряжением душевных сил». Ему трудно было «любовь определить», поскольку жизнью его разума было мощное стремление к знаниям, от чисто детского любопытства до величайших усилий поисковых мыслей. Одна из них выражена в стихотворении «Поэт» памятью о «Рафаэле вдохновенном» и о «пречистой деве» со «священным ликом» (1828г.). Из детского и отроческого любопытства к природе, женскому полу и к «Портретам» людей выросла гениальная система лермонтовского знания. В нём важное место занимают идеи и идеалы, которые обрели свою плодотворность благодаря их

тесному единству с реальным миром. Но оно было недостижимым для идеалов добра и справедливости. Это чутко уловил юношеский ум Мишеля, который «У врат обители святой» узнал о том, как нищему «кто-то камень положил /В его протянутую руку». Юноша не замолчал этого вопиющего факта, ибо уже понимал, что реальность не соответствует идеалам добра и милосердия.

По признанию Лермонтова (1830г.), «со дня младенчества во мне» уже «хранится пламень неземной». Ему многое «велено... судьбой». Он должен был пренебречь «для тайных дум» двумя путями: любви и славы («Отрывок»). Лермонтов, который любил одиноко идти по дороге жизни («Выхожу один я на дорогу...»), рано решил остаться «в кругу людей», хотя он лишился «достоинств их» и своей «добродетели». В людях «до гроба есть» две жизни и «есть грозный дух», чуждый уму. Этому духу подвержены «Любовь, надежда, скорбь и месть». Грозный таинственный дух любит «терзать и мучить» людей: «В его речах нередко ложь; /Он точит жизнь, как скорпион».

Каким-то таинственным путём генетики Лермонтов, потомок вольнодумцев Шотландии и ратников Руси, воспринял два идеала – западный и восточный. Первый выражает величие жизни отдельной личности, о которой можно судить на основе индивидуальной жизни. На Западе, где укоренена первая жизненная стезя Лермонтова, настоящим обществом считается то общество, которое состоит из личностей. Личностями творческими и свободными были шотландские предки М.Ю. Лермонтова. Можно утверждать, что они были счастливы, свободны и обладали творческим началом.

Генеалогия по отцовской линии очень интересовала Лермонтова, у него возникли романтические догадки о своей фамилии, о далёком родстве с Томасом Лермонтом, который был поэтом-проищателем, зачинателем шотландской литературы (XIII в.). Поисковая мысль русского поэта проявилась в стихотворениях «Баллада» («Берегись! Берегись!..»), «Гроб Оссиана» («Под занавесою тумана... /Стоит могила Оссиана /В горах Шотландии моей...»). К могилам западных предков летит его «усыпленный дух»; он желает подышать «родимым ветром» и «вторично жизнь свою занять» от забвенных могил рода Лермонт. Михаил Юрьевич так и не узнал, что его генеалогия документально известна с XI в.

Вместе с западным идеалом свободной индивидуальности Лермонтов унаследовал русский идеал Правды в «государственном обществе» (формула В.О. Ключевского). На Руси отдельный человек не имел никакого значения; он приносился в жертву ради достижения державной цели. Вот уже почти тысячелетие действительно важным и необходимым является государственная власть в формах самодержавия или тандема руководителей. Государство рассматривается как нечто мистическое, почти божественное. Многовековая держава в России затаила в себе своё собственное благо. Оно должно выражаться в благополучии россиян. Однако господствующий класс во все века не принимал этого, не ценил ни правды, ни человеческого достоинства. Это важнейшее обстоятельство жизни учитывалось Лермонтовым, который особо дорожил своей Отчинойю. В стихотворении «Пророк» заявлено: «Провозглашать я стал любви /И правды чистые ученья...»

Наш напутчик жизни

Первая любовь России – творения Пушкина; вторая любовь – божественный посланник Лермонтов. В 100-летнюю годовщину со дня его рождения началась Первая мировая война; в 1941 году, когда отмечалось столетие со дня его гибели, шла Великая Отечественная война. Что ожидает нас в 2014г., в лермонтовское двухсотлетие? На российской земле уже осуществляется чудо православия и драма державного созидания. Но они ещё задействовали благодатные силы государственного строительства и русской классики. Видимо, поэтому вновь избранный президент России В.В. Путин вспоминал на собраниях избирателей М.Ю. Лермонтова, его «Бородино»; не был забыт также С. Есенин: «Если скажет рать святая, /Брось ты Русь, живи в раю, /Я скажу: не надо раю, /Дайте Родину мою».

В 1837г. Лермонтов откликнулся на 25-летнюю годовщину Бородинского сражения; он дополнил более ранний образ «Поля Бородина». Героическое событие было увидено глазами солдата, за которым стояли воины-герои. Мы и они простодушны и благородны; поэтом создаётся собирательно-монументальный образ русского народа. Слова «солдат» и «солдатский» Лермонтов употребил 26 раз, а «воин» – 28 раз. Поэт любил слова «род» и «родина». Первое упомянуто им 53 раза, а второе – 52 раза. Ратные традиции рода и родины – приоритетные ценности Лермонтова – офицера. Но ему пришлось полемизировать с официозным взглядом на войну с горами Кавказа. «Они» – объект его уважения и любви. Но «мы» и «они» вынуж-

дены воевать друг с другом, заниматься убийством, вместо того, чтобы жить в согласии, в мире, по-братски. Этого требует сама прекрасная природа, рождающая тайную и сердечную грусть: «Я думал: жалкий человек, /Чего он хочет!..» Лермонтову было чуждо приукрашивание отношений между «я», «мы» и «они»; он смотрел на них здраво и непредвзято.

Местоимение «я» упомянуто в лермонтовских произведениях 1850 раз. Подлинно «всё лермонтовское» выражено в стихотворении «Выхожу один я на дорогу» (1841г.). Он развивает три темы: 1) одинокой участи личности, идущей по «кремнистому пути»; 2) песенного голоса, «сладкого», «отрадного» и 3) вечного расцвета природы, которая рождает порыв к «отраде». Лирическое «Я» присутствует в семи стихотворениях «Баллада». У Лермонтова, как и Пушкина, было глубокое религиозное чувство, названное им «силой благодатной». Она проявляется в трудную минуту жизни посредством чудной молитвы – созвучьем святых слов.

Уже с первых шагов лермонтовской религиозности возникли образ Демона и проблема демонизма. Демонический герой является постоянно действующей персоной поэм, романов и драм. Она олицетворяет ожесточённый индивидуализм и силу разрушения существующих ценностей – материальных и духовных. Демон – падший ангел, злой дух, печальное существо, «дух изгнания» со своими «приключениями». Демонический герой пытается через любовь вырваться из мира зла. Перед нашими глазами встают проявления злой воли и результаты несправедливых обстоятельств. В жизни есть, видимо, неумолимые законы мироздания, губительного демонизма. Они рождают «мрачный дух сомнения».

В отечественной истории мы видим постоянную тягу к разложению и самоистреблению. Винаватым в таком пагубном уклоне является правящий, привилегированный слой. Он перестаёт руководить продвижением народа к лучшей жизни, останавливается, застывает и расхищает накопленные культурные богатства. Такая жестокая государственность – царская и советская – из твёрдой обратилась в затвердевшую и, в конце концов, омертвела в реакционной рутине. И современный господствующий слой бюрократии, олигархии и плутократии отказывается от прогресса, от духовного роста. Триста лет тому назад пришёл в Россию чудотворный строитель Пётр Великий. Он был проводником предначертаний Провидения, «свыше вдохновенный», по словам Пушкина. Существенным было и творческое слово Лермонтова, ибо оно прикасалось к мистической сущности России, к миру противоборства добра со злом.

Человек может выбрать жизнь либо деятельную, либо созерцательную. Выдающееся значение напутчика заключается в том, что он предлагает человеку на выбор эти два образа жизни. Они могут осуществляться в соответствии с их соотношением. Оно означает субординацию, производную от двух латинских слов: sub (под) и ordination (приведение в порядок). В служебном подчинении младшие подчиняются старшим, чего требует дисциплина. Действительное дело напутчика – ориентировать человека на путь, в дорогу или в вечность. Он обладает способностью советовать и учить. Поучение, учение и напутствие означают передачу другим, ближним и дальним, предварительно обдуманной истины. Поэтому Учитель постоянно созерцает и размышляет, действует и извлекает уроки.

Знакомая с произведениями Лермонтова, мы утверждаемся в необходимости размышления при созерцании и действии. Созерцатель и деятель открывал истины и передавал их читателям. Отсюда сложились две стороны лермонтовской жизни, из которых первая является наилучшей и главенствующей. Таковую представляет его *истинная гражданственность*, что позволяло Лермонтову быть ни атеистом, безбожником, ни тайным врагом самодержавия, революционером. Он стал трибуном, пережившим достойно «Смерть Поэта». Ираклий Андроников установил, что смерть Пушкина и рождение Лермонтова-трибуна неразделимы. Эти два гения были обречены, потому что они поодиночке выступили против целого сообщества посредственностей, которые были враждебны гениям. И это сообщество господ жаждало от них избавиться.

В фигурах двух писателей-классиков воплотились пророческие способности. Они являются разработчиками религиозно-философской традиции жизни. В центре её – Бог, а на периферии его окружности – люди. Лермонтов стремился быть поближе к Господу и Богоматери, поэтому он значительно сократил расстояние между людьми, которые предстают отдельными точками указанной окружности. Религиозный взгляд Лермонтова на мироздание необычайно поразителен. Он не уставав твердил наизусть «молитву чудную» о силе благодатной «в созвучье слов живых».

Многих, кто общался с Лермонтовым, удивляло его мировоззрение, непроницаемое для чужого взгляда и скрывающее очень многое. Декабрист М.А. Назимов, которого поражала «сбивчивость, неясность его воззрений», увидел в Лермонтове «реалиста, прилепленного к

земле, без полёта, тогда как в поэзии он реял высоко на могучих своих крылах» (В документальных материалах П.А. Висковатого). А.О. Смирнова-Россет, особенно расположенная к поэту, отметила, что у Лермонтова «религиозная струна очень поразительна», и он по-особому высказывает «глубокое религиозное чувство». Великий князь Михаил Павлович никак не мог понять, «кто кого создал: Лермонтов ли – духа зла или же дух зла – Лермонтова».

Убедительное доказательство последних слов – лермонтовская «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1837г.). Этой поэмой М.Ю. Лермонтов включился не только в споры о народно-поэтическом творчестве, но и о событиях отечественной истории. Одно из них упомянуто Н.М. Карамзиным в «Истории государства Российского» (Т. IX): опричник царя Ивана IV обесчестил жену имярек чиновника. Образ грозного царя ориентирован в литературе психологически: его деспотизм объясняется извращением характера. Но критик В.Г. Белинский увидел в поступках Грозного отражение конфликта между грозными объективными условиями и нереализованными возможностями государя. По моему мнению, Лермонтову удалось услышать извечную для России ложь. И вопреки своему обещанию простить победителя кулачного боя, Грозный губит купца Калашникова.

Лермонтов считал, что царская жизнь – это цепь убийств по произволу властителя. Николай I повесил пятерых героев. Николай II, втянув Россию в мировое побоище, отсек головы многим миллионам россиян. Произвол разума проявили и самодержцы революционного большевизма. От большевизма исходила ложь утопической идеологии. Верное служение идеологии было источником сталинской диктатуры.

Уже сотни лет царствует в России произвол властвующего рассудка. Ушли в небытие царская и партийно-идеологическая формы правления, изменялись отношения людей. Но одно остаётся неизменным: противостояние правды против лжи. Они противостоят в общечеловеческой и политике, в личной и социальной жизни. Неизменными остаются ложь политическая, ложь социальная, ложь моральная. Разнообразие обмана предстаёт не в очевидных одеждах зла, а в красивых костюмах добролюбия и правдивости, свободы и демократии. Именно ложь губит нравственность.

«Несокрушимость любви»

Эта формула введена в лермонтовское стихотворение «К себе» (1831г.). Юноша сразу же признаётся: «Как я хотел себя уверить...» Он стремился освободиться от любви и положить ей «предел». Но уверения в нелюбви обернулись новой и уже необратимой уверенностью в «её несокрушимости». Власть любви безмерна; попытки бунта против неё бесплодны и безрезультатны. Поэтому поэту остаётся принять неизбежность любви и её могущество. Выводимая им мудрость вполне годится для жизненного пути: «...влеченье Души нельзя нам побеждать» (курсив – П.С.).

Я не ошибусь, если замечу, что одними из самых любимых слов Лермонтова являются: любовь (упомянуто им 605 раз) и любить (903 раза). В них он видел проникновение в сущность жизни, в её смысл. Начиналась же любовь с предпочтения женщины самому себе. И от неё, «чрез много скучных лет /От жизни краткой, но мятежной /Какой-нибудь остался след». Поэт приветствовал безусловную свободу любимой: «Хочу любить...» «Любить... на время – не стоит труда, /А вечно любить невозможно».

Лирический герой любит «Родину» (странно), Отечество (мужественно), природу (жаркие объятия), родных (преданно), ребёнка (прекрасно). С любовью приходит и грусть. Лермонтов сам научился любить и желал другим – уметь любить. «Я не могу любовь определить, /Но это страсть сильнейшая! – любить /Необходимость мне, и я любил /Всем напряжением душевных сил». Способность любить – этот дар Божий – достался Лермонтову и от родителей, и от бабушки.

Реальный образ любви, который вписан в лермонтовскую мифологию, представляет собой Елизавета Алексеевна Арсеньева, урождённая Столыпина. Она признана самой знаменитой бабушкой русской словесности, а молодёжь сравнивала её с Марфой Посадницей. Бабушке были присущи черты строгости и повелительности, ей свойственна также «некоторая склонность к сочинительству своей жизни» (Е. Хаецкая). Её внук всегда выражал к ней свою любовь и почтительность («целую ваши ручки»), а бабушка называла его «мой милый друг». Она любила и обожала своего Мишеля, проявляла удивительную заботу о нём.

Единственным ребёнком Елизаветы Алексеевны и Михаила Васильевича Арсеньевых была Мария Михайловна. Ей сильно понравился редкий красавец Юрий Петрович Лермонтов (1787-1831 гг.). Он был беден и после свадьбы жил с женой в Тарханах (Пензенская губ.). Их единственный сын Михаил родился в Москве в ночь на 3 октября (по старому стилю) 1814г. От

родителей достался новорождённому дар любить, но его способность могла исходить как от Бога, так и от Его антипода. У родителей, предположительно, не было взаимной любви, что привело к семейному разладу между супругами. Марья Михайловна, остро переживая злые ссоры, скончалась в 1817г. в неполных двадцать два года. Для её трёхлетнего сына уход матери стал самым скорбным эпизодом памяти. Бабушка отбирает мальчика у отца, и внук перешёл в её полное и нераздельное «владение». По её признанию, «к родному внуку» она чувствовала «неограниченную любовь и привязанность как единственному предмету услаждения остатка дней моих...»

До нас дошли воспоминания тех, кто наблюдал воспитание будущего поэта. Его родственник И.А. Арсеньев рисует образ ребёнка, избалованного бабушкой до безобразия. Внучек-баловень пользовался безграничной любовью своей бабушки и «с малых лет уже превращался в домашнего тирана». Рассматривая объективно личность Лермонтова, литературовед и писательница Елена Хаецкая пишет и о его счастливом детстве, и о том, что он был любимым и обеспеченным ребёнком; правдой является и то, что мальчик – «баловень, неженка, домашний тиран...» (Лермонтов. М., Рере, 2011. С. 30). В одном отрывке, названном «Я хочу рассказать вам...», Лермонтов самокритично описал портрет одного детства (Саши Арбенина). В нём можно разглядеть и любовное воспитание Лермонтова – ребёнка. Как и Саша, «он научился думать...», начал искать забавы «в самом себе»; для него новой игрушкой стало воображение.

К отроку Лермонтову пришла первая любовь. Меня, уроженца Пятигорска, радует, что это случилось именно на Кавказе, когда он, «имея 10 лет от роду», впервые пережил любовное чувство к «девочке лет 9...» По его словам, «это была страсть, сильная, хотя ребяческая: это была истинная любовь...» Лермонтов оставил довольно короткие записи о своих влюблённостях в отрочестве. Находясь в ефремовской деревне в 1827г., он «во второй раз полюбил 12 лет...» Отрок рос в окружении приятелей, играл с ними, читал и сочинял; он не переставал влюбляться. В 1830г., учась в Московском университете, Лермонтов увлёкся прекрасным полом. Юношескую влюблённость отразил ряд стихотворений, названный «сушковским циклом». В нём страстный призыв: «...верь, о, верь, моей любви!» Однако отвергнутая любовь принесла поэту разочарование: им поставлены под сомнение земные и небесные ценности. Благоговение перед любовью к красавицам осталось в лермонтовской поэзии навсегда. Его лирика возвышается и одухотворяется любовью, которая является для него спасительной силой. Она помогает поэту любить «всем напряжением душевных сил...»

Во что верить и на что надеяться?

С любовью связаны понятия *вера* и *надежда*. Так, слово «верить» Лермонтов использовал 233 раза. Оно означало решение жить в уверенности, что наличное – это ещё не всё. Есть таинственное Божество и вера во всесильного и вселенскую гармонию. Поэт-мыслитель верит в возможность покинуть трагическое одиночество и войти в мир, где «всё внемлет богу...» С верой происходит отказ от индивидуалистического замыкания в самом себе. Лермонтов не отделял веру от любви и от способности любить. Верить – означало постоянные деяния, способность выйти за пределы своих возможностей. Глубоко веруя в Бога, Лермонтов высвобождал в себе способность к творчеству: «Смело верь тому, что вечно, /Безначально, бесконечно, /Что прошло и что настанет, /Обмануло иль обманет».

Нас может удивлять лермонтовская вера. Он верит в то, что ангел и демон являются простыми существами. Но «В одном всё чисто, а в другом всё зло». Выказав это суждение в стихотворении «1831-го июня 11 дня», поэт чётко сформулировал свой вывод: «Лишь в человеке встретиться могло /Священное с порочным...» Он верил в то, что можно надменно сбросить «Образованности цепи /И вериги бытия» («Отворите мне темницу...»). Демоническому герою возможно также вырваться из мира зла через любовь. Лермонтов намеревался «написать длинную сатирическую поэму: приключения демона» (запись 1831г.). Чтобы исполнить это, надо было верить и *надеяться*. Однако судьбе было угодно обменять смерть Лермонтова на его бессмертие. Он был убит 15(27 по новому стилю) июля 1841 года на дуэли. Целилась в него не французская рука, как в дуэли с Э. де Барантом, а русская рука Н.С. Мартынова.

Спустя сто лет, у подножия горы Машук, случай меня привёл в знаменитый «Домик Лермонтова». Пятигорск транслировал радиопередачу на весь Советский Союз, западная часть которого уже была оккупирована фашистской Германией. Лермонтоведы поведали мне о том, слово которого, по суждению А.А. Ахматовой, «слушается его, как змея заклинателя. Он превзошёл сам себя на сто лет!» Сегодня Лермонтов превзошёл сам себя уже более чем на 170 лет!

Любовь и Вера в русском национальном сознании обращены к *Надежде*. Более 270 раз обратился Лермонтов к этому прекрасному слову. Оно означает решение жить или обрести

бессмертие после смерти. Им было использовано много возможностей, чтобы жить, и лишь одна возможность – уйти в бессмертие. Как вера есть вера в индивидуальное воскресение, так и надежда есть надежда на духовное воскресение. Но в юности он скорбно думал о надежде: «На жизнь надеяться, страшась, /Живу как камень меж камней» («Отрывок», 1830г.). И почти десятилетие зрела лермонтовская юношеская надежда на человечество: «Над миром мы пройдем без шума и следа...» В «Стансы» включено признание: «Моя воля надеждам противна моим...»

«Зови надежду сновиденьем». Так начинается стихотворение Лермонтова (1831г.), в котором чувства поэта к женщине выражены с поразительной силой. С любимой «грех мне лицемерить. /Ты слишком ангел для того». В наше время, когда женская духовность умалается масс-культурой, должно вспомнить о лермонтовской высоте женственности.

В этом же году (1831г.) Лермонтов написал стихотворение «Надежда». Оно начинается словами: «Есть птичка рая у меня...» И далее следует поразительное её описание. Внемля её песне, «тягость мук забудешь...» «И часто в бурю я слышал /Тот звук, который так люблю; /И я всегда надеждой звал /Певицу мирную мою!» Итак, надежда – это «птичка рая», не у каждого она есть.

Женское начало в поэзии Лермонтова обладает удивительным величием. Оно предстаёт перед нами как другое начало человека. Лермонтов предложил нам признать величайшую необходимость женского компонента в эпоху модерна, которая игнорирует интеллект женщины и предлагает нам любоваться лишь красотой её тела. Увидеть в женщине целостного человека и её «священный лик» – в этом открылся глубокий смысл жизни. Женственность – это, несомненно, вечность, которой не обладает мужчина. Мужской любовью к женщине познаётся смысл жизни. Он не сокрывается женскими одеждами, а напротив, раскрывается в скромности и стыдливости. Бесстыдно обнажаемое тело закрывает постижение вечной женственности.

Женщина вынашивает новое человеческое существо – ребёнка. Благодаря детям личностность родителей развивается. Не стоит удивляться тому, что Лермонтов обратился с превосходным посланием «Ребёнку» (1840г.). Хотя момент удивления всё-таки возникает благодаря жизненному трагизму, исходящему от этого стихотворения. Автор смотрит на «прекрасное дитя», томимый воспоминанием «о грёзах юности», тайными отрадой и содроганьем. Мать ребёнка – любимая женщина поэта, но «страдания её до срока изменили...» Появление новой жизни ставит вопрос: «Неужели ребёнку будут доступны такие стороны высшего бытия, о которых родители даже не подозревали?» Но чтобы так случилось, между детьми и родителями должна быть не только любовь, но и правдивая коммуникация.

Однако наша отечественная история страдает от вопиющей неправды во взаимоотношениях поколений. Первая мировая война и революция усугубила эту ложь, доведённую до глубочайшего разрыва между поколениями. В связи с буржуазной контрреволюцией 90-х годов XX в. пришла мощная волна неправды относительно поколений в условиях реального социализма в СССР. Однако молодёжь узнаёт о героизме строителей новой формации, памятуя призыв Лермонтова: «Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!» У революционеров также были «ребяческие дни». И вместо желчных сетований по поводу современного бытия юноше более уместно сказать: «Прекрасное дитя, я на тебя смотрю... /О, если б знало ты, как я тебя люблю!» Любовь к детству – вот смысл вечности и преемственности поколений. И я называю надежду иметь своё потомство – чудесным сновиденьем.

Жертва жизнью за своё бессмертие

Лермонтовский путь – это постижение смысла смерти; он жил, чтобы познать истину конца борьбы добра против зла. Автор «Маскарада» устами Арбенина сказал: «Я не сотворён для людей теперешнего века и нашей страны». Тайна лермонтовской жизни, смерти и бессмертия заключена в вечной триаде: вере, любви и надежде. Лермонтов всегда предчувствовал раннюю смерть. В юношеской тетрадке Мишель написал: «Моё завещание... положите камень; и – пускай на нём ничего не будет написано, если одного имени моего не довольно будет доставить ему бессмертие!»

Что означает фундаментальная триада – вера, надежда, любовь? Лермонтов понимал её как связь и преемственность времён, увязанных между собою. Он внёс свой вклад в накопление знаний посредством писательского опыта. И последующие поколения в XIX, XX и XXI веках наследуют лермонтовский опыт познания. Смее думать, что русский гений догадывался о том, что от связи времён зависит работа «механизма» выживания рода человеческого.

Это требует развития и обогащения ноосферы, имеющей особое звучание слов-звуков. Лермонтов часто даже в бурю слышал птиц, и «всегда надеждой звал»... «тот звук, который так люблю...» Полёт птицы напоминает полёт идеи: она появляется, исчезает, в своё время вновь набирает высоту. Но почему-то России стали чуждаться птицы – идеи, называемые справедливостью, покаяние, сострадание, солидарность.

За последние три десятилетия в России произошли такие события, которые привели к тому, что, казалось бы, твёрдые понятия, незыблемые традиции и устоявшийся уклад жизни вдруг оказались для людей старшего и среднего возраста на самом деле не жизненной опорой, а чем-то шатким, неустойчивым и временным. Обстоятельства заставляют человека искать новые идеи и понятия. Он вспоминает традиции дедов и отцов, которые помогали людям выжить в различных катастрофах. Один из этих жизненных потоков – возврат к религиозной вере.

За жизнь поколений, выросших и сформировавшихся после катастрофы 1914-1922 гг., вера в основном оказалась утрачена. Лермонтов убеждает, что классика поможет прояснить многие вопросы и отыскать дорогу к Храму. Не сомневаюсь, что мудрость напутника найдёт своего читателя – независимо от его религиозной или национальной принадлежности. Великий поэт вопрошал: «Господа! Когда-то русские будут русскими?»

Лермонтов искал идеал человеческого достоинства, названного им «славой»: «К чему ищущему так славы я?» Ему ясен ответ: «хочет всё душа... / Во всём дойти до совершенства». Но это решительно отвергается самодержавием; имп. Николай I заклеил «Героя нашего времени». Слово догадываясь об этом отрицании, Лермонтов, годами раньше, «пронзая будущего мрак», признавался в страдании «бессильной» души («Слава»). В поле жизненного трагизма находятся в России два великих и вечных начал нравственности – начала общественного блага и начала свободного развития личности.

Совесть в понимании Лермонтова велит нам заботиться о благе общества, об устроении достойной жизни наших ближних. Он сам честно отдавал свои силы любимой Родине. Наряду с этим его совесть повелевала развивать индивидуальный дух, не угашать его, а напротив, давать широчайший простор той духовности, которая содержится в каждой личности. Он пытался это сделать и по отношению к своему другу Н.С. Мартынову. Но тот иначе понимал принципы «совести», «чести» и «достоинства», поэтому и не принял лермонтовской «любви к ближнему».

Лермонтову суждено отстаивать высокую идею сочетания двух начал жизни – начала прав личности и начала государственных интересов. В настоящее время россияне вновь поставлены перед лицом острой коллизии указанных двух начал бытия. Они уже начинают понимать то, что государственная власть при охране своих интересов не имеет права бесконтрольно распоряжаться судьбами подчиняемых ей личностями. Как раз таким деспотическим правом пользовался имп. Николай I. Он лишил своего подданного М.Ю. Лермонтова свободы и гражданских прав. Но долг гражданина не позволил Лермонтову перейти к неподчинению и самовольству, поставить хотя бы малую преграду произволу царской власти. Самодержавие государства в России живо, его произволу очень трудно противостоять. Лермонтов подсказывает вопрос: «Как всё-таки выйти из этих тяжёлых и, на первый взгляд, неустрашимых дилемм? Государство или общество? Власть или личность?»

В наших ли силах разрешить эти дилеммы и изменить несправедливые реалии? Думаю, что да. Потому что, как говорится, всё в мире предопределено, но всегда есть выбор. Есть выбор у России и у каждого гражданина.

Глобализация качественно изменяет условия жизни людей. Но современный человек, видимо, меняется не в лучшую сторону. Горожане отделились от природы, развитие цивилизации сделало людей более прагматичными, менее рассудительными и менее чувствительными к происходящему вокруг. Всё в политике, культуре, искусстве стремительно мельчает. Нравственный уровень людей и их духовных исканий не повышается, а, скорее, снижается. Наука, техника и технологии развиваются стремительными шагами, но духовно-нравственный потенциал человека, за редким исключением, делается слабее и слабее.

Мудрые богословы считают, что при любых обстоятельствах человек отвечает за себя, за свои мысли, решения и поступки. И перед Богом, и перед другими личностями, и перед самим собой. Религия утверждает, что хороший человек – это безусловная категория; для того, чтобы быть праведником, необязательно даже быть верующим. При таком подходе главными становятся нравственные критерии, выбор, за который каждый в ответе. Искусство, литература, философия и религия только ставят перед человеком вопросы, найти ответы на которые предстоит ему самому.

Лермонтов, не отклонивший роковой дуэли, знал, что можно погибнуть смертью, причисленной законом к самоубийству. Он предполагал, что найдутся те, которые похоронят его достойно. Что же произошло после его гибели? Священник Василий Эрастов, считавший, что Лермонтов «злой, дрянной человек» и самоубийца. Присяжный поверенный Г.Н. Прозрителев свидетельствовал о том, что «отец Павел согласен был похоронить Лермонтова с честью... и если бы не давление князя Голицына, то он был бы зарыт в яму через палача...» (Герман Беликов. Лермонтовский Ставрополь. «ТЭСЭРА», 2011. С. 79). Своей смертью, тождественной палачеству Николая I, Лермонтов причислил себя к пятёрке декабристов, казнённых царём. Тем самым Лермонтов своим безвинным страданием выявил огромную очистительную силу во имя победы добра над злом. И не только.

Вчитываясь в лермонтовские произведения, я прихожу к мысли о том, что молодого человека более всего волновала идея бессмертия души: «Не требует ли она жертвы ценою жизни?» И когда Лермонтов в 1841г. понял, что эта идея – наивысшая, то он «тяжёлой думой о конце» своего земного существования задал вопрос: «В самозабвенье / Не лучше ль кончить жизни путь?» Он пожелал заснуть «беспробудным сном». Почему? Зачем? Лермонтов, не достигнув 26 лет, уверовал в своё бессмертие: «С мечтой о близком пробужденье» («Я к вам пишу случайно; право...» 1840). Действительно, память о поэте не угасает, а крепнет. Непризнанный пророк напомнил о столетии своего рождения в годину Первой мировой войны (1914 г.) и о столетии со дня гибели в год начала Великой Отечественной войны (1941 г.). Теперь остаётся надеяться, что в год двухсотлетия со дня рождения М.Ю. Лермонтова (2014 г.) страшной войны не случится. И всё-таки что можно ожидать? Вопрос затрагивает, очевидно, главное лермонтовское «ученье о любви и правде». Оно убедительно свидетельствует о бессмертии его души и духа. В своём Дневнике Ф.М. Достоевский пишет: «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация, а высшая идея на земле лишь одна, а именно идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные «высшие» идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из одной её вытекают». Писатель совершенно верно считал, что идеи Бога и бессмертия души – одно и то же, поэтому человеку надо верить в добро, делать добрые дела.

Лермонтов знал, для чего он живёт и что без веры нет устоев жизни. Но его лишили истинной свободы духа. Для истинного пророка оставалась лишь беспросветная, кошмарная и самоубийственная атмосфера. Находиться в ней стало смерти подобно. И даже костюм Н.С. Мартынова – предмет шутки Лермонтова «горец с большим кинжалом» – мог привести к роковой дуэли. Лермонтов искал «свободы и покоя»; он «хотел забыться и заснуть» («Выхожу один я на дорогу...»). Каким образом: «Но не тем холодным сном могилы... / Я б желал навеки так заснуть, / Чтоб в груди дремали жизни силы, / Чтоб дыша вздымалась тихо грудь!»

М.Ю. Лермонтов живёт в русской и зарубежной науке и культуре; он соединяет Запад и Восток; лермонтоведение вносит новизну в диалог культур и цивилизаций, который продолжается уже более полутора веков. За своё бессмертие гений заплатил собственной жизнью.

ГЛАВА 4 «Я»? «МЫ»? «ОНИ»?

Первичное единство

Если бы российское общество, ныне расколотое на богатых и бедных, стало подлинной целостной реальностью! Оно не должно быть произвольным объединением отдельных индивидов, напоминающим волчью стаю. Если бы наше общество стало настоящей реальностью, в котором каждому и «нам» конкретно дан человек, дана неповторимая личность! В настоящее время индивид не только мыслит изолированно, но он действительно одинок и должен каким-то образом выживать. Почти половина молодых россиян мечтает оказаться за границей гнетущего их бытия. В России стало жить страшно и небезопасно. Верно заметил С.Л. Франк, что лишь в соборном бытии, в единстве общества подлинно реально то, что мы называем человеком.

Я не стану сейчас оспаривать субъективный идеализм, который лишь в субъекте видит некое абсолютно-первичное начало, обладающее первичностью и верховенством «я», бытием лишь для себя. Мне ясно, что существует реально «он», «мы», «они», которые не есть производное от «я». И я удовлетворён тем, что во мне не укоренены ни жизнечувствие индивидуализма, ни менталитет коллективизма. Мне приходится почти ежедневно пребывать в коллизии между «я», «мы», «они» и иметь в виду восприятие и познание «другого я», факт общения между сознаниями. С благодарностью я принимаю информацию от «других я», точнее

говоря, для меня важны и «он», и «ты», и «они» (включая американцев и китайцев). Нет ничего интереснее познания «чужого я», «ближних» и «дальних». «Я» для меня отношение к «ты», Александру, есть первичное единство с другим «я», ибо оно конструирует самоё моё существо «я». Возникло и существует смутное первичное единство в душах и духе, есть реальная соотносительная связь между «я» и «он» («ты»).

Это первичное единство рождает начало, которое выражено в грамматике словом «мы». Оно не является простой совокупностью многих субъектов («я»). С.Л. Франк верно заметил, что «мы» – не множественное число первого лица, не многие «я», а единство первого и второго лица. «Мы» существует как «я», «ты» и «вы», «он». В этом заключена замечательная особенность понятия «мы». За ним стоит семья, нация, государство, церковь, горожане или селяне.

О «мы» думал «он», Пётр Великий и к «нам» сюда, в Петербург, будут «все флаги в гости». Пушкин любил и помнил «чудное мгновение... ты». И поэт часто заявляет: «Я думал...», «Я вас любил...», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». «19 октября» в жизни лицейстов напомнило о «мы»: «Все те же мы: нам целый мир чужбина; /Отечество нам Царское Село».

Словарь В.И. Даля поясняет: я – то же, что назвать самого себя по имени. Подревнеславянски – «аз». Русские люди говорили: «Я-то я, да ты-то что ж?» А желая похвалиться, приговаривали: «Я-ли, не я-ли!» А Пушкин «вознёс» своё «я» до «сукиного сына». Прежде часто говорили: «Мир вам, и я к вам!» Хороша просьба: «Послужи на меня, а я для тебя». Человек уверен, что знает себя, сегодня – мне, а завтра – тебе.

Поэт Ф. Сологуб даже утверждал: «Я – бог таинственного мира, /Весь мир в одних моих мечтах». Каждый из нас – одинокий обладатель умственного клада, но рядом находятся ещё знающие об этом кладе, или им только кажется, что и они знают. Уверен я в том, что самолюбивое сердце шепчет ему: ты – обладатель тайного знания жизни, за которым находится тайное действие.

Мне симпатичны: В. Брюсов, который заявил: «Я – вождь земных царей и царь, Ассаргадон»; М. Цветаева: «Я кабацкая царица, – ты кабацкий царь»; Н. Гумилёв: «Я конквистадор в панцире железном». Мне памятливы слова А. Блока: «Я отрок, зажигаю свечи, /Огонь кадилный берегу...»

Если многое в жизни не случайно, то менее всего случайно жизнь и смерть человека. Вспомним те черты, которые они накладывают на человека. Постоянно вспоминаю Лермонтова: на свет я появился в Пятигорске вблизи «Домика Лермонтова», в детской коляске ежедневно бывал в сквере, где возвышается памятник поэту. Мне представляется дуэль у подножья Машука – любимейшей горы; вспоминаю Лермонтова, умирающего в горах во время страшной грозы. Незабываемы также его родные Тарханы. Вспомните дуэль Пушкина и три мученические дня после смертельного поединка. И во время работы над книгой о Сергее Есенине, и вот уже в течение пяти лет передо мною ужасная картина его смерти. Он, предполагаю, произнёс те же слова, что и Иисус Христос на виселице: «Или... Или... лама... савахфани». Все эти предсмертные явления, от которых меркнут текущие, но встают непреходящие образы. Ибо вся жизнь человека осмысливается его смертью.

«На смерть поэта» откликнулся Лермонтов. А в 1875г. умер «лермонтовский Мартынов». Более чем посредственный человек убил великую гениальную личность. Чувствовал себя свободным в этом волшебном мире А.А. Блок: «Твори, что хочешь, ибо этот мир принадлежит тебе». Эти слова звучат иначе не у живущих между нами, а у уже прошедших сквозь крещение смертью. Кончина Чехова и Льва Толстого с трагической полнотой закончили облик их судеб. Без их последних дней их жизнь не была бы завершена. Яркостью «Я» отличались крестьянские поэты – С. Есенин, Н. Клюев, С. Ширяев, С. Клычков. Их имена и творчество с полным основанием включают в Серебряный век русской поэзии.

«Мне имя – Марина»

В Россию вновь и вновь приходит гениальный поэт – Марина Ивановна Цветаева (1892-1941гг.). Верный взгляд на силу её поэзии бросил Е. Клюев: «У Марины Цветаевой нет не-стихов, у неё всё – стихи. И даже то, что мы привыкли считать прозой, – и это стихи...» От деятеля культуры и экономики А.С. Паникина я однажды услышал: «Цветаева подобна вихрю чувств, которые поднимаются из самого нутра, из него как пламя вырывается невообразимая страсть и не останавливается ни перед чем. Она сохраняет огромное напряжение даже в нежности, а любовь для неё – всегда страдание. Поэт несёт в себе обаяние цельной натуры, кото-

рая совершенно не способна на компромиссы. Цветаевская потрясающая сила захватывает читателя целиком».

«Вы, идущие мимо меня /К не моим и сомнительным чарам, – /Если б знали вы, сколько огня /Сколько жизни, растроченной даром, /...Почему мои речи резки /В вечном дыме моей папиросы, – /Сколько тёмной и грязной тоски /В голове моей светловолосой».

В пожелании «На радость» М. Цветаева заявляет: «...мы, как боги: /Целый мир для нас! /Всюду дома мы на свете, /Всё зовя своим... /...мы, как дети: /Целый мир двоим!.. /...друг у друга /Мы навек в плену!»

Поэта привлекали все «они»: «К вам всем – что мне, ни в чём не знавшей меры, /Чужие и свои?! /Я обращаюсь с требованием веры /И с просьбой о любви...» Верить, любить – что может быть больше? Постигание себя самого и человечества. И Марина Цветаева страстно постигает таинственную органичность существования. Она таится в слиянии женственности, поскольку в женщине «рокочит /Кровь и дух». Она признаётся Другу: «Равнодушные – дурная школа, /Ожесточает она сердца». Вот «Жнец – милосерден: сожнёт и свяжет, /Поле опять прорастёт травой... /А равнодушного – Бог накажет» /Страшно ступать по душе живой». Женская «неизжитая нежность» в страдании, она «душит». И страстность тела, и душа умоляет равнодушного Друга: «Хоть на алтын полюби – приму! /... – Так страшно слушать /Чёрную полночь в пустом дому!»

Женщине заданы Богом чувства, которые не надо воспевать «женскою отравой». И она мудро предлагает мужчине на выбор альтернативу двух рук: «Левая – она дерзка, /Льстивая, лукавая. /Вот тебе моя рука – /Праведная, правая!» Левая рука желает ласкать юношу. «О плачьте, девы, плачьте! /Плачь, мужественность!..» Возлюбленный юноша погиб, «звездою заклеимён...» Женщина кричит: «Плачь, Юность! – Плачь, Любовь! – Плачь, Мир!» В этом цветаевском крике заключена тайна женственности.

Праведная рука... Правда и праведность... «Не в силе Бог, а в правде» (Александр Невский). Вспомним русских императриц – обладательниц дерзкой левой руки. «Льстивая, лукавая» она приближала множество фаворитов, дарила им привилегии и имения. И царица, как и поэтесса, «сдружилась с новым другом... с сыном блудным». Но у первой – сильные мужчины, «дворцы – палаты», «войска – солдаты», а у второй – море и «лес с волками», пески, щебень и камень... М. Цветаева «счастлива жить образцово и просто: /Как солнце – как маятник – как календарь... /Быть... премудрой... /Знать: Дух – мой сподвижник, и Дух – мой вожатый!»

Поэт жаждет также постижения индивидуальности не только личной, но и социальной, ибо поэтическая душа «родилась крылатой – /Что ей хоромы – и что ей хаты!» У неё «Два на миру... врага, два близнеца, неразрывно слитых: /Голод голодных и сытость сытых!» Человек должен быть «любим». Она, Марина Цветаева, «хотела, чтобы каждый цвёл /В веках...» и мог уцелеть «на скрижалях». Она уверена в том, что «Где отступает Любовь, /Там подступает Смерть-садовница».

Марина Цветаева шлёт приветствие «Генералам двенадцатого года». Они «одним ожесточением воли... брали сердце и скалу», были царями «на каждом бранном поле и на балу». Молодым генералам «все вершины были малы /И мягок – самый чёрствый хлеб», ибо они – вершители «своих судеб». Поэтесса целует гравюру героя Тучкова-четвёртого; её восхищает то, что «три сотни побеждало трое!»... «Вы были дети и герои, /Вы всё могли». Генералы 12-го года «побеждали и любили /Любовь и сабли острее – /И Весело переходили /В небытие».

В наши дни, спустя 70 лет после ухода Марины Цветаевой, повторяются её слова: «Мне нравится, что Вы больны не мной, /Мне нравится, что я больна не Вами...» Она воспела воина, у которого «Все Георгии на стройном мундире /И на перевязи чёрной – рука»... Поэтесса видит своих «сестёр пылких» в аду. Ибо они не клонились в ночи «над люлькой да над прялкою». Мудрость поэта привела к пониманию, «что сладострастью кара – /Жестокая любовь и каторжная страсть». И эта же мудрость готовила её к смерти. Марине Цветаевой то хотелось «потихонечку умереть!», то она не хотела «Ждать смертного часа». Она создаёт потрясающий «Поезд жизни»: «Я хочу, чтобы поезд и пил и пел: /Смерть – тоже вне класса!» У неё «одно – конец».

Самое загадочное состоит в том, как удавалось Марине Цветаевой служить двум началам бытия – жизни и смерти. Загадку она приоткрыла в непревзойдённом эссе «Поэт и время» (1932г.). Оно посвящено искусству, поэтам, гениям и России. Однако в стране между поэтом и народом стоят политики. И она восклицает: «Если бы между поэтом и народом не стояло политиков!» На неотмытой совести последних смерть Сергея Есенина и Осипа Мандельштама. «Всякий поэт по существу эмигрант... Царства Небесного и земного рая приро-

ды». Его предназначение «быть современником – творить своё время, а не отражать его. Да, отражать его, но не как зеркало, а как щит». И М. Цветаева мужественно сражалась «с девятью десятками первого черновика», отстаивала «у времени то, что в нём вечного». Она знала: «Служение времени как таковому есть служение смене – измене – смерти». Она служила своему времени, исполняя «заказ с отчаяния», и вслед за Лермонтовым знала о том, что «Всё, кружась, исчезает во мгле /Неподвижно лишь Солнце Любви». Она и Пастернак, «не сговариваясь, думали над одним» и говорили они одно: о современности, о жизненном трагизме России. Все поэты Серебряного века осуществляли непрерывность развития русской культуры.

Кто же мы? Ответ Ахматовой

Лучший ответ даёт Анна Андреевна Ахматова (1889-1966гг.). От лирического героя «я» она переходит к «мы» – другу, мужу, сыну, единомышленникам. Она признала: «Добились мы покою /И непорочных дней...» В Заветной тетради она представляет дорогое ей «мы»: «Это муж мой, и я, и друзья мои /Встречаем новый год». Тогда её друг «Воскликнул: «А я за песни её, /В которых мы все живём!» Третий «Промолвил: «Мы выпить должны за того, /Кого ещё с нами нет». В стихотворении «Посвящение» Анна Ахматова признала: «Для кого-то веет ветер свежий, /Для кого-то нежится закат – /Мы не знаем, мы повсюду те же, /Слышим лишь ключей постылый скрежет».

Мы – всего «Нас четверо» (1961г.). Поэтесса «отступилась от всего, /От земного всякого блага... /Все мы немного у жизни в гостях, /Жить – это только привычка. /Чудится мне на воздушных путях /Двух голосов переключка... /Двух?» Третья весть «Тёмная, свежая ветвь бузины...» А четвёртая «Это – письмо от Марины».

В 1961 г. в Ленинграде Ахматова написала поэтическую картину «Родная земля». Из 1922г. приведено изречение: «И в мире нет людей бесслёзней, /Надменнее и проще нас». В стихотворении дан ответ на вопрос: «Как же мы относимся к родной земле?» Коротко: плохо, безответственно, бездуховно. «В заветных ладанках не носим на груди, /О ней стихи навзрыд не сочиняем, /Наш горький сон она не берedit, /Не кажется обетованным раем». Тогда, в советский период, землю не делали «в душе своей /Предметом купли и продажи». Очевидно, это было справедливым: не покупать, не продавать землю и не наживаться на купле-продаже. Однако плохо было то, что «хворая, бедствуя, немотствуя на ней, /О ней не вспоминали даже». Чем являлась земля для горожан? «Да, для нас это грязь на калошах, /Да, для нас это хруст на зубах. /И мы мелим, и месим, и крошим /Тот ни в чём не замешанный прах. /Но ложимся в неё и становимся ею, /Оттого и зовём так свободно – своею».

Кардинальным образом стали изменяться земельные отношения в постсоциалистической России. Буржуазные очертания приобрело землевладение – обладание землёй на определённых юридических условиях. В ряду последних – собственность, аренда, пользование и др.; они обуславливают права и обязанности землевладельца. Землепользование стало в России не только юридической и экономической проблемой, но и острой нравственной проблемой.

Анна Ахматова глубоко выразила человечность отечественной культуры. Ей пришлось вместе с ленинградцами разделить все невероятные трудности. В июле 1941г. появилось её стихотворение «Клятва»: «Мы детям клянёмся, клянёмся могилам, /Что нас покориться никто не заставит». Год спустя, в самые трудные дни, голодные ленинградцы читали на плакатах, наклеенных на стенах зданий, ахматовские стихи «Мужество»: «Мы знаем, что ныне лежит на весах /И что совершается ныне. /Час мужества пробил на наших часах, /И мужество нас не покинет». В её Клятве были слова о том, что «мы сохраним тебя, русская речь, /Великое русское слово. /Свободным и чистым тебя пронесём, /И внукам дадим, и от плена спасём /Навеки!»

Хорошо бы было почаще напоминать эти гордые слова в наши дни. Ахматовская поэзия необыкновенно красива и передаёт первозданную свежесть русского слова, полноту и глубину его звучания. Русский язык Ахматовой неподдельно выразил чувство Родины: «...Журавль у ветхого колодца... /В полях скрипучие воротца, /И запах хлеба, и тоска... /И осуждающие взоры /Спокойных загорелых баб».

В настоящее время перед нами многочисленные исследования А.А. Ахматовой внутреннего мира поэтов: Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока, Данте. Мы читаем её размышления о поэтах-современниках – И. Анненском, Пастернаке, Мандельштаме, Цветаевой, Табидзе и Яшвили. Она перевела на русский язык произведения многих поэтов.

Автору этих строк довелось полмесяца жить в подмосковном санатории в Домодедово, где 5 марта 1966г. умерла Анна Андреевна. Ощущение было приподнятое, будто внушённое скрытыми импульсами творчества. Они, предполагаю теперь, исходили от величия женщины, которая была, по её словам, «щедро взыскана дивной судьбою».

Судьба дивная? Но ведь Анна Ахматова пережила чудовищную смерть своего мужа Николая Гумилёва, расстрелянного в ЧК; тюремное заключение сына Льва, будущего выдающегося исследователя Руси-России; страшную клевету со стороны ЦК КПСС. Страдания... Страдания... Страдания. Выдающейся русской женщине было суждено следовать этому закону Духа – закону человеческого страдания. Она совершила нравственный подвиг, а моральное подвижничество есть движитель России. Однако она не последовала примеру другого поэта Серебряного века, который заявил: «Я, гений Игорь Северянин...»

Анна Ахматова призналась: «Я научилась просто жить, /Смотреть на небо и молиться Богу, /И долго вечером бродить, /Чтоб утолить ненужную тревогу». Чему она молилась? В ахматовском стихе «Молитва» говорится: «Дай мне горькие годы недуга, /Задыханья, бессонницу, жар, /Отыми и ребёнка, и друга, /И таинственный песенный дар – /Так молюсь за твоей литургией /После стольких томительных дней, /Чтобы туча над тёмной Россией /Стала облаком в славе лучей». Эти непревзойдённые строки подсказаны поэту в мае 1915, Духов день.

В майские дни 2012 года законодатели России принимали закон о митингах. Власть явно боялась думающего народа и чувствовала потребность в своей защите. Неужели Россия возвращается на «круги своя»?

Мы – не овцы, они – не диктаторы

Есть ещё ряд местоимений: он, она, они. Онъ – название пятнадцатой буквы русской азбуки. Он, она, оно являются личными местоимениями третьего лица; во множественном числе – они. В России говорят: что он, что она – одна сатана (муж и жена). Люди нередко недоумевают: всё да они – а когда же мы?

Западники, противопоставляя себя славянофилам, говорили: «они»; вторые думали о первых также. Когда рассказывали горожане о народниках, то в ход пускали местоимение «они». Символисты – представители первого значительного течения в модернизме – разделились на «мы» (старшие) и «они» (младшие, младосимволисты). В числе первых – В. Брюсов, К. Бальмонт, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Ф. Сологуб и др. Новую силу составили А. Блок, А. Белый, В. Иванов и др. Символисты называли «они» акмеистов и футуристов.

Акмеисты – Н. Гумилёв, А. Ахматова, С. Городецкий, О. Мандельштам – составили школу поэтического мастерства, которая художественно осваивала многообразный и яркий мир земного бытия. Мандельштам назвал акмеизм (вершина, расцвет) «тоской по мировой культуре». Для акмеистов культура была целью себе самой. Поэтому они возвеличивали ценность памяти, считая её важнейшим компонентом этики.

Местоимениями мы и они обозначали отличие футуристы, публично заявившие о себе в 1910 годах. Футуризм претендовал овладеть будущим и исполнить вселенскую миссию. Д. Бурлюк, В. Хлебников, В. Каменский, В. Маяковский, А. Кручёных, И. Северянин воплощали мечту о становлении сверхискусства, которое преображает мир на основе новейших технологических достижений. В 1917г. авангардисты образовали даже «Правительство Земного Шара».

Француз О. Бальзак сказал: «Все мы умираем неизвестными». Эти слова оказываются правдой для многих, но не для всех. Классики обладали известностью. По мнению Бальзака, «жизнь равняет всех людей, смерть выдвигает выдающихся». Так было, так, можно надеяться, случится и теперь. Выдающиеся в будущем – это, быть может, неизвестные или мало известные публике при жизни. Слава прижизненная – удел гениев или специалистов – разносторонних и разнообразных. Следует также заметить, что «мы» – лишь форма выражения, а читать или слышать следует «я». Валерий Брюсов заметил: «Пойми – весь мир, все тайны в нас, /В нас Сумрак и Рассвет». У Пушкина найдём и такое: «Мы к оной (грамоте) руку приложили»; это доказывает, что это слово нелишнее.

Думающие россияне необходимы стране. Ей нужны люди, которые не держат язык за зубами, но любят задавать другим и себе вопросы. К ним в первую очередь обращена настоящая книга. Она обращена к каждому, кто хочет обрести веру в достоинство и способность гражданина воздействовать на политические процессы. Ибо мы не овцы. Против сильного народа (мы) власть (она, они) бессильна.

В кипучем омуте жизни оказался россиянин. От выбора политиками того или иного пути зависит наше будущее. В государственной политике всегда были серьёзные проблемы, а также нечто такое, что мешает нам идти вперёд с уверенностью и твёрдостью. Охваченные колебаниями и раздумьями, мы испытываем тяжкие сомнения: в самом ли деле россиянам на роду написано достигнуть душевного удовлетворения и нормальной жизни? Часто кажется,

что люди не более как пешки в политических играх и надо жить просто, как живётся. Сейчас многие говорят: попытки добраться до правды и справедливости суть лишь погоня за иллюзиями и мечтами. Правильны ли эти взгляды? Чему сегодня верить, на что опереться?

На распутье стоит сегодня россиянин, охваченный «миллионом терзаний». В нерешительности находится мыслящий человек: куда и за кем идти? Многие уже разбрелись по разным дорогам. Человек прилагает усилия, чтобы просто остаться живым в этой бездне хаоса и распада. А жизнь есть как раз то, что питается порядком и организованностью. Между тем средства массовой информации чаще всего показывают нам не нормальную жизнь, а политический круговорот страстей и вражды, от чего простым людям лишь одни беды и переживания. Научимся ли мы распознавать своих лидеров, их истинные помыслы? Ведь издавна говорят в народе: «Если хочешь проверить человека, дай ему власть».

Самонадеянные политики уверовали, что им будто бы известны все истины политической жизни. Я же стремлюсь дать различные варианты толкования проблем, которые ещё не нашли полного решения. Поиск истин в жизни помогает возрастить в душе свойства, которые можно назвать гражданственностью и свободой. А с ними можно пережить житейские невзгоды, не утонуть в бурном море обещаний и обмана. О праве на свободу от лжи хорошо сказано у Пушкина: «Всё это, видите ль слова, слова, слова. /Иные, лучшие мне дороги права, /Иная, лучшая потребна мне свобода».

Со своей стороны я советую не останавливаться в рефлексии. Она неостановима, когда общество развивается, умножает свой интеллектуальный ресурс. О нём говорится в теории рефлексивных игр В.А. Лефевра. Цель его модели состоит в том, чтобы предсказывать индивидуальный выбор субъекта, входящего в группу, и исследовать возможности управления этим выбором. У группы, как у целого, могут быть собственные интересы. Связь интересов группы с индивидуальными интересами субъектов координируется принципом запрета эгоизма: каждый субъект, преследуя свои личные цели, не может наносить ущерб группе как целому. Этот принцип столь же важен в теории рефлексивных игр, как принцип гарантированного результата в классической теории игр. В книге Владимира Лефевра «Лекции по теории рефлексивных игр» рассмотрено большое число примеров анализа различных ситуаций из области личностных отношений, политики, международных отношений, военных решений и юриспруденции.

Сложную задачу задал нам, россиянам, Зб. Бжезинский. В книге «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство» (М., 2010) он предложил исторический выбор не только для США, но и для России. Вместе с Украиной ей следует войти в НАТО, а господствовать в мире или вести его должны Соединённые Штаты. Действительно ли благополучие Америки и мира, России переплетаются? На этот вопрос российский народ должен дать ответ. Ответ США, по Бжезинскому, ясен: Америка отыщет путь к тому, чтобы стать как гарантом глобальной безопасности, так и вдохновителем глобального общего блага. Так что же, будем восхищаться прозорливостью заокеанского автора? Или внимательно обсуждать внешнеполитическую стратегию правительства?

Я предлагаю задуматься над формулой России, выведенной Д.И. Менделеевым. Формула эта – российская срединная держава. Россия (мы) живёт между «они» в Западной Европе, США, Южной Америке и Канаде, с одной стороны, и «они» в Азии, в Китае и Японии. Россияне соседствуют также с южными народами, дружат с азербайджанцами, армянами и иранцами. Для Сергея Есенина «моими» были Баку и Персия.

Всё теперешнее в России – словно на перепутье. Мы ищем определённого круга действия и твёрдых правил. Многие тысячи россиян блуждают по свету телесно и духовно. Между тем на традициях человечества основана жизнь всех народов. Классики предлагают нам понять, какое место мы занимаем в общем строю. Цицерон спрашивал: в чём заключается жизнь человека, если память о протекших временах не связывает настоящего с прошлым? Для России её лучшее прошлое есть классическое самопознание, есть служение общенациональным интересам и самому себе, своей семье, ближним и дальним.

Смысл жизни для пророков – есть её совершенствование и продвижение вперёд, к лучшему порядку и разумной гражданственности.

From editors

We continue the publication of the book of the famous Russian philosopher P.I. Simush which reconstructs the philosophical content of the works of M.Y. Lermontov, S.A. Esenin, A.P.

Chekhov, A.A. Akhmatova, M.I. Tsvetaeva and other Russian writers and poets. The book also interprets the historical fates of the Russian philosophy through the variety of personal fates, ideas and concepts.

We count for the reader who could both read thoroughly the book and resound with the critical and interpretative feedback.

TRINITY VOICES SOUNDING IN THE CLASSICS

P.I. SIMUSH

*Institute of philosophy,
Russian Academy of Science*

*e-mail:
Ved2_Philosophy@bsu.edu.ru*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

«РУССКИЕ В ЕВРОПЕ» ОБЗОР ВСТРЕЧИ С ДОКТОРОМ ФИЛОСОФИИ Т. ОБОЛЕВИЧ (ПОЛЬША)

Н.М. МУРАДОВА¹
М.П. ШАРКОВАЙТЕ²

*¹Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: muradova@bsu.edu.ru)

*²Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: sharkovaite@bsu.edu.ru)

В рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 6 ноября 2012 года в НИУ «БелГУ», на площадке социально-теологического факультета прошла первая открытая лекция **«Рецепция русской философии в Польше в XIX-XXI веках»** доктора философии, профессора философского факультета Папского университета Иоанна Павла II **Терезы Оболевич** (г. Краков). Привлечение иностранного исследователя стало необходимым в связи с реализацией основной темы научного проекта: «Рецепция русской философии и литературы в европейской культуре 20-21 вв.», реализуемого коллективом преподавателей, аспирантов и студентов НИУ «БелГУ». Научным координатором со стороны университета является доктор философских наук, профессор кафедры философии Светлана Климова.

Задача проекта – научная оценка рецепции русской философии и литературы классического и модернистского периодов в современной западной интеллектуальной мысли Польши, Канады, США и др. стран с целью развития конструктивного научного диалога и создания общего интеллектуального пространства разных культур. Это позволит усилить развитие творческого диалога между народами, расширить социокультурное пространство отечественной гуманитаристики, занять достойное место в мировой мысли.

Своей лекцией профессор Оболевич постаралась ответить на главный вопрос: как воспринимали русскую культуру и что именно заимствовали из её интеллектуального наследия в Польше? Интерес поляков-интеллектуалов был обращен к русской культуре и во времена, когда часть Польши находилась в составе Российской империи (с конца XVIII - начала XX вв.), и в годы польской независимости (1918-1939), и в поствоенный период (1944-1989), и сегодня (с 1989). Интерес к русской мысли не угасает по многим причинам: начиная с субъективных и заканчивая научными, историческими, общекультурными,

географическими и конечно, общественно-политическими. Во многих польских вузах Варшавы, Кракова, Вроцлава, Зелёна-Гуры, Лодзи, Люблина изучают русскую философию, художественную литературу, искусство. Основательно анализируется наследие Льва Толстого, Фёдора Достоевского, Владимира Соловьёва, Николая Бердяева, Семёна Франка, о. Сергия Булгакова, Павла Флоренского и других выдающихся отечественных мыслителей. И если в прошлом поляков больше привлекали в русском контексте рассмотрение политики, проблем социальной философии, философии истории, то сегодня популярны темы, связанные с религиозной философией и философской антропологией. Осмыслить причины подобной переориентации возможно только в контексте цивилизационных перемен, происходящих в европейском и современном мировом пространстве.

Дискуссионный семинар: «Русская культура – часть мировой?», который состоялся после лекции, с участием преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов социально-теологического и филологического факультетов НИУ «БелГУ», показал, что тема рецепции волнует нас сегодня не меньше, чем ранних славянофилов или западников, когда-то также собиравшихся в кружках, чтобы поспорить об особенностях русского «духа», западной онтологии или возможном диалоге между «Россией и Европой».

Работа началась со вступительного слова Климовой С.М. Отметив абсолютно свободный формат встречи, она передала слово доктору философских наук, профессору кафедры философии Кроткову Е.А., чье выступление не было запланировано в программе мероприятия и спровоцировало действительно свободное и активное обсуждение. Профессор Кротков поставил перед аудиторией, и перед самим собой, вопрос: какое место в русской духовности занимает философия; и главное, что значит занимать место в мировой философии? «Русская философия 19-нач. 20 века работала в тех же парадигмах, что и западная философия, - тогда ее можно рассматривать как часть мировой, но здесь естественно возникает вопрос: что нового-свежего-гениального дала русская мысль в рассматриваемые эпохи?» В ходе рассуждения, автор предложил видеть действительный вклад русского мышления - в противопоставлении двух начал: христианско-православного и просветительского/светского/атеистического.

В русской художественной литературе, на его взгляд, произошло как бы "стягивание" этих двух направлений, выраженное средствами художественными, через образ. В результате русская литература обрела в мировой культуре уникальную роль – стала пространством поиска новых основ мироустройства. Но среди русских имен, отмеченных в лекции проф. Оболевич, Евгений Алексеевич не видит оригинальных философов, чей вклад в копилку мировых философских идей был бы очевиден. Более того, Кротков не согласен с тем, что русские религиозные мыслители видели только одну возможность познания, опирающуюся на религиозное мировоззрение. Отсюда его итоговый вопрос: «а безрелигиозная философия, разве она должна быть отвергнута? – как это сквозит рефреном в произведениях русских религиозных философов. Почему, если Бога нет, то ... ты автоматически становишься негодяем?... В наш век так нельзя рассуждать...». Здесь же профессор Кротков задался истинно русским философским вопросом: «Что делать?» и сам предложил ответ: «пора оставить умозрительные «игры в бисер» с философскими конструктами, необходимо объединиться перед лицом глобальных угроз всему роду человеческому, для поисков реальных путей противостояния этим угрозам. А для этого необходимо преодолеть разобщенность мирового сообщества... И первое, чем надо заняться философам – выделить единое аксиологическое пространство жизненной идентичности, применительно ко всем народам, нациям, этносам и т.д. и здесь, мне кажется, что человечество, познавшее горечь эгоизма, вплотную приблизилось к прозрению...».

Не менее спорным стал вопрос, поставленный в докладе студента отделения философии Антона Масленникова: «Насколько правомерным является употребление таких эпитетов как: «французская», «английская», «немецкая», «русская» и прочих, по отношению к такому специфическому виду деятельности как «любовь к мудрости»? Не совершаем ли мы ошибки, члени пространство мысли на, как бы, географические зоны?» Автор предположил, что *национальность* (философии) есть лишь предпосылка, а не онтология мышления. Можно или быть, или не быть философом (продолжать традицию греческих мудрецов)... При этом, отвечая на вопрос о том, что же такое философия, Ан-

тон процитировал Ж. Делеза, для которого *философия – это непрерывное творчество концептов*.

Пожалуй, все очевидней, что уловить ту самую *русскость* можно в русском слове, реальном русском имени, созвучном не только прошлым, но и нашей эпохе. Выступление докторанта кафедры философии Салмановой И.Ф. было посвящено Л.Н. Толстому. Она актуализировала в своем выступлении проблему восприятия и современного прочтения творческого наследия Л.Н.Толстого на Западе, показала общий качественный сдвиг в зарубежном толстоведении, наметившийся в последнее время. С ее точки зрения, «кричащие противоречия» Толстого, по-прежнему, остаются точкой отсчета в осмыслении его наследия, как в России, так и на Западе. Однако есть безусловная разница в размышлениях и оценках толстовской антиномичности на рубеже 19 – 20 веков и современным, не менее напряженным и страстным осмыслением его личности на рубеже 20 – 21 веков. В чем суть этой разницы? *«Сегодня, на рубеже 20 – 21 вв., в понимании Толстого основополагающим становятся не столько его противоречия, сколько принцип целостности, целостный подход в осмыслении его уникальной личности. Этот принцип не отрицает противоречий, не сглаживает противоположностей в толстовском творческом мышлении, искусственно не примиряет его парадоксы, но формирует принципиально новую методологию в понимании личности, в понимании человека. Это своего рода новый, ренессансный подход в западной антропологии и искусствоведении, во многом спровоцированный именно русской литературно-философской мыслью, которая настойчиво вырабатывала свой – нерациональный, неклассический подход в осмыслении человека и мира»*.

Профессор Оболевич отметила, что задав на Западе вопрос: «Кого из русских вы знаете?», следующим после Толстого будет обязательно произнесено имя Достоевского. При этом указала, что *«Достоевский воспринимается не только с точки зрения художественной ценности, но и с точки зрения того пласта мысли, который он выражает»*. И здесь проф. Кротков Е.А. вновь отметил, - «и ведь эта мысль *художественная*», на что проф. Климова С.М. заметила: «приведу точку зрения В.Ф. Асмуса, который рассматривал художественное мышление, философское и говорил, что у литературных произведений есть *преимущество* - мыслить образами. В образе есть понятие, идея, но есть еще кое-что, чего нет в голых категориях, - есть действующий субъект, наполненный логикой живого, поэтому здесь *плюс* философии, а не минус, под названием «художественное»...»

О Достоевском размышляли сквозь призму современного источника. В 2011 году в свет вышла книга Деборы Мартинсен «Настигнутые стыдом» (Surprised by Shame¹), которая посвящена исследованию проблемы стыда в творчестве Ф.М. Достоевского на материале романов "Идиот", "Бесы" и "Братья Карамазовы" (для преподавателей русской литературы, студентов, аспирантов). Обсуждению этой книги был посвящен доклад доцента кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ» Бардыковой И.В.: «Достоевский: провокатор или жертва интерпретаций?» Ирина Викторовна выразила следующую мысль: *«Достоевский в американской славистике совсем не рассматривается как выразитель русского национального самосознания, нет стремления прочесть его и в мировом культурном контексте и «связать с его открытиями движущую идею человечества. Не становится он и точкой отсчета при анализе явлений современной культуры. Исследование Д.Мартинсен, несмотря на то, что в нем прослеживается определенная логика и структура, несмотря на то, что некоторые моменты и детали представляют несомненный интерес и свидетельствуют о глубоком знании автором текстов Достоевского, – это стремление синтезировать, ставший анахронизмом подход, рассматривающий противостояние России и Запада (интеллигенции и народа, разума и веры)»*. По мнению докладчицы, современная гуманитарная наука признала невозможность незаинтересованного знания, недетерминированного своей культурой и жизненным опытом, поэтому исследователь должен, находя значимое в изучаемом явлении, внимательно относиться к *предпосылкам в мышлении*, почерпнутым из культурной традиции.

¹ www.labirint.ru/books/289186/

До сих пор западный исследователь, как и обычный читатель, при попытке интерпретировать образ России и размышлять над вопросами взаимоотношений России и Европы, при попытке искать их сходства и различия, симпатии и антипатии обращается в первую очередь к русской литературе. О том, какой коллективный миф о России (и почему) бытует в сознании Европейцев пыталась обозначить в своем докладе студентка филологического факультета Болдырева С. Она указала, что *«на Западе сложился некоторый особый образ, функция которого - преломлять российские реалии. Образ России в глазах Запада (как и всякий образ в принципе) не обязательно будет обладать точнейшим сходством с оригиналом или такое сходство может быть весьма отдаленным. В большинстве случаев он подчиняется собственным закономерностям возникновения, функционирования и развития. Но именно это свойство делает его особенно ценным как для понимания оригинала, так и в более широком культурно-мировоззренческом и практическом смысле.*

То, как Россия воспринимается людьми других культурных регионов, в частности людьми Запада, позволяет взглянуть на нее со стороны, под новым, порой неожиданным углом зрения. Знание особенностей того, что думают о нас другие, важно для практических целей: без такого знания невозможно полноценное общение и сотрудничество». Профессор Оболевич подтвердила, что идея мифологизации России Западом имела место, но и опровергла ее нынешний статус. Так она подтвердила, что очень долгое время существовал миф о «загадочной русской душе», с ее особой духовностью, который стал разгуливать по Европе, благодаря влиянию Н. Бердяева. С другой стороны, сегодня, уже практически никто не мыслит и не говорит в этих мифологических установках, сняты многие выдумки о России.

Студентка 5 курса специальности «философия» Шарковайте Маргарита выступила со своеобразным отчетом о своем посещении столичной лекции словенского философа Славоя Жижека, имеющего сегодня противоречивую популярность. Сообщение «Российский «зритель» С. Жижека» обратило внимание слушателей на тот факт, что культуру нации можно рассмотреть посредством анализа её межкультурной интерпретации. Для молодого русского интеллигента-интеллектуала Жижек – это феномен учителя-нигилиста, сформированный эпохой заката высокой культуры. Жижека идут не столько слушать, сколько смотреть, видеть, потому что сейчас, чтобы продвигать свои идеи в массы, мало быть только академическим авторитетным исследователем, нужно устраивать перформансы и играть с публикой, то есть говорить на одном кодовом языке с той аудиторией, на чью реакцию ты рассчитываешь. Вопрос о том, какой должна быть центровая для русской интеллигенции фигура, вызвал оживленную дискуссию.

Аспирант кафедры философии Иван Жиленков в своём докладе «Александр Кожев: гегельянский проект диалога культур» коснулся вопроса об участии русских эмигрантов в культурном диалоге между Россией и Западом. Выступление было посвящено фигуре Александра Кожевникова, родившегося в России и «ставшего» впоследствии французским философом Кожевом. Получив известность благодаря своему оригинальному комментарию к «Феноменологии духа» Гегеля, Кожев оказал серьёзное влияние на формирование ряда направлений западной философии, в том числе – французского атеистического экзистенциализма. Однако в этом влиянии под вопросом оказывается положение Кожева как представителя русской культуры. Получив университетское образование в Германии, Кожев принадлежал скорее западной философской традиции, и значение русского элемента в его творчестве было весьма опосредованным. С другой стороны, для Кожева была характерна ориентация на межкультурный диалог, основанный на гегельянском проекте объединения всех «разумных существ» вне зависимости от культурных различий.

После выступления докладчика профессор Оболевич отметила, что в Польше изучается наследие Кожева, однако к предложенной им интерпретации философии Гегеля существует противоречивое отношение. Кандидатом филологических наук Л.П. Соломахиной был задан вопрос о влиянии художественной литературы на творчество Кожева, а также о его личных знакомствах с русскими и французскими писателями. В ходе дискуссии звучали реплики и вопросы, имеющие отношение к уточнению биографических фактов об А. Кожеве, а также мотивов, которыми он руководствовался, создавая свою творче-

скую историю. Доклад вызвал живой интерес публики, что в очередной раз продемонстрировало желание русского человека, русского исследователя самоидентифицироваться в культуре, утвердить себя в рамках именно той парадигмы, влияние которой кажется для самого субъекта наиболее очевидным.

Доклад аспирантки кафедры философии Шароновой Екатерины «Специфика дискурса «инакомыслящих» в немецкой публицистике 20-40-х гг. XX века» развивал идею инаковости как одну из ключевых в вопросе о культурной идентичности. Россия, так или иначе, заимствовала на протяжении истории передовые тенденции Запада, в частности, Германии, которая оказала, пожалуй, наибольшее влияние не только на русскую мысль, но и на сознание русского интеллигента. Докладчик прояснила основные тенденции, характерные для дискурса довоенной Германии, времени, когда страна приютила русских эмигрантов. Помимо острой политической борьбы в 20-40-е гг. разворачивается борьба за сознание масс, победить в которой можно путем внедрения и ангажирования своих политических интересов через СМИ, доступные широкому кругу читателей. Борьба идеологий вылилась в формирование дискурса так называемой «иной мысли», которая всячески пыталась утвердить свою главенствующую роль в формировании культуры. Свободное формирование политического дискурса стало возможным только благодаря публицистике – свободному тексту и жанру. Публицист, отмечает докладчик, воспринимает «патриотизм» как следование своему предназначению, данному от природы, как своего рода мистический фатализм, определяющий жизнь и поступки человека, на благо обществу, государству, истории и человечеству.

Горбатенко Анжелика, студентка 4 курса специальности «философия» представила для обсуждения доклад «Рецепция имяславия в западной мысли», что было еще одной попыткой рассмотрения проблемы культурной самоидентификации посредством семантико-лингвистического анализа. Необходимо подчеркнуть, что докладчик парировала высказанное в начале семинара мнение о том, что религиозность русской философии с неизбежностью демонстрирует ее метафизичность и догматичность. И в религиозно-мистической практике может созреть своя оригинальная методология поиска рационально доказываемой истины. Примером этого могут служить «имяславские споры», зародившиеся в Свято-Пантелеимоновском монастыре на Афоне. Философская теория имяславия состояло в реалистическом и аналитическом подходе к языку. Особенность имени раскрывается в процессе именованья, который противоположен понятийному закреплению смыслов за словами и деконструктивному разбору языка (теории Ф. де Соссюра). Студентка в докладе отмечает, что западные исследователи языка приняли важность персоналистического характера именованья, но в познании через именованье появляется новая черта – внимательное, не безразличное обращение к «нечто». Вывод докладчика кажется парадоксальным: и философ, и мистик в процессе самопознания одинаковым образом выходят за пределы своего человеческого «рацио», чтобы постичь некий непознанный внеположенный себе объем, и на этом пути они движутся в равных условиях, где речь о чисто рациональном или чисто трансцендентальном, метафизическом просто невозможна.

Доклад нашел много откликов аудитории. Преподавателями филологического факультета были высказаны положительные отзывы о содержании выступления. Особенно была подчеркнута актуальность темы аналитического и семантического анализа не только философии, но и богословия. Выводы, полученные в ходе такого анализа богословия, позволяют прояснить и оценить ту самую специфику, которая характерна для русской религиозной философии как самобытного и оригинального явления мировой культуры.

Завершающей дискуссией семинар веселой нотой стало самостоятельное социологическое исследование, проведенное студенткой 3 курса специальности «философия» Наумовой Аленой, которая опросила свыше тридцати иностранных студентов, обучающихся в НИУ «БелГУ», выясняя их знания о России и русской культуре. Как и предполагалось, большинство иностранцев читают и знают Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, что еще раз подтверждает реальную значимость последних не только для отечественной, но и для мировой культуры. Некоторые студенты также вспомнили имена Пушкина, Гоголя, Чехова, и кое-кто (студенты из Китая и Вьетнама) даже Ленина. Один иностранный студент даже считал, что мы живем в СССР и строим социализм... В целом, представ-

ления о России очень скудны и фрагментарны. Многие только в России начинают знакомиться с нашей культурой и обычаями.

На сегодняшний день перед нами стоит проблема преодоления негативного и искаженного восприятия русской философии и литературы в западной мысли, сформировавшегося в XX веке в результате идеологической зашоренности, характерной и для советской, и для западной методологии описания социокультурных процессов; а также мифологизации и демифологизации культурных традиций и принципов познания.

В соответствии с развитием в современной гуманитаристике методологии западного постмодернизма, становится очевидным многообразие (плюрализм) проектов жизни, философских учений и научных концепций, которые не только взаимодействуют, но и научно обогащают друг друга. Эти методологические подходы имеют место и в развитии современного научно-гуманитарного познания в России, что актуализирует необходимость обновления и реструктуризации научно-исследовательской и преподавательской деятельности в области философии и филологии. В философских и филологических теориях идет поиск основ нового мировоззрения и новой методологии реконструкции идей.

Нужно отметить, что организаторам удалось достигнуть следующей цели - создать действенное пространство научного дискурса и провести живой диалог между всеми его участниками.

“Russians in Europe”: Review of the meeting with the Doctor of philosophy T. Obolevich (Poland)

N.M. Muradova¹
M.P. Sharkovaite²

^{1Research University}

e-mail: muradova@bsu.edu.ru)

^{2Research University}

e-mail: sharkovaite@bsu.edu.ru)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Анохина С.В.** – кандидат юридических наук, адвокат, заведующая филиалом «Юстина» Воронежской межтерриториальной коллегией адвокатов
- Артюшенко Д.В.** – аспирант кафедры судебных экспертиз Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина
- Бажина Е.А.** – аспирант кафедры политологии и философии Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины
- Беляева Г.С.** – преподаватель Юго-Западного государственного университета
- Богущая А.В.** – стажер-исследователь кафедры международного права Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава мудрого»
- Борисов Г.А.** – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Борисов С.Н.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры
- Бражник Г.В.** – декан факультета среднего профессионального образования Белгородской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Я Горина
- Быхтин О.В.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Вангородская С. А.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Варава В.В.** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Воронежского государственного университета
- Васильева Н. В.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Московского гуманитарного университета
- Васильченко Д.Г.** – кандидат экономических наук, методист деканата дополнительного и послевузовского профессионального образования, Муниципальное автономное учреждение высшего профессионального образования «Воронежский институт экономики и социального управления»
- Грошовкина Н.А.** – старший преподаватель кафедры теории и методологии социологии Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко
- Донец Р.В.** – аспирант кафедры конституционного и муниципального права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Дорош Т.Л.** – аспирант кафедры политологии и философии Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины
- Жорник А.М.** – бакалавр 3 года очной формы обучения Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета

- Заложных Ю.С.** – аспирант кафедры философии и социологии Калужского государственного университета им. К.Э.Циолковского
- Иванова Е.В.** – кандидат юридических наук, доцент Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина
- Игнатенко В.Н.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права № 1, Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого»
- Калугин В.А.** – доктор экономических наук, зав. кафедрой экономики и управления на предприятии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Каменева Т.Н.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Курский государственный университет»
- Килимник И.И.** – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой Правового обеспечения хозяйственной деятельности Харьковской национальной академии городского хозяйства
- Кочнев С. В.** – кандидат социологических наук, преподаватель колледжа Московского гуманитарного университета
- Коцюмбас С.М.** – судья Белгородского областного суда
- Курмаз Т.А.** – ассистент кафедры Правового обеспечения хозяйственной деятельности Харьковской национальной академии городского хозяйства
- Лашов В.В.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Международной академии предпринимательства, докторант-стажер философского факультета Московского государственного университета
- Левченко В.Е.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Леонтьева А.Н.** – младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем региональной экономики Российской академии наук
- Лыткин В.В.** – заведующий кафедрой Религиоведение, социально – культурная антропология и туризм Калужского государственного университета им.К.Э.Циолковского
- Майданская И.А.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Таганрогского института управления и экономики
- Марциновская Д.С.** – аспирантка кафедры религиоведения, теологии и культурологи философского факультета Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника
- Мурадова Н.М.** – аспирант кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Науменко А.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры Правового обеспечения хозяйственной деятельности Харьковской национальной академии городского хозяйства
- Новикова А.Е.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Панкратова Е.В.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и обществознания, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ивановский государственный университет»

- Пожарова Л.А.** – аспирантка кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Прокофьева А.Н.** – аспирантка Харьковской государственной академии культуры
- Радугина О.А.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Воронежского архитектурно-строительного университета
- Ревин А.И.** – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры лесоводства, лесной таксации и лесоустройства ФГБОУ ВПО «Воронежская государственная лесотехническая академия»
- Реутова М.Н.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Решетникова Е.В.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики
- Римский В.П.** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Салманова И. Ф.** – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории культуры Белгородского государственного института искусств и культуры
- Сапрыка В.А.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Симуш П.И.** – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН
- Тетенков Н.Б.** – кандидат философских наук, доцент кафедры Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова
- Тонков Е.Е.** – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, декан юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Турчанина Ю.А.** – аспирант кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Финогентов В.Н.** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Орловского государственного аграрного университета
- Хряпченкова О.С.** – аспирант кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова
- Цурлуй О.Ю.** – ассистент кафедра уголовного права и процесса Белгородского университета кооперации, экономики и права
- Шарковайте М.П.** – аспирант кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шмигирилова Л.Н.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ягуткин С.М.** – доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмент организации Белгородского государственного национального исследовательского университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ: ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО В ЖУРНАЛЕ «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета»

Уважаемые коллеги!

Материалы в журнал необходимо высылать в двух экземплярах с приложением внешней и внутренней рецензий (для аспирантов необходима рецензия или соавторство научного руководителя):

- первый экземпляр по адресу: 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-геологический факультет, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте: в раздел «Философия» – Rimskiy@bsu.edu.ru (Римский Виктор Павлович, главный редактор серии); в раздел «Социология» – Babintsev@bsu.edu.ru (Бабинцев Валентин Павлович, заместитель главного редактора); в раздел «Право» – ETonkov@bsu.edu.ru (Тонков Евгений Евгеньевич, заместитель главного редактора); во все разделы – SBorisov@bsu.edu.ru (Борисов Сергей Николаевич, ответственный секретарь серии журнала).

Редакция проводит внутреннее рецензирование всех материалов и оставляет за собой право отправить на доработку или отклонить полученные работы.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются.

Материалы, присланные без соблюдения требований к оформлению, редколлегией не рассматриваются.

Требования к оформлению материалов для представления в журнал:

1. УДК научной статьи.
2. Аннотацию статьи (не более 1200 знаков).
3. Ключевые слова.
4. Текст статьи (должен иметь введение и выводы).
5. Библиографический список.
6. Ссылки.
7. Внешняя рецензия доктора наук, рекомендация кафедры, рецензия научного руководителя (для аспирантов).
8. Сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны).
9. Объем статьи – до 1 усл.п.л. или уч.-изд. лист (до 16 страниц)
10. Объем сообщения – до 0,5 усл.п.л. (до 8 страниц).
11. Объем рецензии или обзора конференции – до 0,3 усл.п.л. (5,4 страниц).

} на русском
и английском
языках

} на русском
языке

Технические требования к оформлению текста статьи:

1. Поля:
  - правое – 1,5 см;
  - левое – 3,0 см;
  - нижнее – 2,0 см;
  - верхнее – 2,0 см.
2. Шрифт:
  - гарнитура для заголовков – Impact (14 кегль) прописной, для статьи – Georgia (11 кегль), для сносок и литературы – Georgia (10 кегль);
  - межстрочный интервал 1,0 пункт.
3. Ссылки:
  - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
  - нумерация – автоматическая, сквозная по статье;
  - текст сноски располагается с абзацным отступом внизу каждой страницы;
  - размер шрифта – 10 кегль.
4. Библиографический список:
  - список литературы с полными названиями работ приводится в порядке цитирования;
  - при ссылке на данные, полученные из Internet, указывается электронный адрес цитируемого источника, например: www.soclib.ru/2007/5;
  - при ссылке на монографии указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название книги, город, название издательства, год выхода издания с соблюдением ГОСТ;
  - при ссылке на статьи из журналов указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название статьи, через косую линию (/) указывают авторов согласно ГОСТ, затем название журнала, год, том, номер, страницы ссылки;
  - при ссылке на авторефераты диссертаций указывают фамилию, инициалы автора, полное название работы, докторская или кандидатская, место и год издания.
5. Примеры оформления статей, сносок, сведений об авторах, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи и сведений об авторах

УДК 130.2

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
МЕЖДУ МИФОЛОГИЕЙ МОДЕРНА И РАЦИОНАЛЬНЫМ ЗНАНИЕМ**

**А. В. ИВАНОВ¹⁾
Л. Н. ПЕТРОВ²⁾**

*¹⁾ Департамент
экономического развития
Белгородской области*

e-mail: ivanov@bsu.edu.ru

*²⁾ Белгородский
государственный
университет*

e-mail: petrov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается генезис основных логико-методологических парадигм европейского социально-гуманитарного знания, укорененных в идеологии и мифологии эпохи модерна.

Ключевые слова: модерн, мифология, сциентизм, социально-гуманитарное знание.

Основной задачей данной статьи будет усвоение некоторых логико-методологических «уроков» и анализ фактов из истории становления классической и неклассической западной философии и современного социально-гуманитарного знания¹.

**BETWEEN MYTHOLOGY OF MODERNITY AND RATIONAL
KNOWLEDGE: QUESTION OF HISTORY
OF EUROPEAN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES**

**A. V. IVANOV¹⁾
L. N. PETROV²⁾**

*¹⁾ Department of economic
development of the Belgorod area*
e-mail: ivanov@bsu.edu.ru

²⁾ Belgorod state university
e-mail: petrov@bsu.edu.ru

The article deals with the genesis of main logical and methodological paradigms of the European social sciences and humanities rooted into the ideology and mythology of modernity era.

Key words: modernity, mythology, scientism, social sciences and humanities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А.В.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: ivanov@mail.ru, тел. 30-00-00

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации / Дж. Вико. – Л.: Худ. лит., 1940. – С. 128.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на двух страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

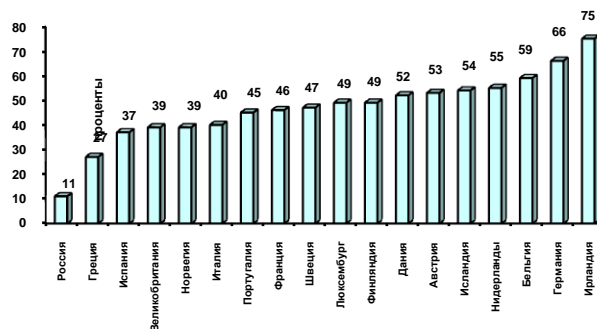

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

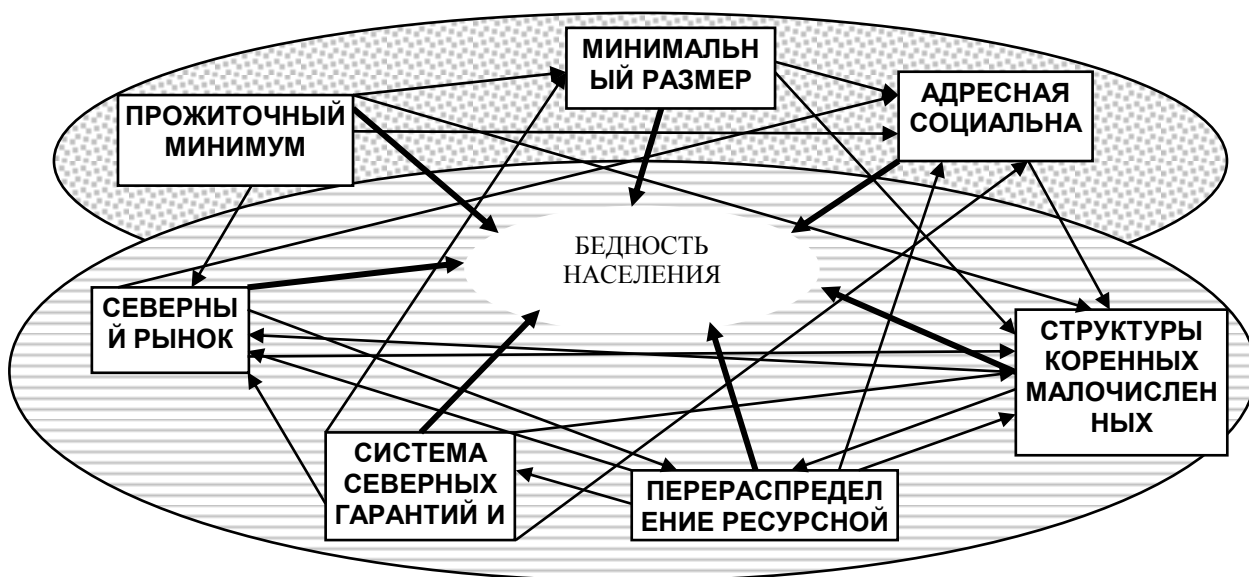

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.